ИСТОРІИ РОССІИ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ МОСКОВСКО-ЦАРСКАГО ПЕРІОДА.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

Соч. Д. И. Иловайскаго.

ТОМА ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Эпоха Михаила Θеодоровича Романова.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1899.

Данный выпускъ, посвященный эпохѣ перваго царя изъ дома Романовыхъ, не богатъ крупными или драматическими событіями. То была эпоха сравнительнаго затишья, наступившаго послѣ разрушительныхъ бурь Смутнаго времени, эпоха постепеннаго возстановленія и укрѣпленія государственнаго и общественнаго порядка вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ московской централизаціи. Собственно одно только событіе нарушаетъ ея относительное однообразіе и безцвѣтность — это Смоленская эпопея, любопытная въ политическомъ и культурномъ отношеніи и важная по своимъ послѣдствіямъ. Поэтому мы отводимъ ей въ книгѣ видное мѣсто, причемъ даемъ нѣсколько иное освѣщеніе, на основаніи новоизданныхъ матеріаловъ и детальнаго изученія фактовъ. Самая эта Польская война, несмотря на свой неудачный исходъ, имѣла для Михаила Θеодоровича благопріятное значеніе: послѣ нея прекратились притязанія его соперника Владислава, и съ внѣшней стороны Поляновскій договоръ окончательно утвердилъ династію Романовыхъ на Московскомъ престолѣ. По отношенію къ Западной Россіи настоящій выпускъ даетъ обзоръ главныхъ историческихъ явленій первой половины XVII вѣка; причемъ, основывая исторію Малороссійскаго казачества главнымъ образомъ на документальныхъ свидѣтельствахъ, авторъ, какъ и въ предыдущей эпохѣ, приходитъ отчасти къ инымъ выводамъ сравнительно съ господствовавшими доселѣ.

Что касается обзора внутреннихъ отношеній, общественныхъ, культурныхъ и бытовыхъ, его изложеніе за XVII столѣтіе предполагается въ концѣ Московско-Царскаго періода, т.-е. передъ Петровскою реформою,—если только въ мои годы можно вообще предъявлять планы своихъ будущихъ работъ.

Слѣдящіе за моимъ трудомъ, вѣроятно, уже замѣтили, что

почти съ каждымъ его выпускомъ расширяются объемъ и значеніе примѣчаній. Многое, что не нашло себѣ мѣста въ текстѣ, что служитъ для него объясненіемъ или даетъ къ нему подробности (напримѣръ, біографическія), отнесено въ примѣчанія. Такимъ образомъ, кромѣ обычнаго обзора источниковъ и пособій или литературы предмета, примѣчанія нерѣдко являются дополненіемъ къ тексту, а иногда заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя изысканія или детальное разсмотрѣніе какого-либо вопроса. Иногда замѣчаніе или выводъ, почему либо упущенный въ текстѣ, приводится въ соотвѣтствующемъ примѣчаніи. (Наприм., о возстановленіи царскаго самодержавія курсивъ въ 19 примѣч.). Въ другой разъ сочиненіе, которымъ авторъ не успѣлъ воспользоваться въ текстѣ, обсуждается въ примѣчаніи (напр. польская книга Яблоновскаго объ Украйнѣ въ 26 примѣч.).

Медленно подвигается впередъ общая Русская исторія въ моей обработкѣ: въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ издано мною не болѣе 4 томовъ (если не считать тома предварительныхъ „Разысканій“), и она доведена только до эпохи Алексѣя Михайловича. Помимо субъективныхъ причинъ, тутъ дѣйствуютъ и разныя другія условія, независимыя отъ автора. Главнымъ изъ нихъ является все болѣе и болѣе усложняющаяся задача русскаго историка и не столько со стороны предъявляемыхъ къ нему научныхъ требованій, сколько со стороны быстро и обильно накопляющагося матеріала, по преимуществу сырого. Я уже имѣлъ случай печатно высказать свое мнѣніе, что обработка общей Русской исторіи, хотя бы въ данныхъ приблизительно размѣрахъ, начинаетъ уже превышать единичныя силы и средства и что дальнѣйшимъ ея фазисомъ, по всей вѣроятности, представится обработка коллективная.

Заговоривъ о своемъ трудѣ, не пройду молчаніемъ и того обстоятельства, что онъ доселѣ не только находилъ мало сочувствія въ большинствѣ органовъ періодической печати, но и встрѣчалъ съ ихъ стороны или полное равнодушіе, т.-е. игнорированіе, или прямую непріязнь. Помимо недостатковъ самого труда, помимо жаркой полемики, возбужденной моими „Разысканіями“, несомнѣнно существуютъ и другія причины сей непріязни,— причины, коренящіяся въ современныхъ общественныхъ теченіяхъ, въ политическомъ и національномъ ан-

тагонизмѣ. До чего доходитъ этотъ антагонизмъ, обостренный личными мотивами и не разбирающій средствъ, показываетъ слѣдующій фактъ: нѣкоторые органы печати принялись трактовать мою „Исторію Россіи“ не какъ работу самостоятельную, а какъ бы простую компиляцію, составленную по Карамзину и Соловьеву *).

Если судить по предыдущимъ опытамъ, то и настоящему выпуску едва ли посчастливится вызвать серьезную историческую критику; за то всѣ мелкіе его недочеты и недосмотры, даже и корректурные, по всей вѣроятности, найдутъ себѣ усердныхъ искателей, и даже среди профессоровъ Русской исторіи, такъ что съ этой послѣдней стороны могу считать себя обезпеченнымъ.

При помянутыхъ равнодушіи и непріязни періодической печати (которая въ наше время создаетъ книгамъ контингентъ читателей), я ужъ и не разсчитываю на массу публики, а имѣю въ виду небольшой кругъ нелицемѣрныхъ любителей русской исторіографіи и людей, желающихъ пополнить свои научно-историческія свѣдѣнія.

Эти замѣчанія авторъ считаетъ не лишними собственно для будущаго болѣе безпристрастнаго поколѣнія, дабы оно знало, при какихъ обстоятельствахъ и при какихъ общественныхъ теченіяхъ приходилось ему трудиться и что могло или поддержать, или ослабить ту степень одушевленія, безъ которой подобный трудъ почти немыслимъ. Прибавлю только одно: источникомъ необходимаго одушевленія автору служила горячая преданность Русскому народу и его исторіи — преданность, способная противустоять и болѣе неблагопріятнымъ условіямъ.

---

*) Любопытствующихъ узнать относящіяся сюда подробности и аргументы отсылаю ко второму выпуску своихъ „Мелкихъ сочиненій“, именно къ тому ихъ отдѣлу, который озаглавленъ „Противники моего главнаго труда“. А здѣсь назову только двухъ авторовъ помянутой идеи о таковомъ характерѣ моей работы: это бывшій приватъ-доцентъ Безобразовъ и бывшій архивный чиновникъ Сторожевъ—обѣ личности, претендующія на университетское образованіе. Ихъ идея пришлась по вкусу особенно издателямъ и писателямъ семитическаго происхожденія, которые безвозбранно ее пропагандируютъ, конечно, разсчитывая на исторіографическое невѣжество большинства своихъ читателей. Для образца укажу на Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Евфрона.

VII.

УМИРОТВОРЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Заруцкій въ Астрахани.—Возстаніе противъ него Астраханцевъ и Терскихъ казаковъ.—Бѣгство на Яикъ и выдача его съ Мариною.—Очищеніе государства отъ воровскихъ казачьихъ шаекъ.—Лисовчики.—Великій Новгородъ и война со Шведами.—Неудача Густава Адольфа подъ Псковомъ.—Англійское посредничество.—Столбовскій договоръ.—Первая война Михаила съ Литво-Поляками.—Вопросъ объ освобожденіи Филарета.—Попытки взять обратно Смоленскъ.—Походъ на Москву королевича Владислава и Сагайдачнаго.—Неудачный приступъ къ столицѣ.—Мирные переговоры.—Деулинское перемиріе.—Возвращеніе Филарета.—Денежные сборы въ казну.—Пятая деньга.—Мѣстничество.—Земская Дума.—Стѣсненіе самодержавія боярствомъ.—Вліяніе великой старицы Мареы.—Неудачная царская невѣста Хлопова.—Исправленіе богослужебныхъ книгъ и архимандритъ Діонисій.

Главное условіе, обострившее смуту — безгосударное время или междуцарствіе — окончилось вмѣстѣ съ избраніемъ Михаила Өеодоровича; но впереди Московскому правительству предстояло много труда, чтобы успокоить, умиротворить государство, очистить его отъ хищныхъ казацкихъ и литовскихъ шаекъ, освободить отъ притязаній разныхъ претендентовъ на его престолъ и хотя приблизительно возстановить его нарушенные предѣлы.

Начали съ Заруцкаго.

Еще до своего прибытія въ Москву, молодой государь потребовалъ отъ бояръ посылки войска противъ Заруцкаго, который съ своими казацкими шайками держался на Рязанской и Тульской украйнѣ. Кромѣ причиняемыхъ его шайками грабежей и разореній, онъ казался опаснымъ въ особенности потому, что вмѣстѣ съ Мариной и ея маленькимъ сыномъ (якобы рожденнымъ отъ Димитрія), представлялъ остатокъ самозванщины, все еще способной волновать глухіе края своими мнимыми правами на Московскій престолъ. Противъ него отправили изъ Москвы князя Ивана Никитича Одоевскаго

Меньшого, къ которому на пути должны были присоединиться воеводы изъ разныхъ городовъ. Московское войско настигло Заруцкаго подъ Воронежомъ и здѣсь билось съ нимъ цѣлыхъ два дня. Побѣда, о которой доносилъ Одоевскій, повидимому, не была рѣшительная. Заруцкій послѣ того ушелъ въ степи и направился къ Астрахани, которая въ теченіе Смутнаго времени, въ противоположность Казани, отличалась мятежнымъ духомъ и пристрастіемъ къ самозванцамъ; чему подавалъ примѣръ и самъ воевода астраханскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ. Принятый Астраханцами, Заруцкій посредствомъ убійства отдѣлался отъ Хворостинина, и началъ самовластно распоряжаться въ томъ краю, отчасти именемъ мнимаго царевича Ивана Дмитріевича, а иногда выдавая самого себя за спасшагося отъ смерти Димитрія Ивановича. Зимою 1613 года онъ усердно началъ готовиться къ весеннему походу на стругахъ подъ Самару, Казань и другіе волжскіе города, для чего пересылался съ казаками Донскими, Волжскими, Яицкими и Терскими, и звалъ ихъ къ себѣ на помощь, обольщая надеждою на богатую добычу и обѣщаніями всякихъ вольностей. Его обѣщанія производили волненія и раздоры среди казачества, а Терское войско открыто приняло его сторону. Ногайскіе татары съ своимъ княземъ Иштерекомъ изъявили готовность вмѣстѣ съ Заруцкимъ воевать Московское государство. Онъ отправилъ гонца и къ персидскому шаху Аббасу съ тою же просьбою о помощи, за которую обѣщалъ отдать ему самую Астрахань.

Великая опасность, грозившая отъ мятежнаго казачества съ юго-востока, вызвала въ столицѣ усиленныя мѣры для борьбы съ Заруцкимъ. Изъ Москвы посылались многія грамоты, отъ царя, отъ духовенства, бояръ и Великой Земской Думы съ увѣщаніями казачеству, чтобы оно оставалось вѣрнымъ новоизбранному царю и не соединялось съ Ивашкою Заруцкимъ; причемъ тѣ же грамоты разсказывали о его вѣроломныхъ, измѣнническихъ дѣйствіяхъ во время Московскаго разоренія. Увѣщанія эти подкрѣплялись посылкою на Донъ и на Волгу царскихъ подарковъ деньгами, сукнами, хлѣбными и военными припасами. Отправленные противъ него воеводы, князь Ив. Ник. Одоевскій и окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, съ дьякомъ Юдинымъ, собравъ рать въ украинныхъ областяхъ, зазимовали въ Казани и съ своей стороны также посылали увѣщательныя грамоты казакамъ. Увѣщанія, очевидно, подѣйствовали. Казацкія общины съ ихъ атаманами, въ свою очередь, на-

чали пересылаться между собою, обсуждать дѣло въ своихъ кругахъ. Тутъ скоро обнаружилось, что старые казаки болѣе наклонны были служить новоизбранному царю Михаилу, а молодые тянули къ Заруцкому, ради добычи и разгула. Часть покинула Заруцкаго еще на походѣ его къ Астрахани и принесла повинную; царь простилъ ихъ и отправилъ подъ Смоленскъ. На мѣсто нихъ въ Астрахань пришло на Вербной недѣлѣ болѣе пяти сотенъ Волжскихъ казаковъ, „хотѣвшихъ добыть себѣ зипуновъ“, какъ они выражались. Но прибытіе ихъ вмѣсто помощи ускорило его паденіе.

Естественно, господство свое Заруцкій поддерживалъ казнями и пытками недовольныхъ гражданъ и грабежомъ ихъ имущества. Обижалъ также духовенство и кощунствовалъ: напримѣръ, взялъ изъ одного храма серебряное кадило и велѣлъ слить изъ него себѣ стремена. Подобно Калужскому вору, онъ окружалъ себя Татарами, которыхъ щедро кормилъ и поилъ и съ которыми разъѣзжалъ по окрестностямъ. Марина съ своей стороны держала себя высокомѣрно, на подобіе царицы; помня Московскую кровавую заутреню 17 мая, она между прочими мѣрами предосторожности, запретила благовѣстъ къ заутренѣ, подъ предлогомъ, что онъ пугаетъ ея маленькаго сына. Съ прибытіемъ помянутаго отряда казаковъ, Заруцкій сдѣлался еще болѣе жестокимъ и самовластнымъ, что наконецъ вызвало открытое возстаніе Астраханцевъ; поводомъ къ тому послужилъ пущенный между ними слухъ, что въ самое Свѣтлое Воскресенье должна была произойти рѣзня лучшихъ гражданъ. Заруцкій съ 800 Волжскихъ казаковъ и нѣсколькими сотнями другихъ мятежниковъ заперся въ Кремлѣ, а возставшіе граждане защищались на посадѣ; между той и другой стороной начались ожесточенные бои.

Рѣшительный ударъ дѣлу Заруцкаго нанесло отложившееся отъ него, ближнее къ Астрахани, Терское казачество.

Воеводою на Терекѣ былъ Петръ Головинъ, повидимому любимый жителями. Заруцкій вздумалъ отдѣлаться отъ него, по примѣру Хворостинина, велѣлъ взять его и привести въ Астрахань. Но Терскіе люди не выдали Головина. А когда между ними также прошелъ слухъ, что Заруцкій на Великій день (Свѣтлое Воскресенье) собирается нагрянуть въ Терскій городъ, чтобы казнить воеводу и непокорныхъ людей, тамъ немедля присягнули на вѣрность царю Михаилу Ѳеодоровичу. Послѣ чего Головинъ отправилъ подъ Астрахань 700 человѣкъ подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Василія Хохлова. Прибытіе этого отряда дало явный перевѣсъ возставшимъ

1*

Астраханцамъ, которымъ плохо приходилось отъ пушекъ, направленныхъ изъ Кремля. Нѣсколько тысячъ народу, по преимуществу женъ и дѣтей, спаслись изъ посада въ станъ Хохлова. Союзный дотолѣ Заруцкому, Иштерекъ-бей съ Ногайскими Татарами также отложился отъ него и принесъ присягу Михаилу Ѳеодоровичу. Въ скоромъ времени должны были прибыть и Московскіе воеводы съ царскимъ войскомъ. При такихъ обстоятельствахъ, Заруцкій не сталъ болѣе медлить и покинулъ Астрахань, въ маѣ 1614 года. Хохловъ нагналъ его и побилъ. Тогда Заруцкій съ Мариной, ея сыномъ и оставшеюся у него небольшою шайкой бросился на стругахъ въ Каспійское море.

Когда князь Одоевскій на походѣ къ Астрахани узналъ объ очищеніи ея отъ воровъ и пораженіи Заруцкаго Хохловымъ, извѣстіе это, очевидно, было ему непріятно, такъ какъ подвиги стрѣлецкаго головы отодвигали опоздавшаго воеводу на второй планъ. Одоевскій отправилъ Хохлову приказъ не посылать донесенія Государю о своихъ успѣхахъ, а если уже послалъ, то воротить посланнаго съ дороги, такъ какъ ему, воеводѣ, надобно „Государю писать о многихъ государевыхъ дѣлахъ“. Мало того, князь Одоевскій и Головинъ предписали Хохлову выйти къ нимъ съ Астраханскими и Терскими людьми и встрѣтить ихъ верстъ за тридцать отъ города, а затѣмъ всему освященному собору и всему народу съ колокольнымъ звономъ и со крестами встрѣчать „новоявленную чудотворную икону Казанскую“, находившуюся при царскомъ войскѣ.

Водворясь въ Астрахани, Одоевскій послалъ Хохлова въ Москву къ Государю „съ сеунчомъ“, т.-е. съ донесеніемъ; а когда узналъ, что Заруцкій съ Мариною ушли на Яикъ, то отправилъ для ихъ поимки двухъ стрѣлецкихъ головъ Пальчикова и Онучина, съ ихъ приказами, придавъ имъ отрядъ наемныхъ Нѣмцевъ и Западноруссовъ. Послѣ двухнедѣльнаго плаванія рѣкою Яикомъ, головы нашли бѣглецовъ на Медвѣжьемъ островѣ, гдѣ они поставили острожекъ и укрѣпились. Около нихъ собралось до 600 казаковъ Волжскихъ и Яицкихъ. Но Заруцкій уже утратилъ свою власть надъ казаками; здѣсь начальствовалъ атаманъ Треня Усъ съ товарищами. Пальчиковъ и Онучинъ окружили острожекъ и начали добывать его силою. Казаки недолго защищались и вошли въ переговоры. Они присягнули на вѣрную службу Михаилу Ѳеодоровичу, и выдали Заруцкаго съ Мариною и ея сыномъ, да еще какого-то „чернеца Николая“; кромѣ того, выдали находившихся у нихъ заложниками дѣтей и

мурзъ ногайскаго князя Иштерека, а также враждебнаго ему мурзу Джанъ-Арслана. 6 іюля стрѣлецкіе головы привезли плѣнниковъ въ Астрахань. Князь Одоевскій немедля послалъ этихъ двухъ головъ въ Москву къ Государю „съ сеунчомъ“; а вслѣдъ за ними отправилъ Марину съ сыномъ подъ сильнымъ конвоемъ и Заруцкаго подъ особымъ конвоемъ въ Казань, до государева указу, не смѣя держать ихъ въ Астрахани, по причинѣ „смуты и шатости“. Начальники конвоя имѣли приказъ, въ случаѣ нападенія болѣе многочисленнаго воровского отряда, побить своихъ плѣнниковъ. Московское правительство было очень обрадовано поимкою опасныхъ враговъ, и, конечно, поспѣшило вытребовать ихъ въ столицу. Объ участи ихъ имѣемъ только краткое извѣстіе: Заруцкаго посадили на колъ, сына Марины повѣсили; а сама она умерла, повидимому, въ тюрьмѣ. Такъ окончила свое бурное, исполненное великихъ превратностей, существованіе эта женщина, „отъ которой все зло Московскому государству... учинилось“, какъ выразилась увѣщательная грамота, въ мартѣ того же 1614 года посланная отъ Земской думы Волжскому казачьему войску.

Съ устраненіемъ Заруцкаго еще не окончились бѣдствія, производимыя воровскими казацкими шайками, которыя разсѣялись почти по всѣмъ областямъ государства. Въ особенности онѣ свирѣпствовали на верхнемъ Поволжьѣ, въ Пошехоньѣ, Бѣлозерскомъ, Бѣжецкомъ и другихъ сосѣднихъ краяхъ. Эти одичалыя шайки не ограничивались грабежомъ беззащитныхъ селъ, но и подвергали крестьянъ, равно мужчинъ и женщинъ, всякимъ мукамъ, и между прочимъ жгли ихъ огнемъ до смерти, вѣроятно вымучивая указанія на спрятанное добро; церквей не щадили, обдирали самыя иконы, и всячески кощунствовали. Врывались они также въ плохо огражденные города и монастыри, и въ конецъ ихъ раззоряли. Но хорошо укрѣпленные города и большіе монастыри давали имъ отпоръ; такъ, напримѣръ, тщетно приступали они къ богатой Кирилловой обители. Между атаманами воровскихъ шаекъ особою свирѣпостію отличался прозванный Баловнемъ. Шайки эти прерывали сообщеніе между городами, между столицею и ея областями, такъ что, предписанные по указамъ государевымъ, денежные и хлѣбные запасы для жалованья ратнымъ людямъ нельзя было собирать въ областяхъ, а собранные нельзя было доставлять въ Москву. Безнаказанность воровскихъ казаковъ вредно вліяла на казаковъ служилыхъ вообще. Такъ цѣлый отрядъ ихъ, посланный со стольникомъ Леонтіемъ

Вельяминовымъ въ Новгородскую область на помощь царскимъ воеводамъ противъ Шведовъ, самовольно воротился съ похода и занялся воровствомъ. Это обстоятельство побудило Государя предложить на обсужденіе Земскаго собора или Великой земской думы вопросъ: что дѣлать съ воровскими казаками? 4 сентября 1614 года Соборъ приговорилъ послать изъ всѣхъ чиновъ разумныхъ людей, которые бы увѣщевали казаковъ стоять за святыя церкви и православную вѣру, служить и прямить Государю; затѣмъ составить списки тѣмъ, которые отстанутъ отъ воровъ и покажутъ свою службу, ихъ награждать денежнымъ жалованіемъ; а которые не отстанутъ отъ воровства, тѣхъ казаками не называть (чтобы казачьяго имени не безчестить), а поступать съ ними какъ съ ворами, убійцами и разбойниками. Жителямъ строго запрещалось имѣть сношенія съ воровскими казаками, что либо имъ продавать и у нихъ покупать. Для выполненія этого приговора по указу Государя отправлены были въ Ярославль суздальскій архіепископъ Герасимъ, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и дьякъ Богданъ Ильинъ. Сюда же приказано было собраться дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ многихъ ближнихъ и дальнихъ городовъ и уѣздовъ, а также охочимъ и даточнымъ людямъ, чтобы подъ начальствомъ князя Лыкова „промышлять" надъ тѣми атаманами и казаками, которые отъ воровства не отстанутъ. Тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые не явятся на государеву службу, велѣно сыскивать, бить батогами, сажать въ тюрьму, отписывать отъ нихъ помѣстья, а ихъ крестьянамъ „ни въ чемъ ихъ не слушать". Мѣры эти, какъ видно, подѣйствовали. Князь Борисъ Лыковъ успѣлъ собрать достаточную рать. Онъ началъ съ того, что побилъ въ Балахонскомъ уѣздѣ только что пришедшую въ Московское государство и занимавшуюся грабежомъ шайку Черкасъ или Запорожцевъ, состоявшую подъ предводительствомъ полковника Захарія Заруцкаго. Затѣмъ, посылаемые имъ отряды захватывали и приводили къ нему мелкія воровскія шайки, которыя онъ присуждалъ къ висѣлицѣ и другимъ казнямъ. Тогда воровскіе атаманы собрались и пошли къ Москвѣ говоря, что хотятъ бить челомъ Государю. Они остановились таборомъ подъ Симоновымъ монастыремъ. Лыковъ послѣдовалъ за ними и сталъ въ Дорогомиловѣ. Такъ какъ это казачество не унималось отъ своего воровства, то Государь велѣлъ итти на нихъ окольничему Измайлову и князю Лыкову. Воры бросились бѣжать по Серпуховской дорогѣ. Воеводы послѣдовали за ними; въ

Малоярославскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Лужѣ Лыковъ разбилъ ихъ на голову; послѣ чего значительная часть ихъ добила челомъ и присягнула на вѣрную службу. Лыковъ привелъ съ собою въ Москву болѣе трехъ тысячъ раскаявшихся казаковъ. Баловня здѣсь повѣсили.

Одновременно съ Заруцкимъ и казаками Московское государство терпѣло раззоренія отъ литовскихъ, преимущественно запорожскихъ шаекъ, которыя воевали и украинныя, и внутреннія его области, благодаря тому, что, начатая въ Смутное время Сигизмундомъ III, война съ Москвою не прекращалась. Однимъ изъ предводителей такихъ шаекъ, какъ мы видѣли, былъ полковникъ Захарій Заруцкій, побитый кн. Бор. Мих. Лыковымъ въ Балахонскомъ уѣздѣ. Но самымъ отчаяннымъ и неугомоннымъ хищникомъ въ это время явился извѣстный полковникъ Лисовскій. Онъ взялъ городъ Карачевъ и отсюда дѣлалъ набѣги на сосѣднія мѣста. Противъ него въ іюнѣ 1615 г. посланъ былъ знаменитый князь Дим. Мих. Пожарскій, при которомъ состояли товарищемъ воевода Исленьевъ, а дьякомъ Заборовскій. Съ нимъ отпущены Московскіе дворяне и стрѣльцы; въ Калугѣ велѣно къ нему присоединиться дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ Калужскимъ, Мещовскимъ, Серпуховскимъ, Алексинскимъ, Медынскимъ и т. д. Всего набралось около 15.000 ратныхъ людей. Пожарскій изъ Бѣлева двинулся на Лисовскаго. Сей послѣдній не сталъ его ждать, зажегъ Карачевъ и пошелъ къ Орлу. Пожарскій поспѣшилъ за нимъ; подъ Орломъ они встрѣтились и вступили въ бой. Передовые отряды не выдержали и обратились въ бѣгство вмѣстѣ съ Исленьевымъ; но Пожарскій, имѣя съ собою 600 человѣкъ, устоялъ на мѣстѣ и упорно бился съ 2.000 Лисовчиковъ; потомъ онъ огородился обозомъ, а вечеромъ воротился къ нему Исленьевъ съ бѣглецами; такъ что къ утру собралась значительная рать. Лисовскій отступилъ; Пожарскій сталъ его преслѣдовать, но не могъ нагнать. Конница Лисовскаго совершала чрезвычайно быстрыя переходы, являясь то подъ Болховымъ, то подъ Лихвинымъ, то въ Перемышлѣ, который ей удалось сжечь. Въ постоянной погонѣ за Лисовчиками Пожарскій опасно занемогъ отъ напряженія силъ, и былъ отвезенъ въ Калугу. Замѣнившіе его воеводы дѣйствовали уже далеко не такъ энергично и скоро потеряли непріятеля изъ виду. Въ это время Лисовскій бросился на сѣверъ, и сначала напалъ на Ржеву-Володимірову, въ которой случайно оказался бояринъ Ѳедоръ Ив. Шереметевъ съ небольшимъ отрядомъ, назначеннымъ на помощь Пскову противъ Шведовъ. Лисовчики сожгли посады; но

тщетно осаждали самый городъ; Шереметевъ цѣлыя шесть недѣль отражалъ ихъ приступы. На помощь къ нему и для промысла надъ Лисовскимъ посланъ былъ кн. Мих. Пет. Барятинскій съ тою ратью, которою начальствовалъ кн. Пожарскій. Новый воевода двигался „мѣшкотно", не дошелъ до Ржевы, и дождался, пока Лисовскій самъ покинулъ осаду и поспѣшно двинулся далѣе. Барятинскому Государь велѣлъ сдѣлать строгій выговоръ, назвавъ его „воромъ", „жонкою", а не „слугою", бить его по щекамъ, поставить у висѣлицы, а потомъ посадить въ тюрьму въ ближайшемъ городѣ.

Лисовскій межъ тѣмъ бросился на Кашинъ, потомъ на Угличъ; отбитый отъ того и другого, онъ уже не нападалъ на города, а пробрался въ Суздальскій край, опустошая села и деревни, прошелъ между Ярославлемъ и Костромой, между Владиміромъ и Муромомъ; отбитый отъ Мурома, онъ прошелъ мимо Касимова, прокрался между Коломной и Переяславлемъ Рязанскимъ, потомъ мимо Тулы и Серпухова на Алексинъ въ Литву. По показанію переметчиковъ, въ это время у него было уже менѣе тысячи всадниковъ; а именно Литовцевъ (Западноруссовъ) четыреста, Запорожцевъ триста, да русскихъ воровскихъ казаковъ полтораста. Несмотря на сильное утомленіе его коней, Московскіе воеводы нигдѣ не могли нагнать его, за что Государь наложилъ на нихъ опалу. Наконецъ подъ Алексинымъ князьямъ Куракину и Туренину удалось встрѣтиться съ нимъ и побить небольшую часть его людей; а съ остальными Лисовскій благополучно ушелъ въ Литву (1615 г.). Въ то же время и такимъ же способомъ отрядъ Малороссійскихъ казаковъ (отдѣлившихся отъ разбитаго подъ Москвою гетмана Ходкевича) воевалъ и разорялъ сѣверные Московскіе края, Вологодскіе, Поморскіе, Тотемскіе, Устюжскіе, Волжскіе, Двинскіе, до самого Бѣлаго моря. По русскимъ извѣстіямъ, ими начальствовали два полковника, Барышполецъ и какой-то Сидорко. Нигдѣ мѣстные воеводы не могли преградить имъ путь. Наконецъ въ Заонежскихъ погостахъ ихъ удалось побить, а въ Олонецкомъ краю истребили окончательно (¹).

Московское Государство такимъ образомъ постепенно освободилось отъ Заруцкаго, Лисовскаго и воровскихъ казачьихъ шаекъ; но трудная борьба съ внѣшними врагами, Шведами и Литво-Поляками, продолжалась одновременно. Эти враждебные сосѣди Руси не только старались удержать въ своихъ рукахъ захваченныя ими русскія области, но и отстаивали своихъ претендентовъ на Московскій престолъ и не хотѣли признать Михаила Θеодоровича законно-выбраннымъ царемъ.

Въ іюнѣ 1613 года молодой шведскій король Густавъ Адольфъ извѣстилъ Новгородцевъ, что отпустилъ брата своего Карла Филиппа въ Выборгъ, куда они должны прислать уполномоченныхъ для заключенія договора объ избраніи Филиппа на Россійскій престолъ. Занятый шведскимъ гарнизономъ графа Делагарди, Великій Новгородъ исполнилъ требованіе короля: духовныя и мірскія власти, съ митрополитомъ Исидоромъ и воеводою Ив. Никит. Одоевскимъ Большимъ, отправили уполномоченными хутынскаго архимандрита Кипріана, дьяка Сергѣева, нѣсколькихъ дворянъ, одного гостя и одного торговаго человѣка. Но уполномоченные эти оказались въ ложномъ положеніи: они могли говорить только отъ лица В.-Новгорода; а Шведы требовали избранія Филиппа на престолъ не одной Новгородской земли, а всего Московскаго государства. Нѣсколько мѣсяцевъ длились безплодные переговоры; послѣ чего Карлъ Филиппъ изъ Выборга воротился въ Стокгольмъ. Густавъ Адольфъ очевидно не считалъ въ своихъ интересахъ создавать изъ Новгородскаго края отдѣльное владѣніе для своего брата, и предпочиталъ этотъ край присоединить прямо къ Шведскому королевству. Въ январѣ 1614 года фельдмаршалъ Эвертъ Горнъ, временно заступавшій здѣсь графа Делагарди, предложилъ Новгородцамъ принести присягу на вѣрноподданство королю Густаву Адольфу. Новгородскія власти долго медлили отвѣтомъ; потомъ распорядились отобрать мнѣнія отъ жителей всѣхъ пяти концовъ посредствомъ ихъ старостъ; наконецъ, согласно этому мнѣнію, били челомъ королю, чтобы онъ не нарушалъ договора, заключеннаго при сдачи города съ графомъ Делагарди, и не заставлялъ ихъ быть клятвопреступниками противъ королевича Филиппа, которому они присягали и хотятъ остаться вѣрными. Затѣмъ они вынросили позволеніе послать того же архимандрита Кипріана съ нѣсколькими дворянами въ Москву для переговоровъ съ боярами относительно избранія королевича Филиппа на Россійскій престолъ. Но это посольство въ дѣйствительности послужило только средствомъ войти въ непосредственныя сношенія съ Московскимъ правительствомъ и просить Государя объ освобожденіи Новгорода отъ владычества иноземцевъ. За свой русскій патріотизмъ Кипріанъ по возвращеніи подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Горна, т.-е. побоямъ и заключенію. (Сей Кипріанъ впослѣдствіи былъ первымъ Сибирскимъ архіепископомъ, а, наконецъ, и Новгородскимъ митрополитомъ). Фельдмаршалъ Горнъ разными притѣсненіями и въ особенности правежомъ

принуждалъ Новгородцевъ присягнуть на подданство королю Густаву Адольфу; но только у немногихъ гражданъ удалось ему вынудить эту присягу.

Межъ тѣмъ военныя дѣйствія не прекращались съ обѣихъ сторонъ, и шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1613 и 1614 гг. они сосредоточились преимущественно около города Тихвина съ его монастыремъ, который славился чудотворной иконою Божіей Матери. Государь послалъ воеводъ князя Прозоровскаго и Вельяминова для освобожденія Тихвина, въ которомъ стоялъ гарнизонъ, смѣшанный изъ Русскихъ и Шведовъ. Русскіе, узнавъ о приближеніи царскихъ воеводъ, возстали и начали бой со Шведами; когда же подоспѣла помощь отъ воеводъ, городъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля. Тщетно послѣ того Горнъ и Делавиль осаждали Тихвинъ; они были отбиты. Михаилъ Ѳеодоровичъ, по совѣту Боярской Думы, отправилъ подъ Новгородъ большую рать; но къ сожалѣнію начальство поручено было людямъ неспособнымъ, а именно: боярину извѣстному князю Дим. Тимоф. Трубецкому, окольничему князю Дан. Ив. Мезецкому и Вас. Ив. Бутурлину. Недоходя до Новгорода, они остановились на Бронницахъ, и поставили острожекъ за р. Мстою. Тутъ напалъ на нихъ графъ Делагарди; потерявъ много людей, воеводы отступили; гарнизонъ покинутаго острожка сдался непріятелямъ на условіяхъ, но, вопреки уговору, весь подвергся избіенію. Шведы взяли Старую Русу. Самъ король явился въ Сѣверозападной Руси, и взялъ Гдовъ (1614 г.). А въ іюлѣ слѣдующаго 1615 г. онъ лично осадилъ Псковъ, въ которомъ начальствовали воеводы Вас. Петр. Морозовъ и Ѳедоръ Бутурлинъ. Шведы принялись копать шанцы, ставить пушки, строить городки или укрѣпленія и наводить мостъ на р. Великой. Но Псковитяне оборонялись противъ знаменитаго полководца своего времени съ такимъ же мужествомъ, какъ ихъ отцы противъ Стефана Баторія. Уже въ самомъ началѣ осады король потерялъ здѣсь едва ли не лучшаго изъ своихъ генераловъ, Эверта Горна. Осажденные выдерживали бомбардированіе, дѣлали частыя вылазки и успѣшно отбивали приступы. Очевидно силы Густава Адольфа были недостаточны, чтобы овладѣть такимъ большимъ и крѣпкимъ городомъ. Впрочемъ и самую эту осаду онъ предпринялъ собственно для того, чтобы добиться возможно болѣе выгодныхъ условій при заключеніи мира съ Москвою; ибо въ то время между воюющими сторонами уже шли дѣятельные переговоры о мирѣ, въ которомъ почти равно нуждались обѣ эти стороны. Москва, кромѣ внутрен-

нихъ неустройствъ и вообще послѣдствій смуты, имѣла у себя на рукахъ еще войну съ Польшею-Литвою; Шведское государство также, кромѣ внутреннихъ затрудненій, принуждено было одновременно вести войну и съ Польшею, изъ-за притязаній Сигизмунда на Шведскую корону, и опасаться еще непріятельскихъ дѣйствій со стороны Даніи. А удерживать за собою Великій Новгородъ Густавъ Адольфъ тоже не имѣлъ намѣренія, убѣдившись въ упорной враждебности его населенія къ иноземному господству; сохраненіе этого завоеванія потребовало бы продолжительнаго напряженія, т.-е. большихъ военныхъ силъ и денежныхъ средствъ; тогда какъ шведское войско именно отличалось своею немногочисленностью и пополнялось большею частью разноплеменными наемными отрядами, стоившими дорого и плохо подчинявшимися дисциплинѣ. (Въ числѣ этихъ наемниковъ были и Малороссійскіе казаки).

Съ самаго начала своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ отправляетъ посольства въ разныя государства, съ одной стороны ради признанія своего царскаго достоинства, а съ другой ради помощи или по крайней мѣрѣ посредничества для заключенія мира съ Польшею и Швеціей. Таково было посольство дворянина Ушакова и дьяка Заборовскаго въ Австрію къ императору Матѳею, въ 1613 году. Недобившись здѣсь никакого благопріятнаго отвѣта, то же посольство переѣхало въ Голландію, гдѣ было принято ласково. Генеральные Штаты не обѣщали дать помощи царю войскомъ или деньгами, но изъявили готовность склонять къ миру Шведскаго короля. Еще любезнѣе приняли въ Англіи московскаго посланника дворянина Зюзина. Дѣло въ томъ, что Англія и Голландія, какъ морскія торговыя державы, желали скорѣйшаго прекращенія войнъ, которыя вела Москва и которыя причиняли немалый вредъ ихъ торговлѣ. Англійскій король Іаковъ I въ это время не далъ просимой помощи Михаилу ни деньгами, ни военными снарядами, но охотно принялъ на себя посредничество для замиренія Москвы съ Густавомъ Адольфомъ, котораго онъ уже успѣлъ помирить съ датскимъ королемъ Христіаномъ IV. Іаковъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ Джона Мерика. Это былъ торговый человѣкъ, съ молодыхъ лѣтъ служившій агентомъ англійской компаніи въ Россіи, хорошо изучившій страну и даже владѣвшій русскимъ языкомъ. Теперь онъ пріѣхалъ въ Москву посломъ съ вѣрительной королевской грамотой, которая титуловала его рыцаремъ и „дворяниномъ тайныя комнаты“. Густавъ Адольфъ съ своей стороны принялъ англійское и голландское посредничество въ мирныхъ

переговорахъ съ Москвою, и, убѣжденный Мерикомъ, снялъ осаду Пскова. Для мирныхъ переговоровъ шведскими уполномоченными были назначены Флемингъ, Генрихъ Горнъ, Яковъ Делагарди и Монсъ Мартенсонъ, а русскими князь Данило Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Мѣстомъ этихъ переговоровъ назначено сельцо Дедерино (между Осташковымъ и Старой Русой). Кромѣ Джона Мерика сюда явились и голландскіе посредники, фанъ Бредероде съ тремя товарищами. Одинъ изъ нихъ (Антонъ Гутерисъ) въ своемъ описаніи этого посольства изображаетъ крайне бѣдственное состояніе Сѣверозападной Руси, по которой оно проѣхало изъ Ревеля въ Новгородъ. Страна до того была опустошена казацкими и литовскими шайками, что путешественники нигдѣ не находили селеній и ночевали обыкновенно въ лѣсу; рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался полуразрушенный монастырь. Изъ Новгорода они отправились въ Старую Русу и нашли ее въ совершенномъ разореніи; отсюда двинулись къ мѣсту переговоровъ; при переправѣ черезъ рѣки нерѣдко ледъ ломался, люди и вещи падали въ воду; чтобы просушиться, надобно было зажигать ближнія пустыя хижины. Чтобы отдохнуть въ какой-нибудь опустѣлой деревнѣ, необходимо было прежде вытаскивать изъ избы трупы ея хозяевъ, убитыхъ казаками; но удушливый трупный запахъ скоро выгонялъ гостей, и приходилось проводить ночь на морозѣ.

Съѣздъ уполномоченныхъ открылся 4 января 1616 года въ палаткѣ, въ присутствіи Джона Мерика и Голландскихъ пословъ. На первомъ же засѣданіи возникли горячіе споры; поводомъ послужило включеніе въ титулъ Густава Адольфа „Корельскій“. Шведы, кромѣ фактическаго владѣнія Корелой, ссылались на уступку ея еще Василіемъ Шуйскимъ. Московскіе послы отрицали эту уступку послѣ ихъ измѣны въ Клушинской битвѣ; отсюда произошли у нихъ съ Делагарди взаимные упреки по поводу этой битвы. Потомъ еще большее неудовольствіе обнаружилось по поводу королевича Филиппа, о присягѣ которому напомнилъ Делагарди. Такъ какъ посредники во время этихъ горячихъ споровъ страдали въ шатрѣ отъ ужаснаго холода, то слѣдующія засѣданія происходили уже въ помѣщеніи англійскаго посла. Мало по малу задоръ и требованія обѣихъ сторонъ уменьшались, при помощи посредниковъ. Между прочимъ Шведы отказались отъ кандидатуры королевича Филиппа, Русскіе отъ своихъ притязаній на Ливонію; но все еще далеко было до взаимнаго соглашенія. Въ концѣ февраля уполномоченные разъѣхались, условясь

лѣтомъ вновь собраться въ иномъ мѣстѣ, а до того времени заключили перемиріе. Во время этихъ переговоровъ обозначилось, что англійскій посолъ болѣе держалъ сторону Русскую, а Голландцы—Шведскую. Слѣдующій съѣздъ состоялся однако не ранѣе декабря; онъ собрался въ деревнѣ Столбовѣ (близъ Тихвина), и происходилъ уже безъ Голландцевъ, при посредствѣ одного Джона Мерика. И на сей разъ переговоры велись съ большими затрудненіями, тянулись болѣе двухъ мѣсяцевъ, и только въ концѣ февраля 1617 г. закончились мирнымъ трактатомъ. Сущность Столбовскаго договора заключалась въ слѣдующемъ: Швеція возвращала Москвѣ Новгородъ съ его областью; но оставляла за собою Ивангородъ, Яму, Копорье, Орѣшекъ, Корелу (Кексгольмъ) и Ижору (Ингрію). Москва уплачивала Швеціи 20.000 серебряныхъ рублей. Царь отказался отъ своихъ притязаній на Ливонскую и Корельскую земли. Торговля возобновляется съ обѣихъ сторонъ свободная; но шведскимъ торговымъ людямъ не дозволяется ѣздить съ товарами черезъ Московское государство въ Персію, Турцію и Крымъ, а равно и московскимъ купцамъ черезъ Шведское государство въ Англію, Францію и другія западныя страны. Подданныхъ съ обѣихъ сторонъ не перезывать, а перебѣжчиковъ выдавать, и т. д.

Хотя Шведы по этому договору и отказались отъ главнаго своего завоеванія, Новгорода Великаго, но Густавъ Адольфъ считалъ договоръ очень выгоднымъ для Швеціи. Этотъ проницательный государь, несмотря на бѣдственное наше тогда положеніе, ясно сознавалъ силу могучаго Русскаго народа и опасности, грозившія отъ него для сосѣдей. Поэтому онъ очень радовался тому, что въ рукахъ Шведовъ осталось все теченіе Невы и Русскіе были теперь совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря. Свою радость онъ высказалъ на сеймѣ: „Россія опасный сосѣдъ — говорилъ онъ,—у нея сильное дворянство, многолюдное крестьянство, населенные города, большое войско. Но теперь Русскіе безъ нашего позволенія не могутъ выслать ни одной лодки на Балтійское море. Большія озера Ладожское и Пейпусъ, Нарвская долина, болота въ 30 миль шириною и надежныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ нихъ. Теперь у Русскихъ отнятъ доступъ къ Балтійскому морю и надѣюсь, не такъ-то легко будетъ имъ перешагнуть черезъ этотъ ручеекъ“. Слѣдовательно, знаменитый король хорошо понималъ, какое великое значеніе имѣло бы владѣніе Балтійскимъ берегомъ для будущаго развитія Россіи, и въ этомъ отношеніи сходился съ геніальнымъ Русскимъ госуда-

ремъ (Петромъ I). Онъ щедро наградилъ своихъ уполномоченныхъ, а болѣе всего Делагарди, изъ денегъ, уплоченныхъ Русскими по договору.

Въ Москвѣ, несмотря на потерю Балтійскаго берега и другія уступки, также были довольны договоромъ: во первыхъ, онъ возвращалъ Россіи столь древнюю и важную ея часть какъ Новгородъ Великій; а во вторыхъ, развязывалъ руки для продолжавшейся борьбы съ Польшею. Наши уполномоченные, князь Мезецкій получилъ боярство, а Зюзинъ окольничество. Особенно щедро награжденъ былъ англійскій посредникъ, т.-е. Джонъ Мерикъ или Иванъ Ульяновичъ, какъ его называли въ Москвѣ: ему въ изобиліи выданы мѣха, ткани, разныя вещи, украшенныя дорогими камнями, и золотая цѣпь съ царскимъ портретомъ (парсуною). Но, вѣрный представитель своихъ національныхъ интересовъ, Джонъ Мерикъ повелъ рѣчь о другого рода вознагражденіи за свои труды: онъ сталъ просить увеличенія торговыхъ льготъ для Англичанъ и, главное, позволенія ихъ купцамъ ѣздить съ товарами Волгою въ Персію. Для переговоровъ съ Мерикомъ назначены были бояре Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Ему возражали, что теперь русскіе купцы покупаютъ у Англичанъ товары въ Архангельскѣ, отвозятъ ихъ въ Астрахань и тамъ продаютъ Кизильбашамъ (Персіанамъ), отчего получается прибыль и казнѣ, и имъ самимъ; а если Англичане будутъ ѣздить прямо въ Персію, то и Кизильбаши перестанутъ пріѣзжать въ Астрахань. Указывали также на опасности по Волгѣ отъ Ногаевъ, а далѣе отъ войны Персіанъ съ Турками. Мерикъ пытался устранить всѣ эти возраженія, но тщетно. Московское правительство спрашивало по этому поводу мнѣнія своихъ торговыхъ людей. Впрочемъ, переговоры съ Мерикомъ окончились, повидимому, благополучно: на его просьбы и предложенія не отвѣчали безусловнымъ отказомъ, а говорили, что ихъ нельзя рѣшить безъ Земскаго Совѣта. Съ своей стороны Москвичи предлагали ему заключеніе наступательнаго союза противъ Польши; Мерикъ, конечно, отклонилъ подобное предложеніе. ([2]).

Польская война требовала еще большаго напряженія, чѣмъ Шведская, какъ по относительному тогда могуществу Польско-Литовскаго государства, такъ и по упорству, съ которымъ Поляки не хотѣли признать избранія Михаила Романова, настаивая на бывшей присягѣ Москвичей королевичу Владиславу.

Московскому государству на западѣ особенно чувствительна была потеря древняго русскаго достоянія, Смоленска; а лично новоизбранному Государю тяжело было терпѣть еще и плѣнъ своего родителя Филарета Никитича. Чтобы освободить послѣдняго, пытались предлагать размѣнъ плѣнныхъ. Такъ, еще въ мартѣ 1613 г. отъ имени Земской Думы посланъ былъ къ Сигизмунду дворянинъ Аладьинъ съ изложеніемъ неправдъ Польскаго короля, съ предложеніемъ вывести изъ Россіи польскія войска, отпустить вѣроломно задержанныхъ пословъ и размѣнять плѣнныхъ. Извѣстный полковникъ Струсь, отъ имени всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, также писалъ королю умоляющія письма объ обмѣнѣ его съ товарищами на Филарета Никитича и другихъ московскихъ пословъ. Плѣнные Поляки не разъ извѣщали свое правительство, что Царь не хочетъ брать за нихъ никакого выкупу, а только требуетъ освобожденія своего отца Филарета. Но тщетно. Земской Думѣ отвѣчали паны-рада, наполняя свой отвѣтъ укоризнами въ измѣнѣ Владиславу; а для мирныхъ переговоровъ предлагали посредничество Нѣмецкаго императора.

Въ 1614 г. Государь отправилъ къ своему плѣнному отцу игумена Ефрема съ разными вещами; паны неохотно допустили игумена до Филарета, при которомъ онъ и оставался до его освобожденія. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ Польшу дворянинъ Желябужскій съ грамотами отъ Михаила къ Филарету, отъ бояръ и духовенства къ Филарету и князю Голицыну съ товарищами, и отъ бояръ къ панамъ-радѣ. Бояре пространно писали панамъ, опровергая ихъ обвиненія въ измѣнѣ Владиславу, твердо настаивая на законномъ выборѣ Михаила и своей ему неколебимой вѣрности и сообщая о его позволеніи послать уполномоченныхъ на рубежъ для переговоровъ о мирѣ; причемъ они не отвергали посредничества Нѣмецкаго императора. Желябужскому дозволили лично вручить грамоты, писанныя къ Филарету Никитичу, послѣ того, какъ канцлеръ Левъ Сапѣга, предварительно ихъ самъ прочелъ. Филаретъ находился тогда въ варшавскомъ домѣ Льва Сапѣги, который состоялъ при немъ приставомъ, вмѣстѣ съ паномъ Олешинскимъ. Филарету разрѣшили написать съ тѣмъ же Желябужскимъ отвѣтную грамоту сыну; но при этомъ Левъ Сапѣга настаивалъ, чтобы въ ней Михаилъ не былъ называемъ государемъ. Однако Филаретъ на то не согласился: „Богъ далъ ему царство; не мнѣ отнимать его“—говорилъ онъ. По словамъ лѣтописца, отпуская Желябужскаго, Филаретъ послалъ съ нимъ свое благословеніе государю Михаилу Ѳеодоровичу; „а житье мое все видишь самъ“—

прибавилъ онъ. Есть извѣстіе, что Филаретъ, когда узналъ о воцареніи своего сына, то измѣнилъ свое поведеніе въ плѣну: сдѣлался упрямъ, дерзновененъ, и наотрѣзъ отказывался писать въ Москву такія грамоты, какія требовали отъ него паны. О немъ, впрочемъ, не мало заботилась жена Струся, которая хлопотала, конечно, ради своего мужа, находившагося въ московскомъ плѣну. Князя Вас. Вас. Голицына Желябужскій не видалъ, потому что тотъ оставался въ Маріенбургѣ. Но на обратномъ пути онъ видѣлся съ Шеинымъ, который съ женою и дочерью жилъ въ Смоленскомъ повѣтѣ, въ вотчинѣ Льва Сапѣги. Шеинъ послалъ свой совѣтъ Государю энергично продолжать войну, потому что дѣла въ Польшѣ и Литвѣ были плохи. Желябужскій узналъ вообще, что почти всѣ Литовскіе сенаторы желаютъ мира, но канцлеръ Левъ Сапѣга возбуждаетъ короля къ войнѣ; туда же тянутъ и Польскіе сенаторы. Въ отвѣтной грамотѣ, врученной Желябужскому и исполненной всякихъ укоризнъ, паны - рада предлагали устроить съѣздъ гдѣ-нибудь на границѣ между Смоленскомъ и Вязьмою. Въ Москвѣ приняли это предложеніе, и въ сентябрѣ 1615 г. отправили уполномоченныхъ.

Въ предыдущемъ году Михаилъ Ѳеодоровичъ, по совѣту съ Земской Думой, рѣшилъ послать большую рать для отобранія у Поляковъ занятыхъ ими городовъ. Воеводами назначены были стольники князья Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій и Ив. Фед. Троекуровъ. Начало похода было удачно: воеводы взяли Вязьму и Дорогобужъ, благодаря сочувствію самихъ жителей; Бѣлую сдала имъ нѣмецкая часть гарнизона, несмотря на сопротивленіе литовской. Воеводы подступили къ Смоленску; поставивъ острожки и засѣки по дорогамъ, ведущимъ въ Литву, они отрѣзали сообщенія съ нею; въ Смоленскѣ насталъ голодъ, и гарнизонъ едва держался. Непріятелямъ помогли нестроенія, начавшіяся въ русской рати, повидимому отъ неспособности и разногласія воеводъ; одни ратники совсѣмъ покинули острожки и засѣки, другіе безпорядочно вступили въ бой и потерпѣли пораженіе. Литовскіе отряды пробились къ Смоленску и снабдили его припасами и подкрѣпленіемъ. Черкасскаго и Троекурова отозвали, пославъ на ихъ мѣсто другихъ воеводъ (кн. И. А. Хованскаго и Мирона Вельяминова). Около того времени подъ Смоленскомъ открылся съѣздъ уполномоченныхъ: съ Московской стороны въ ихъ главѣ стояли князья Иванъ Воротынскій и Алексѣй Сицкій и окольничій Артемій Измайловъ, а съ Польско-Литовской кіевскій бискупъ

князь Казимірскій, гетманъ литовскій Янъ Кароль Ходкевичъ, канцлеръ Левъ Сапѣга, Христофъ Радивилъ и извѣстный Александръ Гонсѣвскій, подобно Сапѣгѣ ярый врагъ Москвы.

Посредникомъ явился здѣсь посолъ германскаго императора Еразмъ Ганделіусъ; но это былъ посредникъ, пристрастный въ Польскую сторону. (Австрійскій дворъ не былъ доволенъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича и не хотѣлъ забыть эфемерной кандидатуры эрцгерцога Максимильяна). Съѣздъ уполномоченныхъ продолжался съ ноября по январь 1616 г. включительно; много было споровъ и всякихъ пререканій; особенно горячился и отличался дерзостью Гонсѣвскій. Литво-Поляки стояли на присягѣ Москвитянъ Владиславу, не хотѣли признавать царемъ Михаила и не допускали его титула въ переговорныхъ грамотахъ, не хотѣли уступать городовъ, и даже отказали въ заключеніи перемирія. Съѣздъ разъѣхался, и военныя дѣйствія продолжались съ новымъ рвеніемъ въ разныхъ мѣстахъ; но главная борьба происходила подъ Смоленскомъ. Гонсѣвскій привелъ помощь смоленскому гарнизону и сталъ въ полевомъ укрѣпленіи или острогѣ, по сосѣдству съ острогомъ московскихъ воеводъ. Въ Сѣверскую землю онъ отрядилъ извѣстнаго Лисовскаго. Но въ Комарицкой волости Лисовскій, этотъ злѣйшій врагъ Россіи, внезапно умеръ вслѣдствіе паденія съ лошади. Лисовчики воротились подъ Смоленскъ, выбравъ своимъ полковникомъ Чаплинскаго. Гонсѣвскій поставилъ еще острогъ на большой Московской дорогѣ, т.-е. на главномъ сообщеніи русскихъ воеводъ съ Москвою, чѣмъ сильно ихъ стѣснилъ, и подвозъ запасовъ къ нимъ прекратился. Эти воеводы подъ Смоленскомъ мѣнялись не одинъ разъ. Въ данное время здѣсь начальствовали стольники Михаилъ Бутурлинъ и Исаакъ Погожевъ. Литовскіе отряды не допускали къ нимъ помощи. Главная вспомогательная рать была отправлена въ Дорогобужъ съ бояриномъ княземъ Юріемъ Сулешовымъ. (При немъ товарищами были князья Семенъ Прозоровскій и Никита Барятинскій). Но эта рать ограничилась нѣсколькими неважными, хотя и удачными, сшибками съ непріятелемъ, за которыя воеводы получили въ награду золотые. Послѣ того Сулешовъ былъ отозванъ въ Москву. Между тѣмъ Погожевъ и Бутурлинъ, не получая ни подкрѣпленій, ни припасовъ и слыша, что самъ королевичъ Владиславъ собирается итти къ Смоленску, покинули свои острожки и окопы, и отступили; причемъ должны были отбиваться отъ непріятельскихъ нападеній и потеряли много людей (въ маѣ 1617 года).

Въ Польшѣ дѣйствительно рѣшили послать въ Московское государство самого претендента, т.-е. молодого королевича, съ свѣжимъ войскомъ, конечно въ томъ предположеніи, что его появленіе вызоветъ тамъ рознь и новыя смуты, съ помощью которыхъ можно будетъ вновь овладѣть Москвою. При этомъ ни архіепископъ-примасъ въ своей напутственной рѣчи, ни королевичъ въ своемъ отвѣтномъ словѣ не скрывали надежды на распространеніе католической вѣры (или по крайней мѣрѣ уніи) въ Восточной Руси. Своему походу Владиславъ предпослалъ окружную грамоту къ Московскому народу, въ особенности къ служилымъ людямъ (отъ 15 декабря 1617 г.). Эта грамота распространялась о его правахъ на Россійскій престолъ, т.-е о принесенной ему присягѣ при гетманѣ Жолкевскомъ и о великомъ посольствѣ къ его отцу съ просьбою отпустить его на царство. Но тогда онъ былъ еще „не въ совершенныхъ лѣтахъ“, а теперь пришелъ въ „совершенный возрастъ“, такъ что можетъ „быти самодержцемъ всея Руси и непокойное государство по милости Божіей покойнымъ учинити“. Владислава сопровождали нѣсколько коммисаровъ отъ сената или королевской рады для наблюденія за интересами Рѣчи Посполитой. Главными руководителями въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ состояли при немъ литовскій гетманъ Ходкевичъ и канцлеръ Левъ Сапѣга. Передовымъ отрядомъ командовали полковникъ Чаплинскій и все тотъ же Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, литовскій референдарій и староста Велижскій.

Походъ Владислава начался удачно. Въ первой московской крѣпости, Дорогобужѣ, воеводою сидѣлъ Иванисъ Ададуровъ; онъ съ своими товарищами измѣнилъ Михаилу, присягнулъ Владиславу и сдалъ ему городъ. Затѣмъ слѣдовалъ городъ Вязьма. Здѣсь былъ воеводою князь Петръ Пронскій, а его товарищами князья Михаилъ Бѣлосельскій и Никита Гагаринъ. Пронскій и Бѣлосельскій бросили городъ и бѣжали въ Москву; Гагаринъ хотѣлъ обороняться; но, видя общее бѣгство изъ города ратныхъ людей и посадскихъ, заплакалъ и поѣхалъ вслѣдъ за другими. Въ Москвѣ по приказу Государя Пронскаго и Бѣлосельскаго, бивъ кнутомъ, сослали въ Сибирь, а помѣстья и вотчины отобрали. На князя Гагарина Государь опалы не положилъ. Съ главнымъ же измѣнникомъ, Ададуровымъ, поступили довольно мягко. Владиславъ отпустилъ его съ товарищами въ Москву, чтобы онъ склонялъ жителей на сторону королевича. Его сослали въ Верхотурье, а товарищей разослали по другимъ городамъ. Передовымъ польскимъ отрядамъ удалось еще взять Мещовскъ и скло-

нить къ измѣнѣ Козельскъ. Но тѣмъ и кончились легкіе успѣхи Поляковъ. Калужане при ихъ приближеніи просили Государя прислать воеводою князя Димитрія Михайловича Пожарскаго; Государь исполнилъ ихъ просьбу, а князь оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Онъ укрѣпилъ Калугу и усилилъ ея гарнизонъ, склонивъ перейти на государеву службу шайку воровскихъ казаковъ, промышлявшихъ въ Сѣверщинѣ. Полковники Чаплинскій и Опалинскій вздумали ночью внезапно ворваться въ Калугу; но у Пожарскаго были хорошіе караулы; непріятеля впустили въ надолбы (внѣшнюю ограду), а затѣмъ ударили на нихъ и отбили. Непріятели осадили Можайскъ; но изъ Москвы успѣли прислать сюда надежныхъ воеводъ князя Б. М. Лыкова и Гр. Валуева. На помощь Можайску пришла еще рать подъ начальствомъ князей Дм. Мамстр. Черкасскаго и Вас. Ахамашукова Черкасскаго. Въ соединеніи съ ними долженъ былъ дѣйствовать и кн. Пожарскій. Произошли жаркія битвы подъ Можайскомъ и Боровскимъ Пафнутьевымъ монастыремъ. Въ Можайскѣ и около него въ острожкахъ скопилось такъ много ратныхъ людей, что имъ грозилъ голодъ; по приказу Государя, князья Пожарскій и Волконскій двинулись сюда, помогли отступить изъ города и острожковъ лишнимъ отрядамъ съ кн. Б. М. Лыковымъ (Дм. Мам. Черкасскаго увезли отсюда раненаго), и оставили только необходимое число людей съ воеводою Волынскимъ. Можайскъ оборонялся такъ стойко, что Владиславъ, не желая терять подъ нимъ время, съ своими Поляками, Западноруссами и наемными Нѣмцами двинулся къ Москвѣ. Туда же на помощь къ нему шелъ гетманъ Конашевичъ Сагайдачный съ 20.000 Запорожцевъ. Сагайдачный взялъ и разорилъ Ливны, Елецъ и нѣкоторыя другія мѣста, и направился къ Окѣ. Князья Пожарскій и Волконскій двинулись къ Серпухову, чтобы заградить ему переправу. Но тутъ въ рати произошли какія то волненія; бывшіе у нихъ казаки опять заворовали; а главное, Пожарскій снова тяжко заболѣлъ и былъ отвезенъ въ Москву. Гетманъ успѣлъ переправиться, Каширскою дорогою пришелъ къ столицѣ (въ сентябрѣ 1618 г.), и соединился съ Владиславомъ, который стоялъ таборомъ въ знаменитомъ Тушинѣ. Идя къ Москвѣ, королевичъ вновь обратился къ ея жителямъ съ грамотой, въ которой на этотъ разъ особенно настаивалъ на томъ, что его напрасно обвиняютъ „совѣтники Михаила Романова“, будто онъ намѣренъ истребить православную вѣру.

Главная опасность заключалась однако не въ Полякахъ и Запорожцахъ, а въ той шатости, которая по временамъ обнаружива-

лась среди Русскихъ, какъ отголосокъ недавней Смуты. Такъ лѣтописецъ сообщаетъ, что когда изъ Можайска прибыли воеводы князь Черкасскій и Лыковъ, между ратными людьми произошло какое-то возмущеніе; они „приходили на бояръ съ большимъ шумомъ и требовали сами не зная чего"; волненіе едва утихло безъ пролитія крови. А тутъ еще явилась надъ Москвою комета, которую народъ счелъ предзнаменованіемъ новыхъ бѣдствій. Но такое опасеніе на этотъ разъ оказалось напраснымъ. Услыхавъ о походѣ Владислава отъ Можайска къ Москвѣ, Государь собралъ 9 сентября духовенство, бояръ, служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, т.-е. Земскую думу, и просилъ у нея совѣта, какъ оборонить Святую церковь и всѣхъ православныхъ христіанъ отъ своего недруга королевича Владислава. Тутъ всѣ единодушно дали обѣтъ Богу „за православную вѣру и за ихъ Государя стоять, и съ нимъ въ осадѣ сидѣть, и съ недругомъ его биться до смерти не щадя головъ своихъ". На томъ же Земскомъ Соборѣ Государь указалъ росписать воеводъ и ратныхъ людей по полкамъ и городамъ, а „воеводамъ на Москвѣ и въ городахъ всѣмъ быть безъ мѣстъ до 7128 (1620) года". Нужно замѣтить, что, несмотря на трудное время и грозившихъ отовсюду враговъ, мѣстническіе счеты возникали тогда безпрестанно и причиняли большой ущербъ военнымъ дѣйствіямъ. Царскій и соборный приговоръ хотя ослабилъ зло; но вполнѣ оно не прекращалось даже въ виду непріятельскаго нашествія.

На томъ же Земскомъ Соборѣ произведена была роспись всѣмъ городскимъ воротамъ, стѣнамъ и башнямъ съ опредѣленіемъ начальныхъ и ратныхъ людей для ихъ обороны. Въ числѣ послѣднихъ кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ разныхъ городовъ, стрѣльцовъ, даточныхъ людей, мы видимъ Московскихъ подъячихъ, гостей, гостинную, суконную и черныя сотни. Очевидно всѣ способные носить оружіе были призваны на службу. По тому же соборному приговору въ города были посланы бояре и дьяки собирать тамъ ратныхъ людей на помощь Москвѣ. Въ Ярославль отправился князь Ив. Бор. Черкасскій, въ Нижній князь Б. М. Лыковъ и т. д.

Такъ какъ уже наступала осень, и непріятелямъ грозила близкая зима со всѣми ея лишеніями, то въ совѣтѣ королевича потребовали рѣшить дѣло внезапнымъ ночнымъ приступомъ. Но два нѣмецкихъ перебѣжчика успѣли предупредить о томъ Московскія власти, и осажденные не были застигнуты въ расплохъ. Главный ударъ

направленъ былъ на Арбатскія ворота Бѣлаго города и сосѣднюю съ нимъ стѣну. Въ ночь на первое октября Поляки и Запорожцы подошли къ этимъ воротамъ, которыя укрѣплены были еще внѣшнимъ острогомъ. Петардами они вышибли острожныя ворота и вломились въ него; но Москвичи сдѣлали вылазку, и тутъ произошла жаркая, упорная сѣча мечами и бердышами. На разсвѣтѣ непріятели были отбиты, и съ большимъ урономъ (до 3.000 человѣкъ) отступили въ свои таборы. У Арбатскихъ воротъ начальниками были стольникъ князь Вас. Сем. Куракинъ и князь Ив. Петр. Засѣкинъ; а пространствомъ между Арбатскими и Никитскими воротами вѣдалъ окольничій Никита Вас. Годуновъ. Этотъ неудачный приступъ смутилъ непріятелей, въ виду единодушнаго и дружнаго отпора со стороны Москвичей, грудью стоявшихъ за своего молодого Государя. Владиславъ снова отошелъ въ Тушино; а затѣмъ, по совѣту съ гетманомъ Ходкевичемъ, канцлеромъ Сапѣгою, старостами и комиссарами, прислалъ къ боярамъ съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. Государь назначилъ уполномоченными бояръ Ѳ. И. Шереметева, князя Дан. Ив. Мезецкаго и окольничаго Арт. Вас. Измайлова (снабженныхъ титулами намѣстниковъ Псковскаго, Суздальскаго и Калужскаго) и двухъ дьяковъ, Болотникова и Сомова. Во главѣ Польскихъ и Литовскихъ уполномоченныхъ явились епископъ каменецкій князь Адамъ Новодворскій, канцлеръ Левъ Сапѣга и референдарій Александръ Корвинъ Гонсѣвскій. Три раза съѣзжались обѣ стороны за Тверскими воротами на рѣчкѣ Прѣснѣ и толковали о перемиріи; но при взаимныхъ пререканіяхъ и преувеличенныхъ требованіяхъ пока не могли придти ни къ какому соглашенію. Вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ и конскаго корма, Владиславъ покинулъ Тушино и пошелъ къ Троице-Сергіеву монастырю. Передовые его отряды уже дѣйствовали въ томъ краю; но тутъ они потеряли своего предводителя лихого наѣздника Чаплинскаго, который былъ убитъ троицкими служками. Зато въ окрестностяхъ Троицы съ русской стороны палъ крещеный татарскій наѣздникъ Михаилъ Тинбаевъ, сынъ Каная мурзы, прославившійся своими богатырскими подвигами въ схваткахъ съ непріятелями. Вскорѣ потомъ нѣкоторые литовскіе отряды были побиты въ Ярославскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ. На льстивыя предложенія Владислава о сдачѣ, монастырскія власти, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, велѣли отвѣтить пушечными выстрѣлами. Военныя неудачи, наступившіе морозы и недостатокъ въ продоволь-

ствіи, волненіе наемныхъ жолнѣровъ, которымъ нечѣмъ было уплатить, дѣлали положеніе Владислава критическимъ. Сагайдачный межъ тѣмъ отдѣлился отъ него, пошелъ подъ Калугу, съ помощью измѣны захватилъ ея острогъ или внѣшній городъ, и тутъ остался въ ожиданіи чѣмъ кончатся переговоры.

Владиславъ предложилъ возобновить эти переговоры. Московское правительство тѣмъ охотнѣе откликнулось на его предложеніе, что и въ Москвѣ уже сильно давали себя знать лишенія и тягости осаднаго положенія; а казачество и чернь начали вести себя неспокойно. Нѣсколько тысячъ казаковъ, соскучась бездѣйствіемъ, проломали часть одного укрѣпленія, ушли и занялись грабежомъ въ окрестностяхъ столицы. Едва удалось разными обѣщаніями уговорить ихъ воротиться на свои мѣста. 23 ноября тѣ же уполномоченные съѣхались подъ Троицею въ селѣ Деулинѣ. Возобновились и прежнія прерѣканія, и заносчивыя требованія Поляковъ. Особенно бранными рѣчами отличался все тотъ же Гонсѣвскій. Но твердость русскихъ пословъ и плохія обстоятельства подѣйствовали умиротворяющимъ образомъ. 1 декабря 1618 года заключено было четырнадцатилѣтнее перемиріе на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: Литвѣ предоставлены города Смоленскъ, Бѣлый, Дорогобужъ, Торопецъ, Себежъ, Красный, Новгородъ Сѣверскъ, Черниговъ, Стародубъ и нѣкоторые другіе; Москвѣ возвращались Козельскъ, Можайскъ, Вязьма, Мещерскъ; Филаретъ Никитичъ, князь В. Голицынъ и прочіе русскіе плѣнники обмѣнивались на Струся и Будила съ товарищами; королевичу съ Польскими, Литовскими, Нѣмецкими и Черкасскими полками немедля оставить Московскіе предѣлы. Владиславъ все-таки не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ; но щекотливый вопросъ о томъ былъ обойденъ въ Деулинскомъ перемиріи съ очевидною цѣлію не разстроить соглашенія. При всей своей невыгодности, это перемиріе было радостно встрѣчено въ Москвѣ; ибо давало наконецъ давно и страстно желаемое успокоеніе измученному Московскому государству. Царь щедро наградилъ Ѳ. И. Шереметева съ товарищами.

Тѣже Московскіе уполномоченные, т.-е. Шереметевъ, кн. Мезецкій и Измайловъ, къ 1 марта 1619 года отправились въ Вязьму, чтобы по условію размѣнять плѣнныхъ. Но тутъ имъ пришлось довольно долго ждать польскихъ комиссаровъ; а когда послѣдніе пріѣхали, наконецъ, въ Дорогобужъ, то глава ихъ Гонсѣвскій вновь затѣялъ разныя прерѣканія и медлилъ размѣномъ, въ явномъ раз-

счетѣ, что Московское правительство ради освобожденія отца Государева поступится еще чѣмъ нибудь въ пользу Литвы. Но самъ Филаретъ Никитичъ писалъ изъ Дорогобужа русскимъ посламъ, чтобы они не уступали болѣе ни одной четверти земли. Наконецъ размѣнъ состоялся между Дорогобужемъ и Вязьмою, 1 іюня, на пограничной рѣчкѣ Поляновкѣ. На ней были устроены два моста: по одному проѣхалъ на Русскую сторону въ колымагѣ митрополитъ Филаретъ, за которымъ шли пѣшіе М. Б. Шеинъ, думный дьякъ Томила Луговской и прочіе русскіе полоняники; а по другому въ это время шли въ противоположную сторону польскіе полоняники. Князь В. В. Голицынъ не дожилъ до освобожденія, и незадолго передъ тѣмъ умеръ въ плѣну; только тѣло его было отпущено на родину. Князя Ив. Ив. Шуйскаго Поляки пока удержали на королевской службѣ и только въ слѣдующемъ 1620 году, по особой просьбѣ бояръ, отпустили его въ Москву.

Возвращеніе Филарета въ столицу было привѣтствуемо торжественными встрѣчами. Въ Вязьмѣ спрашивали его о здоровьѣ бояре Бор. Мих. Салтыковъ, кн. Ив. Бор. Черкасскій и кн. Аѳ. Вас. Лобановъ-Ростовскій; въ Можайскѣ его ожидали архіепископъ рязанскій Іосифъ, бояринъ кн. Д. М. Пожарскій и окольничій князь Гр. Конст. Волконскій, въ Звенигородскомъ Савинскомъ монастырѣ разныя духовныя и свѣтскія лица, съ вологодскимъ архіепископомъ Макаріемъ и бояриномъ Вас. Петр. Морозовымъ во главѣ, въ подмосковномъ селѣ Хорошовѣ управлявшій тогда Патріаршимъ вѣдомствомъ крутицкій митрополитъ Іона, троицкій архимандритъ Діонисій и бояринъ кн. Д. Т. Трубецкой. Самъ Государь со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и всенароднымъ множествомъ встрѣтилъ отца на рѣкѣ Прѣснѣ, 14 іюня. Оба они упали другъ другу въ ноги, и, по описанію этой встрѣчи, нѣсколько минутъ оставались въ такомъ положеніи, проливая радостныя слезы. Потомъ Филаретъ сѣлъ въ колымагу, а Государь съ народомъ пошелъ пѣшій впереди. Первымъ дѣломъ по возвращеніи Филарета было посвященіе его на престолъ Всероссійской патріархіи, который со времени Гермогена не замѣщался, въ ожиданіи отца Государева. Для сего воспользовались пребываніемъ въ Москвѣ Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, пріѣхавшаго за милостынею. Ѳеофанъ вмѣстѣ съ русскимъ освященнымъ Соборомъ просилъ „великаго труженика" принять вдовствующій престолъ св. Петра. Филаретъ, по обычаю, сначала отказался, но потомъ согласился. 24 іюня онъ уже былъ посвященъ ([3]).

Всѣ эти внутреннія и внѣшнія войны съ воровскими казаками и русскими ворами, со Шведами и Поляками стоили чрезвычайнаго напряженія Московскому государству, уже страшно разоренному предыдущимъ Смутнымъ временемъ. Важнѣйшая забота правительства поэтому устремлена была на добываніе средствъ для содержанія войска. И вотъ Великая Земская Дума, съ мая 1613 года подкрѣпленная соизволеніемъ вновь выбраннаго Царя, разсылаетъ по городамъ сборщиковъ, мірскихъ (дворянъ и дьяковъ) и духовныхъ лицъ (архимандритовъ и игуменовъ) съ грамотами, въ которыхъ приглашаетъ населеніе, особенно торговыхъ людей, по мѣрѣ силъ („облажася по своимъ прожиткомъ и промысломъ") вносить въ казну деньгами, хлѣбомъ, сукнами и другими товарами на жалованье ратнымъ людямъ. „Дворяне и дѣти боярскіе, и атаманы и казаки и стрѣльцы и всякіе ратные люди Великому государю нашему бьютъ челомъ безпрестанно, а къ намъ Царскаго величества богомольцамъ (т.-е. духовенству) и къ боярамъ приходятъ съ великимъ шумомъ и плачемъ по вся дни, что они отъ многихъ службъ и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей разоренія бѣдны и службы пополнити нечѣмъ, и будучи на государевѣ службѣ ѣсть нечего, и отъ того изъ нихъ многіе по дорогамъ ѣздятъ, отъ бѣдности грабятъ и побиваютъ, а уняти ихъ никакими мѣрами, не пожаловавъ, немочно".

Города съ подобными жалобами на свое крайнее разореніе отъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ также посылали въ Москву, прося льготъ и всякихъ облегченій отъ податей и повинностей. Такія же жалобы встрѣчаемъ и отъ нѣкоторыхъ монастырей. Поэтому съ означенными требованіями правительство естественно обращалось по преимуществу въ сѣверовосточные края, менѣе другихъ пострадавшіе въ Смутное время. Между прочимъ отъ царя и отъ Земской Думы сборщики съ таковыми грамотами были отправлены къ извѣстнымъ солепромышленникамъ Строгановымъ въ Сольвычегодскъ и въ ихъ городокъ Орелъ на Камѣ. Представителями этой семьи тогда были сыновья современниковъ Ивана Грознаго, т.-е. трехъ братьевъ, Якова, Григорія и Семена: Максимъ Яковлевичъ, Никита Григорьевичъ, Андрей и Петръ Семеновичи. Кромѣ требованія добровольной жертвы, судя по грамотамъ, на нихъ, также какъ и на торговыхъ людяхъ вообще, причитались тѣ казенные доходы, которые они не вносили въ предыдущіе смутные годы (не взирая на денежное вспомоществованіе Строгановыхъ царю Василію Шуйскому). Въ 1614 г. въ Москву доставлены были отъ Строгановыхъ 3.000 р.

Но собранныя такимъ способомъ средства оказывались недостаточны. Поэтому въ слѣдующемъ 1615 г. указомъ Государя и приговоромъ Великой Земской думы „велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всѣхъ людей съ животовъ сбирать служивымъ людемъ на жалованье деньги, пятая доля" (повидимому, 20% валового дохода). Это касалось собственно посадскихъ, т.-е. гостей, торговыхъ и черныхъ людей; а уѣздные люди, крестьяне, обложены по 120 руб. съ сохи „живущей" или обрабатываемой (соха тутъ равняется приблизительно 800 четямъ или 400 десятинамъ). Сія „пятая деньга" собиралась съ большою строгостью, т.-е. съ помощью „нещаднаго" правежа, и притомъ собиралась не товарами, а чистыми деньгами, и опять преимущественно въ сѣверовосточныхъ, Приволжскихъ и Прикамскихъ, мѣстахъ. Только съ восточныхъ инородцевъ ясакъ взимался соболями и другими мѣхами. На долю помянутыхъ четырехъ братьевъ Строгановыхъ пришлось къ прежнимъ 3.000 приплатить „пятинныхъ денегъ" 13.800 руб. А въ слѣдующемъ 1616 году имъ предписывалось прислать полныя 16.000 въ Москву, гдѣ вручить ихъ соборному старцу Діонисію Голицыну, чудовскому архимандриту Авраамію, богоявленскому игумену Симону, боярину князю Д. М. Пожарскому и дьяку Семену Головину. (Это былъ родъ финансовой комиссіи, выбранной изъ своей среды Великою Думою для сбора пятой деньги). Но Великая Дума симъ не ограничилась, а въ томъ же 1616 году, и даже въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, особымъ приговоромъ постановила взыскать со Строгановыхъ еще 40.000 руб., въ счетъ будущихъ съ нихъ „податей и пошлинъ". Приводимъ только тѣ земскіе приговоры, которые дошли до насъ; были, конечно, и другіе о подобныхъ же чрезвычайныхъ сборахъ. Дѣло въ томъ, что именно въ это время, при продолжавшейся еще борьбѣ со Шведами, война съ Польшею получила неблагопріятный для насъ оборотъ подъ Смоленскомъ: Поляки перешли въ наступленіе. Стали ходить слухи о приготовленіяхъ Владислава къ походу. Московское правительство съ своей стороны должно было напрягать силы и готовиться къ отпору.

Для того, чтобы собирать подати и пошлины, надобно было привести въ извѣстность наличное имущество жителей послѣ Московскаго разоренія. Съ этою цѣлью изъ Москвы разсылались по областямъ дозорщики, которые провѣряли имущество по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ. Но это дѣло пока не было упорядочено. Да и само тяглое населеніе еще не вдругъ, а постепенно входило въ свою

обычную колею при отбываніи повинностей и налоговъ. Послѣдніе часто не вносились сполна; иногда встрѣчалось даже открытое сопротивленіе, въ томъ случаѣ, когда царскіе воеводы и дьяки пытались выколачивать недочеты посредствомъ правежа.

Вообще почти все въ Московскомъ государствѣ приходилось вновь устраивать или упорядочить, начиная съ самаго двора и правительства. Предыдущая Смутная эпоха при частой смѣнѣ правительствъ, между прочимъ, произвела значительную путаницу въ отношеніяхъ знатныхъ фамилій между собою и къ верховной власти. Однѣ фамиліи пришли въ упадокъ, захудали; другія, наоборотъ, выдвинулись, возвысились. Отсюда происходятъ безпрерывныя мѣстническія столкновенія, и молодой Государь вмѣстѣ съ Боярской Думой постоянно долженъ былъ заниматься разборомъ родовыхъ счетовъ (давать имъ „судъ и счетъ"). Мы видѣли, какъ вредно отзывались счеты воеводъ на ратномъ дѣлѣ. Но и при дворѣ, по всякому поводу, при пріемѣ иностранныхъ пословъ, при царскомъ обѣдѣ, при нарядѣ въ рынды и т. д., бояринъ, окольничій, стольникъ, дворянинъ бьетъ челомъ, что ему съ такимъ-то или инже такого-то быть „невмѣстно"; причемъ не слушаетъ царскаго приказу. По разборѣ дѣла нерѣдко такихъ мѣстниковъ присуждаютъ посадить на извѣстное время въ тюрьму или бить батогами и выдать головою противнику. Но подобный мѣстникъ честь своего рода ставилъ выше своей личности и терпѣливо переносилъ наказаніе; а иначе, записанное въ Разрядъ, назначенное ему мѣсто становилось предметомъ мѣстническихъ ссылокъ на будущее время по отношенію не только къ нему самому, но и къ его родственникамъ и потомству. Иногда только помогало, объявленное отъ имени Государя, повелѣніе въ какомъ-либо случаѣ „быть безъ мѣстъ", потому что на таковые случаи впослѣдствіи не должны были ссылаться мѣстники. Самые близкіе родственники Царя не избавлялись отъ подобныхъ счетовъ; ибо свѣжа еще была память объ отношеніяхъ Романовыхъ къ другимъ знатнѣйшимъ родамъ. Мы видѣли, что при короновании Михаила Θеодоровича въ іюлѣ 1613 г. даже тушинскій бояринъ, князь Д. Т. Трубецкой не хотѣлъ быть меньше дяди государева Ивана Никитича Романова. Въ томъ же 1613 году въ сентябрѣ (а по сентябрьскому счету уже въ 1614 г.), на праздникъ Рождества Пресв. Богородицы Государь позвалъ къ своему столу князя Θ. И. Мстиславскаго, И. Н. Романова и князя Б. М. Лыкова, и тутъ князь Лыковъ билъ челомъ, что ему „меньше быть" И. Н. Романова „невмѣстно". На

этотъ разъ, впрочемъ, онъ послушался увѣщаній Государя и „у стола былъ“; но въ слѣдующемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ на Вербное Воскресенье, когда къ царскому столу были позваны тѣ же бояре, князь Лыковъ снова билъ челомъ о томъ же, и соглашался „сидѣть ниже“ и „къ чашѣ ходить послѣ“ Романова только въ томъ случаѣ, если „Государь укажетъ быти ему меньше Ивана Никитича по своему государеву родству“ (а не по родовымъ счетамъ). Тогда и Романовъ въ свою очередь билъ челомъ на Лыкова, что онъ его своимъ челобитьемъ „обезчестилъ“. Дѣло кончилось тѣмъ, что упрямый Лыковъ все-таки къ царскому столу не поѣхалъ, и его выдали головою Ивану Никитичу.

Само собой разумѣется, что знаменитый князь Д. М. Пожарскій, хотя и возвысился своими великими заслугами, но, какъ вышедшій изъ захудалаго рода, не могъ избѣжать многихъ мѣстническихъ столкновеній. Уже при его пожалованіи въ бояре, какъ мы видѣли, думный дворянинъ Гаврило Пушкинъ не хотѣлъ „стоять у сказки“ ему боярства думнымъ дьякомъ Сыдавнымъ-Васильевымъ, но покорился распоряженію „быть безъ мѣстъ“. А спустя нѣсколько мѣсяцевъ, самъ Пожарскій отказался стоять у сказки, когда тотъ же дьякъ Сыдавный-Васильевъ сказывалъ боярство Борису Михайловичу Салтыкову. Но этотъ Салтыковъ былъ тогда въ числѣ самыхъ властныхъ лицъ; онъ съ своимъ меньшимъ братомъ Михаиломъ билъ челомъ на Пожарскаго въ безчестіи. На приведенныя ими ссылки Пожарскій ничего не отвѣчалъ; однако, къ сказкѣ не пошелъ, а уѣхалъ домой и сказался больнымъ. „Поговоря съ боярами“, Государь велѣлъ, чтобы боярство сказывалъ дьякъ одинъ, а въ Разрядѣ записать, что сказано въ присутствіи Пожарскаго. Очевидно, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Боярская Дума желали пощадить знаменитаго князя. Но Салтыковъ опять „ударилъ челомъ“ Государю на Пожарскаго въ безчестьѣ. Дѣло снова обсуждалось въ Боярской Думѣ, и кончилось тѣмъ, что князя Димитрія Михайловича привели на дворъ Б. М. Салтыкова и выдали головою.

Сама правительственная власть въ первые годы Михаилова царствованія, повидимому, еще не сложилась, не отлилась въ твердыя ясно очерченныя формы, хотя замѣтно очевидное стремленіе къ ея возстановленію въ прежнемъ объемѣ. Рядомъ съ Царемъ остается Великая Земская Дума, его избравшая, и всѣ важныя мѣры исходятъ отъ Царя и этой Думы; обыкновенно вмѣстѣ съ царскими грамотами мы видимъ грамоты того же содержанія, издаваемыя отъ

имени Земской Думы. Таковы грамоты о мѣрахъ противъ Ивашки Заруцкаго и воровскихъ казаковъ, о посылкѣ воеводъ на Литовскихъ людей и Черкасъ, о пятой деньгѣ и другихъ чрезвычайныхъ сборахъ. Избирательный Земскій Соборъ 1613 года помогалъ въ управленіи Михаилу до 1615 года включительно. Въ этомъ году онъ былъ распущенъ. Но помощь всей земли въ управленіи государствомъ считалась еще столь необходимой, что вскорѣ объявлены были новые выборы въ Земскую Думу; она собралась уже въ слѣдующемъ 1616 году, и продолжала ту же дѣятельность. За неимѣніемъ указаній, не можемъ сказать положительно, но, кажется, та же самая Земская Дума 1616 г. засѣдала въ Москвѣ и въ 1618 г. въ трудную эпоху Владиславова нашествія. Въ виду наступавшей опасности и вреда отъ мѣстничества, она утвердила Государево предложеніе, чтобы воеводы и служилые люди „были безъ мѣстъ" до 1620 года; а затѣмъ участвовала въ самомъ распорядкѣ обороны. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ этой Думы второго созыва, повидимому, было торжественное участіе въ просьбѣ Филарету Никитичу принять на себя патріаршій санъ.

Вообще никогда на Руси Великая Земская Дума не была такимъ господствующимъ и постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ въ шестилѣтній періодъ отъ избранія Михаила Ѳеодоровича до возвращенія изъ плѣна Филарета Никитича. Но душою правительства въ это время оставалась Боярская Дума, которая притомъ входила и въ Земскую Думу, какъ ея главная составная часть. По всѣмъ признакамъ, эта Боярская Дума недаромъ обязала юнаго Государя записью условій при его избраніи. По одному свидѣтельству, близкому по времени, Михаилъ, „хотя и писался самодержцемъ, но ничего не могъ дѣлать безъ боярскаго совѣта". Другое почти современное свидѣтельство съ негодованіемъ говоритъ, что бояре „уловивши" Михаила присягнуть на ихъ вольностяхъ, широко пользовались его юностію, неопытностію и смиреніемъ для своихъ „мздоиманій" и „насилій" надъ православнымъ людомъ. Но далѣе личныхъ корыстныхъ цѣлей члены Боярской Думы, очевидно, не пошли и не упрочили за ней господствующаго государственнаго значенія. Чему способствовало отсутствіе дѣятельнаго, энергичнаго руководителя и соперничество самихъ членовъ. Первое мѣсто въ этой Думѣ занималъ Ѳ. И. Мстиславскій, извѣстный именно противуположными качествами. А затѣмъ въ ней засѣдали родственники и свойственники молодого Государя, каковы: дядя его Иванъ Никитичъ Романовъ,

двоюродный братъ (сынъ тетки Марѳы Никитичны) Иванъ Борисовичъ Черкасскій, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, Алексѣй Юрьевичъ Сицкій и братья Салтыковы, Борисъ и Михаилъ Михайловичи. Изъ нихъ наиболѣе искуснымъ дѣльцомъ, опытнымъ въ государственной политикѣ является Шереметевъ, вполнѣ преданный Михаилу, избранію котораго, какъ извѣстно, онъ много способствовалъ. Однако, наибольшимъ значеніемъ при дворѣ пользовались тогда братья Салтыковы, благодаря покровительству царской матери, великой старицы Марѳы, которой они приходились племянниками. Уже по самому характеру своему нерасположенный къ самостоятельному и сколько-нибудь рѣшительному образу дѣйствія, Михаилъ до возвращенія отца, можно сказать, не выходилъ изъ привычнаго послушанія своей матери, и продолжалъ вести почти монастырскій образъ жизни, часто отправляясь на богомолье въ ту или другую обитель. А великая старица, пережившая много горя и разныхъ превратностей, достигши властнаго положенія, не отличалась мягкимъ характеромъ. Ея любимцы братья Салтыковы многое позволяли себѣ, надѣясь на ея заступничество, и, вѣроятно, на нихъ-то болѣе всего намекаетъ лѣтописецъ, говоря о мздоимцахъ и насильникахъ. Мы видѣли, какъ Д. М. Пожарскій поплатился за свою попытку мѣстничать съ Борисомъ Салтыковымъ. До какой степени эти братья злоупотребляли своимъ придворнымъ значеніемъ, показываетъ дѣло о первой невѣстѣ Михаила Ѳеодоровича.

Государю было уже за 20 лѣтъ, когда великая старица Марѳа рѣшила его женить. Она сама выбрала ему невѣсту: то была дочь скромнаго дмитровскаго помѣщика Ивана Хлопова. Этотъ Хлоповъ во время Бориса Годунова состоялъ приставомъ при Марѳѣ Ивановнѣ въ Клину, куда она была отправлена съ сыномъ послѣ ея возвращенія изъ заонѣжской Толвуйской ссылки. А великая старица взыскивала своими милостями всѣхъ, кто оказывалъ ей или ея семьѣ услуги въ Смутное время. Такъ, ради нея были награждены землею и обѣльными грамотами толвуйскій священникъ Ермолай Герасимовъ съ сыномъ Николаемъ и толвуйскій крестьянинъ Поздѣй Тарутинъ съ братьями и дѣтьми. По ея же просьбѣ, таковымъ же пожалованіемъ награжденъ Богданъ Сабининъ за службу и „за кровь тестя его Ивана Сусанина“.

Марья Ивановна Хлопова очень полюбилась Михаилу. По обычаю, она была уже взята въ „верхъ“, т.-е. въ царскій теремъ, гдѣ находилась подъ обереганіемъ своей бабки Желябужской, родствен-

ницы Милюковой и, повидимому, еще мачихи, т.-е. жены ея отца. Ее уже нарекли царицей, причемъ перемѣнили ея имя на Анастасію; къ ней назначены придворные чины. Отецъ ея Иванъ и дядя Гаврила вызваны въ столицу; имъ указано служить при Государѣ. Но, кажется, эти братья Хлоповы, отуманенные внезапнымъ приближеніемъ къ трону, слишкомъ рано и неосторожно возвысили свой тонъ; чѣмъ и возбудили вражду въ братьяхъ Салтыковыхъ, опасавшихся найти въ нихъ соперниковъ по вліянію. Однажды Государь съ приближенными людьми былъ въ Оружейной Палатѣ и смотрѣлъ оружейную казну. Тутъ ему показали турецкую саблю и стали очень ее расхваливать. Кравчій Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ замѣтилъ при семъ, „что и на Москвѣ государевы мастера сдѣлаютъ такую же саблю". Государь подалъ саблю Гаврилѣ Хлопову и спросилъ его, какъ онъ о томъ думаетъ. Гаврила отвѣтилъ: „сдѣлаютъ, только не такую же". Тогда Михаилъ Салтыковъ вырвалъ у него саблю изъ рукъ, замѣтивъ, что онъ говоритъ зря, не зная дѣла. Гаврила не захотѣлъ уступить, и у нихъ произошла перебранка.

Недѣли двѣ спустя послѣ того, у Марьи Ивановны Хлоповой вдругъ открылась рвота, и она захворала желудочнымъ припадкомъ. Михаилъ Салтыковъ обратился къ придворнымъ медикамъ, и спрашивалъ у нихъ, что это за болѣзнь и нѣтъ ли отъ нея препятствія чадородію. Медики-иностранцы, докторъ Валентинъ Бильсъ и лѣкарь Балсырь, успокоивали; говорили, что болѣзнь неважная и скоро пройдетъ. Но Салтыковъ мѣшалъ лѣченію, искажалъ слова медиковъ; увѣрялъ, что болѣзнь опасная, и приводилъ какой-то подобный случай, окончившійся скорою смертію. Собрали семейный совѣтъ; старица Марѳа пристала къ мнѣнію Салтыковыхъ, что „нареченная невѣста къ государевой радости непрочна". Михаилъ Ѳеодоровичъ хотя и полюбилъ Хлопову и очень жалѣлъ ее, но остался вѣренъ своему характеру, и согласился на жестокій приговоръ. Невѣсту его удалили изъ дворца; а вскорѣ затѣмъ ее сослали въ Тобольскъ вмѣстѣ съ родными (1618 г.).

Въ ту же эпоху самовластія старицы Марѳы Ивановны и ближнихъ бояръ обрушилось неправедное гоненіе на одного изъ главныхъ подвижниковъ освобожденія Россіи отъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ; я говорю о троицкомъ архимандритѣ Діонисіи. Авторъ его житія разсказываетъ, что, по совершеніи патріотическаго подвига, Діонисій въ стѣнахъ своего монастыря продолжалъ отличаться необычайнымъ смиреніемъ и аскетическимъ образомъ жизни. Онъ былъ

до того кротокъ и ласковъ въ отношеніи братіи, что обыкновенно отдавалъ приказанія въ такой формѣ: „если хочешь, братъ, то поди и сдѣлай то-то“. Разумѣется, лѣнивые и строптивые изъ братіи нерѣдко злоупотребляли его кротостію и смиреніемъ. Одни не двигались съ мѣста на томъ основаніи, что исполненіе приказанія предоставлялось на ихъ волю; другіе заводили съ архимандритомъ разныя прерѣканія и безнаказанно оскорбляли его. Особою дерзостію въ этомъ отношеніи отличались головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Логинъ кичился своимъ звучнымъ, красивымъ голосомъ; онъ искусно читалъ и пѣлъ на клиросѣ, но при семъ своевольничалъ и по своему невѣжеству сочинялъ иногда такіе распѣвы, которые совершенно искажали смыслъ и вызывали смѣхъ. Напримѣръ, онъ произносилъ: „Аврааму и сѣменй его до вѣка“ (вмѣсто сѣмени). Діонисій дѣлалъ замѣчанія, но Логинъ не внималъ ему и возненавидѣлъ его, какъ своего соперника; ибо архимандритъ самъ читалъ и пѣлъ такъ пріятно, что народъ его заслушивался. На его замѣчанія Логинъ отвѣчалъ бранью и называлъ дураками сельскихъ поповъ, которые сами не знаютъ, чему людей учатъ. „Зналъ бы ты одно, архимандритъ: съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять“. Пріятель Логина Филаретъ гордился тѣмъ, что болѣе сорока лѣтъ занималъ у Троицы должность уставщика; а потому считалъ себя гораздо опытнѣе и умнѣе архимандрита, и даже сочинилъ собственное ученіе о человѣкообразности Божества на томъ основаніи, что Богъ создалъ человѣка по образу и по подобію своему. Напрасно Діонисій обличалъ его келейнымъ способомъ, не желая доводить дѣла до власти царской и патріаршей. Логинъ и Филаретъ сами посылали на него жалобы въ Москву.

Рядомъ съ этими біографическими чертами, правительственные акты того времени показываютъ, что въ заботахъ о матеріальномъ благосостояніи своей обители, знаменитый архимандритъ не отставалъ отъ другихъ настоятелей, которые выхлопатывали разныя льготы ихъ монастырямъ, наиболѣе прославившимся въ Смутную эпоху, каковы Кириллобѣлозерскій, Ипатьевскій, Соловецкій и пр. Такъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, Діонисій билъ челомъ Государю объ изъятіи всякихъ монастырскихъ грамотъ отъ платежа пошлинъ, о возобновленіи въ Москвѣ на Конской площади пошлины, взимаемой съ продажныхъ лошадей въ пользу Троицкаго Сергіева монастыря, о дозволеніи отыскивать и возвращать въ вотчины этого монастыря крестьянъ, бѣжавшихъ въ

теченіе прошлаго десятилѣтія, т.-е. почти за все Смутное время; о томъ, чтобы Троицкій монастырь во всѣхъ дѣлахъ вѣдался въ одномъ Приказѣ Большого Дворца (гдѣ тогда начальствовалъ временьщикъ Борисъ Мих. Салтыковъ), и т. д. И всѣ эти просьбы обыкновенно удовлетворялись.

Въ Московское разоренье, когда Поляки выжгли столицу, сгорѣлъ и Московскій печатный дворъ. Въ первые же годы Михаилова царствованія рѣшено было возобновить печатаніе богослужебныхъ книгъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ ихъ исправленіи или объ очищеніи ихъ отъ разныхъ искаженій и примѣсей, вносимыхъ въ теченіе вѣковъ небрежными и невѣжественными переписчиками, т.-е. возобновили трудъ, начатый еще Максимомъ Грекомъ. Для сего труда, между прочимъ, вызвали въ Москву троицкаго канонарха старца Арсенія Глухого, знакомаго съ греческимъ языкомъ, и клементьевскаго священника Ивана Насѣдку. А эти два лица въ свою очередь били челомъ, что особенно испорчена отъ неразумныхъ писцовъ по всей Русской землѣ настольная книга Потребникъ и что имъ однимъ съ этой книгой не справиться. Тогда по царскому указу (1616 г. 8 ноября) исправленіе Потребника поручено было преимущественно троицкому архимандриту Діонисію; а онъ, кромѣ названныхъ лицъ, въ помощь себѣ долженъ былъ выбрать тѣхъ изъ монастырскихъ старцевъ, „которые подлинно и достохвально извычны книжному ученію и граматику, и риторію умѣютъ“. Діонисій съ обычнымъ рвеніемъ и добросовѣстностію принялся за порученный имъ трудъ, и довольно скоро его окончилъ. При исправленіи Потребника онъ и его товарищи, между прочимъ, уничтожили прибавочныя слова „и огнемъ“, въ молитвѣ при освященіи Богоявленской воды („и освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ и огнемъ“). Эта невѣжественная прибавка изъ неисправныхъ рукописей успѣла уже перейти въ Потребники, напечатанные при Царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ и патріархѣ Іовѣ. Но уничтоженіе ея возбудило ропотъ.

Въ числѣ наиболѣе негодующихъ оказался помянутый выше головщикъ Логинъ, который при Царѣ Василіи Шуйскомъ и патріархѣ Гермогенѣ самъ участвовалъ въ печатаніи церковныхъ уставовъ и самовольно вносилъ въ нихъ разныя искаженія. Онъ вмѣстѣ съ уставщикомъ Филаретомъ и ризничимъ Маркелломъ написали въ Москву доносъ на мнимую ересь Діонисія и его сотрудниковъ. Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ

крутицкій Іона, человѣкъ недалекій и малосвѣдущій, далъ ходъ доносу; вызвалъ Діонисія съ товарищами, и подвергъ ихъ строгому розыску. Пристрастные судьи потребовали съ Діонисія 500 рублей, и, не получивъ ихъ, велѣли заключить его въ оковы, водить его къ митрополиту въ праздничные дни по улицамъ и площадямъ; чѣмъ выставляли его на поруганіе простому народу, въ который была пущена молва, что это такіе еретики, которые хотятъ вывести изъ міра огонь. Великую старицу Мареу не преминули вмѣшать въ это дѣло, представляя ей исправителей еретиками.

Діонисій съ терпѣніемъ и кротостію переносилъ посланное ему тяжкое испытаніе, а печаловался только о своихъ товарищахъ. Изъ нихъ Арсеній Глухой не выдержалъ, и подалъ челобитную боярину Бор. Мих. Салтыкову, начальнику Приказа Большого Дворца, который, какъ мы видѣли, по просьбѣ самой братіи, вѣдалъ Троицкій монастырь. Арсеній, хотя и оправдывалъ поправки, но жаловался на Діонисія (и Ивана Насѣдку) въ томъ, что онъ такое важное дѣло совершалъ не въ Москвѣ на глазахъ у митрополита, а у себя въ монастырѣ. Обвиняемые были осуждены духовнымъ соборомъ. Діонисій приговоренъ къ ссылкѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. (1618). Но такъ какъ въ это время случилось нашествіе на Москву королевича Владислава, и пути не были свободны отъ непріятельскихъ отрядовъ, то архимандрита заключили пока въ Новоспасскомъ монастырѣ, причемъ не только наложили на него епитимію въ 1000 поклоновъ, но подвергали побоямъ и другимъ мукамъ. ([1]).

VIII.

ФИЛАРЕТЪ НИКИТИЧЪ И ВТОРАЯ ВОЙНА СЪ ПОЛЬШЕЮ.

Оправданіе архимандрита Діонисія.—Исканіе невѣсты Михаилу за границей.—Пересмотръ дѣла Хлоповой.—Бракъ съ Евдокіей Стрѣшневой.—Мѣры экономическія.—Новая Земская дума.—Работа писцовъ и дозорщиковъ.—Противупожарныя мѣры.—Церковно-обрядовая сторона.—Риза Господня.—Внѣшнія сношенія и торговыя домогательства иностранцевъ.—Шведскія отношенія.—Польскія „неправды“.—Приготовленія къ войнѣ.—Наемъ иноземныхъ полковъ.—Закупка оружія.—Русскіе полки иноземнаго строя.—Выборъ Шеина главнымъ воеводою.—Его слова при отпускѣ.—Объявленіе войны.—Наказъ воеводамъ.—Чрезвычайныя мѣры по военному обозу и сбору рати.—Походъ и поведеніе Шеина.—Успѣшное отобраніе городовъ у Литвы.—Дорогобужское сидѣніе Шеина.—Движеніе къ Смоленску.—Слабость Смоленскаго гарнизона.

Съ возвращеніемъ Филарета Никитича изъ плѣна произошла большая перемѣна въ московской правительственной сферѣ. Почувствовалась опытная, твердая рука; боярскому самовластію мало-помалу положенъ предѣлъ; преобладавшее и невсегда благое вліяніе великой старицы Мароы на своего сына уступило мѣсто исключительному вліянію отца, облеченнаго высшимъ духовнымъ саномъ. На государственныхъ грамотахъ нерѣдко стоятъ рядомъ два имени: „Государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ съ великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ Московскимъ и всея Русіи“.

Нѣкоторыя неправильно рѣшенныя дѣла были подвергнуты пересмотру. Такъ однимъ изъ первыхъ распоряженій патріарха Филарета была отмѣна соборнаго приговора по отношенію къ архимандриту Діонисію и его товарищамъ. Филаретъ воспользовался пребываніемъ въ Москвѣ іерусалимскаго патріарха Θеофана, и обратился къ нему съ вопросомъ: есть ли въ греческихъ книгахъ при молитвѣ водосвященія прибавка „и огнемъ“. Θеофанъ отвѣчалъ отрицательно.

Тогда вопросъ былъ вновь предложенъ на обсужденіе духовнаго собора; причемъ Діонисію предоставлена свобода обличать своихъ противниковъ. Его освободили и возвратили на Троицкую архимандрію (1620 г.). Для вящаго убѣжденія сомнѣвающихся Филаретъ просилъ отъѣзжающаго Ѳеофана поговорить объ этомъ вопросѣ съ другими восточными патріархами и справиться въ старыхъ греческихъ служебникахъ. Ѳеофанъ исполнилъ сію просьбу и вмѣстѣ съ патріархомъ александрійскимъ Герасимомъ прислалъ въ Москву грамоты, въ которыхъ они подтверждали отсутствіе въ греческихъ книгахъ словъ: „и огнемъ". Тогда (въ 1625 г.) Филаретъ разослалъ указъ о томъ, чтобы церковныя власти въ печатныхъ потребникахъ означенныя слова замазали чернилами.

Особенное вниманіе обратилъ патріархъ на дѣло о ссылкѣ нареченной государевой невѣсты дѣвицы Хлоповой. Немедля по возвращеніи Филарета она была переведена съ своими родственниками изъ Тобольска въ Верхотурье, а въ слѣдующемъ 1620 году ее переселили въ Нижній, т.-е. еще ближе къ Москвѣ. Но съ пересмотромъ дѣла о ней патріархъ не спѣшилъ, потому что имѣлъ въ это время другіе планы на счетъ женитьбы своего сына.

Какъ основатель новой Русской династіи, естественно Филаретъ желалъ придать ей блеска родственнымъ союзомъ съ какимъ-либо владѣтельнымъ европейскимъ домомъ. И вотъ началось исканіе невѣсты для Михаила Ѳеодоровича по заграничнымъ дворамъ. Сначала послали одного московскаго Нѣмца въ Дрезденъ, гдѣ онъ тайно, но безуспѣшно развѣдывалъ о саксонскихъ принцессахъ. Потомъ узнавъ, что у короля датскаго Христіана IV есть двѣ племянницы дѣвицы, принцессы Шлезвигъ-Голштинскія, снарядили въ 1622 г. въ Копенгагенъ посольство, съ княземъ Алексѣемъ Львовымъ и дьякомъ Жданомъ Шиповымъ. Снабженные подробнымъ наказомъ, что говорить и какъ поступать, послы обратились къ Христіану IV со сватовствомъ старшей его племянницы Доротеи. Послѣ многихъ переговоровъ съ королевскими совѣтниками, они, наконецъ, получили отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Доротея уже сговорена за одного нѣмецкаго принца. Тогда немедля, въ томъ же 1622 году, Московское правительство послало гонца къ шведскому королю Густаву Адольфу сватать его свояченицу Екатерину, дочь маркграфа Бранденбургскаго. Долго тянулись и эти переговоры; но также кончились ничѣмъ, потому что со стороны невѣсты предъявлены были условія во-первыхъ, оставить ей и ея свитѣ свободное отправленіе еванге-

лическаго исповѣданія, а во-вторыхъ, назначить ей въ пожизненное владѣніе особые города и земли. На такія условія Московское правительство не могло согласиться, а особенно на первое. Иноземная принцесса, хотя бы и христіанка, не только должна была принять православіе, но и вновь креститься. (Постановленіе, чтобы иновѣрцы, переходящіе въ православіе, подвергались перекрещиванію, было подтверждено на Московскомъ духовномъ соборѣ 1620 года). Кромѣ весьма затруднительнаго пункта о перемѣнѣ исповѣданія, на неудачи сватовства за границей вліяло еще и то обстоятельство, что старые европейскіе владѣтельные дома пока недовѣрчиво относились къ прочности новой Русской династіи, имѣя передъ глазами недавнія бури Смутнаго времени.

Только послѣ сихъ неудачныхъ попытокъ Филаретъ Никитичъ занялся пересмотромъ дѣла о ссылкѣ дѣвицы Хлоповой, къ которой Михаилъ, повидимому, продолжалъ питать нѣжное чувство. Патріархъ и царь собрали на семейный совѣтъ ближнихъ бояръ: Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасскаго и Ѳедора Ивановича Шереметева. По рѣшенію этого совѣта подвергли допросу Михаила Салтыкова и придворныхъ медиковъ-иностранцевъ о болѣзни царской невѣсты. Потомъ призвали къ допросу Ивана и Гаврилу Хлоповыхъ, отца и дядю невѣсты. Наконецъ отправили въ Нижній цѣлую комиссію изъ разныхъ лицъ, съ Ѳед. Ив. Шереметевымъ во главѣ, для допроса самой дѣвицы Хлоповой, ея бабки и другихъ родственниковъ. Оказалось, что она была совершенно здорова и прежде и послѣ своего пребыванія во дворцѣ. Интриги и виновность братьевъ Салтыковыхъ были выяснены. Тогда они подверглись опалѣ: имъ было указано немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ своихъ дальнихъ вотчинахъ; при семъ помянули и вообще ихъ неправды и хищенія царскихъ земель. Оставалось только воротить во дворецъ нареченную невѣсту. Но тутъ въ дѣло вступилась великая старица Марѳа: оскорбленная опалой своихъ любимыхъ племянниковъ, она съ клятвами воспротивилась женитьбѣ сына на Хлоповой, и тотъ съ обычнымъ своимъ смиреніемъ уступилъ. Филаретъ также не настаивалъ.

Между тѣмъ Государю шелъ уже 28-й годъ; а онъ все оставался холостымъ. Отстранивъ Хлопову, Марѳа Ивановна женила сына на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой. Но молодая царица заболѣла вскорѣ послѣ свадьбы отъ неизвѣстной причины, и, спустя три мѣсяца съ небольшимъ, скончалась (въ январѣ 1625 г.).

Только въ слѣдующемъ году Михаилу Ѳеодоровичу удалось, наконецъ, съ благословенія родителей, вступить въ прочный бракъ и устроить свое семейное благополучіе. По старому обычаю, въ Москву собрали нѣсколько десятковъ красавицъ. Но выборъ Государя остановился не на знатной дѣвицѣ, а на дочери незначительнаго служилаго человѣка Стрѣшнева, Евдокіи Лукьяновнѣ, „доброзрачной и благоумной отроковицѣ“, какъ выражается русскій хронографъ. Отецъ ея Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, услуживалъ знатному и вліятельному боярину Ѳедору Ив. Шереметеву; а дочь его жила при супругѣ боярина въ качествѣ почти сѣнной дѣвушки. Можно предположить, что и самый выборъ Государя произошелъ не безъ участія этой боярской четы. Свадьба была совершена 5 февраля 1626 года со всѣми древнерусскими обрядами и церемоніями, отличавшимися особою пышностію и многолюдствомъ въ царскомъ быту. По особому указу велѣно было придворнымъ чинамъ „на государской радости“ быть безъ мѣстъ. Но главныя роли на этой свадьбѣ, конечно, играли все тѣ же ближніе бояре: посажеными отцомъ и матерью Государя были его дядя Ив. Никитичъ съ женой Ульяной Ѳедоровною, тысяцкимъ князь Ив. Борис. Черкасскій, большимъ дружкою кн. Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ вѣдалъ царскимъ сѣнникомъ или опочивальнымъ чертогомъ; кн. Бор. Мих. Лыковъ верхомъ на царскомъ аргамакѣ съ обнаженнымъ мечомъ ѣздилъ у дверей этого чертога въ качествѣ конюшаго боярина. Въ числѣ дружекъ съ той и другой стороны находимъ также князя Д. М. Пожарскаго и М. Б. Шеина; жены ихъ присутствовали на свадебныхъ церемоніяхъ въ качествѣ свахъ; сыновья ихъ также не были обойдены соотвѣтственнымъ ихъ возрасту назначеніемъ. А въ числѣ участвовавшихъ въ процессіи „фонарниковъ“ встрѣчается Нефедъ Кузмичъ, сынъ знаменитаго Минина, скончавшагося въ первые годы Михаилова царствованія.

Весною царь съ молодой супругою предпринялъ одну изъ обычныхъ и любимыхъ своихъ поѣздокъ на богомолье, именно въ Троицкую Лавру. Но на сей разъ поѣздка сопровождалась большимъ бѣдствіемъ. Въ отсутствіе Государя въ столицѣ произошелъ ужасный пожаръ: онъ начался съ Варварскаго крестца въ Китаѣ-городѣ; отсюда загорѣлись торговые ряды, отъ нихъ у Троицкаго собора (Василія Блаженнаго) обгорѣлъ верхъ; потомъ огонь перебросило въ Кремль на ближній Вознесенскій монастырь, а затѣмъ на Чудовъ,

на Государевъ и Патріаршій дворъ, на Приказы, въ которыхъ погорѣли „всякія дѣла“.

Бракъ царя съ Евдокіей Стрѣшневой Богъ благословилъ чадородіемъ. Въ первые два года родились дочери Ирина и Пелагея (послѣдняя вскорѣ умерла); а на третій годъ (1629) въ мартѣ, по выраженію грамотъ того времени, „Богъ простилъ царицу“: Евдокія Лукьяновна подарила супругу и Россіи наслѣдника престола, Алексѣя Михайловича. Его крестилъ въ Чудовѣ монастырѣ благовѣщенскій протопопъ и духовникъ государевъ Максимъ, въ присутствіи Михаила Өеодоровича и Филарета Никитича; воспреемникомъ былъ принимавшій всѣхъ дѣтей Михаила Өеодоровича троицкій келарь Александръ Булатниковъ, а воспреемницей Ирина Никитична, тетка царя и вдова Ивана Ивановича Годунова. Но эта царская и народная радость была отравлена стихійнымъ бѣдствіемъ. Тою же весною опять произошелъ въ Москвѣ огромный пожаръ; на этотъ разъ, однако, не въ центрѣ города: выгорѣло Чертолье по самую Тверскую улицу; погорѣли слободы за Бѣлымъ городомъ; кромѣ того горѣло на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Слѣдующимъ затѣмъ лѣтомъ, по замѣчанію лѣтописцевъ, были великія бури съ громомъ, молніей, проливнымъ дождемъ и такимъ вихремъ, который со многихъ храмовъ сорвалъ главы и кресты (5).

Особую заботу Филарета Никитича возбуждало бѣдственное экономическое состояніе государства, которое плохо поправлялось послѣ разоренія, претерпѣннаго въ Смутную эпоху. Правительственные акты сообщаютъ, что онъ, вступивъ на патріаршій престолъ, немедля со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходилъ къ государю Михаилу Өеодоровичу и совѣтовался о прекращеніи всякаго рода безпорядковъ и злоупотребленій. Податныя тягости ложились на народъ крайне неравномѣрно: съ однихъ взыскиваютъ по писцовымъ книгамъ, съ другихъ по дозорнымъ; но и дозорщики, посланные въ началѣ Михаилова царствованія для описи имущества въ мѣстахъ наиболѣе разоренныхъ, исполняли свое дѣло недобросовѣстно, такъ что однимъ приходилось платить подати легко, а другимъ тяжело. Притомъ изъ разоренныхъ украинскихъ и сѣверныхъ городовъ многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, пріѣхали въ Москву и ближніе города, гдѣ и живутъ у своихъ родственниковъ и пріятелей; а въ это время ихъ сограждане, оставшіеся на родинѣ, бьютъ челомъ, чтобы имъ дали льготы въ

податяхъ ради ихъ разоренія. Иные посадскіе и уѣздные люди, отбывая всякихъ податей, „заложились“ (записались въ кабалу) за духовными и мірскими землевладѣльцами. Наконецъ многіе бьютъ челомъ, чтобы ихъ оборонили отъ обидъ и насилій, которыя они терпятъ со стороны бояръ и всякихъ сильныхъ людей.

Государи, отецъ и сынъ, представили всѣ эти жалобы обсужденію Великой Земской Думы (1619 г.), и она постановила слѣдующія мѣры, утвержденныя Царемъ:

Въ города, неподвергшіеся разоренію, послать писцовъ, а въ разоренные „добрыхъ“ дозорщиковъ, которымъ дать подробные наказы и которые должны присягнуть въ томъ, что будутъ дозирать по правдѣ, безъ посуловъ. Украинскихъ посадскихъ людей, живущихъ въ Москвѣ и ближнихъ городахъ, сыскивать и отсылать на ихъ родину, предоставивъ имъ разныя льготы, смотря по степени разоренья. Заложившихся за боярами, духовенствомъ, монастырями и пр. мѣстныя власти должны были также сыскивать и высылать на родину, причемъ съ тѣхъ, за кѣмъ они закладывались, взыскивать происшедшіе отъ того убытки казны, т.-е. незаплаченныя подати. По жалобамъ на обиды отъ сильныхъ людей, учредить особую сыскную палату (собственно временную комиссію), съ князьями Ив. Бор. Черкасскимъ и Дан. Ив. Мезецкимъ во главѣ. Во всѣхъ городахъ привести въ извѣстность количество денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ, собираемыхъ въ казну по окладу, ихъ приходъ, расходъ, недоимки, мѣста, запустѣвшія отъ разоренія; расписать, какія села и деревни розданы въ помѣстья и вотчины, какія по окладу съ нихъ были денежные и хлѣбные доходы, куда они пошли и что отъ нихъ въ остаткѣ. Этотъ рядъ мѣропріятій заключался приказомъ прислать въ Москву выборныхъ „для вѣдомости и устроенія“, т.-е. свѣдущихъ людей. Для сего отъ каждаго города слѣдовало выбрать одного или двухъ изъ духовенства, двухъ посадскихъ и по два человѣка изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, вообще людей „добрыхъ и разумныхъ“, которые бы умѣли разсказать обиды, насилія и разоренія и посовѣтовать, какъ Московское государство поправить и „ратныхъ людей пожаловать“. Во всякомъ городѣ воевода или губной староста, получивъ царскую и соборную грамоту съ означенными постановленіями, долженъ былъ созвать въ соборный храмъ мѣстное духовенство, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, посадскихъ и уѣздныхъ людей изъ пригородовъ и уѣздовъ, прочесть имъ въ слухъ грамоту и тутъ же произвести

выборы свѣдущихъ людей, которымъ вручить списки съ рукоприкладствомъ и потомъ отпустить ихъ въ Москву.

Новая Земская Дума, составленная изъ этихъ свѣдущихъ людей, первоначально должна была собраться въ Москвѣ къ празднику Покрова Пресв. Богородицы, т.-е. къ 1 октября 1620 (сентябрскаго) года; но потомъ срокъ этотъ былъ перенесенъ на 6 декабря по случаю отсутствія изъ столицы Михаила Ѳеодоровича, который по обѣту своему ѣздилъ тогда на богомолье въ Ярославль, Кострому и на Унжу. Къ сожалѣнію, мы пока не имѣемъ данныхъ, чтобы судить, насколько оправдались, возлагавшіяся на сей новый Соборъ, надежды Царя и Патріарха, и вообще были ли успѣшны тѣ важныя и обширныя мѣры, которыя постановлены предыдущимъ Соборомъ 1619 года. Но изъ теченія послѣдующей исторіи надобно полагать, что до нѣкоторой степени онѣ были выполнены и не мало содѣйствовали возстановленію экономическаго порядка и общественныхъ отношеній, нарушенныхъ событіями и разореніями Смутной эпохи. Наибольшими трудностями, повидимому, сопровождалось возвращеніе назадъ посадскихъ и крестьянъ, бѣжавшихъ изъ разоренныхъ областей и уклонявшихся отъ податныхъ тягостей. По этому поводу долго еще встрѣчаемъ предписанія правительства областнымъ воеводамъ о сыскѣ таковыхъ людей, отдачѣ ихъ на „крѣпкія поруки", и высылкѣ посадскихъ въ ихъ города, а уѣздныхъ въ ихъ волости на „прежніе крестьянскіе жеребья", впрочемъ, съ соблюденіемъ десятилѣтней давности, дальше которой возвращеніе не простиралось. Иногда разореніе причинялось не одними непріятельскими отрядами или воровскими шайками, но и самими злонамѣренными или не поразуму усердными органами правительства. Такъ, въ 1621 году жители Погорѣлаго Городища жаловались обоимъ государямъ, что въ 1617 г. (въ Польскую войну) Гаврило Пушкинъ, присланный изъ Москвы съ повелѣніемъ разломать и сжечь острогъ въ Погорѣломъ, исполнилъ это повелѣніе, не давъ посадскимъ людямъ ни единаго часу для вывоза своего имущества изъ острога; поэтому они разбрелись въ разныя стороны и перебиваются по разнымъ городамъ. Государи пожаловали ихъ, дали имъ жалованную грамоту „за красною печатью", велѣли имъ воротиться на свои мѣста и велѣли дать имъ льготы, одинаковыя съ жителями Можайска и Вязьмы (тоже разоренныхъ въ послѣднюю Польскую войну), а именно, на пять лѣтъ освободили ихъ отъ платежа четвертныхъ доходовъ и другихъ податей, а также отъ подводъ и кормовъ царскимъ чиновникамъ.

Между прочимъ въ 1620 году встрѣчаемъ жалобу Калужанъ на полное разореніе ихъ отъ Запорожцевъ Сагайдачнаго при нашествіи королевича Владислава. Царь Михаилъ далъ имъ льготу: на три года освободилъ ихъ отъ „всякихъ четвертныхъ доходовъ, пятинныхъ и запросныхъ денегъ, хлѣбныхъ запасовъ и иныхъ податей", а также отъ подводъ и кормовъ посланникамъ, гонцамъ и стрѣльцамъ, за исключеніемъ спѣшныхъ дѣлъ („опричь скорыхъ дѣлъ"). Спустя съ небольшимъ два года, тѣ же Калужане вновь бьютъ челомъ о льготахъ по случаю страшнаго пожара, истребившаго городъ и острогъ „со всѣми ихъ животами". И на этотъ разъ оба государя, отецъ и сынъ, пожаловали ихъ: еще на три года освободили отъ тѣхъ же податей и повинностей, съ прибавкою „городового и острожнаго дѣла", т.-е. освобожденія отъ обязанности строить укрѣпленія.

Но что въ особенности заслуживаетъ уваженія изъ мѣропріятій, указанныхъ Земскимъ Соборомъ 1619 года,— это громадная работа писцовъ и дозорщиковъ. Писцы, какъ мы видѣли, посылались въ неразоренные города, а дозорщики въ разоренные. Но дозорныя книги имѣли только временный характеръ; по мѣрѣ того какъ областныя хозяйства приходили въ нормальный порядокъ, они подвергались подробной описи, которая вносилась въ писцовыя книги. Эти книги уже въ XVI вѣкѣ составляли предметъ попеченія и усилій Московскаго правительства; а въ XVII онѣ приняли еще большіе размѣры и велись съ возможною тщательностію. Множество ихъ погибло во время Московскаго разоренія; сію медленную кропотливую работу приходилось начинать съизнова, и даже не одинъ разъ. Такъ, въ 1626 году большой Московскій пожаръ опять истребилъ значительную часть писцовыхъ книгъ; правительство принялось ихъ возстановлять; по словамъ лѣтописца, „царь послалъ писцовъ во всю землю".

Отправленные изъ московскихъ приказовъ по областямъ, писцы и дозорщики—дворяне и дьяки съ подъячими—должны были бороться съ разнообразными трудностями, чтобы производить описи городовъ, уѣздовъ и волостей возможно близкія къ истинѣ. Во-первыхъ, мѣшала подвижность населенія, частію продолжавшаго переходить съ мѣста на мѣсто; во-вторыхъ, общее стремленіе тяглаго люда въ своихъ показаніяхъ уменьшать размѣры своего хозяйства и количество рабочей силы, ради уменьшенія податей. Иные посадскіе или уѣздные люди, заслышавъ о пріѣздѣ писцовъ, уходили къ со-

сѣдямъ или къ родственникамъ въ другія мѣста, чтобы дворы ихъ были означены пустыми, въ которые и возвращались по отъѣздѣ писцовъ. Укрывательства эти производились тѣмъ усерднѣе, что писцы и дозорщики пользовались полнымъ содержаніемъ на счетъ населенія, слѣдовательно, сами по себѣ уже составляли нѣкоторое бремя. Помѣщики тоже прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы менѣе платить податей: напримѣръ, выдавали свои помѣстья за вотчины, утаивали часть своихъ земель и крестьянъ; два крестьянскихъ двора огораживали вмѣстѣ и дѣлали къ нимъ одни ворота, переводили крестьянъ въ разрядъ бобылей и т. п. Сами писцы, невзирая на врученные имъ подробные наказы и наставленія, по своему неумѣнью или неподготовленности къ статистическимъ работамъ, впадали нерѣдко въ ошибки и пропуски. Бывали случаи и прямыхъ злоупотребленій, т.-е. взятокъ, ради которыхъ писцы и дозорщики, вопреки особой присягѣ, уменьшали количество земли и тяглыхъ дворовъ или записывали земли не за ихъ законными владѣльцами. Вслѣдствіе возникавшихъ отсюда жалобъ со стороны сосѣдей и лицъ пострадавшихъ, правительство смѣняло писцовъ и присылало другихъ, которые производили провѣрку описей. Несмотря однако на подобныя трудности и помѣхи, писцовое дѣло въ общемъ составило великую заслугу Московскаго правительства и дало обильный, драгоцѣнный матеріалъ для уясненія экономическаго состоянія государства.

Изъ правительственныхъ распоряженій той же эпохи замѣчательны мѣры противъ частыхъ пожаровъ, опустошавшихъ столицу. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на московскомъ Земскомъ дворѣ выставлялись черными сотнями и слободами тридцать человѣкъ „ярыжныхъ“ (пожарныхъ) съ тремя водовозными лошадьми. Въ 1622 году Царь и Патріархъ указали число ярыжныхъ увеличить до сотни и прибавить лошадей. Кромѣ содержанія для этой команды, тѣ же обыватели обязаны были доставлять извѣстное количество мѣдныхъ трубъ, крюковъ, парусины, топоры, кирки, бочки, ведра и прочую „пожарную рухлядь“. Послѣ великаго пожара весною 1629 года Государь указалъ устроить еще сотню ярыжныхъ и прибавить 20 лошадей съ бочками; но такъ какъ черныя сотни и слободы неоднократно били челомъ на свои тягости, то сія ярыжная сотня и бочки устроены на счетъ государевой казны. Къ этимъ бочкамъ велѣно городовымъ извощикамъ выставлять на каждую ночь по 20 человѣкъ; а если случится пожаръ днемъ, то очередные извощики должны были немедля являться на

Земскій дворъ къ государевымъ телѣгамъ и бочкамъ. Кромѣ ярыжныхъ людей, въ тушеніи пожаровъ обязательное участіе принимали московскіе стрѣльцы. Сверхъ того, на случай пожаровъ велѣно по большимъ улицамъ сдѣлать съ каждыхъ десяти дворовъ по колодцу. Обращено вниманіе и на скученность или неумѣстность построекъ; напримѣръ, Государь велѣлъ переписать избы, стоявшія вдоль Кремлевскаго рва, позади церквей между Фроловскими и Никольскими воротами, и узнать, почему онѣ тамъ поставлены.

Устраненіе ограничительныхъ боярскихъ притязаній и формальное возстановленіе царскаго самодержавія въ эпоху Филарета Никитича съ особою наглядностію выразились въ указѣ о новой государевой печати въ 1625 году: на этой печати въ царскомъ титулѣ прибавлено слово „самодержецъ", каковою печатью и приказано скрѣплять всякіе правительственные акты.

Какъ верховный и независимый глава Русской церкви, патріархъ Филаретъ немало потрудился надъ ея благоустройствомъ и возстановленіемъ порядковъ, нарушенныхъ анархическими явленіями Смутной эпохи. Съ особою, конечно, заботливостію онъ слѣдилъ за богослужебною обрядовою стороною въ самой столицѣ, наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ церковныхъ уставовъ и во многомъ дополнилъ ихъ своею властію. Между прочимъ, отъ его времени дошелъ до насъ, составленный для Успенскаго собора, любопытный „Указъ трезвонамъ во весь годъ, когда (звонить) въ новый и большой колоколъ, и когда въ ревутъ, и когда въ средній, въ лебедь". Въ важнѣйшіе праздники и главные царскіе дни благовѣстили въ самый большой колоколъ; въ слѣдующіе за ними по степени значенія—въ колоколъ, называвшійся „ревутомъ"; а при менѣе важныхъ торжествахъ во время богослуженія трезвонъ бывалъ средній, при чемъ ударяли въ колоколъ, носившій названіе „лебедя". Напримѣръ, въ имянины Государя (на преп. Михаила Маленна, 12 іюля) былъ благовѣстъ въ большой колоколъ и „звонъ во вся" (во всѣ колокола). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходилъ „звонъ во вся безъ большого"; напримѣръ, 1 сентября, въ день Новаго года, съ которымъ соединяли и проводы стараго или такъ-называемое „лѣтопровоженіе" (праздникъ преп. Симеона Столпника, отсюда прозваннаго въ народѣ Лѣтопроводцемъ). Въ этотъ день патріархъ совершалъ торжественный выходъ изъ Успенскаго собора со крестами, чудотворными иконами и хоругвями на площадку къ Архангельскому собору; а Государь выходилъ туда же изъ Благовѣщенскаго собора. Тамъ ставили два „мѣста" (двѣ

сѣни), царское и патріаршее. Государь принималъ отъ Патріарха благословеніе; послѣ чего оба они становились на свои мѣста. Звонъ прекращался; при пѣніи патріаршаго хора, бояре и всѣ власти попарно подходили и совершали по два поклона царю и по одному поклону патріарху. Затѣмъ происходило освященіе воды. Сей торжественный выходъ оканчивался многолѣтіемъ государю „со властьми“ и обращеннымъ къ нему привѣтственнымъ словомъ патріарха. Приложившись къ чудотворнымъ иконамъ и къ двумъ евангеліямъ, Государь возвращался въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ слушалъ обѣдню; а Патріархъ шелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ самъ совершалъ литургію.

Эти и многія другія обрядовыя подробности находимъ мы въ названномъ выше „Уставѣ о трезвонахъ“. Какъ строго Филаретъ наблюдалъ точное исполненіе устава, свидѣтельствуетъ слѣдующій тамъ же приведенный случай. Въ 1630 году патріархъ „велѣлъ старостъ звонарскихъ бить нещадно батоги за то, что они зазвонили“ нѣсколько ранѣе, чѣмъ слѣдовало, во время описаннаго выхода на Новый годъ ([6]).

Филаретъ Никитичъ не упускалъ случая возвысить свой домъ также помощію предметовъ вѣры и благочестія. Московскій посолъ въ Персіи Коробьинъ извѣстилъ государей, что шахъ Аббасъ предлагаетъ подарить имъ срачицу Христову, которую онъ захватилъ во время своего похода въ Грузію. Государи приказали всѣми мѣрами добиваться этого сокровища. Въ 1625 году дѣйствительно пріѣхали отъ шаха Аббаса послы Русанъ-бекъ и Муратъ-бекъ, и на торжественномъ пріемѣ ихъ въ Грановитой палатѣ поднесли патріарху Филарету Никитичу золотой ковчегъ, въ которомъ заключенъ былъ небольшой кусокъ ветхой полотняной матеріи. Такъ какъ сія святыня пришла отъ иновѣрнаго царя, то патріархъ вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, ради ея испытанія, устроили молебны, недѣльный постъ и хожденіе съ нею по больнымъ. Затѣмъ разослана была окружная грамота къ областнымъ архіереямъ съ извѣстіемъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ и съ повелѣніемъ ежегодно отправлять празднество въ честь Ризы Господней 27 марта. Самая срачица въ золотомъ ковчегѣ хранилась въ Успенскомъ соборѣ; отъ нея отрѣзали двѣ части: одну въ особомъ ковчегѣ носили по больнымъ, а другую вложили въ крестъ, находившійся у Государя. Съ самой святыней соединена была такая легенда: при распятіи Христа присутствовалъ одинъ римскій

воинъ изъ Грузинъ; когда метали жребій о хитонѣ, онъ упалъ на сего Грузина, и послѣдній отвезъ хитонъ на свою родину.

Главный персидскій посолъ, привезшій срачицу Господню, Русанъ-бекъ въ Москвѣ предался пьянству, буйству и душегубству: убилъ одну изъ своихъ женъ и шестерыхъ своихъ прислужниковъ; по просьбѣ его товарищей, Государь велѣлъ развести его съ ними и поставить на разныхъ дворахъ. Потомъ при возвращеніи этого посольства въ Персію онъ отправилъ съ нимъ и своихъ пословъ, именно князя Тюфякина, Ѳеофилатьева и дьяка Панова. По жалобѣ изъ Москвы на буйство Русанъ-бека шахъ велѣлъ его казнить. Но, въ свою очередь, онъ жаловался на непослушаніе и грубости московскихъ пословъ; хотя сіи послѣдніе въ сношеніяхъ съ персидскимъ дворомъ держались даннаго имъ наказа. Сверхъ того, князь Тюфякинъ, возвращаясь изъ Персіи, въ Кумыцкой землѣ укралъ дѣвицу и провезъ ее въ сундукѣ. Въ Москвѣ послы подверглись опалѣ: Государь велѣлъ отобрать у нихъ помѣстья и вотчины и посадить ихъ въ тюрьму.

Дружественныя сношенія Михаила съ шахомъ Аббасомъ продолжались во все время ихъ царствованія. Въ началѣ шахъ помогъ даже Михаилу деньгами: въ 1617 г. онъ прислалъ слитковъ серебра на 7.000 рублей. Эти дружественныя сношенія не мѣшали, однако, взаимнымъ жалобамъ на разныя притѣсненія торговымъ людямъ и посламъ. До какой степени Московское правительство строго относилось ко всякому отступленію отъ посольскаго наказа, показываетъ особенно примѣръ дьяка Тюхина, который состоялъ при послахъ князѣ Барятинскомъ и Чичеринѣ. Въ 1620 году по возвращеніи изъ Персіи въ Москву онъ былъ обвиненъ въ измѣнническомъ образѣ дѣйствія: главная вина его состояла въ томъ, что, призванный шахомъ, онъ ѣздилъ къ нему одинъ безъ товарищей и выслушивалъ его упреки на невѣжливое обращеніе съ его послами въ Московскомъ государствѣ. Несчастнаго дьяка, по распоряженію Боярской думы, подвергли жестокой пыткѣ, а потомъ сослали въ Сибирь, гдѣ посадили въ тюрьму.

Вообще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича внѣшнія сношенія Россіи весьма оживились и стали играть болѣе важную, чѣмъ прежде, роль въ нашей государственной жизни. Съ одной стороны, новая династія, руководимая дальновиднымъ отцомъ Государя, всюду искала себѣ поддержки и полезныхъ связей для отпора своему главному врагу, Польшѣ; а съ другой, громкія событія Смутнаго времени

естественно привлекли вниманіе иностранцевъ и ближе ознакомили ихъ съ Восточною Европою. Но вниманіе это направилось преимущественно на тѣ промышленно-торговыя выгоды, которыя можно было извлечь изъ сношеній съ Московскимъ правительствомъ. Особенно о такихъ выгодахъ хлопотали практичные Англичане. Послѣ Столбовскаго договора, заключеннаго при англійскомъ посредничествѣ, отправлено было въ Англію къ Іакову I московское посольство съ изъявленіемъ благодарности за это посредничество, а главное съ просьбою помочь деньгами и заключеніемъ противъ Поляковъ союза съ Даніей, Швеціей и Нидерландами. Англичане ограничились присылкою въ займы 40.000 ефимковъ или 20.000 рублей. Уже послѣ окончанія Польской войны и возвращенія Филарета изъ плѣна, въ 1619 г. пріѣхалъ посломъ изъ Англіи столь извѣстный Москвичамъ Джонъ-Мерикъ, и удостоился торжественнаго пріема отъ обоихъ государей; причемъ вручилъ имъ подарки, состоявшіе изъ серебряныхъ золоченыхъ изваяній льва и страуса, кубковъ и другихъ сосудовъ, бархата, атласа, суконъ и т. п. Во время переговоровъ съ боярами онъ изложилъ цѣлый рядъ жалобъ: на убытки, понесенные англійскими купцами въ Смутное время, на уменьшеніе въ вѣсѣ русскаго рубля, на англійскихъ прикащиковъ и слугъ, растратившихъ купеческія деньги, а потомъ поженившихся на русскихъ женщинахъ или вступившихъ въ русскую службу и подданство, и т. д. Въ заключеніе онъ снова просилъ дать англійскимъ торговцамъ свободный проѣздъ черезъ Россію въ Персію. Царь велѣлъ собрать московскихъ гостей и спросить ихъ мнѣнія на этотъ счетъ. Гости дали приблизительно такой отвѣтъ, что отъ свободнаго проѣзда, конечно, будутъ большіе убытки русскимъ людямъ, которые служатъ посредниками въ торговлѣ заморскими (европейскими) и персидскими товарами; но что они готовы терпѣть убытки, если съ англійскихъ купцовъ будутъ брать большую пошлину и отъ того будетъ прибыль государевой казнѣ. Когда Мерику предложили вопросъ о пошлинѣ, то онъ уклонился отъ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому предмету, такъ какъ имѣлъ въ виду безпошлинный провозъ товаровъ въ Персію. Посольство его кончилось тѣмъ, что, по его просьбѣ, ему возвратили занятые 20.000 рублей и отпустили. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ, однако, успѣлъ испросить у Царя и Патріарха семнадцати англійскимъ гостямъ, жившимъ въ Россіи, жалованную грамоту на безпошлинную торговлю.

Въ началѣ своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ безуспѣшно

обращался съ просьбою о помощи противъ Поляковъ и къ молодому французскому королю Людовику XIII. Когда же Московское государство умиротворилось, въ 1629 году въ Москву явилось первое французское посольство въ лицѣ Де Ге Курменена. Онъ велъ себя довольно надменно, заводилъ споры о царскомъ титулѣ, о церемоніяхъ пріема, просилъ о разрѣшеніи французскимъ купцамъ имѣть при себѣ католическихъ священниковъ, вести безпошлинно торговлю и пользоваться свободнымъ проѣздомъ въ Персію; взамѣнъ чего выставлялъ на видъ непріязнь Французскаго короля къ Австрійскому дому, который дружитъ съ Польскимъ королемъ. Но всѣ эти домогательства оставлены безъ послѣдствій, и французскій посолъ уѣхалъ ни съ чѣмъ. За нимъ пріѣхало посольство отъ Голландскихъ Штатовъ, которое указывало на ихъ борьбу съ Испанскимъ королемъ и вообще съ католичествомъ, и хлопотало о разныхъ торговыхъ льготахъ, даже о монополіи на вывозъ хлѣба и льну изъ Архангельскаго порта. Мало того, оно просило о разрѣшеніи распахивать пустыя земли, очевидно, намѣреваясь направить въ Московское государство и земледѣльческую колонизацію; а въ заключеніе домогалось все того же безпошлиннаго транзита въ Персію, и притомъ монопольнаго, на 30 лѣтъ, за что обѣщало платить по 15.000 рублей ежегодно. Эти домогательства Голландцевъ были также безплодны. Въ слѣдующемъ 1631 году явилось датское посольство: оно просило для своихъ торговцевъ о безпошлинномъ вывозѣ хлѣба изъ Россіи и о томъ же свободномъ пути въ Персію, и также безуспѣшно. Но съ Датчанами происходили у насъ столкновенія на сѣверныхъ приморскихъ границахъ, и для заключенія мирнаго договора ѣздили московскіе послы въ Копенгагенъ. Тамъ, однако, ихъ приняли дурно и отпустили ни съ чѣмъ. Причиною такихъ отношеній было отчасти то обстоятельство, что мы въ это время датской дружбѣ явно предпочитали шведскую, имѣя въ виду нашъ главный тогда интересъ: отношенія къ Польшѣ.

Послѣ заключенія Столбовскаго мира между Швеціей и Россіей нескоро еще установились пріязненныя отношенія: имъ мѣшали, во-первыхъ, споры о новыхъ границахъ, которыя проводились вслѣдствіе уступки областей Шведамъ, а во-вторыхъ, многія переселенія изъ этихъ уступленныхъ областей въ Московскіе предѣлы. Переселялись отчасти по причинѣ большихъ налоговъ, а главное православные люди весьма неохотно поступали въ подданство иновѣрной, лютеранской державы; особенно уходили оттуда лица духовныя, т.-е. священники

и монахи. Шведское правительство, въ силу договора, требовало выдачи перебѣжчиковъ; а Московское отъ этой выдачи уклонялось, и приказывало пограничнымъ воеводамъ отсылать перебѣжавшихъ крестьянъ далѣе отъ границы въ дворцовыя села и сажать тамъ на казенныхъ пашняхъ. Корела и другія уступленныя области въ церковномъ отношеніи продолжали причисляться къ Новгородской епархіи; Новгородскій митрополитъ ставилъ тамъ священниковъ и святилъ новыя церкви. Съ одной стороны Шведы подозрительно смотрѣли на эти связи, и требовали, чтобы митрополитъ сносился съ православнымъ духовенствомъ въ ихъ областяхъ при посредствѣ мѣстныхъ шведскихъ властей; а съ другой—они избѣгали довести дѣло до явнаго разрыва сихъ церковныхъ сношеній, опасаясь въ такомъ случаѣ поголовнаго бѣгства жителей въ русскіе предѣлы. Въ свою очередь Московское правительство подозрительно смотрѣло на тѣхъ русскихъ людей, которые, перешедши подъ власть Шведовъ, пріѣзжали по торговымъ дѣламъ въ московскіе города; напримѣръ, въ Новгородѣ оно не дозволяло пускать ихъ въ соборный храмъ св. Софіи и вообще въ Софійскій кремль, а только въ церкви на посадѣ: такъ какъ опасалось, что эти люди могли уже пошатнуться въ православной вѣрѣ; кромѣ того, оно опасалось найти въ нихъ лазутчиковъ. Тѣ Шведы, которые пріѣзжали въ Новгородъ учиться Русскому языку, если принимали православіе, уже не отпускались обратно на родину, и у кого они поселялись, съ того бралась порука съ записями.

Всѣ эти недоразумѣнія и пограничныя столкновенія однако не мѣшали политическому сближенію Швеціи съ Москвою, потому что онѣ въ то время имѣли общаго и притомъ сильнаго врага въ польско-литовскомъ королѣ Сигизмундѣ, который не покидалъ притязаній ни на Шведскую, ни на Московскую корону. Между Шведами и Поляками притомъ въ 1620 году возобновилась борьба за Ливонію. Густафъ Адольфъ вступилъ въ переговоры съ Московскимъ дворомъ и приглашалъ его соединить свои силы для войны съ Польшею. Около того же времени (въ августѣ 1621 г.), отъ юнаго турецкаго султана Османа II пріѣхалъ посломъ въ Москву, въ сопровожденіи двухъ чаушей, грекъ Ѳома Кантакузенъ также съ предложеніемъ союза противъ Польши-Литвы и съ обѣщаніемъ отвоевать обратно Москвѣ Смоленскъ и другіе города, отошедшіе къ Литвѣ; къ тому же союзу долженъ былъ приступить и Крымскій ханъ. Кантакузенъ передалъ просьбу и цареградскаго патріарха Кирилла Лукариса московскому патріарху Филарету о заключеніи союза съ сул-

таномъ. Московское правительство отпустило Кантакузена съ благопріятнымъ отвѣтомъ.

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ Германіи открылась знаменитая Тридцатилѣтняя война протестантскихъ государей съ императоромъ и паптствомъ, въ Восточной Европѣ готова была выступить грозная коалиція противъ ревностнаго союзника папству, короля Польско-Литовскаго.

Несмотря на четырнадцатилѣтнее перемиріе, заключенное въ Деулинѣ, отношенія къ Польшѣ-Литвѣ постоянно были натянутыя. Москва имѣла многіе поводы, чтобы жаловаться на польскія неправды и даже разорвать перемиріе. Неправды сіи были перечислены на Земскомъ соборѣ (въ октябрѣ 1621 года), на обсужденіе котораго царь и патріархъ предложили вопросъ о войнѣ съ Польскимъ королемъ. А именно: порубежные литовскіе урядники въ грамотахъ къ русскимъ воеводамъ продолжаютъ именовать королевича Владислава царемъ и великимъ княземъ всея Россіи; притомъ нарушаютъ границы, захватываютъ государевы села и земли, ставятъ у насъ свои слободы, селитру варятъ, золу жгутъ, рыбу ловятъ, всякаго звѣря бьютъ, помѣщиковъ и жителей порубежныхъ грабятъ и побиваютъ, многихъ русскихъ полоняниковъ, вопреки договору, не отпускаютъ; паны-рада отправляютъ къ московскимъ боярамъ посланцевъ съ такими грамотами, въ которыхъ называютъ царемъ Владислава, а имя Михаила Өеодоровича пишутъ безъ государскаго титула, и даже „съ укоризною (т.-е. съ глумленіемъ), чего никоторыми мѣрами терпѣть невозможно".

Государи объявили собору о посольствѣ къ нимъ султана Османа, предлагавшаго сообща воевать съ Польско-Литовскимъ королемъ и уже выступившаго въ походъ; добавляли, что къ той же общей войнѣ съ Поляками зовутъ ихъ Крымскій ханъ и шведскій король Густавъ Адольфъ. На поставленный вопросъ духовенство, бояре, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и всякихъ чиновъ люди били челомъ царю Михаилу и отцу его Патріарху, „чтобы они, государи, за святыя Божіи церкви, за свою государскую честь и свое государство противъ своего исконнаго недруга стояли крѣпко, сколько имъ, государямъ, милосердый Богъ помочи подастъ", а служилые люди „рады биться нещадя головъ своихъ". Торговые люди предлагали давать на войну деньги, „смотря по ихъ прожиткамъ"; служилые просили „разобрать" ихъ по городамъ, чтобы никто „въ избылыхъ не былъ". Рѣшили объявить войну, если

Поляки не исправятся и не согласятся на московскія требованія. Въ города посланы извѣстительныя соборныя грамоты, а также бояре, дворяне и дьяки для разбора (росписи) служилыхъ людей.

Однако на этотъ разъ война съ нашей стороны не была объявлена, и соборный приговоръ остался неисполненнымъ; хотя посланный боярами въ Польшу гонецъ, съ исчисленіемъ польскихъ неправдъ, привезъ отъ пановъ-рады отвѣтъ весьма грубый и дерзкій. Государство еще далеко не оправилось отъ разоренія, люди и средства для войны собирались медленно; а между тѣмъ обстоятельства успѣли измѣниться. Походъ Османа II на Поляковъ былъ неудаченъ. На сей разъ они выставили значительныя силы, наибольшую часть которыхъ составляли казаки съ своимъ гетманомъ Сагайдачнымъ. Огромное войско султана встрѣтило мужественный отпоръ; отъ Днѣстра онъ ни съ чѣмъ вернулся въ Царьградъ, гдѣ вскорѣ былъ сверженъ мятежными янычарами, и убитъ. Густавъ Адольфъ, взявъ Ригу (1621 г.) и завоевавъ еще часть Ливоніи, въ слѣдующемъ году вновь заключилъ съ Поляками двухлѣтнее перемиріе.

Итакъ царь и патріархъ не воспользовались благопріятными внѣшними обстоятельствами, чтобы свести счеты съ злѣйшимъ врагомъ Россіи, Сигизмундомъ III, и почти до конца сохраняли Деулинское перемиріе. Но эта добросовѣстность не улучшила нашихъ отношеній: Поляки не думали „исправиться" и продолжали свои неправды (7).

Большое негодованіе вызывало въ Москвѣ упорство, съ какимъ Поляки продолжали въ своихъ грамотахъ называть царемъ и великимъ княземъ Владислава, а Михаила Ѳеодоровича какъ бы не признавали законно-избраннымъ Московскимъ государемъ и даже иногда называли его полуименемъ или, какъ выражались о томъ въ Москвѣ, „писали государское имя безчестя его Государя съ укоризною затѣйнымъ своимъ воровствомъ". Чувствительна также была потеря областей, уступленныхъ Польшѣ; а въ особенности была чувствительна утрата древняго и славнаго достоянія Россіи Смоленска. Этотъ городъ и по своему значенію сильной крѣпости, и по своему коренному русскому населенію служилъ для Московскаго государства твердымъ опорнымъ пунктомъ, щитомъ на западномъ рубежѣ со стороны непріязненной Польши—Литвы. А потому возвращеніе его считалось дѣломъ первостепенной государственной важности. Уже

въ первую войну съ Поляками при Михаилѣ Москва главныя усилія направила на Смоленскъ; но всѣ попытки Московскихъ воеводъ овладѣть имъ тогда окончились неудачею (1614—17 гг.). Михаилъ Ѳедоровичъ по своей кротости и миролюбію все-таки не желалъ войны и, повидимому, противился ей сколько могъ: по крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ выждать срокъ перемирія; но долженъ былъ уступить настояніямъ своего отца. Если вѣрить одному чужеземному (польскому) источнику, патріархъ однажды, разсерженный несогласіемъ сына, толкнулъ его посохомъ такъ, что тотъ упалъ. „Глупый, своего добра не понимаешь!"—воскликнулъ при этомъ отецъ. Очевидно патріархъ не хотѣлъ долѣе переносить польскія обиды и униженія своему царственному дому. Филаретъ Никитичъ, проведшій столько лѣтъ въ польскомъ плѣну, конечно хорошо зналъ слабыя стороны Рѣчи Посполитой; онъ надѣялся съ лихвою воздать ей за всѣ бѣдствія, причиненныя Россіи, а вмѣстѣ прославить свой домъ побѣдами надъ ея кичливыми врагами и возвращеніемъ захваченныхъ въ Смутное время Московскихъ городовъ и областей.

По мѣрѣ того какъ Московское государство отдыхало и оправлялось отъ разоренія, старательно увеличивались его военныя силы и средства. Когда приблизился срокъ перемирію, замѣтно оживились приготовленія къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ. Въ 1630 году видимъ заботы правительства о лучшемъ укрѣпленіи лежавшихъ на большой дорогѣ въ Литву городовъ Вязьмы и Можайска; для чего вызывались каменьщики, кирпичники и гончары изъ восточныхъ областей. Пограничныя крѣпости вообще исправлялись; гарнизоны и огнестрѣльный снарядъ въ нихъ пополнялись. Въ 1631 г. по областямъ назначены окладчики изъ надежныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; они усиленно верстали на службу новиковъ-помѣщиковъ и набирали даточныхъ изъ крестьянъ и посадскихъ. Царь и патріархъ указали набирать въ войско даточныхъ людей по одному конному и одному пѣшему съ каждыхъ 400 четей (т.-е. съ 200 десятинъ земли). Но едва - ли не главную надежду возлагали они на иноземцевъ.

Зная недостатокъ военнаго искусства у московскихъ ратныхъ людей и превосходство въ этомъ отношеніи западныхъ европейцевъ, государи озаботились заграничною вербовкою въ свою службу большого количества офицеровъ и солдатъ. (Извѣстно, что въ эпоху Тридцатилѣтней войны система вольнонаемныхъ войскъ еще господ-

ствовала въ средней и западной Европѣ). Ради этой цѣли Московское правительство воспользовалось услугами находившихся въ его службѣ опытныхъ иноземныхъ офицеровъ, которыхъ отправило для найма ратныхъ людей и для закупки оружія въ Швецію, Данію, Пруссію, въ вольные нѣмецкіе города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, въ Голландію и Англію. Такъ зимою 1631 года въ Швецію къ королю Густаву Адольфу поѣхалъ чрезъ Новгородъ полковникъ Александръ Лесли, родомъ шотландецъ, въ сопровожденіи стольника Племянникова и подъячаго Аристова; послѣдніе должны были закупить 10.000 мушкетовъ съ зарядами и 5.000 шпагъ; а полковнику поручалось нанять 5.000 солдатъ съ потребнымъ количествомъ офицеровъ. Если онъ въ Швеціи найметъ менѣе означеннаго числа, то, отпустивъ нанятыхъ солдатъ и купленное оружіе съ Племянниковымъ въ Москву, самъ долженъ былъ ѣхать въ Данію, Голландію и Англію для найма недостающихъ людей и покупки оружія. Онъ былъ снабженъ царскими вѣрительными грамотами къ правительствамъ сихъ странъ. Этимъ посланцамъ изъ царской казны выдана была большая сумма золотыми и ефимками; на случай, если ея не хватитъ, Лесли получилъ кредитивовъ, подписанныхъ московскими торговыми иноземцами, на 110.000 ефимковъ къ амстердамскимъ и гамбургскимъ торговымъ фирмамъ. А если и этихъ денегъ не хватитъ, то ему поручалось сдѣлать на государево имя заемъ у Голландскихъ Штатовъ и купцовъ, которые вели торговлю съ Москвою въ Архангельскомъ портѣ. Кромѣ ратныхъ людей Лесли долженъ былъ „приговорить“ въ московскую службу нѣсколько мастеровъ, которые умѣютъ лить пушечныя желѣзныя ядра, въ помощь московскому пушечному мастеру голландцу Юлису (Куету). Лесли имѣлъ полномочіе нанимать людей только на одинъ годъ и не болѣе полутора лѣтъ. Любопытно при этомъ, что онъ могъ брать въ московскую службу всякихъ иноземцевъ, но только не Французовъ и вообще не католиковъ. Предпринимая войну съ католическою Польшею, государи не довѣряли ея единовѣрцамъ: еще въ свѣжей памяти была измѣна французскихъ наемниковъ въ день Клушинской битвы.

Въ то же время собственно въ сѣверную Германію чрезъ Псковъ и Ригу отправленъ подполковникъ Генрихъ Фандамъ, родомъ голштинецъ, слѣдовательно хорошо знавшій Голштинію и сосѣднія съ нею земли. Съ нимъ заключенъ договоръ, въ силу котораго ему поручалось нанять нѣмецкій регименть въ 1.600 человѣкъ, съ платою по 4 рубля съ полтиною въ мѣсяцъ, и закупить для нихъ въ Гамбургѣ мушкеты съ

зарядами и подсошками (подставками) по полтора рубля за мушкетъ. Такой полкъ раздѣлялся на восемь ротъ по 200 рядовыхъ, изъ коихъ 120 человѣкъ должны быть вооружены мушкетами и короткимъ списомъ (копьемъ), а остальные долгими списами и шпагами. Фандамъ также имѣлъ полномочіе заключать контракты только на одинъ годъ. Ему предписывалось, нанявъ половину полка, немедля посадить людей на корабли въ Любекѣ и отправить на Ругодивъ во Псковъ, гдѣ имъ должны были произвести смотръ и привести ихъ къ присягѣ; съ другою половиною обязанъ былъ пріѣхать самъ полковникъ. При наймѣ выдавалось каждому на обзаведеніе и на дорогу по 15 рублей; для чего, сопровождавшему полковника, комиссару вручено 26.400 рублей, да 2.618 руб. на покупку вооруженія для сего полка, т.-е. мушкетовъ, списовъ, протазановъ (для поручиковъ), алебардъ (для сержантовъ или пятидесятниковъ), барабановъ и фитилей. Чтобы исполнить порученіе о наймѣ 5.000 солдатъ, старшій полковникъ Лесли въ свою очередь, во время пребыванія за границей, лѣтомъ того же 1631 года заключилъ договоръ съ двумя иноземными полковниками, Гансомъ Фридрихомъ Фуксомъ и Яковомъ Карломъ фонъ Хареслебеномъ; въ силу этого договора каждый изъ нихъ обязался набрать полкъ нѣмецкихъ солдатъ въ такомъ же количествѣ и почти на тѣхъ же условіяхъ какъ и Фандамъ.

Считая полкъ самого Лесли, мы видимъ, что иноземцевъ было навербовано четыре регимента. То были пѣшіе полки, называемые вообще солдатскими. Но кромѣ нихъ существовали уже и русскіе полки иноземнаго строя, пѣшіе или солдатскіе и конные или рейтарскіе и драгунскіе. Эти полки набирались изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ, новокрещеновъ и другихъ вольныхъ людей, т.-е. незаписанныхъ въ тягло; они получали жалованье почти такое же какъ иноземцы, имѣли шишаки, латы, мушкеты, шпаги и пики. Наравнѣ съ наемными, сіи полки вѣдались въ Иноземномъ приказѣ, потому что офицерами-инструкторами у нихъ состояли иноземцы, отчасти вновь прибывшіе, а частію ранѣе вызванные въ Московское государство. Нѣкоторые иноземные офицеры успѣли получить за свою службу помѣстья и вотчины, въ которыхъ жили въ свободную отъ службы пору; они назывались *помѣстными*; другіе въ мирное время проживали по городамъ, гдѣ и получали содержаніе или кормъ, и потому назывались *кормовыми*. Въ назначенное время они являлись въ роты и полки, и тутъ обучали ратному дѣлу русскихъ людей.

Такихъ русскихъ полковъ нѣмецкаго строя для войны съ Поляками приготовлялось цѣлыхъ шесть пѣхотныхъ и одинъ конный. Ими начальствовали иноземцы: Самойло Карлъ Деэбертъ (командиръ рейтарскаго полка), Юрій Матисонъ, Валентинъ Росформъ, Вилимъ Китъ, Тобіашъ Унзинъ, помянутый выше Лесли и др.

Главный элементъ въ составѣ наемныхъ иноземцевъ представляли конечно Нѣмцы; но были представители и другихъ народностей: Шведы, Датчане, Шотландцы, Англичане, Нидерландцы и даже Французы, появившіеся въ московской арміи вопреки указанному выше запрещенію принимать католиковъ (возможно, что то были гугеноты). Кромѣ западноевропейцевъ, въ московской ратной службѣ встрѣчается и небольшое количество наемниковъ, пришедшихъ съ православнаго юговостока, т.-е. Грековъ, Сербовъ и Волоховъ; они составили особую роту, предводимую ротмистромъ Николаемъ Мустохинымъ. Еще находимъ роту Юрія Кулаковскаго, состоявшую повидимому изъ людей Польской и Литовской Руси.

Нанимая иноземные отряды, покупая за границей оружіе и боевые припасы и вообще приготовляя большія военныя силы для борьбы съ Польшею, Московское правительство естественно должно было озаботиться финансовою стороною вопроса, т.-е. изыскать средства на содержаніе арміи. Въ этомъ отношеніи мы видимъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣръ. Во-первыхъ, правительство (въ 1631 г.) прибѣгло къ царской монополіи заграничнаго морского вывоза ржи, ячменя, пшеницы, проса и гречневой крупы; оно скупало этотъ хлѣбъ и продавало его иностраннымъ торговцамъ, пріѣзжавшимъ въ Архангельскъ. Во-вторыхъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ въ томъ же 1631 году потребовалъ отъ нѣкоторыхъ монастырей свѣдѣнія о томъ, сколько у нихъ въ монастырской казнѣ находится въ запасѣ денегъ; а получивъ сіи свѣдѣнія, предписалъ половину запаса немедля прислать въ Москву на жалованье ратнымъ людямъ. Въ-третьихъ, въ томъ же году, по указу царя и патріарха съ вотчинъ нѣкоторыхъ монастырей, вмѣсто даточныхъ людей, велѣно взыскать деньгами, считая 25 рублей за каждаго коннаго и 10 рублей за пѣшаго. Въ-четвертыхъ, на томъ Земскомъ соборѣ (1632 г.), на которомъ рѣшено было воевать съ Польшею, повидимому, проектировались разные сборы, которые потомъ были подтверждены и приведены въ исполненіе, каковы: пятая деньга съ торговыхъ людей и добровольные взносы съ духовенства, монастырей, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей.

Посреди московскихъ приготовленій къ войнѣ получено было извѣстіе о кончинѣ престарѣлаго короля Сигизмунда III, послѣдовавшей 20 апрѣля 1632 года. Эта кончина ускорила ходъ событій. Въ іюнѣ созванъ былъ Земскій соборъ, который безпрекословно подтвердилъ рѣшеніе государей немедленно начать войну съ Поляками за ихъ неправды. До истеченія Деулинскаго перемирія оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ; но имѣлось въ виду воспользоваться временемъ Польскаго междукоролевья, съ его неизбѣжною избирательною борьбою партій и сопровождавшими ее смутами.

Предстоялъ важный вопросъ: кому поручить начальство въ этой войнѣ? Еще въ апрѣлѣ государи назначили главнымъ воеводою боярина князя Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, а товарищемъ къ нему боярина князя Бор. Мих. Лыкова. Д. М. Черкасскій уже извѣстенъ былъ по своей неудачной осадѣ Смоленска въ первую Польскую войну при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и вообще военными талантами онъ не выдвигался; выборъ его можно объяснить прежде всего придворнымъ значеніемъ Ив. Борисовича Черкасскаго, ближняго боярина и двоюроднаго брата государева. Но это назначеніе было разстроено мѣстничествомъ, которое не замедлило выступить на сцену дѣйствія. Князь Лыковъ билъ челомъ царю и патріарху, что вопервыхъ, Д. М. Черкасскій тяжелъ нравомъ, а, во-вторыхъ, онъ самъ старше его лѣтами и службою: онъ служитъ уже сорокъ лѣтъ, изъ которыхъ 30 „ходитъ за своимъ набатомъ, а не за чужимъ, и не въ товарищахъ". Черкасскій билъ челомъ на то, что Лыковъ его безчеститъ. Государь присудилъ взыскать съ Лыкова въ пользу Черкасскаго за безчестье двойную сумму его (Черкасскаго) оклада, именно 1200 рублей. Затѣмъ назначеніе обоихъ отмѣнено; вмѣсто Черкасскаго опредѣлили главнымъ воеводою боярина Михаила Борисовича Шеина, а товарищемъ къ нему знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго. Но послѣдній вскорѣ сказался больнымъ и былъ уволенъ отъ этого назначенія. Вмѣсто него товарищемъ къ Шеину опредѣленъ окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ. Выборъ Шеина очевидно основывался на той славѣ, которую онъ пріобрѣлъ мужественною обороною Смоленска при осадѣ его Сигизмундомъ III. Такъ какъ главною цѣлью войны было именно обратное взятіе этого города, то предполагали, что воевода, доблестно его защищавшій, лучше другихъ съумѣетъ его добыть. Очевидно, за назначеніе Шеина въ особенности стоялъ Филаретъ Никитичъ какъ за своего сострадальца въ польскомъ плѣну. Думали вѣроятно, что Ше-

инъ воспользовался этимъ плѣномъ, чтобы болѣе присмотрѣться къ слабымъ сторонамъ своихъ враговъ. Въ данное время онъ начальствовалъ Пушкарскимъ приказомъ, слѣдовательно близко стоялъ къ ратному дѣлу и непосредственно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ предстоящей войнѣ. Судя по дворцовымъ записямъ, по возвращеніи изъ плѣна онъ пользовался почетомъ при дворѣ; его, напримѣръ, чаще другихъ приглашали къ обѣденному царскому столу. Да и самъ онъ, повидимому, не скрывалъ своего высокаго мнѣнія о собственныхъ военныхъ талантахъ и заслугахъ; чѣмъ могъ не мало повліять и на свое назначеніе.

Уклоненіе Д. М. Пожарскаго отъ службы въ товарищахъ при Шеинѣ, можетъ быть, дѣйствительно имѣло причиною его болѣзни, которымъ несомнѣнно онъ былъ подверженъ со времени тяжелыхъ ранъ, полученныхъ въ битвахъ Смутной эпохи; но могло также быть, что знаменитый князь лучше другихъ зналъ настоящую цѣну Шеину и не ждалъ ничего хорошаго отъ совмѣстной службы съ гордымъ, упрямымъ бояриномъ-воеводою. Вѣроятно и этотъ послѣдній не особенно желалъ сего товарищества. Болѣе подходящимъ, т. е. болѣе безличнымъ и послушнымъ, товарищемъ для него оказался окольничій Измайловъ.

До какой степени государи высоко цѣнили Шеина и возлагали на него надежды, свидѣтельствуютъ милости, которыми онъ осыпанъ былъ при самомъ своемъ назначеніи. Михаилъ Борисовичъ съ своимъ сыномъ Иваномъ, Артемій Измайловъ и другіе главные воеводы получили щедрую денежную подмогу для предстоящаго похода; ихъ вотчины и помѣстья на время походной службы были освобождены отъ всякихъ казенныхъ поборовъ; сверхъ того Шеину пожалована цѣлая дворцовая волость, именно село Голенищево съ приселками и деревнями, со всѣми доходами и съ хлѣбомъ; одного государева хлѣба въ этой волости было тогда болѣе 7.000 четвертей. Слѣдовательно его уже заранѣе награждали за будущія великія заслуги. Въ отвѣтъ на эти милости онъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ, что это былъ уже не тотъ Шеинъ, который прославилъ себя мужественною обороною Смоленска. 9 августа 1632 года пропроисходилъ торжественный отпускъ воеводъ, отправлявшихся въ походъ. Послѣ молебствія въ Благовѣщенскомъ Соборѣ они прощались съ Государемъ и подходили къ его рукѣ. Тутъ бояринъ Шеинъ вдругъ началъ съ большою гордостію высчитывать свои прежнія службы Государю, которыми будто бы превосходилъ всю

свою братью бояръ, и между прочимъ сказалъ, что „въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре по запечью сидѣли и сыскать ихъ было немочно“, что службою и отечествомъ никто изъ нихъ не будетъ ему въ версту. О какихъ прежнихъ службахъ царю Михаилу Ѳедоровичу говорилъ Шеинъ, трудно понять; ибо въ первые шесть лѣтъ его царствованія онъ продолжалъ сидѣть въ польскомъ плѣну, тогда какъ многіе бояре въ это время несли тяжелую и трудную службу въ войнахъ съ внѣшними и внутренними врагами; а по возвращеніи изъ плѣна онъ пока сидѣлъ въ приказахъ, въ Боярской думѣ, да за царскимъ столомъ. Очевидно, пребываніе въ Польшѣ и примѣры строптивыхъ, хвастливыхъ польскихъ вельможъ не остались безъ вреднаго вліянія на характеръ и привычки престарѣлаго воеводы. Съ удивленіемъ и негодованіемъ слушались его рѣчи; но Царь смолчалъ, не желая оскорбить воеводу, отъ котораго ожидалъ великихъ заслугъ; смолчали и бояре, „не хотя раскручинить Государя“. Несомнѣнно, Шеинъ видѣлъ, какъ имъ дорожили, какъ высоко цѣнили его военные таланты, полагалъ, что безъ него не могли тогда обойтись; потому-то и позволилъ себѣ такія заносчивыя рѣчи. Возможно, что онъ тутъ отвѣчалъ на какіе-либо боярскіе происки противъ себя, на какіе-либо мѣстническіе счеты и т. п. Но во всякомъ случаѣ эти рѣчи указывали на какую-то ненормальность въ его духовномъ строѣ и могли служить плохимъ предзнаменованіемъ для предстоявшей ему задачи.

Вслѣдъ за отпускомъ воеводъ по государству разосланы были отъ царя и патріарха областнымъ архіереямъ родъ манифестовъ о войнѣ, т. е. грамоты съ указаніемъ на польскія неправды и съ повелѣніемъ пѣть въ церквахъ ежедневные молебны и просить Бога „объ одолѣньи и побѣдѣ на враги“.

Итакъ, война была объявлена и войска двинулись въ походъ приблизительно въ половинѣ августа 1632 года. Назначены три сборныхъ пункта. Главная рать (большой полкъ) должна была собраться въ Можайскѣ и поступить подъ начальство Шеина съ Измайловымъ; въ Ржевѣ Володиміровѣ сходились отряды, составившіе передовой полкъ, которымъ начальствовали воеводы окольничій князь Семенъ Прозоровскій и Иванъ Кондыревъ; а въ Калугѣ собирался сторожевой полкъ съ воеводою стольникомъ Богданомъ Нагово. Кромѣ того, въ Сѣверщинѣ приготовлялся прибылой полкъ (резервъ) съ воеводами Ѳедоромъ Плещеевымъ и Баимомъ Болтинымъ. Въ большой полкъ, т.-е. къ Шеину, назначены были отборная кон-

ница, состоявшая изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, по преимуществу уѣздовъ сѣверовосточныхъ, также Донскіе казаки, касимовскіе, арзамасскіе, темниковскіе и кадомскіе мурзы со своими Татарами, далѣе отрядъ московскихъ и городовыхъ стрѣльцовъ; а главную массу пѣхоты составляли солдатскіе полки иноземнаго строя, т.-е. наемные Нѣмцы и русскіе солдаты, обучавшіеся этому строю. Къ Шеину поступила и многочисленная артиллерія, или такъ назыв. нарядъ, „со всѣми пушечными и подкопными запасы" (ломы, лопаты, заступы и кирки); имъ непосредственно распоряжались Иванъ Арбузовъ и дьякъ Костюринъ. При Шеинѣ и Измайловѣ состояли Василій Протопоповъ и дьякъ Пчелинъ, назначенные вѣдать казною для раздачи жалованья и кормовыхъ денегъ Нѣмцамъ и русскимъ солдатамъ иноземнаго строя, ихъ полковникамъ и офицерамъ.

Воеводамъ врученъ былъ изъ Разряда (военнаго министерства того времени) обширный царскій наказъ или инструкція, опредѣлявшая въ общихъ чертахъ ихъ задачу. Прежде всего они должны были въ Можайскѣ произвести смотръ рати по разборнымъ спискамъ, „кто каковъ на государеву службу пріѣдетъ коненъ, люденъ и оруженъ", и отписать о томъ Государю. Затѣмъ они идутъ подъ Дорогобужъ и берутъ его, а отсюда немедля двигаются подъ Смоленскъ; если бы осада Дорогобужа ихъ задержала, то они должны оставить подъ нимъ часть рати, а съ остальною спѣшить къ Смоленску, стать въ крѣпкихъ мѣстахъ, огородиться рвами и острогами, чтобы отрѣзать городу всякія сообщенія и подмогу извнѣ и „земскимъ дѣломъ промышляти сколько милосердый Богъ помочи подастъ", а Смоленскъ „всякими мѣрами" добывать. Въ случаѣ прихода польскихъ и литовскихъ людей на помощь осажденнымъ, Шеинъ долженъ призвать къ себѣ изъ Ржевы Прозоровскаго, изъ Калуги Нагово, и, оставивъ подъ Смоленскомъ часть войска, съ остальною идти противъ непріятеля. Между прочимъ поручалось зорко наблюдать, чтобы въ Смоленскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ ратные люди не обижали, не грабили крестьянъ и не пустошили край, а покупали бы съѣстные припасы и конскій кормъ на деньги; ослушниковъ велѣно строго судить и карать. Подобный же наказъ данъ былъ князю Прозоровскому и Кондыреву, которые, собравъ и пересмотрѣвъ свою рать въ Ржевѣ Володиміровѣ, должны были прежде всего добывать отсюда крѣпость Бѣлую и очищать Бѣльскій уѣздъ отъ литовскихъ людей, а затѣмъ въ случаѣ требованія Шеина идти къ нему „на сходъ", т.-е. на соединеніе. Всѣмъ воеводамъ вообще совѣтовалось,

прежде чѣмъ дѣлать приступы къ городамъ, тайными сношеніями склонять ихъ православныхъ жителей на сторону Государя, чтобы они заодно съ московскими ратными людьми промышляли надъ польско-литовскими гарнизонами. Всѣмъ также строго подтверждалось не грабить, не обижать населеніе и ничего не брать даромъ.

Чтобы поднять всѣ войсковыя тяжести, т.-е. нарядъ, боевые и съѣстные припасы, шанцевый инструментъ, доспѣхи, мушкеты и вообще оружіе (которое въ походѣ складывалось на воза), денежную казну и проч., правительство тоже прибѣгло къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Напримѣръ, столица должна была выставить подводы такимъ порядкомъ: въ Кремлѣ съ церковныхъ, боярскихъ и всѣхъ дворовъ выставлялась съ каждыхъ 30 квадртныхъ саженъ лошадь съ телѣгою и человѣкомъ; въ Китай-городѣ гости гостинная и суконная сотни должны выставить всего 175 подводъ. Такимъ же порядкомъ выставлялись подводы въ Бѣломъ и Деревянномъ городѣ, приблизительно одна подвода съ 10 дворовъ или съ 900 сажень „дробныхъ" (погонныхъ), которыя велѣно сводить въ 30 сажень „круглыхъ" (квадратныхъ). Всего съ одного только города Москвы причиталось тысячу подводъ, которыя собирались особо назначенными сборщиками; а общая пріемка ихъ поручена была князю Д. М. Пожарскому и дьяку Волкову. На каждую подводу полагалось въ среднемъ 15 пудовъ тяжести. Съ однимъ Шеинымъ на первый разъ отпускалось пороху и свинцу болѣе 10.000 пуд., 116 пищалей, 1.200 запасныхъ мушкетовъ, однихъ фитилей 1.250 пудовъ и прочее въ соотвѣтственныхъ размѣрахъ. Немалую заботу правительства составлялъ также подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ войска. Русскіе помѣщики обыкновенно сами заботились о своемъ продовольствіи и имѣли съ собою значительные запасы; но солдатскіе полки получали кормовыя деньги. Поэтому за ратью отправленъ былъ обозъ съ сухарями, крупой, толокномъ, мясомъ, масломъ и пр. Эти припасы, наряженными отъ правительства, „харчевниками" (маркитантами) должны были продаваться солдатамъ по указнымъ цѣнамъ. Такіе подвозы долженствовали постоянно возобновляться.

Трудно сказать, сколько именно войска собрано было въ началѣ похода. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, дошедшимъ до насъ отъ Разряда, только съ Шеинымъ и Измайловымъ выступило въ походъ до 12.000 пѣхоты, считая тутъ стрѣльцовъ, казаковъ и шесть солдатскихъ полковъ (иноземныхъ и русскихъ) да около 15.000 конницы,

состоявшей, главнымъ образомъ, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а частью изъ служилыхъ Татаръ. Около 10 тысячъ человѣкъ надобно считать въ отрядахъ Прозоровскаго, Нагово и Плещеева, вмѣстѣ взятыхъ. Слѣдовательно, Московское правительство, открывая войну, выставляло въ поле болѣе 35.000 человѣкъ порядочно вооруженныхъ—силы для той эпохи весьма значительныя. А въ теченіе ближайшаго времени онѣ должны были увеличиться съ прибытіемъ новыхъ отрядовъ какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ мѣстъ и по мѣрѣ усиленной высылки на службу запоздавшихъ помѣщиковъ или нѣтей. При войскѣ Шеина состояло еще нѣсколько тысячъ такъ наз. посохи, т.-е. ратниковъ, набранныхъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ топорами и рогатинами, назначенныхъ собственно для производства работъ, каковы: улучшеніе пути, прорубаніе просѣкъ для провоза наряда и всякихъ тяжестей, копаніе рвовъ и приготовленіе частокола при постройкѣ острожковъ или укрѣпленій; другую часть посохи составляли люди съ подводами, назначенными для перевозки наряда и боевыхъ запасовъ.

Принимая въ разсчетъ политическое состояніе противника и его сравнительно менѣе значительныя силы, а также несомнѣнное тяготѣніе къ Москвѣ завоеванныхъ у нея областей, государи, отецъ и сынъ, казалось бы, могли надѣяться на успѣшное возвращеніе сихъ областей подъ Московскую державу.

Медленно прибывали служилые люди на сборные пункты. Однако къ концу августа въ Можайскѣ собралась большая часть дворянской конницы; пришли Александръ Лесли, Яковъ Карлъ, Фандамъ, Росформъ и Унзинъ съ нѣмецко-русскими солдатскими полками, нѣсколько позднѣе Фуксъ. Стояли ясные сухіе дни; въ виду поздняго похода и приближавшейся осенней непогоды, надобно было возможно спѣшить дальнѣйшимъ движеніемъ. А Шеинъ медлилъ, усердно занимаясь разборными списками дѣтей боярскихъ и посылая въ Москву жалобы на многія нѣти, на опозданіе кормовыхъ денегъ, харчевниковъ, на недостатокъ нѣмецкихъ переводчиковъ, также на недостатокъ тулуповъ, теплыхъ чулокъ и рукавицъ для Нѣмцевъ, желѣзныхъ цѣпей для смыканія наряда и т. д.; хотя все это могло бы нагнать его на дальнѣйшемъ походѣ. Но московскій главный воевода съ первыхъ же своихъ шаговъ началъ показывать, что временемъ онъ не дорожилъ. Въ сентябрѣ мы видимъ его еще въ Можайскѣ; онъ продолжаетъ писать жалобы на нѣтчиковъ. Между прочимъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Измайловымъ, Шеинъ занимает-

ся тѣмъ, что бьетъ батогами и сажаетъ въ тюрьму не желавшихъ служить въ его полку двухъ дѣтей боярскихъ, Рязанцевъ (Обезьяннинова и Фролова), которые принадлежали къ формировавшемуся въ Москвѣ рейтарскому полку Карла Деэберта, но случайно пріѣхали въ Можайскъ. И вотъ Шеину лишній поводъ плодить свою переписку съ Разрядомъ, который по Государеву указу объявляетъ ему незаконность его требованія. 10 числа изъ Москвы посланъ ему приказъ: немедля со всѣми ратными людьми идти изъ Можайска къ Вязьмѣ. Шеинъ выступилъ; но погода уже успѣла измѣниться, пошли дожди, образовались „грязи великія", нарядъ и пѣхота двигались очень тихо. Только 26 сентября рать достигла Вязьмы. Межъ тѣмъ, побуждаемое жалобами Шеина, правительство усердно посылало обозы съ хлѣбными запасами и сурово расправлялось съ нѣтчиками. Нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе были въ Москвѣ „у разбору" и взяли государево жалованье, а потомъ не явились на службу. Ихъ велѣно сыскивать и бить нещадно кнутомъ; при этомъ понизить степенью: кто служилъ „по выбору", тѣхъ велѣно написать „по дворовому списку", а которые служили по дворовому списку, тѣхъ написать „съ городомъ"; послѣ наказанія, ихъ „за крѣпкими поруками" высылали въ полки. Въ Вязьмѣ Шеинъ получилъ отъ царя и патріарха Животворящій Крестъ (въ которомъ заключались частицы древа, ризы Господней и мощей царя Константина) съ приказаніемъ носить его на себѣ. При русскомъ войскѣ находились священники и дьяконы изъ монаховъ, которые отправляли богослуженіе. Было при немъ и нѣсколько лѣкарей-иноземцевъ.

Отдохнувъ съ недѣлю въ Вязьмѣ, Шеинъ 20 октября двинулся къ Дорогобужу, опять по великимъ грязямъ; особенно трудно было везти нарядъ; поэтому половину изъ сотни короткихъ нѣмецкихъ пищалей онъ оставилъ въ Вязьмѣ у воеводы Мирона Вельяминова, а другую половину роздалъ въ солдатскіе полки; голландскія пушки и верховыя (мортиры) онъ также взялъ съ собою.

Первый военный успѣхъ, порадовавшій государей, достался на долю калужскаго воеводы Богдана Нагово. Посланный имъ отрядъ подъ начальствомъ князя Ивана Гагарина приступилъ къ Серпейску, и черезъ два дня, 12 октября, городъ сдался. Затѣмъ пришло радостное извѣстіе и отъ Шеина: посланный имъ впередъ себя русско-нѣмецкій отрядъ подъ начальствомъ Ѳедора Сухотина и полковника Лесли взялъ 18 октября Дорогобужъ, причемъ захвачено нѣсколько десятковъ пушекъ съ значительными запасами боевыхъ снарядовъ

и провіанта. Послѣ того въ Москву одинъ за другимъ стали пригонять гонцы отъ разныхъ воеводъ съ сеунчомъ или вѣстію, что „Божіею милостію, а его государевымъ счастьемъ“ такой-то городъ взятъ. Отрядомъ изъ войска Прозоровскаго взята крѣпость Бѣлая; а сѣвскіе воеводы (въ декабрѣ) взяли Новгородъ-Сѣверскій. Постепенно, въ теченіе ноября и декабря, въ руки московскихъ передовыхъ отрядовъ перешли: Невель, Рославль, Стародубъ, Почепъ, Себежъ, Трубчевскъ, Сурожъ и нѣкоторые другіе. Государь въ награду воеводамъ прислалъ золотые и велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ. Такимъ образомъ начало военныхъ дѣйствій казалось очень удачнымъ и возбудило въ Москвѣ большія надежды. Занятыя непріятелемъ области были почти очищены, а взятые города снабжены московскими гарнизонами, которые воспользовались найденными въ нихъ боевыми и продовольственными запасами. Но главная задача похода—отвоеваніе Смоленска—была еще впереди. Шеинъ и Измайловъ получили приказъ спѣшить къ этому городу вслѣдъ за взятіемъ Дорогобужа. Въ виду нѣкоторыхъ возникавшихъ пререканій между второстепенными начальниками по поводу мѣстническихъ счетовъ, Царь (указомъ 3 ноября) велѣлъ объявить, чтобы „пока служба минется съ королемъ Литовскимъ, быть у государевыхъ дѣлъ всѣмъ безъ мѣстъ“.

Осаждаемое постоянными требованіями Шеина, Московское правительство продолжало усиленныя мѣры по сбору денежной казны, продовольствія и снаряженія обозовъ. Такъ, 11 ноября въ Столовой палатѣ было засѣданіе Земскаго Собора, который подтвердилъ еще прежде проектированные сборы: добровольный съ духовенства, монастырей, бояръ и приказныхъ людей, а также обязательный, пятую деньгу, съ гостей и торговыхъ классовъ вообще. Назначенные для того сборщики должны были доставлять деньги въ Москву, въ особо учрежденный „Приказъ Сборныхъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“, во главѣ котораго поставлены бояринъ князь Д. М. Пожарскій и чудовской архимандритъ Левкій съ дьяками Коншинымъ и Степановымъ. Учрежденъ былъ также родъ особой коммиссіи для сбора хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ, которая поручена князю Ив. Мих. Барятинскому, Ив. Огареву и дьяку Евсѣеву.

Несмотря на побужденія изъ Москвы, Шеинъ съумѣлъ таки промедлить въ Дорогобужѣ около двухъ мѣсяцевъ, докучая государямъ постоянными жалобами на недостаточную доставку денегъ и провіанта; а наконецъ сталъ жаловаться на побѣги ратныхъ лю-

дей, которые онъ же самъ и вызвалъ своею медлительностію, нераспорядительностію и вмѣстѣ суровостію. Дорогобужъ долженъ былъ служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; здѣсь устроены склады боевыхъ запасовъ, провіанта и денежной казны; а осаднымъ воеводою назначили Сунгура Соковнина. Шеинъ только 5 декабря, т.-е. уже зимою, двинулся отсюда къ Смоленску, отправивъ впередъ себя Измайлова, Фандама и Лесли. Итакъ, со времени своего выступленія изъ Москвы русскій главнокомандующій употребилъ четыре мѣсяца, чтобы пройти разстояніе въ 384 версты, т.-е. чтобы добраться до Смоленска, имѣя на пути только одно препятствіе, крѣпость Дорогобужъ, которая, однако, сдалась такъ скоро, что ни мало не задерживала похода. Онъ все собирался съ силами и все комплектовалъ свои полки, безсмысленно теряя время и не понимая того, что въ Смоленскѣ непріятель межъ тѣмъ не дремалъ и съ каждымъ потеряннымъ для Русскихъ днемъ становился въ свою очередь сильнѣе и предпріимчивѣе.

Указанныя выше сдачи городовъ московскимъ отрядамъ вполнѣ оправдали разсчеты на смутное состояніе Рѣчи Посполитой во время междукоролевья и на сочувствіе русскаго населенія въ занятыхъ непріятелемъ областяхъ. На первыхъ порахъ онъ оказался совершенно неприготовленнымъ и какъ бы застигнутымъ врасплохъ. Хотя и его лазутчики своевременно доносили ему о московскихъ рѣшеніяхъ и приготовленіяхъ, но при существовавшемъ политическомъ строѣ Посполитой Рѣчи ея восточная окрайна пока предоставлена была собственнымъ средствамъ защиты и усмотрѣнію мѣстныхъ властей. Тутъ главнымъ дѣятелемъ выступаетъ едва ли не самый отчаянный врагъ Москвы, прославившійся въ эпоху Московскаго разоренія, панъ Александръ Гонсѣвскій, занимавшій теперь мѣсто Смоленскаго воеводы. Прежде всего онъ попытался выиграть время переговорами. Когда русскіе передовые отряды перешли рубежъ, а Шеинъ пребывалъ еще въ Вязьмѣ, къ нему явился отъ Гонсѣвскаго гонецъ съ грамотою, въ которой тотъ жестоко укорялъ Москвитянъ въ клятвопреступленіи—такъ какъ они начали войну до истеченія перемирія—и требовалъ объясненій. Шеинъ отвѣтилъ ему пространнымъ изложеніемъ извѣстныхъ Польскихъ неправдъ. Гонсѣвскій на этотъ отвѣтъ потомъ прислалъ свои опроверженія, причемъ въ одномъ только извинялся, въ неименованіи Михаила Ѳеодоровича царемъ; а въ заключеніе призывалъ мщеніе Божіе на виновныхъ въ нарушеніи мира. Не достигши ничего переговорами, Гонсѣвскій принялся

готовить оборону Смоленска. Какъ нѣкогда въ Москвѣ онъ ускользнулъ передъ прибытіемъ ополченія Пожарскаго, такъ и теперь не сѣлъ въ осаду и не сталъ ждать, пока его запрутъ войска Шеина, а тайкомъ ночью оставилъ Смоленскъ, поручивъ начальство въ немъ своему товарищу или подвоеводѣ князю Соколинскому и полковнику Воеводскому. Самъ же Гонсѣвскій удалился въ Оршу, и тамъ дѣятельно занялся сборомъ военныхъ людей и всякихъ запасовъ, чтобы дѣйствовать противъ Москвитянъ въ открытомъ полѣ и подкрѣплять смоленскій гарнизонъ. Этотъ гарнизонъ къ тому времени съ великимъ усиліемъ удалось ему довести до 1.200 — 1.500 человѣкъ, гайдуковъ, казаковъ, гусаръ и наемныхъ Нѣмцевъ, число все еще недостаточное для обороны такой обширной крѣпости; а тысячи двѣ вооруженныхъ смоленскихъ посадскихъ людей, помѣщиковъ и крестьянъ представляли несовсѣмъ надежныхъ соратниковъ по своему тяготѣнію къ Москвѣ. Но все-таки Гонсѣвскій успѣлъ приготовить городъ къ оборонѣ и поднять духъ гарнизона.

Еслибы Шеинъ хотя однимъ мѣсяцемъ упредилъ свое прибытіе, то городъ, имѣвшій менѣе 1.000 человѣкъ настоящихъ ратныхъ людей и еще неисправленныя укрѣпленія, едва ли могъ бы оказать серьезное сопротивленіе. Да и теперь еще можно было попытаться имъ овладѣть посредствомъ дружнаго и рѣшительнаго удара, съ вѣроятностію на успѣхъ. Но не таковъ былъ Шеинъ. ([7]).

IX.

СМОЛЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ.

Русскіе окопы и острожки.— Побѣги и вольныя шайки.— Постепенное обложеніе Смоленска.— Польскій лагерь подъ Краснымъ.— Доставка большого наряда, бомбардированіе, подкопы и неудачные приступы.— Пассивная осада и бездѣйствіе Шеина.— Его постоянныя требованія и усиленная дѣятельность правительства.— Набѣгъ Крымцевъ.—Избраніе Владислава IV и его прибытіе подъ Смоленскъ.— Прорывъ блокады.—Запорожцы.—Битвы на Покровской горѣ и очищеніе праваго берега Днѣпра.—Наступленіе Поляковъ на лѣвомъ берегу.—Отступленіе Прозоровскаго и солдатскихъ полковъ въ таборъ Шеина.—Прекращеніе осады.—Обходное движеніе Владислава и бой 9 октября.—Обложеніе Московской рати Поляками.— Преступная недѣятельность Шеина.—Его лживыя донесенія.—Кончина Филарета.— Чрезвычайныя мѣры и назначеніе воеводъ на помощь.—Нѣтчики и бѣглые.—Земскій Соборъ.— Недостатокъ средствъ.— Вторая зимовка Русскихъ подъ Смоленскомъ.— Ихъ лишенія и бѣдствія.— Послѣднія стычки.— Перебѣжчики.—Лесли и Сандерсонъ.—Упадокъ дисциплины.—Поведеніе Шеина и его приближенныхъ.—Переговоры съ Поляками.—Капитуляція 16 февраля 1634 года.—Сдача артиллеріи и острожковъ.—Выступленіе Русскихъ и унизительныя церемоніи.—Польское торжество.—Смоленская эпопея на польской гравюрѣ.—Неудача короля подъ Бѣлой.— Поляновскій договоръ.—Судъ надъ Шеинымъ съ товарищами.— Обоюдное посольство.—Справедливъ ли смертный приговоръ?—Неосновательные защитники Шеина.

Около половины декабря 1632 года Шеинъ наконецъ прибылъ подъ Смоленскъ съ силами, которыя немного не достигали до 30.000 человѣкъ. Ни о какомъ рѣшительномъ ударѣ онъ и не думалъ; хотя всѣ другіе города въ то время были взяты болѣе или менѣе быстрымъ натискомъ Московскихъ отрядовъ, но только предводительствуемыхъ не лично Шеинымъ. Со своимъ товарищемъ Измайловымъ онъ остановился въ 5 или 6 верстахъ отъ города и расположилъ свой станъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья его праваго притока рѣчки Вязовни (на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ таборомъ князь Черкасскій во время осады Смоленска въ первую войну). Широкое поле и двѣ или три балки съ текучими ручьями и стоячими болотцами отдѣляли его станъ отъ города. Тутъ онъ началъ тщательно окапываться, укрѣплять валы часто-

коломъ, вообще ставить острогъ, съ теплыми избами внутри; черезъ Днѣпръ перекинулъ два моста на плотахъ: одинъ долженъ былъ служить для блокады, другой соединялъ его станъ съ пекарнями и квасоварнями, которыя были устроены на правомъ берегу. Солдатскіе полки расположились ближе къ городу съ юговосточной его стороны; они принялись рыть траншеи и ставить туры для пушекъ (батареи); но заступы и кирки съ трудомъ пробивали мерзлую землю. Городъ пока еще не подвергался дѣйствительной осадѣ. Въ январѣ, т.-е. спустя около мѣсяца по своемъ прибытіи, Шеинъ пишетъ въ Москву, что собирается „осадить городъ Смоленскъ кругомъ“; но у него недостаточно ни пѣхоты, ни конницы; а изъ нѣтчиковъ, которыхъ списки онъ послалъ, къ нему еще „не бывалъ ни одинъ человѣкъ“. Очевидно, онъ ждетъ воеводъ Прозоровскаго и Нагово, которые должны были идти къ нему на сходъ. Въ то же время онъ, однако, доноситъ о своихъ успѣхахъ, которые состояли въ томъ, что незначительный отрядъ, посланный имъ воевать Мстиславскій и Оршанскій уѣзды, побилъ какихъ-то литовскихъ людей и взялъ полонъ, хотя и не доходилъ до самой Орши, гдѣ Гонсѣвскій собиралъ подмогу смоленскому гарнизону.

Межъ тѣмъ для подобныхъ подвиговъ, т.-е. для разоренія зарубежныхъ русскихъ областей, образовался другой болѣе значительный отрядъ помимо воли главнокомандующаго. Извѣстно, что уже во время Дорогобужскаго сидѣнья Шеина изъ его полковъ начались побѣги кормовыхъ (безпомѣстныхъ) дѣтей боярскихъ и Донскихъ казаковъ. Они образовали вольную шайку, которая пошла грабить села и деревни Смоленскаго уѣзда. Тутъ къ ней присталъ Иванъ Балашъ, крестьянинъ Дорогобужскаго уѣзда Болдина монастыря; его взяли проводникомъ, такъ какъ онъ хорошо зналъ дороги въ литовскіе города. Но, очевидно, это былъ недюжинный человѣкъ; ибо вскорѣ онъ является не простымъ проводникомъ, а въ родѣ атамана той же шайки, которая усилилась другими бѣглецами русской рати, такъ что достигла полуторатысячнаго числа. Она воевала на свою руку, грабила села, разоряла города, напримѣръ, Кричевъ и Чичерскъ. Къ шайкѣ Балаша былъ отправленъ Владиміръ Прокофьевичъ Ляпуновъ „съ государевымъ жалованнымъ словомъ“: онъ предлагалъ прощеніе тѣмъ, которые вернутся на государеву службу подъ Смоленскъ. Часть людей послушалась, и шайка стала распадаться. Балашъ, повидимому, также склонялся на государево жалованное слово; но оставшіеся воры заставили его

насильно идти съ ними. Когда они пробирались къ Новгороду Сѣверскому мимо Стародуба, воевода стародубскій Еропкинъ послалъ на нихъ отрядъ, который побилъ воровъ; причемъ захватили Балаша; тѣмъ и окончились его подвиги. Часть разбитой шайки, 220 человѣкъ, потомъ сдалась на увѣщанія Еропкина и воротилась въ полки, а остальные побѣжали на Донъ.

Только въ концѣ января пришли подъ Смоленскъ со своими полками князь Семенъ Прозоровскій и его новый товарищъ князь Бѣлосельскій изъ крѣпости Бѣлой и Богданъ Нагово изъ Серпейска. Имъ Шеинъ назначилъ мѣста къ западу отъ Смоленска, тамъ, гдѣ были королевскіе таборы во время осады 1610 года; къ нимъ присоединенъ и отрядъ Яицкихъ казаковъ, прибывшихъ съ атаманомъ Лупандинымъ. Станъ Прозоровскаго оказался почти столь же отдаленнымъ отъ города, какъ и станъ Шеина. Соревнуя главнокомандующему, Прозоровскій со всѣхъ сторонъ окопался высокими валами; недовольствуясь тѣмъ, воспользовался сосѣднимъ болотомъ: воду, стекавшую изъ него въ Днѣпръ, запрудилъ и наполнилъ ею свои рвы. Съ правымъ берегомъ онъ сообщался также двумя мостами, прикрытыми на томъ берегу укрѣпленіями. Изъ Москвы около этого времени пришелъ солдатскій полкъ Матисона; пришли и еще нѣкоторые полки. Наконецъ, къ 10 февраля, т.-е. черезъ два мѣсяца по своемъ прибытіи подъ Смоленскъ, Шеинъ доносилъ, что „городъ Смоленскъ совсѣмъ осажденъ, туры поставлены, да и острожки поставлены, изъ города выдти и въ городъ пройти немочно".

Обложеніе города устроилось въ слѣдующемъ порядкѣ.

На западной сторонѣ его, у самаго Днѣпра острожекъ Прозоровскаго; къ нему примыкали шанцы полковника Вилима Кита. По юговосточной сторонѣ шелъ длинный рядъ укрѣпленій, занятыхъ нѣмецко-русской пѣхотой; въ центрѣ ихъ стоялъ Лесли съ своими двумя солдатскими полками; на лѣвомъ его флангѣ полкъ Товія Унзина и Сандерсонъ съ Англичанами; на правомъ—полки Валентина Росформа и Фукса. Еще далѣе, на восточной сторонѣ города, расположился полковникъ Фандамъ. За нимъ въ берегъ Днѣпра упирались ретраншаменты полковника Якова Карла, отдѣленные отъ крѣпости оврагомъ и двумя прудами. Между окопами Прозоровскаго и Сандерсона устроено было нѣсколько шанцевъ, т.-е. небольшихъ, отчасти земляныхъ, отчасти деревянныхъ, укрѣпленій; Англичане ближайшій къ себѣ шанецъ сначала устроили изъ снѣга, а впослѣдствіе сдѣлали его изъ дерна. Лагерь Шеина остался внѣ

линіи обложенія и представлялъ собою какъ бы главный резервъ. Въ слишкомъ открытыхъ мѣстахъ онъ потомъ связанъ былъ съ этой линіей рогатками и засѣками или сваленными деревьями. Но правый берегъ Днѣпра долгое время былъ почти упущенъ изъ виду: тамъ учреждена только незначительная, смѣнявшаяся поочереди, стража, которая стояла на Покровской горѣ, т.-е. на самомъ возвышенномъ пунктѣ того берега. Противъ этой горы на Днѣпрѣ находился постоянный и укрѣпленный мостъ, который соединялъ городъ съ правымъ берегомъ и оставался въ рукахъ осажденныхъ. Близорукій Шеинъ даже не позаботился уничтожить этотъ мостъ. О его близорукости свидѣтельствовало и расположеніе главныхъ батарей, назначенныхъ для разрушенія стѣнъ и башенъ. Казалось бы, Шеинъ долженъ былъ хорошо знать слабыя стороны крѣпости; а между тѣмъ онъ расположилъ пѣхоту Лесли и сосѣднихъ полковниковъ, съ артиллеріей, противъ именно той городской стѣны, позади которой находился старый земляной валъ, оставшійся отъ прежнихъ укрѣпленій: слѣдовательно, въ случаѣ пролома въ стѣнѣ, осаждавшіе должны были встрѣтить другое препятствіе, въ видѣ стараго вала, усиленнаго новыми укрѣпленіями.

Защитники Смоленска, Соколинскій и Воеводскій, частыми вылазками тревожили осаждавшую рать и мѣшали ходу осадныхъ работъ; вообще съ самаго начала они обнаружили систему активной обороны. А Шеинъ, наоборотъ, повелъ пассивную осаду. Имѣя у себя уже до 40.000 войска и обложивъ городъ со всѣхъ сторонъ, онъ все еще не предпринималъ противъ него никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Для того у него былъ важный предлогъ: онъ ждалъ большого наряду, т.-е. тяжелыхъ орудій, которыхъ потребовалъ изъ Москвы и которыя съ великими усиліями везлись теперь подъ Смоленскъ. А пока отъ шанцевъ Лесли занялись веденіемъ подкоповъ подъ городскія стѣны.

Не предпринималъ Шеинъ никакихъ энергическихъ дѣйствій и противъ Гонсѣвскаго, съ которымъ около начала февраля успѣлъ соединиться польный литовскій гетманъ Христофъ Радивилъ. Они подвинулись ближе къ Смоленску и остановились въ 40 верстахъ отъ него въ селѣ Красномъ, гдѣ поставили острогъ, окопали его рвомъ и укрѣпились на случай нападенія, котораго со страхомъ ожидали со стороны Москвитянъ. Въ ихъ соединенныхъ отрядахъ едва ли насчитывалось болѣе 5 — 6 тысячъ человѣкъ. Да и согласія между ними было немного. Гонсѣвскій прежде писалъ къ ново-

избранному королю Владиславу, что готовъ хотя съ 300 человѣкъ пройти въ Смоленскъ. Теперь гетманъ давалъ ему 1.000 для подкрѣпленія гарнизона и 3.000 для конвоированія этого отряда. Но строптивый Смоленскій воевода одинъ безъ гетмана не хотѣлъ идти; за что тотъ его бранилъ и даже собирался бить. Всѣ эти обстоятельства были извѣстны Шеину отчасти отъ перебѣжчиковъ, а отчасти отъ тѣхъ людей, которые тайкомъ посылались изъ Краснаго въ Смоленскъ и были перехватываемы русскою стражею. Только 6 февраля московскіе воеводы, именно Прозоровскій и Нагово, собрались послать подъ Красное около 500 человѣкъ конницы для добыванія языковъ! Этотъ развѣдочный отрядъ встрѣтился съ непріятельскимъ отрядомъ за 15 верстъ отъ Краснаго и послѣ незначительной стычки воротился, приведя съ собой плѣннаго иноземца; отъ послѣдняго узнали только, что непріятельскіе начальники пока намѣрены ночью провести въ городъ небольшое подкрѣпленіе, а сами останутся въ Красномъ до приходу большого войска изъ Литвы. Посланцы же изъ Краснаго въ Смоленскъ, перехваченные Москвитянами, говорили, что „еслибы государевы люди нынѣ надъ Радивиломъ и Гонсѣвскимъ промыслы учинили, то сидѣльцы смоленскіе городъ Смоленскъ сдали бы Государю“. Далѣе русскіе перебѣжчики изъ Смоленска доносили, что въ городѣ хлѣбъ еще есть, но конскаго корму уже нѣтъ, лошади подохли, осталось только съ полтораста, которыхъ кормятъ печенымъ хлѣбомъ; дровъ тоже нѣтъ, жгутъ крыши и лишнія избы; люди мрутъ отъ воды, потому что вода въ колодцахъ нездорова. Всѣ ворота засыпаны, за исключеніемъ Малаховыхъ, а также Водяныхъ, которыя выходятъ на Днѣпръ. Многіе люди говорятъ тамъ о сдачѣ; но Соколинскій бодрствуетъ, держитъ городъ запертымъ, ключи имѣетъ при себѣ, и никого не выпускаетъ, боясь измѣны; а уличенныхъ въ намѣреніи бѣжать вѣшаетъ. Но никакія благопріятныя вѣсти не могли поколебать бездѣятельности Шеина. Вопреки данной ему инструкціи, онъ не шелъ на скоплявшихся въ Красномъ непріятелей, а все продолжалъ готовиться къ правильной осадѣ Смоленска.

Видя его бездѣйствіе, Радивилъ и Гонсѣвскій сдѣлались смѣлѣе и начали посылать подъ нашъ лагерь частые разъѣзды, которые иногда удачно нападали на русскіе разъѣзды и брали многихъ плѣнниковъ. Мало того, разъ ночью (на 26 февраля) они рѣшились прорвать блокаду: приблизились къ городу и послали отрядъ въ 750 человѣкъ казаковъ, драгунъ и гусаръ. Большая часть этого отряда,

300—400 человѣкъ, успѣла прокрасться мимо стана Прозоровскаго и Нагово, избить стражу, переправиться черезъ рѣчку Ясенную и войти въ городъ; а другая часть отстала, заблудилась и начала бродить между московскими острожками. На разсвѣтѣ Русскіе ихъ увидали, разгромили и многихъ побрали въ плѣнъ. Шеинъ съ Измайловымъ поспѣшили отправить въ Москву стольника Семена Измайлова (сынъ Артемія) съ донесеніемъ, что Литовскіе люди въ числѣ 3.000 хотѣли пробиться въ Смоленскъ; но онъ послалъ на нихъ своихъ ратныхъ людей, которые ихъ прогнали и взяли болѣе 300 плѣнныхъ. Воеводы приписали себѣ немалую побѣду, и умолчали объ отрядѣ, прорвавшемся въ городъ; хотя, по ихъ прежнему донесенію, еженочно наряжались изъ полковъ восемь сотенъ стражи, охранявшей пути къ Смоленску отъ Литовскихъ людей. Послѣ такого событія бдительность должна бы усилиться. И тѣмъ не менѣе, спустя около мѣсяца, повторилось то же самое, только въ большихъ размѣрахъ. Непріятели пришли съ той стороны, откуда ихъ не ожидали. Однажды въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, когда Русскіе предавались безпечности, Радивилъ со всѣми своими силами подошелъ къ городу съ правой, еще необложенной, стороны Днѣпра и выслалъ отрядъ въ 600 человѣкъ. Этотъ отрядъ незамѣтно подошелъ лѣсомъ, сбилъ три сотни стражи, стоявшей на Покровской горѣ, и затѣмъ уже при свѣтѣ дня прошелъ по Днѣпровскому мосту въ городъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и бубновъ. По причинѣ ледохода и начавшагося разлива Днѣпра, Русскіе воеводы не могли переправить войско на правый берегъ и должны были со стыдомъ смотрѣть на прибытіе къ осажденнымъ сего подкрѣпленія людьми и боевыми припасами. Шеинъ въ своемъ донесеніи постарался умалить значеніе этого событія: по его словамъ, въ городъ „безвѣстно" прошли полтораста непріятелей; но теперь приняты всѣ мѣры, чтобы впредь ни единый человѣкъ не могъ пробраться сквозь линіи осаждавшихъ. Эти мѣры были слѣдующія: во-первыхъ, только теперь Шеинъ обратилъ вниманіе на Покровскую гору; онъ велѣлъ устроить отъ нея къ Днѣпру линію рогатокъ, а на самой горѣ поставить острожекъ, въ которомъ помѣстить пѣхотный отрядъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ; да 600—700 конницы держали постоянную стражу у рогатокъ, смѣняясь черезъ каждые два дня. Для сообщенія съ другимъ берегомъ устроены четыре плота на канатахъ и готовился еще постоянный мостъ. Доносилъ онъ, будто Днѣпровскій городской мостъ его люди (при

помощи плотовъ и петардъ) наполовину разметали и сожгли, такъ что ходить по немъ теперь нельзя. Послѣдствія показали, что донесеніе это было невѣрно.

Далѣе, всѣ промежутки обложенія постепенно были заполнены рогатками, которыя приготовлялись изъ толстыхъ бревенъ съ воткнутыми въ нихъ крестъ-на-крестъ заостренными кольями; острожки также большею частью были обнесены рогатками. Кромѣ того, полковникъ Яковъ Карлъ выдвинулъ свои шанцы ближе къ городу въ промежутокъ между наугольною башнею и Днѣпромъ. Такимъ образомъ, блокада сдѣлалась тѣснѣе и дѣйствительнѣе; только сѣверная заднѣпровская сторона, съ ея уединенною позиціей на Покровской горѣ, попрежнему оставалась слабѣйшимъ мѣстомъ обложенія; хотя построенный здѣсь острогъ вскорѣ занялъ полковникъ Матисонъ со своимъ полкомъ. А лазутчики все-таки продолжали пробираться съ вѣстями отъ Соколинскаго къ Радивилу и обратно.

Въ началѣ марта („на Ѳедоровѣ недѣлѣ во вторникъ") подъ Смоленскъ прибылъ наконецъ большой нарядъ, привезенный съ огромными усиліями и трудностями: для его провоза приходилось прорубать лѣса, расчищать горы снѣгу или настилать безконечныя гати на болотистыхъ мѣстахъ. Изъ сего наряда устроили три батареи въ шанцахъ Лесли и его товарищей, вблизи городской стѣны. Прошло еще недѣли двѣ, пока орудія были установлены въ турахъ, засыпанныхъ землею; на высокомъ курганѣ поставили самую большую пушку Единорогъ, снаряды которой достигали до Малаховыхъ воротъ. 17 марта началось бомбардированіе; за 15 верстъ кругомъ слышна была орудійная пальба. Продолжалась она нѣсколько дней: у трехъ башенъ, въ томъ числѣ у Малаховой, сбили верхи; въ городовой стѣнѣ образовался проломъ саженъ въ шесть. Казалось бы, еще немного артиллерійской подготовки, затѣмъ дружный приступъ, и Смоленскъ въ нашихъ рукахъ. Но бомбардировка вдругъ прекращена, какъ бы для того, чтобы дать непріятелю время приготовиться къ отпору и „зарубить" въ проломныхъ мѣстахъ тарасы. Недѣли полторы спустя, бомбардировка возобновилась; подвезли лѣстницы; по всѣмъ признакамъ стали готовиться къ приступу. Конечно, предполагали его сдѣлать послѣ взрыва главнаго подкопа. Въ половинѣ апрѣля самъ Шеинъ пріѣзжалъ въ нѣмецкіе шанцы смотрѣть подкопъ; подкопщики ему говорили, что будетъ готовъ къ Свѣтлому Восресенію. А непріятель межъ тѣмъ отъ перебѣжчиковъ получалъ всѣ нужныя свѣдѣнія, съ своей стороны про-

тивъ подкопа копалъ слухи и укрѣплялъ помянутый выше внутренній земляной валъ. Въ концѣ апрѣля воевода даетъ знать въ Москву, что у него все готово для приступа,— только ждетъ прибытія пушечныхъ запасовъ! Итакъ онъ всегда чего-нибудь ждалъ.

Тутъ, къ сожалѣнію, наши источники о ходѣ осады дѣлаются скудны и сбивчивы. Изъ общихъ очерковъ ея и нѣкоторыхъ отрывочныхъ извѣстій мы знаемъ только, что было сдѣлано два приступа, 26 мая и 10 іюня. Главный подкопъ, заключавшій 250 пудовъ пороху, былъ взорванъ; но онъ такъ плохо былъ разсчитанъ, что масса оторванныхъ отъ стѣны и башни камней обрушилась на стоявшій подлѣ русскій отрядъ, приготовленный къ приступу, и значительную его часть перебила и перекалѣчила. Произошло сильное замѣшательство; а когда наступающіе оправились и двинулись на приступъ, они встрѣтили тотъ внутренній земляной валъ, который лежалъ за стѣною и съ котораго осажденные поражали ихъ огнемъ изъ пушекъ. И атака эта производилась не въ ночное время и не внезапно, а при полномъ дневномъ свѣтѣ, когда непріятель все видѣлъ и ко всему приготовился. Разумѣется, приступъ окончился полною неудачею, тѣмъ болѣе что Шеинъ и не думалъ поддержать солдатскіе полки другими войсками. Одинаково неудачны были подкопный взрывъ и приступъ 10 іюня. Поведенные неискусно и нерѣшительно, эти приступы отозвались большою потерею людей и боевого матеріала, а также неизбѣжнымъ отсюда упадкомъ духа среди русской арміи. Впослѣдствіи противъ Шеина возникло даже обвиненіе, что однажды, когда Русскіе уже влѣзли на стѣны и готовы были ворваться въ городъ, онъ вдругъ велѣлъ открыть орудійную пальбу по своимъ, и тѣмъ заставилъ ихъ вернуться. Такая явная измѣна была бы слишкомъ чудовищна; можетъ быть, вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Однако оффиціальный актъ (т.-е. судебный приговоръ надъ Шеинымъ) утверждаетъ, что Шеинъ во время приступа приказывалъ стрѣлять изъ наряду по своимъ; причемъ многіе были побиты. Но это сказано глухо, и фактъ остался неразъясненнымъ.

Во всякомъ случаѣ за этимъ періодомъ неудачныхъ приступовъ наступилъ опять періодъ бездѣйствія со стороны Шеина, который ограничивался блокадою, безуспѣшнымъ бомбардированіемъ и столь же безуспѣшнымъ продолженіемъ подкоповъ. Очевидно, онъ надѣялся въ концѣ концовъ голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ, совершенно забывая о томъ, что за Смоленскомъ стояло цѣлое Польско-Литовское государство, которое при всѣхъ своихъ неустройствахъ

должно же было когда-нибудь придти къ нему на помощь. А между тѣмъ онъ не переставалъ требовать денегъ, припасовъ и подкрѣпленій, постоянно жалуясь на побѣги и нѣти служилыхъ людей и недостаточное количество посошныхъ, которые обязаны были дѣлать подкопы, рыть шанцы, возить въ нѣмецкіе полки дрова и хлѣбные запасы и т. п.

Московское правительство продолжало надѣяться на Шеина и напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы удовлетворить его требованія. По дорогамъ между Москвою и Смоленскомъ постоянно тянулись обозы то съ денежною казною, то съ хлѣбными или боевыми припасами, и шли все новыя и новыя подкрѣпленія. Въ іюнѣ мы встрѣчаемъ царскій указъ о новомъ наборѣ даточныхъ съ монастырскихъ земель, а также съ вотчинъ и помѣстій тѣхъ придворныхъ и служилыхъ людей, которые не находились тогда въ дѣйствующихъ полкахъ, съ 300 четей земли по одному конному ратнику въ полномъ доспѣхѣ, т.-е. въ латахъ или панцырѣ и шишакѣ, на добромъ конѣ, цѣною не менѣе 10 рублей. Немного позднѣе (въ концѣ августа) опять указъ: о наборѣ пѣшихъ даточныхъ ратниковъ съ 300 четвертей по два человѣка, каждый съ пищалью, топоромъ и рогатиной. Тѣмъ и другимъ, т.-е. коннымъ и пѣшимъ, назначено идти подъ Смоленскъ. Туда же въ іюлѣ отправленъ изъ Москвы полковникъ Самуилъ Карлъ Деэбертъ со своимъ рейтарскимъ полкомъ. Съ нимъ посылались также запасы пороху, свинцу, фитилей и провіанту; причемъ по обыкновенію наказывалось, чтобы начальные люди строго смотрѣли на пути за рейтарами и драгунами и не позволяли бы имъ грабить крестьянъ или брать у нихъ кормы силою. Что же касается жалованья ратнымъ людямъ, то въ теченіе съ небольшимъ года, который прошелъ отъ начала Шеинова похода по сентябрь 1633 года включительно, изъ Москвы доставлено было въ его полки болѣе полумилліона рублей— сумма по тому времени весьма значительная. А съѣстныхъ припасовъ за эту пору было доставлено въ армію полторы тысячи четвертей сухарей, слишкомъ 2.300 четвертей крупъ, около 2.500 четвертей толокна, слишкомъ 25.000 ржаной муки и полтораста четвертей гороху, 5.600 пудовъ свинины и 3.600 пудовъ коровьяго масла.

Карла Деэберта помѣстили близъ Прозоровскаго въ укрѣпленныхъ окопахъ.

Пока Шеинъ бездѣйствовалъ подъ Смоленскомъ, лѣтомъ 1633 года происходили оживленныя дѣйствія на другихъ театрахъ вой-

ны; причемъ хотя Москва повела въ началѣ войну наступательную, но, отъ бездѣйствія главной рати, ей потомъ пришлось перейти въ положеніе оборонительное. Поляки выслали противъ насъ Черкасъ или Малороссійскихъ казаковъ, которые повоевали Сѣверскую область. Но ихъ нападенія не всегда были удачны. Такъ въ маѣ полковникъ Песочинскій и князь Еремія Вишневецкій съ польскими, литовскими людьми и Запорожцами осадили Путивль, начали вести шанцы, подводить подкопы и дѣлать приступы; около мѣсяца длилась осада. Мужественные воеводы князь Гагаринъ и Усовъ отбили непріятелей, и тѣ со стыдомъ отступили. Но городъ Валуйки имъ удалось взять и разграбить, благодаря оплошности воеводы Колтовскаго. Не ограничившись Черкасами, Поляки вооружили противъ Москвы Крымцевъ. Ханъ послалъ царевича Мумарекъ Гирея, который напалъ на наши южныя украйны, повоевалъ, пожегъ многія мѣста, и набралъ большой полонъ.

Нашествіе Крымцевъ отразилось подъ Смоленскомъ тѣмъ, что тамъ усилились побѣги: многіе помѣщики южныхъ областей стали уходить, тревожась за участь своихъ семей и имущества. Въ самой Москвѣ преувеличенныя извѣстія о силахъ Татаръ подняли тревогу; начали готовить къ оборонѣ столицу и собирать противъ нихъ особую рать подъ начальствомъ кн. Б. М. Лыкова. Но Крымцы ушли назадъ.

Изъ разныхъ мѣстъ отъ воеводъ приходили иногда гонцы съ сеунчомъ или извѣстіемъ объ удачномъ дѣлѣ съ Литовскими людьми и Татарами, объ отраженіи ихъ, напримѣръ, отъ Ливенъ, Пронска, Серпухова и пр. Шеинъ съ Измайловымъ ухитрялись тоже время отъ времени присылать донесенія о своихъ посылкахъ подъ Красное, о прогнаніи непріятеля и количествѣ взятыхъ въ плѣнъ; причемъ незначительныя стычки своихъ разъѣздовъ и фуражировъ или отбитіе небольшихъ вылазокъ изъ крѣпости они обращали въ какія - то побѣды, и своему бездѣйствію придавали видъ дѣятельности. Раза два пытались непріятельскія партіи прорваться въ городъ, но неудачно, и опять донесенія о побѣдахъ. Но вотъ пришлось наконецъ донести о важномъ событіи: о прибытіи подъ Смоленскъ непріятельской рати съ самимъ королемъ Владиславомъ во главѣ! (8).

Сигизмундъ III Ваза оставилъ послѣ себя пять сыновей: старшаго Владислава отъ первой жены Анны, а прочихъ отъ второй жены Кон-

станціи. Претендентомъ на польскую корону выступилъ Владиславъ, который по смерти отца номинально величалъ себя королемъ Шведскимъ. Архіепископъ-примасъ Янъ Венжикъ созвалъ приготовительный или Конвокаційный сеймъ на 22 іюня (Грегоріанскаго стиля).

На этомъ сеймѣ ясно обнаружилось тревожное и опасное положеніе государства, потрясеннаго борьбою религіозныхъ партій и цѣлыхъ народностей, которую вызвали мѣры католической нетерпимости покойнаго короля, въ особенности пресловутая унія. Православные Западноруссы соединились съ диссидентами, т. е. протестантами разныхъ видовъ, и предъявили на сеймѣ цѣлый рядъ требованій въ огражденіе своихъ имущественныхъ и политическихъ правъ. Малороссійское казачество волновалось и съ своей стороны требовало не только свободы греческаго исповѣданія, но также участія въ избраніи короля и другихъ правъ. На конвокаційномъ сеймѣ назначено было 27 сентября днемъ сейма Элекційнаго или избирательнаго. Сей послѣдній долго занимался препирательствомъ по разнымъ вопросамъ, и, только побуждаемый начавшеюся Польско-Московскою войною, 8 ноября 1632 года приступилъ, наконецъ, къ избранію короля, которымъ и былъ единогласно выбранъ Владиславъ. Спустя нѣсколько дней, онъ присягнулъ на pacta conventa. Въ число этихъ pacta, въ виду военнаго времени, включенъ новый пунктъ о томъ, чтобы на войско шла не одна, а двѣ четверти (кварты) доходовъ съ королевскихъ имѣній (собственно съ державцевъ этихъ имѣній); шляхта же по обыкновенію старалась освободить себя отъ обременительныхъ военныхъ расходовъ. За элекційнымъ сеймомъ послѣдовалъ Коронаційный, который былъ назначенъ на 31 января 1633 года. Но только 6 февраля совершилось коронованіе новоизбраннаго короля въ Варшавѣ. Послѣ того начались приготовленія къ его походу подъ Смоленскъ; но они крайне замедлялись недостаткомъ денегъ. Употреблялись чрезвычайныя мѣры для пополненія королевской казны. Такъ, ради 90.000 золотыхъ, поднесенныхъ бранденбургскимъ курфирстомъ Вильгельмомъ, король освободилъ его отъ обязанности пріѣхать въ Варшаву, чтобы лично принести ленную присягу въ качествѣ герцога Прусскаго, а позволилъ сдѣлать это чрезъ посольство—важный шагъ къ независимости Пруссіи отъ Польши. На военныя издержки Владиславъ продалъ также разныя королевскія сокровища, въ томъ числѣ и отцовскую корону, стоившую 50.000 золотыхъ. Эти приготовленія, а равно всякія неустройства и волненія въ Рѣчи Посполитой, кото-

рыя пришлось улаживать новому королю, задержали его такъ долго, что онъ только въ августѣ мѣсяцѣ 1633 года выступилъ въ походъ, двинувъ отряды изъ Вильны и Орши, двухъ сборныхъ пунктовъ, и едва успѣвъ собрать до 15.000 войска.

Вотъ сколько времени Польша была связана внутренними условіями и не могла придти на помощь смоленскому гарнизону. Оказывается, что, начиная войну, въ Москвѣ разсчитали вѣрно; но это драгоцѣнное время Шеинъ безвозвратно потратилъ на пассивную осаду города, т.-е. на безславное сидѣніе въ своихъ окопахъ и острожкахъ, которые онъ продолжалъ возводить и укрѣплять съ какимъ-то тупымъ упрямствомъ. Очевидно, онъ не понималъ, что, по мѣрѣ расширенія и увеличенія его укрѣпленій, рать его все болѣе и болѣе теряла свою подвижность и обращалась въ простые гарнизоны воздвигнутыхъ имъ остроговъ. Если тутъ не было прямой злонамѣренности, то невѣжество Шеина въ военномъ дѣлѣ является просто поразительнымъ.

Смоленскій гарнизонъ едва держался, страдая отъ недостатка съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Доходившіе отъ него письма умоляли о скорѣйшей помощи, иначе онъ долженъ будетъ сдаться. Но отрядъ литовскихъ войскъ, стоявшій подъ Краснымъ, былъ слабъ и самъ терпѣлъ во всемъ недостатокъ; притомъ у него открылся сильный конскій падежъ. Въ это время особенно много было перебѣжчиковъ отъ непріятеля въ русскіе лагери. Шеинъ получалъ отъ нихъ подробныя извѣстія; но по прежнему ничего рѣшительнаго не предпринималъ, продолжая заниматься безнадежными подкопами подъ стѣны города и укрѣпленіями своего лагеря.

8 августа воротился подъ Красное гетманъ Радивилъ, ѣздившій на встрѣчу королю; хотя великій литовскій гетманъ Левъ Сапѣга не задолго до того скончался, однако Радивилъ пока не получилъ его булаву и продолжалъ оставаться полевымъ гетманомъ (его недолюбливали какъ протестанта). Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ панъ Песочинскій съ двухтысячнымъ отрядомъ кварцянаго войска. Они двинулись къ Смоленску и стали лагеремъ на Глушицѣ, на изгибѣ лѣваго берега Днѣпра, верстахъ въ 7—8 отъ Смоленска. Здѣсь укрѣпились, навели мостъ чрезъ рѣку, и начали производить рекогносцировки, доходя до самаго острога Прозоровскаго и сосѣднихъ съ нимъ шанцевъ. Русскіе вступали въ небольшія стычки съ непріятелемъ; но большею частію держались подъ защитою своихъ пушекъ и окоповъ, и не осмѣливались принять бой въ открытомъ

полѣ. 25 августа прибылъ и самъ король съ короннымъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ другой польный гетманъ, Казановскій. При немъ состоялъ со своимъ отрядомъ Смоленскій воевода, пресловутый Гонсѣвскій, который, вопреки обычаю, не хотѣлъ соединиться съ собственнымъ, т.-е. литовскимъ, гетманомъ, по своей враждѣ къ нему. Оба польные гетмана также находились въ распряхъ другъ съ другомъ. Каждый изъ нихъ желалъ имѣть короля у себя въ обозѣ. Владиславъ сталъ въ обозѣ Радивила на Глушицѣ. Гонсѣвскій отправилъ своего челядинца въ городъ съ извѣстіями о прибытіи короля и предстоящемъ совмѣстномъ нападеніи на осаждающихъ. Посланецъ однако не могъ пробраться незамѣченнымъ сквозь русскія линіи; тогда онъ бросился въ Днѣпръ и, постоянно ныряя, подплылъ къ самымъ стѣнамъ; тутъ воспользовался однимъ изъ обваловъ, произведенныхъ русскими пушками, и безъ всякой лѣстницы взобрался въ крѣпость.

Прибытіе короля съ главными силами на помощь Смоленску нарушило царствовавшее дотолѣ сравнительное бездѣйствіе московскаго войска и заставило его выдержать цѣлый рядъ битвъ, но всетаки не вызвало его на активную борьбу.

Узнавъ отъ воротившагося посланца о крайнемъ положеніи гарнизона, терпѣвшаго уже голодъ, король рѣшилъ немедля произвести нападеніе на осаждающихъ, несмотря на большое неравенство силъ: у него было по крайней мѣрѣ вдвое менѣе людей, чѣмъ у Шеина; по соединеніи съ литовскимъ отрядомъ изъ-подъ Краснаго, оно теперь едва достигало 20.000 человѣкъ. Въ совѣтѣ королевскомъ обсуждался вопросъ, на какіе пункты русскихъ осадныхъ линій сдѣлать нападеніе. Рѣшено было прорвать слабѣйшую ихъ часть, т.-е. заднѣпровскую. На другой или на третій день по своемъ прибытіи Владиславъ въ ночь съ 27 на 28 августа перешелъ по наведеннымъ мостамъ на правую сторону Днѣпра, раздѣливъ свое войско на двѣ колонны: правая колонна, гетмана Казановскаго и Гонсѣвскаго, направилась на таборъ Прозоровскаго, чтобы не допустить его къ поданію помощи; а лѣвая, Радивила, при которой находился король съ своимъ братомъ Яномъ Казиміромъ, должна была ударить на Покровскую гору, т.-е. на лагерь Матисона. Кромѣ того отдѣленъ былъ особый отрядъ подъ начальствомъ полковника Розена, чтобы обойти Покровскую гору, стать на сообщеніяхъ Матисона съ Шеинымъ и такимъ образомъ отрѣзать помощь съ той стороны. На этотъ разъ непріятели не застали Русскихъ врасплохъ.

Нападеніе на Покровскую гору встрѣтило упорное сопротивленіе. Массивныя рогатки и вырытые около нихъ ровики задержали нападающихъ; а когда они изрубили часть рогатокъ и прорвались внутрь линій, то здѣсь закипѣлъ жаркій бой съ отрядомъ Матисона. Въ то же время изъ Смоленска вышелъ Воеводскій съ частью гарнизона и ударилъ на этотъ отрядъ съ другой стороны. Пока Матисонъ отбивался съ обѣихъ сторонъ, вдоль Днѣпровскаго берега у подошвы Покровской горы уже пробирался обозъ съ съѣстными и боевыми припасами, назначенный для осажденнаго города. Этотъ транспортъ, сопровождаемый полковникомъ Денгофомъ, направился по Днѣпровскому мосту, который оказался совсѣмъ неуничтоженнымъ, вопреки донесеніямъ Шеина. Но король долженъ былъ поддерживать сраженіе почти до вечера, пока транспортъ благополучно вошелъ въ крѣпость; а вслѣдъ за нимъ введено было туда и подкрѣпленіе, именно полкъ королевича Казимира въ 1200 человѣкъ. Воеводскій отступилъ въ городъ, потерявъ нѣсколько сотъ человѣкъ; полковникъ Денгофъ на обратномъ пути отъ города былъ смертельно раненъ. Король отошелъ въ свой лагерь; а храбрый Матисонъ снова занялъ свои линіи и вновь ихъ укрѣпилъ. Колонна Казановскаго помѣшала Прозоровскому подать помощь; но, увлекшись военнымъ пыломъ, гетманъ хотѣлъ взять его предмостныя укрѣпленія, при чемъ попалъ на засаду, скрытую во рвахъ и оврагахъ, и кромѣ того потерялъ много людей отъ артиллерійскаго огня съ валовъ острожка. Такимъ образомъ и Казановскій отступилъ съ большими потерями. Шеинъ въ этотъ день бездѣйствовалъ, и не подалъ никакой помощи Матисону. За то, когда на другой день король прислалъ трубача съ просьбой выдать тѣла убитыхъ, онъ любезно согласился на эту просьбу. Такимъ образомъ хотя Владиславу удалось нѣсколько подкрѣпить гарнизонъ; однако это ему дорого стоило и на первый разъ онъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе; впрочемъ, то же сопротивленіе показало ему разрозненность и малую подвижность Русскаго войска. Поэтому въ слѣдующіе дни онъ ничего не предпринималъ, и сталъ собираться съ силами, поджидая еще нѣкоторые шедшіе къ нему отряды, а главное Запорожцевъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться симъ затишьемъ, еще не полною силою непріятеля и его утомленіемъ послѣ дѣла 28 августа, Шеинъ не двигался изъ своего укрѣпленнаго лагеря и только считалъ количество убывавшихъ у него людей; ибо съ приходомъ короля побѣги дѣтей боярскихъ изъ

русскаго войска чрезвычайно усилились. Поколебалась и вѣрность наемниковъ: иноземцы часто начали переходить изъ русскаго лагеря въ королевскій. Между прочимъ перебѣжало нѣсколько Волоховъ, которые жаловались на крайнюю усталость: отъ постоянныхъ тревогъ и опасеній непріятельскаго нападенія ихъ держатъ на стражѣ днемъ и ночью; а жалованье хотя и выплачивали ежемѣсячно, но приходится все съѣстное дорого покупать у царскихъ харчевниковъ. Всѣ военныя мѣры Шеина въ это время, повидимому, ограничились тѣмъ, что онъ нѣсколько подкрѣпилъ Матисона и перевелъ Фандама съ его полкомъ изъ прежней довольно безполезной позиціи въ свободное дотолѣ пространство между городомъ и Прозоровскимъ.

7 сентября на помощь королю пришли Запорожцы, будто бы въ числѣ 15.000 человѣкъ (число едва ли не преувеличенное). Одинъ полякъ-очевидецъ изображаетъ ихъ безпорядочною толпою, у которой весь порядокъ заключался въ томъ, что каждая часть шла около своей хоругви; по его замѣчанію, эти темныя фигуры, облеченныя въ бараньи шкуры, скорѣе походили на сатировъ, чѣмъ на добрыхъ людей; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ красную или цвѣтную одежду; зато у нихъ было великое презрѣніе къ смерти и больше заботы о горѣлкѣ, чѣмъ о жизни. Не желая явиться передъ королемъ съ пустыми руками, они прежде всего сдѣлали внезапное нападеніе на русскія линіи, и захватили трехъ иноземныхъ офицеровъ; послѣ чего пришли къ Владиславу, и, вмѣсто всякаго привѣтствія, сказали только: „король, вотъ тебѣ три Нѣмца!“ (хотя то были Французы). Король въ награду велѣлъ имъ дать два ведра крѣпкаго меду и 20 талеровъ. Вообще онъ пользовался преданностію казаковъ, и былъ очень обрадованъ прибытіемъ этихъ беззавѣтно храбрыхъ людей.

Прошло около двухъ недѣль послѣ первой попытки; король, немедля долѣе, снова началъ свое наступленіе на осаждавшую московскую рать и тѣмъ усерднѣе, что изъ Смоленска проскользали извѣстія объ увеличившейся опять нуждѣ въ съѣстныхъ и боевыхъ припасахъ. Матисонъ межъ тѣмъ успѣлъ не только возобновить свои укрѣпленія, но еще усилилъ ихъ новыми рядами рогатокъ и рвами, а также поставилъ новые блокгаузы у подошвы Покровской горы, чтобы отрѣзать подступы къ Днѣпровскому мосту. Въ томъ мѣстѣ находилась церковь Петра и Павла; онъ окружилъ ее шанцами и обратилъ въ фортъ. Поэтому нѣкоторые совѣтовали королю дѣйствовать теперь на лѣвомъ берегу Днѣпра и отрѣзать Прозоровскаго. Но, согласно съ мнѣніемъ гетмана Радивила, король вновь

обратился на Покровскую гору. На этотъ разъ противъ Прозоровскаго онъ назначилъ колонну литовскаго гетмана, а Казановскаго двинулъ на сообщенія Матисона съ Шеинымъ; самъ же съ остальными войсками въ ночь съ 10 на 11 сентября выступилъ противъ Матисона. Одну часть Запорожцевъ онъ оставилъ для охраны лагеря, а другую раздѣлилъ между обоими гетманами. Шедшій въ авангардѣ полковникъ Мадаленскій сбилъ стражу на рѣчкѣ Городенкѣ и ударилъ на шанцы Петропавловской церкви; король послалъ ему на помощь полкъ Арцишевскаго. Здѣсь завязалось самое жаркое дѣло. Смоленскій гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и напалъ на фортъ съ другой стороны. Матисонъ прислалъ подмогу; самъ же онъ не могъ двинуться изъ своего острога, угрожаемый главными силами короля и осыпаемый артиллерійскими снарядами. Попытка русскихъ ратныхъ людей съ лѣваго берега переправиться на правый и подать помощь своимъ была отбита гусарами и Запорожцами Радивила. Литовскій гетманъ дѣйствовалъ такъ искусно, что не только не дозволилъ Прозоровскому послать помощь Матисону, но и отбилъ его предмостныя укрѣпленія, а затѣмъ самъ пошелъ помогать добывавшимъ Петропавловскій фортъ. Не успѣвъ взять его приступомъ, непріятель къ вечеру поставилъ вблизи батареи и началъ его обстрѣливать. Поэтому, не надѣясь долѣе держаться, защитники форта ночью его очистили. На слѣдующій день Литовцы, взявъ остальныя укрѣпленія у подошвы Покровской горы, возобновили атаки на острогъ Матисона; но онъ стойко выдерживалъ нападеніе. Съ лѣваго берега отрядъ русскихъ стрѣлковъ обстрѣливалъ непріятеля, помѣстясь за вновь устроеннымъ бревенчатымъ прикрытіемъ. Часть Запорожцевъ, сбросивъ съ себя одежду, нагая съ саблями въ рукѣ подъ огнемъ стрѣлковъ переплыла Днѣпръ, прогнала ихъ и разорила прикрытіе.

Со стороны Шеина была сдѣлана только слабая попытка помочь Матисону: онъ послалъ ему нѣсколько тысячъ конницы и небольшой отрядъ стрѣльцовъ. Такъ какъ Казановскій вновь соединился съ королемъ и вмѣстѣ осаждалъ Покровскую гору, то эта помощь, благодаря рощамъ, пригоркамъ и лощинамъ, незамѣтно подошла къ шанцамъ, которые непріятель успѣлъ уже возвести у подошвы горы на восточной ея сторонѣ. Тутъ увидалъ ее Радивилъ. Храбрый и расторопный гетманъ, не долго думая, взялъ нѣсколько бывшихъ подъ рукою гусарскихъ хоругвей, и стремительно ударилъ на Русскихъ. Московская конница не выдержала удара и обратилась въ постыдное бѣгство, а пѣхота мужественно защи-

щалась и большею частію полегла на мѣстѣ. Тѣмъ и ограничилось содѣйствіе Шеина Матисону. Послѣдній очутился въ критическомъ положеніи, такъ какъ Поляко - Литовцы почти со всѣхъ сторонъ окружили его позицію шанцами, батареями и отрядами. Поэтому онъ воспользовался темнотою наступившей ночи, вывелъ свой отрядъ изъ окоповъ и прокрался съ нимъ мимо непріятелей. Онъ отступилъ къ острогу Шеина, и расположилъ за нимъ свой лагерь. Отступленіе это онъ совершилъ съ разрѣшенія самого Шеина, съ которымъ успѣлъ предварительно обослаться. На слѣдующее утро Поляки заняли Покровскую гору; добычею ихъ въ русскомъ острожкѣ были нѣсколько пушекъ и порядочные запасы провіанту. Король перенесъ сюда свой лагерь изъ Глушицы. Такимъ образомъ Смоленскъ былъ освобожденъ отъ блокады съ праваго берега, и по Днѣпровскому мосту установились сообщенія его съ королевскимъ лагеремъ. Владиславъ пріѣхалъ въ городъ, отслужилъ Te Deum въ храмѣ Іезуитовъ, и пробылъ цѣлый день среди мужественнаго гарнизона, осматривая поврежденія въ стѣнахъ и ближнія осадныя работы Русскихъ.

Уже одинъ бѣглый взглядъ на поведеніе вождей обѣихъ армій достаточно объясняетъ намъ исходъ дѣла. Съ одной стороны мы видимъ молодого, исполненнаго отваги и энергіи Владислава, который вездѣ лично распоряжается, даетъ единство дѣйствіямъ своихъ отрядовъ, самъ раздѣляетъ труды и опасности своихъ воиновъ, и одушевляетъ ихъ собственнымъ примѣромъ. Въ теченіе двухдневныхъ приступовъ на Покровскую гору онъ даже на ночь не удалялся въ лагерь, а спалъ тутъ же въ каретѣ неподалеку отъ шанцевъ. Съ другой стороны видимъ престарѣлаго, бездѣятельнаго, постоянно скрывающагося въ своихъ окопахъ воеводу; лично Шеинъ нигдѣ не выступаетъ во главѣ сражающихся. Онъ совершенно не понималъ того, что творилось передъ его глазами, и потому, когда нужно было со всѣми свободными силами самому ударить на короля, осаждавшаго Покровскую гору, онъ безсмысленно ограничился посылкою небольшого отряда. Еслибы онъ по крайней мѣрѣ наблюдалъ хотя какое-либо единство въ дѣйствіяхъ своихъ разсѣянныхъ вокругъ Смоленска войскъ! Напротивъ, эти войска какъ бы не имѣли общаго предводителя, и каждый отдѣльный начальникъ былъ предоставленъ своимъ силамъ и своему усмотрѣнію. Понятно, что при такихъ условіяхъ духъ русскаго войска долженъ былъ находиться въ самомъ угнетенномъ состояніи, что побѣда доставалась Полякамъ слишкомъ легко, и торжество ихъ было вполнѣ обезпечено.

Разумѣется, непріятель не ограничился уничтоженіемъ блокады на правомъ берегу Днѣпра, а началъ того же добиваться и на лѣвомъ берегу.

Въ королевскомъ совѣтѣ рѣшено было теперь отрѣзать Прозоровскаго отъ Шеина, а потомъ взять его острогъ, также какъ былъ взятъ Матисоновъ. Спустя около недѣли послѣ завладѣнія Покровской горой, изъ лагеря съ этой горы двинулась сильная колонна Поляковъ, Нѣмцевъ и Запорожцевъ, подъ начальствомъ полковниковъ Вейера и Абрамовича, прошла черезъ городъ и на разсвѣтѣ, 18 сентября, напала на шанцы полковника Фандама, а также на обозъ Карла Деэберта, которые прикрывали Прозоровскаго со стороны города. Здѣсь тоже непріятель не засталъ Русскихъ врасплохъ и встрѣтилъ мужественное сопротивленіе. Бой у шанцевъ длился съ перемѣннымъ счастіемъ. Польскіе гусары и рейтары, которые переправились въ бродъ черезъ Днѣпръ и вышли въ тылъ Фандаму, на сей разъ не восторжествовали надъ русской конницей даже въ открытомъ полѣ: Карлъ Деэбертъ съ своимъ рейтарскимъ полкомъ сразился съ ними у монастыря Архангельскаго, многихъ побилъ, остальныхъ вогналъ обратно въ рѣку. Получая помощь изъ города, Поляко-Литовцы нѣсколько разъ возобновляли свои атаки; общимъ ходомъ дѣла руководилъ гетманъ Радивилъ; а Прозоровскій посылалъ нѣкоторыя подкрѣпленія Русскимъ, вмѣсто того, чтобы ударить на непріятеля своими главными силами и совершенно его разбить. Наконецъ Поляки отступили; кажется, въ этомъ именно сраженіи они потеряли храбраго защитника Смоленска, Воеводскаго. Но такая побѣда русскихъ отрядовъ оказалась безплодною: ясно было, что за симъ нападеніемъ послѣдуютъ другія, и Прозоровскій съ Нагово будутъ отрѣзаны отъ Шеина. Поэтому они обослались съ нимъ и получили отъ него приказъ: немедля покинуть свой острогъ и со всѣми людьми идти къ нему въ таборы. Прозоровскій въ ту же ночь исполнилъ приказъ съ такою поспѣшностію, что бросилъ двѣ большія и одну малую пушки, множество всякаго оружія и съѣстныхъ припасовъ, а также больныхъ и раненыхъ; уходя онъ велѣлъ зажечь свой острожекъ и взорвать находившійся въ его станѣ храмъ св. Троицы; вообще поступилъ какъ настоящій варваръ. Фандамъ и Деэбертъ тоже должны были покинуть свои позиціи: не предупрежденные заранѣе, они не успѣли взять съ собою бывшіе у нихъ запасы провіанта и конскаго фуража, и, уходя на зарѣ, также зажгли свои лагери. Но пожаръ, скоро потушенный случившимся сильнымъ дож-

демъ, не истребилъ русскихъ запасовъ. На слѣдующій день непріятели воспользовались ими: если вѣрить польскимъ извѣстіямъ, то нѣсколько тысячъ человѣкъ цѣлый день возили изъ русскихъ острожковъ запасы на телѣгахъ и вьючныхъ коняхъ и не могли всего вывезти. Одного сѣна будто бы тамъ было припасено на зиму до 10.000 возовъ.

Отступившіе 19 сентября отряды, подобно Матисону, расположились за острогомъ Шеина и принялись воздвигать для себя новые окопы съ тыномъ и рогатками.

Естественно, за Прозоровскимъ съ товарищами наступила очередь солдатскихъ полковъ, занимавшихъ позиціи подъ самыми стѣнами на юговосточной сторонѣ Смоленска, т.-е. очередь иноземныхъ полковниковъ, съ Лесли во главѣ. Отступленіе ихъ, какъ и Прозоровскаго, произошло по приказанію Шеина, одобренному изъ Москвы. Главнымъ предлогомъ послужило спасеніе большого московскаго наряда, который помѣщался въ этихъ окопахъ. Такъ какъ у Шеина, по его донесенію уже не оставалось „ни одного человѣка посохи" или чернорабочихъ ратныхъ людей, то воеводы уговорили русскихъ солдатъ всѣхъ полковъ иноземнаго строя отвезти пушки на себѣ, съ помощію катковъ, устроенныхъ изъ бревенъ. Съ великими усиліями пушки были вывезены изъ такъ наз. „земляныхъ городковъ": каждое большое орудіе тащили по нѣскольку сотъ человѣкъ; а самая огромная пушка была такихъ размѣровъ, что подъ нее потребовалось до 2.000 солдатъ. Эта работа производилась двѣ ночи сряду, и, когда она была окончена, то въ ночь на 23 сентября солдатскіе полки совсѣмъ очистили свои городки, зажгли ихъ, и пошли занимать новые окопы, примыкающіе къ острогу Шеина. Но при этомъ отступленіи иноземные наемники уже цѣлыми десятками покидали свои полки и переходили къ непріятелямъ. Утромъ послѣдніе поспѣшили въ покинутые городки; шедшіе тогда дожди погасили пожаръ. Полякамъ и тутъ досталась порядочная добыча, въ видѣ деревянныхъ бревенъ, штурмовыхъ лѣстницъ, каменныхъ и желѣзныхъ бомбъ и всякаго брошеннаго оружія. Они дивились искуснымъ инженернымъ работамъ въ этихъ городкахъ, ихъ высокимъ валамъ и хорошо устроеннымъ землянкамъ; но работы эти возводились подъ руководствомъ иноземцевъ и представляли ту степень инженернаго искусства, на которой оно стояло тогда въ Западной Европѣ; укрѣпленія устроены были въ особенности по образцамъ итальянскимъ и бельгійскимъ. По замѣчанію Поляковъ, обильно снабженные всѣми припасами, Русскіе могли бы дер-

жаться здѣсь еще долгое время. Это такъ; но какая была бы цѣль сидѣть здѣсь въ заперти, при упорномъ бездѣйствіи Шеина?

Такимъ образомъ осада Смоленска кончилась. Дальнѣйшее стояніе Русской арміи здѣсь утратило всякій смыслъ; Шеину оставалось, не теряя времени, уходить прочь, если онъ не разсчитывалъ давать генеральное сраженіе. Но, вѣрный своему гибельному бездѣйствію, Шеинъ не тронулся съ мѣста и не предпринялъ активной обороны, а вновь принялся за свою Сизиѳову работу, т.-е. за возведеніе огромныхъ окоповъ и укрѣпленій вокругъ всей арміи, скученной теперь въ одномъ пунктѣ. Онъ все чего-то ждалъ, и дождался наконецъ до того, что ему отрѣзали пути отступленія, и самъ онъ очутился въ осадѣ вмѣсто Смоленска. Конечно, его привязывалъ къ окопамъ, главнымъ образомъ, все тотъ же большой нарядъ, который онъ, на свою же пагубу, вытребовалъ изъ Москвы.

Съ собранными теперь въ кучу войсками, Шеинъ началъ устраиваться на вторую зиму въ своихъ страшныхъ окопахъ, и ожидалъ подвоза всякихъ съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ по рѣкѣ Днѣпру изъ главнаго складочнаго и опорнаго пункта, т.-е. изъ Дорогобужа. Но Владиславъ прежде всего постарался уничтожить этотъ складъ. Посланный имъ отрядъ войска съ частью Запорожцевъ, подъ начальствомъ пана или каштеляна каменецкаго Песочинскаго, въ концѣ сентября напалъ на Дорогобужъ и взялъ посадъ; русскій гарнизонъ заперся въ кремлѣ. Солдаты непріятельскіе предались грабежу. Опасаясь безпорядка, которымъ могли воспользоваться Русскіе, Песочинскій велѣлъ зажечь посадъ, и онъ сгорѣлъ со всѣми своими запасами. Запорожцы отсюда доходили до Вязьмы, опустошая все огнемъ и мечомъ. 6 октября весь отрядъ воротился къ королю, обремененный добычею и плѣнниками. А король въ это самое время уже покинулъ лагерь на Покровской горѣ и съ главными своими силами совершалъ кружный, трудный обходъ, чтобы зайти въ тылъ русскому лагерю. Мѣстность здѣсь очень холмиста и лѣсиста, пересѣчена балками, оврагами, рѣчками и болотами. Это фланговое движеніе началось 5 октября и длилось дня три или четыре, преимущественно по ночамъ. Благодаря туманамъ, холмамъ и лѣснымъ порослямъ, а главное, благодаря преступному нерадѣнію и полному бездѣйствію Шеина, польское войско успѣло незамѣтно для Русскихъ обогнуть Дѣвичью гору и ея ретраншаментъ, связанный съ ихъ лагеремъ, переправиться черезъ Вязовню и другія сосѣднія рѣчки и обойти Жаворонкову гору, которая по своему значительному возвышенію господствуетъ надъ лѣвымъ берегомъ и слѣдо-

вательно надъ русскимъ станомъ, но которую Шеинъ и не подумалъ ввести въ кругъ своихъ укрѣпленій. Проходя этотъ путь отдѣльными отрядами и борясь съ разными затрудненіями, особенно при перевозкѣ артиллеріи въ дождливую погоду по размокшей, вязкой почвѣ, голодный и утомленный непріятель очень боялся нападенія со стороны Русскихъ, нападенія, которое при дружномъ и рѣшительномъ ударѣ могло бы окончиться полнымъ его пораженіемъ. Но Шеинъ спалъ, обманутый нарочно распущеннымъ слухомъ объ уходѣ короля вглубь Россіи, и проснулся только тогда, когда Поляки, достигши такъ наз. Богдановой околицы при рѣкѣ Колоднѣ, заняли Жаворонкову гору, и поставили здѣсь свои батареи. Онъ вдругъ какъ бы встрепенулся.

9 октября, раннимъ утромъ русская пѣхота и конница по мосту и на лодкахъ переправилась на правый берегъ Днѣпра и начала штурмовать гору, а изъ тяжелыхъ орудій открылась сильная канонада. По отзыву польскихъ источниковъ, во всю кампанію Русскіе не дѣйствовали съ такою отвагою и рѣшительностью, какъ въ этотъ день. Не одинъ разъ они уже достигали вершины горы; но были отбиваемы отчаянными атаками гусаръ, пятигорцевъ, казаковъ и непріятельской пѣхоты. Бой длился съ перемѣннымъ счастьемъ цѣлый день до самаго вечера. Постепенно король ввелъ въ дѣйствіе всѣ свои силы, и наконецъ послѣднее нападеніе Русскихъ отбилъ уже собственною гвардіей. А Шеинъ не только по обыкновенію не явился лично на полѣ битвы, но и не подумалъ развернуть всѣ свои средства и произвести болѣе рѣшительное наступленіе. Русскихъ легло въ этотъ день до 2.000 человѣкъ; у Поляковъ было мало убитыхъ, но много раненыхъ и пало много лошадей. Въ ихъ рукахъ осталась Жаворонкова гора; ее они поспѣшили укрѣпить шанцами и батареями, изъ которыхъ ядра ложились въ самый лагерь Шеина и не давали ему покою, тогда какъ русскіе снаряды, направленные вверхъ, причиняли мало вреда непріятелю. Самъ король окопался на Богдановой околицѣ; послѣ чего одинъ за другимъ началъ возводить окопы и ретраншаменты вокругъ русскихъ лагерей, а конница его дѣлала постоянные разъѣзды въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ Шеинъ къ концу октября былъ уже отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ Россіей, и очутился теперь въ тѣсной блокадѣ: съ одной стороны королевскія войска въ своихъ шанцахъ и ложементахъ; съ другой Смоленскій гарнизонъ, который выдвинулъ свои острожки за городъ, ближе къ лагерю Шеина; на юговосточной сторонѣ этого лагеря расположились въ собственныхъ окопахъ Запорожцы.

Послѣ боя 9 октября Шеинъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ новой рѣшительной битвѣ; его войска ограничивались теперь незначительными вылазками, болѣе или менѣе безплодными. Нѣсколько разъ онъ пытался заводить переговоры о перемиріи; для этого обыкновенно посылался трубачъ съ предложеніемъ размѣна плѣнныхъ. Поляки иногда соглашались на размѣнъ, но уклонялись отъ переговоровъ о перемиріи. Когда они устраивали блокаду Шеинова лагеря, естественно побѣги изъ этого лагеря страшно усилились: кто хотѣлъ, спѣшилъ пользоваться возможностью пробираться между непріятельскими острожками. Испомѣщенные дѣти боярскіе уходили въ свои помѣстья, а безпомѣстные казаки, солдаты и вообще простые бѣглецы значительною частью собирались въ шайки и занимались воровствомъ, т.-е. грабежомъ селъ и деревень. Нѣкоторые атаманы или предводители напомнили пресловутаго Балаша, выступившаго годъ тому назадъ. Таковымъ явился атаманъ Чертопрудъ, у котораго набралось до 2.500 бѣжавшихъ изъ-подъ Смоленска кормовыхъ дѣтей боярскихъ, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ. Эта шайка дѣйствовала особенно въ уѣздахъ Смоленскомъ, Дорогобужскомъ и Рославскомъ.

Въ высшей степени любопытно и вмѣстѣ печально видѣть, что въ Москвѣ въ то время какъ бы не сознавали или не желали сознать наше истинное положеніе подъ Смоленскомъ, и своими распоряженіями еще болѣе запутывали дѣло. А, главное, тамъ оба государя все еще продолжали какъ бы вѣрить въ Шеина, все еще ожидали отъ него какихъ-то подвиговъ, посылали спрашивать о его здоровьѣ (5 сентября), старались удовлетворять его безконечныя требованія и жалобы, можетъ быть, убаюкиваемые его хвастливыми донесеніями. Напримѣръ, о штурмѣ Покровской горы 11 и 12 сентября и очищеніи ея Матисономъ Шеинъ доносилъ въ такихъ выраженіяхъ: Поляки всѣми силами „приступали жестокимъ приступомъ два дня“, а онъ съ товарищи, прося у Бога милости, „безотступно два дня да двѣ ночи стояли и бились безпрестанно“; а потомъ „поговоря межъ себя и съ полковниками, Юрія Матисона со всѣми пѣшими людьми и съ народомъ, и съ пушечными запасы вывелъ“. Царская грамота отъ 19 сентября похваляетъ за это Шеина, поручаетъ ему больше всего „нарядъ уберечь“, а затѣмъ разрѣшаетъ ему вывести изъ земляныхъ городковъ къ себѣ въ обозъ князя Прозоровскаго и его товарища князя Бѣлосельскаго со всѣми людьми и запасами, если же нельзя вывезти запасовъ, то пѣшимъ людямъ вы-

давать изъ царскихъ складовъ муку и другіе припасы безденежно. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Дорогобужъ съ Григоріемъ Кошелевымъ послана казна на жалованье солдатамъ и кормовымъ людямъ за будущій октябрь мѣсяцъ 47.073 р. 14 алтынъ 4 деньги. Но этой казнѣ не суждено было дойти до Смоленска. Вскорѣ получилось донесеніе Шеина съ товарищами о томъ, какъ 18 сентября побили польскихъ и литовскихъ людей и какъ послѣ этого боя онъ князя Прозоровскаго со всѣми людьми перевелъ въ свой таборъ. Въ отвѣтъ, 28 сентября, ему и Прозоровскому отъ Царя посылается похвала за то, что они „учинили добро и нынѣ со всѣми людьми стали вмѣстѣ". Ихъ извѣщаютъ, что царь и патріархъ указали идти на Польскаго короля воеводамъ князю Д. М. Черкасскому и князю Д. М. Пожарскому и полковникамъ съ драгунскими полками; „что подъ Смоленскъ велѣли немедля идти воеводѣ Бутурлину изъ Сѣверы, а также изъ Москвы князьямъ Ахамашукову-Черкасскому и Мышецкому съ московскими стрѣльцами и казаками; что придутъ подъ Смоленскъ воеводы и изъ другихъ мѣстъ, а потому стоявшіе подъ Смоленскомъ полковники и ратные люди должны быть надежны и ожидать многихъ ратныхъ людей на помощь. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе смѣнить Шеина и удалить войско изъ-подъ Смоленска, Московское правительство само же одобряетъ его дѣйствія и обѣщаніями скорой помощи поощряетъ оставаться на мѣстѣ и ждать гибели. Очевидно, оно болѣе всего опасалось потерять свой дорогой нарядъ, т.-е. тяжелую артиллерію, которую трудно, почти невозможно было теперь увезти изъ-подъ Смоленска, въ виду предпріимчиваго непріятеля. Но вотъ отъ 24 сентября пришло донесеніе, что Лесли и его товарищи съ солдатскими полками очистили свои земляные городки подъ стѣнами крѣпости, и также убрались въ обозъ Шеина; утѣшеніемъ должно было служить извѣстіе, на которое главнымъ образомъ и напиралъ Шеинъ, что нарядъ весь успѣли вывезти въ его обозъ. (9).

Постоянныя дурныя вѣсти изъ-подъ Смоленска безъ сомнѣнія гибельно подѣйствовали на Филарета Никитича. Здоровье сего почти 80-лѣтняго старца сильно было расшатано страданіями, претерпѣнными въ Смутную эпоху, особенно во время продолжительнаго польскаго плѣна. Мы знаемъ, что въ Москвѣ на патріаршествѣ онъ часто хворалъ. Подъ 1 октября 1633 г. въ Дворцовыхъ разрядахъ находимъ краткую запись: „преставися великій государь святѣйшій патріархъ

Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи". Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что его угнетала скорбь при видѣ тяжкой войны, начатой по его настоянію и принявшей столь печальный оборотъ. А послѣднія извѣстія, краснорѣчиво говорившія, что осада Смоленска уже кончилась, и не только нѣтъ болѣе надежды на его взятіе, но что и вся отборная русская рать въ крайней опасности,—эти извѣстія нанесли ему окончательный ударъ. Отсюда можно заключить, что оба государя если не вполнѣ, то въ значительной степени сознавали безнадежный оборотъ дѣла; но они считали политичнымъ показывать довѣріе и благосклонность воеводамъ и обнадеживать помощью, чтобы ободрять войско и поощрять его начальниковъ.

Такая политика продолжается и послѣ кончины Филарета Никитича. Напримѣръ, рейтарскій и драгунскій полковникъ Шарль Деэбертъ доноситъ, что при вступленіи въ Шеиновъ обозъ онъ долженъ былъ пометать запасы, а теперь и люди и лошади уже терпятъ крайнюю нужду, уже треть его полка или больше стала пѣшею, и проситъ прибавить на его полкъ кормовыхъ денегъ. Государь послалъ Шеину грамоту отъ 16 октября съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья драгунамъ и съ похвалою за ихъ „крѣпкостоятельство". Шеинъ доноситъ Государю, что посланная съ Григоріемъ Кошелевымъ казна на жалованье ратнымъ людямъ еще не бывала подъ Смоленскъ по 11 октября; поэтому онъ занялъ денегъ у полковниковъ и другихъ офицеровъ иноземцевъ. Изъ нихъ Лесли далъ 4.000 руб., Китъ 600, Матисонъ 1.400, подполковникъ Вердулъ 1.200, майоръ Стей 500 и т. д. Всего такимъ образомъ занято у нихъ на государево имя 11.350 р., да отъ сентября оставалось вмѣстѣ съ вырученными за продажу казенныхъ запасовъ 11.611 руб.; послѣ того не хватило на жалованье за октябрь 15.272 руб., кромѣ рейтаръ, которые получили жалованье впередъ за четверть года, съ сентября по декабрь. Боярская Дума приговорила послать полковникамъ похвалу и обѣщать, что въ Москвѣ имъ тѣ деньги будутъ возвращены. Неизвѣстно, дошли ли эти отвѣты подъ Смоленскъ, такъ какъ Русская рать уже находилась въ польской блокадѣ.

Въ это время мы видимъ усиленную дѣятельность Боярской Думы и Московскаго Разряда по сбору ратныхъ людей на помощь Русскому войску и по сбору денежной казны на военныя издержки.

По жалобѣ Шеина на недостатокъ посохи, въ сентябрѣ конныхъ даточныхъ людей, собранныхъ съ монастырей, спѣшили посылать въ

Дорогобужъ, гдѣ они должны были ожидать приказаній отъ Шеина; вслѣдъ затѣмъ приговорили собрать посоху въ Смоленскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ съ пяти дворовъ по одному человѣку съ заступами и топорами, и отвести ихъ подъ Смоленскъ. По жалобѣ Шеина на большіе побѣги помѣщиковъ (Ярославцевъ), новокрещенныхъ и Татаръ послѣ королевскаго прихода и по присланнымъ отъ него спискамъ, велѣно у этихъ бѣглецовъ отписать одну четвертую долю помѣстій и отдать ее тѣмъ дѣтямъ боярскимъ, мурзамъ и Татарамъ, которые остались и служатъ подъ Смоленскомъ „безъ съѣзду"; а кто, взявъ государево жалованье, совсѣмъ туда не явился, у тѣхъ отобрать всѣ помѣстья и отдать служащимъ. Дворянъ нѣтчиковъ велѣно изъ выбора и двороваго списка написать „съ городомъ" (т.-е. изъ высшихъ разрядовъ перевести въ нисшій), причемъ убавить: изъ помѣстныхъ окладовъ по 50 четей, изъ городовыхъ денегъ по 5 рублей, изъ четвертныхъ окладовъ по четвертой части; всѣхъ нѣтчиковъ розыскать и за крѣпкими поруками выслать на службу; а если кто схоронится, у тѣхъ людей и крестьянъ сажать въ тюрьму. Раненыхъ по ихъ излѣченіи также собрать и послать подъ Смоленскъ. Еще съ согласія Филарета Никитича велѣно было послать на службу всѣхъ патріаршихъ стольниковъ, кромѣ недорослей; а у послѣднихъ взять даточныхъ пѣшихъ людей съ пищалями, рогатинами и топорами. Послѣ же кончины Филарета велѣно его стольниковъ перечислить въ стольники и стряпчіе царскіе и выслать на службу въ Москву, а также патріаршихъ дѣтей боярскихъ изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они испомѣщены.

Мы видимъ распоряженія правительства по дошедшимъ до насъ письменнымъ актамъ; другой вопросъ, насколько эти распоряженія исполнялись и достигали своихъ цѣлей. Несмотря на всѣ приказанія о неуклонномъ сборѣ ратныхъ людей и о спѣшной ихъ посылкѣ, не видно, чтобы сборы были неуклонны, а посылки дѣйствительно производились спѣшно. Такъ 8 октября велѣно стрѣлецкому приказу Никиты Бестужева подкрѣпить передовой отрядъ князей Василія Ахамашуковича Черкасскаго и Евфимія Мышецкаго, которые стояли въ Вязьмѣ; причемъ „для поспѣшенія" Государь указалъ посадить стрѣльцовъ на подводы, по два человѣка на одну телѣгу. Ахамашуковичъ Черкасскій со своимъ товарищемъ назначенъ былъ собственно подъ Смоленскъ на мѣсто Богдана Мих. Нагово, который тамъ умеръ. Но эти два князя, кажется, не ушли далѣе разореннаго Дорогобужа. Да можетъ быть и хорошо, что ихъ отрядъ не успѣлъ

попасть въ руки Шеина, подобно нѣкоторымъ другимъ отрядамъ, первоначально туда назначеннымъ. По крайней мѣрѣ они сохранились для дальнѣйшей обороны государства. А то, что приходило подъ Смоленскъ и поступало подъ начальство Шеина, все равно что попадало въ какую-то бездонную яму: такъ онъ умѣлъ распоряжаться ратными силами!

Когда въ Москвѣ узнали о полномъ обложеніи Шеиновой рати, то естествено перестали направлять подкрѣпленія прямо къ нему, а обратили ихъ теперь къ тѣмъ воеводамъ, которые собирали новую московскую рать, долженствовавшую выступить противъ короля, на выручку Шеина. Главнымъ воеводою назначенъ былъ князь Димитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, а въ товарищи ему данъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Конечно Черкасскому сдѣлано предпочтеніе передъ Пожарскимъ на основаніи мѣстническихъ счетовъ и по родству перваго съ приближеннымъ бояриномъ и царскимъ родственникомъ Ив. Бор. Черкасскимъ. Во всякомъ случаѣ это была новая ошибка: хотя Мамстрюковичъ былъ старый, опытный воевода, но военными талантами неотличавшійся и притомъ извѣстный за человѣка тяжелаго нрава. Назначеніе ихъ, повидимому, состоялось еще при жизни Филарета, и, конечно, по его указанію: слѣдовательно и въ этомъ случаѣ на него отчасти падаетъ отвѣтственность за новый не совсѣмъ удачный выборъ главнокомандующаго.

Сіи воеводы большого полку, по обычаю, для сбора рати и ея переписи остановились въ Можайскѣ. Имъ государь отдалъ часть своего двора или своей гвардіи, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, и назначилъ дѣтей боярскихъ изъ тѣхъ же городовъ, изъ которыхъ и Шеину. Къ нимъ на сходъ опять должны были итти воеводы, собиравшіе свои полки въ тѣхъ же пунктахъ, какъ и въ предыдущемъ походѣ: въ Ржевѣ Володимировѣ князья Одоевскій и Шаховской, а въ Калугѣ князья Куракинъ и Волконскій; между ними также распредѣлялись помѣщики тѣхъ городовъ, которые были распредѣлены между кн. Прозоровскимъ и Нагово. Собравъ своихъ ратныхъ людей, они должны были идти въ Вязьму и тамъ соединиться съ главнымъ воеводою. Несмотря на царскій указъ быть безъ мѣстъ, и на сей разъ не обошлось дѣло безъ мѣстничества. Князья Одоевскій и Куракинъ били челомъ Государю: хотя они и готовы быть съ Д. М. Черкасскимъ, но онъ имъ не въ версту и пусть ихъ челобитье запишутъ ради возможныхъ будущихъ случаевъ.

Черкасскій въ свою очередь жаловался, что они его тѣмъ безчестятъ. 15 ноября Царь самъ разбиралъ это дѣло, и присудилъ Одоевскаго съ Куракинымъ посадить въ тюрьму. Впрочемъ по дорогѣ туда велѣлъ ихъ воротить, и простилъ. Товарищъ Одоевскаго князь Иванъ Шаховской также предъявилъ мѣстничество противъ товарища Черкасскаго, т.-е. князя Пожарскаго, и, пріѣхавъ въ Ржеву Володимирову, „не хотѣлъ взять списковъ“ (своего полку). Государь велѣлъ посадить Шаховского въ тюрьму.

Разосланные по областямъ сборщики очень медленно, со всѣми обычными проволочками, собирали нѣтчиковъ и высылали ихъ на службу. Воеводы жаловались въ Москву, что назначенные въ ихъ полки помѣщики такого-то уѣзда по такое-то число (наприм. по 13 декабря) въ Ржеву или въ Можайскъ еще не бывали. Изъ Москвы посылается въ этотъ уѣздъ боярскій приговоръ сборщику: по обвиненію въ посулахъ и за мѣшкотные сборы его присуждали посадить въ тюрьму на нѣсколько дней; на его счетъ посылали нарочнаго изъ жильцовъ и приказывали съ собранными помѣщиками идти къ Москвѣ „безъ всякаго мотчанья, днемъ и ночью, не мѣшкая нигдѣ ни часу“. Тѣхъ дѣтей боярскихъ, которые убѣгутъ съ дороги, велѣно, сыскавъ, за ихъ воровство бить кнутомъ по торгамъ и потомъ отсылать на службу. Сборщики въ свою очередь отписываютъ, что они успѣли собрать столько-то десятковъ нѣтчиковъ и за поруками съ такимъ то головою послали ихъ на службу, а за остальными нѣтчиками посылаютъ „безпрестанно“; но тѣ государева указу не слушаютъ и на службу не идутъ. А нѣкоторые нѣтчики посланныхъ за ними отставныхъ дѣтей боярскихъ, пушкарей и разсыльныхъ прямо подвергаютъ побоямъ. Были и такіе буяны, какъ, напримѣръ, въ Галицкомъ уѣздѣ нѣкій Ѳедоръ Быковскій: къ четыремъ посыльнымъ людямъ онъ вышелъ изъ своего двора съ топоромъ въ рукахъ; жестоко ихъ обругалъ и сталъ травить собаками. Всѣ эти нѣтчики большею частію оказывались тѣ именно служилые люди, которые бѣжали отъ Шеина изъ-подъ Смоленска. Трудно было уговорить ихъ идти на выручку того же Шеина; хотя правительство наказывало увѣщевать ихъ, чтобы „памятуя Бога и истинную нашу христіанскую вѣру и государево крестное цѣлованье и жалѣя свою братью, которая стоитъ подъ Смоленскомъ“, шли на службу. Въ противномъ случаѣ грозило, что они „чужды будутъ милости Божіей и нашея православныя христіанскія вѣры, и государю, и всему Московскому государству

будутъ измѣнники, изъ списковъ будутъ выкинуты и въ дворянехъ и въ дѣтехъ боярскихъ имъ не быть". Стараясь болѣе всего затронуть православную струну, къ этому извѣстію прибавляли, что „король Владиславъ и Польскіе и Литовскіе люди хотятъ церкви Божіи разорить и святую нашу истинную православную христіанскую вѣру превратить, въ свою проклятую въ папежскую вѣру привести".

Въ особенности уклонялись отъ службы помѣщики южныхъ украинныхъ областей, ссылаясь на то, что Татары помѣстья ихъ и вотчины разорили, ихъ женъ и дѣтей и крестьянъ въ полонъ побрали и имъ на службу „подняться нечѣмъ". Употреблялись также усилія поворотить на службу, въ полки Черкасскаго и Пожарскаго, неиспомѣщенныхъ или кормовыхъ дѣтей боярскихъ, Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, которые ушли изъ-подъ Смоленска и скопились преимущественно въ Рославскомъ уѣздѣ, съ разными атаманами. Государь посылалъ сказать имъ похвалу за прежнюю службу, побранить за уходъ и увѣщевать, чтобы они „отъ своего самовольства отстали и шли на его государеву службу къ боярамъ и воеводамъ ко князю Д. М. Черкасскому, да ко князю Д. М. Пожарскому". Любопытно однако, что посланному къ нимъ для увѣщанія дворянину дается такой наказъ: если атаманы начнутъ просить, чтобы бывшимъ съ ними крѣпостнымъ бояръ и пашеннымъ крестьянамъ „ради нынѣшней службы свободу учинить", то отвѣчать, что „о такихъ людяхъ государю невѣдомо и о томъ государева указу съ нимъ нѣтъ". Ясно, что правительство или собственно Боярская Дума даже и въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ не хотѣла дозволить какого-либо изъятія изъ крѣпостного права, въ то время все болѣе входившаго въ силу. Во всякомъ случаѣ увѣщанія повидимому не остались безплодны, и по крайней мѣрѣ часть бѣглыхъ ратныхъ людей воротилась на службу. Въ ихъ числѣ встрѣчаемъ и атамана Чертопруда: въ январѣ съ этимъ атаманомъ отправлены казачьимъ сотнямъ одно дорогильное знамя и десять киндяшныхъ.

Въ началѣ января 1634 года Черкасскій и Пожарскій доносили изъ Можайска, что при нихъ ратныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ всего только 357 человѣкъ. Изъ Калуги около того же времени Куракинъ и Волконскій извѣщаютъ, что у нихъ всего пѣшихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, съ пищалями, около 1.400 человѣкъ. Государь

послалъ имъ 300 пудовъ зелья и 600 свинцу на ямскихъ подводахъ, приказавъ класть на подводу по 20 пудовъ. Кромѣ того послано туда же 17 знаменъ для сотенъ, изъ нихъ семь тафтяныхъ, а десять киндяшныхъ разноцвѣтныхъ. Послѣ разоренія Дорогобужа Калуга сдѣлалась главнымъ опорнымъ пунктомъ въ этой войнѣ съ Владиславомъ: туда направляются теперь обозы съ боевыми запасами и съ денежной казной для жалованья ратнымъ людямъ. Что касается третьяго сборнаго пункта, Ржевы Володимеровы, тамъ этотъ сборъ подвигался впередъ еще медленнѣе. Князья Одоевской и Шаховской въ январѣ шлютъ въ Москву донесеніе, что назначенные къ нимъ на службу Костромичи, дворяне и дѣти боярскіе, въ Ржеву еще не бывали, а между тѣмъ литовскіе люди уже стоятъ въ Ржевскомъ уѣздѣ. Тогда изъ Москвы отправленъ князю Семену Масальскому, костромскому сборщику, выговоръ за то, что онъ съ Костромичами стоитъ долго въ Твери, идетъ мѣшкотно и государевымъ дѣломъ не радѣетъ. Ему предписывается спѣшить въ Ржеву, принимая всѣ мѣры предосторожности противъ литовскихъ людей, а кто изъ нѣтчиковъ дорогою побѣжитъ въ Кострому, то пусть они знаютъ напередъ, что въ Костромѣ ихъ велятъ *перевѣшать* (сомнительное слово въ изданіи акта). Въ другомъ царскомъ наказѣ, по поводу раздачи жалованья, мы встрѣчаемъ такую угрозу: кто изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ (назначенныхъ къ Черкасскому и Пожарскому) возьметъ государево денежное жалованье, а на службу не пойдетъ или со службы сбѣжитъ, у того отобрать помѣстья и вотчины и отдать ихъ тѣмъ, которые „будутъ на государевой службѣ безъ съѣзду".

Въ виду крайней медленности ратнаго сбора безплоднымъ является повторительный царскій указъ отъ 30 декабря 1633 года князьямъ Черкасскому и Пожарскому, чтобы они шли изъ Можайска въ Вязьму, изъ Вязьмы къ Дорогобужу, оттуда подъ Смоленскъ, а другіе воеводы изъ Ржевы и Калуги шли бы къ нимъ на соединеніе. При семъ подробно распредѣлялись между ними служилые люди изъ разныхъ областей. Одоевскій и Куракинъ, по обычаю, должны были соединиться съ княземъ Черкасскимъ, а ихъ товарищи, Шаховской и Волконскій, съ его товарищемъ, т.-е. съ княземъ Пожарскимъ. Особымъ воеводою надъ нарядомъ и всѣми пушечными запасами назначался Ѳедоръ Лызловъ. Воеводамъ поручалось „пришедъ подъ Смоленскъ принять" у М. Б. Шеина съ товарищи, во-первыхъ, церковь Ризы Господней и крестъ съ мощами, послан-

ный изъ Москвы блаженной памяти патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, потомъ списки дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, иноземцамъ, нѣмецкимъ офицерамъ, русскимъ солдатамъ, рейтарамъ, казакамъ и стрѣльцамъ, нарядъ и всякіе запасы и всякія государевы дѣла, пересмотрѣть всѣхъ на лицо и пр. Итакъ, Московское правительство хватилось смѣнять Шеина, когда уже не было возможности до него добраться! Въ дѣйствительности, Черкасскій съ Пожарскимъ и въ январѣ, и въ февралѣ 1634 года все еще не двигались изъ Можайска, а другіе воеводы изъ Ржевы и Калуги, несмотря на новыя царскія грамоты, побуждавшія ихъ выступить немедля подъ Смоленскъ и М. Б. Шеину съ товарищи „помочь учинить вскорѣ".

Одновременно съ усиліями Московскаго правительства собрать новую рать для продолженія войны съ Польшею, идутъ и чрезвычайныя мѣры для сбора необходимыхъ денежныхъ средствъ.

Въ Москвѣ, повидимому, въ теченіе этой войны, не распускался созванный ранѣе Земскій Соборъ. По указу Государя, онъ имѣлъ засѣданіе 29 января въ Столовой избѣ. На Соборѣ присутствовали три митрополита, шесть архіереевъ, архимандриты, игумны, думные чины, стольники, дворяне, приказные люди, гости, торговцы гостинной, суконной и черныхъ сотенъ. Собору (думнымъ дьякомъ) прочтена была длинная рѣчь, излагавшая поводы къ войнѣ, первоначальные наши успѣхи и наконецъ обложеніе Шеина королемъ, который съ польскими и литовскими людьми хочетъ идти въ Московское государство, чтобы „истинную нашу православную христіанскую вѣру превратить въ свою еретическую проклятую въ папежскую вѣру". Собранная въ предыдущемъ году по приговору государей и Земской Думы, казна роздана ратнымъ людямъ. Но вопреки соборному уложенію, гости и торговые люди на Москвѣ и въ другихъ городахъ, давали пятую деньгу несоразмѣрно со своими промыслами и животами; такъ что въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, тотчасъ послѣ Московскаго разоренія, на войну съ королемъ Сигизмундомъ было собрано больше денежной казны, чѣмъ теперь, когда Московское государство уже многое время провело въ покоѣ и тишинѣ. А потому нужно вновь произвести пятинный сборъ съ гостей и торговыхъ людей, а духовныя власти, бояре, дворяне и приказные люди пусть опять дадутъ деньги, сколько „кому мочно". Соборъ утвердилъ это рѣшеніе. Для сбора денегъ назначена была новая коммиссія, подъ именемъ „Приказа денежнаго сбора".

Въ сей приказъ вошли: бояринъ князь Б. М. Лыковъ, окольничій Коробьинъ, чудовской архимандритъ Θеодосій, дьяки Невѣровъ и Петровъ. Этой коммиссіи данъ былъ царскій наказъ (отъ 18 февраля), какъ она должна посылать за сборомъ денегъ къ архіереямъ, игумнамъ, монастырямъ, боярамъ, окольничимъ, дьякамъ, приказнымъ людямъ на Москвѣ и по городамъ; а для сбора пятинныхъ денегъ съ торговыхъ людей по всему государству гости, гостинная и черныя сотни должны были выбрать изъ своей среды окладчиками „добрыхъ людей" и привести ихъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ „окладывать вправду по животомъ и по промысломъ". А послѣ, когда окладчики составятъ „сказки", особые люди будутъ посланы Государемъ взимать по этимъ сказкамъ пятую деньгу „вправду безъ всякія хитрости". Судя по такой процедурѣ, сей новый сборъ „запросныхъ и пятинныхъ денегъ" едва ли успѣлъ осуществиться до окончанія Польской войны, и во всякомъ случаѣ не принесъ никакой пользы для своей прямой цѣли, т.-е. для освобожденія Шеиновой рати.

Итакъ, Московское правительство употребляло всѣ мѣры собрать новую рать и денежную казну для нея, а Царь посылалъ воеводамъ указы соединиться и спѣшить подъ Смоленскъ на выручку Шеина; но никто изъ нихъ не двигался къ нему на помощь, и всѣ продолжали сидѣть въ своихъ сборныхъ пунктахъ. Черкасскій съ Пожарскимъ все еще стояли въ Можайскѣ. Естественно поэтому является обвиненіе ихъ въ умышленномъ нерадѣніи и предположеніе вообще какой-то интриги со стороны бояръ, которые будто бы мстили Шеину за его оскорбительныя для нихъ слова при отпускѣ въ походъ и совсѣмъ не желали выручать его изъ бѣды.

Но такія обвиненія и подозрѣнія, еслибы даже справедливы были отчасти, не могутъ вполнѣ объяснить дѣло. Пожарскаго, по всѣмъ даннымъ, слѣдуетъ выгородить изъ отвѣтственности, потому что второй воевода былъ подчиненъ первому, и могъ играть видную роль только при начальникѣ добродушномъ и нечестолюбивомъ (какъ это иногда встрѣчалось прежде); не таковъ былъ Мамстрюковичъ, самолюбивый, неподатливый, „тяжелаго нрава". Но и его бездѣйствіе истекало не изъ одного личнаго характера или нерасположенія къ Шеину. Мы видѣли, съ какою медленностію и въ какомъ маломъ числѣ собирались ратные люди; а эту медленность въ свою очередь нельзя приписывать боярской интригѣ. Помимо вообще мѣшкотной процедуры московскихъ сборовъ, тутъ дѣйствовали нрав-

ственныя причины. Нѣкоторое одушевленіе, проявленное служилыми людьми въ началѣ войны, совершенно исчезло вслѣдствіе наступившихъ неудачъ, главнымъ виновникомъ которыхъ былъ Шеинъ; очевидно, не интрига боярская ему мѣшала, а вызванныя имъ къ себѣ нелюбовь и недовѣріе; кому же была охота спѣшить на помощь старому и неисправимому самодуру. Большая часть новой рати составлялась все изъ тѣхъ же людей, которые уже служили подъ начальствомъ Шеина и толпами отъ него бѣжали. Они имѣли право думать, что такого воеводу не спасешь, а только самъ погибнешь. Узнали его теперь и тѣ бояре, которыхъ назначили подъ Смоленскъ къ нему на выручку. И возможно, что они представляли себѣ такой оборотъ дѣла: положимъ, дойдемъ до Смоленска; тутъ Владиславъ всѣми своими силами обрушится на русскую помощь, а Шеинъ будетъ равнодушно смотрѣть изъ своего табора на пораженіе этой помощи, и не двинется съ мѣста или вышлетъ ничтожный отрядъ. Образъ его дѣйствія, конечно, въ то время былъ уже достаточно извѣстенъ, благодаря многочисленнымъ бѣглецамъ, которые не только не скрывали правды, а въ свое оправданіе могли и преувеличивать, если только возможно было преувеличить что-нибудь въ недостойномъ поведеніи Шеина.

Затѣмъ отвѣтомъ на обвиненія могутъ служить цифры. Въ теченіе войны съ Поляками, какъ говорятъ современники, выставлено было всего до 100.000 человѣкъ; положимъ, это число преувеличенное, и возьмемъ 80.000. Изъ нихъ половина, т.-е. не менѣе 40.000, и притомъ отборная отправлена подъ Смоленскъ (принимая въ разсчетъ подкрѣпленія). Сюда входили иноземцы и полки иноземнаго строя, въ количествѣ отъ 16 до 17 тысячъ солдатъ и рейтаръ (десять полковъ пѣшихъ и одинъ конный). Но Шеинъ сумѣлъ растратить эти силы безъ пользы для дѣла. Да и теперь въ его обозѣ скучено было около 20.000, оставшихся отъ этой отборной рати. А у Черкасскаго съ Пожарскимъ, какъ мы видѣли, царскаго двороваго войска, несмотря на всѣ мѣры, собралось въ Можайскѣ едва три сотни съ половиною. Хотя это была гвардія хорошо вооруженная, но неособенно привычная къ бою, къ перенесенію военныхъ трудовъ и лишеній. Вмѣстѣ съ другими притомъ отнюдь не отборными ратными людьми (большею частію даточными крестьянами отъ монастырей), по наиболѣе достовѣрнымъ даннымъ, у этихъ воеводъ всего на всего собралось отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ; да въ Дорогобужѣ находилось тысячи двѣ. Еслибы имъ удалось соединиться

съ Одоевскимъ и Куракинымъ, то, можетъ быть, у нихъ набралось бы для похода до 10.000. Но съ такимъ, сравнительно, небольшимъ войскомъ трудно было выступить подъ Смоленскъ; ибо непріятели не дремали и отнюдь не предоставляли имъ свободу дѣйствія; а наоборотъ, вынуждали сообразоваться со своими дѣйствіями. Король, конечно, зналъ о собиравшейся въ Можайскѣ новой рати, назначавшейся на выручку Шеина, а потому 22 ноября отрядилъ польнаго гетмана Казановскаго и Александра Гонсѣвскаго. Они стояли въ Семлевѣ, не далеко отъ Вязьмы, загородили дорогу къ Смоленску и сторожили русскихъ воеводъ, находившихся въ Можайскѣ. Конные разъѣзды ихъ, предводимые поручиками Левицкимъ и Стефаномъ Чарнецкимъ, доходили почти до Можайска. Захваченные при этомъ плѣнные Поляки показывали, что у Казановскаго и Гонсѣвскаго до 5.000 польскаго войска и до 3.000 Запорожцевъ. Можетъ быть, въ дѣйствительности у нихъ было нѣсколько меньше. Во всякомъ случаѣ Черкасскому и Пожарскому предстояло разбить ихъ отрядъ прежде, нежели добраться до окрестностей Смоленска. А разбить ихъ въ открытомъ полѣ было не легко съ тѣми силами, которыя имѣлись подъ руками. Плѣнные и лазутчики доносили, что, кромѣ названнаго отряда, на Украйнѣ собирались войска Поляковъ и Запорожцевъ для вторженія въ Сѣверщину, подъ начальствомъ князей Іереміи Вишневецкаго и Жеславскаго. Конечно, энергичный, предпріимчивый воевода могъ бы все - таки сдѣлать что - либо для диверсіи или развлеченія польскихъ войскъ подъ Смоленскомъ вмѣсто того, чтобы сидѣть въ Можайскѣ и чего - то ожидать. Но таковымъ воеводою не былъ Мамстрюковичъ Черкасскій. Такъ онъ и просидѣлъ здѣсь до самого окончанія войны, несмотря на всѣ присылаемыя изъ Москвы увѣщанія, чтобы онъ „съ товарищи, прося у Бога милости, со всѣми ратными людьми, съ нарядомъ и запасами. шелъ къ Вязьмѣ, Дорогобужу и Смоленску и надъ Польскимъ королемъ промышлялъ“.

Межъ тѣмъ, подъ Смоленскомъ послѣ боя 9 октября наступило относительное затишье. Продолжалось только съ обѣихъ сторонъ копаніе шанцевъ и артиллерійское дѣло, т.-е. бросаніе бомбъ и другихъ снарядовъ. Король изъ большого редута съ Жаворонковой горы бросалъ огненные шары или такъ наз. карѳагенскіе карбункулы въ станъ самого Шеина, чтобы зажечь его. Но снѣгъ мѣшалъ ихъ дѣйствію. А изъ русскаго лагеря ядра большого наряда иногда достигали до ставки самого короля и причиняли вообще значительный уронъ непріятелю.

Шеинъ не одинъ разъ посылалъ трубача къ непріятельскому стану съ предложеніемъ объ уборкѣ труповъ и размѣнѣ плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался вступить въ переговоры о перемиріи. Но, мѣняясь плѣнными, король и гетманъ Радивилъ уклончиво отвѣчали на вопросы о перемиріи, и продолжали со всѣхъ сторонъ стѣснять русскую рать вновь воздвигаемыми засѣками, острожками, ретраншаментами, батареями. Мало-по-малу ей были отрѣзаны всѣ пути отступленія и всѣ способы добывать какіе-либо припасы въ окрестностяхъ. Дождливая осень смѣнилась суровою зимою; Русскіе терпѣли всякія лишенія въ своихъ сырыхъ, холодныхъ землянкахъ; заболѣвали и умирали въ большомъ количествѣ. Особенно стала свирѣпствовать цынга. Чувствительнѣе всего въ это время оказался недостатокъ топлива, и вотъ цѣлые отряды или дѣлали открытыя вылазки для его добычи, или отправлялись тайкомъ по ночамъ; но часто попадали на непріятельскіе караулы и засады, вступали въ бой и много труповъ оставляли на мѣстѣ. Благодаря многимъ перебѣжчикамъ изъ русскаго стана, особенно иноземцамъ, непріятели не только хорошо знали все, что происходило въ этомъ станѣ, но и заранѣе узнавали о готовившейся вылазкѣ или ночномъ предпріятіи и, конечно, принимали свои мѣры. Такъ, въ началѣ декабря, разъ ночью большая партія скрытно вышла изъ русскаго лагеря для рубки дровъ; но рано по утру, возвращаясь назадъ, она встрѣтила польскія хоругви, поставленныя въ засаду и предводимыя самимъ гетманомъ Радивиломъ. Въ происшедшемъ неравномъ бою Русскіе потеряли до 500 убитыми и до 150 плѣнными. Когда совершился этотъ погромъ, въ русскомъ станѣ, на глазахъ у Шеина разыгралась драма. Лесли сталъ упрекать Сандерсона въ измѣнѣ, говоря, что это онъ далъ знать непріятелю о предстоявшей вылазкѣ за дровами. „Ты лжешь!"— закричалъ Сандерсонъ; въ отвѣтъ Лесли выхватилъ пистолетъ и, выстрѣливъ прямо въ лобъ англичанину, положилъ его на мѣстѣ. Люди того и другого подняли крики и едва дѣло не дошло до кровавой свалки. Это убійство осталось неразъясненнымъ и безнаказаннымъ: Лесли, какъ старшій изъ иноземныхъ полковниковъ, начальствовавшій двумя полками (нѣмецкимъ и русскимъ), не захотѣлъ подчиниться суду Шеина. Очевидно, авторитетъ послѣдняго былъ уже сильно подорванъ; но скорѣе удивительнымъ является то, что его авторитетъ еще до нѣкоторой степени сохранялся не только въ русской части арміи, но и въ иноземномъ ея составѣ. Армія продолжала таять отъ болѣзней, смертности и

побѣговъ; но оставалась въ своемъ тѣсномъ обложеніи и стоически переносила тяжкія лишенія и страданія.

При всемъ бездѣйствіи и явной военной неспособности, Шеинъ продолжалъ держать себя гордо и ревниво относился къ своей власти главнокомандующаго; напримѣръ, совѣтовъ иноземныхъ полковниковъ онъ не слушалъ, приставленныхъ къ нему двухъ дьяковъ, Дурова и Карпова, содержалъ въ полномъ у себя подчиненіи, обращался съ ними сурово и презрительно; имѣлъ шишей или шпіоновъ (главный изъ нихъ Ананьинъ), которые доносили ему обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ его лагеряхъ, и всѣми мѣрами преслѣдовалъ своихъ хулителей, громко ихъ бранилъ и даже билъ кнутомъ. Но не видно, чтобы онъ преслѣдовалъ тѣхъ, которые хулили вообще русскую рать и заводили непозволительныя сношенія съ непріятелями. Товарищъ Шеина, Измайловъ, изъ подражанія и послушанія старшему воеводѣ предававшійся такому же бездѣйствію и отсутствію на полѣ битвы, имѣлъ при себѣ двухъ сыновей, Василія и Семена, которые вели себя не только зазорно, но и почти измѣннически. Такъ они заводили личныя сношенія съ нѣкоторыми непріятельскими начальниками, дарили ихъ и принимали отъ нихъ подарки. Напримѣръ, Семенъ послалъ молодому Казановскому съ себя саадакъ; а Василій съѣзжался съ Захарьяшемъ Заруцкимъ и Мадалинскимъ, съ нѣкоторыми русскими измѣнниками и перебѣжчиками; принималъ ихъ къ себѣ въ станъ, пировалъ съ ними и оставлялъ иногда ихъ ночевать у себя; причемъ говорились разныя непристойныя рѣчи. Особенно невоздерженъ былъ на языкъ Василій Измайловъ: онъ отзывался въ томъ смыслѣ, что гдѣ же „противъ такого великаго монарха, какъ Литовскій король, нашему московскому плюгавству биться“. А когда пришло извѣстіе о кончинѣ патріарха Филарета Никитича, то Василій, по выраженію оффиціальнаго документа, говорилъ о немъ такія „непригожія слова, что и написать нельзя“. Сыновья воеводы находили себѣ угодниковъ и подражателей; такъ стрѣлецкій голова Гаврила Бакинъ повторялъ рѣчи Василія Измайлова о высокихъ качествахъ Литовскаго короля и „плюгавствѣ“ русскихъ ратныхъ людей. Вотъ чѣмъ старались объяснять свои постыдныя пораженія приближенные Шеина и его прислужники! А онъ на такое зазорное ихъ поведеніе и на такія рѣчи смотрѣлъ сквозь пальцы. Когда наступилъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, нѣкоторые начальники стали торговать ими и продавать по высокой цѣнѣ, думая только о личной наживѣ и забывая государеву службу. При такихъ об-

стоятельствахъ удивительно не то, что въ русскомъ войскѣ дисциплина пошатнулась, нерѣдко происходили брань, ссоры и драки, а то, что еще держалась какая-нибудь дисциплина и рать не обращалась въ простую толпу.

Говоря о бѣдственномъ, безвыходномъ положеніи русской арміи, однако не должно думать, что польское войско въ это время находилось въ довольствѣ и что оно много превосходило русскихъ ратныхъ людей дисциплиною и боевыми качествами.

Во-первыхъ, численность его отъ битвъ, болѣзней и частыхъ побѣговъ также значительно уменьшилась, а послѣ отдѣленія Казановскаго съ Гонсѣвскимъ, Литовская армія, осаждавшая Русскую, едва ли заключала въ себѣ болѣе 12.000. По недостатку денежныхъ средствъ, жалованье по обыкновенію уплачивалось небольшими частями или совсѣмъ не уплачивалось. Вслѣдствіе разоренія окрестной страны, дурно устроенной доставки провіанта и мародерства, войско терпѣло большую нужду и почти голодало; лошади падали отъ безкормицы и число конныхъ людей сократилось до крайности. Вмѣстѣ съ относительнымъ бездѣйствіемъ, вокругъ короля возобновились интриги и всякаго рода соперничество вельможъ за вліяніе, за староства и другія блага; причемъ одинъ другому старались подставить ногу; а пока оба гетмана оставались въ лагерѣ, вражда между ними ожесточилась до того, что они едва не вышли на поединокъ другъ съ другомъ. Слабость дисциплины отражалась на караульной службѣ; она отбывалась такъ небрежно, что русскія мелкія партіи могли пробираться изъ лагеря въ окрестности для добычи припасовъ и нерѣдко въ цѣлости возвращаться пазадъ. Только благодаря подобнымъ непорядкамъ, армія Шеина могла выдерживать такую долгую блокаду. А когда настали морозы, непріятели, несмотря на обиліе окрестныхъ лѣсовъ, также сильно страдали отъ стужи; бывали даже случаи замерзанія значительнаго количества людей, стоявшихъ на стражѣ. Межъ тѣмъ какъ Шеиновы клевреты отзывались о русскихъ ратныхъ людяхъ какъ о плюгавствѣ, въ отзывахъ польскихъ мы встрѣчаемъ такое мнѣніе: „Непріятель (т.-е. Русскіе) имѣетъ надъ нами преимущество не только порядкомъ и всею готовностію, но и мѣстоположеніемъ и укрѣпленіями своими; кавелеріи нашей негдѣ развернуться по причинѣ горъ, лѣсной чащи и болотъ; а пѣхота у него и лучше нашей, и вдвое многочисленнѣе".

Слѣдовательно превосходство Польско-Литовской арміи такимъ образомъ заключалось въ предводительствѣ. Противъ мужественнаго и дѣятельнаго короля стоялъ бездѣятельный и неспособный воевода.

Шеинъ нѣсколько разъ пытался завязать переговоры о перемиріи съ непріятелемъ и, пока возможно было сноситься съ Москвою, посылалъ туда свои донесенія. Такъ въ концѣ октября отправленъ былъ одинъ иноземецъ, лейтенантъ Петръ Хенеманъ, съ донесеніемъ и со многими письмами къ боярамъ. Его сопровождало до 40 всадниковъ. Съ Дѣвичьей горы, которая находилась еще въ рукахъ Москвитянъ, онъ направился къ крѣпости Бѣлой—единственнымъ возможнымъ тогда путемъ. Однако онъ недалеко уѣхалъ и былъ перехваченъ непріятелемъ, который изъ отнятыхъ писемъ узналъ разныя подробности о стѣсненномъ положеніи и тяжкихъ лишеніяхъ Русской арміи. Хлѣба было еще довольно, а во всемъ другомъ уже наступила крайняя нужда; мяса, сѣна, овса, пива и водки уже совсѣмъ не было; заразныя болѣзни и водянка все усиливались, и смертность была большая. Поэтому Шеинъ выражалъ надежду на скорое прибытіе обѣщанной помощи, т.-е. Черкаскаго и Пожарскаго съ 20.000 (!) войскомъ. (Мѣсяца черезъ два вѣрный Хенеманъ за попытку бѣжать обратно въ русскій станъ былъ казненъ и голова его воткнута на шестъ). Шеинъ однако успѣлъ какимъ-то способомъ въ первой половинѣ ноября донести Государю, будто сами польскіе военачальники предлагали размѣняться плѣнными и заключить перемиріе съ условіемъ отступить русскому войску въ Московскіе предѣлы, а королю въ Польшу. Въ Москвѣ приняли это донесеніе за правду, и гонцомъ подъ Смоленскъ былъ отправленъ царскій псарь Сычевъ съ грамотою, въ которой дозволялось Шеину заключить перемиріе подъ означеннымъ условіемъ. Но въ это время обложеніе было уже такое тѣсное, что Сычевъ не могъ пробраться въ русскій лагерь и воротился. Тогда отправили другого гонца, дворянина Огибалова; причемъ тайный наказъ Шеину зашитъ былъ въ сапоги гонца; а для проѣзда черезъ королевскій станъ съ нимъ отпущено нѣсколько Поляковъ въ обмѣнъ на такое же количество Русскихъ. Но между Вязьмою и Дорогобужемъ Огибаловъ былъ схваченъ Поляками, подвергся тщательному обыску, и тайный наказъ попалъ въ ихъ руки. Огибалова отпустили назадъ, а вслѣдъ за нимъ въ началѣ января пріѣхалъ въ Москву смоленскій писарь Николай Воронецъ посланникомъ отъ польско-литовскихъ вельможъ къ московскимъ думнымъ боярамъ. Онъ привезъ обширную грамоту, въ которой повторялись жалобы на вѣроломное поведеніе Москвичей, начиная съ избранія царемъ королевича Владислава, указывалась несправедливо начатая ими война, виновникомъ которой выставлялся покойный митрополитъ

Филаретъ; далѣе отрицалось предложеніе перемирія со стороны Поляковъ, о которомъ ложно доносилъ Шеинъ, какъ это узнали они изъ тайной грамоты, отнятой у Огибалова. А въ заключеніе предлагалось отправить уполномоченныхъ на рѣчку Поляновку для мирныхъ переговоровъ. Но истинная цѣль посольства Воронца конечно состояла въ томъ, чтобы разузнать положеніе дѣлъ въ Москвѣ и насколько былъ проченъ на престолѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Полякамъ все еще мерещилось возобновленіе Смутнаго времени. Боярская дума, обсудивъ польскую грамоту, составила также обширный отвѣтъ съ опроверженіемъ всѣхъ обвиненій и отправила съ нимъ въ концѣ января подъ Смоленскъ дворянина Горихвостова и подъячаго Пятаго Спиридонова. При этомъ бояре жаловались на насиліе, учиненное гонцу Огибалову; извѣщали, что уполномоченные для мирныхъ переговоровъ уже назначены государемъ, и требовали, чтобы король предварительно дозволилъ Шеину отступить въ Московскіе предѣлы со всѣми людьми и военными снарядами.

Посланецъ польско-литовскихъ сенаторовъ, Воронецъ прибылъ подъ Смоленскъ и доносилъ, что въ Москвѣ онъ нашелъ великое расположеніе къ миру и принимаемъ былъ вездѣ съ большимъ почетомъ, такъ что и посольство свое отправлялъ сидя, что для гонцовъ тамъ вещь необыкновенная. Кормили и поили его до отвалу, а на отпускѣ бояре черезъ приставовъ прислали ему добрый поминокъ. Они просили передать панамъ—радѣ, чтобы тѣ наводили короля на заключеніе мира, и что ихъ Царь приневоленъ былъ къ войнѣ отцомъ своимъ покойнымъ патріархомъ Филаретомъ (причемъ разсказывали посланцу приведенную выше сцену между отцомъ и сыномъ). Теперь же, когда патріарха не стало и Михаилъ царствуетъ на всей своей волѣ, онъ хочетъ прекратить всякое кровопролитіе, падающее на душу его родителя. Воронецъ прибавлялъ, что въ Москвѣ слышалъ такую молву: патріархъ скончался ровно черезъ годъ въ тотъ самый день, въ который Московское войско перешло Литовскій рубежъ.

Московскіе посланцы, Горихвостовъ съ Пятымъ Спиридоновымъ, на пути къ Смоленску были умышленно (по порученію короля) задержаны Казановскимъ и Гонсѣвскимъ подъ предлогомъ прочтенія имѣвшейся у нихъ боярской грамоты. Казановскій и Гонсѣвскій, какъ извѣстно, стояли тогда въ острожкѣ недалеко отъ Вязьмы; отсюда они въ разныя стороны посылали партіи для грабежа и опустошеній. Только въ половинѣ февраля посланцы прибыли въ королевскій

лагерь подъ Смоленскъ, но единственно для того, чтобы присутствовать при заключительномъ актѣ Смоленской эпопеи.

Послѣдніе полтора мѣсяца были только медленною агоніей для нашей арміи, стѣсненной и запертой со всѣхъ сторонъ. По прежнему русскія партіи выходили изъ лагерей для рубки дровъ и продолжали терять много людей въ этихъ вылазкахъ. Томимыя голодомъ, такія партіи иногда, пользуясь ночною темнотой или оврагами и кустарниками, устраивали засады для транспортовъ, отправляемыхъ изъ Смоленска въ польско-литовскіе лагери. Хотя и съ потерею нѣкоторыхъ товарищей, смѣльчакамъ нерѣдко удавалось перехватить эти транспорты и возвращаться съ добычею съѣстныхъ припасовъ. Такія вылазки конечно заставили непріятеля удвоить предосторожности. Король велѣлъ для транспортовъ устроить дорогу, обставленную съ обѣихъ сторонъ засѣками или сваленными деревьями, и поставить на этой дорогѣ два укрѣпленія съ гарнизонами, зорко слѣдившими за ея безопасностью.

Съ своей стороны непріятели вздумали перехватить коней, которыхъ московскіе люди водили на водопой, и полковникъ Поттеръ устроилъ для нихъ засаду около Днѣпровскаго берега. Но передъ тѣмъ одинъ французъ-реформатъ изъ полка Вейера перебѣжалъ въ русскій лагерь, и убѣдилъ Шеина воспользоваться безпечностію нѣкоторыхъ близъ стоявшихъ литовскихъ отрядовъ, чтобы внезапно на разсвѣтѣ напасть на нихъ, перейдя Днѣпръ по толстому льду. При этомъ движеніи отрядъ натолкнулся на помянутую засаду полковника Поттера, которая обратилась въ бѣгство, думая, что этотъ отрядъ именно шелъ противъ нея. Въ свою очередь и Русскіе, полагая, что ихъ намѣреніе обнаружено, стремительно, съ криками бросились на непріятельскіе шанцы, будучи поддержаны пальбою изъ тяжелыхъ орудій. Но по всей непріятельской линіи поднялась тревога и также открылась сильная канонада. На Русскихъ ударили Запорожцы изъ ближняго своего лагеря. Съ батарей Жаворонковой горы начали бомбардировать лагерь Шеина. Послѣдній по своему обыкновенію не двинулся съ мѣста и не подкрѣпилъ высланный отрядъ, который и долженъ былъ безъ успѣха воротиться назадъ. Изъ сколько-нибудь значительныхъ дѣлъ въ эту послѣднюю эпоху обложенія, слѣдуетъ еще упомянуть нападеніе непріятелей на церковь св. Петра, превращенную въ крѣпостцу и входившую въ сферу Московскихъ линій; она стояла на лѣвомъ берегу Днѣпра почти насупротивъ Дѣвичьей горы, и связывалась съ главнымъ остро-

гомъ бивуаками вспомогательнаго Татарскаго отряда. Нападеніе произведено было ночью со стороны Смоленска подъ начальствомъ Даниловича, воеводы Русскаго (т.-е. Червонорусскаго). Онъ завладѣлъ церковью, разгромилъ и зажегъ Татарскій станъ; но по звону набата съ колокольни, на которую бросился русскій гарнизонъ этой крѣпостцы, изъ русскихъ остроговъ подоспѣла помощь; она выбила изъ церкви засѣвшую тамъ пѣхоту и драгунъ; непріятель съ большою потерею отступилъ.

Подобныя отдѣльныя стычки не могли имѣть вліяніе на ходъ событій. Русская армія продолжала таять отъ болѣзней и недостатка пищи. Ежедневно хоронили отъ 20 до 30 труповъ. Подговорныя грамоты, склонявшія иноземныхъ наемниковъ къ измѣнѣ, отчасти дѣйствовали: между низшими офицерами и простыми солдатами дезертирство все возрастало, особенно много переходило изъ полка убитаго Сандерсона. Внутри лагеря увеличивались раздоры и неповиновеніе; иноземные полковники почти перестали слушать Шеина; его товарищи воеводы входили съ нимъ въ препирательство. Такъ Прозоровскій предлагалъ взорвать орудія, набивъ ихъ порохомъ, взорвать склады пороха и затѣмъ силою пробиваться сквозь непріятеля; а Шеинъ, вѣрный своей пассивной системѣ обороны, кричалъ, что онъ не броситъ наряда и при немъ сложитъ свою голову! Но въ то же время онъ уже искалъ спасенія въ самостоятельныхъ переговорахъ о перемиріи. Эти переговоры должна была вести назначенная прежде коммиссія для размѣна плѣнныхъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Съ русской стороны уполномоченными были дворяне Сухотинъ, Озерецкій и Лугвеневъ, иноземцы - полковники Лесли и Яковъ Карлъ, а съ польской покоевые дворяне Андрей Рей и Харлинскій, полковники Корфъ, Розенъ, Бутлеръ и др. Въ отвѣтъ на предложеніе о перемиріи, по королевскому порученію, гетманъ составилъ двѣ грамоты: одну къ Шеину, призывавшую его положить оружіе и сдаться на милость короля, другую къ иноземнымъ полковникамъ, приглашавшую ихъ немедленно перейти въ королевскую службу. Эти грамоты были посланы съ трубачомъ къ русскому лагерю. Московскіе воеводы сначала не соглашались, чтобы иноземные полковники вели отдѣльные отъ нихъ переговоры съ непріятелемъ и приняли отъ него грамоту, ссылаясь на примѣръ таковыхъ же наемниковъ въ польскомъ войскѣ; однако должны были уступить; но обѣ грамоты возвращены назадъ безъ отвѣта, какъ предлагавшія невозможныя условія. Тогда король велѣлъ перевезти

изъ Смоленска на Жаворонкову гору еще нѣсколько большихъ пушекъ и усиленно сталъ бомбардировать лагерь Шеина. Тотъ въ концѣ января возобновилъ переговоры о перемиріи. Комиссары обѣихъ сторонъ собрались на Жаворонковой горѣ въ ставкѣ Сигизмунда Радивила, родственника Литовскому гетману. Большое затрудненіе встрѣтилось со стороны титула Московскаго государя, котораго Поляки не хотѣли признать. Нѣсколько разъ переговоры готовы были прерваться вслѣдствіе слишкомъ тяжелыхъ условій, предлагаемыхъ Поляками. Но тогда возобновлялась бомбардировка съ Жаворонковой горы, усиливались съ разныхъ сторонъ нечаянныя нападенія на осажденныхъ, державшія ихъ въ постоянной тревогѣ и крайнемъ утомленіи; голодъ и смертность все возрастали; дисциплина все падала, и многіе ратные люди громко требовали перемирія.

Наконецъ Шеинъ и его товарищи, 16 февраля въ Воскресеніе на масляницѣ, заключили слѣдующія условія:

Ратные московскіе люди и наемные иноземцы могутъ свободно выйти изъ своихъ таборовъ и отступить въ Московское государство съ холоднымъ оружіемъ и съ мушкетами, при небольшомъ количествѣ зарядовъ. Но всякому изъ нихъ вольно вступить въ службу Польско-Литовскаго короля. Вся артиллерія со всѣми снарядами и все вооруженіе умершихъ людей выдаются въ цѣлости королевскимъ комиссарамъ; имъ сдаются и всѣ таборы, шанцы и острожки также безъ всякой умышленной порчи. Тѣмъ иноземнымъ офицерамъ и солдатамъ, которые вступятъ въ королевскую службу, должны быть возвращены ихъ жены, дѣти и всякое движимое имущество. Всѣ перебѣжчики изъ польско-литовскихъ войскъ должны быть выданы, а всѣ плѣнные освобождены. Больные остаются въ таборахъ до выздоровленія или до присылки за ними подводъ. Выходящіе изъ таборовъ ратные люди обязываются не воевать противъ короля въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ общемъ нельзя сказать, чтобы эти условія были очень жестоки, если взять въ расчетъ обстоятельства. Русская армія, имѣя во главѣ такого начальника, какъ Шеинъ, могла быть просто забрана въ плѣнъ безъ всякихъ условій, еслибы блокада продлилась еще нѣсколько времени, и король поступилъ довольно снисходительно, отпуская ее съ оружіемъ и нѣкоторымъ имуществомъ.

Въ слѣдующіе дни польскіе военачальники прежде всего отобрали русскіе шанцы на Дѣвичьей горѣ и вообще на правой сторонѣ

Днѣпра; потомъ уполномоченные явились въ Шеиновъ острогъ, и здѣсь въ Судной или Разрядной избѣ принимали присягу и подписи отъ Шеина, Прозоровскаго и Измайлова, а больной князь Бѣлосѣльскій присягалъ въ своей землянкѣ. Затѣмъ польскіе комиссары переписывали и приводили въ извѣстность русскую артиллерію, снаряды и прочее оружіе, какъ въ большомъ острогѣ, такъ и въ солдатскихъ полкахъ. Всѣхъ пушекъ или пищалей большого и средняго калибра оказалось около 120. Изъ нихъ семь такъ наз. „верховыхъ“ или мортиръ, у которыхъ ядро вѣситъ отъ 2 до 6 пудовъ. Собственно изъ пушекъ самая большая называлась Единорогъ, у которой ядра вѣсили немного менѣе двухъ пудовъ; за ней слѣдовала Пасынокъ съ ядрами въ пудъ 15 фунтовъ (по донесенію Шеина, „запасъ разстрѣлялся“), потомъ Волкъ, ядро въ пудъ („въ устьѣ и у шеи раздуло“); далѣе, постепенно уменьшаясь въ калибрѣ, шли Кречетъ, Ахиллесъ, Грановитая пищаль, Коваль, Стрѣла, Вепрь, нѣсколько голландскихъ пищалей, пищали „полуторныя“ (въ полторы сажени длиною), „долгія“, „короткія“ и проч., кончая полковою пищалью съ ядромъ въ одинъ фунтъ. При этомъ нарядѣ оставался еще запасъ ядеръ разнаго калибра около 3.200, а пороху пушечнаго 270 пудовъ и ружейнаго 283 пуда; далѣе 2.767 пудовъ свинцу, мѣдныя формы для литья мушкетныхъ пуль, 117 пудовъ фитилю; 47.000 аршинъ холста и 375 пудовъ посконп; отъ умершихъ и больныхъ людей оставалось болѣе 4.000 солдатскихъ мушкетовъ, большею частью порченыхъ, болѣе сотни стрѣлецкихъ самопаловъ, около 3.000 шпагъ, нѣсколько тысячъ копій, 1.020 бандолетовъ (родъ карабиновъ), до 80 цѣлыхъ латъ, 517 латъ съ полами, 1.054 латы безъ полъ, 3.281 шапокъ желѣзныхъ цѣлыхъ и 1.317 порченыхъ, нѣкоторое количество протазановъ, алебардъ и т. п.

Русской арміи король позволилъ взять съ собой 12 небольшихъ пушекъ и на каждую по четыре фунта пороху. Но на другой день послѣ заключенія условій Шеинъ былъ въ литовскомъ лагерѣ у гетмана Радивила на обѣдѣ, и тутъ подарилъ ему эти 12 пушекъ въ благодарность за его ходатайство передъ королемъ о свободномъ отпускѣ русскаго войска въ Москву, а гетманъ поднесъ ему какіе-то подарки съ своей стороны. Впослѣдствіи воевода оправдывался тѣмъ, что эти пушки не на чѣмъ было бы везти. Затѣмъ переписано было количество ратныхъ людей, которые отпускались изъ таборовъ въ Московское государство. По донесенію Шеина, дворянъ и дѣтей боярскихъ оказалось слишкомъ 2.600 человѣкъ; казаковъ, татаръ,

стрѣльцовъ, пушкарей и потребныхъ при войскѣ мастеровыхъ слишкомъ 1.600 человѣкъ; урядниковъ и солдатъ шести русскихъ полковъ иноземнаго строя, рейтаръ, драгунъ, иноземцевъ стараго выѣзду 4.700. Но урядниковъ и солдатъ четырехъ нѣмецкихъ полковъ Шеину не удалось привести въ извѣстность; въ январѣ мѣсяцѣ, по росписямъ полковниковъ, ихъ было 2.140 человѣкъ; а передъ выступленіемъ изъ таборовъ большая ихъ часть перешла на службу къ польскому королю, да нѣсколько сотъ осталось въ таборахъ; по польскимъ извѣстіямъ, въ Московской рати западныхъ иноземцевъ насчитывалось теперь не болѣе 800; причемъ никто изъ ихъ полковниковъ не перешелъ къ королю. Всего съ Шеиномъ выступило изъ-подъ Смоленска 8.056 конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей, кромѣ того, нѣкоторое количество торговцевъ, боярской и дворянской челяди и прочихъ нестроевыхъ людей. А подъ Смоленскомъ осталось всякаго рода больныхъ болѣе 2.000; для нихъ оставлено 60 четвертей муки, сухарей, крупы и толокна; 355 больнымъ Нѣмцамъ дано на кормъ около 500 руб. Отсюда мы видимъ, что еще въ январѣ у Шеина было до 12.000 порядочнаго войска и масса боевыхъ запасовъ, и какъ легко могъ бы энергичный предводитель пробиться сквозь непріятеля, который имѣлъ почти равное количество войска, но притомъ разсѣяннаго по круговой линіи обложенія. А Шеинъ, малодушно ожидавшій спасенія извнѣ, теперь повелъ въ Москву жалкіе остатки своей большой отборной арміи; да и эти остатки продолжали таять, теряя по дорогѣ отъ тяжкихъ лишеній многихъ больныхъ и умирающихъ людей.

Въ среду на первой недѣли великаго поста, 19 февраля 1634 г., послѣ слишкомъ четырнадцатимѣсячнаго сидѣнья подъ Смоленскомъ, остатки русской арміи выступили изъ своихъ таборовъ на Дорогобужскую или Московскую дорогу. Они должны были проходить между станомъ Запорожцевъ и острожкомъ полковника Арцишевскаго, расположеннымъ у самаго Днѣпровскаго берега. Тутъ по обѣ стороны дороги выстроилось польско-литовское войско. По лѣвую сторону ея, т.-е. ближе къ Днѣпру, верхомъ на богато убранномъ конѣ стоялъ король съ королевичемъ Яномъ Казимиромъ и панами радою, подъ охраною двухъ гусарскихъ хоругвей. Среди непріятелей находились и московскіе посланцы Горихвостовъ съ Пятымъ Спиридоновымъ; имъ пришлось быть зрителями унизительныхъ церемоній, которымъ подверглось уходившее русское войско, въ силу заключенныхъ условій.

Около трехъ часовъ показались русскіе полки. По словамъ одного Поляка очевидца, это было „красивое и вмѣстѣ трогательное зрѣлище". Русскіе шли унылые, тихо, безъ военной музыки, безъ боя въ барабаны и бубны, со свернутыми знаменами и потушенными фитилями. Впереди ѣхали сѣдовласые и сѣдобородые старцы воеводы, Шеинъ, князь Прозоровскій, Измайловъ; больного князя Бѣлосельскаго везли въ саняхъ. Воеводы остановились, сошли съ коней и пропустили мимо себя сотни боярскихъ дѣтей; къ ногамъ короля положили девять ихъ знаменъ. За ними слѣдовалъ рейтарскій полкъ Карла Деэберта; но онъ уже потерялъ своихъ коней и шелъ пѣшій; его 15 знаменъ корнеты или прапорщики также положили къ ногамъ короля. Спустя нѣсколько минутъ, король позволилъ поднять ихъ и нести при своихъ частяхъ. Шеинъ съ товарищами приблизились къ королю и поклонились ему до земли. Тутъ литовскій гетманъ Радивилъ, возвыся голосъ, сказалъ имъ небольшую рѣчь, смыслъ которой заключался въ томъ, что они должны молить Бога за короля, милосердію котораго обязаны своимъ спасеніемъ отъ конечной погибели. Воеводы отвѣчали благодарностію и снова били челомъ до земли. Потомъ, поклонившись въ третій разъ, сѣли на коней и продолжали путь. Слѣдовавшій за ними полковникъ Карлъ Деэбертъ, французскій дворянинъ, не ограничиваясь низкимъ поклономъ, поцѣловалъ у короля руку. Потомъ шелъ отрядъ полковника Фукса съ шестью знаменами, которые также были положены на землю; за болѣзнію самого полковника, обрядъ поклоновъ и цѣлованія руки исполнили его оберстъ-лейтенантъ и майоръ. Далѣе шелъ остатокъ полка Тобіаша-Унзина (передъ тѣмъ умершаго) съ восемью знаменами, имѣя во главѣ подполковника или оберстъ-лейтенанта. Потомъ опять отрядъ боярскихъ дѣтей собственнаго Шеинова полка съ восемью знаменами; потерявъ всѣхъ лошадей, они шли пѣшіе, вооруженные самопалами и бандолетами. Далѣе шли Донцы, также пѣшіе, за ними стрѣльцы. Потомъ слѣдовали полковники изъ нѣмцевъ, фламандцевъ и шотландцевъ, именно Матисонъ, Фандамъ, Валентинъ Росформъ, Яковъ Карлъ, Вильямъ Китъ, каждый съ восемью ротными знаменами. Пока знамена лежали на землѣ, всякій изъ нихъ, низко поклонившись королю, цѣловалъ его руку. Шотландецъ Китъ прежде состоялъ въ королевской службѣ; Владиславъ напомнилъ ему о томъ и прибавилъ, что еслибы онъ былъ постояннѣе, то находился бы теперь не между побѣжденными, а среди побѣдителей. Отрядъ Сандерсона также положилъ на землю

свои 8 знаменъ; онъ везъ съ собою тѣло убитаго полковника. Послѣднимъ изъ иноземныхъ полковниковъ шелъ самый старшій изъ нихъ Лесли съ остаткомъ своихъ двухъ полковъ, одного нѣмецкаго, другого русскаго. Гордый шотландецъ, положивъ свои 16 знаменъ, также какъ и другіе смиренно исполнилъ обрядъ поклоновъ и цѣлованія королевской руки. Въ хвостѣ войска шли двѣ конныя сотни, одна дѣтей боярскихъ, подъ начальствомъ Ляпунова, а другая казацкая. Всего въ русскомъ войскѣ оставалось не болѣе 700 конниковъ. За войскомъ слѣдовала жалкая толпа оборванныхъ, изнуренныхъ нестроевыхъ людей, а также женщинъ и дѣтей; причемъ, по недостатку лошадей, даже матери благороднаго званія несли на рукахъ своихъ младенцевъ, испуская тяжелые вздохи и обливаясь слезами, по замѣчанію одного современника поляка.

Отошедши немного, русская рать остановилась на ночлегъ, и только на слѣдующій день, 20 февраля, собственно двинулась въ путь въ сопровожденіи польскаго конвоя, который состоялъ изъ рейтарскихъ и казацкихъ хоругвей въ числѣ 5.000 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ пана Мочарскаго. По условіямъ, русское войско должно было миновать Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ, а идти прямо въ Москву. Дошедши до мѣста расположенія гетмана короннаго Казановскаго, за Дорогобужемъ, конвою предписано соединиться съ гетманомъ, а далѣе до столицы должны были провожать другія хоругви.

Того же 20 февраля, король со своею свитою слушалъ въ палаткѣ торжественное молебствіе и вмѣстѣ съ братомъ Казимиромъ весело подпѣвалъ Te Deum laudamus. Въ лагерѣ и въ городѣ это торжество сопровождалось пальбою изъ пушекъ. Послѣ молебствія канцлеръ коронный епископъ хельмскій Яковъ Жадикъ отъ имени короля благодарилъ вождей и войско, и одушевлялъ ихъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Ему отвѣчалъ пространною рѣчью гетманъ Радивилъ; онъ исчислялъ доблести и заслуги короля и отъ имени войска обѣщалъ до конца оставаться твердыми въ предстоящихъ трудахъ.

На слѣдующій день Владиславъ, окруженный сенаторами, полковниками и многочисленною военною свитою, осматривалъ русскіе острожки и шанцы. Тутъ вновь удивлялись они искусству, съ которымъ были выведены земляныя укрѣпленія по западно-европейскимъ образцамъ, и, смотря на обиліе боевыхъ снарядовъ и всякаго оружія, представляли себѣ всю трудность одолѣть подобныя укрѣпленія,

еслибы пришлось брать ихъ штурмомъ. Большой московскій нарядъ поражалъ ихъ своими размѣрами; особенно великолѣпною показалась имъ пушка Единорогъ. Добыча, найденная въ русскихъ лагеряхъ, была такъ огромна, что сами Поляки опредѣляли ея стоимость въ милліонъ талеровъ, изъ которыхъ на долю одной артиллеріи причиталось 300.000.

Воспитанные на классической исторіи и литературѣ, Поляки современники, говоря о сдачѣ Шеина и униженіи Русскихъ, не преминули вспоминать о Кавдинскихъ ущеліяхъ и приводить цитаты изъ древнихъ поэтовъ; а подвиги Владислава напоминали имъ Александра Македонскаго, Аннибала, Цезаря и другихъ великихъ полководцевъ.

Большую часть московскихъ пушекъ Владиславъ приказалъ по рѣкамъ сплавить въ Гродну, въ которой строилъ тогда сильную крѣпость. (Нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются теперь въ Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ: Шведами онѣ были отбиты у Поляковъ, а Петромъ Великимъ у Шведовъ). Король милостиво обошелся съ больными Москвитянами, остававшимися въ лагерѣ; онъ велѣлъ ихъ кормить и лѣчить. А трупы тѣхъ, которые умерли по уходѣ Шеина, велѣлъ сложить вмѣстѣ, насыпать надъ ними высокій курганъ и на верху его воздвигнуть каменный столбъ съ надписью, гласящей о его побѣдѣ подъ Смоленскомъ. Столбъ сей не сохранился; зато сохранились 16 мѣдныхъ досокъ съ гравированными на нихъ изображеніями плана Смоленска и его окрестностей, разныхъ сценъ изъ его осады, а также обложенія и сдачи русской арміи. Эти доски король на память потомству заказалъ вырѣзать своему придворному рѣзчику (Гондіусу), который и окончилъ заказъ черезъ два года, т.-е. въ 1636 г., въ Данцигѣ. Получилась большая и очень сложная гравюра: такъ какъ на одномъ и томъ же пространствѣ изображены разные моменты осады Смоленска Шеинымъ и осады Шеина Владиславомъ. Однѣ сцены изображены довольно ясными фигурами, а другія столь мелкими, что требуютъ вооруженнаго глаза. Къ послѣднимъ относятся, напримѣръ, картины изъ времяпровожденія солдатскихъ полковъ, расположенныхъ въ земляныхъ укрѣпленіяхъ у самыхъ стѣнъ Смоленска. Тутъ виднѣются группы, то какъ бы занимающіяся играми, то окружающія висѣлицу, на которой собираются кого-то вѣшать (извѣстно, что дисциплина между грубыми, буйными наемниками поддерживалась самыми суровыми мѣрами и даже казнями, право на которыя иноземные пол-

ковники заранѣе выговаривали себѣ въ своемъ договорѣ съ Московскимъ правительствомъ). Далѣе, два воина скрестили свои шпаги, неизвѣстно, для поединка или для фехтованія; а неподалеку отъ нихъ третій воинъ мирно удитъ рыбу въ прудѣ. Подобныя картины наглядно указываютъ на продолжительное бездѣйствіе Шеина. Затѣмъ наиболѣе изобразительны: бомбардированіе стѣнъ и башенъ изъ большого московскаго наряда, королевскій штурмъ Покровской горы (съ его же запряженной въ шестерню каретой), кавалерійскій бой Деэбертовыхъ рейтаръ съ польскими гусарами, русская канонада Жаворонковой горы 9 октября и наконецъ сцена преклоненія русскихъ знаменъ предъ королемъ. На нижнемъ краю гравюры, подлѣ карты Польши-Литвы, портреты Владислава и Яна Казимира: первый имѣетъ полную, добродушную физіономію, а второй тонкія, красивыя черты. Не отсутствуютъ и картины изъ лагернаго быта Поляко-Литовцевъ, напримѣръ, маркитанка съ корзиною, полною хлѣба. Не забытъ даже легендарный человѣкъ-кустъ, т.-е. польскій посланецъ, будто бы одѣвшійся кустомъ и пробравшійся сквозь русскія линіи по лѣсистой мѣстности въ Смоленскъ съ вѣстью о скорой помощи. Эта гравюра представляетъ вообще драгоцѣнныя данныя по изображенію костюмовъ и вооруженія того времени; между прочимъ, видимъ пресловутыхъ гусаръ съ ихъ длинными копьями и въ парадѣ съ крыльями, а въ бою безъ крыльевъ.

Только когда были подписаны условія съ Шеинымъ, наканунѣ его выступленія изъ таборовъ, король принялъ въ торжественной аудіенціи русскихъ посланцевъ, Горихвостова и Пятаго Спиридонова, предложившихъ немедленно тутъ же подъ Смоленскомъ начать переговоры о заключеніи вѣчнаго мира. Король черезъ короннаго канцлера епископа Жадика отвѣчалъ, что онъ также желаетъ мира и назначитъ время и мѣсто переговоровъ. Спустя недѣлю, посланцевъ отпустили, опредѣливъ срокомъ для начала переговоровъ 5 апрѣля, а мѣстомъ ихъ тѣ же берега Поляновки, гдѣ происходилъ размѣнъ плѣнныхъ въ 1619 г. Главными уполномоченными для этихъ переговоровъ съ польской стороны были назначены: канцлеръ Жадикъ, польный литовскій гетманъ Радивилъ, польный коронный гетманъ Казановскій, воевода смоленскій Гонсѣвскій, каштелянъ (или панъ) каменецкій Песочинскій, секретарь короля Рей и литовскій референдарій ксендзъ Трызна.

Но до заключенія мира Владиславъ думалъ не ограничиться

однимъ Смоленскимъ торжествомъ, а совершить еще другія побѣды и завоеванія. Прежде чѣмъ углубиться въ Московское государство, онъ рѣшилъ взять обратно крѣпость Бѣлую, которая оставалась бы у него въ тылу. Часть войска, подъ начальствомъ Песочинскаго, онъ отрядилъ къ Дорогобужу на помощь гетману Казановскому, а съ остальными полками и хоругвями въ началѣ марта съ береговъ верхняго Днѣпра двинулся къ верховьямъ Западной Двины, т.-е. подъ Бѣлую, расположенную на рѣкѣ Обжѣ (притокъ Межи, впадающій въ Двину). Впереди короля шелъ гетманъ Радивилъ. Съ большими трудностями двигалось войско во время наступившей весенней распутицы, постоянно задерживаемое отстававшими орудіями и обозами. Около двухъ недѣль прошло, пока непріятель успѣлъ расположить свои лагери подъ крѣпостью и приступить къ ея осадѣ. Король остановился въ ближнемъ Архангельскомъ монастырѣ. Тутъ обстоятельства оказались уже не тѣ, что подъ Смоленскомъ. Войско страдало отъ холода и голода; ибо окрестная страна была опустошена и всѣ оставшіеся съѣстные припасы русскій гарнизонъ забралъ къ себѣ. Мясо сдѣлалось рѣдкостью на столѣ самого короля. А главное, разсчетъ на упадокъ русскаго духа послѣ Шеиновой капитуляціи совсѣмъ не оправдался. Начальствовавшій здѣсь стольникъ князь Ѳедоръ Волконскій на предложеніе о сдачѣ не хотѣлъ и разговаривать. Численность гарнизона не достигала даже и одной тысячи человѣкъ; но на всѣ попытки завязать переговоры Московскіе люди отвѣчали, что они „сѣли на смерть“. Пришлось повести правильную осаду, т.-е. обложить городъ, копать шанцы, ставить батареи, подводить мины. Но Русскіе съ своей стороны повели самую активную, т.-е. дѣятельную, оборону. Поляки уже привыкли къ совершенно пассивной оборонѣ Шеина, и потому не соблюдали всѣхъ мѣръ осторожности; этимъ гарнизонъ воспользовался. Русскіе сдѣлали внезапную вылазку на шанцы полковника Вейера, прорвались сквозь стражу до самой его ставки и захватили восемь знаменъ, а затѣмъ быстро ушли назадъ. Поляки послѣ того вели себя осторожнѣе; но осажденные рѣдкій день не дѣлали вылазку и утомляли непріятеля постояннымъ напряженіемъ. Напрасно польскія пушки обстрѣливали крѣпость и зажигательными снарядами производили въ ней иногда пожары; Русскіе скоро ихъ тушили. Въ концѣ апрѣля, когда были готовы подкопы и заложены мины, непріятель открылъ усиленное бомбардированіе и приготовился къ рѣшительному приступу. Но взорванныя мины не тронули стѣнъ и

башенъ, а, обрушивъ только часть вала, засыпали землею и камнями нѣсколько сотъ своихъ же солдатъ, потому что королевскіе инженеры невѣрно разсчитали подкопъ и не довели его до надлежащаго пункта. Осажденные продолжали свои частыя вылазки и не давали непріятелю никакого покоя.

Судьба какъ бы нарочно направила короля на Бѣлую, чтобы показать міру, на что способны Русскіе, когда у нихъ бодрый, энергичный предводитель, и чтобы объяснить ихъ бѣдствіе подъ Смоленскомъ не доблестью непріятеля, не „плюгавствомъ" Московскаго войска (какъ объясняли нѣкоторые негодяи), а прежде всего неспособностью и преступнымъ бездѣйствіемъ Шеина. Осада Бѣлой продолжалась уже два мѣсяца, когда король, оставивъ небольшую часть войска, съ остальнымъ пошелъ на соединеніе къ гетману Казановскому; онъ воспользовался предложеніемъ русскихъ комиссаровъ, которые ведя на Поляновкѣ мирные переговоры съ Поляками, предложили королю прекратить безполезное кровопролитіе; такъ какъ Бѣлая будетъ возвращена ему въ силу трактата.

Еще въ январѣ мѣсяцѣ царь назначилъ большихъ пословъ для переговоровъ съ Поляками о мирѣ. Главнымъ уполномоченнымъ онъ выбралъ испытаннаго московскаго дипломата боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; по старому обычаю, для бóльшаго представительства ему приданъ титулъ намѣстника Псковскаго; а въ товарищи ему даны окольничій князь Алексѣй Мих. Львовъ съ титуломъ намѣстника Суздальскаго, дворянинъ Проѣстевъ, какъ намѣстникъ Шацкій, дьяки Нечаевъ и Прокофьевъ. Въ началѣ апрѣля послы въ сопровожденіи большой военной свиты, состоявшей изъ 500 человѣкъ стольниковъ, дворянъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ, пріѣхали въ Вязьму. А польскіе комиссары остановились въ главной квартирѣ Казановскаго, т.-е. въ селѣ Семлевѣ между Вязьмою и Дорогобужемъ, въ 15 верстахъ отъ Вязьмы. На старомъ московско-литовскомъ рубежѣ, на берегу рѣчки Поляновки, съ обѣихъ сторонъ были поставлены шатры, одинъ противъ другого; здѣсь собирались уполномоченные. Съѣздъ открылся только въ серединѣ апрѣля.

Сначала переговоры налаживались туго, вслѣдствіе непомѣрныхъ польскихъ требованій. Поляки снова поднимали вопросъ о присягѣ, принесенной Москвитянами Владиславу, какъ своему царю. Русскіе отвѣчали, что та присяга давно смыта многою кровью въ Московское разореніе. Поляки предложили устранить Михаила Ѳеодоровича и выбрать на престолъ другого изъ среды знатныхъ бояръ. О

такомъ дѣлѣ московскіе послы и разговаривать не хотѣли. За одинъ отказъ отъ Московскаго престола Поляки потребовали ежегодной уплаты по 100.000 рублей, и кромѣ того уплаты за военныя издержки. Москвичи назвали такія рѣчи „непригожими“. Тогда Поляки, кромѣ возвращенія всѣхъ городовъ, уступленныхъ по Деулинскому перемирію, потребовали прибавки нѣсколькихъ другихъ городовъ, все за освобожденіе Москвитянъ отъ присяги Владиславу. А московскіе послы уступали въ каждое засѣданіе по одному или по два города. Нѣсколько разъ Поляки съ шумомъ вставали и дѣлали видъ, что намѣрены прервать переговоры; но послѣдніе возобновлялись, благодаря дальнѣйшимъ уступкамъ со стороны русскихъ пословъ, которые начали предлагать и деньги. Они имѣли наказъ за признаніе царскаго титула и оставленіе за Москвой нѣкоторыхъ городовъ давать начиная съ 10.000 и далѣе, въ случаѣ крайности до 100.000 руб. Въ Семлево прибылъ самъ король, и сталъ принимать близкое участіе въ переговорахъ, хотя лично и не присутствовалъ на съѣздахъ, а скрытно сидѣлъ гдѣ-нибудь по сосѣдству или просто лежалъ на травѣ на берегу рѣки Поляновки. Посольскихъ засѣданій было болѣе 30. Наконецъ, во второй половинѣ мая, обѣ стороны пришли къ обоюдному соглашенію. Но только 3 іюня послѣдовала подпись Поляновскаго договора о вѣчномъ докончаніи между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою.

Въ силу этого договора Владиславъ навсегда отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ и даже обязался возвратить избирательную на его имя грамоту, вывезенную изъ Москвы Жолкевскимъ. Но за то Полякамъ возвращены были всѣ города, захваченные нами въ началѣ войны, кромѣ Серпейска съ уѣздомъ. Геройски защищаемая крѣпость Бѣлая также была возвращена. Въ теченіе года всѣ военно-плѣнные подлежали обоюдному размѣну. Кромѣ того, бояринъ Шереметевъ съ епископомъ Жадикомъ заключили тайную статью объ уплатѣ 20.000 рублей Владиславу за оставленіе въ нашемъ владѣніи Серпейска и за отказъ его отъ титула царя Московскаго. Сумма эта назначалась лично для короля, всегда нуждавшагося въ деньгахъ. Польскіе комиссары пытались включить въ договоръ обязательство имѣть съ Польшею общихъ враговъ, подданнымъ обѣихъ сторонъ свободно вступать въ бракъ, пріобрѣтать вотчины и помѣстья и ставить въ нихъ католическія церкви. Но русскіе уполномоченные такія обязательства отклонили. Тѣмъ не менѣе польскіе комиссары были довольны

заключеннымъ миромъ; подписаніе его праздновали угощеніемъ русскихъ пословъ, и память о немъ съ именами двухъ государей предлагали увѣковѣчить насыпкою двухъ кургановъ и постановкою на нихъ двухъ памятныхъ столбовъ съ надписями польскою и русскою. На сіе предложеніе Шереметевъ отвѣчалъ, что „въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось“ и что все это дѣло, совершившееся волею Божіей и повелѣніемъ великихъ государей, „написано будетъ въ посольскихъ книгахъ“.

Нельзя сказать, чтобы Русскіе уполномоченные достигли всего, чего могли достигнуть Поляновскимъ договоромъ. Владиславъ самъ находился тогда въ затруднительномъ положеніи и нуждался въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ Москвою. Съ юга Турецкій султанъ двигался къ предѣламъ Польши; на сѣверѣ истекалъ срокъ перемирія со Швеціей; войско роптало на неуплату жалованья; неудача подъ Бѣлой значительно ослабила впечатлѣнія Смоленскаго торжества. Покончивъ съ Шеинымъ, который столь долгое время камнемъ лежалъ на всѣхъ военныхъ операціяхъ, Москва могла теперь свободнѣе распоряжаться своими силами для продолженія войны. Но съ другой стороны преобладающимъ стремленіемъ здѣсь была жажда мира и отдыха послѣ такого страшнаго напряженія и такихъ неслыханныхъ потерь. Къ довершенію бѣдствій, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, т.-е. во время самыхъ переговоровъ, столицу вновь опустошилъ огромный пожаръ: выгорѣли половина Китая-города, значительная часть Бѣлаго и Земляного со многими церквами. Уныніе, произведенное этимъ опустошеніемъ, еще болѣе побуждало правительство къ уступкамъ ради скорѣйшаго прекращенія войны. Съ своей стороны Михаилъ Θеодоровичъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Рѣчь Посполитая наконецъ признала его Московскимъ царемъ, и слѣдовательно династія его упрочивалась. А потому русскихъ уполномоченныхъ по возвращеніи въ столицу ожидалъ самый благосклонный пріемъ. Въ 57 верстахъ отъ нея, въ селѣ Кубенскомъ, ихъ встрѣтилъ стольникъ Бутурлинъ, сказывалъ имъ милостивое государево слово и спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. 5 іюня Государь ихъ чествовалъ обѣдомъ у себя въ Столовой палатѣ. Передъ обѣдомъ князь Львовъ изъ окольничихъ былъ пожалованъ въ бояре, а Проѣстевъ въ думные дворяне. Послѣ обѣда посольскимъ дьякомъ Грамотинымъ за службу и радѣнье объявлены были царскія награды: Θ. И. Шереметеву пожалованы атласная шуба на соболяхъ, кубокъ, денежной придачи къ прежнему окладу 100 руб.,

да изъ черныхъ волостей вотчина съ крестьянами въ 1000 четей; князю Львову шуба, кубокъ, 80 руб. къ окладу и вотчина въ 800 четей; Проѣстеву шуба, кубокъ, 50 руб. къ денежному окладу и 100 четвертей къ помѣстному. Въ соотвѣтственномъ размѣрѣ награждены и дьяки Нечаевъ и Вас. Прокофьевъ. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій-Мериновъ за оборону Бѣлой былъ изъ стольниковъ пожалованъ въ окольничіе—награда сравнительно скромная. Впрочемъ, кромѣ того ему увеличили окладъ и прибавили 700 четвертей въ вотчину, да еще пожалованы шуба атласная и кубокъ.

Во время Поляновскихъ переговоровъ рѣшилась и участь пресловутаго воеводы боярина Шеина.

3 марта воротились въ Москву Горихвостовъ и Пятый Спиридоновъ и донесли Государю о перемиріи, заключенномъ Шеинымъ, и объ униженіи русской рати, свидѣтелями котораго они были сами. На слѣдующій день нѣкто Глѣбовъ былъ отправленъ на встрѣчу этой рати; причемъ онъ долженъ былъ объявить ратнымъ людямъ, русскимъ и нѣмецкимъ, что „ихъ служба, радѣніе, и нужда, и крѣпкостоятельство Государю и всему Московскому государству вѣдомы", а у Шеина съ товарищами взять списки всѣхъ условій перемирія, всего снаряду и оружія, отданнаго королю, и всѣхъ оставшихся ратныхъ людей, и эти списки тотчасъ привезти Государю. То было первымъ предвѣстіемъ кары, ожидавшей воеводу, и не могло не смутить его; хотя передъ выступленіемъ въ обратный походъ онъ бодрился и говорилъ, что много головъ падетъ прежде, чѣмъ доберутся до его собственной. Когда онъ прибылъ въ Москву, тамъ для допроса его съ товарищами уже была назначена особая коммиссія, которую составили: князь Ив. Ив. Шуйскій, кн. Анд. Вас. Хилковъ, окольничій Вас. Ив. Стрѣшневъ, дьяки Бормосовъ и Дм. Прокофьевъ. Какъ эта коммиссія допрашивала „взятыхъ за приставы" (т.-е. арестованныхъ) воеводъ, и что они показали въ своихъ распросныхъ рѣчахъ, а также что показали на нихъ многіе ратные люди, о томъ подлинныхъ актовъ пока не найдено. Имѣемъ передъ собою только конецъ розыска и судебный приговоръ. Впрочемъ, все поведеніе главныхъ воеводъ теперь, благодаря Разрядному архиву, настолько выяснилось, что ихъ собственныя показанія не могли бы измѣнить сущности дѣла въ глазахъ историка.

18 апрѣля, выслушавъ это дѣло, „Государь указалъ, а бояре приговорили": Михаила Шеина, да Артемья Измайлова съ его сыномъ Василіемъ, „за ихъ воровство и за измѣну, казнить смертію, а по-

мѣстья ихъ и вотчины, и дворы московскіе, и животы взять на государя"; сына Михайлова Ивана Шеина съ матерью, сестрою, женою и дѣтьми сослать въ Понизовые города; князей Прозоровскаго и Бѣлосельскаго сослать въ Сибирь, а ихъ женъ и дѣтей разослать по городамъ, отобрать на государя ихъ помѣстья, вотчины и животы (т.-е. движимое имущество); сына Артемьева, Семена Измайлова, бить кнутомъ и сослать съ женою и дѣтьми въ Сибирь; такому же наказанію подвергнуть Бакина и Ананьина; Сухотина и Озерецкаго (коммиссаровъ при переговорахъ съ Поляками) посадить въ тюрьму до указу, а состоявшихъ при войскѣ дьяковъ Дурова и Карпова „отъ приставовъ освободить".

28 апрѣля бояре вмѣстѣ съ означенной комиссіей собрались у Приказа Сыскныхъ дѣлъ, и тутъ дьякъ Тихоновъ объявилъ троимъ осужденнымъ на смерть, что ихъ велѣно казнить, такъ какъ они Государю нерадѣли, измѣнили, цѣловали крестъ Литовскому королю, нарядъ и зелье отдали ему безъ государева указу. Князьямъ же Прозоровскому и Бѣлосельскому сказалъ, что они цѣловали королю крестъ вмѣстѣ съ Шеинымъ по записи, въ которой было только одно королевское имя, а „государскаго имяни не написано", и за то достойны смертной казни; но Государь, по просьбѣ царицы и своихъ чадъ, за прежнюю службу и за то, что по показанію ратныхъ людей, русскихъ и нѣмецкихъ, радѣнье Прозоровскаго было, но Шеинъ его „до большого промысла не допустилъ", а Бѣлосельскій былъ боленъ—отъ смертной казни ихъ освободилъ. Иванъ Шеинъ наказывался за преступленіе своего отца. Затѣмъ были высчитаны вины и остальнымъ осужденнымъ. Дьяки Дуровъ и Карповъ избавлены отъ наказанія потому, что Шеинъ держалъ ихъ въ неволѣ и ни въ чемъ не слушалъ. Послѣ того осужденныхъ на казнь, т.-е. Шеина и двухъ Измайловыхъ, отвели за городъ (изъ Кремля) на пожаръ (Красная площадь). Здѣсь у плахи передъ народной толпой дьякъ Дм. Прокофьевъ громко читалъ списокъ Судной грамоты, въ которой довольно подробно исчислялись ихъ вины: какъ Шеинъ велъ себя при отпускѣ на цѣлованьѣ руки Государя, какъ онъ медлилъ и терялъ время въ Можайскѣ и Дорогобужѣ, несмотря на многократныя понужденія отъ Государя и блаженной памяти Патріарха, какъ онъ съ Измайловымъ бездѣйствовалъ подъ Смоленскомъ и присылалъ оттуда ложныя донесенія о своихъ побѣдахъ, умалчивая объ успѣхахъ непріятеля, какъ вытребовалъ изъ Москвы большой нарядъ, а потомъ отдалъ его королю, отдалъ и 12 оставленныхъ ему

пушекъ, выдалъ королю 36 перебѣжчиковъ, вмѣстѣ съ нашими лазутчиками (изъ мѣстныхъ жителей), которыхъ всѣхъ король велѣлъ казнить злою смертію. Наконецъ, въ особую ему вину поставлено и то обстоятельство, что онъ, будучи въ литовскомъ плѣну, цѣловалъ Польскому королю крестъ на всей его волѣ, а когда воротился изъ плѣна, того Государю не объявилъ, и держалъ свою присягу въ тайнѣ, и будто въ силу этой присяги онъ подъ Смоленскомъ измѣнилъ Государю и радѣлъ Литовскому королю; оттого ни самъ никогда на бой съ нимъ не ходилъ, ни Измайлова не пускалъ.

Когда были исчислены вины („измѣна") троихъ осужденныхъ, ихъ тотчасъ „вершили" — всѣмъ троимъ отсѣкли головы. Сынъ Шеина Иванъ, пострадавшій за вину отца и отправленный въ ссылку, не доѣхалъ до нея и умеръ на дорогѣ; послѣ чего семья его возвращена въ Москву. Семенъ Прозоровскій съ семьей водворенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; Михаилъ Бѣлосельскій совсѣмъ оставленъ въ Москвѣ, такъ какъ лежалъ больной при смерти. У Артемія Измайлова былъ родной братъ Тимофей, который состоялъ на службѣ у Большой казны; его за измѣну брата сослали съ семьей въ Казань. Но въ томъ же 1634 году Семенъ Прозоровскій, Тимофей и Семенъ Измайловы были возвращены изъ ссылки въ Москву.

Только въ январѣ слѣдующаго 1635 года съ обѣихъ сторонъ отправлены въ столицы великіе послы для подтвержденія или ратификаціи Поляновскаго договора. Въ Москву прибыло польское посольство, имѣя во главѣ Александра Песочинскаго, писаря литовскаго Казиміра Сапѣгу и писаря короннаго Петра Вяжевича. Они предъявили нѣкоторыя дополнительныя условія, которыя большею частію были отклонены, напримѣръ, о свободномъ и обоюдномъ наймѣ ратныхъ людей и переходѣ изъ одной службы въ другую, о дозволеніи польскимъ купцамъ свободнаго проѣзда въ Персію, объ учиненіи равноцѣнной монеты въ обоихъ государствахъ и пр. Съ своей стороны бояре жаловались посламъ на затрудненія, чинимыя польскими комиссарами при размежеваніи пограничныхъ земель, и на то, что въ королевскихъ грамотахъ Михаилъ Ѳеодоровичемъ не былъ написанъ *братомъ*. Для этихъ дополнительныхъ переговоровъ назначены были Ѳ. И. Шереметевъ, Д. М. Пожарскій, Ѳ. Ѳ. Волконскій, думные дьяки Грамотинъ и Гавреневъ. Въ мартѣ Государь на торжественной аудіенціи присягою подтвердилъ договоръ и отпустилъ польскихъ пословъ послѣ роскошнаго пира. Во время этого пира онъ взялъ чашу съ медомъ, всталъ и молвилъ: „послы, Алек-

сандръ, Казиміръ и Петръ, піемъ чашу здравіе брата своего, государя вашего Владислава короля". Выпивъ здравіе, онъ велѣлъ чашнику князю Борису Рѣпнину подать посламъ золотыя братины съ пивомъ.

Межъ тѣмъ въ Варшавѣ пребывало московское посольство, имѣя во главѣ князя Алексѣя Мих. Львова, думнаго дворянина Проѣстева, дьяковъ Ѳеофилатьева и Переносова. Съ великимъ неудовольствіемъ узнало оно, что условленное въ договорѣ возвращеніе избирательной Владиславовой грамоты 1610 года не можетъ быть исполнено: польскіе сенаторы объявили, что грамоту нигдѣ не могли отыскать и стало быть она утеряна. Послы немедля чрезъ гонца извѣстили о томъ Государя. По присланному изъ Москвы наказу, наше посольство удовольствовалось тѣмъ, что король во время торжественной присяги на исполненіи договора присягнулъ и на потерѣ избирательной грамоты. За то намъ возвратили до 20 другихъ важныхъ документовъ изъ Смутнаго времени. Въ число нѣкоторыхъ дополнительныхъ пунктовъ внесено было дозволеніе польско-литовскимъ купцамъ пріѣзжать съ товарами въ Москву, гдѣ для нихъ долженъ быть построенъ особый дворъ. (Потомъ пояснили, что такое дозволеніе не распространяется на Жидовъ). Торжественное подтвержденіе королемъ договора сопровождалось пѣніемъ Te Deum и пушечною пальбою. Послы были приглашены къ королевскому обѣду, послѣ котораго смотрѣли „потѣху" или театральное зрѣлище „какъ приходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алафернъ и какъ Юдифь спасла Іерусалимъ".

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Варшавы московскіе послы исполнили еще одно царское порученіе. Они обратились къ королю съ просьбою отпустить изъ Варшавы въ Москву тѣла Шуйскихъ: царя Василія, его брата Дмитрія и жены Дмитріевой. Несмотря на возникшія затрудненія, главные совѣтники короля, щедро одаренные собольими и лисьими мѣхами, уладили это дѣло. Три гроба, заключенные подъ каменнымъ поломъ небольшой каплицы, были оттуда вынуты; затѣмъ вложены въ новыя засмоленыя гробницы, покрытыя кусками атласу, бархату и камки, поставлены на дроги и отправлены въ Москву. Здѣсь тѣлу царя Василія сдѣлана торжественная встрѣча назначенными для того духовными лицами и боярами въ смирномъ платьѣ, при колокольномъ звонѣ. У входа въ Кремль его ожидалъ патріархъ Іоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а подлѣ Успенскаго храма самъ Государь съ думными и ближними людьми. На утро (11 іюня) совершено его погребеніе въ Архангельскомъ соборѣ.

Несмотря на послѣдующія взаимныя посольства между Москвою и Варшавою, пограничное размежеваніе долго еще занимало оба правительства, причемъ Московское постоянно жаловалось на излишнія требованія и затрудненія, чинимыя польскими комиссарами ([10]).

Для историка предстоитъ вопросъ: справедливъ ли былъ смертный приговоръ, произнесенный надъ Шеинымъ и его товарищемъ?

Какъ ни прискорбна эта казнь, но надобно признаться, что она была бы справедлива не только для его, но и для нашего времени. Хотя бы прямой, сознательной измѣны тутъ не было, хотя бы главною виною была неспособность, за которую трудно судить человѣка; во всякомъ случаѣ явное нерадѣніе о государевѣ промыслѣ, крайнее бездѣйствіе и даже противодѣйствіе другимъ начальникамъ въ ихъ попыткахъ къ болѣе энергичному веденію войны, лживыя донесенія, тупое упрямство въ неисполненіи инструкціи и вообще высшихъ распоряженій—все это подлежитъ смертной казни, по военнымъ законамъ всѣхъ странъ и народовъ. А главное, если мы возьмемъ въ разсчетъ, какъ Шеинъ погубилъ даромъ большую, прекрасно вооруженную и обильно снабженную армію, какіе громадные убытки и земельныя потери причинилъ онъ государству, то предъ такими слѣдствіями его начальствованія трудно возбудить къ нему сожалѣніе. Конечно, прежде всего виноватъ тотъ, кто назначилъ подобнаго главнокомандующаго, не справившись тщательно съ его способностями, мыслями и чувствами, и эта вина, главнымъ образомъ, падаетъ на Филарета Никитича. Достойно также сожалѣнія, что самъ царь Михаилъ Өеодоровичъ, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ никакихъ воинственныхъ наклонностей: онъ не сѣлъ на коня и не явился лично во главѣ войска, подобно своему противнику королю Владиславу.

Въ нашей исторіографіи сложились мнѣнія, что главною виною бѣдственнаго исхода Смоленской эпопеи было плохое состояніе тогда нашего военнаго искусства, т.-е. его полная отсталость отъ западноевропейскаго, что наемъ нѣсколькихъ тысячъ иноземцевъ не принесъ намъ пользы, такъ какъ они будто бы не соблюдали дисциплины и часто измѣняли, а начальники ихъ не слушали главнокомандующаго и заводили ссоры между собою, и что Шеина кромѣ того погубили интриги его завистниковъ бояръ. Приписывали также большое вліяніе на исходъ войны нападенію Крымцевъ на южные

предѣлы. Такія мнѣнія могли сложиться только по недостатку точнаго и подробнаго знакомства съ фактами. Ближайшее разсмотрѣніе сихъ фактовъ, подкрѣпленное нѣкоторыми новыми матеріалами, приводитъ насъ къ другимъ выводамъ.

Во-первыхъ, армія, выставленная Московскимъ правительствомъ для войны съ Польшею, превосходила польскую не только числомъ, но, повидимому, и качествомъ. Сами Поляки отзываются, что пѣхота русская была лучше ихъ пѣхоты. Тутъ разумѣются, конечно, солдатскіе полки, обученные иноземному строю: а такихъ русско-нѣмецкихъ полковъ было десять, численностью приблизительно въ 15.000 человѣкъ. Это регулярное ядро арміи въ хорошихъ рукахъ было бы достаточно, чтобы разгромить противника, у котораго ни дисциплина, ни военное искусство вообще не стояли тогда на гораздо высшей степени, чѣмъ у насъ. Онъ только превосходилъ насъ качествомъ своей гусарской конницы. Гусарскія хоругви или эскадроны (отъ 100 до 200 коней) представляли тяжело вооруженныхъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзныя латы и шлемы и дѣйствовавшихъ копьями въ 17 футовъ длины (почти двѣ съ половиной сажени). Только состоятельная шляхта могла служить въ этой коннице: кромѣ дорогого вооруженія, она сидѣла на дорогихъ, сильныхъ коняхъ. Наши дѣти боярскіе, непріученные къ регулярному конному строю, вооруженные саблею и лукомъ, обыкновенно не выдерживали дружнаго удара гусарскихъ копій. Но у Шеина было небольшое количество регулярной кавалеріи, именно рейтарскій полкъ Карла Деэберта, числомъ почти въ 2.000 человѣкъ: мы видѣли, что онъ при случаѣ сражался молодецки, и въ хорошихъ рукахъ, конечно, послужилъ бы надежнымъ ядромъ для массы всей нашей конницы. Притомъ холмистая, лѣсистая, пересѣченная мѣстность вокругъ Смоленска была вообще неблагопріятна для открытыхъ конныхъ атакъ, и слѣдовательно пѣхота получала тамъ господствующее значеніе. Наконецъ наша великолѣпная артиллерія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельской. Какъ бывшій передъ войной начальникъ Пушкарскаго приказа, Шеинъ очевидно питалъ пристрастіе къ большому наряду и вытребовалъ его изъ Москвы, но воспользоваться имъ не умѣлъ.

Во-вторыхъ, нареканія на иноземцевъ не совсѣмъ справедливы, и не они виноваты въ нашемъ пораженіи. Иноземцы, кажется, довольно добросовѣстно исполняли свою службу, и во всякомъ случаѣ не хуже такихъ же наемниковъ, которые сражались противъ нихъ въ

рядахъ польскаго войска. (Тамъ мы встрѣчаемъ полковниковъ Вейера, Розена, Крейца, Вильсона, Поттера, Денгофа, Корфа́ и Бутлера). Дисциплина пошатнулась между ними только въ концѣ сидѣнья подъ Смоленскомъ, когда неспособность и неумѣлость Шеина сдѣлались для всѣхъ очевидными; тогда увеличилось и количество перебѣжчиковъ; но иноземцы - перебѣжчики были также изъ польскаго лагеря въ русскій. (Не забудемъ еще, что въ это время они служили сверхъ своего первоначальнаго срока и что жалованье до нихъ уже почти не доходило). Изъ полковниковъ иноземныхъ ни одинъ не измѣнилъ, и всѣ остались вѣрны своимъ обязательствамъ до конца. Можно только указать на Сандерсона, котораго Лесли обвинилъ въ измѣнѣ, и убилъ. На сей именно случай, оставшійся неразъясненнымъ, и только на одинъ этотъ случай обыкновенно ссылаются въ доказательство взаимныхъ ссоръ иноземцевъ и неповиновенія главнокомандующему. Но онъ произошелъ въ концѣ Шеинова сидѣнья, когда положеніе нашей арміи было уже безнадежно и безпорядки сдѣлались неизбѣжны. Въ донесеніяхъ Шеина мы не встрѣчаемъ никакихъ жалобъ на иноземныхъ полковниковъ; а судебный приговоръ подтверждаетъ, что онъ не только не слушалъ ихъ совѣтовъ, но и препятствовалъ имъ, когда они хотѣли дѣйствовать или „чинить государевъ промыселъ", какъ тогда выражались. Слѣдовательно и съ этой стороны главная причина неудачи возводится все къ тому же предводительству. Напомнимъ дѣйствія пятитысячнаго наемнаго Шведскаго отряда въ царствованіе Шуйскаго. Пока во главѣ войска стоялъ его знаменитый племянник, Делагарди съ своимъ разноплеменнымъ отрядомъ помогалъ нашимъ побѣдамъ; а какъ только Скопинъ умеръ и главное начальство перешло въ руки неспособнаго Дмитрія Шуйскаго, подъ Клушинымъ этотъ отрядъ не только не спасъ отъ пораженія, напротивъ способствовалъ ему. Въ то время наемныя дружины еще дѣйствовали отдѣльно отъ русской рати. Теперь же онѣ составляли кадры смѣшанныхъ русско-иноземныхъ полковъ, обучавшихся иностранному строю. Такимъ образомъ наше военное искусство при Михаилѣ Θеодоровичѣ находилось уже на переходной ступени отъ прежнихъ ополченій къ регулярной арміи Петра Великаго, т.-е. развивалось правильно, и въ это время оно у насъ совсѣмъ не было такъ плохо, какъ о немъ доселѣ думали нѣкоторые историческіе писатели. Послѣ же сей войны Московское правительство сдѣлало дальнѣйшій шагъ: оно отказалось отъ найма иноземныхъ сол-

дать въ значительномъ количествѣ, а стало ограничиваться собственно наемными инструкторами для образованія чисто русскаго регулярнаго войска.

Повторяю, главная причина бѣдствія подъ Смоленскомъ — это самъ Шеинъ, а слѣдовательно и тѣ, кто ввѣрилъ ему начальство. Не вполнѣ справедливо было бы въ данномъ случаѣ ссылаться на мѣстничество, часто препятствовавшее назначенію болѣе способныхъ предводителей. Еслибы захотѣли, напримѣръ, назначить главнымъ воеводою Пожарскаго, то царь и патріархъ могли бы это сдѣлать, выбравъ ему въ товарищи кого - либо изъ родовъ не самыхъ знатныхъ или могли бы сдѣлать его товарищемъ при воеводѣ болѣе знатномъ, но мягкаго характера, который бы его слушался (какъ-то не разъ бывало въ другихъ случаяхъ). Но, кажется, Филаретъ Никитичъ не желалъ еще болѣе выдвигать Пожарскаго: можетъ быть, онъ не хотѣлъ забыть его мимолетной кандидатуры при царскомъ избраніи. Впрочемъ, и помимо Пожарскаго, еслибы былъ назначенъ главнымъ воеводою любой изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ бояръ, только не Шеинъ, навѣрно нашъ Смоленскій походъ не окончился бы такъ бѣдственно и безславно.

Въ-третьихъ, существуетъ мнѣніе о какихъ-то боярскихъ интригахъ, мѣшавшихъ успѣхамъ Шеина и въ особенности его выручкѣ изъ-подъ Смоленска: это мнѣніе основано на однѣхъ произвольныхъ догадкахъ. Никакихъ интригъ такого рода въ дѣйствительности мы не видимъ и въ источникахъ никакихъ указаній на нихъ не находимъ. Напротивъ, довѣріе царя и патріарха къ Шеину продолжалось слишкомъ долго и глаза ихъ на его истинное поведеніе раскрылись слишкомъ поздо. Всѣ его требованія правительство обыкновенно исполняло или старалось исполнить; одна исторія съ доставкою большого наряда изъ Москвы подъ Смоленскъ ясно это доказываетъ. Его безконечныя жалобы на нѣтчиковъ и бѣглецовъ вызывали цѣлый рядъ мѣропріятій; но бояре не виноваты въ томъ, что служилые люди бѣжали изъ полковъ Шеина и не хотѣли къ нему возвращаться. А если его не выручили, то мы видѣли, какъ трудно было это сдѣлать съ тѣми малыми силами, которыя удалось собрать къ концу его позорнаго сидѣнья подъ Смоленскомъ, собрать преимущественно изъ тѣхъ же нѣтчиковъ и бѣглецовъ, которые ушли отъ того же Шеина. Если и проявилась вражда къ нему со стороны бояръ за его непомѣрную гордость и самовосхваленіе, то развѣ во время суда надъ нимъ и приговора. Но тогда военное

дѣло было уже кончено, и его позорное поведеніе уже вполнѣ выяснилось.

Что касается вліянія татарскаго набѣга на ходъ Смоленской осады, то это неблагопріятное вліяніе у насъ доселѣ слишкомъ преувеличивали: въ дѣйствительности оно было незначительно, какъ это видно теперь изъ первоисточниковъ, т.-е. изъ актовъ самого Разряда.

Защитники Шеина пытаются указывать нѣкоторые пункты его обвиненія, будто бы невыдерживающіе критики: напримѣръ, правительство съ одной стороны въ своихъ наказахъ поручало ему беречь отъ разграбленія съѣстные припасы въ окрестностяхъ Смоленска; а въ судномъ приговорѣ ставило ему въ вину, что онъ уберегъ ихъ для непріятеля. Но подобныя противорѣчія неважны и конечно не въ нихъ главная сила приговора. Дѣло въ томъ, что Шеинъ села, деревни и рыбные пруды Смоленскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ распредѣлилъ между собою, Измайловымъ и его сыновьями такимъ образомъ, чтобы крестьяне всякіе хлѣбные и рыбные запасы доставляли именно этимъ воеводамъ; а сіи послѣдніе дорогою цѣною продавали ихъ ратнымъ людямъ, Русскимъ и Нѣмцамъ. Итакъ, Шеинъ запятналъ еще себя низкимъ корыстолюбіемъ; причемъ, не позволяя своимъ отрядамъ ходить въ названные уѣзды за припасами и конскими кормами, онъ дѣйствительно уберегъ кое-что для непріятеля.

Тѣ же защитники ссылаются на распоряженія изъ Москвы, будто бы стѣснявшія Шеина, а также на постоянное одобреніе его дѣйствій правительствомъ. И эта защита не серьезна. Шеинъ именно отличился упрямствомъ и самовластными поступками; онъ менѣе всего стѣснялся распоряженіями свыше и прямо ихъ не слушалъ, если имъ не сочувствовалъ: такъ, онъ медлилъ походомъ и вездѣ задерживался, вопреки понужденіямъ изъ Москвы, въ отношеніи же польскаго лагеря подъ Краснымъ прямо поступалъ противъ даннаго ему наказа. А что патріархъ и царь ему довѣряли и присылали свое одобреніе его дѣйствіямъ, причиною были какъ его ложныя донесенія, такъ и понятная политика не огорчать, не смущать воеводу и въ лицѣ его поощрять вообще всѣхъ ратныхъ людей. Но правительство довѣряло ему слишкомъ долго, и въ этомъ оно несомнѣнно виновато: ибо изъ актовъ Разряда мы убѣждаемся, что почти все происходившее не только въ русскихъ войскахъ, но и въ непріятельскихъ дѣлалось извѣстнымъ Московскому правитель-

ству при посредствѣ многочисленныхъ гонцовъ, лазутчиковъ, плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и т. п., которыхъ тщательно распрашивали въ Разрядѣ и всѣ ихъ показанія записывали. Странно, что ни патріархъ, ни царь не пользовались этимъ источникомъ, чтобы знать постоянно истинное положеніе дѣлъ и своевременно принять свои мѣры и противъ непріятеля, и противъ самого Шеина, съ его лживыми донесеніями. Это обстоятельство, наоборотъ, свидѣтельствуетъ, что предполагаемые враги его, т.-е. бояре завистники, слишкомъ мало слѣдили за его поведеніемъ и не пользовались даннымъ источникомъ, чтобы вовремя раскрыть на него глаза.

Въ судебномъ приговорѣ еще ставится въ вину Шеину какая-то тайная присяга, данная во время его плѣна Сигизмунду III. Это пунктъ темный; самое существованіе такой присяги недоказано. Но, очевидно, долгое пребываніе въ Польшѣ повліяло разслабляющимъ или развращающимъ образомъ на его характеръ и патріотизмъ, и онъ вернулся оттуда уже далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ до своего плѣна: примѣры распущенности и надменности польскихъ вельможъ наложили на него свой отпечатокъ. Хотя бы съ его стороны и не было умышленной измѣны, но образъ его дѣйствій дотого походилъ на измѣну, что многіе современники въ ней не сомнѣвались. Свой смертный приговоръ Шеинъ вполнѣ заслужилъ; такъ какъ его позорное поведеніе было главною виною несчастнаго исхода войны и гибели многочисленной, храброй, хорошо вооруженной и достаточно всѣмъ снабженной русской арміи.

Есть основаніе полагать, что и самый этотъ приговоръ совершился подъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, въ высшей степени возмущеннаго, когда, послѣ возвращенія остатковъ нашей арміи, всѣ подробности позорнаго поведенія воеводы сдѣлались извѣстны отъ многочисленныхъ и близкихъ свидѣтелей. (11).

X.

ЕДИНОВЛАСТІЕ ЦАРЯ МИХАИЛА.—СИБИРЬ.—АЗОВСКІЙ ВОПРОСЪ.

Вліятельные члены Боярской Думы.—Заботы о ратномъ дѣлѣ.—Засѣчныя линіи.—Военная колонизація на юговостокѣ.—Построеніе городовъ и острожковъ.—Земледѣльческая колонизація въ Сибири.—Развращеніе сибирскихъ нравовъ и первый архіепископъ.—Ясачныя партіи казаковъ и промышленниковъ.—Покореніе Восточной Сибири и построеніе тамъ городковъ.—Донцы.—Взятіе ими Азова и отраженіе Турокъ.—Азовскій вопросъ передъ Великою Земскою Думою.—Мнѣнія выборныхъ дворянъ и купцовъ.—Отказъ отъ Азова.—Московская волокита. — Царевъ кабакъ.—Развитіе крѣпостного права.—Наслѣдованіе вдовъ.—Дальнѣйшія противупожарныя мѣры.—Столичныя постройки.—Царская библіотека и печатное дѣло.—Книжная словесность и сочиненія о Смутной эпохѣ.—Начало заводско-фабричной промышленности.—Льготы торговымъ иноземцамъ.—Иновѣрческіе храмы въ Москвѣ.

Великая старица Марѳа, возложившая на себя должность игуменьи Кремлевской Воскресенской обители, скончалась въ 1631 г. и была погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ находилась семейная усыпальница Романовыхъ; а патріархъ Филаретъ отошелъ въ вѣчность, спустя два года, и былъ положенъ въ Успенскомъ соборѣ. Онъ заранѣе указалъ себѣ преемника, въ лицѣ псковскаго архіепископа Іоасафа, который происходилъ изъ боярскихъ дѣтей и свое иноческое поприще началъ въ Соловецкомъ монастырѣ. По изволенію царя, Іоасафъ и былъ посвященъ соборомъ русскихъ архіереевъ. Современный хронистъ свидѣтельствуетъ, что онъ нравомъ своимъ и житіемъ былъ добродѣтеленъ, „и ко царю не дерзновененъ“. Слѣдовательно, Іоасафъ понималъ исключительное положеніе своего предшественника и не думалъ изъявлять какія-либо притязанія на участіе въ государственномъ управленіи.

Михаилъ Ѳеодоровичъ остался наконецъ полнымъ, единовластнымъ государемъ, который безъ всякаго стѣсненія могъ теперь проявлять свою личную волю. И мы видимъ, что въ эту третью двѣнадцатилѣтнюю эпоху своего царствованія Михаилъ дѣйствительно является самовластнымъ правителемъ, и притомъ такимъ кормчимъ, который направляетъ государственный корабль, если не съ особымъ

искусствомъ и успѣхомъ, то и безъ особыхъ ошибокъ и промаховъ. Опираясь съ одной стороны на строгое самодержавіе, возстановленное и укрѣпленное по преимуществу трудами Филарета Никитича, но смягчая его суровость своимъ личнымъ характеромъ, а съ другой — на свою продолжительную правительственную опытность, Михаилъ въ эту сравнительно мирную эпоху успѣлъ въ значительной степени залѣчить глубокія раны, нанесенныя государству Смутнымъ временемъ и вновь растравленныя бѣдственнымъ исходомъ второй Польской войны.

Дѣла управленія сосредоточивались теперь по преимуществу въ рукахъ Боярской Думы, которая является болѣе чѣмъ когда - либо дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ совѣтомъ государевымъ. Во главѣ ея мы видимъ старыхъ опытныхъ сановниковъ и ближнихъ государю людей, каковы: Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, а затѣмъ Иванъ Ивановичъ Шуйскій и Иванъ Андреевичъ Голицынъ. Дядя Государя, Иванъ Никитичъ Романовъ, прозванный *Каша,* жилъ еще около семи лѣтъ послѣ Филарета; но по своему характеру, а можетъ быть, по старости и болѣзненному состоянію, онъ за это время не выдается своимъ вліяніемъ. (Умеръ въ 1640 г., оставивъ сына Никиту). По кончинѣ родителя, Михаилъ Ѳеодоровичъ немедля вызвалъ изъ ссылки своихъ опальныхъ родственниковъ (по матери) Салтыковыхъ, Бориса и Михаила Михайловичей, и возвратилъ первому боярство, а второму окольничество. Но не видно, чтобы эти братья получили свое прежнее значеніе и вліяніе на дѣла; хотя и пользовались почетомъ и государевымъ расположеніемъ. Мы видимъ даже, что младшій изъ нихъ Михаилъ Салтыковъ только въ мартѣ 1641 года, т.-е. слишкомъ черезъ семь лѣтъ, возведенъ въ санъ боярина; тогда какъ другіе достигали этого сана гораздо скорѣе. Такъ „дядька" или воспитатель царевича Алексѣя Михайловича, столь извѣстный впослѣдствіи, Борисъ Ивановичъ Морозовъ и другой Морозовъ, Иванъ Васильевичъ, въ 1634 году прямо изъ стольниковъ были пожалованы въ бояре; а около того же времени прямо изъ дворянъ въ бояре были пожалованы Иванъ Петр. Шереметевъ и князь Петръ Александр. Рѣпнинъ. Незамѣтно, чтобы и родственники царицы Евдокіи Лукьяновны получили какое-либо выдающееся значеніе. Самъ отецъ ея Лукьянъ Степановичъ только въ 1634 году, уже по кончинѣ Филарета, былъ произведенъ изъ окольничаго въ бояре. Любопытно также невыдающееся при дворѣ значеніе такого стараго и заслуженнаго боярина,

какъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ - Оболенскій, несмотря на его родство съ царемъ: онъ былъ женатъ на теткѣ Михаила Θеодоровича, Анастасіи Никитичнѣ. Не говоримъ уже о бояринѣ еще болѣе славномъ и заслуженномъ, т.-е. о князѣ Дм. Мих. Пожарскомъ. (Скончался въ 1642 г.). Судя по дворцовымъ записямъ, къ наиболѣе приближеннымъ лицамъ въ эту эпоху принадлежали еще два боярина: князь Юрій Яншеевичъ Сулешовъ, крымскій выходецъ, и Семенъ Васильевичъ Головинъ (шуринъ знаменитаго Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго).

По окончаніи второй Польской войны, важнѣйшая забота правительства Михаила Θеодоровича сосредоточивается на ратномъ дѣлѣ и оборонѣ Московскихъ предѣловъ. Можетъ быть, именно исходъ этой войны и побудилъ обратить особое вниманіе на военную часть. Убѣдясь горькимъ опытомъ въ превосходствѣ полковъ солдатскаго и особенно драгунскаго строя, правительство принимаетъ мѣры къ ихъ возобновленію и дальнѣйшему развитію. Такъ, въ 1638 и 39 гг., въ виду столкновеній съ Крымцами и Турками изъ-за Азова, Государь приказываетъ набрать 8.000 человѣкъ, половину ихъ въ пѣхотную солдатскую службу, а другую половину въ конную драгунскую. Набирались они изъ вольныхъ охочихъ людей, каковы: безпомѣстные дѣти боярскіе, иноземцы, Татары, дѣти, братья и племянники стрѣлецкіе или казачьи и всякихъ чиновъ люди, „которые ни въ службѣ, ни въ тяглѣ, и ни на пашнѣ, и въ холопахъ ни у кого не служатъ“. Всѣмъ поступившимъ на эту службу давалось по 3 р. на платье и поденное кормовое жалованье: боярскимъ дѣтямъ и иноземцамъ по 7 денегъ, а прочимъ по 8 денегъ (это въ 1637 г., а въ слѣд. 1638 г. прибавлено каждому по 1 деньгѣ). Солдаты свои мушкеты и пики, а драгуны коней и сбрую получали отъ казны. Правительство особенно старалось привлечь на эту службу тѣхъ охочихъ людей, которые уже состояли на ней подъ Смоленскомъ. Старалось оно также привлечь сюда иноземцевъ. По заключеніи Поляновскаго договора, оставшіеся наемные иноземцы были отпущены въ ихъ отечество; причемъ старшимъ ихъ офицерамъ розданы похвальныя грамоты за ихъ службу, съ разрѣшеніемъ воротиться въ Москву, если кто опять пожелаетъ служить ей. А оставшіеся на службѣ офицеры награждались жалованьемъ и помѣстьями. Наборомъ и снаряженіемъ солдатскихъ и драгунскихъ полковъ вѣдалъ особый „Приказъ Сбору ратныхъ людей“, начальникомъ котораго въ 1637 году видимъ князя Ив. Андр. Голицына, а въ 1639 году Ив.

Петр. Шереметева (племянникъ Ѳед. Ив-ча) — все большіе бояре. Мушкеты, подсошки, бандолеты, пики выдавались имъ изъ Приказа Большой казны, которымъ начальствовалъ князь Ив. Бор. Черкасскій; въ 1638 году его смѣнилъ здѣсь Ѳ. Ив. Шереметевъ—самые большіе бояре той эпохи.

Въ эту третью эпоху царствованія Михаила Ѳеодоровича хотя не встрѣчаемъ крупныхъ татарскихъ набѣговъ, но мелкіе повторялись часто, и опасность со стороны Крымцевъ и Ногаевъ угрожала постоянно. Поэтому московское правительство много заботъ и хлопотъ продолжало посвящать оборонительнымъ мѣрамъ на своихъ южныхъ и юговосточныхъ предѣлахъ. Особенною дѣятельностію по сему поводу отличилось оно въ 1636—40 годахъ. Въ этотъ періодъ на южныхъ степныхъ украйнахъ были построены крѣпости: Чернавскъ на Быстрой Соснѣ—устье рѣки Чернавы, Козловъ на Лѣсномъ Воронежѣ, Тамбовъ на Цнѣ, два Ломова на рѣкѣ того же имени, Усердъ на Тихой Соснѣ, Хотмышскъ на Ворсклѣ, Вольный Курганъ въ той же сторонѣ на рѣчкѣ Рогознѣ; возобновленъ Орелъ и вновь укрѣплены разныя старыя крѣпости. Сіи украйные города связывались между собою оборонительными или засѣчными линіями: ихъ составляли въ лѣсныхъ мѣстахъ засѣки, т.-е. подрубленныя и поваленныя деревья, въ болѣе открытыхъ — рвы, земляные валы и кромѣ того надолбы (стоячія бревна съ перекладинами), въ рѣкахъ на бродахъ сваи и дубовые частики. Въ извѣстномъ разстояніи по такимъ линіямъ ставились укрѣпленные городки или острожки, жилые и стоялые: въ послѣднихъ стража смѣнялась по очереди.

Исходнымъ пунктомъ засѣчныхъ или оборонительныхъ линій въ первой половинѣ XVII вѣка служитъ Тула: отъ нея на востокъ, западъ и югъ идутъ эти ломаныя линіи. На сѣверо и юговостокѣ онѣ посредствомъ Венева и Данкова связываются съ областію засѣкъ рязанскихъ, ряжскихъ, шацкихъ, елецкихъ, тамбовскихъ, воронежскихъ и проч., а на югозападѣ посредствомъ Крапивны съ сѣтью лихвинскихъ, одоевскихъ, мценскихъ, ливенскихъ и т. д. Собственно съ Крапивенскими или Соловскими засѣками (рѣка Солова) Тула связывалась высокимъ землянымъ валомъ, который простирался верстъ на 15 въ открытой, низменной мѣстности и назывался „Завитай". На немъ находилось до семи земляныхъ и деревянныхъ острожковъ съ бастіонами, башнями и проѣзжими воротами. Эта насыпь укрѣплена была плетнемъ и плетеными турами; а съ наружной стороны ее защищали ровъ и надолбы, по-

ставленные въ два или три ряда. Завитай существовалъ и прежде; но съ особымъ тщаніемъ онъ былъ обдѣланъ и снабженъ укрѣпленіями въ 1638 году подъ руководствомъ голландскихъ инженеровъ, которымъ Михаилъ Ѳеодоровичъ вообще поручалъ вѣдѣніе засѣчнаго дѣла на тульскихъ линіяхъ, какъ наиболѣе важныхъ. Таковы были служилые Голландцы Янъ и Гизебрехтъ Корниловы, Давидъ Николь и Юстъ Монсенъ. А всѣмъ устройствомъ укрѣпленій и снабженіемъ ихъ ратными людьми на Тульскихъ сторожевыхъ линіяхъ въ это время распоряжался ближній царю бояринъ и воевода князь Ив. Бор. Черкасскій съ товарищами.

Новые города и жилые острожки населялись разными служилыми людьми, обязанными держать постоянную стражу и дѣлать разъѣзды для береженья отъ татарскихъ набѣговъ. Слѣдовательно, это было продолженіемъ все той же русской военной колонизаціи. Чтобы дать наглядное понятіе, какими способами и средствами она производилась, приведемъ вкратцѣ содержаніе окружной, разосланной областнымъ воеводамъ, царской грамоты (февраля 1637 года) о повсемѣстномъ сборѣ денегъ на оборонительныя постройки противъ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ:

Грамота прежде всего сообщаетъ о вновь построенныхъ городахъ и другихъ укрѣпленіяхъ. Слыша, что въ ряжскихъ, рязанскихъ, шацкихъ и во всѣхъ мещерскихъ мѣстахъ отъ набѣговъ бусурманъ происходитъ православнымъ жителямъ большое разореніе и плѣненіе, Государь указалъ въ прошломъ 7144 году (1636) поставить на полѣ (въ степи) на Лѣсномъ Воронежѣ городъ Козловъ, а въ немъ устроены стрѣльцы, казаки и всякіе жилецкіе люди. Отъ Козлова къ Шацкой сторонѣ, отъ р. Польнаго Воронежа до р. Челновой, на двѣнадцати верстахъ учиненъ земляной валъ, а по немъ поставлены три земляные городка съ башнями и съ подлазами, да на Касимовомъ броду земляной городокъ и къ нему 200 саженъ земляного валу. Чтобы загородить Татарамъ пути Калміускою и Изюмскою сакмами и Муравскимъ шляхомъ, велѣно построить жилой острогъ межъ Ливенъ и Ельца на р. Быстрой Соснѣ усть рѣки Чернавы, да еще острогъ на той же рѣкѣ на Талицкомъ броду: въ немъ стоятъ елецкіе головы съ ратными людьми. На старомъ Орловскомъ городищѣ поставленъ городъ и въ немъ устроены ратные и жилецкіе люди. На Цнѣ на усть Липовицы основанъ городъ Тамбовъ; отъ него къ Козлову къ земляному валу къ рѣчкѣ Челновой учинены надолбы. На рѣкѣ на Ломовѣ поставлены два города Ломовы, Верх-

ній и Нижній. Благодаря этимъ укрѣпленіямъ, въ послѣдніе два года Татары, нѣсколько разъ приходившіе на Рязанскія украйны, не успѣли прорваться въ Московскіе предѣлы и были побиваемы пограничными воеводами. Чтобы также укрѣпить Оскольскій, Бѣлгородскій и Курскій уѣзды, Государь послалъ Ѳедора Сухотина съ подьячимъ Юрьевымъ досмотрѣть на Калміуской, Изюмской сакмахъ и на Муравскомъ шляху, гдѣ какіе можно построить города и остроги, сдѣлать тому роспись и „начертить чертежъ". По ихъ росписи предположено: одинъ городъ поставить на р. Тихой Соснѣ у Терновскаго лѣса на Калміуской сакмѣ, другой на тѣхъ же сакмѣ и рѣкѣ усть Усерда, а на 8 верстъ выше Усердскаго городища отъ верховья Сосны копать валъ къ верховью рѣчки Волуя на 15-ти верстахъ, на обоихъ концахъ вала устроить два острожка; на той же сакмѣ на рѣкѣ Ольшанкѣ учинить стоялый острогъ, да на рѣкѣ на Осколѣ подъ Жестовыми горами тоже стоялый острожекъ, а по Соснѣ на бродахъ на пяти перелазахъ въ водѣ набить сваи и частикъ дубовый, а въ трехъ мѣстахъ по этой рѣкѣ учинить засѣки, „валить лѣсъ". На Изюмской сакмѣ подъ Яблоновымъ лѣсомъ поставить стоялый острогъ, а отъ верховья рѣчки Холка до рѣчки Корочи—земляной валъ съ стоялыми острожками по концамъ. На Муравскомъ шляху на р. Ворсклѣ построить городъ жилой, а отъ него къ Бѣлугороду копать валъ и городки. Эта роспись была утверждена Государемъ. Для такого городоваго дѣла онъ указалъ взять въ городахъ по писцовымъ книгамъ съ посадовъ, дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и съ Мордовскихъ земель съ живущей чети по полтинѣ, съ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей съ живущей чети по 20 алтынъ, съ дворянъ и дѣтей боярскихъ, находящихся на службѣ, и служилыхъ Татаръ по 10 алтынъ. Деньги эти велѣно доставить въ Челобитный приказъ боярина Бориса Михайловича Салтыкова по зимѣ „безъ всякаго мотчанья", а изъ дальнихъ городовъ, которые не успѣютъ, прислать на вешній Николинъ день.

Для примѣра, какъ снабжались новыя крѣпости огнестрѣльнымъ снарядомъ, возьмемъ грамоту 1636 г. 21 февраля окольничему князю Масальскому-Литвинову. Въ новопоставленный стольникомъ Боборыкинымъ городъ Тамбовъ Государь указалъ послать: пищаль вѣстовую, двѣ пищали полуторныя ядро въ шесть фунтовъ, да двѣ пищали ядро по два фунта, да 20 пищалей затинныхъ съ количествомъ ядеръ, смотря по зелью; а зелья пушечнаго 20 пудъ, ручного пи-

щальнаго 40 пудъ, колоколъ вѣстовой въ 15 пудъ, да 30 пудъ желѣза на разныя городовыя потребности. Пушкарей для наряду выслать изъ Арзамаса, Касимова, Шацка и Переяславля-Рязанскаго по 10 человѣкъ лучшихъ людей; отъ Старой Шацкой засѣки взять половину засѣчныхъ людей, да добраго чертежника для городового и засѣчнаго дѣла.

А какъ населялись служилыми людьми новопостроенныя крѣпости, о томъ дастъ понятіе государева грамота шацкому воеводѣ Юшкову того же 1636 года отъ 28 января. Въ городъ Верхній Ломовъ въ жилецкіе служилые люди Государь указалъ въ разныхъ городахъ (начиная съ Шацка) „прибрать" 590 человѣкъ изъ вольныхъ, гулящихъ или нетяглыхъ людей, „которые были бы собою добры и молоды и изъ пищалей стрѣлять были горазды". Этимъ „новоприборнымъ" людямъ велѣно давать изъ царскихъ доходовъ поденнаго корму женатымъ по алтыну, а холостымъ по четыре деньги на день, а подводы давать семейнымъ по особой, холостымъ по одной подводѣ на четверыхъ. О расходахъ на поденные кормы велѣно отписать въ Приказъ Казанскаго дворца, которымъ вѣдалъ тогда князь Борисъ Мих. Лыковъ.

Потребность въ оборонительныхъ сооруженіяхъ на украйнахъ была такъ сильна, что тамъ служилые люди иногда сами собственными средствами ставили острожки или просили правительство о постройкѣ новыхъ крѣпостей. Такъ, въ 1635 г. мценскіе воеводы доносили, что въ Орловскомъ уѣздѣ дворяне и дѣти боярскіе самовольно поставили четыре острожка, чтобы во время татарскаго или литовскаго вторженія отсиживаться въ нихъ со своими женами, дѣтьми и крестьянами. Боярская Дума приговорила поставить острожекъ на среднемъ пунктѣ, а разнымъ острожкамъ не быть. Въ 1638 г. „дѣти боярскіе, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые люди" Бѣлгородскіе и Курскіе чрезъ своихъ воеводъ подаютъ Государю просьбу, чтобы онъ велѣлъ построить городъ между Курскомъ и Бѣлгородомъ на половинѣ разстоянія, т.-е. въ 60 верстахъ отъ каждаго изъ нихъ, именно при впаденіи рѣчки Боя въ Пселъ, на старомъ Обоянскомъ городищѣ близъ Муравскаго шляха: ибо служилые люди изъ обоихъ названныхъ городовъ принуждены высылать сюда станицы или сторожевые отряды; многіе погибаютъ на этомъ дальнемъ проѣздѣ; а если бы тутъ былъ городъ, то изъ него „надъ Крымскими и Ногайскими и всякими воинскими людьми многіе поиски чинить мочно". Главная же, повидимому, цѣль боярскихъ дѣтей-челобитчи-

ковъ заключалась въ томъ, чтобы обезопасить и укрѣпить свои помѣстныя владѣнія, которыя въ той сторонѣ изобиловали черноземомъ, лѣсомъ и всякими угодьями. Государь велѣлъ бѣлгородскому воеводѣ послать на Обоянское городище, досмотрѣть его, описать и начертить чертежъ, а затѣмъ сдѣлать смѣту, сколько потребуется лѣсу на постройку стѣнъ и башенъ, сколько служилыхъ людей поселить въ городѣ и его слободахъ, сколько земли и разныхъ угодій имъ придется раздать и т. п. Кстати велѣно учинить досмотръ Чугуеву городищу, что на Сѣверскомъ Донцѣ. Затѣмъ не видно, чтобы поспѣшили постройкою Обоянской крѣпости; тогда какъ на Чугуевѣ уже въ слѣдующемъ 1639 году былъ поставленъ острогъ. Оно и понятно: Чугуевъ болѣе выдвигался въ степную полосу русской колонизаціи и одновременно долженъ былъ преграждать Татарамъ вторженіе какъ въ Бѣлгородскій, такъ и Курскій уѣзды. Этотъ Чугуевъ былъ въ то время заселенъ по преимуществу Малороссійскими казаками или Черкасами, какъ ихъ называли въ Москвѣ.

Московское правительство воспользовалось гоненіями на православіе, которыя происходили тогда въ Западной Россіи, и казацкими возстаніями противъ Поляковъ. Подавленіе этихъ возстаній и слѣдовавшее за нимъ еще большее угнетеніе вынуждали многихъ казаковъ искать убѣжища за московскимъ рубежомъ, гдѣ они находили не только радушный пріемъ, но и награжденіе. Имъ выдавали за выходъ по 5 рублей, селили ихъ въ украинныхъ городахъ, надѣляли землею или давали жалованье хлѣбомъ и деньгами, семейнымъ болѣе, чѣмъ одинокимъ. За это ихъ обязывали, конечно, службою. Выходцамъ съ Запорожья назначено было годового жалованья атаманамъ по 7 руб., есауламъ по 6, а рядовымъ по 5 руб. Подобныя мѣры сильно поощряли переселеніе Черкасъ, и къ концу царствованія Михаила Θеодоровича они наполнили собою московскіе украинные города.

По мѣрѣ того, какъ русская военная колонизація выдвигалась далѣе въ степную полосу и новопостроенныя крѣпости ограждали наши предѣлы отъ татарскихъ набѣговъ, мѣста, прежде подверженныя этимъ набѣгамъ, начинали пользоваться сравнительнымъ спокойствіемъ и безопасностію, а тяжелая сторожевая служба ратныхъ служилыхъ людей должна была облегчиться. Такъ, въ 1638 году лебедянскіе дѣти боярскіе и казаки бьютъ челомъ государю. Когда поставили новые города Козловъ и Усердъ и вывели земляной валъ

отъ Козлова къ Тамбову, то безвѣстный приходъ Татаръ съ Ногайской стороны къ Лебедяни прекратился; съ построеніемъ острога на Талицкомъ броду черезъ Сосну рѣку прекратился безвѣстный приходъ къ Лебедяни и съ Крымской стороны. Слѣдовательно, сторожевымъ сотнямъ нѣтъ болѣе нужды стоять на рѣчкѣ Лебедянкѣ. Поэтому бѣдные лебедянскіе однодворцы просятъ отмѣнить сторожевую службу, а оставить только посылку ихъ для вѣстей на Елецъ и Данковъ. Государь велѣлъ сдѣлать провѣрку и поступить согласно челобитью. (12).

Русская колонизація въ Сибири также сдѣлала значительные успѣхи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь она выразилась не столько построеніемъ новыхъ городовъ и остроговъ, сколько заведеніемъ русскихъ селъ и деревень въ тѣхъ уѣздахъ и областяхъ, которые заключались между Каменнымъ Поясомъ и рѣкою Обью, каковы уѣзды Верхотурскій, Туринскій, Тюменскій, Пелымскій, Березовскій, Тобольскій, Тарскій и Томскій. Укрѣпивъ новозавоеванный край городами и населивъ ихъ служилыми людьми, московское правительство заботилось теперь о заселеніи его крестьянами-земледѣльцами, чтобы не только обрусить этотъ край, но и снабжать его собственнымъ хлѣбомъ, который все еще съ большими усиліями и затратами доставлялся въ Сибирь изъ внутреннихъ областей. Въ дѣлѣ крестьянской колонизаціи правительство дѣйствовало обдуманно и постепенно. Напримѣръ, въ 1632 году изъ ближайшаго къ Европейской Россіи Верхотурскаго уѣзда велѣно было отправить въ Томскій сотню или по крайней мѣрѣ полсотни крестьянъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ „пашеннымъ заводомъ“ (т.-е. съ земледѣльческими орудіями). Но, чтобы бывшія ихъ верхотурскія пашни не оставались впустѣ, приказано въ Перми Великой или въ Чердыни, въ Соли Камской и Кай-Городѣ бирючамъ кликать „по многи дни“, вызывая охотниковъ изъ вольныхъ гулящихъ людей, т.-е. нетяглыхъ, которые бы согласились ѣхать въ Верхотурье и садиться тамъ на готовыя уже распаханныя земли; причемъ имъ выдавались ссуда и подмога. Такихъ новоприбранныхъ крестьянъ воеводы должны были съ женами, дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ отправлять въ Верхотурье, давая подводы отъ обывателей; съ нихъ же собиралась и подмога. Если мало находилось охотниковъ къ переселенію „по прибору“, тогда правительство отправляло переселенцевъ „по указу“ изъ собственныхъ дворцовыхъ селъ; причемъ

давало имъ подмогу, т.-е. кромѣ денегъ снабжало ихъ скотомъ, домашней птицей, сохой, телѣгой и прочей „житейской рухлядью“.

Кромѣ указанной сейчасъ колонизаціи служилыми людьми и пашенными крестьянами, Сибирь въ это время получаетъ еще приростъ русскаго населенія отъ ссыльныхъ: именно, въ царствованіе Михаила Θеодоровича она дѣлается по преимуществу мѣстомъ ссылки для разнаго рода преступниковъ. Правительство при этомъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: съ одной стороны избавить коренныя области отъ людей безпокойныхъ и опасныхъ, которыхъ содержаніе въ тюрьмахъ дорого ему стоило; а съ другой воспользоваться ими для заселенія Сибирскихъ пустынь, для обработки тамъ земли или для государевой службы, смотря по тому, къ какому классу принадлежали ссыльные; крестьянъ и посадскихъ оно сажало тамъ на пашни, а служилыхъ людей верстало на службу.

Вообще русская колонизація въ Сибири совершалась по преимуществу путемъ правительственныхъ мѣропріятій. Вольныхъ русскихъ поселенцевъ приходило туда очень мало; что было естественно при малонаселенности ближнихъ окраинъ, т.-е. областей Покамскихъ и Поволжскихъ, которыя сами еще очень нуждались въ колонизаціи изъ центральныхъ Московскихъ областей. А суровыя условія жизни въ Сибири того времени были настолько тяжелы, что и сами переселенцы нерѣдко пытались при удобномъ случаѣ перебраться назадъ за Камень въ родные края.

Особенно неохотно шло въ Сибирь духовенство, столь необходимое для устроенія и распространенія тамъ Православной церкви. Русскіе поселенцы и ссыльные, живя вдали отъ высшаго правительственнаго и духовнаго надзора, среди полудикихъ иновѣрцевъ, естественно предавались всякаго рода порокамъ и небрегли объ исполненіи правилъ христіанской вѣры. Ради церковнаго благоустройства патріархъ Филаретъ Никитичъ учредилъ особую архіепископскую каѳедру въ Тобольскѣ, и первымъ архіепископомъ Сибирскимъ поставилъ Кипріана, архимандрита Новгородскаго Хутынскаго монастыря, въ 1621 году. Кипріанъ привезъ съ собою въ Сибирь нѣкоторое количество черныхъ и бѣлыхъ священниковъ, и дѣятельно принялся за устроеніе своей епархіи. Онъ нашелъ тамъ нѣсколько уже прежде основанныхъ монастырей, но безъ соблюденія правилъ монашескаго житія. Напримѣръ, въ Туринскѣ былъ Покровскій монастырь, въ которомъ жили монахи и монахини. Кипріанъ построилъ для монаховъ особую обитель, а въ Покровской оста-

вилъ монахинь; онъ основалъ еще нѣсколько обителей, которыя по его ходатайству были снабжены землями и разными угодьями. Но вообще архіепископъ сей нашелъ нравы своей паствы крайне распущенными, а для водворенія здѣсь благочестія и христіанской нравственности встрѣтилъ большое противодѣйствіе со стороны воеводъ и служилыхъ людей. Онъ послалъ царю и патріарху подробное донесеніе о найденныхъ имъ безпорядкахъ. На основаніи его донесенія Филаретъ Никитичъ прислалъ ему укорительную грамоту съ описаніемъ сихъ безпорядковъ. Очевидно, по желанію самого Кипріана, не хотѣвшаго еще болѣе озлобить противъ себя воеводъ, патріархъ пишетъ, будто о безнравственности Сибиряковъ онъ узналъ отъ самихъ воеводъ и приказныхъ людей, и грамоту эту указываетъ читать всенародно въ церквахъ.

Здѣсь самыми мрачными красками изображается развращеніе сибирскихъ нравовъ. Напримѣръ, многіе православные люди ни крестовъ на себѣ не носятъ, ни постныхъ дней не соблюдаютъ, а ѣдятъ мясо и „всякія скверны" вмѣстѣ съ Татарами, Остяками и Вогулами. Но особенно грамота нападаетъ на семейный развратъ: православные люди живутъ съ татарками и язычницами какъ съ своими женами или женятся на близкихъ родственницахъ, даже на сестрахъ и дочеряхъ; служилые люди, отправляясь въ дальнія мѣста, закладываютъ своихъ женъ товарищамъ съ правомъ пользованія, и, если въ назначенный срокъ мужъ не выкупитъ жену, то заимодавецъ продаетъ ее другимъ людямъ. Сильные отнимаютъ женъ у слабыхъ. Нѣкоторые сибирскіе служилые люди, пріѣзжая въ Москву съ денежною или соболиною казною, сманиваютъ съ собою женъ и дѣвицъ, а въ Сибири продаютъ ихъ Литовцамъ, Нѣмцамъ, и Татарамъ. Священники вѣнчаютъ съ другими мужей отъ живыхъ женъ, а женъ отъ живыхъ мужей. Воеводы не только не унимаютъ людей отъ такихъ беззаконій, но и сами подаютъ примѣръ всякаго воровства; ради своей корысти, чинятъ всякія насилія торговымъ людямъ и улуснымъ иновѣрцамъ.

Въ томъ же 1622 году Царь посылаетъ Сибирскимъ воеводамъ грамоту, въ которой запрещаетъ имъ вступаться въ духовныя дѣла и приказываетъ наблюдать, чтобы служилые люди въ этихъ дѣлахъ подчинялись суду архіепископа и его десятильниковъ. Наказываетъ имъ также, чтобы служилые люди, посылаемые къ инородцамъ для сбора ясака, не дѣлали имъ насилій и не брали лишняго, чтобы и сами воеводы насильствъ и неправдъ не чинили, по-

суловъ и поминокъ не брали и наказывали за душегубство, которое особенно часто случается, когда люди въ пьяномъ видѣ бьются и рѣжутся другъ съ другомъ. Но всѣ подобные грамоты и наказы мало сдерживали произволъ и насилія воеводъ и служилыхъ людей, а потому нравы улучшались очень медленно. И послѣ того нерѣдко встрѣчаемъ жалобы архіерейскихъ десятильниковъ на то, что живущіе въ беззаконіи мужчины и женщины не поддаются духовному суду, находя покровительство и защиту у воеводъ и приказныхъ людей. Впрочемъ и самыя духовныя власти не всегда соотвѣтствовали своему высокому назначенію. Кипріанъ оставался въ Сибири только до 1624 года, когда онъ былъ переведенъ въ Москву митрополитомъ Сарскимъ или Крутицкимъ на мѣсто удаленнаго на покой Іоны, которымъ патріархъ Филаретъ не былъ доволенъ (особенно за его возраженія противъ перекрещиванія Латинянъ на духовномъ соборѣ 1620 года). Ближайшіе преемники Кипріана на Сибирской каѳедрѣ болѣе извѣстны заботами о стяжаніи, нежели попеченіями о своей паствѣ.

Въ Москвѣ Сибирь вѣдалась въ Казанскомъ и Мещерскомъ дворцѣ; но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича появляется уже „Сибирскій приказъ“, сначала какъ отдѣленіе при этомъ дворцѣ, а потомъ (съ 1637 г.) какъ самостоятельное учрежденіе. Въ самой Сибири высшее областное управленіе сосредоточивалось сначала въ рукахъ Тобольскихъ воеводъ; а съ 1629 года Томскіе воеводы сдѣлались отъ нихъ независимы, и между ними раздѣлялись воеводы другихъ Сибирскихъ городовъ. Зависимость сихъ послѣднихъ отъ главныхъ воеводъ была преимущественно военная; такъ безъ разрѣшенія главнаго воеводы они не могли посылать служилыхъ людей противъ непріятеля. Это правило нерѣдко мѣшало своевременной отправкѣ отрядовъ при нападеніи на русскія области Калмыковъ и Татаръ. Но, повидимому, оно не всегда соблюдалось, по крайней мѣрѣ, не препятствовало дальнѣйшему распространенію Русскаго владычества и обложенію ясакомъ Сибирскихъ инородцевъ.

Послѣ покоренія Западно-Сибирской низменности, этотъ ясакъ, состоявшій изъ соболей и другихъ цѣнныхъ мѣховъ, и послужилъ главнымъ побужденіемъ для распространенія Русскаго владычества на неизмѣримыя гористыя пространства Восточной Сибири, начинавшіяся за Енисеемъ. Обыкновенно изъ того или другого новопостроеннаго русскаго города или острога выходитъ партія казаковъ

въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, и на своихъ утлыхъ стругахъ или „кочахъ“ плыветъ по многоводнымъ, нерѣдко порожистымъ, Сибирскимъ рѣкамъ посреди дикихъ пустынь; когда же водный путь прерывается, она оставляетъ свои лодки и запасы подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ и пѣшая продолжаетъ путь по едва проходимымъ дебрямъ или горнымъ областямъ. При семъ рѣдкія, малолюдныя племена инородцевъ призываются вступить въ подданство Московскаго царя и заплатить ему ясакъ; они или добровольно исполняютъ это требованіе, или отказываютъ въ дани и собираются въ толпу, вооруженную луками и стрѣлами. Но огонь изъ пищалей и самопаловъ, а потомъ дружная работа мечами и саблями скоро полагаютъ предѣлъ ихъ сопротивленію и принуждаютъ къ уплатѣ ясака. Иногда, подавленная числомъ, горсть Русскихъ наскоро сооружаетъ себѣ прикрытіе и благополучно отсиживается въ немъ, пока не получится какое-либо подкрѣпленіе или непріятели сами не разойдутся по своимъ жильямъ. Случалось, что изъ такого труднаго положенія казаковъ выручала партія отважныхъ русскихъ промышленниковъ. Эти промышленники нерѣдко предупреждали военныя партіи и пролагали имъ пути, стремясь войти въ торговыя сношенія съ Сибирскими народцами ради дорогихъ соболей и прочихъ цѣнныхъ мѣховъ, которыхъ туземцы охотно обмѣнивали на мѣдные или желѣзные котлы, ножи, бусы и тому подобные предметы домашняго обихода и украшеній. Бывали и такіе случаи, что двѣ партіи казаковъ, посланныя воеводами изъ разныхъ городовъ, встрѣчались среди какихъ-либо инородцевъ, и если не соединялись вмѣстѣ, то затѣвали доходившія до драки распри изъ-за того, кому брать ясакъ въ данномъ мѣстѣ.

Въ Западной Сибири Русское завоеваніе, какъ мы видѣли, встрѣтило довольно упорное сопротивленіе съ стороны Кучумова ханства, и потомъ оно должно было бороться съ ордами Калмыковъ, Киргизовъ и Ногаевъ, которые изъ сосѣднихъ степей дѣлали набѣги на новоустроенныя русскія поселенія или на Остяковъ и Вогуловъ, подчинившихся русскому владычеству. Покоренные инородцы иногда дѣлали тамъ попытки къ возстанію противъ русскаго владычества, пока еще въ свѣжей памяти было существованіе особаго Сибирскаго царства. Смутная эпоха на Руси отразилась и въ Сибири именно такого рода попытками. Но онѣ вели къ усмиренію и вящему истребленію туземцевъ. Поэтому число ихъ сильно уменьшилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда Русскіе впервые яви-

лись въ Сибирь съ Ермакомъ. Вновь принесенныя болѣзни, особенно оспа, также не мало способствали уменьшенію количества туземнаго населенія.

Покореніе Восточной Сибири, совершенное большею частію въ царствованіе Михаила Θеодоровича, напротивъ, происходило при гораздо меньшихъ препятствіяхъ; ибо тамъ Русскіе не встрѣтили никакого организованнаго непріятеля, никакихъ устоевъ государственнаго быта, а только дикія или полудикія племена Тунгузъ, Бурятъ, Якутовъ и пр., съ мелкими князьями или старшинами во главѣ. Разумѣется, покореніе этихъ племенъ или обложеніе ихъ ясакомъ они закрѣпляли основаніемъ небольшихъ городовъ и остроговъ, обнесенныхъ валомъ и частоколомъ и расположенныхъ на какомъ-либо удобномъ мѣстѣ, особенно по рѣкамъ на узлѣ водныхъ сообщеній. Важнѣйшіе изъ нихъ: по Енисею основаны Енисейскъ (1619 г.) въ землѣ Тунгузовъ и Красноярскъ (1622 г.) въ области Татарской; затѣмъ въ землѣ Бурятъ, оказавшихъ сравнительно наибольшее сопротивленіе и нѣсколько разъ возмущавшихся, поставленъ былъ (1631 г.) Братскій острогъ при впаденіи р. Оки въ Ангару, близъ пороговъ послѣдней. Одновременно съ нимъ на Илимѣ, правомъ притокѣ Ангары, возникъ Илимскъ; въ слѣдующемъ году на среднемъ теченіи Лены построенъ Якутскій острогъ въ странѣ Якутовъ. Въ 1636—38 годахъ енисейскіе казаки, предводимые десятникомъ Бузою, по Ленѣ спустились до Ледовитаго моря, а потомъ этимъ моремъ достигли устья рѣки Яны; за сею рѣкою они нашли племя Юкагиръ и обложили ихъ ясакомъ. Почти въ то же время партія томскихъ казаковъ, предводимая Копыловымъ, изъ рѣки Лены вошла въ его правый притокъ Алданъ, потомъ въ правый притокъ Алдана Маю, откуда достигла Охотскаго моря, обложивъ ясакомъ обитавшихъ въ той сторонѣ Тунгузовъ и Ламутовъ.

Въ 1642 году городъ Мангазея, на р. Тазѣ, подвергся сильному опустошенію отъ пожара. Послѣ того жители его мало-помалу переселились въ Туруханское зимовье, стоявшее на нижнемъ Енисеѣ при впаденіи р. Турухана и отличавшееся болѣе удобнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ старая Мангазея запустѣла; а вмѣсто нея возникла новая Мангазея или городъ Туруханскъ ([13]).

Изъ внѣшнихъ сношеній въ эту послѣднюю эпоху Михаилова царствованія выдвигаются особенно отношенія къ Турціи. Общій врагъ, т.-е. Польско-Литовское королевство, сблизилъ Москву съ

Константинополемъ, и они обмѣнивались посольствами, которыя вели рѣчи о союзѣ. Но такимъ союзнымъ отношеніямъ много мѣшали Донскіе казаки, которые около того времени начали предпринимать грабительскіе набѣги какъ на Каспійскіе Персидскіе, такъ и на Турецкіе Черноморскіе берега: въ первомъ случаѣ то одни, то въ соединеніи съ Яицкими казаками; а во-второмъ то одни, то въ соединеніи съ Запорожцами. Причемъ они нерѣдко гибли въ этихъ набѣгахъ, а иногда возвращались съ богатой добычей. Свои грабительскіе поиски на Черномъ морѣ они распространяли до окрестностей большихъ торговыхъ городовъ Трапезунда, Синопа и самаго Царьграда. Въ 1630 году султанъ готовясь къ войнѣ съ Польшею, приглашалъ и Москву къ общему дѣйствію. Царь и патріархъ Филаретъ еще не рѣшались тогда открыто разорвать Деулинское перемиріе, а посему ограничились тѣмъ, что послали на Донъ приказъ казакамъ соединиться съ Турками и идти на Поляковъ. Казаки не только не послушались этого приказа, но и убили воеводу Ивана Константиновича Карамышева, который провожалъ московскихъ пословъ (Савина и Анфимова), отправленныхъ въ Константинополь (1632 г.). Поэтому, когда Султанское правительство жаловалось Московскому на грабительскіе поиски Донцовъ, въ Москвѣ обыкновенно отвѣчали, что они государя не слушаютъ, дѣйствуютъ самовольно, и что султанъ можетъ ихъ брать въ плѣнъ, вѣшать и вообще наказывать какъ ему угодно. Это не мѣшало Московскому царю въ дѣйствительности считать Донцовъ своими подданными, пользоваться ихъ силами для борьбы съ Крымцами, Азовцами и Ногаями и время отъ времени посылать имъ свое жалованье, т.-е. деньги, хлѣбъ, сукно, свинецъ и порохъ.

Ближайшимъ и злѣйшимъ врагомъ Донцовъ была Азовская орда, которая нерѣдко нападала какъ на южные украинскіе города, такъ и на Придонскія поселенія казаковъ. Къ тому же Азовцы преграждали иногда казацкимъ лодкамъ путь въ Азовское и Черное моря или возвратъ ихъ на Донъ. Это обстоятельство особенно раздражало казаковъ, и вотъ они задумали уничтожить такое препятствіе, т.-е. завладѣть городомъ Азовымъ. Не объявляя своего намѣренія, они послали въ Москву одного изъ своихъ атамановъ, Ивана Каторжнаго, съ просьбою о денежномъ, хлѣбномъ жалованьи и военныхъ запасахъ; такъ какъ они съ одной стороны наги, босы и голодны, а съ другой сосѣднія орды угрожаютъ придти и разорить ихъ городки. Царь исполнилъ ихъ просьбу и послалъ имъ запасы съ дворяни-

номъ Чириковымъ, который имѣлъ еще порученіе встрѣтить турецкаго посланника Ѳому Кантакузена и въ качествѣ пристава проводить его въ Москву. Этотъ Грекъ уже нѣсколько разъ исполнялъ подобныя посольства.

Межъ тѣмъ казацкіе старшины изъ Донскихъ городковъ собрались въ одномъ глухомъ мѣстѣ, составили кругъ, и тутъ порѣшили идти всѣмъ промышлять надъ Азовымъ и освободить тамъ тысячи плѣнныхъ русскихъ христіанъ, которыхъ Азовцы продаютъ въ неволю или сажаютъ скованными на свои каторги (суда) и отправляютъ на продажу за море. Рѣшеніе свое казаки скрѣпили присягою; послѣ чего велѣли вездѣ пѣть молебны и просить у Бога помощи. Случайно въ это время пришелъ на Донъ значительный отрядъ Запорожцевъ, которые тоже пристали къ Донцамъ. Весною 1637 года ихъ соединенное войско рѣкою и берегомъ двинулось къ Азову и осадило его. Помянутый Ѳома Контакузенъ, ожидавшій на Дону царскаго пристава, былъ задержанъ казаками. Узнавъ объ ихъ походѣ, онъ послалъ какихъ-то двухъ лазутчиковъ въ Азовъ; но они были схвачены казаками. Послѣдніе привели Кантакузена въ свой кругъ, тутъ обвинили его въ шпіонствѣ и приговорили къ смерти. Турецкій посолъ и сопровождавшіе его греческіе монахи были тотчасъ же умерщвлены. Въ это время воротился на Донъ атаманъ Каторжный въ сопровожденіи Чирикова, который привезъ казакамъ жалованье, а также запасъ пороху и свинцу. Донцы завладѣли запасомъ, сдѣлали большой подкопъ подъ руководствомъ какого-то казака Ивана Арадова, нѣмца по происхожденію, и заложили тамъ порядочное количество пороху. Ночью 18 іюля подкопъ былъ взорванъ, и обрушилась часть городской стѣны. Осаждающіе воспользовались этимъ моментомъ, сдѣлали приступъ къ проломному мѣсту, ворвались въ городъ, и произвели страшное избіеніе среди мусульманскихъ жителей. Большая часть мусульманъ бросилась бѣжать изъ города; оставшіеся заперлись въ нѣкоторыхъ башняхъ, защищались еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, и немало побили казаковъ, но въ свою очередь были взяты и избиты. Казаки засѣли въ Азовѣ, и немедленно извѣстили Москву о своихъ подвигахъ. Тамъ не могли не радоваться взятію Азова; но были очень недовольны самовольной расправою съ турецкимъ посломъ. Отъ царя была получена казаками грамота, которая укоряла ихъ за самовольное избіеніе посольства, указывая на то, что въ цѣломъ мірѣ неслыханное дѣло, чтобы убивать пословъ, даже и во время войны.

Относительно Азова грамота говорила, что казаки взяли его также самовольно, безъ царскаго повелѣнія. Въ то же время и къ султану отправлена изъ Москвы грамота съ увѣдомленіемъ, что убіеніе посла и взятіе Азова совершились казацкимъ самовольствомъ, что царь за казаковъ не стоитъ и не желаетъ изъ-за нихъ ссориться съ султанскимъ величествомъ.

Въ Константинополѣ эти извѣстія вызвали великое негодованіе. Въ томъ же году Крымцы, по приказу султана Мурада, произвели набѣгъ на южную Московскую украйну; для возвращенія Азова онъ сталъ готовить войско. Но походъ замедлился бывшею въ то время войною съ Персами, а потомъ смертію Мурада. И только въ 1641 г. преемникъ его Ибрагимъ послалъ наконецъ сильное войско, съ которымъ соединились Крымцы и Ногайцы, такъ что по московскимъ извѣстіямъ число всего войска, осаждавшаго казаковъ въ Азовѣ, будто бы простиралось до 250.000—число конечно весьма преувеличенное. Количество же казаковъ въ разныхъ источникахъ показано разное: то тысячъ пять съ половиной мужчинъ и 800 женщинъ, то 14.000.

Турки насыпали вокругъ города земляной валъ, поставили на немъ пушки и начали усердно бить изъ нихъ ядрами вѣсомъ въ полтора и два пуда. Городскія стѣны и башни во многихъ мѣстахъ были разрушены. Но казаки защищались съ отчаянною храбростью и единодушіемъ; дѣлали частыя вылазки, укрывались въ вырытыхъ ими землянкахъ, противъ турецкихъ подкоповъ вели свои встрѣчныя мины, такъ что ни одинъ подкопъ Туркамъ не удался, а также всѣ ихъ приступы были геройски отбиты. Осаждающіе со стрѣлами бросали въ городъ грамоты, въ которыхъ увѣщевали казаковъ отдать хотя бы пустой городъ за большую денежную казну; но и эти заманчивыя предложенія были отвергнуты.

Поднявшіяся въ то время на Азовскомъ морѣ бури разбили многія турецкія суда, а часть ихъ прибили къ устьямъ Дона; тутъ казаки захватили ихъ вмѣстѣ съ пушками, порохомъ, свинцомъ, кирпичами, известью и прутовымъ желѣзомъ, приготовленными для исправленія разбитыхъ стѣнъ города Азова. Въ немъ еще сохранялись два древніе христіанскіе храма, во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца; во время турецкой осады они были почти разрушены ядрами. Заступленію этихъ святыхъ казаки приписывали пораженіе Турокъ. Вообще ихъ благочестивое настроеніе, посты и молитвы въ ту пору не мало поддерживали въ нихъ мужество и

способствовали успѣху обороны. Цѣлые четыре мѣсяца (съ іюня по сентябрь включительно) Турки вели осаду; наконецъ сняли ее и отступили, потерявъ едва не половину людей.

Донцы, имѣя атамана Осипа Петрова во главѣ, немедля отправили въ Москву атамана Наума Васильева и 20 товарищей съ радостною вѣстью и съ просьбою къ Государю принять Азовъ подъ свою державу и прислать имъ помощь людьми, деньгами и всякими запасами. Царь отвѣчалъ казакамъ похвальною грамотою за ихъ „промыселъ и крѣпкостоятельство“, и прислалъ имъ 5000 рублей; при семъ изъ Москвы прибылъ царскій чиновникъ съ подъячимъ, чтобы осмотрѣть городъ Азовъ, начертить его планъ и переписать все, что въ немъ есть.

Но Турки не думали отказаться отъ Азова, и вопросъ, какъ поступить съ предложеніемъ казаковъ, былъ слишкомъ важенъ, чтобы рѣшить его безъ обсужденія Великой Земской думой. Такая дума и была созвана въ январѣ 1642 года. Въ ней участвовали слѣдующіе чины Московскаго государства: во-первыхъ, освященный соборъ т.-е. старшее московское духовенство съ митрополитомъ крутицкимъ Серапіономъ во главѣ (престолъ патріаршій въ то время вдовствовалъ); во-вторыхъ, думные люди или бояре, окольничіе и другіе члены Боярской Думы; въ - третьихъ, выборные отъ московскаго служилаго класса, т.-е. стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, дьяковъ и стрѣлецкихъ головъ; въ-четвертыхъ, выборные изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; въ-пятыхъ, выборные отъ московскихъ торговыхъ людей, т.-е. гостей, гостинной и суконной сотни и отъ черныхъ сотенъ. Всего было выборныхъ около 200 человѣкъ, кромѣ членовъ Освященнаго Собора и Боярской Думы. Выборные посадскіе и уѣздные люди отъ городовъ почему-то не были призваны.

3 января Великая Земская дума собралась въ такъ наз. Столовой избѣ царскаго Кремлевскаго дворца, и здѣсь, послѣ обычнаго богослуженія, открыто было ея засѣданіе, въ присутствіи Государя. Печатникъ и думный дьякъ Θедоръ Θедоровичъ Лихачовъ прочелъ вслухъ царскую грамоту, въ которой излагались причины и задачи созваннаго собора. Тутъ объявлялось, что, по вѣстямъ, отъ Турецкаго султана идетъ къ Государю посолъ, чтобы говорить объ Азовѣ, а на весну султанъ посылаетъ визиря съ большимъ войскомъ на Московское государство и для новой осады Азова; съ визиремъ долженъ соединиться и Крымскій ханъ. Затѣмъ излагалась краткая

исторія взятія этого города Донцами, а также неудачной осады его Турками и просьба казаковъ прислать воеводу съ ратью для принятія отъ нихъ города. Поэтому предлагались Собору два вопроса. Первое: Азовъ у казаковъ принимать ли, съ султаномъ и ханомъ разорвать ли? Второе: если разорвать, будетъ война долгая и понадобятся деньги на жалованье ратнымъ людямъ, многіе хлѣбные и пушечные и всякіе запасы, то откуда такіе деньги и запасы взять? Списки съ этой царской грамоты розданы были „всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ", съ повелѣніемъ, чтобы они, обсудивъ дѣло, „объявили Государю свою мысль на письмѣ". Каждый чинъ долженъ былъ совѣщаться особо и подавалъ свое мнѣніе отдѣльно по мѣрѣ того, какъ готово было его письменное изложеніе; для сего изложенія ко всякой мірской группѣ былъ приставленъ особый дьякъ. Напримѣръ, при стольникахъ состоялъ дьякъ Пятый Спиридоновъ, при московскихъ дворянахъ Игнатій Лукинъ, при дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ изъ городовъ Василій Аткарскій и т. д.

Духовенство подало свое мнѣніе, спустя 10 дней по открытіи собора, т.-е. 13 января. Это письменное мнѣніе представилъ отъ Крутицкаго митрополита сынъ боярскій Семенъ Сатынниковъ. На предложенные царемъ вопросы духовенство кратко отвѣчало, что его дѣло молиться о государевѣ здоровьѣ и что оно готово помогать ратнымъ людямъ на сколько хватитъ силы, а рѣшать вопросы о войнѣ предоставляетъ Государю и его царскому „синклиту". Стольники отвѣчали, что разорвать ли съ Турецкимъ и Крымскимъ, на то государева воля; по ихъ же мысли, слѣдуетъ оставить въ Азовѣ донскихъ атамановъ, а на помощь имъ послать рать изъ охочихъ и вольныхъ людей; откуда взять деньги и запасы, въ томъ его же государева воля, а они на службу готовы, гдѣ Государь укажетъ. Въ такомъ же смыслѣ отвѣчали московскіе дворяне, прибавивъ только, что охочихъ людей лучше всего „прибрать въ украинскихъ городахъ", такъ какъ „тѣхъ городовъ многіе люди прежъ сего на Дону бывали и имъ та служба за обычай".

Изъ среды болѣе чѣмъ двадцати выборныхъ московскихъ дворянъ выдѣлились двое, Никита Беклемишевъ и Тимофей Желябужскій, которые подали отдѣльное мнѣніе или, какъ тогда называлось „особную сказку". Они не противорѣчили своимъ товарищамъ, а только входили въ нѣкоторыя подробности, и рѣшительно высказывались въ пользу войны. Напримѣръ, они указывали на лживость Крымскаго хана, который всегда давалъ шерть о ненападеніи на

Государеву землю, а между тѣмъ Крымскіе и Азовскіе татары ежегодно воевали украинные города и православныхъ плѣнниковъ продавали въ рабство; при чемъ ханъ бралъ пошлины десятую часть полона. Припомнили и вторженіе Крымцевъ во время Смоленской осады Шеина. Совѣтовали казну, посылаемую хану, лучше обратить на войну съ нимъ же. Говорили, что съ тѣхъ поръ, какъ Азовъ взятъ, украинные города пребываютъ въ тишинѣ и покоѣ. Для жалованья ратнымъ людямъ совѣтовали „выбрать изо всѣхъ чиновъ людей добрыхъ человѣка по два и по три", которые бы собирали деньги съ неслужилыхъ (невоенныхъ), т.-е. съ приказныхъ, вдовъ, недорослей, гостей и всѣхъ торговыхъ людей, а также и съ тѣхъ служилыхъ, которые сидятъ по воеводствамъ и приказамъ „у корыстовныхъ дѣлъ", чтобы „никто въ избылыхъ не былъ". Даточныхъ совѣтовали брать съ монастырей и съ людей, владѣющихъ многими помѣстьями и вотчинами; при чемъ указывали на лучшее положеніе городовыхъ дворянъ сравнительно съ московскими мелкопомѣстными, потому что послѣ войны первые спокойно живутъ по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ, а вторые несутъ постоянную службу въ Москвѣ, отправляются въ разныя посылки, участвуютъ въ постройкѣ Земляного города и во всякихъ городовыхъ дѣлахъ. (Тутъ очевидно уже слышится нѣкоторая рознь въ самомъ военно-служиломъ сословіи). Въ заключеніе Беклемишевъ и Желябужскій говорили, что если Азовъ останется за Государемъ, то Большіе Ногаи, Казыевы и Кантемировы улусы, Пятигорскіе, Темрюцкіе и другіе Черкесы будутъ служить государю, въ противномъ случаѣ всѣ Ногаи отъ Астрахани откочуютъ къ Азову.

Въ томъ же духѣ готовности исполнить волю государеву и мужественной рѣшимости биться съ басурманами высказались городовые дворяне и дѣти боярскіе, которые, впрочемъ, въ отвѣтѣ своемъ подраздѣлились на три или на четыре группы. Любопытно въ особенности письменное мнѣніе или сказка группы, состоявшей изъ выборныхъ отъ областей Суздальской, Новгородской и Верхневолжской (Суздаль, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣсскій, Кострома, Галичъ, Арзамасъ, В. Новгородъ, Ржевъ, Зубцовъ, Торопецъ, Ростовъ, Пошехонье, Торжокъ, Гороховецъ). Эти выборные совѣтуютъ: Азовъ принять и не оставлять его за басурманами, иначе можно навесть на Всероссійское государство гнѣвъ Божій, а также свв. Іоанна Крестителя и Николая Чудотворца, которыхъ заступленіемъ малые люди отстояли себя отъ многихъ нечестивыхъ ордъ; пушеч-

ныхъ запасовъ въ государевой казнѣ много, а хлѣбные запасы взять съ украинныхъ городовъ, съ зарѣцкихъ (Заокскихъ), съ государевыхъ дворцовыхъ селъ, съ Троицкаго и другихъ монастырей; даточныхъ конныхъ и пѣшихъ людей взять съ архіерейскихъ, монастырскихъ и боярскихъ земель, а также съ помѣстій и вотчинъ дьяковъ и подьячихъ. Къ симъ послѣднимъ чинамъ военнослужилые люди обнаружили сильное нерасположеніе и высказались о нихъ такими словами: „разбогатѣвъ мздоимствомъ (дьяки и подьячіе), покупили себѣ многія вотчины и построили многіе дома, палаты каменныя, такія, что неудобь сказаемыя, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало“. Съ очевидною завистью отозвались городовые дворяне и дѣти боярскіе также и о своей братьѣ, служившей по Московскому и Дворовому списку, говоря, что первые „будучи у государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли“, а также накупили многія вотчины, вторые же, поочереди сидя на приказахъ въ дворцовыхъ селахъ „наживаютъ великіе пожитки“, а полевой службы не несутъ. Со всѣхъ указанныхъ чиновъ совѣтуютъ нетолько взять даточныхъ, но и обложить денежнымъ сборомъ ихъ помѣстья, въ случаѣ надобности взять „лежалую домовую казну“ патріаршую, архіерейскую, монастырскую, а также обложить особымъ сборомъ гостей и всѣ торговыя сотни. Ратныхъ людей, стрѣльцовъ и солдатъ совѣтуютъ прибрать со всего государства, но только исключая ихъ холопей и крѣпостныхъ крестьянъ (тутъ они являются отголоскомъ всего военнослужилаго класса). Любопытно также, что эти выборные, недовѣряя писцовымъ книгамъ, для раскладки даточныхъ людей и денежныхъ сборовъ, совѣтуютъ сдѣлать новыя росписи и сказки, чтобы никто не утаилъ своихъ крестьянъ и имущества. Другая группа городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (Мещеряне, Коломничи, Рязанцы, Туляне и пр.) тоже совѣтуютъ принять Азовъ и такимъ же образомъ прибрать охочихъ ратныхъ людей, изъявляя готовность идти на службу, куда Государь укажетъ. Но, невходя въ подробности, эта группа только прибавила слѣдующую жалобу: „а разорены мы, холопы твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурманъ, московскою волокитою и отъ неправдъ, и отъ неправедныхъ судовъ“.

Гости, гостиная и суконная сотни въ своей запискѣ также изъявили готовность помереть за святыя церкви и государево здоровье; относительно Азова они отвѣчали, что въ томъ государева воля, а относительно ратныхъ людей и запасовъ, то дѣло служилыхъ лю-

дей, „за которыми имѣется государево жалованье, многія вотчины и помѣстья“. А они, „гостишки и торговые людишки, отъ безпрестанныхъ службъ (въ таможенныхъ головахъ и цѣловальникахъ) и отъ пятинныхъ денегъ, которыя давали въ Смоленскій походъ, оскудѣли и обницали, а торжишки у нихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ отняли многіе иноземцы, Нѣмцы и Кизильбаши; торговые людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего промыслишка, оскудѣли до конца отъ задержанія и насильства государевыхъ воеводъ“. При прежнихъ государяхъ—добавляли они—въ городахъ вѣдали губные старосты и посадскіе люди судились промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было, были только въ украинныхъ городахъ для береженья отъ турскихъ, крымскихъ и ногайскихъ Татаръ. Въ томъ же смыслѣ и въ томъ же жалобномъ тонѣ отвѣчали сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ и всѣхъ тяглыхъ людей. По ихъ словамъ они также оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, пятинныхъ денегъ, даточныхъ людей и отъ подводъ, которыя давали въ Смоленскую службу, кромѣ того, отъ поворотныхъ денегъ, городового земляного дѣла, отъ великихъ государевыхъ податей, цѣловальничей и прочей службы. Такъ иногда въ разныхъ городовыхъ приказахъ отъ нихъ служатъ по 145 человѣкъ цѣловальниковъ, да на земскомъ дворѣ 75 человѣкъ ярыжныхъ, да извозчики съ лошадьми на случай пожарнаго времени, и всѣмъ этимъ цѣловальникамъ, ярыжнымъ и извозчикамъ идутъ отъ нихъ ежемѣсячно большія кормовыя и подможныя деньги. „И отъ той великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ“.

Изъ всѣхъ этихъ мнѣній, вѣроятно дьяками, подъ руководствомъ печатника Лихачова, была сдѣлана краткая выписка. Общее заключеніе сводилось къ тому, что большинство Земскаго Собора, въ особенности служилое сословіе, склонялось въ пользу принятія Азова подъ Московскую державу. Но рядомъ съ тѣмъ поднимались многочисленные голоса, вопіявшіе о своей бѣдности и противъ разныхъ злоупотребленій и неправдъ. Причемъ между сословіями обнаружились взаимное недовѣріе и желаніе служилыхъ людей возложить бремя военныхъ расходовъ на извѣстные имущіе классы. По всѣмъ признакамъ, государство далеко еще не оправилось и отъ Смутнаго времени, и отъ сильнаго напряженія, причиненнаго злосчастнымъ Смоленскимъ походомъ Шеина. При такихъ условіяхъ, если возьмемъ въ разсчетъ и крайне миролюбивый характеръ Михаила Θеодоро-

вича, то нисколько не удивительно, что его окончательное рѣшеніе было противъ принятія Азова въ свою державу. Казалось бы, на югѣ повторилось то, что 60 лѣтъ тому назадъ произошло на востокѣ: какъ тогда казаки покорили Татарско - Сибирское ханство и ударили имъ челомъ Московскому царю; такъ теперь казаки же завоевали Татарско-Азовскую орду и предлагали ее Московскому государю. Но обстоятельства были другія: за Азовъ приходилось вступать въ борьбу съ могущественной Оттоманской имперіей и еще сильною Крымскою ордою. Къ тому же посланный для осмотра Азова дворянинъ Афанасій Желябужскій воротился и донесъ, что городскія укрѣпленія въ значительной степени разрушены, а исправить ихъ въ скорости невозможно. Наконецъ, какъ справедливо писалъ Михаилу Ѳеодоровичу молдавскій господарь Василій Лупулъ, нельзя было положиться и на самихъ казаковъ, которые тогда совсѣмъ не отличались вѣрностью и постоянствомъ; между тѣмъ какъ султанъ Ибрагимъ готовилъ новое большое войско и рѣшилъ во что бы то ни стало возвратить Азовъ. Поэтому турецкій посланникъ Мустафа Челибей, въ мартѣ пріѣхавшій въ Москву, нашелъ здѣсь любезный пріемъ; а въ концѣ апрѣля уже написана царская грамота атаману Осипу Петрову и всему Донскому войску, заключавшая приказъ, немедленно очистивъ Азовъ, отойти къ своимъ старымъ куренямъ и обѣщавшая зато казакамъ государево жалованье. Съ этою грамотою былъ отправленъ дворянинъ Засѣцкій. Два донскихъ атамана, Наумовъ и Сафоновъ, пришедшіе съ просьбою принять Азовъ и прислать помощь, были пока задержаны въ Москвѣ, а ихъ есаулъ Родіоновъ и 15 товарищей отпущены вмѣстѣ съ Засѣцкимъ. Донцы нисколько не противились и поспѣшили исполнить царскій приказъ: очевидно, ихъ уже самихъ тяготило сидѣнье въ разрушенномъ Азовѣ, въ ожиданіи новаго прихода Турокъ и Татаръ. Засѣцкій, въ сопровожденіи казацкаго атамана Иванова, воротился и донесъ объ очищеніи Азова. Въ концѣ іюля того же 1642 года, Царь послалъ на Донъ дворянина Тургенева вмѣстѣ съ задержанными атаманами. Тургеневъ повезъ похвальную грамоту казакамъ за ихъ послушаніе, 2.000 р. денегъ и 200 поставовъ сукна. Съ Воронежа велѣно доставить имъ 2.500 четвертей хлѣбнаго запасу и 200 ведеръ вина, а изъ Тулы 250 пудовъ пороху ружейнаго и 50 пудовъ пушечнаго, да 300 пудовъ свинцу. ([14]).

Такъ разрѣшенъ Азовскій вопросъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Если мы обратимся къ провѣркѣ тѣхъ жалобъ, которыя были высказаны разными чинами Московскаго государства на Земскомъ Соборѣ 1642 года, то увидимъ, что онѣ оказываются болѣе или менѣе справедливыми и приблизительно вѣрно опредѣляютъ слабыя стороны московскаго управленія и народнаго хозяйства. Особенно страдали области государства отъ неправедныхъ судовъ, въ связи съ водворявшейся тогда системою централизаціи или съ тѣмъ порядкомъ, по которому областные жители обязаны были по многимъ важнымъ и неважнымъ дѣламъ или безъ конца ожидать рѣшенія изъ Москвы, или ѣхать на разбирательство въ столицу, нерѣдко очень отъ нихъ отдаленную, здѣсь подвергаться разнымъ вымогательствамъ со стороны жадныхъ приказныхъ людей и безконечнымъ судебнымъ проволочкамъ, вообще терпѣть пресловутую „московскую волокиту". Это характерное выраженіе употреблялось тогда самимъ правительствомъ въ его актахъ. Напримѣръ, клиръ Новгородскаго Софійскаго собора или „протопопъ съ братіей" (протопопъ, протодіаконъ, ключари, попы, дьяконы, пѣвчіе, псаломщики, звонцы, просфирникъ, всего 43 человѣка) били челомъ Государю, чтобы онъ пожаловалъ ихъ, по примѣру нѣкоторыхъ Новгородскихъ монастырей, велѣлъ бы давать имъ денежную и хлѣбную ругу или жалованье въ Великомъ Новгородѣ „безъ московскія волокиты", т.-е. безъ ежегодныхъ поѣздокъ и мытарствъ по этому поводу въ самой столицѣ. Царь исполнилъ ихъ просьбу и велѣлъ выдавать все на мѣстѣ „ежелѣтъ, сполна, *безъ московскія волокиты*" (въ 1638 году). Чтобы показать, какими убытками и тягостями отзывалась для областныхъ жителей московская судебная волокита, приведемъ для образца слѣдующее.

Въ 1637 г., повидимому вслѣдствіе жалобы Чердынцевъ, возникло дѣло о грабежахъ бывшаго ихъ воеводы Христофора Рыльскаго. По челобитью этого воеводы, задержаны въ Москвѣ нѣкоторые чердынскіе посадскіе люди и вызваны сюда изъ Чердыни, всего 9 человѣкъ; болѣе двадцати посадскихъ съ бывшими земскими старостами и цѣловальниками засажены въ чердынскую тюрьму, да 112 посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ отданы на поруки, живутъ въ Чердыни „безъ съѣзду" и ежедневно съ утра до вечера стоятъ на правежѣ. Въ такомъ положеніи дѣло тянулось два года. Наконецъ чердынскіе земскіе старосты, посадскій и уѣздный, взмолились Государю на то, что около полутораста ихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей частію „волочатся на Москвѣ", частію сидятъ въ тюрьмахъ или стоятъ на правежѣ, отбились отъ своихъ промыс-

ловъ и пашенъ; платить за нихъ подати и отбывать повинности некому; а тутъ еще въ 1638 году случился въ Чердыни большой пожаръ, сгорѣло около 200 дворовъ со всѣми „животами“ (пожитками), послѣ чего жители отъ бѣдности „бредутъ розно“. Вслѣдствіе этой мольбы Государь указалъ оставить въ Москвѣ изъ 9 человѣкъ трехъ, изъ 21 сидѣвшихъ въ тюрьмѣ оставить въ ней двухъ, именно старостъ, остальныхъ посадскихъ освободить и отдать „на крѣпкія поруки съ записями до вершенія того Пермскаго дѣла“, а бывшихъ болѣе ста человѣкъ за поруками освободить „для ихъ пожарнаго разоренія“. Отсюда мы видимъ, что дѣло это, производившееся въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ, въ 1639 году еще не было окончено, и вѣроятно оно еще не мало времени утѣсняло злополучныхъ Пермичей, вздумавшихъ воспользоваться правомъ жалобы на своего воеводу по окончаніи его воеводства.

Какимъ разнороднымъ стѣсненіямъ подвергались областные жители, показываетъ челобитная шуйскихъ посадскихъ людей на шуйскихъ приказныхъ, которые подъ предлогомъ пожаровъ, не позволяютъ лѣтомъ обывателямъ топить избы и мыльни (послѣднія для роженицъ), въ томъ числѣ хлѣбникамъ и калачникамъ, а кузнецамъ разводить огонь въ кузницахъ; за ослушаніе бьютъ батогами и сажаютъ въ тюрьму, да заповѣди (пени) правятъ по два рубля. Такимъ образомъ многіе Шуяне лишаются своихъ торговыхъ промысловъ, хотя въ ихъ городѣ нѣтъ никакого наряду и зелья (т.-е. пушекъ и пороху). Государь разрѣшилъ имъ топить избы, но съ великимъ береженьемъ отъ пожару (1638 г.). Очевидно и безъ того стѣснительныя распоряженія центральнаго правительства о противупожарныхъ мѣрахъ, приказные люди на мѣстѣ еще отягчали своими придирками и вымогательствами, что, какъ мы видѣли на примѣрѣ Чердыни, не мѣшало пожарамъ опустошать города попрежнему.

О печальномъ состояніи народнаго хозяйства и нравственности свидѣтельствуетъ, между прочимъ, большое количество появившихся въ Москвѣ и въ городахъ поддѣлывателей серебряной монеты. Указъ царя Михаила (въ 1637 г.) объясняетъ ихъ размноженіе тѣмъ, что въ его время ихъ стали наказывать торговою казнью, т.-е. кнутомъ, тогда какъ при прежнихъ государяхъ имъ заливали горло растопленными фальшивыми деньгами. Схваченные поддѣлыватели съ пытокъ показали, что они сами рѣзали маточники, переводили съ нихъ чеканы и, отливъ мѣдныя деньги, посеребряли, иногда подмѣшивали въ мѣдь треть или половину серебра. Означенный указъ

повелѣвалъ уже схваченныхъ преступниковъ на сей разъ также бить кнутомъ на торгахъ и, заковавъ въ желѣзо, держать въ тюрьмахъ до смерти, а на щеки имъ наложить клеймо съ надписью *воръ*; но впредь таковымъ поддѣлывателямъ попрежнему заливать горло.

Наиболѣе бѣдственно вліялъ на общественное хозяйство и нравственность извѣстный народный порокъ, т.-е. пьянство, въ особенности съ той поры, какъ Московское правительство продажу крѣпкихъ напитковъ и винокуреніе сдѣлало своимъ исключительнымъ правомъ и одною изъ важнѣйшихъ статей своего дохода. Послѣ Смутнаго времени „царевъ кабакъ" не только снова возродился, но сталъ еще сильнѣе распространяться по всѣмъ областямъ государства. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ продолжается смѣшанная система питейной продажи: отчасти правительство отдаетъ кабаки на откупъ; но большею частію поручаетъ эту продажу выборнымъ или такъ называем. „вѣрнымъ" головамъ и цѣловальникамъ, которые производили равно питейные и таможенные сборы. Головы выбирались изъ посадскихъ людей, состоятельныхъ („прожиточныхъ") и притомъ принадлежавшихъ иногда къ торговымъ сотнямъ другихъ городовъ; а „цѣловальниковъ" выбирали изъ мѣстныхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Такъ какъ таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники не только несли эту службу безмездно, но и отвѣчали своимъ имуществомъ за недоборы и всякія упущенія, то естественною является жалоба представителей торговыхъ сотенъ на разорительность сей службы, на Соборѣ 1642 года.

Бѣдность государства и особенно разореніе Смутнаго времени способствовали окончательному водворенію и прочному господству царскаго кабака на Руси, какъ одного изъ главныхъ доходовъ казны. Даже патріархъ Филаретъ, повидимому, столь строгій въ дѣлѣ народной нравственности, не только не пытался бороться съ этимъ зломъ, но и поддерживалъ его своимъ авторитетомъ. Въ 1620 году, во время приведенныхъ выше переговоровъ съ Джономъ Мерикомъ, царь и патріархъ объявили, собраннымъ по сему поводу, московскимъ гостямъ, что „по грѣхамъ" отъ войны казна совершенно оскудѣла: „кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ". Въ 1623 году, верхотурскіе воеводы, князь Барятинскій и Языковъ, просили свести у нихъ кабакъ по примѣру Тобольска; ибо отъ того кабака служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне пропились и обнищали. Отвѣтная царская грамота дѣлаетъ имъ строгій вы-

говоръ за ихъ нерадѣніе о государевыхъ доходахъ: въ Тобольскѣ-де кабакъ заведенъ недавно и тамъ велѣно его „свести", чтобы служилые люди „не отбыли" своей службы, а торговые своихъ промысловъ; въ Верхотурьѣ же кабакъ заведенъ давно, задолго до Московскаго разоренья, и тамъ ежегодно бываетъ много всякихъ пріѣзжихъ людей. Поэтому грамота наказываетъ наблюдать только, чтобы служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне не пропивались, а и безъ нихъ „пить на кабакѣ будетъ кому" (благодаря, конечно, положенію Верхотурья на большой, бойкой дорогѣ „изъ Руси въ Сибирь и изъ Сибири на Русь"). Одинъ изъ преемниковъ означенныхъ сердобольныхъ воеводъ, князь Семенъ Гагаринъ, наоборотъ, отличился усердіемъ къ кабацкимъ доходамъ. До него верхотурскіе посадскіе и служилые люди, ямскіе охотники и пашенные крестьяне курили вино и варили пиво на государевъ кабакъ у себя по домамъ, деревнямъ и селамъ; но воевода Гагаринъ убѣдился, что они сами выпивали это вино; тогда онъ схватилъ виновныхъ и поставилъ ихъ на правежъ, т.-е. сталъ выколачивать съ нихъ пени; по ихъ домамъ и селамъ послалъ отобрать винные котлы, кубы и трубы, а вино и пиво на кабакъ велѣль варить въ Верхотурскомъ острогѣ на казенной поварнѣ изъ казеннаго хлѣба. Царская грамота похваляетъ воеводу за его усердіе и подтверждаетъ всѣ его распоряженія (1628 г.). Но въ свою очередь преемники князя Гагарина, вѣроятно, болѣе радѣли о собственной наживѣ, чѣмъ о государевыхъ доходахъ. Поэтому, спустя лѣтъ восемь, изъ Москвы выходитъ такое распоряженіе. Таможеннымъ и кабацкимъ головою посылается въ Верхотурье на два года Данило Обросьевъ изъ Устюга Великаго (на мѣсто головы, бывшаго изъ Чебоксаръ); цѣловальниковъ къ нему велѣно выбрать, по обычаю, изъ мѣстныхъ „самыхъ лучшихъ" посадскихъ людей, а для посылокъ и охраны давать ему стрѣльцовъ и казаковъ, сколько понадобится. При семъ верхотурскому воеводѣ Данилу Милославскому и дьяку Селетцыну предписано „въ таможенное и въ кабацкое дѣло не вступаться", а только ежемѣсячно принимать отъ Обросьева „сборныя деньги" въ царскую казну на верхотурскіе расходы (1635 г.). За увеличеніе кабацкихъ доходовъ обыкновенно назначались разныя поощренія и награды, а за уменьшеніе шли пени и взысканія. Такъ постепенно упрочивалось на Руси господство казеннаго кабака.

Вообще царствованіе Михаила Θеодоровича большею частью представляетъ постепенное возобновленіе и дальнѣйшее развитіе тѣхъ

строгихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, которые были временно нарушены Смутною эпохою. Такъ, рядомъ съ возстановленіемъ самодержавія и развитіемъ государственной централизаціи, стало развиваться далѣе и крѣпостное право путемъ законодательнымъ, который въ этомъ отношеніи только облекалъ въ юридическую форму то, что вырабатывали сама жизнь и обстоятельства того времени.

Тутъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, интересы преобладающаго въ государствѣ придворно и военно-служилаго сословія, на которое царская власть смотрѣла какъ на свою главную опору и которое въ то же время наполняло собою правительственные классы; а потому оно естественно стремилось поставить себя въ самыя привилегированныя отношенія къ другимъ сословіямъ. Наиболѣе сильнымъ протестомъ крестьянъ противъ крѣпостного права въ ту эпоху было бѣгство на Донъ, вообще уходъ въ вольное казачество. Но бояре и дворяне никогда не мирились съ этимъ уходомъ, и даже въ трудное время сидѣнья Шеина подъ Смоленскомъ, какъ мы видѣли, Московское правительство, призывая на службу казаковъ, не хотѣло однако признать свободными находившихся среди нихъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ. Развитіе крѣпостного права при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ сказалось нагляднымъ образомъ въ продленіи срока для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему ихъ помѣщику. Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, былъ установленъ для того срокъ пятилѣтній. Теперь этотъ срокъ продолженъ. Сначала (вѣроятно при Филаретѣ Никитичѣ) даровано Троице-Сергіеву монастырю право отыскивать и возвращать своихъ бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ. А затѣмъ по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, тотъ же срокъ распространенъ и на ихъ бѣглецовъ: они могли въ теченіе девяти лѣтъ ихъ разыскивать и требовать выдачи отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые ихъ приняли. (1637 г.). Вслѣдъ за тѣмъ военно-служилые иноземцы изъ Нѣмцевъ и Поляковъ били челомъ и на нихъ распространить право на тотъ же срокъ для выдачи имъ бѣглыхъ крестьянъ, „чтобы помѣстья ихъ иноземцевъ не запустѣли и имъ бы государевы службы не отстать". Просьба ихъ исполнена. А вскорѣ потомъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, духовныхъ и мірскихъ, установленъ по царскому указу и боярскому приговору („Царь указалъ и бояре приговорили") срокъ для выдачи бѣглыхъ крестьянъ—десятилѣтній.

До насъ дошли акты, свидѣтельствующіе о томъ рвеніи, съ ко-

торымъ помѣщики стремились всякими средствами завлечь на свои малонаселенныя земли крестьянъ и обратить ихъ въ крѣпостное состояніе. Напримѣръ, послѣ Смоленскаго похода и замиренія съ Польшею, служилые казаки, не желавшіе оставаться въ областяхъ, отошедшихъ къ Литвѣ, высылались въ предѣлы Московскаго государства, и всѣ украинные помѣщики хотятъ насильно разобрать ихъ между собою, объявляя своими бѣглыми крестьянами или холопами. По челобитью переселенцевъ, Государь не велѣлъ ихъ брать ни въ холопы, ни въ крестьяне. Но бѣдность вынуждала въ тѣ времена многихъ простолюдиновъ давать на себя служилыя кабалы, т.-е. идти въ дворовые или въ крестьяне къ боярамъ и дворянамъ, чтобы освободиться отъ бремени казенныхъ податей и налоговъ и обезпечить свое существованіе. Правительство вообще мало противодѣйствовало такому движенію. Оно даже утверждало, напримѣръ, такія кабальныя, которыя давали на себя люди, служившіе солдатами въ Смоленскомъ походѣ и ненадѣленные землею. Но оно энергично противилось всякому закрѣпощенію верстаныхъ землею дѣтей боярскихъ, которые иногда бросали свои участки и добровольно поступали „во дворъ“, а иногда попадали въ кабальное состояніе невольно, т.-е. обманнымъ образомъ или по случайнымъ обстоятельствамъ. Точно также правительство не дозволяло посадскимъ, тяглымъ людямъ и ясачнымъ инородцамъ уходить изъ своихъ мѣстъ и уклоняться отъ повинностей дачею на себя кабальной крѣпости помѣщикамъ или монастырямъ.

Къ царствованію Михаила Θеодоровича относятся важныя узаконенія относительно вдовьяго наслѣдованія.

Въ 1627 году, подъ вліяніемъ патріарха Филарета, державшагося Кормчей книги, изданъ указъ, по которому бездѣтныя жены умершихъ вотчинниковъ, кромѣ своего приданаго, получаютъ изъ ихъ животовъ, т.-е. изъ движимости, *четвертую часть*. (Въ Кормчую наслѣдованіе четвертой части изъ движимости вообще для женъ перешло изъ Греко-Римскаго права). По тому же указу жены могли наслѣдовать отъ мужей ихъ купленныя вотчины; но въ родовыхъ и выслуженныхъ онѣ не имѣли части, и эти вотчины всецѣло поступали въ родъ, т.-е. родственникамъ умершаго. Однако женамъ и дочерямъ убитыхъ и умершихъ на войнѣ помѣщиковъ выдавалась на прожитокъ нѣкоторая часть изъ помѣстья. Въ 1634 году эта часть была точнѣе опредѣлена; именно, вдовамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, побитыхъ или умершихъ подъ Смоленскомъ, указано вы-

давать изъ окладовъ мужей со 100 четей земли по 20 четей. Указъ 1644 года распространилъ сіе правило вообще на вдовъ павшихъ на войнѣ помѣщиковъ; а тѣмъ вдовамъ, мужья которыхъ умерли на походѣ отъ болѣзни, этотъ указъ назначаетъ въ наслѣдованіе 15 четвертей изъ 100 (приблизительно седьмую часть); если же мужъ умеръ не въ походѣ, а просто на государевой службѣ, то жена его получала 10 четей изъ сотни.

Въ связи съ потрясеніями отъ Смутнаго времени и съ развитіемъ крѣпостного права усиливалось не одно казачество уходомъ крестьянъ и холопей, умножались также и разбойничьи шайки, которыя грабили и убивали людей по селамъ и сильно свирѣпствовали по большимъ дорогамъ. Мы видимъ, что правительство въ теченіе всего Михаилова царствованія борется съ этимъ зломъ. Мѣстныя власти, т.-е. воеводы и губные старосты, иногда по малочисленности у нихъ служилыхъ людей не могли справиться съ разбоями, и тогда изъ Москвы отъ Разбойнаго приказа присылался какой - либо дворянинъ съ подъячимъ, которымъ давались особыя полномочія. Они должны были собирать изъ нѣсколькихъ городовъ и уѣздовъ отряды изъ дѣтей боярскихъ, пушкарей, затинщиковъ, монастырскихъ служекъ, посадскихъ людей, уѣздныхъ сотскихъ, пятидесятскихъ, и десятскихъ и „со всякимъ ратнымъ боемъ“ ходить или посылать для розыска и захвата такъ называемыхъ „становыхъ разбойниковъ“, т.-е. разбойничьихъ шаекъ.

Пожары были наиболѣе постояннымъ и страшнымъ бѣдствіемъ древней деревянной Россіи. Не только села, но и цѣлые города выгорали иногда въ одинъ день. Мы видѣли, къ какимъ стѣснительнымъ мѣрамъ прибѣгало правительство для отвращенія пожаровъ: такъ, оно запрещало въ городахъ лѣтомъ топить печи. Но не одно неосторожное обращеніе съ огнемъ было причиною пожаровъ: поджогъ изъ мести или ради воровства въ селахъ и городахъ былъ обычнымъ явленіемъ. Сама столица страдала тѣмъ же бѣдствіемъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ особенно опустошительные пожары посѣтили Москву въ 1626, 1629 и 1634 годахъ. Затѣмъ до кончины Михаила не слышимъ о большихъ московскихъ пожарахъ. Повидимому, строгія охранительныя мѣры, принятыя правительствомъ, все-таки дѣйствовали. Въ пожарномъ отношеніи (преимущественно на лѣтнее время) Москва дѣлилась на участки; каждому участку назначался на извѣстный срокъ „объѣзжій голова“ изъ бояръ или дворянъ, и при немъ дьякъ или подъячій: они

обязаны были днемъ и ночью по нѣскольку разъ объѣзжать свои участки, наблюдать, чтобы пожарные сторожа были на своихъ мѣстахъ, всякое несчастіе отъ неосторожности захватывали бы въ началѣ, а также ловили бы поджигателей. По этому поводу имѣемъ любопытное донесеніе царю боярина Ѳ. Ив. Шереметева съ товарищами отъ 29 августа 1638 года. Михаилъ Ѳеодоровичъ находился въ отсутствіи: онъ уѣхалъ въ любимое свое подмосковное село Покровское; а Москву поручилъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, двумъ братьямъ Салтыковымъ, Проѣстеву и двумъ дьякамъ, Лихачову и Данилову. Они извѣщали царя, что торговые люди Китай-города изъ рядовъ Серебряного, Шапочнаго и Сурожскаго принесли имъ двѣ стрѣлы съ привязанными къ нимъ сѣрными спицами и трутомъ, которыя нашли одну въ Ветошномъ ряду, а другую въ Шубномъ; пущены онѣ были отъ Иконнаго ряду и отъ Земскаго двора, а „рядовые сторожа той воровской стрѣльбы не видали, потому что стоятъ у лавокъ". Бояре приказали объѣзжимъ головамъ по улицамъ и переулкамъ ѣздить безпрестанно, а въ Китаѣ во всѣхъ рядахъ велѣно на ночь прибавить сторожей къ лавкамъ. Государь похвалилъ Шереметева и подтвердилъ, чтобы для нынѣшняго ведреннаго времени сторожей и стрѣльцовъ прибавить и сказать имъ, чтобы берегли накрѣпко; „а кто только такого вора зажигальщика поймаетъ, и ему отъ насъ, великаго государя, будетъ большое жалованье".

Большіе пожары вызывали и большія постройки. Въ этомъ отношеніи Михаилъ Ѳеодоровичъ проявлялъ значительную дѣятельность. Не говоря о возобновленіи и новой постройкѣ областныхъ городовъ, всякаго рода укрѣпленій и засѣчныхъ линій, онъ много заботился о возможномъ возстановленіи столицы, большею частію лежавшей въ развалинахъ послѣ Смутнаго времени. Между прочимъ старыя бревенчатыя стѣны, шедшія вокругъ внѣшняго посада или Деревяннаго города и неоднократно погоравшія, царь велѣлъ замѣнить валомъ; почему сей внѣшній посадъ съ того времени вмѣсто Деревяннаго сталъ называться „Землянымъ городомъ". Разумѣется, этотъ валъ былъ окруженъ рвомъ, укрѣпленъ тыномъ, снабженъ башнями и воротами. Постройка его была раздѣлена на части, и каждая воздвигалась подъ наблюденіемъ особо назначенныхъ для того окольничихъ, дворянъ и дьяковъ (1638 г.). Кромѣ того многія церковныя и казенныя зданія были вмѣсто дерева возобновлены или вновь построены изъ кирпича; въ томъ числѣ источники упоминаютъ литейный амбаръ на Пушечномъ дворѣ, новые каменные

хоромы на книжномъ или Печатномъ дворѣ, каменную ограду вокругъ Новоспасскаго монастыря, починку городскихъ каменныхъ стѣнъ. Для исполненія сихъ построекъ требовалось усиленное количество каменьщиковъ и кирпичниковъ; царь приказываетъ выслать ихъ изъ разныхъ городовъ и монастырей, и назначаетъ извѣстные сроки для ихъ явки въ Приказъ Большого Дворца къ боярину князю Алексѣю Мих. Львову; а за просрочку грозитъ игумнамъ и воеводамъ большою пенею (1642 г.). Въ томъ же году, при возобновленіи стѣнной иконописи Успенскаго собора, царь пишетъ приказъ псковскому воеводѣ, чтобы въ прибавку къ московскимъ царскимъ мастерамъ тотъ прислалъ изъ Пскова всѣхъ, какіе найдутся, иконописцевъ, и также въ назначенный срокъ они должны были явиться въ Приказъ Приказныхъ Дѣлъ къ боярину князю Борису Александровичу Рѣпнину. Работа предстояла кропотливая: такъ какъ прежде надобно было снять или срисовать все старое стѣнное письмо, а послѣ по тѣмъ же рисункамъ расписывать стѣны заново.

По извѣстію иностраннаго писателя (Олеарія), Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ каменныя палаты не только для себя, но и особыя, въ итальянскомъ стилѣ, для своего наслѣдника; но самъ онъ, ради здоровья, жилъ въ деревянномъ дворцѣ; такъ какъ каменныя зданія у насъ отличались сыростью. Вообще любившій строиться, Михаилъ Ѳеодоровичъ кромѣ столичнаго дворца воздвигалъ царскіе хоромы и въ разныхъ подмосковныхъ своихъ селахъ. Такъ мы имѣемъ извѣстіе, что 17 сентября 1641 года (по старому счисленію) праздновалось „новоселье“ въ селѣ Коломенскомъ: „у государя былъ столъ въ новыхъ хоромахъ, въ Передней избѣ“. Тутъ присуствовали бояре кн. Ив. Б. Черкасскій, Глѣбъ Ив. Морозовъ, Лукьянъ Ст. Стрѣшневъ, окольничіе М. М. Салтыковъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій. За большимъ столомъ смотрѣлъ стольникъ князь М. М. Темкинъ-Ростовскій, а за кривымъ стольникъ кн. Сем. Петр. Львовъ; вина „наряжалъ“ стольникъ кн. Сем. Андр. Урусовъ.

Возобновляя и воздвигая дворцовыя зданія, Михаилъ Ѳеодоровичъ заботился о пополненіи царской библіотеки книгами на мѣсто тѣхъ которыя сгорѣли или были расхищены. Для этого онъ приказываетъ изъ большихъ монастырей, напримѣръ, Кириллобѣлозерскаго, брать по одному экземпляру, какой книги имѣлось тамъ нѣсколько, а если она была въ одномъ экземплярѣ, то дѣлать съ нея точный списокъ, и все это присылать въ Приказъ Большого Дворца

князю Алексѣю Мих. Львову (1639 г.). Къ нему же, какъ вѣдающему Печатнымъ дворомъ, въ слѣдующемъ году велѣно было выслать изъ Кириллова монастыря списки прологовъ и четьихъ-миней „добрыхъ старыхъ переводовъ“: они нужны были для справокъ при печатаніи церковныхъ книгъ.

Какъ при архимандритѣ Діонисіи, такъ и теперь для этого дѣла государь велѣлъ вызвать (въ 1641 г.) въ качествѣ справщиковъ изъ Кириллобѣлозерскаго и другихъ монастырей „старцевъ добрыхъ и черныхъ поповъ и дьяконовъ, которые житіемъ воздержательны и грамотѣ горазды“. Вообще исправленіе и печатаніе богослужебныхъ книгъ дѣятельно продолжалось какъ при патріархѣ Филаретѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ. При Іоасафѣ въ его шестилѣтнее патріаршество было напечатано книгъ болѣе нежели въ четырнадцатилѣтнее патріаршество Филарета Никитича; чему способствовали съ одной стороны простая перепечатка уже готовыхъ изданій, а съ другой увеличившееся количество книгопечатныхъ станковъ въ патріаршей типографіи. Печатное дѣло, веденное княземъ Львовымъ, впрочемъ не прерывалось и во время патріаршаго междуцарствія, какъ показываетъ вышеприведенный годъ. Смиренный, „недерзновенный“ передъ царемъ Іоасафъ скончался въ ноябрѣ 1640 года, и Михаилъ Ѳеодоровичъ долго не приступалъ къ выбору новаго патріарха. Только въ мартѣ 1642 года совершился этотъ выборъ, и притомъ необычнымъ въ Москвѣ старымъ новгородскимъ способомъ. Собравъ въ столицу высшихъ русскихъ іерарховъ, царь велѣлъ приготовить шесть жребіевъ съ именами намѣченныхъ имъ лицъ и послѣ мелебствія вынимать передъ чудотворною иконою Владимірской Богородицы. Вынулся жребій симоновскаго архимандрита Іосифа, который и былъ посвященъ въ патріарха.

Вообще московская книжная словесность, едва не заглохшая въ Смутную эпоху, замѣтно оживилась при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Этому оживленію, особенно въ сферѣ богословской, не мало способствовали завязавшіяся сношенія съ южно и западно-русскими учеными и знакомство съ нѣкоторыми ихъ сочиненіями, которыя начали проникать и въ Восточную Россію. Но патріархъ Филаретъ, строго оберегавшій чистоту восточнаго православія, неодобрительно относился къ этимъ сочиненіямъ, опасаясь занесенія къ намъ латинскихъ, уніатскихъ и вообще еретическихъ мыслей. Такъ, когда Лаврентій Зизаній Тустановскій (братъ Стефана Зизанія) искалъ убѣжища въ Москвѣ и представилъ Филарету свое рукописное ученіе вѣры или

„Катехизисъ", патріархъ велѣлъ его исправить и напечатать, но не выпустилъ его въ свѣтъ для общаго употребленія. А когда въ Москву привезено было печатное „Учительное Евангеліе" Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, патріархъ разсмотрѣніе сей книги поручилъ двумъ игумнамъ и соборному ключарю Ивану Насѣдкѣ, которые и нашли въ ней многія погрѣшности и ереси. Тогда царь и патріархъ повелѣли экземпляры этой книги и другія сочиненія Ставровецкаго, кои найдутся въ Московскомъ государствѣ, собрать и сжечь; причемъ запретили впредь покупать книги литовской печати вообще (1627 г.). Подобныя мѣры противъ занесенія еретическихъ идей вѣроятно были не безъ связи съ нѣкоторыми проявленіями вольнодумства, которое въ Смутную эпоху проникло въ среду коренныхъ Москвичей. Такъ, князь Иванъ Хворостининъ, бывшій когда-то однимъ изъ приближенныхъ перваго Самозванца, увлекся латинскими книгами, началъ хулить православіе и вообще московскихъ людей, говоря, что они „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью"; сталъ сомнѣваться въ воскресеніи мертвыхъ, и запрещалъ даже своимъ слугамъ ходить въ церковь. Царь и патріархъ послали его на исправленіе въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Поживъ тамъ около года, Хворостининъ раскаялся, былъ прощенъ и воротился въ Москву (1623 г.). Патріархъ въ этомъ случаѣ поступилъ съ необычною мягкостію.

Время Михаила особенно богато сочиненіями о событіяхъ и дѣятеляхъ Смутной эпохи; сочиненія эти написаны еще подъ живыми и сильными впечатлѣніями. Во главѣ ихъ является краснорѣчивое сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры знаменитаго келаря сей лавры Авраамія Палицына. (Онъ удалился потомъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1624 году). Но уже современники упрекали его въ томъ, что онъ преувеличилъ свое собственное участіе съ событіяхъ той эпохи, особенно въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, оставивъ при этомъ въ тѣни дѣятельность архимандрита Діонисія. Нѣкоторые послѣдующіе писатели постарались возстановить правду по отношенію къ сему замѣчательному и скромному дѣятелю; именно, житіе его написано Симономъ Азарьинымъ, однимъ изъ преемниковъ Палицына по келарству, и дополнено извѣстнымъ сотрудникомъ Діонисія по исправленію требника Иваномъ Насѣдкою, котораго Филаретъ сдѣлалъ ключаремъ Успенскаго собора. Этотъ Иванъ Насѣдка является въ числѣ наиболѣе плодовитыхъ русскихъ писателей того времени. Патріархъ Филаретъ, столь усердно заботив-

шійся о прославленіи своего дома и укрѣпленіи своей династіи, оказалъ большое вліяніе именно на лѣтописи и записки о Смутномъ времени и объ избраніи Михаила на царство; повидимому, съ него же началось устраненіе тѣхъ документовъ, которые могли бросить какую-либо тѣнь на сіе избраніе, вообще на семью Романовыхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ. Вліяніе знаменитаго патріарха особенно замѣтно на слѣдующихъ историческихъ сочиненіяхъ: во-первыхъ, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ", во-вторыхъ, хронографъ или повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго (которому по первой его супругѣ Татьянѣ Ѳедоровнѣ Филаретъ Никитичъ приходился тестемъ) и въ-третьихъ, такъ-назыв. „Рукопись Филарета". Подъ его же вліяніемъ писали свои записки два князя: помянутый выше Ив. Анд. Хворостининъ и Сем. Ив. Шаховской-Харя, также нѣкоторое время находившійся въ опалѣ (между прочимъ за свой четвертый бракъ). Тому же періоду принадлежитъ многословный и витіеватый „Временникъ" дьяка Ивана Тимофеева, который состоялъ на службѣ въ Новгородѣ, гдѣ и былъ свидѣтелемъ шведскаго захвата этого города. Кромѣ сихъ общихъ по современной исторіи сочиненій, имѣемъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ лѣтописей, сказаній и житій, между которыми заслуживаютъ упоминанія: записи о походахъ Ермака и завоеваніи Сибири, составленныя подъ руководствомъ сибирскаго архіепископа Кипріана (потомъ митрополита Крутицкаго и наконецъ Новгородскаго); житіе преп. затворника Иринарха Ростовскаго, написанное ростовскимъ же инокомъ Александромъ; сказаніе неизвѣстнаго о нашествіи Поляковъ на Устюжну-Желѣзнопольскую; „Сказаніе" объ Азовскомъ сидѣніи, „Повѣсть" объ Уліаніи Лазаревской, тепло и красно сочиненная ея сыномъ муромскимъ губнымъ старостою Калистратомъ Осорьинымъ, и т. д.

По отдѣлу сочиненій и записокъ географическаго содержанія ко времени Михаила Ѳеодоровича относятся: путешествіе казанца Василія Гагары въ Іерусалимъ и Египетъ, записки Василія Тюменца о посольствѣ въ Монголію къ Алтынъ-Хану и „Книга, глаголемая Космографія" (соч. Герарда Меркатора), переведенная съ латинскаго по царскому указу Богданомъ Лыковымъ, переводчикомъ Посольскаго приказа. Около того же времени возобновлена и дополнена, составленная прежде, „Книга, глаголемая Большой Чертежъ" (т.-е. карта Московскаго государства съ указателемъ). Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы время Михаила Ѳеодоровича было очень скудно произведеніями отечественной и переводной словесности. Но уровень гра-

мотности и просвѣщенія все еще былъ очень невысокъ: для его поднятія требовались правильно-устроенныя общественныя школы, которыхъ, главнымъ образомъ, и недоставало Московскому государству.

Усиленныя постройки, возведеніе городскихъ стѣнъ и укрѣпленій, а также изготовленіе пушекъ, ядеръ и всякихъ военныхъ снарядовъ побуждали Московское правительство выписывать изъ-за границы мастеровъ каменнаго дѣла и литейщиковъ въ Москву на царскую службу. Повторилось нѣчто похожее на времена Ивана III. Только теперь обращались за разными мастерами не въ Италію, а въ Сѣверную Германію, Англію, Нидерланды и Швецію. Мы видѣли, что покупка военнаго матеріала за границей и внутренняя выдѣлка его особенно оживились со времени приготовленій ко второй войнѣ съ Польшею. Съ той поры и до конца царствованія не прекращаются заботы Михаила Θеодоровича о привлеченіи въ свою придворную службу потребныхъ мастеровъ и вообще о водвореніи въ Россіи разныхъ отраслей европейской заводско-фабричной промышленности. Между прочимъ вызываются часовщики, и съ обязательствомъ имѣть русскихъ учениковъ. Въ 1633 г. царь даетъ жалованную грамоту алмазнаго и золотого дѣлъ мастеру Мартынову и англичанину Гловерту на вызовъ иноземцевъ и дѣсятилѣтнюю привилегію для заведенія канительной фабрики или тянутого и волоченаго золота. Въ 1634 г. онъ даетъ жалованную грамоту мастеру бархатнаго дѣла Ефиму Фимбранту (т.-е. Фанбрандту, повидимому, Голландцу) на устройство мельницъ и сушилъ для выдѣлки лосинныхъ кожъ съ привилегіей на десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ на эту выдѣлку монополію и право безпошлинной торговли. Въ томъ же 1634 году дана жалованная грамота пушечному мастеру и рудознатцу Елисею Коэту (Шведу) для устройства стекляннаго завода, съ таковыми же привилегіями на 15 лѣтъ. Въ томъ же году царь отправилъ въ Саксонію, именно въ Госларъ, иноземца золотыхъ дѣлъ мастера Эльрендорфа съ переводчикомъ Николаевымъ для того, чтобы нанять тамъ людей, умѣющихъ выплавлять мѣдь изъ руды. Такъ какъ они ѣхали на Гамбургъ, то въ этомъ дѣлѣ имъ долженъ былъ помочь имѣвшій торговыя сношенія съ Москвою гамбургскій купецъ Гавріилъ Марселисъ. Дѣло въ томъ, что въ 1633 году царемъ были посланы въ Пермскій край стольникъ Вас. Ив. Стрѣшневъ и гость Надѣя Свѣтешниковъ розыскивать тамъ золотыя руды, и они нашли, только не золотую, а богатую мѣдную руду. Изъ Саксоніи дѣй-

ствительно прибыли вскорѣ рудознатцы, съ Петцольдомъ во главѣ. Царь отправилъ его въ Пермь вмѣстѣ со Свѣтешниковымъ. Они устроили тамъ Пыскорскій мѣдиплавильный заводъ, который положилъ начало нашей уральской горнозаводской промышленности. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ также положено начало тульскому оружейному производству и разработкѣ сосѣднихъ желѣзныхъ рудъ. Именно, торговый иноземецъ (голландецъ) Андрей Виніусъ по грамотѣ, данной ему царемъ въ 1632 г., основалъ чугунолитейный заводъ для выдѣлки въ казну желѣзныхъ пищалей и ядеръ на р. Тулицѣ, въ 15 верстахъ отъ г. Тулы. Руду доставали въ 40 верстахъ отъ завода, около Дѣдилова.

Помянутый гамбургскій купецъ Гавріилъ Марселисъ, помогавшій полковнику Лесли при наймѣ нѣмецкихъ солдатъ и потомъ ѣздившій въ Саксонію для найма рудознатцевъ, болѣе 30 лѣтъ велъ торговлю въ Московскомъ государствѣ, привозилъ разные „узорочные товары“ для царскаго двора и платилъ въ казну одной пошлины по 1.000 р. въ годъ и болѣе, а потому пользовался льготами. По челобитью его сына Петра Марселиса, царь далъ сему послѣднему жалованную грамоту на свободную торговлю всякимъ товаромъ въ своемъ государствѣ, съ уплатою установленныхъ пошлинъ. Однако торговать въ розницу ему не разрѣшалось, такъ что питья заморскія онъ могъ продавать только „бочками большими, беремянными и полуберемянными и куфами“, а не ведрами и не стопами, сукна могъ продавать только поставами, камки, бархаты и атласы косяками, а не аршинами. Зато судить его въ какомъ-либо дѣлѣ, за исключеніемъ уголовныхъ, могъ только Посольскій приказъ. Эта грамота дана въ 1638 году. А такъ какъ гамбургскіе Марселисы продолжали оказывать царю и разныя другія услуги (напримѣръ, въ дѣлѣ о бракѣ царевны Ирины съ Датскимъ принцемъ), то спустя шесть лѣтъ, тому же Петру Марселису и голландскому купцу Филимону Акаму пожалована двадцатилѣтняя привилегія устраивать заводы на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ и Шекснѣ, выдѣлывать пушки, ядра, прутовое и досчатое желѣзо, проволоки, стволы мушкетные и карабинные, продавать ихъ въ казну съ уступкою противъ торговой цѣны и вывозить безпошлинно въ иныя, но только дружественныя земли („которыя съ нами Великимъ государемъ въ совѣтѣ и дружбѣ“).

Таковыя льготы и привилегіи Московское правительство давало иногда тому или другому торговому иноземцу за какія-либо особыя заслуги; но оно было вообще осторожно при заключеніи торговыхъ

трактатовъ съ иноземными государствами, и рѣдко упускало изъ виду интересы собственнаго торговаго класса. Впрочемъ оно дѣлало уступки тѣмъ державамъ, которыя помогали въ трудное время: напримѣръ, Англіи, оказывавшей намъ дипломатическое содѣйствіе и снабжавшей насъ военными запасами во время борьбы съ Польшею, и Персіи, которая дружила съ Москвою при шахѣ Аббасѣ. Но старыя льготы, дарованныя англійской торговой компаніи еще въ XVI вѣкѣ, и ея факторіи, распространившіяся по разнымъ городамъ (Москва, Архангельскъ, Новгородъ, Псковъ, Ярославль, Вологда, Шуя, Устюгъ и др.), сдѣлались тягостны, такъ какъ отнимали торги у русскихъ купцовъ; на что справедливо слышались жалобы на Земскомъ соборѣ 1642 года. Поэтому московское правительство стало благосклонно относиться къ Голландцамъ, которые явились соперниками Англичанъ по Бѣломорской торговлѣ съ Россіей и также въ случаяхъ нужды не разъ снабжали насъ военнымъ матеріаломъ. Однако Голландцы тщетно добивались получить тѣ же торговыя льготы, коими пользовались Англичане, и главнымъ образомъ право свободно торговать внутри Россіи.

Вообще сношенія наши съ Западноевропейцами въ это время, какъ мы сказали, сосредоточивались по преимуществу на народахъ Сѣверно-Европейской полосы—на народахъ, принявшихъ реформацію, т.-е. отдѣлившихся отъ Латинской церкви. Въ Москвѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо непріязненно относились къ латинству и папству, особенно въ виду настойчивыхъ попытокъ сего послѣдняго ко введенію уніи въ единоплеменной и единовѣрной намъ Западной Руси. Поэтому протестантство, не отличавшееся вообще духомъ религіозной пропаганды и болѣе заботившееся о мірскихъ выгодахъ, встрѣчало въ Москвѣ и болѣе благосклонное отношеніе. Это особенно ясно сказалось въ вопросѣ о построеніи иновѣрческихъ храмовъ въ самой столицѣ.

Пребывавшіе въ Москвѣ служилые и торговые иноземцы въ XVI вѣкѣ сосредоточены были въ особой загородной слободѣ, лежавшей на правомъ берегу Яузы близъ ея устья. Слобода эта называлась Нѣмецкой: такъ какъ большинство иноземцевъ принадлежало Нѣмецкой народности. Число сихъ Нѣмцевъ очень умножилось во время Ливонскихъ войнъ Ивана Грознаго, который поселилъ здѣсь много плѣнныхъ Ливонцевъ. Нѣмцы, большею частью лютеране, имѣли у себя пасторовъ, которые исполняли необходимыя требы и совершали богослуженіе въ частныхъ домахъ. Когда же Иванъ Гроз-

ный задумалъ обратить Ливонію въ вассальное королевство съ герцогомъ Магнусомъ во главѣ, то онъ дозволилъ построить въ Нѣмецкой слободѣ деревянную лютеранскую кирку, но потомъ, по его же приказу, кирка была разрушена. Годуновъ, вообще покровительствовавшій иноземцамъ, по просьбѣ своихъ нѣмецкихъ докторовъ, разрѣшилъ вновь выстроить лютеранскую кирку, подъ алтаремъ которой въ каменномъ склепѣ былъ погребенъ его нареченный зять, датскій принцъ Іоганъ. Но въ Смутное время самая Нѣмецкая слобода была разорена, обитатели ея разсѣялись, а церковь ея сгорѣла.

При Михаилѣ Θеодоровичѣ разсѣявшіеся иноземцы вновь стали собираться въ Москву, причемъ селились въ разныхъ ея частяхъ, но преимущественно на Покровкѣ и сосѣднихъ улицахъ, т.-е. по близости отъ старой Нѣмецкой слободы. Съ дозволенія правительства они опять построили себѣ деревянную кирку за Фроловскими (нынѣ Мясницкими) воротами, въ т.-наз. Огородной слободѣ (близъ русской церкви Харитонія въ Огородникахъ). Но въ 1632 году эта кирка была разрушена по слѣдующему любопытному поводу, если только вѣренъ разсказъ о томъ иностраннаго писателя (Олеарія). Около того времени, какъ извѣстно, нанято было нѣсколько тысячъ иноземнаго войска въ царскую службу. Въ Москвѣ нѣкоторые нѣмецкіе офицеры поженились на служанкахъ нѣмецкихъ купеческихъ домовъ. Новыя офицерши не пожелали при богослуженіи въ киркѣ занимать мѣста ниже своихъ бывшихъ хозяекъ, а послѣднимъ показалось обиднымъ такое нежеланіе. Происшедшіе отсюда споры однажды перешли въ драку. На ту пору мимо кирки проѣзжалъ патріархъ (повидимому, Филаретъ Никитичъ); узнавъ о причинѣ шума и драки, онъ весьма оскорбился такимъ кощунствомъ и приказалъ снести кирку въ мѣсто болѣе отдаленное отъ центра города. Это была собственно лютеранская кирка; кромѣ нея существовала и реформатская около такъ-назыв. Поганаго пруда (теперь Чистые пруды). На соборѣ 1642 года, какъ мы видѣли, раздавались жалобы русскихъ купцовъ на захватъ разныхъ торговыхъ статей со стороны иноземцевъ. А въ слѣдующемъ году причты нѣсколькихъ московскихъ церквей подали Царю челобитную, въ которой печаловались на то, что Нѣмцы безъ государева указу покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ, отчего число ихъ прихожанъ уменьшается, что Нѣмки заводятъ у себя корчмы и держатъ русскую прислугу, что на своихъ дворахъ близъ русскихъ церквей иноземцы ставятъ ропаты (молитвенные дома) и т. п. Въ отвѣтъ на эту челобитную из-

данъ царскій указъ, которымъ запрещено продавать Нѣмцамъ дворы, а ропаты ихъ велѣно сломать. Тогда же были разрушены и обѣ помянутыя кирки, лютеранская и реформатская.

Иноземцы немедленно принялись хлопотать о разрѣшеніи построить новую кирку. (Число протестантовъ въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, простиралось тогда до 1.000). Они постарались подѣйствовать на Царя съ помощью близкихъ къ нему придворныхъ докторовъ-иностранцевъ. Эти доктора чрезъ своего начальника боярина Ѳ. И. Шереметева, вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ, подали челобитную, въ которой испрашивали дозволенія построить свой храмъ у Земляного вала за Фроловскими воротами, въ мѣстѣ удаленномъ отъ православныхъ церквей; а далѣе того мѣста имъ ѣздить изъ города было бы невозможно: такъ какъ они на всякій часъ должны быть готовы „для обереганья его царскаго здоровья". Таковую же челобитную подали нѣкоторые военнослужилые и торговые иноземцы, а также золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Эту просьбу поддержалъ извѣстый Петръ Марселисъ, который въ то время употреблялся для переговоровъ съ Датскимъ дворомъ о бракѣ царевны Ирины Михайловны и потому пользовался особою милостію у Царя. Просьба увѣнчалась успѣхомъ: близъ мѣста прежней лютеранской кирки, межъ Фроловскихъ и Покровскихъ воротъ изъ огорода Никиты Зюзина былъ выдѣленъ достаточный участокъ земли, на которомъ Нѣмцы построили просторный храмъ съ домами для причтовъ, и весь участокъ обнесенъ крѣпкимъ заборомъ. Этотъ храмъ служилъ пока обоимъ протестантскимъ исповѣданіямъ: лютеранскому и реформатскому. Во всякомъ случаѣ протестанты, какъ мы видимъ, пользовались въ Москвѣ нѣкоторою свободою вѣроисповѣданія; тогда какъ иноземцы-католики, несмотря на свои домогательства, пока не получили разрѣшенія на построеніе храма, а должны были довольствоваться частными домами для своихъ молитвенныхъ собраній. ([15]).

XI.

КОНЕЦЪ МИХАИЛОВА ЦАРСТВОВАНІЯ.—ИНОЗЕМНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Самозванецъ Луба.— Голштинское посольство.— Сватовство царевны Ирины за датскаго принца Вальдемара.—Пребываніе его въ Москвѣ.—Отказъ его принять православіе.—Пренія о вѣрѣ московскихъ богослововъ съ лютеранскимъ пасторомъ.—Участіе въ нихъ Польскаго посла.—Упорство Михаила.—Неудовольствіе Москвичей на принца и слѣдствія преній.—Богомольныя поѣздки и слабое здоровье Михаила Θеодоровича.—Придворные доктора-иноземцы и лѣченіе царя.—Предсмертная болѣзнь и кончина Михаила Θеодоровича.—Значеніе его царствованія.—Двукратное путешествіе Адама Олеарія съ голштинскимъ посольствомъ въ Россію.—Его наблюденія надъ русскими обычаями по пути къ Москвѣ.—Въѣздъ въ столицу и торжественный пріемъ посольства.—Переговоры.—Пріѣзды разныхъ пословъ.—Царскіе выѣзды.—Процессія Вербнаго Воскресенія.—Грабежи.—Путешествіе Голштинцевъ по Волгѣ.—Нижній-Новгородъ.—Казань.—Судовые караваны.—Разбои волжскихъ казаковъ.—Царицынъ.—Черный Яръ.—Астрахань и виноградники.

Въ послѣднюю эпоху своего царствованія Михаилъ Θеодоровичъ находился въ мирныхъ и даже дружественныхъ сношеніяхъ со многими, какъ близкими, такъ и дальними государями: таковы сношенія съ Швеціей, Даніей, Австріей, Голштиніей, Турціей, Персіей, съ монгольскими и татарскими ханами, даже съ Крымомъ и Польшею. Но польскія отношенія, кромѣ едва улаженныхъ споровъ о пограничныхъ рубежахъ и царскомъ титулѣ, немного омрачились еще дѣломъ о новомъ самозванцѣ.

Въ 1644 году отправлены были въ Польшу послами князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, думный дворянинъ Пушкинъ и дьякъ Волошиновъ съ оффиціальнымъ порученіемъ, касающимся царскаго титула и размежеванія пограничныхъ земель. Кромѣ того, имъ данъ былъ тайный наказъ относительно самозванца. Когда маленькаго Ивана, сына Марины Мнишекъ и Второго Лжедимитрія, повѣсили въ Москвѣ, то у нѣкоего пана Бѣлинскаго оказался мальчикъ, ко-

тораго онъ сталъ выдавать за этого Ивана Дмитріевича, будто бы спасеннаго отъ смерти подмѣною его другимъ мальчикомъ (обычный самозванческій пріемъ) и будто имѣвшаго у себя на спинѣ какіе-то царскіе знаки въ видѣ орла. Въ дѣйствительности это былъ сынъ подлясскаго шляхтича Дмитрія Лубы, который служилъ въ польскихъ войскахъ въ Смутное время и бралъ его съ собою въ Московское государство. Когда же самъ Луба былъ убитъ, товарищъ его Бѣлинскій привезъ сына обратно въ Литву; тутъ сталъ называть его московскимъ царевичемъ, представилъ его Сигизмунду и панамъ-радѣ; а они отдали его на сбереженіе канцлеру Льву Сапѣгѣ и велѣли выдавать на его содержаніе по 6.000 золотыхъ изъ доходовъ Брестскаго повѣта. Сапѣга пригласилъ одного ученаго русина (извѣстнаго впослѣдствіи игумена Аѳанасія Филипповича), чтобы тотъ научилъ мальчика грамотѣ по-русски, по-польски и по-латыни. Въ этомъ ученьѣ онъ находился семь лѣтъ; причемъ иногда писался царевичемъ московскимъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Послѣ кончины Сигизмунда, при Владиславѣ содержаніе его уменьшили до 100 злотыхъ, а послѣ смерти Льва Сапѣги и совсѣмъ прекратили; тогда молодой человѣкъ принужденъ былъ снискивать себѣ пропитаніе службою у разныхъ пановъ. Теперь онъ жилъ въ Брестѣ и служилъ у пана Осинскаго въ писаряхъ, а между тѣмъ продолжалъ называть себя царевичемъ Московскимъ.

Ясно, что это было неудачное продолженіе все той же самозванческой интриги, плодомъ которой явились Лжедимитрій первый и второй. Главнымъ дѣятелемъ этой интриги снова выступаетъ старый врагъ Москвы, Левъ Сапѣга, но уже безъ участія Мнишковъ, зато съ участіемъ того же Сигизмунда III. По сознанію самого Ивана Лубы, Сапѣга „велѣлъ его у себя держать для всякія причины“, т.-е. новаго самозванца сочиняли на всякій случай, имѣя въ виду выдвинуть его противъ Михаила Ѳеодоровича, когда настанетъ для того удобный моментъ. И дѣйствительно, когда въ Москвѣ готовились къ Смоленскому походу, Левъ Сапѣга и Александръ Гонсѣвскій, повидимому, намѣрены были выставить самозванца; но смерть Сигизмунда и Сапѣги, при вѣроятномъ нежеланіи Владислава путаться въ эту интригу, положили ей конецъ.

Тѣмъ не менѣе, въ Москвѣ очень безпокоились существованіемъ мнимаго Ивана Дмитріевича, и чрезъ помянутое посольство потребовали его выдачи. Долго паны-рада спорили съ московскими послами, отрицали всякое значеніе, всякую опасность этого дѣла и убѣждали

не требовать, не казнить невиннаго человѣка. Но послы стояли на томъ, что симъ воромъ могутъ воспользоваться своевольные Запорожцы или другіе злонамѣренные люди, придти съ нимъ въ Московское государство и учинить новую смуту. Такъ какъ съ нашей стороны грозили разрывомъ, то въ ноябрѣ того же 1644 года въ Москву пріѣхало польское посольство, съ паномъ Стемпковскимъ во главѣ, и привезло съ собою Лубу для того, чтобы показать полную его неспособность и безобидность. Московское правительство однако не довольствовалось нахожденіемъ Лубы при посольствѣ и требовало его выдачи. Стемпковскій противился; но посреди этихъ непріятныхъ переговоровъ Михаилъ Θеодоровичъ скончался, и вопросъ о Лубѣ остался пока нерѣшеннымъ. Кромѣ него были въ то время и другіе самозванцы. Одинъ изъ нихъ, также называвшій себя царевичемъ Иваномъ Дмитріевичемъ, явился гдѣ-то въ персидскихъ или турецкихъ владѣніяхъ и обращался письменно къ султану съ просьбой о помощи для завладѣнія Московскимъ престоломъ. Другой объявился въ той же Польшѣ и называлъ себя сыномъ царя Шуйскаго. Рѣшеніе вопроса о сихъ самозванцахъ относится къ слѣдующему царствованію.

Московское правительство при Михаилѣ Θеодоровичѣ вообще съ любопытствомъ слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ иностранныхъ, особенно сосѣднихъ государствахъ; съ этою цѣлью изъ Новгорода въ Москву постоянно доставлялись извѣстія или такъ наз. „вѣстовыя письма“ (родъ рукописныхъ газетъ того времени). Онѣ прилагались къ отпискамъ новогородскихъ воеводъ.

Очень любопытны происходившія при Михаилѣ Θеодоровичѣ пріязненныя сношенія Россіи съ герцогствомъ Голштинскимъ—сношенія, которыя, какъ извѣстно, спустя болѣе столѣтія, привели къ чрезвычайной важности послѣдствіямъ, когда на смѣну, прекратившагося въ мужской линіи, дома Романовыхъ выступила его женская линія. Поэтому остановимся нѣсколько на сихъ сношеніяхъ.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія на Голштинскомъ престолѣ сидѣлъ герцогъ Фридрихъ, прославившійся какъ покровитель наукъ и искусствъ, умѣвшій сохранить миръ и тишину въ своихъ владѣніяхъ посреди свирѣпствовавшей вокругъ Тридцатилѣтней войны. (За сестру этого Фридриха, Доротею, когда-то неудачно сватался Михаилъ Θеодоровичъ). Онъ задумалъ войти въ непосредственныя сношенія съ Московскимъ государствомъ, а чрезъ него и съ Персіей, которая особенно привлекала европейцевъ своимъ шелкомъ,

какъ очень выгоднымъ товаромъ. Герцогъ Фридрихъ воспользовался вербовкою Нѣмцевъ въ русскую службу во время нашихъ приготовленій ко второй Польской войнѣ. Онъ прислалъ въ подарокъ нѣсколько пушекъ и выразилъ готовность помогать нашей вербовкѣ, а взамѣнъ просилъ нѣкоторыхъ торговыхъ льготъ для своихъ купцовъ. Затѣмъ Фридрихъ снарядилъ въ Москву большое посольство, во главѣ котораго поставилъ законовѣда Филиппа Крузе и гамбургскаго купца Отто Бругмана. Секретаремъ посольства былъ Адамъ Олеарій, ученый человѣкъ, родомъ изъ Саксоніи, который имѣлъ отъ любознательнаго герцога порученіе описать Московію и Персію. И дѣйствительно, онъ оставилъ намъ чрезвычайно любопытное описаніе своего двукратнаго путешествія въ Россію. Голштинское посольство прибыло въ Москву въ августѣ 1634 года, привезло съ собою разные подарки и было принято съ большою торжественностію. Оно просило, главнымъ образомъ, позволенія для особой Голштинской купеческой компаніи вести торговлю съ Персіей черезъ Россію. Хотя всѣмъ другимъ правительствамъ Москва отвѣчала отказомъ на эту просьбу, но герцогу Фридриху Михаилъ Θеодоровичъ далъ сіе позволеніе (вѣроятно, потому, что отъ Голштинцевъ ожидалось менѣе соперничества для собственныхъ купцовъ, чѣмъ отъ Голландцевъ, Англичанъ или Французовъ). Послѣ того послы отправились обратно въ Голштинію для герцогскаго подтвержденія заключеннаго ими торговаго договора съ Москвою; а здѣсь оставили своего корабельнаго мастера, который съ помощью русскихъ плотниковъ долженъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ построить корабль для предстоявшаго ихъ плаванія по Волгѣ и Каспійскому морю въ Персію. Этотъ корабль и былъ собственно первымъ европейскимъ мореходнымъ судномъ, построеннымъ въ Россіи.

Въ 1636 году то же посольство, но уже значительно умноженное въ числѣ (до 100 человѣкъ), на означенномъ кораблѣ отправилось по Волгѣ въ Персію. Все это предпріятіе собственно окончилось безъуспѣшно: корабль потерпѣлъ крушеніе въ Каспійскомъ морѣ, и посольство потомъ съ трудомъ воротилось въ отечество (въ 1639 г.). Голштинія не вошла въ торговыя связи съ Персіей и не воспользовалась дарованными ей торговыми льготами въ Россіи; но она осталась въ дружественныхъ съ ней отношеніяхъ. А помянутый трудъ Адама Олеарія досёлѣ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для нагляднаго знакомства съ Россіей и Персіей того времени. Самому Олеарію Россія настолько понравилась, что онъ на обратномъ

пути въ отечество просился въ царскую службу. Въ Москвѣ также оцѣнили этого ученаго человѣка, свѣдущаго особенно въ астрономіи и географіи, и была уже написана царская „опасная" грамота для свободнаго его прибытія въ Москву. Однако вступленіе его въ нашу службу не состоялось: онъ предпочелъ ей мѣсто придворнаго библіотекаря у Голштинскаго герцога, и остальную жизнь мирно провелъ въ Готторпѣ посреди своихъ ученыхъ занятій. ([16]).

Не менѣе любопытны сношенія Михаила Θеодоровича съ дядею голштинскаго герцога Фридриха, т.-е. съ королемъ датскимъ Христіаномъ IV. Младшій братъ Христіана принцъ Іоаннъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ жениха Ксеніи Борисовны Годуновой, здѣсь скончался и погребенъ подъ сводами лютеранской церкви въ Старо-Нѣмецкой слободѣ. Прошло 35 лѣтъ, и король Христіанъ обратился съ просьбою отпустить въ отечество тѣло его брата. Михаилъ Θеодоровичъ не только исполнилъ эту просьбу, но и велѣлъ съ большимъ почетомъ проводить тѣло до русской границы къ городу Нарвѣ (1637 г.). Межъ тѣмъ датское правительство, подобно другимъ морскимъ державамъ, не разъ принималось хлопотать въ Москвѣ о дозволеніи своимъ купцамъ ѣздить въ Персію, безпошлинно торговать въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ и имѣть здѣсь свои дворы и церкви. Домогательства эти болѣе или менѣе были отклонены. Но въ концѣ Михаилова царствованія наши отношенія къ Даніи вдругъ приняли самый дружескій характеръ, обѣщавшій доставить Датчанамъ наиболѣе льготное положеніе въ Московскомъ государствѣ. Причиною тому было новое сватовство, которое явилось почти повтореніемъ того, что происходило при Борисѣ Годуновѣ. Только на сей разъ выступилъ на сцену вмѣсто брата сынъ Христіана IV.

Супружество Михаила Θеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой Богъ благословилъ довольно многочисленымъ потомствомъ: у нихъ было десять или одиннадцать дѣтей, въ томъ числѣ три сына (Алексѣй, Иванъ и Василій), а остальныя дочери. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта чадолюбивая чета подверглась чувствительному горю; большинство ея дѣтей скончалось еще въ младенчествѣ. Въ живыхъ оставались четверо: одинъ сынъ, наслѣдникъ престола Алексѣй, и три дочери, Ирина, Анна и Татьяна. Старшей дочери, Иринѣ Михайловнѣ, было 13 лѣтъ, когда родители озаботились пріисканіемъ ей достойнаго жениха.

По всѣмъ признакамъ, царь Михаилъ не допускалъ мысли о бракѣ своей дочери съ членомъ какой-либо знатной русской семьи: какъ и всякая новая династія, Романовы, естественно, старались провести рѣзкую черту между собою и своими подданными, и думали возвысить блескъ своей фамиліи родственными связями съ европейскими царствующими домами. Подобно Годунову, Михаилъ Ѳеодоровичъ обратился за женихомъ въ датскую королевскую семью. По справкамъ, наведеннымъ чрезъ находившихся въ Москвѣ иноземныхъ купцовъ и медиковъ, оказалось, что у Христіана IV былъ младшій еще не женатый сынъ Вальдемаръ, рожденный отъ второй супруги, графини Мункъ. Поэтому въ декабрѣ 1640 года отправили въ Данію гонцомъ переводчика-иностранца (Ивана Ѳомина) съ явнымъ торгово-дипломатическимъ порученіемъ, а съ тайнымъ—добыть всѣ нужныя свѣдѣнія о намѣченномъ женихѣ и привезти его портретъ. Гонецъ исполнилъ это послѣднее порученіе; но оно не осталось тайною для Датскаго двора. Престарѣлый король пошелъ навстрѣчу желаніямъ царя, имѣя въ виду выгодною женитьбою пристроить сына; вельможи датскіе также рады были случаю удалить Вальдемара, имѣвшаго притязаніе на вице-королевское достоинство. Поэтому Христіанъ подъ предлогомъ торговаго трактата снарядилъ въ Москву посольство, во главѣ котораго поставилъ самого принца Вальдемара. Въ Москвѣ на первый разъ его приняли съ тѣми же почестями, какія обыкновенно оказывали иноземнымъ посламъ, и вступили въ оживленные переговоры. Датчане просили все тѣхъ же торговыхъ льготъ и права имѣть свои дворы и церкви въ извѣстныхъ городахъ. Московское правительство на сей разъ было уступчивѣе; только не соглашалось на особыя датскія кирки. Съ своей стороны оно требовало для московскихъ купцовъ такого же права торговать въ датскихъ городахъ. Въ этомъ смыслѣ уже составлена была договорная грамота; но тутъ возникли обычныя пререканія о томъ, какое имя, царское или королевское, должно стоять въ грамотѣ на первомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ датское посольство пока уѣхало ни съ чѣмъ (1641 г.).

Но въ Москвѣ, познакомясь съ принцемъ, рѣшили не упускать этого жениха.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, царь отправилъ въ Данію послами окольничаго Проѣстева и дьяка Патрикѣева все еще по поводу торговаго договора, а вмѣстѣ и съ порученіемъ начать сватовство. Но такъ какъ послы, сообразуясь съ своимъ наказомъ, прямо поставили

требованіе о крещеніи принца въ православную вѣру, то напрасно они раздавали деньги и соболей; получивъ отказъ, они воротились безъ успѣха. Въ Москвѣ этотъ неуспѣхъ приписали неумѣнью пословъ вести переговоры и обвинили въ нерадѣніи, за что подвергли ихъ опалѣ. Тогда сіе щекотливое дѣло передали извѣстному Петру Марселису, и отправили его въ Данію, снабдивъ значительнымъ количествомъ соболей и денегъ для подарковъ вліятельнымъ лицамъ. Марселисъ искусно повелъ переговоры о бракѣ; причемъ по вопросу о перемѣнѣ вѣры отдѣлывался неопредѣленными обѣщаніями. А такъ какъ Христіанъ IV въ то время былъ угрожаемъ войною со стороны Швеціи, то онъ надѣялся въ лицѣ Московскаго царя пріобрѣсти добраго союзника противъ Шведовъ; а потому охотно согласился отпустить сына въ Москву, только желалъ обезпечить его предварительными условіями, скрѣпленными царскою грамотою. Въ числѣ этихъ условій главное мѣсто занимали: свобода вѣроисповѣданія для королевича и его свиты, положеніе королевича въ Россіи такое, чтобы кромѣ царя и царевича Алексѣя никого не было выше Вальдемара и чтобы обѣщанные ему во владѣніе города Суздаль и Ярославль съ уѣздами навсегда оставались въ его потомствѣ.

Марселисъ съ торжествомъ воротился въ Москву и, конечно, не преминулъ выхлопотать себѣ разныя награды и льготы. Ему же поручено было отвезти въ Данію отвѣтную царскую грамоту, составленную въ смыслѣ указанныхъ условій, но не имѣвшую характера окончательнаго договора. Такой договоръ должны были заключить съ боярами великіе датскіе послы, имѣвшіе прибыть вмѣстѣ съ принцемъ. Христіанъ, также какъ и царь, былъ доволенъ услугами Марселиса и наградилъ его дворянскимъ достоинствомъ. Осенью 1643 года Вальдемаръ вмѣстѣ съ новымъ посольствомъ отправился въ Москву уже въ качествѣ жениха Ирины Михайловны подъ именемъ графа Шлезвигъ-Голштинскаго, имѣя при себѣ большую свиту; вмѣстѣ со свитою датскихъ пословъ число ея простиралось свыше 300 человѣкъ. Избѣгая столкновенія со Шведами, Вальдемаръ, по приглашенію короля Владислава, ѣхалъ черезъ Польшу и Литву, гдѣ ему оказали большія почести.

Въ Псковѣ, Новгородѣ и Твери, по распоряженію изъ Москвы, Вальдемару и его свитѣ устроены были торжественныя встрѣчи. Впередъ его пріѣхалъ въ столицу главный сватъ, Петръ Марселисъ, уже въ качествѣ посла отъ Датскаго короля и сына его, графа Шлезвигъ-Голштинскаго, и удостоенъ царскаго пріема съ обычными

посольскими обрядами. Въ январѣ 1644 года прибылъ, наконецъ, самъ Вальдемаръ съ датскими послами. За Тверскими воротами его встрѣтили царскіе стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы, во главѣ съ бояриномъ М. М. Салтыковымъ, который говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Королевича помѣстили въ домѣ бывшемъ царя Бориса Годунова; домъ этотъ находился не только въ близкомъ сосѣдствѣ съ царскимъ дворцомъ, но и соединялся съ нимъ крытымъ ходомъ. Начался рядъ пышныхъ пріемовъ и царскихъ званыхъ обѣдовъ. Царь Михаилъ и царевичъ Алексѣй всѣми мѣрами ласкали жениха и щедро дарили его сороками соболей, дорогими кубками, коврами, золотой и серебряной парчей и т. п. Мало того, они иногда помянутымъ крытымъ ходомъ навѣщали принца и запросто съ нимъ бесѣдовали. Царица Евдокія съ своей стороны дарила нареченному зятю куски ситца и дюжины полотенецъ. Патріархъ Іосифъ тоже посѣтилъ принца, и поднесъ ему дары съ пожеланіемъ счастія и благополучія въ предстоящемъ супружествѣ.

Посреди этихъ праздниковъ и ласкательствъ графъ Вальдемаръ въ одно прекрасное утро не мало былъ озадаченъ, когда къ нему явился отъ патріарха служилый иноземецъ (Францбековъ) и предложилъ сначала *креститься* въ православную вѣру, а затѣмъ уже приступить къ брачному обряду. Дѣло въ томъ, что Смутная эпоха и насилія, претерпѣнныя Русскими отъ Ляховъ, окончательно обострили отношенія православія къ латинству. И прежде при переходѣ католика въ православіе требовалось часто не одно миропомазаніе, но также и крещеніе съ троекратнымъ погруженіемъ. А церковный соборъ 1620 года, созванный и руководимый патріархомъ Филаретомъ, какъ извѣстно, издалъ рѣшительное постановленіе о перекрещиваніи латинянъ и прочихъ западныхъ иновѣрцевъ для присоединенія ихъ къ православной церкви.

Тщетно датскій принцъ ссылался на предварительный договоръ, обѣщавшій ему свободу вѣроисповѣданія, и объявилъ, что онъ ни за какія блага въ мірѣ не перемѣнитъ своей вѣры, на каковую перемѣну и отецъ его не дастъ своего согласія. Тщетно просилъ онъ, наконецъ, отпустить его обратно въ Данію. Ему отвѣчали, что король его отецъ будто бы прислалъ его къ царю съ тѣмъ, чтобы быть у него во всей его волѣ и послушаніи, что уѣхать ему назадъ безъ совершенія брака было бы „нечестно“ и стыдно передъ сосѣдними народами, бракъ же съ иновѣрцами у насъ не допускается, и т. д. Михаила Ѳеодоровича поощряли въ его настойчивости приходив-

шія тогда вѣсти, неблагопріятныя для Датчанъ: начавшаяся война со Шведами была неудачна для первыхъ, и послы Христіана не столько хлопотали объ отпускѣ Вальдемара, сколько о заключеніи союза съ Москвою противъ Швеціи. Но съ этой стороны хлопоты ихъ были также неудачны.

Чтобы сломить упорство Вальдемара, царь и патріархъ думали подѣйствовать на него убѣжденіями въ превосходствѣ православія. Отсюда возникли продолжительныя и жаркія пренія о вѣрѣ, само собою разумѣется, ни къ какому благопріятному рѣшенію вопроса не приведшія.

Въ Москвѣ разсчитывали на то, что ни принцъ, ни свита его не сильны въ богословской наукѣ; тогда какъ среди русскаго духовенства имѣлось нѣсколько лицъ, которыхъ почитали вполнѣ способными доказать несостоятельность лютеранскаго ученія. Между ними первое мѣсто принадлежало извѣстному успенскому ключарю Ивану Насѣдкѣ. Во время сватовства Михаила Ѳеодоровича за племянницу Христіана IV этотъ Насѣдка ѣздилъ въ Данію вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ; тамъ онъ довольно близко ознакомился съ лютеранствомъ и по возвращеніи написалъ противъ него цѣлую обличительную книгу, озаглавленную: „Изложеніе на Лютеры". Естественно, что въ Москвѣ считали его хорошимъ знатокомъ Лютеранской ереси и возлагали на него большія надежды въ смыслѣ ея опроверженія. Кромѣ него для той же полемики предназначались протопопъ Михаилъ Роговъ, старецъ Савватій, Шестой Мартемьяновъ и Захарій Аѳанасьевъ. Все это были справщики Печатнаго двора, большіе начетчики, между прочимъ вмѣстѣ съ Насѣдкою потрудившіеся надъ составленіемъ напечатаннаго въ Московской типографіи, въ 1642 году, *Сборника* избранныхъ словъ о почитаніи св. иконъ. Этотъ полемическій сборникъ былъ направленъ именно противъ ересей Лютера, Кальвина и Ѳеодосія Косого. А въ слѣдующемъ 1643 году, передъ прибытіемъ Вальдемара, тѣми же лицами, по порученію Михаила Ѳеодоровича, была составлена и напечатана такъ наз. *Кириллова книга*, заключавшая въ себѣ также сборникъ полемическихъ статей, защищавшихъ православіе какъ противъ латинянъ, такъ и противъ лютеранъ, кальвинистовъ, социніанъ и другихъ протестантскихъ сектъ. Въ этомъ сборникѣ составители его въ значительной степени воспользовались процвѣтавшею тогда полемическою литературою Западнорусскою, которая была вызвана борьбой съ уніей и протестантскими сектами Литвы и Польши.

Очевидно, царь Михаилъ и патріархъ Іосифъ заранѣе предугадывали препятствіе браку Вальдемара съ царевною Ириною со стороны вѣроисповѣднаго вопроса; а потому приготовили средства и людей для борьбы съ лютеранами, простодушно надѣясь побѣдить ихъ туземными богословскими силами.

Убѣжденіе путемъ книжной полемики было начато самимъ патріархомъ Іосифомъ. 21 апрѣля принцъ Вальдемаръ получилъ отъ него посланіе, въ которомъ патріархъ увѣщевалъ не упрямиться, соединиться съ царемъ въ православной вѣрѣ и принять крещеніе въ три погруженія; причемъ по преимуществу остановился на таинствѣ крещенія и разными ссылками на св. Писаніе и церковныя преданія доказывалъ правильность этого именно обряда. Графъ Вальдемаръ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ: уже на третій день онъ послалъ патріарху довольно обширную отповѣдь на его посланіе— отповѣдь, въ свою очередь многими примѣрами и ссылками на Библію и св. отцовъ доказывавшую, что для таинства крещенія одинаково правильны оба способа, и погруженіе, и обливаніе; защищала она также взглядъ лютеранъ на иконы и посты. Эта отповѣдь обнаружила значительное богословское и общее образованіе автора. Дѣло въ томъ, что въ свиту датскаго принца предусмотрительно помѣщенъ былъ ученый пасторъ Матвей Фельгаберъ, который и былъ истиннымъ авторомъ отповѣди. Полагая, что этимъ отвѣтомъ вѣроисповѣдное преніе окончено, принцъ и датскіе послы стали усиленно домогаться своего отпуска въ Данію. Вальдемаръ грозилъ даже, что, если его не отпустятъ честью, то онъ уѣдетъ самъ безъ отпуска. И дѣйствительно, видя упорное нежеланіе царя съ нимъ разстаться, онъ ночью 9-го мая, въ сопровожденіи небольшого отряда изъ своей свиты, сдѣлалъ попытку къ бѣгству. Датчане силою пробились сквозь встрѣченный ими на пути стрѣлецкій обходъ; но у Тверскихъ воротъ имъ пришлось вступить въ драку съ болѣе численнымъ карауломъ; потерпѣвъ неудачу, они ушли назадъ, оставивъ одного товарища плѣннымъ. Но когда этого плѣнника стрѣльцы повели въ Кремль, Датчане, собравшись въ большомъ числѣ, напали на стрѣльцовъ, многихъ переранили своими шпагами, одного убили, и отняли плѣнника. На слѣдующій день правительство нарядило слѣдствіе объ этихъ безпорядкахъ. Хотя истина была раскрыта, однако принцъ остался безнаказаннымъ. Только надзоръ за Датчанами былъ усиленъ, и отданъ приказъ никого изъ нихъ не пропускать за стѣны Бѣлаго города.

Межъ тѣмъ принцу готовилось новое увѣщательное посланіе, такъ какъ Царь все еще надѣялся убѣдить его путемъ богословскихъ преній. Недѣли двѣ спустя послѣ попытки къ побѣгу, Вальдемаръ получилъ отъ патріарха второе посланіе въ видѣ очень длиннаго свитка. (Датчане, въ своемъ глумленіи, опредѣлили его длину чуть ли не въ 48 саженъ). Онъ заключалъ въ себѣ подробное опроверженіе на всѣ пункты вышеупомянутой отповѣди, со всѣми возможными цитатами и ссылками на Библію, евангелистовъ и отцовъ Церкви относительно обряда крещенія, опрѣсноковъ, епископскаго сана, иконопочитанія, постовъ и т. д. Истиннымъ авторомъ сего обширнаго посланія, очевидно, былъ не самъ патріархъ Іосифъ, а все тотъ же Иванъ Насѣдка, которому помогали его вышеназванные товарищи справщики Печатнаго двора. Какъ и слѣдовало ожидать, посланіе и на этотъ разъ не произвело никакого дѣйствія на Датчанъ. Вмѣсто новаго письменнаго отвѣта, царь разрѣшилъ Вальдемару выставить своего пастора для устнаго состязанія съ московскими богословами, каковы: царскій духовникъ и благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ Роговъ и успенскій ключарь Иванъ Насѣдка *съ товарищи*, т.-е. съ книжными справщиками Печатнаго двора. Съ своей стороны и Фельгаберъ не былъ совсѣмъ одинокъ во время этой полемики: ему помогали жившіе въ Москвѣ лютеранскіе пасторы, изъ которыхъ одинъ прислалъ ему большой сундукъ съ книгами для справокъ и ссылокъ. Кромѣ того въ свитѣ Вальдемара нашелся еще дворянинъ, Юрій Лотъ, достаточно освѣдомленный въ богословскихъ наукахъ, который и пособлялъ пастору во время словесныхъ преній, происходившихъ въ концѣ мая и началѣ іюня 1644 года.

Пренія эти велись въ домѣ вышеупомянутаго иноземца, перешедшаго въ православіе, Димитрія Францбекова, который исполнялъ при семъ обязанности переводчика и самъ принималъ участіе въ диспутѣ. Этотъ диспутъ сосредоточился преимущественно на обрядѣ крещенія. Фельгаберъ настаивалъ на томъ, что греческое βαπτίζω значитъ не только погружать, но также окроплять или обливать. Главный его оппонентъ Иванъ Насѣдка, подобно своимъ товарищамъ, не былъ настолько знакомъ съ греческимъ языкомъ, чтобы оспорить искуснаго въ діалектикѣ пастора въ этой филологической сторонѣ вопроса. Посему первыя два пренія не были особенно удачны для московскихъ богослововъ. Тогда царь Михаилъ велѣлъ призвать въ

помощь имъ лицъ хорошо знавшихъ греческій языкъ, именно: прибывшаго изъ Іерусалима греческаго архимандрита Анфима, цареградскаго архимандрита Пароенія, двухъ переводчиковъ, Димитрія и Ѳедора, да еще цесарскаго посла князя Димитрія Альбертоса Далмацкаго. Съ такими силами третье преніе шло для насъ успѣшнѣе, и лютеранскій пасторъ былъ почти разбитъ даже и въ своихъ филологическихъ аргументахъ. Московскіе богословы хотѣли было продолжать пренія; но Датчане отказались, считая ихъ совершенно безполезными. Въ январѣ слѣдующаго 1645 года въ Москву прибылъ во главѣ польско-литовскаго посольства Гавріилъ Стемпковскій и привезъ съ собою, какъ извѣстно, самозванца Лубу. Отъ короля Владислава, кромѣ явныхъ порученій т.-е. вопросовъ о пограничномъ размежеваніи и самозванцѣ, онъ имѣлъ еще тайное порученіе: хлопотать объ отпускѣ королевича Вальдемара, который, а также и отецъ его Христіанъ обратились къ королю съ просьбою о помощи. Но всѣ подобныя хлопоты разбивались объ упорство Михаила Ѳедоровича, не хотѣвшаго отпустить Вальдемара. Послѣдній прибѣгнулъ даже къ притворству: однажды онъ объявилъ себя крайне больнымъ, и стращалъ царя своею смертію, ссылаясь на примѣръ помянутаго принца Іоанна, жениха Ксеніи Годуновой. Но русскіе сторожа его двора донесли, что королевичъ въ день его ложной болѣзни съ своими дворянами хорошо кушалъ и пилъ много вина, а вечеромъ забавлялся игрою на цимбалахъ.

Прошло болѣе года со дня третьяго пренія о вѣрѣ, и царь, съ помощью Стемпковскаго, уговорилъ королевича согласиться еще на одно преніе. Этотъ четвертый и послѣдній диспутъ происходилъ 4 іюля 1645 года уже не въ частномъ домѣ, а въ царскомъ дворцѣ, въ Отвѣтной или Посольской палатѣ, въ присутствіи большого числа слушателей и польскаго посла Стемпковскаго съ его свитою. Сначала предпологалось, что будетъ и самъ царь съ боярами; однако его не было; онъ только прислалъ своего думнаго дьяка Григорія Львова. Принцъ Вальдемаръ тоже отказался лично присутствовать на диспутѣ. Съ русской стороны выступили все тѣ же богословы, Михаилъ Роговъ и Иванъ Насѣдка. Благовѣщенскаго протопопа Никиту замѣнилъ вызванный царемъ строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, происходившій изъ Кіева и знавшій греческій языкъ. И въ этотъ разъ диспутъ сосредоточился на вопросѣ о дѣйствительности крещенія чрезъ обливаніе. Напрасно Фельгаберъ опять ссылался на отцовъ Церкви и приводилъ свои филоло-

гическія соображенія: хорошо приготовившіеся къ диспуту, Насѣдка и Роговъ, при помощи Исаакія, такъ удачно опровергали его, что пасторъ послѣ жаркаго и довольно шумнаго спора замолчалъ и прекратилъ диспутъ. Польскій посолъ, который, какъ католикъ, былъ также обливанцемъ, напрасно пытался помочь Фельгаберу и доказать правильность своего обряда при крещеніи: и Фельгаберъ, и Стемпковскій подали о томъ царю письменное изложеніе. Обстоятельные отвѣты на нихъ поручено было составить тѣмъ же московскимъ богословамъ. Мало того, царь Михаилъ былъ настолько увлеченъ успѣхами сихъ послѣднихъ, что предполагалъ устроить новый богословскій диспутъ. Эти вѣроисповѣдныя пренія, какъ и все дѣло о сватовствѣ Вальдемара, произвели тогда большое возбужденіе въ московскомъ обществѣ, которое съ живѣйшимъ интересомъ слѣдило за всѣми ихъ перипетіями. Извѣстно, что великорусскаго человѣка ничто такъ не увлекаетъ, какъ разговоры о вѣрѣ и особенно споры о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями. Но конецъ всѣмъ этимъ преніямъ о вѣрѣ положила неожиданная смерть царя, послѣдовавшая въ ночь на 13 іюля. Такимъ образомъ рѣшать вопросы объ отпускѣ королевича Вальдемара и его безплодномъ сватовствѣ пришлось уже преемнику Михаила, т.-е. Алексѣю Михайловичу.

Замѣчательно то необычайное упорство, которое въ данномъ случаѣ обнаружилъ Михаилъ Θеодоровичъ, столь мягкій и уступчивый въ другихъ отношеніяхъ. Хотя уже ясно было, что на перекрещеніе Вальдемара нѣтъ никакой надежды и съ этимъ условіемъ бракъ сдѣлался невозможнымъ; тѣмъ не менѣе Михаилъ ни за что не хотѣлъ отпустить упрямаго принца и все на что-то надѣялся. Кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса этому браку не благопріятствовали и разныя другія обстоятельства; такъ противъ него интриговали Поляки и особенно Шведы, тогда находившіеся въ войнѣ съ Даніей; между боярами и духовенствомъ существовала цѣлая партія, недоброжелательно смотрѣвшая на бракъ съ иноземцемъ и на обѣщанное Вальдемару положеніе, слишкомъ похожее на прежнихъ удѣльныхъ князей. Вообще на умноженіе и усиленіе нѣмецко-лютеранскаго элемента, которыя повлекъ бы за собою бракъ Вальдемара съ Ириною, многіе Москвичи смотрѣли непріязненно (Датчанъ они не отдѣляли отъ Нѣмцевъ), и тѣмъ болѣе, что загостившіеся въ Москвѣ Датчане, иногда легкомысленно и свысока относившіеся къ туземцамъ, уже возбуждали неудовольствіе въ народѣ. Однажды Донскіе

казаки учинили драку съ Датчанами и многихъ порядкомъ избили. Кравчій принца былъ кѣмъ-то застрѣленъ изъ пищали. Частыя ссоры московскаго простонародья съ членами слишкомъ многочисленной Вальдемаровой свиты указывали на это народное неудовольствіе, которое грозило при случаѣ какимъ-либо взрывомъ и начинало уже не мало озабочивать наше правительство. Кромѣ высокомѣрнаго къ нимъ отношенія, Москвичамъ не нравилось и времяпровожденіе королевича, посвященное по преимуществу пирамъ и забавамъ. Обременительными казались и большія на него издержки: Михаилъ Θеодоровичъ ничего не жалѣлъ на содержаніе и на подарки принцу, котораго онъ всѣми мѣрами ублажалъ, страстно желая во что бы ни стало сдѣлать его своимъ зятемъ.

Долгое пребываніе Датчанъ въ Москвѣ, усилившее непріязненный взглядъ Русскихъ на иноземцевъ, имѣло однако немаловажныя послѣдствія со стороны происшедшаго тогда открытаго вѣроисповѣднаго столкновенія или формальнаго препирательства московскихъ богослововъ съ лютеранскимъ пасторомъ. Хотя эти богословы и приписывали себѣ побѣду, однако для нихъ самихъ и для всѣхъ слѣдившихъ за преніями сдѣлалось ясно: какъ трудно было нашимъ полемистамъ-начетчикамъ бороться съ западнымъ европейцемъ, научнообразованнымъ, который прямо упрекалъ ихъ въ незнаніи греческаго языка, грамматики и вообще „свободныхъ наукъ". Только съ помощью двухъ природныхъ Грековъ и одного кіевскаго или южнорусскаго монаха московскіе богословы вышли изъ своего затруднительнаго положенія. Кромѣ того въ своихъ письменныхъ аргументахъ они широко воспользовались южнорусскими полемическими трудами, появившимися въ эпоху борьбы съ уніей. Это наглядное превосходство греческихъ и южнорусскихъ ученыхъ въ свою очередь вызвало намѣреніе и въ Москвѣ завести высшее училище, по образцу Кіевской коллегіи. Но такое намѣреніе прошло нѣсколько стадій прежде, нежели осуществилось. Что касается царскихъ дочерей, то неудачные поиски за иноземными принцами имѣли печальныя послѣдствія для московскихъ царевенъ: отнынѣ онѣ осуждались на безбрачіе и принуждены были проводить свое однообразное существованіе въ дворцовыхъ теремахъ. Политика Романовыхъ, въ стремленіи оградить свою царскую семью отъ подданныхъ высокою стѣною, повторяемъ, не допускала и мысли о бракѣ царевенъ съ сыновьями московскихъ князей и бояръ, предпочитая имъ въ этомъ отношеніи даже служилыхъ татарскихъ хановъ. Такъ, по извѣстію иностранца

Олеарія, молодому Касимовскому хану предлагали руку одной изъ царскихъ дочерей, разумѣется, съ условіемъ, чтобы онъ крестился; но ханъ отклонилъ это предложеніе.

Любопытно, что этою нашею погонею за женихами изъ знатныхъ иноземцевъ ловко воспользовался одинъ искатель приключеній. Въ 1642 году, т.-е. въ началѣ датско-московскаго сватовства, въ Москвѣ появилась какая-то личность подъ именемъ чешскаго графа Шлика, будто бы удалившагося изъ отечества отъ гоненія католиковъ на протестантовъ; онъ привезъ рекомендательное письмо отъ обманутаго имъ короля Христіана IV. Мнимаго графа приняли съ большимъ почетомъ. Онъ изъявилъ желаніе креститься въ православную вѣру и вступить въ царскую службу. Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, въ то время первый и ближайшій къ государю бояринъ, былъ крестнымъ его отцемъ. Новокрещенному пожаловали княжескій титулъ: онъ сталъ именоваться княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковымъ-Чешскимъ, получилъ отъ царя большое жалованье и женился на внучатой племянницѣ Ѳедора Ивановича Марѳѣ Васильевнѣ Шереметевой. Говорятъ, что его виды простирались еще выше: на руку царевны Ирины Михайловны; но узнавъ, что ее уже сватаютъ за датскаго принца, онъ „помирился на бракѣ съ дочерью знатнаго и богатаго боярина“ (Олеарій). Впослѣдствіи узнали о самозванствѣ Шлякова; царь Михаилъ, хотя и былъ очень тѣмъ огорченъ, однако не лишилъ его княжескаго достоинства, а ограничился выговоромъ и заключеніемъ его на нѣкоторое время въ Чудовъ монастырь на покаяніе (17).

Въ непосредственную связь съ неудачею сватовства царевны Ирины за принца Вальдемара нѣкоторые наши источники ставятъ и самую кончину Михаила Ѳеодоровича.

Ни одинъ изъ Московскихъ царей не ѣздилъ столько по святымъ обителямъ, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Къ этимъ поѣздкамъ еще съ юныхъ лѣтъ пріучила его мать, великая старица Марѳа. Въ особенности онъ любилъ посѣщать Троице-Сергіевъ монастырь и нерѣдко отправлялся туда по два раза въ годъ, причемъ возилъ съ собою царицу и дѣтей. Эти такъ наз. *Троицкіе походы* царя и царицы отличались торжественностію и сопровождались очень многолюдною свитою обоего пола. Кромѣ обычныхъ поѣздокъ были еще путешествія, предпринимаемыя къ той или другой святынѣ по обѣту, данному во время болѣзни или какого-либо событія. Въ

разныхъ храмахъ столицы царь не пропускалъ церковной службы въ ихъ храмовые праздники. Любилъ онъ также ѣздить на соколиную охоту въ ближнія отъ столицы мѣста и пребывать въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы Покровское, Коломенское, Воздвиженское, Танинское и др., гдѣ иногда устраивался столъ или пиръ для бояръ. Но, по всѣмъ признакамъ, Михаилъ Θеодоровичъ не пользовался хорошимъ здоровьемъ, и едвали не главною причиною сего была его малая подвижность, которой нисколько не мѣшали помянутыя сейчасъ частыя поѣздки на богомолье и по окрестностямъ Москвы: онѣ рѣдко совершались верхомъ на конѣ (и конечно шагомъ), а больше въ возкѣ или колымагѣ; при семъ царь ѣхалъ медленно и съ частыми, продолжительными роздыхами. Иногда только онъ выходилъ изъ возка и нѣкоторое разстояніе шелъ пѣшкомъ. Такой малой подвижности могла способствовать слабость или болѣзненность ногъ, которой онъ былъ наиболѣе подверженъ.

До насъ дошла переписка Михаила Θеодоровича съ патріархомъ Филаретомъ во время путешествія на богомолье—переписка, обнимающая періодъ съ 1619 по 1631 годъ. При утомительномъ однообразіи и малой содержательности этихъ писемъ, онѣ даютъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для характера обоихъ государей и состоянія ихъ здоровья. Напримѣръ, лѣтомъ 1620 года Михаилъ во время путешествія съ матерью въ Троицкій монастырь извѣщаетъ отца: „Маія, государь, съ 30-го числа въ ночи по грѣху моему пріиде скорбь тѣлеси моему, помянулся старой конской убой и поскорбѣлъ стороною; а чаю, государь, что къ нынѣшнему пѣшему ходу кровь пришла, и тогожъ дня къ утру пооблегчило“. Тоже повторяетъ старица Мароа въ письмѣ къ патріаху: „А помянулся прежній конской убой; а къ тому, государь, большѣе къ нынѣшнему ходу пришла кровь“. Изъ этихъ двухъ писемъ ясно, что Михаилъ Θеодоровичъ когда-то былъ сильно ушибленъ лошадью или при паденіи съ лошади, и теперь заболѣла ушибленная сторона. Далѣе узнаемъ, что Михаилъ очень страдалъ ногами. Въ іюнѣ 1627 года онъ поѣхалъ „по обѣщанью“ въ Троицкій монастырь съ матерью, женою и новорожденной дочерью Ириной. Со стану изъ села Братошины пишетъ: „Болѣзнь, государь, ногамъ моимъ отъ ѣздовъ тяжелѣе стала; въ возокъ и изъ возка въ креслѣ носятъ“. Царица Евдокія Лукьяновна также пишетъ Филарету: „По грѣхамъ, государь, нашимъ сынъ твой великій государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи скорбѣлъ ножками“. Она также

упоминаетъ о „нашемъ обѣщаніи“: вѣроятно, такое обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ относилось къ первому ребенку, т.-е. къ первымъ родамъ Евдокіи Лукьяновны. Усердный исполнитель церковной обрядности, Михаилъ, несмотря на погоду, обыкновенно принималъ личное участіе въ Вербномъ шествіи на осляти или на Крещенской іордани. Но въ послѣдніе годы при подобныхъ церемоніяхъ мѣсто отца сталъ заступать царевичъ Алексѣй, и въ торжественные дни уже нерѣдко встрѣчаемъ въ Дворцовыхъ записяхъ отмѣтку: „у Государя стола не было“. А между тѣмъ Михаилъ любилъ плотно пообѣдать и поужинать; причемъ охотно пилъ холодный квасъ или пиво, а также водку, крѣпкій медъ и заморскія вина.

При слабомъ здоровьѣ государя, естественно, мы видимъ въ его время при Московскомъ дворѣ умноженіе иноземныхъ докторовъ, которые пользовались щедрымъ жалованьемъ и содержаніемъ. Частные люди продолжали прибѣгать къ знахарямъ и вообще къ средствамъ народной медицины; но къ тѣмъ боярамъ, которыхъ царь хотѣлъ отличить, онъ посылалъ своего медика въ случаѣ ихъ болѣзни. Кромѣ того видимъ иногда казенныхъ медиковъ или хирурговъ, отправляемыхъ въ полки во время похода. Вся казенная медицина находилась въ вѣдѣніи Аптекарскаго приказа, при которомъ кромѣ докторовъ, состоялъ цѣлый штатъ аптекарей, алхимистовъ (провизоровъ), костоправовъ, рудометовъ, окулистовъ, дантистовъ и пр. Все это были болѣе или менѣе иноземцы, по преимуществу Нѣмцы, хотя иногда и родившіеся въ Москвѣ; впрочемъ въ данную эпоху находимъ уже и русскихъ ихъ учениковъ. На обязанности аптекарей и алхимистовъ лежало не только приготовленіе собственно лѣкарствъ, но и приготовленіе нѣкоторыхъ питей для царскаго обихода, напримѣръ, анисовой, полынной и коричной водокъ. Во главѣ придворныхъ медиковъ въ послѣдніе годы Михаилова царствованія встрѣчаемъ трехъ иноземцевъ: Венделинуса Сибилиста, Гартмана Грамана и Ягануса Бѣлово. Послѣдній, собственно Іоаннъ Балау, былъ докторъ медицины изъ Ростока и служилъ прежде профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ. Сибилиста, также докторъ медицины, былъ вызванъ царемъ изъ Голштиніи; онъ принималъ участіе въ сватовствѣ принца Вальдемара, такъ какъ лѣкаря иногда исполняли дипломатическія порученія; а пребывая за границей ради покупки медикаментовъ, онъ сообщалъ оттуда разные политическіе свѣдѣнія и слухи. Гартманъ Граманъ также пріѣхалъ изъ Голштиніи, и считался очень искуснымъ врачомъ.

Медицинскимъ вѣдомствомъ или Аптекарскимъ приказомъ начальствовалъ Ѳед. Ив. Шереметевъ; поэтому на немъ и лежала главная забота о здоровьѣ государя и всего царскаго семейства, что еще болѣе приближало его къ царю; вообще по смерти князя Ив. Бор. Черкасскаго (1642 г.) онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ изъ бояръ. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ Аптекарскаго приказа видимъ, что царя, подвергавшагося заболѣваніямъ, доктора иноземцы лѣчили по преимуществу кровопусканіемъ, давали ему составленные ими порошки или микстуру и прописывали извѣстную діэту. Напримѣръ, лѣтомъ 1643 года во время Петрова поста главные придворные доктора прописали для больного государя слѣдующее: „послѣ кровопусканія хорошо кушать свѣжую рыбу и раковъ въ ухѣ, а жареную рыбу поливать лимоннымъ сокомъ, рѣдьки и хрѣну не ѣсть, пить доброе ренское вино или церковное съ мелкимъ нескоромнымъ сахаромъ, доброе пиво, квасъ житный, но вина горячаго, водки, меду и романеи не пить“. По выздоровленіи государь жаловалъ лѣкарей и аптекарей кубками или ковшами серебряными, персидскимъ бархатомъ, камками, соболями и деньгами.

Много повредилъ здоровью Михаила рядъ семейныхъ потерь, т.-е. смерть его дѣтей: изъ 10 или 11, какъ мы сказали, у него въ живыхъ оставалось только четверо. Чадолюбивый царь тяжело переносилъ эти потери. Окончательный ударъ его чувствительному отцовскому сердцу нанесенъ былъ неудачнымъ сватовствомъ Ирины Михайловны за принца Вальдемара. Продолжительная и крайне непріятная возня съ этимъ принцемъ совсѣмъ его разстроила: онъ сдѣлался еще менѣе подвиженъ, и въ концѣ апрѣля 1645 года сильно занемогъ. Три вышеозначенныхъ доктора усердно принялись за его лѣченіе. Ему давали ренское вино, настоеное разными травами и кореньями и подогрѣтое, слабительные порошки, мази для наружнаго растиранія; разрѣшили только легкій обѣдъ и запретили ужины, а также всякія холодныя и кислыя питья и уксусъ въ кушаньяхъ; совѣтовали иногда воздерживаться отъ послѣобѣденнаго сна. Ѳ. И. Шереметевъ бралъ приготовленныя лѣкарства и носилъ ихъ въ верхъ къ государю; онъ требовалъ отъ докторовъ особаго рвенія. Но болѣзнь упорно держалась. Медики объясняли, что она происходитъ „отъ многого сидѣнья, отъ холодныхъ питей и отъ меланколіи, сирѣчь кручины“. Они же пророчили, что, если болѣзнь продлится, то будутъ пухнуть ноги. Наконецъ, государю стало легче.

Наступило 12 іюля, день Михаила Малеина, т.-е. царскія именины. Набожный Михаилъ Θеодоровичъ хотѣлъ по обыкновенію отстоять заутреню въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ сего святого. Но тутъ съ нимъ сдѣлался обморокъ, и его на рукахъ отнесли въ деревянный дворецъ. Вечеромъ того дня почувствовавъ приближеніе кончины („уразумѣ свое къ Богу отшествіе"), царь велѣлъ позвать царицу, сына, патріарха и ближнихъ бояръ. Простясь съ супругою, онъ благословилъ на царство сына Алексѣя; послѣ чего, обратясь къ его дядькѣ Бор. Ив. Морозову, поручилъ ему и впредь имѣть объ Алексѣѣ такое же усердное попеченіе, какое имѣлъ доселѣ, и соблюдать его какъ зеницу ока. Въ ночь съ 12 на 13 іюля, съ субботы на воскресенье, пріобщившись Св. Таинъ, скончался первый Московскій царь изъ дома Романовыхъ, на пятидесятомъ году отъ рожденія, послѣ тридцатидвухлѣтняго царствованія. Двоюродный братъ его, Никита Ивановичъ Романовъ, вышедъ изъ царской опочивальни, возвѣстилъ придворнымъ чинамъ о воцареніи Алексѣя Михайловича, и первый принесъ ему присягу. За нимъ присягнули новому государю бояре, дворяне, стрѣльцы и всѣ наличные служилые люди. Весь слѣдующій день раздавался благовѣстъ въ большой колоколъ, и народъ толпился у дворца. А къ вечеру того же воскресенья уже вышла погребальная процессія изъ дворцовыхъ покоевъ къ Архангельскому собору. Впереди несли запрестольный крестъ и образъ Богородицы; за ними шелъ патріархъ Іосифъ съ освященнымъ соборомъ. Нѣсколько сотъ монаховъ и священниковъ стояли по обѣ стороны пути съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ. По словамъ одного иностранца, большіе бояре несли усопшаго царя въ лубяныхъ саняхъ подъ бархатнымъ покровомъ; за ними шелъ молодой государь съ остальными боярами и съ дворянами; вдову-царицу несли въ лубяныхъ носилкахъ, а позади нея въ тѣхъ же носилкахъ сидѣла женщина (вѣроятно, ближняя боярыня), и царица, склонивъ голову ей на грудь, горько плакала. Русскій лѣтописецъ прибавляетъ, что погребеніе сопровождалось многимъ воплемъ и слезами.

Скромная, не выдающаяся личность перваго царя изъ дома Романовыхъ не оставила по себѣ памяти о какихъ-либо громкихъ и великихъ дѣяніяхъ; тѣмъ не менѣе царствованіе его весьма характерно и знаменательно. То было время сравнительнаго отдыха и умиротворенія послѣ бурной, напряженной эпохи смутъ. Уже самая потребность въ этомъ отдыхѣ и глубокое разочарованіе въ преды-

дущихъ опытахъ и поискахъ какъ за царемъ, такъ и за перемѣною въ образѣ правленія способствовали прочности новой династіи, и она мало нуждалась въ какихъ-либо особыхъ мѣрахъ для своего укрѣпленія и для возстановленія самодержавнаго строя. Неудачная попытка Филарета возвысить блескъ своей династіи побѣдами надъ самыми злѣйшими врагами Москвы, Литво-Поляками, только доказала ея излишество: ничто, ни даже эта великая неудача не поколебала Михаилова трона. Также неудачны были и попытки первыхъ Романовыхъ возвысить обаяніе своей фамиліи родствомъ съ европейскими государями. Но и первый, и второй родъ попытокъ остались какъ бы завѣтомъ для ихъ преемниковъ. Съ Михаила Θеодоровича начинается также особенно дѣятельное пересажденіе европейскаго военнаго искусства въ Россію, а отчасти и заводско-фабричной промышленности или матеріальной европейской культуры. Вмѣстѣ со всѣми этими стремленіями прокладываются пути для водворенія и вліянія чужеземнаго, по премуществу Нѣмецкаго, элемента, который потомъ столь широко воспользовался сими путями и вызвалъ въ нашей исторіи важныя, разнообразныя послѣдствія ([18]).

Въ первой половинѣ XVI столѣтія, какъ извѣстно, трудъ Сигизмунда Герберштейна, сравнительно съ другими иноземными источниками, представляетъ наиболѣе драгоцѣнный матеріалъ для знакомства съ современной ему Россіей; такое же значеніе имѣетъ для первой половины XVII вѣка помянутый выше трудъ Адама Олеарія. Несмотря на разные промахи и невѣрности, столь естественные и почти неизбѣжные въ сочиненіи иностранца, при условіяхъ того времени, этотъ ученый и наблюдательный авторъ „Путешествія въ Московію и Персію", даетъ множество любопытныхъ, поучительныхъ замѣтокъ и бытовыхъ подробностей, которыя помогаютъ освѣтить современное ему государственное и общественное состояніе Россіи. Попытаемся извлечь изъ него нѣкоторыя черты, подходящія къ сей цѣли.

Въ первое свое путешествіе въ Москву, въ 1634 году, Голштинскіе послы въ Эстоніи съѣхались съ послами Шведскими, также отправлявшимися въ Москву, и оба посольства довольно долго прожили въ Нарвѣ, ожидая отвѣта отъ Новгородскаго воеводы. У Русскихъ, какъ и у Персовъ, существовалъ такой обычай: когда ино-

странное посольство достигнетъ границы, то оно должно извѣстить о себѣ ближайшаго областного начальника; а послѣдній немедля увѣдомляетъ царя и ждетъ его распоряженій вмѣстѣ съ приставомъ, который долженъ сопровождать пословъ въ столицу, имѣя при себѣ конвойный отрядъ. Во все время пребыванія въ предѣлахъ Московіи и Персіи, послы и гонцы безденежно пользуются продовольствіемъ и подводами, доставка которыхъ лежитъ на обязанности пристава.

Наблюденія Олеарія надъ Русскими начались съ той же Нарвы, т.-е. съ ея русской части или Ивангорода, въ то время находившагося подъ шведскимъ владычествомъ. Въ субботу наканунѣ Троицына дня онъ пошелъ на русское кладбище, чтобы посмотрѣть какъ здѣсь поминаютъ покойниковъ. Все кладбище было наполнено женщинами. Онѣ разстилали на могилахъ и надгробныхъ камняхъ красиво расшитые, пестрые платки, на которые ставили блюда съ нѣсколькими оладьями и пирогами или съ сушеными рыбами и крашеными яйцами. Нѣкоторыя изъ нихъ становились на колѣни или ложились у могилъ и вопили, обращаясь съ разными вопросами къ покойнику; это занятіе не мѣшало имъ по временамъ съ подходившими знакомыми не только разговаривать, но и смѣяться, а потомъ опять онѣ принимались плакать и вопить. Межъ тѣмъ священникъ съ двумя причетниками обходилъ могилы и кадилъ на нихъ, произнося молитвы и имена покойниковъ, подсказываемыя женщинами на память или по записямъ. Когда священникъ, сохраняя свой равнодушный видъ, оканчивалъ поминовеніе и хожденіе, женщины давали ему мѣдныя деньги, а причетники забирали пироги и яйца.

По выѣздѣ изъ Нарвы послы, между прочимъ, имѣли остановку въ имѣніи какого-то русскаго боярина Васильевича, недалеко отъ Копорья (т.-е. еще въ областяхъ, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому договору). Бояринъ угощалъ ихъ всякими кушаньями и напитками изъ серебряной посуды. Онъ былъ веселый и храбрый человѣкъ, и показывалъ имъ свои раны, полученныя на шведской службѣ, именно въ Лейпцигскомъ сраженіи 1631 года. У него было два трубача, которые на своихъ трубахъ довольно изрядно играли во время заздравной чаши. Передъ отъѣздомъ пословъ бояринъ велѣлъ позвать жену и еще какую-то родственницу: обѣ были молодыя, красивыя и роскошно одѣтыя женщины; а за ними вошла третья женщина отвратительной наружности (ради усиленія красоты первыхъ, какъ полагаетъ Олеарій). Каждая изъ нихъ подносила

чашу и, сама откушавъ немного, съ поклонами просила выпить. Въ такихъ случаяхъ дорогимъ или почетнымъ гостямъ позволяется жену или родственницу поцѣловать прямо въ губы.

20 іюля Голштинское посольство переплыло пограничную рѣку (Шведское отправилось впередъ) и на берегу было встрѣчено приставомъ (Сем. Андр. Крекшинъ), одѣтымъ въ красный кафтанъ. Онъ снялъ шапку и прочелъ царскій указъ о принятіи посольства и сопровожденіи его до Москвы; а конвойные стрѣльцы привѣтствовали пословъ залпомъ изъ своихъ ружей. Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою они поплыли въ Новгородъ. По соглашенію съ послами, приставъ вмѣсто съѣстныхъ припасовъ сталъ выдавать имъ на продовольствіе деньги по 2 руб. 5 коп. ежедневно; а они покупали припасы чрезъ своихъ людей, причемъ цѣна на нихъ была назначаема приставомъ. Иноземцы удивлялись русской дешевизнѣ: курица стоила 2 копейки, а за одну копейку получали 9 яицъ. (Впрочемъ копейка того времени равнялась шиллингу). Въ городѣ Ладогѣ ихъ болѣе всего поразило множество дѣтей отъ 4 до 7-лѣтняго возраста; они толпами бѣгали за путешественниками и предлагали имъ купить малины; за одну копейку дали ея цѣлую шляпу. Всѣ дѣти, обоего пола, были одинаково одѣты въ длинныхъ рубашкахъ и съ одинаково подстриженными волосами, съ двумя локонами по сторонамъ, такъ что нельзя было отличить дѣвочекъ отъ мальчиковъ. Когда посольство отплывало изъ Ладоги вверхъ по Волхову, болѣе сотни дѣтей толпилось вмѣстѣ со взрослыми на крѣпостной стѣнѣ и глазѣло на иноземцевъ. На берегу стоялъ монахъ; конвойные стрѣльцы подозвали его и приняли отъ него благословеніе. Вообще у Русскихъ въ обычаѣ подходить подъ благословленіе ко всякому встрѣчающемуся по пути попу или монаху, а также молиться на церкви и на часовни, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и произнося: „Господи, помилуй“. Въ Ладогѣ посольство впервые ознакомилось съ русской народной музыкой: во время обѣда къ нему подошли два человѣка съ лютней и гудкомъ; они начали играть и пѣть пѣсни въ честь своего великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича; а затѣмъ пустились плясать, выдѣлывая при этомъ разныя штуки. Вообще же у Русскихъ, не такъ какъ у Нѣмцевъ, мужчины и женщины пляшутъ отдѣльно; женщины машутъ пестрымъ платкомъ вокругъ головы и топчутся больше на одномъ мѣстѣ.

Достигнувъ Волховскихъ пороговъ, путешественники вышли на берегъ; а лодки ихъ цѣлая сотня людей канатами тащила сквозь

пороги противъ теченія. Путники остановились на ночлегъ у небольшого Никольскаго монастыря, въ которомъ было только четыре монаха. Одинъ изъ нихъ принесъ посламъ на поклонъ рѣдьку, огурцы, зеленый горохъ и двѣ восковыя свѣчи. Тѣ отблагодарили его деньгами. Чтобы выразить свое удовольствіе, онъ, вопреки обычаямъ, отперъ для иноземцевъ церковь и облачился. Тѣ съ любопытствомъ осматривали церковную иконопись. На папертп и на стѣнахъ были очень грубо и неискусно изображены чудеса св. Николая. Надъ дверями представленъ былъ Страшный Судъ; причемъ одно лицо оказалось въ нѣмецкомъ платьѣ. (Олеарій, очевидно, не зналъ, что въ ту эпоху у насъ на подобныхъ изображеніяхъ Нѣмцы нерѣдко включались въ число лицъ, ниспосылаемыхъ въ адъ). Монахъ показалъ Библію на славянскомъ языкѣ и Евангеліе; онъ прочелъ первую главу отъ Іоанна; причемъ каплей воска замѣтилъ то мѣсто, до котораго дочиталъ. Но пришли стрѣльцы и заворчали на монаха; поэтому далѣе внутрь церкви онъ не успѣлъ ввести иноземцевъ; послѣдніе подарили ему еще талеръ, за что онъ поклонился до земли.

Во всю дорогу отъ Ревеля до Москвы, по причинѣ почти непрерывающихся лѣсовъ и болотистыхъ мѣстъ, путешественники сильно страдали отъ комаровъ, оводовъ и мухъ, которые не давали имъ покою ни днемъ, ни ночью. Единственнымъ спасеніемъ отъ нихъ служили палатки изъ сѣтчатой ткани, а крестьяне и извощики искали защиты у зажженныхъ костровъ.

Въ Великомъ Новгородѣ посольство прожило четыре дня. А во второе свое путешествіе оно пробыло здѣсь пять дней. Къ сожалѣнію Олеарій не даетъ намъ никакихъ подробностей объ этомъ пребываніи и очень скупъ на описаніе сего знаменитаго города. Говоритъ только о его прежней обширной торговлѣ и производствѣ лучшей въ Россіи юфти; замѣчаетъ, что прежде городъ былъ обширнѣе, судя по нѣкоторымъ развалинамъ, что онъ красуется множествомъ церквей, монастырей и башенъ, и что его укрѣпленія построены изъ еловыхъ бревенъ. Затѣмъ передаетъ разсказы о погромѣ Ивана Грознаго, легенды объ идолѣ Перуна и св. Антоніи Римлянинѣ. Воевода Новгородскій (которымъ тогда былъ князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій) дарилъ посламъ отъ себя напитки и кушанья; они же отдарили его серебрянымъ вызолоченнымъ кубкомъ; а во второй свой пріѣздъ (когда воеводой былъ князь Петръ Александр. Рѣпнинъ)—цѣлой нѣмецкой каретой.

Въ первое путешествіе по дорогѣ къ Москвѣ посольство встрѣчало нѣмецкихъ солдатъ, которые послѣ неудачнаго Смоленскаго похода были отпущены изъ царской службы и небольшими отрядами направлялись къ Балтійскимъ портамъ. Свой обратный путь эти грубые наемники сопровождали грабежами и насиліями, такъ что иногда крестьяне, заслышавъ объ ихъ приближеніи, покидали свои селенія и уходили въ лѣса съ семьями и со скотомъ. 4 августа въ ямскомъ селѣ Зимогорьѣ (близъ Валдая), при перемѣнѣ лошадей, послы встрѣтили полковника Фукса, а потомъ въ (Вышнемъ) Волочкѣ полковника Карла съ нѣсколькими офицерами, тоже возвращавшимися изъ Москвы на родину. О наиболѣе извѣстномъ полковникѣ Лесли Олеарій сообщаетъ, что по окончаніи войны онъ получилъ отъ Михаила Өеодоровича большія денежныя награды и также уѣхалъ изъ Московіи. Но впослѣдстніи, уже при новомъ царѣ, Лесли воротился въ Москву, снова поступилъ на царскую службу, получилъ прекрасное имѣнье на берегу Волги, и, чтобы не лишиться его, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми принялъ православіе.

14 августа посольство имѣло торжественный въѣздъ въ столицу; причемъ его члены, свита и обозъ слѣдовали другъ за другомъ въ извѣстномъ порядкѣ. На встрѣчу имъ одинъ за другимъ посылались гонцы съ приказаніями приставу то ускорять, то замедлять шествіе, чтобы согласовать послѣдовательное и своевременное прибытіе разныхъ частей процессіи. За нѣсколько верстъ отъ города появилось болѣе 4.000 конницы въ богатыхъ одеждахъ и на прекрасныхъ лошадяхъ; она стала въ строй, чрезъ который направлено было шествіе. Далѣе къ посольству выѣхали два новые пристава въ золотныхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ на бѣлыхъ коняхъ, у которыхъ вмѣсто повода висѣли большія серебряныя цѣпи; широкія кольца этихъ цѣпей при всякомъ движеніи довольно громко звенѣли. За приставами слѣдовалъ великокняжій конюшій съ 20 бѣлыми верховыми конями и большою свитою, конною и пѣшею. Приставы и послы сошли съ лошадей. Старшій приставъ снялъ шапку и прочелъ указъ о пріемѣ пословъ; причемъ большую часть указа занялъ титулъ Московскаго государя, т.-е. перечисленіе его владѣній. Послѣ отвѣта пословъ съ частью ихъ свиты пересадили на царскихъ бѣлыхъ коней, и вся процессія, увеличенная густою толпою Москвичей, вступила въ городъ; всѣ на пути лежавшіе улицы и дома были усѣяны множествомъ народа. По случаю большого пожара, незадолго опустошившаго Москву и уничтожившаго Посоль-

скій дворъ, Голштинцевъ помѣстили въ двухъ обывательскихъ домахъ.

Спустя полчаса, къ ихъ помѣщенію уже приближался длинный рядъ придворныхъ служителей, которые несли разные съѣстные припасы, кушанья и напитки изъ царской кухни и погреба. И въ слѣдующіе дни эти припасы приносили такимъ же образомъ, только въ количествѣ вдвое меньшемъ. Двойное количество доставлялось въ особо торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, еще въ день царскаго пріема. Дворъ посольскаго помѣщенія заперли и приставили стражу изъ 12 стрѣльцовъ. Всякія сношенія съ посторонними лицами не допускались, пока не совершился этотъ царскій пріемъ. Къ посламъ назначенъ переводчикъ, нѣкто Иванъ, родомъ Русскій: находясь въ польскомъ плѣну, онъ служилъ у князя Януша Радивила, и ѣздилъ съ нимъ въ Лейпцигъ, гдѣ два года пробылъ въ университетѣ и выучился нѣмецкому языку.

Дня черезъ два по пріѣздѣ, послы услыхали громъ пушечныхъ выстрѣловъ и увидали на лугу передъ своимъ помѣщеніемъ множество пушекъ. На ихъ вопросъ приставъ объяснилъ, что это пробуютъ вновь отлитыя орудія и самъ царь смотритъ на нихъ изъ своего окна. Но по другимъ объясненіямъ, эта пальба была произведена ради Шведскихъ пословъ: чтобы показать имъ, что не всѣ пушки остались подъ Смоленскомъ, какъ нѣкоторые увѣряли, и что ихъ еще большое количество имѣется у царя.

Торжественный пріемъ посольства состоялся 19 августа. Въ 9 часовъ на его подворье явились приставы, за которыми слуги несли новые кафтаны и высокія шапки, взятыя изъ царской кладовой. Приставы на глазахъ у пословъ переодѣлись въ эти кафтаны. Послѣ чего посольство сѣло на бѣлыхъ царскихъ коней и въ извѣстномъ порядкѣ направилось во дворецъ. За нимъ везли и несли герцогскіе подарки, которые состояли изъ трехъ коней, дорогой сбруи, украшенной каменьями, хризолитоваго креста, оправленнаго въ золото, химической аптечки въ ларцѣ чернаго дерева, хрустальной съ золотомъ кружки, большого зеркала, боевыхъ часовъ, серебрянаго посоха съ подзорной трубой и пр. Весь путь былъ обставленъ рядами изъ 2.000 стрѣльцовъ. Улицы, дома и крыши были наполнены глазѣвшимъ народомъ. Во время шествія опять одинъ за другимъ прискакивали гонцы, и шествіе то ускоряли, то замедляли, чтобы Его Царское величество могъ приготовиться и сѣсть на престолъ въ то именно время, когда послы вступятъ во дворецъ. По-

сольство провели крытымъ ходомъ со сводами мимо дворцовой церкви, въ которой совершалось богослуженіе. Далѣе они прошли одну сводчатую палату, въ которой сидѣли и стояли почтенные люди съ длинными сѣдыми бородами, въ парчевыхъ кафтанахъ и высокихъ собольихъ шапкахъ. То были гости или именитые купцы; ихъ кафтаны также на этотъ случай были выданы изъ царскихъ кладовыхъ.

Два боярина въ парчевыхъ, жемчугомъ вышитыхъ, одеждахъ встрѣтили пословъ и ввели ихъ въ пріемный покой. Это былъ каменный со сводами залъ, по полу и по стѣнамъ обитый прекрасными коврами; потолокъ его былъ украшенъ золотомъ и рѣзными изображеніями изъ Священной исторіи, которыя писаны различными красками. У стѣны, противоположной входу, стоялъ царскій престолъ на возвышеніи въ три ступени. Сѣнь надъ престоломъ опиралась на четыре серебряные вызолоченные столбика (толщиною въ три дюйма); по угламъ на нихъ укрѣплены серебряные орлы съ распущенными крыльями; такой же орелъ находился и на верхушкѣ сѣни. На престолѣ сидѣлъ царь въ облаченіи, унизанномъ всякими драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ. На головѣ его была корона, усѣянная крупными алмазами и опушенная чернымъ соболемъ; онъ держалъ золотой скипетръ, который, вѣроятно вслѣдствіе его тяжести, бралъ то въ одну, то въ другую руку. По обѣимъ сторонамъ трона стояли по два молодыхъ рослыхъ человѣка, въ бѣлыхъ камчатныхъ кафтанахъ, въ высокихъ рысьихъ шапкахъ и въ бѣлыхъ сапогахъ; на груди у нихъ крестообразно висѣли золотыя цѣпи, а на плечѣ каждый изъ нихъ держалъ серебряный бердышъ. Вдоль стѣнъ и противъ царя сидѣли важнѣйшіе бояре, князья и государственные чины (думные люди), болѣе 50 человѣкъ, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ изъ чернобурой лисицы, которыя они никогда не снимаютъ съ головы. Въ пяти шагахъ отъ престола съ правой стороны стоялъ государственный канцлеръ (думный дьякъ и печатникъ Граматинъ). Подлѣ самаго престола справа же на рѣзной серебряной пирамидѣ, вышиною въ два локтя, лежала золотая держава, величиною съ ядро (48-ми фунтового вѣсу), а подлѣ державы золотая лахань и рукомойникъ съ полотенцемъ для омовенія царской руки послѣ цѣлованія ея членами посольства. Къ такому цѣлованію допускаются только христіанскіе послы.

Пріемъ собственно и начался съ этого обряда цѣлованія руки. По окончаніи его канцлеръ пригласилъ пословъ отправлять ихъ обязан-

ность. (Переводчикомъ на этомъ пріемѣ служилъ главный царскій толмачъ девяностолѣтній Гансъ Гельмесъ). Первый посолъ, Филиппъ Крузе, высказалъ привѣтствіе царю Михаилу отъ своего герцога и вмѣстѣ скорбь о недавней кончинѣ патріарха Филарета. Послѣ чего послы поднесли свои вѣрительныя грамоты, которыя по знаку царя принялъ отъ нихъ канцлеръ, а послы отошли назадъ, къ своей свитѣ. Потомъ Михаилъ подозвалъ канцлера и сказалъ ему, что онъ долженъ отвѣчать посламъ. Канцлеръ приблизился къ нимъ и, проговоривъ царскій титулъ, объявилъ, что царь принимаетъ герцогскія грамоты и велитъ перевести ихъ на русскій языкъ. Межъ тѣмъ позади пословъ поставили скамью, покрытую ковромъ, и пригласили ихъ сѣсть. Затѣмъ допущены были къ рукѣ главные слуги и гофъюнкеры посольства. По окончаніи и этого обряда, царь, приподнявшись немного, спросилъ: „Здоровъ ли князь Фридрихъ“? На что одинъ изъ пословъ отвѣтилъ, что при отъѣздѣ своемъ они оставили Его Свѣтлость Божіею милостію въ добромъ здоровьѣ и благоденствіи. Послѣдовало представленіе подарковъ. Далѣе, по знаку царя, канцлеръ пригласилъ пословъ продолжать ихъ рѣчь. Послы просили, чтобы имъ дозволили тайное сообщеніе о персидскомъ дѣлѣ вмѣстѣ со Шведскими послами. Царь велѣлъ спросить пословъ объ ихъ здоровьѣ и не имѣютъ ли они въ чемъ недостатка. Симъ и окончился торжественный пріемъ. Тѣ же два боярина вывели пословъ изъ пріемнаго зала; они воротились къ себѣ на подворье прежнимъ порядкомъ шествія.

Вслѣдъ затѣмъ на ихъ подворье прибылъ царскій чиновникъ, княжескаго рода, въ сопровожденіи цѣлой толпы прислужниковъ, которые принесли столовый приборъ, напитки и до 40 блюдъ съ вареными, жареными и печеными кушаньями, для угощенія пословъ и ихъ свиты. Послѣ угощенія князь роздалъ имъ золотыя чаши съ малиновымъ медомъ, и пригласилъ выпить за здоровье царя. Потомъ пили здоровье герцога Голштинскаго, а въ заключеніе здоровье наслѣдника Московскаго престола Алексѣя Михайловича. Послы подарили князю серебряный вызолоченный бокалъ, который тотъ велѣлъ торжественно нести передъ собою и, воротясь во дворецъ, по московскому правилу, показалъ этотъ подарокъ царю.

На слѣдующій день послѣ царскаго пріема Голштинское и Шведское посольства получили разрѣшеніе свободно выѣзжать въ городъ, а также посѣщать другъ друга. Такое разрѣшеніе было необычно, и объяснялось особымъ расположеніемъ царя къ этимъ обоимъ по-

сольствамъ. Голштинцы воспользовались имъ, чтобы навѣщать или принимать проживающихъ въ Москвѣ служилыхъ и торговыхъ Нѣмцевъ, и прежде всего позвали ихъ къ себѣ на обѣдъ. Въ числѣ приглашенныхъ находились одинъ придворный врачъ и аптекарь. Но думный дьякъ не позволилъ имъ пріѣхать къ посламъ, такъ какъ герцогскіе подарки еще не были оцѣнены. Въ Москвѣ былъ обычай подарки иностранныхъ государей подвергать подробной оцѣнкѣ (конечно, въ видахъ отдариванія); а въ числѣ голштинскихъ подношеній находилась химическая аптека, которую должны были оцѣнивать придворные врачъ и аптекарь.

5 сентября Голштинскіе и Шведскіе послы имѣли по своимъ порученіямъ тайное совѣщаніе во дворцѣ съ комиссіею, въ которую назначены были четыре сановника, а именно: бояринъ князь Борисъ Мих. Лыковъ-Оболенскій, окольничій Вас. Ив. Стрѣшневъ, думный дьякъ и печатникъ Ив. Тарас. Граматинъ и думный дьякъ Ив. Аѳан. Гавреневъ. Они были одѣты въ парчевые кафтаны, обложенные крупнымъ жемчугомъ и дорогими камнями, съ крестообразно повѣшенными на груди золотыми цѣпями. У боярина и окольничаго на головѣ были, похожія на кардинальскія скуфьи, шапочки, густо унизанныя крупнымъ жемчугомъ съ алмазами по серединѣ; а дьяки имѣли на себѣ обычныя высокія шапки изъ чернобурой лисицы. Бояре заняли мѣста на лавкѣ въ переднемъ углу, пословъ помѣстили тоже на лавкѣ вдоль стѣны, а дьяки сѣли противъ пословъ на скамьѣ. Переводчики посольскіе, секретари и одинъ русскій писецъ (подъячій) присутствовали стоя и вели протоколъ; остальная свита осталась въ передней комнатѣ.

Князь Лыковъ всталъ и снялъ шапку; тоже сдѣлали и всѣ другіе. Проговоривъ полный царскій титулъ, онъ объявилъ, что Государь велѣлъ посольскія грамоты перевести на русскій языкъ и самъ прочиталъ ихъ. Затѣмъ Стрѣшневъ съ тою же обрядностію передалъ, что Государь желаетъ королевѣ Шведской и герцогу Голштинскому всякаго благополучія и побѣды надъ врагами и что онъ внимательно читалъ ихъ грамоты. Граматинъ такимъ же порядкомъ объявилъ о государевомъ довѣріи къ посольскимъ грамотамъ и рѣчамъ; а Гавреневъ сообщилъ о назначеніи комиссіи изъ четырехъ членовъ и прочелъ ихъ имена. Затѣмъ сначала Шведское, а потомъ Голштинское посольство читали свои письменныя предложенія. Голштинское было очень длинно; такъ что русскіе сановники, не дослушавъ его, взяли обѣ бумаги и пошли съ ними къ Царю. Черезъ

полчаса воротился одинъ Гавреневъ и объявилъ, что послы теперь могутъ ѣхать по домамъ, что предложенія ихъ будутъ немедленно переводиться на русскій языкъ и затѣмъ будетъ приготовленъ отвѣтъ.

Послы имѣли еще четыре засѣданія, съ большими промежутками. Пятое и послѣднее, уже безъ Шведовъ, происходило 19 ноября. Тутъ Голштинцамъ объявлено, что царь, по особой любви къ герцогу, согласился на его просьбу о свободномъ проѣздѣ въ Персію; но предварительно они должны воротиться въ Голштинію и привезти оттуда утвержденіе заключеннаго договора.

Въ теченіе этого времени Олеарій продолжалъ вести свои замѣтки о тѣхъ сторонахъ русской столичной жизни, которыя были доступны его наблюденіямъ. Разумѣется, такими сторонами были по преимуществу разныя общественныя событія и торжества, какими, напримѣръ, являлись иноземныя посольства и большіе праздники.

Иноземныя посольства, очевидно, сдѣлались довольно часты въ царствованіе Михаила Θеодоровича; всѣ они встрѣчались и принимались съ обычными обрядами; но большая или меньшая пышность пріема зависѣла отъ степени ихъ международнаго значенія. Наиболѣе частыми и заурядными гостями въ Москвѣ были послы отъ разныхъ татарскихъ князей и хановъ, которые пріѣзжали не столько по дѣламъ, сколько за полученіемъ подарковъ. Изъ нихъ выдѣлялись, впрочемъ, Крымскія посольства, которыхъ въ Москвѣ честили и дарили болѣе другихъ, ради удержанія этого хищнаго народа отъ его опустошительныхъ набѣговъ на наши украйны; ибо, по замѣчанію Олеарія, русскія оборонительныя мѣры, включительно съ засѣками, валами и рвами, будто бы „по сію пору весьма мало приносятъ пользы". 12 декабря онъ смотрѣлъ на въѣздъ Крымскаго посольства, состоявшаго изъ 72 человѣкъ. Потомъ онъ слышалъ, что Царь цѣлые три часа провелъ на ихъ пріемѣ и выслушивалъ ихъ прошенія, что они тутъ, по своему обыкновенію, сидѣли на полу и всѣмъ имъ поднесли по чашѣ меду. Старшимъ членамъ посольства Царь подарилъ парчевые кафтаны, а остальнымъ изъ сукна и другихъ матерій; равно и шапки первымъ даны собольи, а вторымъ изъ другого мѣха. Возвращаясь изъ дворца на свое подворье, Крымцы всѣ эти подарки надѣли на себя поверхъ собственной одежды.

Ранѣе того, Олеарій описываетъ пышный въѣздъ Турецкаго посла, происходившій 17 сентября. Въ его встрѣчѣ участвовало будто бы до 16.000 конницы, но у нея было только 6 знаменъ. Первое знамя,

принадлежавшее гвардейскому отряду, было изъ бѣлаго атласа; на немъ въ кругу изъ лавроваго вѣнка былъ изображенъ двуглавый орелъ, украшенный тремя вѣнцами и съ надписью: Virtute supero. Другія знамена были синія и красныя съ разными изображеніями: грифа, улитки, руки съ мечомъ, двуликаго Януса. Авторъ записокъ полагаетъ, что подобныя эмблемы были сочинены подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ, участвовавшихъ въ Смоленскомъ походѣ. Впереди знаменъ ѣхали трубачи, флейтщики и барабанщики. Въ свитѣ Турецкаго посольства состояло нѣсколько греческихъ монаховъ и купцовъ. Самъ посолъ былъ средняго роста, съ желтоватымъ лицомъ и черною, какъ смоль, окладистою бородою; онъ былъ въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ атласномъ кафтанѣ съ пестрыми разводами, а верхнюю одежду имѣлъ парчевую, подбитую дорогимъ мѣхомъ. Его везли въ бѣлой русской колымагѣ, обвѣшанной дорогими златотканными коврами, за которою тянулось болѣе 40 подводъ. Подъѣхавъ къ городу, онъ пересѣлъ на прекрасную арабскую лошадь. Его помѣстили во вновь отстроенномъ (послѣ пожара) Посольскомъ дворѣ, который крѣпко заперли, и приставили надежную стражу. 23 сентября онъ имѣлъ торжественный царскій пріемъ. Подарки, привезенные этимъ посольствомъ, состояли изъ кусковъ золотой парчи, необыкновенной величины жемчужины, рубина и алмазнаго перстня, украшеннаго золотомъ и драгоцѣнными камнями пояса для сабли и дорогихъ конскихъ уборовъ; а со стороны Грековъ между прочими дарами поднесены были золотой крестъ съ алмазами, нѣсколько сосудовъ съ мощами и шитая золотомъ, унизанная жемчугомъ риза.

1 сентября Олеарій видѣлъ церковное празднованіе Новаго года, происходившее на дворцовой площади, съ участіемъ царя и патріарха. Но, сравнительно съ приведеннымъ выше уставомъ о трезвонахъ, онъ даетъ менѣе свѣдѣній о семъ торжествѣ. Прибавляетъ, впрочемъ, слѣдующую черту: въ народной толпѣ было много людей съ поднятыми вверхъ прошеніями (челобитными), которыя они съ громкими воплями повергали къ ногамъ государя. Прошенія эти были подобраны съ земли и отнесены въ его покои. А 1 октября, въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, Олеарій наблюдалъ крестный ходъ, совершавшійся изъ Кремля въ „изящно построенный“ храмъ, посвященный этому празднику и Св. Троицѣ (извѣстный болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго). Въ процессіи участвовали царь со всѣми своими придворными и патріархъ со всѣмъ своимъ духовен-

ствомъ; множество присутствовавшаго народа выражало свое благочестіе постояннымъ крестнымъ знаменіемъ и поклонами. Царь и патріархъ одни только взошли на небольшое возвышеніе, огороженное рѣшеткою (Лобное мѣсто?); патріархъ держалъ въ рукахъ книгу въ богатомъ серебряномъ окладѣ (Евангеліе) и золотой крестъ; священники читали молитвы; царь, сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ книгою, приложился къ ней и ко кресту; патріархъ дотронулся симъ крестомъ его чела и обѣихъ ланитъ. Послѣ того они со всею свитою вошли въ храмъ, гдѣ и совершилось богослуженіе. Греки, прибывшіе съ турецкимъ посольствомъ, также вошли въ храмъ. Но христіанамъ другихъ исповѣданій входъ въ русскія церкви возбраняется.

12 октября Олеарій видѣлъ царскую поѣздку на богомолье въ одинъ изъ подмосковныхъ монастырей, сопровождаемую дворомъ и тысячью человѣкъ войска. Впереди ѣхалъ верхомъ царь, съ плетью въ рукѣ. За нимъ красивыми рядами выступали на коняхъ бояре и дворяне, по десятку въ каждомъ ряду. Потомъ двигалась большая карета, сверху покрытая краснымъ сукномъ, а по сторонамъ завѣшанная желтой тафтой и запряженная шестнадцатью бѣлыхъ лошадей: въ ней сидѣла царица съ сыномъ и дочерью. За нею слѣдовали придворныя боярыни и служанки въ 22 деревянныхъ каретахъ (колымагахъ), выкрашенныхъ въ зеленую краску и покрытыхъ краснымъ сукномъ, также какъ и вся конская упряжь. Кареты были плотно притворены и завѣшаны, такъ что нельзя было видѣть сидящихъ внутри. На счастье Олеарія, вѣтеръ нѣсколько распахнулъ занавѣсъ у кареты самой царицы, такъ что Голштинецъ могъ увидать ея лицо и платье; послѣднее показалось ему роскошно и великолѣпно. (О лицѣ же Евдокіи Лукьяновны почему-то умалчиваетъ; также не описываетъ и наружности Михаила Ѳеодоровича). Сотня стрѣльцовъ шла по сторонамъ каретнаго поѣзда, держа въ рукахъ бѣлыя трости (батоги), которыми они разгоняли сбѣжавшійся отовсюду народъ. Сей послѣдній съ умиленіемъ смотрѣлъ на царскую семью и выражалъ пожеланія ей всякаго счастія и благополучія. (Это умиленіе лучше всего объясняетъ ту легкость, съ которою было возстановлено и упрочено царское самодержавіе). Кстати, прибавимъ, что во второй свой пріѣздъ въ Москву Олеарій видѣлъ возвращеніе царя и царицы съ богомолья, въ іюнѣ мѣсяцѣ. За царемъ все также ѣхали его бояре и дворяне, а за царицею 36 ея „боярышенъ и дѣвицъ“, но не въ колымагахъ, а верхомъ, по-

мужски. (Собственно постельницы и мастерицы). Онѣ были въ красныхъ платьяхъ и бѣлыхъ шапочкахъ, отъ которыхъ вдоль спины висѣли длинные красные шнуры, а вокругъ шеи имѣли бѣлыя покрывала. Онѣ очень замѣтно были нарумянены. Обычай бѣлиться и румяниться такъ распространился въ высшихъ и среднихъ слояхъ русскаго общества, что сдѣлался какъ бы обязательнымъ. Олеарій разсказываетъ, что жена извѣстнаго князя Ив. Бор. Черкасскаго, очень красивая женщина, не хотѣла было подчиниться этому обычаю, но подверглась такому злословію со стороны другихъ боярынь, что принуждена была уступить.

16 декабря Голштинскіе послы имѣли торжественный отпускъ. Такъ какъ была уже зима, то за ними прислали не верховыхъ лошадей, а двое прекрасныхъ саней, обитыхъ, однѣ краснымъ атласомъ, другія красной камкой, обложенныя внутри шкурой бѣлаго медвѣдя, сверхъ которой лежали турецкіе ковры. Хомуты на лошадяхъ были вызолочены и увѣшаны лисьими хвостами: такое украшеніе для саней употреблялось знатными боярами и самимъ царемъ. Пріемъ пословъ сопровождался тѣми же обрядами, какъ и въ первое ихъ представленіе. Имъ вручили отвѣтныя грамоты, и послѣ цѣлованія руки отпустили. Въ этотъ день имъ на подворье также принесли кушанья и напитки отъ царскаго стола; но кушанья состояли изъ вареной и жареной на постномъ маслѣ рыбы, по причинѣ поста. Передъ отъѣздомъ послы должны были раздать подарки царскому конюшему, ключнику и другимъ чинамъ, доставлявшимъ посольству коней, съѣстные припасы и напитки, а также приставамъ, переводчикамъ, писцамъ и пр. Кому поважнѣе дарили кубки и бокалы, а менѣе важнымъ по нѣскольку рейхсталеровъ. Сами они получили отъ царя въ подарокъ по нѣскольку сороковъ соболей, ихъ кавалеры, камеръ-пажи и фурьеры по одному сороку, а нижніе чины двѣ пары или по парѣ соболей. 24 декабря 1634 г. все посольство на 80 подводахъ отправилось изъ Москвы въ обратный путь.

Вторично то же посольство, въ увеличенномъ составѣ, прибыло въ Москву въ мартѣ 1636 года; а 3 апрѣля имѣло торжественный царскій пріемъ съ тѣми же обрядами и церемоніями. Спустя два дня, начались переговоры пословъ съ тою же русскою коммиссіей изъ четырехъ членовъ; только мѣсто Граматина, уволеннаго за старостію, теперь занималъ новый посольскій дьякъ и печатникъ Ѳед. Ѳед. Лихачовъ.

Вскорѣ послѣ этого второго пріѣзда, Олеарію удалось видѣть въ Москвѣ на Вербное Воскресенье торжественную процессію Входа въ Іерусалимъ. Послы не только получили отъ царя позволеніе присутствовать на семъ торжествѣ, но имъ прислали лошадей и поставили ихъ на возвышенномъ мѣстѣ, откуда удобно было смотрѣть на крестный ходъ. Онъ начался отъ Успенскаго собора, въ которомъ царь съ боярами слушалъ литургію. Впереди на широкихъ низкихъ дрогахъ везли дерево, увѣшенное яблоками, финиками и изюмомъ; вокругъ него сидѣли четыре мальчика въ бѣлой одеждѣ и пѣли „Осанна"! За ними слѣдовало духовенство въ бѣлыхъ ризахъ съ пѣніемъ молитвъ, а нѣкоторые и съ дымящимися кадильницами; несли хоругви, кресты и образа, укрѣпленные на длинныхъ древкахъ. Затѣмъ шли гости или именитѣйшіе купцы, дьяки, наконецъ бояре, нѣкоторые съ вербами въ рукахъ (изображавшими пальмовыя вѣтви). А за ними шелъ царь въ богатомъ облаченіи и съ короной на головѣ. Его вели подъ руки два знатнѣйшихъ совѣтника, князь Ив. Бор. Черкасскій и кн. Ал. Мих. Львовъ. Царь держалъ за длинный поводъ патріархову лошадь, изображавшую осла, а потому покрытую попоной съ длинными ушами. Патріархъ сидѣлъ на ней бокомъ; онъ былъ въ бѣломъ клобукѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ и увѣнчанномъ также короною. Въ правой рукѣ онъ имѣлъ золотой съ драгоцѣнными камнями крестъ, которымъ благословлялъ народъ. По сторонамъ и позади его шли архіереи, архимандриты и старшіе священники, кто съ книгой, кто съ кадиломъ. До 50 мальчиковъ въ красныхъ одеждахъ забѣгали впередъ царя, снимали съ себя эти одежды и постилали по дорогѣ; иные вмѣсто одеждъ разстилали разноцвѣтные куски сукна. Крестный ходъ направился въ церковь (соборъ Покрова Богородицы или Василія Блаженнаго, собственно въ его Входоіерусалимскій придѣлъ); тамъ всѣ пробыли съ полчаса, и оттуда воротились въ томъ же порядкѣ. Въ благодарность за свое вожденіе, патріархъ въ этотъ день подноситъ царю 400 рейхсталеровъ, т.-е. 200 рублей. Сей обрядъ Ваій отправляется и по другимъ главнымъ русскимъ городамъ ихъ архіереями; причемъ мѣсто царя занимаетъ областной воевода.

По поводу Пасхи, вниманіе Олеарія привлекъ къ себѣ общій обычай христосованія, сопровождаемаго дареніемъ крашеныхъ яицъ. Самъ царь усердно исполняетъ этотъ обычай по отношенію къ своимъ придворнымъ чинамъ и служителямъ. Мало того, въ ночь подъ Свѣтлое Воскресеніе, прежде чѣмъ отправиться въ церковь, онъ посѣ-

щаетъ темницы, гдѣ одѣляетъ заключенныхъ яйцомъ и бараньимъ тулупомъ. Оборотную сторону Святой недѣли составляетъ ревностное посѣщеніе кабаковъ и другихъ питейныхъ лавочекъ и духовными, и свѣтскими людьми, мужчинами и женщинами. Многіе на Святой и на Масляной недѣлѣ такъ напиваются, что падаютъ на улицахъ; родственники хлопочутъ увезти ихъ домой, потому что на утро, нерѣдко, таких свалившихся находятъ убитыми и донага ограбленными отъ воровъ и разбойниковъ. Эти воры и разбойники дѣлали небезопасными московскія улицы, особенно по ночамъ. Ихъ многочисленность Олеарій объясняетъ обиліемъ и праздностію холоповъ, наполнявшихъ дворы знатныхъ людей: получая слишкомъ малыя деньги себѣ на прокормъ, они обращаются къ воровству и грабежамъ. Дерзость ихъ простиралась до того, что иногда они нападали и среди бѣлаго дня. Въ примѣръ сего Олеарій приводитъ Гартмана-Грамана, помянутаго выше одного изъ главныхъ царскихъ врачей: однажды разбойники днемъ напали на него, и хотѣли уже отрѣзать ему палецъ, на которомъ онъ носилъ перстень съ печатью; но такъ какъ это случилось у воротъ одного знакомаго врачу боярина, то послѣдній выслалъ своихъ слугъ, которые и спасли Грамана. По ночамъ же, обыватели, слыша на улицѣ крики о помощи, обыкновенно остаются глухи, боясь отъ воровъ мести, которая выражалась грабежомъ, поджогомъ и убійствомъ. Впослѣдствіи противъ нихъ приняты были мѣры: по ночамъ запрещено выходить безъ фонаря; на всѣхъ перекресткахъ разставлялась стрѣлецкая или солдатская стража, которая и задерживала всякаго подозрительнаго человѣка, особенно тѣхъ, кто не имѣлъ фонаря, и отправляла ихъ въ Приказъ, гдѣ они подвергались допросу, а иногда и пыткѣ.

Относительно холоповъ и вообще крѣпостныхъ людей Олеарій подмѣтилъ извѣстную черту, т.-е. что они очень привычны къ рабству и менѣе всего жаждутъ свободы; отпущенные по чему-либо на волю, они по причинѣ бѣдности, спѣшатъ снова закабалиться кому-либо за извѣстную плату. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что теперь отецъ не можетъ продать своего сына въ рабство; но за долгъ онъ можетъ закабалить или отдать своихъ дѣтей въ услуженіе на извѣстное число лѣтъ, т.-е. пока они не отработаютъ этого долга. Ученый Голштинецъ, говоря вообще о простомъ народѣ, погруженномъ въ рабство, замѣчаетъ слѣдующее: „Хотя изъ любви къ господамъ своимъ простолюдины могутъ сносить и вытерпливать многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, тогда возбуждается опасное возмущеніе, ко-

торое грозитъ гибелью, если не высшему, то ближайшему ихъ начальству. Если однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то нелегко бываетъ усмирить ихъ; пренебрегая всѣми опасностями, они становятся способны на всякое насиліе и жестокость, и дѣлаются совершенно безумными людьми".

30 мая воспитатель царевича Алексѣя, Бор. Ив. Морозовъ, по царскому желанію, забавлялъ Голштинцевъ соколиною охотою въ окрестностяхъ Москвы; а послѣ охоты въ палаткѣ, разбитой на красивомъ лугу, угощалъ ихъ водкой, медомъ, пряниками, астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями. Спустя ровно мѣсяцъ послѣ того, т.-е. 30 іюня Голштинское посольство у Симонова монастыря передъ вечеромъ сѣло на судно, и поплыло внизъ рѣкой Москвой. Тотъ же Б. И. Морозовъ пріѣхалъ проститься съ нимъ; для чего привезъ разные дорогіе напитки; его сопровождали музыканты, игравшіе на трубахъ веселыя пѣсни. Получивъ отъ пословъ въ подарокъ серебряную чару, бояринъ, сѣлъ въ ихъ судно, и тутъ съ ихъ свитою пилъ и бражничалъ до утра; на прощаньи глаза его слезились отъ избытка чувствъ и вина. 2 іюля къ вечеру посольство достигло Коломны, и отсюда начало спускаться по Окѣ, а 11 прибыло въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и пересѣло на собственный, довольно большой, трехмачтовый корабль, выстроенный голштинскимъ мастеромъ съ помощью русскихъ плотниковъ изъ сосновыхъ досокъ и названный въ честь герцога Фридрихомъ. Тутъ послы пробыли около трехъ недѣль, пока корабль окончательно снаряжался и приготовлялся къ плаванію. Въ Нижнемъ оказалась кирка и цѣлая лютеранская община, почти въ 100 человѣкъ, которую составляли иноземные офицеры, находившіеся на царской службѣ, ремесленники и торговцы; часть этихъ иноземцевъ занималась пивовареніемъ, винокуреніемъ и держала въ арендѣ кабаки.

Нижегородскимъ воеводою въ то время былъ Василій Петровичъ Шереметевъ, племянникъ Ѳедора Ивановича. За вниманіе къ ихъ людямъ, строившимъ корабль, послы поднесли ему подарокъ, цѣною въ 100 рейхсталеровъ или 50 рублей. Воевода оказался человѣкомъ вѣжливымъ, привѣтливымъ и державшимъ весьма приличную обстановку. Онъ пригласилъ посольство къ себѣ на угощенье. На дворѣ Голштинцевъ встрѣтили два человѣка и провели между разставленными по обѣимъ сторонамъ слугами до лѣстницы. Въ передней ихъ приняли два почтенные старика и проводили въ покой, убранный коврами, занавѣсами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоялъ

здѣсь одѣтый въ кафтанъ изъ золотой парчи и окруженный многими лицами, также въ богатыхъ кафтанахъ. Онъ сказалъ посламъ привѣтственную рѣчь; потомъ пригласилъ ихъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за здоровье Его Царскаго величества, Его Герцогской свѣтлости, а также и его посольства. Угощеніе состояло изъ медовыхъ пряниковъ, отличной водки и различныхъ видовъ меду, и сопровождалось пріятными, содержательными разговорами со стороны хозяина, что немало удивило гостей, при ихъ предубѣжденіи въ отношеніи къ Русскимъ вообще.

30 іюля Голштинское посольство покинуло Нижній и поплыло внизъ по Волгѣ. Его корабль, имѣвшій 120 футовъ длины, былъ плоскодонный, сидѣлъ въ водѣ только 7 футовъ и вообще былъ приспособленъ къ плаванію по этой великой русской рѣкѣ, уже тогда обильной мелями и перекатами; на случай безвѣтрія онъ былъ снабженъ 24 веслами, чтобы можно было идти безъ парусовъ. Но такъ какъ уровень воды въ это время года значительно понизился, то путешественникамъ пришлось часто бороться съ мелями, и первые дни они очень медленно подвигались впередъ. Олеарій по сему пути упоминаетъ встрѣчные струги, плывшіе съ низу и нагруженные солью, икрою и рыбой, селенія, виднѣвшіяся по берегамъ, и небольшіе города, каковы: Васильсурскъ, Козмодемьянскъ, Чебоксары, Кокшайскъ и Свіяжскъ. Эти города, снабженные обыкновенно деревянными стѣнами и башнями, были заняты военными гарнизонами, державшими въ повиновеніи Татаръ и другихъ инородцевъ сего края. Спустя двѣ недѣли по выѣздѣ изъ Нижняго, путники достигли Казани. Она представляла сравнительно большой и также деревянный городъ, населенный Татарами и Русскими; но внутренній городъ или кремль былъ укрѣпленъ толстою каменною стѣною съ пушками, и ни одинъ Татаринъ сюда не допускался. Подъ Казанью Голштинцы застали судовой персидскій и черкесскій караванъ, который ранѣе ихъ выѣхалъ изъ Москвы. Въ этомъ караванѣ находились персидскій купчина, бывшій посланникомъ отъ шаха къ царю, и черкесскій князь Муцалъ изъ города Терки, получившій отъ царя по смерти своего брата его владѣніе. (Этотъ вассальный или служилый мусульманскій князь, по словамъ Олеарія, будто бы былъ племянникомъ извѣстнаго Ивана Борисовича Черкасскаго; въ дѣйствительности онъ приходился племянникомъ Дмитрія Мамстрюковича). Воеводою казанскимъ на ту пору былъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, родной братъ Нижегородскаго. Послы поднесли ему пер-

стень съ большимъ рубиномъ. Но тутъ корабль простоялъ только день съ чѣмъ то, и двинулся далѣе.

За Казанью берега Волги сдѣлались болѣе пустынны; мѣстами виднѣлись уединенные дворы или „кабаки", вѣроятно существовавшіе по преимуществу для продажи крѣпкихъ напитковъ судовому рабочему люду. Отъ Казани до Самары, на пространствѣ 350 верстъ, путники видѣли только одинъ городъ, Тетюши, до того незначительный, что онъ былъ окруженъ даже не стѣною, а частоколомъ или тыномъ. Ниже его повстрѣчали воеводу города Терки, который плылъ на 8 судахъ, въ сопровожденіи сильнаго стрѣлецкаго конвоя; послѣ обычнаго трехлѣтняго воеводства онъ возвращался въ Москву. Его стрѣльцы сообщили Голштинцамъ, будто до 3.000 казаковъ поджидаютъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Если на дальнѣйшемъ пути по Волгѣ бороться съ мелями приходилось рѣже и легче, за то на передній планъ выступила опасность отъ разбоя волжскихъ казаковъ, и весь этотъ путь сопровождался постоянными страхами и всякими военными предосторожностями. Голштинскій корабль былъ снабженъ пушками, порохомъ, желѣзными и каменными ядрами; для стражи заранѣе нанято нѣкоторое количество солдатъ и вся посольская свита вооружена мушкетами, учреждены постоянные и правильно смѣнявшіеся караулы; такимъ образомъ корабль всегда былъ готовъ выдержать и отразить нападеніе казачьихъ лодокъ съ ихъ плохо вооруженной и безпорядочной толпой. Олеарій между прочимъ указываетъ и на знаменитый разбойничій притонъ, рѣчку Усу на Самарской лукѣ; причемъ передаетъ, что въ предыдущемъ году казаки захватили здѣсь цѣлое судно, принадлежавшее богатѣйшему нижегородскому купцу. Близъ этой рѣчки онъ видѣлъ Соляную гору, гдѣ изъ копей добывалось огромное количество соли, которую отправляли отсюда вверхъ по Волгѣ и въ Москву. (Это, повидимому, берега сосѣдней рѣчки Усолки съ ея соляными ключами).

По всей вѣроятности принятыя Голштинцами предосторожности, постоянная вооруженная сила и постоянная готовность къ бою избавили ихъ отъ нападенія; ибо казаки — разбойники дѣйствовали съ расчетомъ и послѣ предварительныхъ развѣдокъ. Такъ посольство получило увѣдомленіе, что на его кораблѣ въ числѣ русскихъ рабочихъ и гребцовъ замѣшалось четверо такихъ казаковъ. А на Овечьемъ броду (на пути между Самарою и Саратовымъ) путешественники встрѣтили двухъ рыбаковъ, которые разсказывали, что еще за восемь дней до того ограбившіе ихъ казаки говорили

объ имѣющемъ быть проходѣ большого корабля, принадлежащаго Нѣмцамъ. О Саратовѣ Олеарій замѣчаетъ только, что онъ лежитъ при рукавѣ Волги въ 4-хъ верстахъ отъ ея главнаго теченія и что онъ заселенъ одними стрѣльцами, которые оберегаютъ край отъ Калмыковъ; послѣдніе кочевали отъ сихъ мѣстъ до Яика и Каспійскаго моря.

Далѣе по пути къ Царицыну голштинскій корабль соединился съ помянутымъ выше персидско-черкесскимъ караваномъ, среди котораго находился русскій посланникъ къ персидскому шаху. Олеарій называетъ его Алексѣй Савиновичъ Романчиковъ, и сообщаетъ, что сей посланникъ былъ чиновникъ лѣтъ 30, умный, ловкій и очень любознательный, такъ что впослѣдствіи, во время совмѣстнаго пребыванія въ Персіи и обратнаго пути, онъ научился у Голштинцевъ латинскому языку и употребленію астролябіи. Персидско-черкесскій караванъ сопровождали болѣе 400 конвойныхъ стрѣльцовъ. Во время плаванія всѣ эти посольства, купно съ княземъ Муцаломъ, взаимно посѣщали и угощали другъ друга. Городъ Царицынъ оказался также заселеннымъ одними стрѣльцами, которые держали стражу противъ Ногайскихъ татаръ и казаковъ и должны были охранять проходящія суда. Но и сами стрѣльцы терпѣли отъ разбойниковъ. По словамъ Олеарія, вотъ что случилось незадолго до прибытія Голштинцевъ. Казаки замѣтили, что жены и дочери царицынскихъ стрѣльцовъ ежедневно отправляются на одинъ большой островъ доить коровъ, и иногда безъ охраны. Тогда они выбрали удобное время, захватили женщинъ и подвергли насилію, а потомъ отослали ихъ домой къ стрѣльпамъ. Въ 10 верстахъ за Царицынымъ путники видѣли на высокомъ берегу висѣлицу, на которой мѣстный воевода вѣшаетъ разбойниковъ-казаковъ. Отъ этого города вплоть до Каспійскаго моря идетъ страна пустынная, песчаная и безплодная, такъ что лежащій ниже городъ Черный Яръ и сама Астрахань получаютъ весь хлѣбъ по Волгѣ изъ другихъ мѣстъ, преимущественно изъ Казани. Черный Яръ былъ огороженъ крѣпкимъ досчатымъ заборомъ съ 8-ю башнями и также населенъ былъ одними сторожевыми стрѣльцами. Противъ каждаго угла этого городка въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него стояли караульни, утвержденныя на 4-хъ высокихъ столбахъ; изъ нихъ стрѣльцы наблюдали окрестную страну, которая имѣетъ совершенно ровную поверхность безъ единаго кустарника. Самый этотъ городокъ построенъ по слѣдующему поводу. По Волгѣ въ тѣхъ мѣстахъ плылъ большой караванъ съ полутора

тысячами народу и со стрѣлецкимъ конвоемъ. Замѣтивъ, что судно со стрѣльцами шло впереди на разстояніи ружейнаго выстрѣла, казаки спрятались на берегу именно тамъ, гдѣ Волга имѣетъ наиболѣе быстрое теченіе. Они дали стрѣльцамъ проплыть мимо, а затѣмъ напали на караванъ, успѣли разграбить его и перебить половину его людей прежде, чѣмъ стрѣльцы, задержанные теченіемъ, могли придти на помощь. Казаки поспѣшили къ берегу, сѣли на коней и ускакали.

Разумѣется, путешествуя по Волгѣ, иноземцы болѣе всего могли наблюдать ея рыбное богатство и самимъ извѣдать всѣ его разнообразныя породы. Такъ, когда они миновали Черный Яръ, то вечеромъ нѣсколько рыбаковъ привезли имъ на корабль огромнаго жирнаго карпа, вѣсомъ въ 30 фунтовъ, и 8 другихъ большихъ рыбъ; причемъ рыбаки отказались отъ всякаго денежнаго вознагражденія на томъ основаніи, что эта часть Волги находилась на откупу у одного московскаго крупнаго купца, который подвергъ бы ихъ тяжкому взысканію, если бы узналъ, что они продали хотя одну маленькую рыбку. Путешественники дали рыбакамъ водки, и тѣ отплыли очень довольные. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Астрахани иноземцы встрѣтили двѣ барки, нагруженные крупнымъ мѣстнымъ виноградомъ, персиками и дынями; они купили нѣкоторое количество сихъ плодовъ и нашли ихъ превкусными. Во время плаванія по нижней Волгѣ Олеарій указываетъ на главные рукава, которые постепенно отъ нея отдѣлялись, и на множество образующихся отсюда острововъ. А по берегамъ виднѣлись большія стаи зобовыхъ гусей, которыхъ Русскіе называли бабами. 15 сентября рано поутру Голштинцы миновали рукавъ Бальчикъ, за 15 верстъ отъ Астрахани; а въ полдень достигли самаго города, и прибытіе свое возвѣстили залпомъ изъ пушекъ, что не мало удивило жителей, сбѣжавшихся на берегъ. Слѣдовательно путешествіе ихъ только по Волгѣ отъ Нижняго длилось полтора мѣсяца.

Внутри Астрахани на возвышенномъ мѣстѣ построенъ кремль съ каменными стѣнами и башнями; онъ вооруженъ будто бы 500-ми пушекъ и занятъ сильнымъ гарнизономъ; однихъ стрѣльцовъ здѣсь было 9 приказовъ, по 500 человѣкъ въ каждомъ. Въ самомъ городѣ (посадѣ) кромѣ Русскихъ пребываютъ Персіяне, Индійцы, Бухарцы, Армяне, Крымскіе и Ногайскіе татары. Всѣ эти народы ведутъ значительную торговлю разнаго рода товарами, такъ что однихъ пошлинъ собирается здѣсь въ царскую казну до 12.000 рублей. Тата-

рамъ однако не дозволяется имѣть постоянное жительство въ городѣ; а живутъ они за городомъ въ своихъ войлочныхъ кибиткахъ, и лѣтомъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто ради свѣжихъ пастбищъ для своего скота. Въ то время Ногайскіе татары сильно страдали отъ нападеній Калмыцкихъ ордъ, для обороны отъ которыхъ имъ выдавалось на извѣстный срокъ оружіе изъ русскихъ казенныхъ складовъ. Они имѣютъ собственныхъ начальниковъ и судей; но, для обезпеченія покорности, всегда нѣсколько ихъ князей и мурзъ содержались заложниками въ Астраханской крѣпости. До какой степени русское начальство здѣсь относилось ко всему осторожно и даже подозрительно, Голштинское посольство испытало само на себѣ. Хотя послы, первымъ дѣломъ, поднесли въ подарокъ большой бокалъ главному воеводѣ (которымъ тогда былъ окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Волынскій), однако воевода, соблюдая наружную вѣжливость, имѣлъ зоркое наблюденіе какъ за ними, такъ и за другими посольствами, и вообще не стѣснялся выказывать свою власть передъ иноземцами. Въ Астрахани Голштинцы, имѣя въ виду предстоявшее путешествіе въ Персію, особенно старались сблизиться съ помянутымъ выше персидскимъ посольствомъ и съ мѣстными персидскими купцами. Тутъ общительность и любезность (даже льстивость) Персіянъ невольно бросались имъ въ глаза „послѣ грубости Русскихъ". Двое богатѣйшихъ персидскихъ купцовъ устроили имъ торжественный пріемъ и роскошное угощеніе. Вмѣстѣ съ Голштинскимъ посольствомъ на пріемѣ присутствовали персидскіе и польскіе послы; послѣдніе возвращались изъ Персіи и по своему званію принадлежали къ монашескимъ орденамъ. Но сюда же явились два русскихъ чиновника, знавшіе персидскій языкъ, конечно для наблюденія за тѣмъ, что будетъ говориться. Одинъ изъ двухъ голштинскихъ пословъ, Бругманъ, желая угодить хозяевамъ, началъ бранить Турокъ, съ которыми Персія тогда была въ непріязни, а Москва, наоборотъ, дружила. Персы, какъ ловкіе дипломаты, тотчасъ попросили Бругмана оставить этотъ разговоръ и перейти на другой предметъ. Латинскіе же монахи были удалены съ этого пира по распоряженію воеводы. Одинъ ногайскій мурза хотѣлъ угостить Голштинцевъ соколиною охотою; но воевода не дозволилъ.

Названный сейчасъ посланникъ Бругманъ, отличавшійся вообще грубымъ, сварливымъ характеромъ, во время предыдущаго плаванія очень дурно обращался съ состоявшимъ при посольствѣ русскимъ приставомъ, котораго Олеарій называетъ Родіономъ Матвѣеви-

чемъ. Этотъ приставъ въ Астрахани пожаловался воеводѣ. По сему поводу секретарь посольства принужденъ былъ въ воеводской канцеляріи выслушать выговоръ съ замѣчаніемъ, что посланникъ не имѣлъ права неприличными словами ругать царскаго чиновника, а въ случаѣ какой вины со стороны послѣдняго долженъ былъ принести на него жалобу начальству.

Въ Астрахани Олеарій познакомился съ замѣчательнымъ монахомъ, положившимъ начало мѣстнымъ виноградникамъ. Персидскіе купцы какъ-то привезли сюда виноградныя лозы. Монахъ посадилъ ихъ у себя въ загородномъ монастырѣ. Когда же онѣ принялись и стали хорошо рости, тогда по приказанію Михаила Ѳеодоровича монахъ развелъ цѣлый виноградникъ; а по его примѣру потомъ и другіе астраханскіе граждане стали при своихъ домахъ заводить такіе же сады. Во время Олеарія Астраханцы выдѣлывали уже столько вина, что нѣсколько десятковъ бочекъ его ежегодно доставляли въ Москву; а главнымъ виноградаремъ у нихъ явился нѣкій Ботманъ, обучавшійся въ Готторпѣ у придворнаго герцогскаго садовника.

Когда путешественникъ видѣлъ помянутаго монаха, послѣднему было 105 лѣтъ отъ роду. Онъ происходилъ изъ Австріи (вѣроятно изъ австрійскихъ Славянъ), мальчикомъ былъ взятъ въ плѣнъ, попалъ въ Россію, гдѣ его перекрестили въ православіе и отослали на житье въ Астраханскій монастырь, въ которомъ впослѣдствіи сдѣлали настоятелемъ. Свое долголѣтіе онъ объяснялъ вообще здоровымъ климатомъ страны и говорилъ, что въ ней много очень старыхъ людей.

Астраханью мы закончимъ свое извлеченіе изъ Олеаріевыхъ записокъ о путешествіи Голштинскаго посольства по Россіи. ([19]).

XII.

УСПѢХИ ЦЕРКОВНОЙ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ И МИТРОПОЛИТЪ ПЕТРЪ МОГИЛА.

Потѣй какъ уніатскій митрополитъ.—Виленское Святодуховское братство.—Архимандритъ Сенчило.—Рутскій и Кунцевичъ.—Задворный судъ.—Покушеніе на жизнь Потѣя.—Кончина Гед. Балабана.—Продолженіе литературной борьбы.—Мелетій Смотрицкій и его Ѳриносъ.—Рутскій какъ преемникъ Потѣя.—Плетенецкій.—Кіевское братство.—Гулевичевна и Богоявленская школа.—Сеймовая рѣчь о бѣдственномъ состояніи Западнорусской церкви.—Возобновленіе православной іерархіи.—Іовъ Борецкій.—Фанатизмъ Кунцевича и его убіеніе.—Усилившіяся гоненія.—Отступничество Смотрицкаго и его Апологія.—Петръ Могила и Кіевскій соборъ 1628 г.—Просвѣтительная дѣятельность П. Могилы, какъ Печерскаго архимандрита.—Исаія Копинскій.—Перемѣна церковвой политики при Владиславѣ IV.—П. Могила какъ Кіевскій митрополитъ.—Примирительные планы новаго короля.—Варшавскій сеймъ 1635 г.—Распредѣленіе церквей и происшедшія отсюда столкновенія.—Кіево-Могилянская коллегія.—Соборъ 1640 г.—Литосъ.—Требникъ.—Отступничество Іереміи Вишневецкаго.—Посольство П. Могилы къ ц. Михаилу Ѳеодоровичу.—Кончина Могилы.—Гоненія въ Полоцкѣ.—Грубыя суевѣрія.—Аѳанасій Филипповичъ.—Значеніе вѣроисповѣдной борьбы въ Западной Руси.

Церковно-политическій пожаръ, зажженый въ Брестѣ іезуитской интригой и ограниченнымъ, фанатичнымъ королемъ, въ теченіе первой половины XVII столѣтія распространился на обѣ части Западной Руси, т.-е. на сѣверозападную или великое княжество Литовское и на югозападную или Кіевщину, Волынь, Галицію и прочія русскія области, вошедшія въ составъ Польской короны. Вопросъ объ исходѣ жаркой борьбы православія съ уніей рѣшался, конечно, въ главныхъ средоточіяхъ той и другой части, т.-е. въ Вильнѣ и Кіевѣ.

Уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй энергично стремился къ тому, чтобы всѣ виленскіе православные храмы отобрать на унію и совсѣмъ изгнать изъ нихъ православное богослуженіе. Но онъ встрѣтилъ дѣятельное сопротивленіе со стороны Троицкаго братства, которое отнынѣ вѣрнѣе называть Святодуховскимъ; ибо изъ Троиц-

каго монастыря оно перешло по сосѣдству и устроилось при церкви Св. Духа; сюда же перевело и свою школу. Тутъ оно учредило свой собственный братскій монастырь и имѣло своихъ особыхъ священниковъ, которые были посвящены большею частію львовскимъ епископомъ Гедеономъ и не признавали духовной власти Потѣя. Сей послѣдній позвалъ ихъ къ королевскому суду и добился ихъ банниціи или изгнанія; въ то же время онъ пытался отнять у братства его имущества и закрыть его школу. Не находя защиты у мѣстныхъ властей, братчики стали обращаться съ своими протестами къ сеймикамъ, а чрезъ нихъ и къ генеральнымъ сеймамъ, и добивались права, чтобы ихъ тяжбы были разбираемы не задворнымъ (королевскимъ) судомъ, а трибунальнымъ. Въ числѣ этихъ братчиковъ находились еще нѣкоторыя значительныя лица, напримѣръ, князья Огинскіе и смоленскій воевода Абрамовичъ, которые, пользуясь правомъ патронатства, отстояли имущества братства и Святодуховскую церковь, основанную ими и ихъ родственниками на привилегированной шляхетской землѣ.

Въ своей борьбѣ съ православіемъ Ипатій Потѣй съ особою силою напиралъ на то измышленіе, по которому унія будто-бы не составляла какаго-либо нововведенія, а существовала издавна, т.-е. будто-бы русская іерархія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ всегда признавала надъ собою папскую власть. Такое измышленіе онъ даже пытался доказывать историческими документами. Такъ въ 1605 году уніатскій митрополитъ лично прибылъ въ Виленскую ратушу со старою славянскою рукописью въ рукахъ и показывалъ ее бурмистрамъ и райцамъ. Эта писанная уставомъ рукопись, по его словамъ, была найдена въ Кревской церкви; она заключала описаніе Флорентійскаго собора и кромѣ того униженное посланіе кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV, написанное въ 1476 году. По просьбѣ Потѣя члены ратуши (большею частію католики и уніаты) своими подписями засвидѣтельствовали древность и подлинность рукописи, которую онъ потомъ напечаталъ, но не церковно-славянскимъ, а латино-польскимъ шрифтомъ. Этотъ документъ въ сущности указывалъ только на нѣкоторыя прежнія и притомъ неудавшіяся попытки къ уніи; тѣмъ не менѣе Потѣй считалъ вопросъ рѣшеннымъ, и на томъ же основаніи устроилъ при Троицкомъ монастырѣ свое уніатское братство, утверждая, что оно-то и есть продолженіе или наслѣдникъ древняго, одареннаго королевскими привилегіями и разными имуществами, а что Святодуховскіе

братчики суть отступники отъ него, не имѣющіе никакихъ юридическихъ основаній. Во главѣ этого уніатскаго братства стало такое значительное лицо, какъ новгородскій воевода Ѳедоръ Скуминъ Тышкевичъ, извѣстный отступникъ отъ православія. Однако попытки уніатовъ отнять у Святодуховскаго братства дома и другое имущество, вмѣстѣ съ королевскими грамотами, не удались. Король хотя и ревностно помогалъ уніатамъ, однако далеко не все могъ сдѣлать при своей ограниченной власти. Къ тому же разразившееся около того времени возстаніе Зебжидовскаго побудило его хотя бы временными уступками успокоить негодующее православное населеніе. Генеральные сеймы, по интригамъ королевско-іезуитской партіи, уже не одинъ разъ отлагали до будущей сессіи свое рѣшеніе по жалобамъ православныхъ на чинимыя имъ притѣсненія, имущественныя и вѣроисповѣдныя. Но въ 1607 году, подъ впечатлѣніемъ названнаго возстанія, сеймъ подтвердилъ старыя права православной церкви и верховную власть надъ нею Константинопольскаго патріарха; при чемъ поставилъ эти права подъ охрану суда Трибунальнаго; а тяжебныя дѣла о церковныхъ и духовныхъ имуществахъ предоставилъ вѣдать обычнымъ мѣстнымъ судамъ, и отмѣнилъ введенные было смѣшанные суды (compositi judicii), которые состояли наполовину изъ свѣтскихъ, наполовину изъ католическихъ духовныхъ лицъ, и конечно дѣйствовали противъ православія въ пользу уніи.

Въ эту эпоху успѣхи уніи замедлились. Православные вступили съ нею въ болѣе активную борьбу и громко заявляли, что Ипатій Потѣй, какъ ослушникъ своего владыки Константинопольскаго патріарха отлученный отъ церкви, не можетъ быть епископомъ Владимірскимъ, а тѣмъ менѣе митрополитомъ Кіевскимъ, и потому необходимо поставить настоящаго, православнаго митрополита, чтобы Русская церковь не оставалась безъ своего законнаго архипастыря. Даже въ средѣ уніатскаго духовенства произошли нѣкоторыя отпаденія и возвращеніе къ православію. Особенно много хлопотъ Потѣю надѣлали виленскіе архимандритъ Сенчило и протопопъ Жашковскій.

Родомъ виленскій мѣщанинъ, Самуилъ Сенчило былъ монахомъ Супрасльскаго монастыря. Вмѣстѣ съ его настоятелемъ княземъ Масальскимъ, онъ противился введенію уніи, за что былъ изгнанъ патрономъ этого монастыря Іеронимомъ Ходкевичемъ. Вскорѣ потомъ онъ раскаялся и былъ принятъ въ Троицкій виленскій монастырь,

гдѣ своимъ смиреніемъ снискалъ расположеніе Потѣя. Послѣдній возвелъ Сенчила въ санъ архимандрита и поручилъ ему управленіе какъ монастыремъ, такъ и всѣми его имуществами и землями; ибо, съ согласія и съ помощью короля, уніатскій митрополитъ добился того, что виленскіе бурмистры были устранены отъ всякаго вмѣшательства въ это управленіе (1605 г.). Около того же времени во главѣ бѣлаго виленскаго духовенства появился Варѳоломѣй Жашковскій. Родомъ Галичанинъ, онъ состоялъ безженнымъ священникомъ въ городѣ Ярославлѣ, Перемышльской епархіи. Уличенный въ любовной связи, онъ былъ мѣстнымъ епископомъ отлученъ священства; послѣ разныхъ скитаній, принялъ унію и обратился къ покровительству Потѣя. Какъ бойкаго, краснорѣчиваго проповѣдника, Потѣй возвелъ его въ достоинство протопопа Пречистенскаго собора и намѣстника своего надъ Виленскимъ бѣлымъ духовенствомъ, взявъ съ него письменное обязательство не измѣнять ему, митрополиту, и уніи.

Но вскорѣ самъ Потѣй измѣнилъ своему довѣрію къ симъ двумъ лицамъ и возвысилъ надъ ними своего новаго любимца, Іосифа Велямина Рутскаго.

Этотъ Рутскій, которому судьба готовила большую роль въ исторіи уніи, былъ происхожденіемъ изъ Московской Руси, сынъ воеводы Вельяминова, подобно Курбскому передавшагося непріятелямъ во время войны Ивана Грознаго съ Сигизмундомъ Августомъ (1568) и награжденнаго отъ короля помѣстьями; по одному изъ нихъ, Руту (въ Новогродскомъ воеводствѣ), онъ получилъ названіе Рутскаго. Въ молодости своей Іосифъ обнаружилъ охоту къ ученію и увлекался протестантизмомъ; но попалъ въ руки іезуитовъ и отправился для довершенія своего образованія въ Римъ. Въ виду выдающихся способностей, іезуиты отклонили явный переходъ его въ католичество; они разсчитывали сдѣлать изъ него ревностнаго, полезнаго для уніи дѣятеля, и не ошиблись. Потѣй желалъ преобразовать русскіе монастыри въ духѣ католическихъ орденовъ, по образцу греко-уніатской конгрегаціи св. Василія въ Римѣ. Когда Рутскій воротился въ отечество, іезуиты указали на него Потѣю какъ на человѣка вполнѣ знакомаго съ устройствомъ этой конгрегаціи. Потѣй самъ постригъ его въ иноки (1606), помѣстилъ въ Троицкомъ монастырѣ, и поручилъ ему вѣдѣніе новооткрытою монастырскою школою вмѣстѣ съ надзоромъ за послушниками и молодыми монахами.

Здѣсь, въ Троицкомъ монастырѣ, Рутскій сошелся и подружился съ другимъ будущимъ знаменитымъ дѣятелемъ уніи, Іосафатомъ Кунцевичемъ. Послѣдній былъ родомъ изъ Владиміра Волынскаго, сынъ сапожника. Отецъ думалъ сдѣлать изъ него торговца и помѣстилъ его на службу къ одному виленскому купцу. Но молодой Иванъ Кунцевичъ любилъ читать книги и сталъ посѣщать уроки іезуитской академіи, чтобы пополнить свое скудное образованіе. Наконецъ, отдаваясь влеченію къ церкви, онъ вступилъ въ Троицкій монастырь и принялъ постриженіе отъ самого Потѣя, который нарекъ его Іоасафомъ (1604). Руководители-іезуиты направили его, также какъ и Рутскаго, не въ католичество, а именно въ унію, предуготовляя въ немъ ревностнаго ея подвижника. Кунцевичъ не владѣлъ такою ученостію и такимъ изворотливымъ умомъ, какъ его другъ Рутскій, но превосходилъ его своею дерзостію и пламеннымъ краснорѣчіемъ, благодаря которому онъ такъ успѣшно потомъ совращалъ православныхъ въ унію, что получилъ отъ нихъ прозваніе „душехвата".

Пребывая самъ въ своей Владимірской епархіи, Потѣй назначилъ своего любимца Іосифа Рутскаго митрополичьимъ намѣстникомъ въ Виленской епархіи (1608). Дѣятельность его конечно наиболѣе почувствовалась въ самомъ городѣ Вильнѣ и бѣлымъ, и чернымъ духовенствомъ, а въ особенности Троицкимъ монастыремъ, доходы котораго митрополитъ отдавалъ въ его распоряженіе. Понятно, что такое назначеніе сильно задѣло интересы и самолюбіе какъ троицкаго архимандрита Сенчила, такъ и протопопа Жашковскаго. Они немедленно соединились для общей оппозиціи и начали возбуждать виленскихъ священниковъ къ непризнанію власти новаго намѣстника.

Со стороны виленскаго духовенства послѣдовали протесты противъ его назначенія, обращенные и въ русское отдѣленіе лавицы (часть магистрата), и къ самому Потѣю, и въ Виленскій гродскій судъ. Въ городѣ началось сильное волненіе. Тщетно призывая Сенчила къ своему суду, митрополитъ заочно приговорилъ его къ лишенію сана и отлученію отъ церкви. Въ отвѣтъ на этотъ приговоръ протестующіе вписались въ православное Святодуховское братство и объявили, что болѣе не признаютъ Потѣя своимъ архипастыремъ; ибо онъ самъ нарушилъ свою присягу: обязавшись не вводить никакихъ новыхъ порядковъ, противныхъ Восточной церкви, онъ, наоборотъ, сталъ постепенно подчинять ее духовнымъ латинскимъ властямъ,

назначилъ своимъ намѣстникомъ ксендза Рутскаго, который отказалъ въ повиновеніи своему архимандриту, и т. д. Такимъ образомъ большая часть виленскаго духовенства, принявшаго унію, отказывалась отъ нея и возвращалась въ православіе.

По одному не совсѣмъ достовѣрному разсказу, чтобы удалить Рутскаго изъ Троицкаго монастыря и очистить этотъ монастырь отъ уніатовъ, духовенство втайнѣ составило такой планъ: во время ночной службы съ 5 на 6 декабря собраться православнымъ братчикамъ въ возможно большемъ числѣ; архимандритъ Сенчило въ полномъ облаченіи соборнѣ, имѣя съ собою Рутскаго, выйдетъ для великаго славословія на средину церкви; тутъ онъ толкнетъ Рутскаго въ толпу, со словами: ,,иди вонъ, еретикъ''; а толпа подхватитъ его и выпроводитъ за дверь. Но участники сего заговора будто бы вздумали привлечь на свою сторону Кунцевича, и умоляли его оказать имъ свое содѣйствіе. Это обстоятельство погубило ихъ планъ. Кунцевичъ предупредилъ іезуитовъ и своего друга. Разумѣется, противъ заговорщикомъ были приняты всѣ мѣры со стороны свѣтскихъ и духовныхъ (католическихъ) властей города; о чемъ усердно хлопоталъ присланный Потѣемъ въ Вильну его секретарь Мороховскій. Означенную ночь съ субботы на воскресенье магистратъ провелъ въ засѣданіи съ готовою стражей подъ рукой; цехи вооружились и расхаживали по улицамъ съ выстрѣлами и угрозами противъ православныхъ (святодуховскихъ) братчиковъ; подвоевода прислалъ изъ замка военный отрядъ въ Троицкій монастырь. Такимъ образомъ въ эту ночь здѣсь не произошло никакого движенія.

Тѣмъ не менѣе, вопреки назначенію Рутскаго настоятелемъ Троицкаго монастыря, Сенчило упорствовалъ и не хотѣлъ покинуть его, ссылаясь на королевскія привилегіи. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми священниками и свѣтскими представителями Святодуховскаго братства онъ явился на Варшавскомъ сеймѣ слѣдующаго 1609 года, и представилъ на его рѣшеніе свою распрю съ Потѣемъ. Напрасно сей послѣдній лично прибылъ въ Варшаву и повторялъ свою новую теорію о стародавности уніи и отщепенствѣ православныхъ. Настроенный не въ пользу королевско-іезуитской партіи, сеймъ подтвердилъ тѣ постановленія, которыя были сдѣланы два года тому назадъ. Отпаденіе священниковъ отъ уніи изъ Вильны распространилось и на другія города. Положеніе ея казалось критическимъ. Но король, возбуждаемый папскимъ нунціемъ, энергично поспѣшилъ

ей на помощь. Вопреки сеймовому постановленію, онъ выдалъ Потѣю грамоты, приказавшія отобрать Пречистенскій соборъ и другія виленскія церкви у непослушныхъ священниковъ; особыми декретами назначилъ Рутскаго архимандритомъ Троицкаго монастыря, а Сенчила объявилъ баннитомъ, т.-е. осудилъ на изгнаніе. Православное населеніе Вильны волновалось и готово было силою воспротивиться этимъ декретамъ. Православные члены ратуши, державшіе сторону Святодуховскаго братства, подали въ Трибунальный судъ жалобу на незаконныя дѣйствія Потѣя и Рутскаго. Но послѣдніе отказались явиться передъ нимъ и требовали суда, смѣшаннаго изъ равнаго числа свѣтскихъ членовъ трибунала и духовныхъ лицъ католической церкви. Несмотря на отказъ свѣтскихъ членовъ, духовныя лица собрались и постановили приговоръ въ пользу Потѣя и Рутскаго. Главный трибуналъ кассировалъ ихъ рѣшеніе. Тогда уніатская іерархія обратилась къ задворному или асессорскому суду, т.-е. къ суду самого короля, который въ это время прибылъ въ Вильну, отправляясь въ свой знаменитый походъ подъ Смоленскъ.

Королевскій или задворный судъ составился изъ нѣсколькихъ сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Этотъ судъ отмѣнилъ приговоръ Трибунальнаго суда. Затѣмъ привлекли къ суду за подстрекательство народа къ неповиновенію и за оскорбленіе величества двухъ членовъ ратуши и вмѣстѣ Святодуховскаго братства, Ивана Тупеку и Исаака Кононовича, и приговорили ихъ къ смертной казни. Король смягчилъ наказаніе и только навсегда отрѣшилъ ихъ отъ общественныхъ должностей. Ипатій Потѣй также прибылъ въ Вильну. Королевскій дворянинъ съ вооруженнымъ отрядомъ отправился къ Пречистенскому собору, отбилъ замки и ввелъ въ него Потѣя, которому передалъ и церковную казну, и митрополичій домъ. Потомъ такимъ же способомъ постепенно были отобраны у православныхъ и другія виленскія церкви, числомъ до 15, и переданы уніатскому митрополиту со всѣми ихъ скарбами; между прочимъ передали ему икону Богоматери (Остробрамской), почитаемую за чудотворную. Эта святыня хранилась въ Перенесенскомъ храмѣ св. Николая, и со стороны уніатовъ было опасеніе, чтобы протоіерей Жашковскій при своемъ бѣгствѣ изъ Вильны не похитилъ иконы вмѣстѣ съ другими тамъ же сохранявшимися драгоцѣнностями. Убѣдясь въ ихъ цѣлости и поклонившись образу Богородицы, Ипатій Потѣй изъ этого храма отправился въ домъ католическаго епископа, гдѣ остановился папскій нунцій, Франческо

Симонетта,—чтобы принести ему свою благодарность за усердное содѣйствіе дѣлу уніи.

Въ дорогой сутанѣ съ золотымъ крестомъ на груди и съ архипастырскою тростью въ правой рукѣ, Потѣй съ гордою самодовольною осанкою возвращался отъ нунція (11 августа 1609 г.). Но когда онъ проходилъ по рынку и поравнялся съ ратушею, вдругъ какой-то гайдукъ бросился на него и замахнулся саблею. Потѣй невольно поднялъ лѣвую руку. Мгновенно два пальца этой руки были отрублены, затѣмъ сабля опустилась на шею; но золотая цѣпь, на которой висѣлъ крестъ, ослабила ударъ, и на шеѣ осталась только царапина. Гайдукъ былъ тотчасъ схваченъ свитою Потѣя и жестоко избитъ. Раненаго іерарха отнесли въ ближній домъ; сюда немедленно прибыли король и нѣкоторые вельможи съ выраженіями своего участія. Велеминъ Рутскій отслужилъ благодарственный молебенъ за сохраненіе жизни Потѣя, причемъ его отрубленные пальцы положилъ на алтарѣ Троицкой церкви. Несмотря на страшныя пытки, преступникъ не указалъ никакихъ соумышленниковъ, утверждая, что онъ одинъ рѣшился на такое дѣло по ревности къ своей вѣрѣ, мстя митрополиту за отобраніе церквей у православныхъ. Затѣмъ его казнили.

Тщетно приспѣшники Потѣя старались набросить на Святодуховское братство подозрѣніе въ соучастіи этому преступленію. Никакихъ уликъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе сіе событіе ясно обнаружило сильное возбужденіе, въ какомъ находилось тогда православное населеніе Бѣлорусскаго края. Однако никакого взрыва не послѣдовало. Только въ слѣдующемъ 1610 году мрачное народное настроеніе совпало со страшнымъ пожаромъ, который 21 іюня истребилъ центральную, самую лучшую часть Вильны; причемъ сгорѣли богатые католическіе монастыри, Францисканскій и Доминиканскій, католическая семинарія, іезуитская коллегія, каѳедральный костелъ св. Станислава, соборъ кальвинистовъ, еврейская синогога и нѣсколько церквей изъ числа отобранныхъ на унію. Погорѣвшія части города вскорѣ вновь отстроились и оправились; но съ пожаромъ погибло много памятниковъ мѣстной русской старины. Ударъ, нанесенный въ предыдущемъ году православно-русскому элементу виленскаго населенія, навсегда подорвалъ его: католичество и унія торжествовали; вмѣстѣ съ ихъ торжествомъ быстрѣе пошло ополяченіе населенія. Въ Вильнѣ только Святодуховскій монастырь съ своимъ братствомъ неизмѣнно сохранялъ православіе. Архимандритъ

Сенчило послѣ долгой и тщетной борьбы съ Потѣемъ сдался и сталъ молить о прощеніи. Его мольбу поддержали самъ Рутскій, знатные вельможи Тризна и Скуминъ Тышкевичъ. Потѣй потребовалъ торжественнаго и письменнаго покаянія. Сенчило, вѣроятно, исполнилъ это требованіе. Потомъ мы видимъ его намѣстникомъ Супральскаго монастыря, уже обращеннаго въ унію.

Подобно тому какъ въ Вильнѣ, борьба православія съ уніей кипѣла и въ другихъ центрахъ Западной Руси съ перемѣннымъ успѣхомъ, но при явномъ перевѣсѣ уніи, которую поддерживали король и вообще свѣтскія власти Рѣчи Посполитой. Въ 1607 году скончался епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ, одинъ изъ главныхъ столповъ православія, въ теченіе десяти лѣтъ энергично отстаивавшій не только свою епархію отъ уніи, но и замѣнявшій для всей Западнорусской церкви православнаго митрополита, какъ экзархъ Цареградскаго патріарха. Подъ конецъ жизни онъ примирился съ Львовскимъ братствомъ, и за одно съ нимъ трудился надъ основаніемъ училищъ и типографій, надъ печатаніемъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ. По настояніямъ братства, преемникомъ Гедеона львовское духовенство избрало православнаго шляхтича Тиссаровскаго, который получилъ утвержденіе отъ короля, надѣявшагося на принятіе имъ уніи, но обманувшагося въ этой надеждѣ. Въ 1610 году скончался другой столпъ православія, перемышльскій епископъ Михаилъ Копыстенскій; его преемникомъ Ипатію Потѣю удалось поставить уніата Крупецкаго. Напрасно православное духовенство и паства не хотѣли признавать его своимъ пастыремъ и не пускать въ свои церкви и монастыри, даже подвергли его побоямъ. Съ помощью военныхъ людей онъ насильно водворился на этой каѳедрѣ и сталъ вводить унію ([20]).

Начавшаяся тотчасъ послѣ Брестскаго собора литературная борьба съ уніей дѣятельно продолжалась. Въ эпоху Ипатія Потѣя на этомъ поприщѣ со стороны православныхъ наиболѣе замѣчательными произведеніями являются слѣдующія: Во-первыхъ, „Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ“ (1603 года); здѣсь, подъ видомъ бесѣды двухъ лицъ, неизвѣстный авторъ излагаетъ различіе между православіемъ и католичествомъ, и доказываетъ конечно превосходство перваго. Во-вторыхъ, уже упомянутая выше „Перестрога“ (предостереженіе), искусно, съ знаніемъ дѣла написанная неизвѣстнымъ священникомъ во Львовѣ (1605 г.) и подробно раз-

сказывающая печальную исторію уніи. Особенно замѣчательна та часть этого сочиненія, гдѣ авторъ доказательно опровергаетъ преданіе католической церкви объ апостолѣ Петрѣ, какъ основателѣ христіанской общины въ Римѣ; причемъ обнаруживаетъ значительную эрудицію по отношенію къ св. Писанію и церковнымъ писателямъ. Въ третьихъ, знаменитый „Ѳриносъ“ Мелетія Смотрицкаго.

Отецъ его Герасимъ Смотрицкій, гродскій писарь Каменецкій, былъ человѣкъ очень образованный, а потому когда князь Константинъ—Василій Острожскій основалъ у себя въ Острогѣ гимназію (около 1580 г.), то упросилъ Герасима быть ея ректоромъ. Сюда же князь вызвалъ и ученаго грека Кирилла Лукариса. Подъ ихъ руководствомъ получилъ свое первоначальное образованіе Мелетій; въ этой школѣ онъ обучался языкамъ славянскому, греческому и латинскому. Обнаруживъ блестящія способности, мальчикъ по смерти отца поступилъ въ опеку князя Острожскаго, который отдалъ его для дальнѣйшаго образованія въ Виленскую іезуитскую коллегію. Потомъ онъ вмѣстѣ съ молодымъ княземъ Соломерецкимъ былъ отправленъ за границу, гдѣ довершилъ свое образованіе въ нѣмецкихъ протестантскихъ университетахъ. Такимъ образомъ онъ близко ознакомился съ католическимъ и протестантскимъ ученіемъ и съ европейскою наукою, оставаясь преданнымъ православію. Когда онъ воротился на родину, его поразило печальное состояніе Русской церкви и народности, угнетаемыхъ уніатами и католиками: Ипатій Потѣй въ это время торжествовалъ свою побѣду надъ православнымъ духовенствомъ. Межъ тѣмъ какъ русскіе горожане дѣлались уніатами, знатные или дворянскіе роды переходили прямо въ католицизмъ и примыкали къ польскимъ магнатамъ и шляхтѣ.

Смотрицкій излилъ свою скорбь цѣлой книгой, которую озаглавилъ „Ориносъ“ или „Плачъ единой апостольской Восточной церкви съ объясненіемъ догматовъ вѣры“, и издалъ ее въ Вильнѣ (1610 г.) на польскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Ѳеофила Ортолога. Тутъ въ лицѣ этой Восточной церкви онъ оплакиваетъ ея бѣдствія, обвиняя въ нихъ ея отступниковъ, въ томъ числѣ и Потѣя. Не ограничиваясь собственно плачемъ, онъ входитъ въ опроверженіе латинскаго ученія о папствѣ, исхожденіи Св. Духа, чистилищѣ, опрѣснокахъ, неполной евхаристіи и пр.; умоляетъ отступниковъ покаяться и воротиться къ своей родной матери, т.-е. Восточной церкви. Между прочимъ въ этомъ плачѣ находится слѣдующее, можно сказать, классическое мѣсто. Православная церковь, оплакивая потери своихъ луч-

шихъ сыновъ, ушедшихъ въ католичество, восклицаетъ: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей? Гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни той-же короны: князья Слуцкіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Красинскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и прочіе, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности—гдѣ древніе, знатные, мощные, въ цѣломъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?“

Краснорѣчивый „Плачъ“ произвелъ большое впечатлѣніе на современниковъ и высоко поставилъ Смотрицкаго въ глазахъ православныхъ. Наиболѣе крупные писатели противнаго лагеря пытались ослабить это впечатлѣніе своими возраженіями. Такъ знаменитый Скарга отвѣтилъ сочиненіемъ, которое назвалъ: „Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Ѳеофила Ортолога“; а потомъ Илья Мороховскій издалъ „Утоленіе Плача Восточной церкви, измышленнаго Ѳеофиломъ Ортологомъ“. Они защищали Римскую церковь отъ его нападокъ и старались выставить автора не столько православнымъ, сколько послѣдователемъ Лютера и Кальвина, такъ какъ онъ дѣйствительно пользовался ими въ своихъ сильныхъ и ядовитыхъ нападкахъ на Римское папство. Недовольствуясь литературною борьбою, католики и уніаты постарались добыть отъ короля Сигизмунда повелѣніе взять изъ друкарни Виленскаго братства оставшіеся экземпляры Ѳриноса и сжечь, а самую друкарню тоже отобрать. Тогда братство на время перенесло типографію изъ Вильны въ имѣніе одного изъ своихъ членовъ, князя Богдана Огинскаго (мѣстечко Евве), и тамъ продолжало печатать священныя и богослужебныя книги.

Въ 1613 году умеръ Ипатій Потѣй во Владимирѣ Волынскомъ. Никто изъ уніатскихъ іерарховъ не превзошелъ его своей энергіей и не сдѣлалъ столько для успѣховъ уніи. Преемникомъ себѣ на митрополію онъ самъ назначилъ Велямина Рутскаго. Король осо-

бою грамотою подтвердилъ это назначеніе. А потомъ папа прислалъ утвержденіе чрезъ своего нунція въ Польшѣ. Но, получивъ митрополію съ ея имуществами Рутскій не наслѣдовалъ богатое епископство Владимірское, которое, по желанію того-же Потѣя, король передалъ Мороховскому. Въ первую эпоху своей дѣятельности въ качествѣ уніатскаго митрополита Рутскій особенное вниманіе обратилъ на устройство монастырей. Онъ постарался объединить все уніатское монашество, сообщивъ ему одинъ общій уставъ св. Василія и сдѣлавъ изъ него особый Базильянскій орденъ, по образцу ордена Іезуитскаго. Онъ освободилъ монашество отъ власти епархіальныхъ архіереевъ, и подчинилъ его выборному изъ его же среды протоархимандриту съ совѣтомъ изъ четырехъ лицъ: сами уніатскіе архіереи впредь должны быть выбираемы изъ членовъ этого Базильянскаго ордена. Одежду свою уніатскіе монахи устроили по образцу католическихъ; вмѣсто клобука или каптура они стали ходить съ открытою головою, закинувъ назадъ капу.

Наименѣе успѣха въ эту эпоху имѣла унія въ южной половинѣ Западной Руси, и особенно въ Кіевщинѣ. Пока былъ живъ кіевскій воевода знаменитый князь Константинъ—Василій Острожскій, онъ энергично противился введенію уніи въ своемъ воеводствѣ. Но въ 1608 году скончался этотъ подвижникъ православія слишкомъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ; а послѣ него кіевскимъ воеводою былъ назначенъ извѣстный гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Теперь Ипатій Потѣй успѣлъ фактически завладѣть каѳедральнымъ Софійскимъ соборомъ (находившимся, впрочемъ, уже въ состояніи запустѣнія и разрушенія), и назначилъ въ Кіевъ своимъ намѣстникомъ протопопа Антонія Грековича, бывшаго іеродіакономъ виленскаго Святодуховскаго братства, но измѣнившаго православію; его же Потѣй сдѣлалъ игуменомъ Выдубецкаго монастыря, чтобы тотъ могъ пользоваться для своего содержанія имѣніями сего монастыря. Но кіевскіе священники не признали его своимъ протопопомъ, а Запорожскіе казаки грозили его убить. (Эту угрозу они исполнили десять лѣтъ спустя, утопивъ его въ Днѣпрѣ). Монастыри Михайловскій, Межигорскій и Кирилловскій также отказались подчиниться власти уніатскаго митрополита. Тщетно Потѣй жаловался королю и вносилъ свои протестаціи въ судебныя книги. Вообще въ Кіевѣ унія вызвала довольно дружный отпоръ и возбудила живое движеніе среди православныхъ. Главнымъ исходнымъ пунктомъ для этого движенія служила Кіево-Печерская обитель; а нагляднымъ образомъ оно вы-

разилось особенно въ основаніи Кіево-Богоявленскаго братства и тѣсно связанной съ нимъ школы, изъ которой впослѣдствіи возникла знаменитая Кіевская академія.

Послѣ Никифора Тура, отстоявшаго Кіево-Печерскую лавру и ея имѣнія отъ захвата латино-уніатскихъ властей, архимандритомъ этой лавры является извѣстный западнорусскій писатель и ученый мужъ Елисей Плетенецкій (1599—1624), происходившій изъ шляхетской фамиліи; съ него собственно и начинается просвѣтительное значеніе лавры. Продолжая энергично бороться съ латино-уніатскими властями, онъ въ то же время прилагалъ особыя старанія для внутренняго ея благоустройства и обратилъ ея богатыя имущества на созданіе при ней тѣхъ просвѣтительныхъ учрежденій, которыми упредили ее Вильна, Львовъ и Острогъ. Онъ возобновилъ въ своей обители пришедшія въ забвеніе строгія правила иноческаго житія и общежительный уставъ по чину св. Василія; завелъ типографію и бумажную фабрику, и началъ дѣятельное печатаніе книгъ богослужебныхъ, каноническихъ и полемическихъ. Для этого дѣла онъ умѣлъ изъ разныхъ мѣстъ привлечь въ лавру иноковъ ученыхъ и опытныхъ. Между таковыми особенно извѣстны: искусный въ богословской наукѣ Захарія Копыстенскій, подвизавшійся прежде во Львовѣ; превосходный филологъ, авторъ лексикона славяно-русскаго, Памва Берында, его родственникъ Стефанъ Берында; далѣе, знатокъ греческаго языка Лаврентій Зизаній Тустановскій, искусный проповѣдникъ Тарасій Левковичъ Земка, Іовъ Борецкій, впослѣдствіи Кіевскій митрополитъ, и нѣкоторые другіе. Тѣ же лица, кромѣ книгоиздательства, занимались и преподаваніемъ въ лаврской школѣ, которая, по нѣкоторымъ даннымъ, также возникла при Елисеѣ Плетенецкомъ. Вообще своими трудами онъ положилъ начало новому и славному періоду въ исторіи не только Кіево-Печерской лавры, но и всего Кіевскаго края.

Вызванное борьбою съ уніей, религіозно-умственное движеніе затронуло также кіевское шляхетство и мѣщанство, и повело къ основанію Кіевскаго братства, которое возникло здѣсь около 1615 г., первоначально, кажется, при церкви Успенія Пресв. Богородицы, находившейся на Подолѣ. Оно устроилось по образцу братствъ Львовскаго, Виленскаго и Могилевскаго, и усвоило себѣ уставъ или *чинъ* именно Виленскаго. Съ этимъ братствомъ вскорѣ связались судьбы знаменитой Богоявленской школы.

Средства на основаніе сей школы даны были Гальшкою

(Елизаветою) Гулевичевною, дочерью Василія Гулевича, владимірскаго войскаго. Сначала она была замужемъ за Христофоромъ Потѣемъ, младшимъ изъ сыновей Ипатія Потѣя, въ то время еще православнаго епископа, а впослѣдствіи уніатскаго митрополита. Послѣ смерти перваго мужа, молодая вдова вышла за мозырскаго маршалка Стефана Лозку, человѣка пожилого и также вдоваго. При своей преданности и усердіи къ православію, она была захвачена начавшимся въ Кіевѣ помянутымъ религіозно - умственнымъ движеніемъ; въ октябрѣ 1615 года она сдѣлала дарственную запись на значительное имущество, именно на свой кіевскій дворъ съ землею, ради основанія ставропигіальнаго монастыря, по чину Василія Великаго (т.-е. общежительнаго), школы для дѣтей дворянскихъ и мѣщанскихъ и гостинницы для странниковъ, подъ условіемъ, чтобы всѣ эти учрежденія навсегда оставались въ церкви восточнаго обряда подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшаго Константинопольскаго патріарха. Къ концу того же 1615 года мы видимъ, что пожертвованіе или фундушъ Гальшки Гулевичевны поступилъ въ распоряженіе Кіевскаго братства, которое устраиваетъ монастырь и школу при храмѣ Богоявленія на Подолѣ; причемъ первымъ игуменомъ сего монастыря является кіевопечерскій инокъ Исаія Копинскій, а первымъ ректоромъ школы Іовъ Борецкій; отсюда можемъ заключить о томъ, что новыя эти учрежденія создались не безъ участія Кіевопечерской лавры или ея архимандрита Елисея Плетенецкаго. Кіевобратскій монастырь и школа вскорѣ устроились и упрочились, благодаря новымъ пожертвованіямъ послѣ Гулевичевны. Особенно сильную опору нашли эти учрежденія въ славномъ запорожскомъ гетманѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ, который вписался въ братскій реестръ „со всѣмъ своимъ войскомъ". Кромѣ вкладовъ гетманъ поддерживалъ ихъ и вообще южнорусское православіе своимъ авторитетомъ и значеніемъ, которое имѣлъ въ Рѣчи Посполитой. Но любопытно, что главная фундаторша, т.-е. Гальшка Гулевичевна, подобно Константину Острожскому и нѣкоторымъ другимъ ревнителямъ православія, при жизни своей имѣла огорченіе видѣть, какъ ея единственный сынъ (Михаилъ) былъ совращенъ въ латинство, вѣроятно благодаря своему браку съ католичкою.

Обученіе въ Кіевобратской школѣ было устроено по образцу братскихъ школъ, уже существовавшихъ въ Западной Руси, т.-е. Львовской, Виленской и др. Оно начиналось съ азбуки; за нею слѣдовали Часословъ и Псалтырь, въ связи съ изученіемъ церковной

службы и пѣніемъ, а также съ изученіемъ молитвъ и догматовъ православной вѣры; потомъ преподавались грамматика, риторика, логика, діалектика, піитика. Сначала въ этихъ школахъ господствовала грамматика Лаврентія Зизанія, а потомъ Мелетія Смотрицкаго. Языки преподавались: церковнославянскій и польскій, а также классическіе, т.-е. греческій и латинскій. Въ польско-латинскихъ школахъ Рѣчи Посполитой тогда рѣшительно преобладалъ языкъ латинскій; православныя же школы давали преобладаніе языку греческому, на что указываетъ и самое названіе преподавателей „дидаскалами", а учениковъ „спудеями". Родители, отдавая дѣтей („хлопцевъ") въ школу, условливались, сколько должны были платить грошей за обученіе, а иногда прибавляли разныя приношенія натурою или съѣстными припасами, дровами и т. п. Но бѣдняки и сироты нерѣдко содержались на счетъ самой школы.

Успѣхи братствъ и школъ въ борьбѣ съ уніей однако не могли возмѣстить того вреда, который Западнорусская церковь терпѣла отъ недостатка высшей церковной іерархіи. Въ это время у нея оставался только одинъ православный епископъ, Львовскій. Некому было посвящать приходскихъ священниковъ. Поэтому изъ отдаленныхъ областей русскихъ таковые должны были тайкомъ пробираться въ Львовъ для посвященія, или пользовались для того случайнымъ пріѣздомъ какихъ - либо греческихъ епископовъ. Въ свою очередь недостатокъ священниковъ приводилъ православное населеніе къ разнымъ печальнымъ явленіямъ. Бѣдственное его состояніе въ ту эпоху яркими красками очертилъ на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г. одинъ изъ западнорусскихъ депутатовъ Лаврентій Древинскій, чашникъ земли Волынской и членъ виленскаго Святодуховского братства.

Вотъ нѣкоторыя мѣста этой рѣчи:

„О Боже, кому неизвѣстно, сколь великія притѣсненія терпитъ народъ Русскій въ отношеніи своего благочестія? Начну съ Короны (т.-е. Югозападной Руси, присоединенной къ Польской Коронѣ). Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, содержатъ скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству Литовскому: тамъ то же самое дѣлается въ городахъ, пограничныхъ съ Московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ то же; Лещинскій монастырь обращенъ въ питейный домъ. Вслѣдствіе сего дѣти умираютъ безъ крещенія; тѣла покойниковъ вывозятся изъ городовъ, какъ падаль, безъ церковнаго

обряда; не имѣя брачнаго благословенія, народъ живетъ въ непосредствѣ; люди умираютъ безъ исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ". „А что дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона и не склоняется къ уніи, того тѣснятъ изъ города, не принимаютъ ни въ купечество, ни въ ремесленные цехи. Въ Вильнѣ для православнаго покойника запираютъ городскія ворота (въ которыхъ невозбранено ѣздить Жидамъ и Татарамъ), и его должны выносить въ такое отверстіе, черезъ которое вывозятъ только нечистоты. Православныхъ монаховъ хватаютъ, бьютъ и заключаютъ въ оковы. На гражданскіе уряды не допускаютъ людей достойныхъ и ученыхъ, а наполняютъ ихъ (латинами и уніатами) хотя бы глупцами и невѣждами". „Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ и на каждомъ сеймѣ мы умоляемъ съ горькими слезами, но не можемъ добиться, чтобы намъ сохранили наши права и вольности". „Если же и на этомъ сеймѣ не послѣдуетъ исправленія столь тяжкихъ золъ, то принуждены будемъ возопить съ пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою*".

Но подобные протесты обыкновенно были голосами вопіющими въ пустынѣ. Король и сенаторы выслушивали ихъ, отдѣлывались обѣщаніями, отлагательствомъ до будущихъ сеймовъ и т. п. По этому поводу одинъ изъ польскихъ пановъ замѣтилъ слѣдующее: „на сеймикахъ (т.-е. на посольскихъ выборахъ) мы имъ (православнымъ) даемъ надежду, а на сеймахъ поднимаемъ се на смѣхъ; на сеймикахъ зовемъ ихъ братьями, а на сеймахъ отщепенцами". Только внѣшнія опасности, угрожавшія Рѣчи Посполитой, заставляли ихъ иногда съ лицемѣрною благосклонностью относиться къ просьбамъ православныхъ. Такъ было и въ эту пору, когда Полякамъ одновременно грозили войны со стороны Турціи, Россіи и Швеціи и когда они особенно нуждались въ услугахъ Запорожскаго войска. Сими обстоятельствами православные и воспользовались для возобновленія своей церковной іерархіи.

Въ томъ же 1620 году весною въ Кіевъ пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, на обратномъ пути изъ Москвы, остановился въ братской гостиницѣ и пробылъ тутъ около 10 мѣсяцевъ. Имѣя полномочія отъ Константинопольскаго и другихъ восточныхъ патріарховъ, охраняемый отъ всякой опасности стражею изъ Запорожскихъ казаковъ, онъ, насколько могъ, занялся благоустроеніемъ Западнорусской церкви; между прочимъ выдалъ благословенную грамоту Кіевскому братству и его Богоявленскому монастырю на ставропигію (т.-е. непосредственное подчиненіе Конст. патріарху), на школу и страно-

пріимный домъ. А главное онъ, по настойчивой просьбѣ братства и особенно Конашевича Сагайдачнаго, пригласилъ православное населеніе Западной Руси намѣтить достойныхъ кандидатовъ па епископскія каѳедры. Въ октябрѣ началось посвященіе этихъ кандидатовъ, при соучастіи болгарскаго Софійскаго митрополита Неофита, проживавшаго въ Западной Руси, и одного греческаго епископа, находившагося при Ѳеофанѣ. Такимъ образомъ игуменъ Межигорскаго монастыря Исаія Копинскій рукоположенъ былъ на епископію Перемышльскую, Мелетій Смотрицкій, не задолго до того постриженный въ Виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, на архіепископію Полоцкую, Іезекіиль Курцевичъ на епископію Владимірскую, Исаакій Борисковичъ на Луцкую и пр. Во главу же западнорусской іерархіи, на митрополію Кіевскую и Галицкую, былъ поставленъ Іовъ Борецкій. Въ январѣ 1621 года Ѳеофанъ уѣхалъ изъ Кіева, сопровождаемый 3.000 казаковъ съ самимъ гетманомъ Сагайдачнымъ.

Это событіе, т.-е. посвященіе новыхъ православныхъ епископовъ и митрополита, было сильнымъ ударомъ для уніи, и конечно вѣсть о немъ возбудила великій гнѣвъ среди латинскаго и уніатскаго духовенства. Особенно негодовалъ Велятинъ Рутскій. По его просьбѣ король издалъ универсалы, въ которыхъ объявилъ Ѳеофана самозванцемъ, шпіономъ Турецкаго султана и посвященія его недѣйствительными, а поставленныхъ имъ епископовъ своими ослушниками и бунтовщиками, находящимися внѣ закона, которыхъ приказывалъ ловить и бросать въ тюрьмы. Поэтому новопосвященные не спѣшили къ своей паствѣ и на первое время должны были скрываться. Но Польское правительство пока ограничивалось угрозами и не прибѣгало къ дѣйствительнымъ мѣрамъ, потому что внѣшнія опасности не только не миновали, а еще усилились. Въ томъ же октябрѣ 1620 года Поляки потерпѣли отъ Турокъ ужасное пораженіе подъ Цецорой, гдѣ палъ самъ знаменитый гетманъ Жолкевскій; Рѣчь Посполитая болѣе чѣмъ когда-либо нуждалась въ помощи Сагайдачнаго и Запорожскихъ казаковъ. Эти политическія обстоятельства заставили Польское правительство дѣйствовать умѣренно и осторожно по отношенію къ новопоставленной православной іерархіи и не приводить въ исполненіе означенныхъ королевскихъ универсаловъ. Такимъ образомъ борьба съ нею пока ограничивалась литературною полемикой. На обвиненіе патріарха Ѳеофана въ самозванствѣ и вытекающей отсюда недѣйствительности его рукоположенія отвѣтилъ цѣлымъ сочиненіемъ Мелетій Смотрицкій, который около

того времени Виленскимъ братствомъ былъ выбранъ въ архимандриты Святодуховскаго монастыря, послѣ кончины любимаго и уважаемаго архимандрита Леонтія Карповича. Сочиненіе Мелетія было издано тѣмъ же братствомъ подъ заглавіемъ „Оправданіе невинности" (Werificatia niewinnosci): тутъ опровергались всѣ клеветы, взводимыя на патріарха и посвященныхъ имъ епископовъ. Въ отвѣтъ на это опровержeніе Троицкіе, т.-е. уніатскіе, монахи подъ руководствомъ самого В. Рутскаго издали сочиненіе, названное „Двойная вина" (Sowita wina), въ которомъ опять доказывали законность уніи и незаконность новой православной іерархіи. А на него Смотрицкій написалъ „Оборону оправданія" (Obrona Werificacii). И послѣ того обѣ стороны продолжали обмѣниваться полемическими изданіями. Къ той же эпохѣ относится знаменитая *Палинодія*, сочиненіе Захарія Копыстенскаго. Виленскій уніатскій архимандритъ Левъ Кревза написалъ „Оборону уніи" (изданную въ 1617 году); Палинодія Копыстенскаго явилась отвѣтомъ не только на эту книгу (въ 1621—22 г.), но и на разныя другія полемическія сочиненія противниковъ православія.

Во время сей жаркой полемики митрополитъ Іовъ Борецкій и Мелетій Смотрицкій получили даже охранныя королевскія грамоты, благодаря которымъ рѣшились прибыть на Варшавскій сеймъ въ началѣ 1623 года, чтобы лично хлопотать объ утвержденіи православныхъ іерарховъ. Хотя они и не добились формальнаго утвержденія, но все же въ борьбѣ между уніей и православіемъ наступило было нѣкоторое затишье или перемиріе. Благодаря дѣятельности Кіевскаго братства и Печерской лавры, а въ особенности удачному выбору Іова Борецкаго на постъ митрополита, Кіевъ снова получилъ первенствующее церковное значеніе въ Западной Руси; сюда переходитъ изъ Львова и Вильны центръ религіознаго и просвѣтительнаго движенія, охватившаго ея православное населеніе. ([21]).

Окончательно этому переходу способствовала трагическая судьба Іосафата Кунцевича, вновь обострившая борьбу уніи съ православіемъ и вызвавшая усиленныя гоненія на послѣднее.

Архимандритъ виленскаго Троицкаго монастыря и ревностный сотрудникъ Велямина Рутскаго, „душехватъ" Кунцевичъ въ 1618 г., по смерти уніатскаго полоцкаго архіепископа (Гедеона Брольницкаго), былъ назначенъ его преемникомъ. На этомъ посту онъ далъ полную волю своему фанатическому усердію къ распространенію уніи. Такое

усердіе вызвало многіе протесты и даже мятежи со стороны населенія. Напримѣръ, города Могилевъ и Орша, при приближеніи Кунцевича, зазвонили въ вѣчевой колоколъ, вооружились и заперли передъ нимъ ворота. По его жалобѣ, свѣтская власть грозила наказать гражданъ какъ мятежниковъ, приговорила зачинщиковъ къ смертной казни, и отмѣнила ее только подъ условіемъ принятія уніи и передачи ей всѣхъ могилевскихъ церквей.

Посвященный на Полоцкую каѳедру, архимандритъ виленскаго Святодуховскаго монастыря Мелетій Смотрицкій не могъ равнодушно видѣть успѣхи уніи въ своей епархіи, и началъ разсылать къ ея жителямъ краснорѣчивыя увѣщанія, чтобы они твердо держались вѣры своихъ отцовъ. Его увѣщанія производили впечатлѣніе и не только препятствовали успѣхамъ уніи, но и многихъ уже совращенныхъ вернули въ лоно православія. Тогда Кунцевичъ усилилъ свое рвеніе и сталъ часто прибѣгать къ насиліямъ. Онъ вооруженною рукою отнималъ у православныхъ монастыри и церкви, совершалъ въ нихъ уніатское богослуженіе или просто ихъ запиралъ и запечатывалъ. Не оставлялъ въ покоѣ даже и мертвыхъ. Напримѣръ, православный полоцкій мѣщанинъ не хотѣлъ призывать уніатскаго попа и похоронилъ своего сына на церковномъ кладбищѣ безъ всякихъ обрядовъ; Кунцевичъ велѣлъ его вырыть и похоронить съ обрядами. Но мѣщанинъ и его пріятели воспротивились тому силою, прогнали уніатскаго попа съ его причтомъ, а тѣло опять закопали. Были и такіе случаи, что Кунцевичъ приказывалъ вырывать тѣла православныхъ изъ могилы и отдавать ихъ на съѣденіе собакамъ.

Не находя достаточно энергичной поддержки у литовскаго великаго гетмана и виленскаго воеводы, пресловутаго Льва Сапѣги, онъ обратился къ нему съ укорительнымъ посланіемъ. На это посланіе Сапѣга, въ мартѣ 1622 года, отвѣтилъ пространнымъ письмомъ, гдѣ въ свою очередь укорялъ Кунцевича въ слишкомъ жестокомъ нехристіанскомъ образѣ дѣйствія, и увѣщевалъ его поступать мягче и умѣреннѣе.

„Господь—пишетъ онъ—призываетъ къ себѣ кроткимъ словомъ: *пріидите ко Мнѣ вси* и пр.; вы же учинили насиліе и заставили народъ Русскій ожесточиться и забыть свою присягу его Королевскому величеству“. „Надобно, конечно, пещись о томъ, чтобы *было едино стадо и единъ пастырь*, но при этомъ поступать благоразумно и сообразоваться съ обстоятельствами времени“. „Прочтите житіе всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, прочтите Златоуста, тамъ вы

не найдете ни жалобъ, ни судебныхъ исковъ и позвовъ"; „а у васъ земскіе суды, магистраты, трибуналы, канцеляріи полны позвовъ, тяжбъ, доносовъ; чѣмъ не только нельзя утвердить унію, но и послѣдній союзъ любви уничтожится, а сеймы и всѣ правительственныя учрежденія наполнятся заботами и раздорами". „Унія виновница несчастій. Когда чините насиліе людской совѣсти или запираете церкви, дабы христіане безъ священныхъ обрядовъ и требъ пропадали, какъ невѣрные, тогда обходитесь безъ насъ; а когда оттого происходятъ въ народѣ безпорядки, то мы должны ихъ усмирять". Но не сочувствіе къ страданіямъ православнаго Русскаго народа руководило Сапѣгою въ этихъ упрекахъ, а неблагопріятныя политическія послѣдствія уніи для Рѣчи Посполитой въ отношеніи къ Москвѣ и особенно опасеніе возмутить казаковъ, которые были нужны при продолжавшейся войнѣ съ Турками. „Унія—говоритъ онъ—отторгла отъ насъ Новгородъ - Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многія другія крѣпости; да и нынѣ она есть главною виною тому, что народъ Московскій отвернулся отъ королевича, какъ это видно изъ писемъ русскихъ бояръ къ вельможамъ великаго княжества Литовскаго". О казакахъ прибавляетъ: „отъ ихъ повиновенія больше государству пользы, нежели отъ вашей уніи". А на жалобу Кунцевича объ опасностяхъ, угрожавшихъ его жизни, канцлеръ замѣтилъ только, что „каждый самъ бываетъ причиною своего несчастія". Подобныя увѣщанія однако не могли обуздать фанатизмъ Кунцевича; онъ продолжалъ свою разрушительную дѣятельность, пока и самъ не сдѣлался ея жертвою, чѣмъ и оправдалъ послѣднее замѣчаніе Сапѣги.

Кунцевичъ пріѣхалъ въ Витебскъ, граждане котораго особенно враждебно относились къ уніи и съ большимъ сочувствіемъ читали грамоты Смотрицкаго. Изувѣръ зналъ настроеніе умовъ въ этомъ городѣ и, повидимому, заранѣе рѣшился разыграть здѣсь роль мученика. Онъ принялся совершать богослуженіе во всѣхъ витебскихъ храмахъ, отбирая ихъ такимъ способомъ на унію, очищая военною силою отъ непокорнаго духовенства и запирая на ключъ. При всемъ своемъ раздраженіи православное населеніе воздерживалось отъ насилія, и стало собираться на богослуженіе въ шалашахъ, на окраинѣ города. Но Кунцевичъ и тутъ не оставлялъ его въ покоѣ. Онъ вносилъ въ суды свои жалобы и обвиненія гражданъ въ мятежѣ. Наконецъ раздраженіе дошло до крайности. При отобраніи одной церкви, собравшійся народъ сбросилъ свои шапки въ кучу, въ

знакъ конфедераціи, призывающей къ бунту. Составился заговоръ съ цѣлью убить изувѣра и поднять казаковъ на защиту города.

Утромъ 12 декабря 1623 года протодьяконъ Кунцевича Дороѳей съ помощью его слугъ схватилъ и заперъ въ кухню архіерейскаго дома православнаго священника, шедшаго за городъ, чтобы отправлять службу въ одномъ изъ помянутыхъ шалашей. Этотъ случай былъ каплею, переполнившею чашу. По звону набатныхъ колоколовъ сбѣжался народъ, бросился къ архіерейскому дому и разбилъ двери. Убійцы вломились въ комнату самого Кунцевича и стали наносить ему удары палками, а одинъ изъ нихъ раскроилъ ему черепъ топоромъ. Архіерейскій домъ подвергся разграбленію. Трупъ Кунцевича послѣ разныхъ поруганій бросили съ высокаго берега въ Двину.

Это трагическое событіе имѣло самыя печальныя послѣдствія для православныхъ. Король, латинское и уніатское духовенство кричали объ истребленіи схизматиковъ. Въ Витебскъ пріѣхала назначенная королемъ судная комиссія, имѣя во главѣ литовскаго великаго гетмана и виленскаго воеводу Льва Сапѣгу. Она судила весьма строго. Нѣкоторые граждане были казнены смертью; многіе брошены въ тюрьмы, биты плетьми или изгнаны изъ города. Витебскъ лишенъ Магдебургскаго права; вѣчевой колоколъ снятъ, ратуша разрушена и т. п. Всѣ церкви отданы на унію и всѣ жители объявлены уніатами. Но Витебскомъ дѣло не ограничилось; та же мѣра распространена на Могилевъ, Оршу, Мстиславль и вообще на всю Полоцкую или Бѣлорусскую епархію; во главѣ ея, т.-е. преемникомъ Кунцевича, былъ поставленъ Антоній Селява. Тотъ самый Сапѣга, который такъ не одобрялъ поведеніе изувѣра, теперь дѣйствовалъ энергично и жестоко противъ православныхъ, потому что политическія обстоятельства нѣсколько измѣнились: Турки были разбиты подъ Хотиномъ; а главный ихъ побѣдитель Сагайдачный умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этой битвѣ, и Полякамъ теперь не страшны были казаки, у которыхъ по смерти любимаго вождя наступили раздоры и раздѣленіе на партіи.

Вліяніе Кунцевича на судьбы уніи продолжалось и послѣ его смерти. Тѣло его было вынуто изъ Двины, торжественно отвезено въ Полоцкъ и съ пышностію погребено въ соборномъ храмѣ. Латино-уніаты спѣшили окружить его память ореоломъ святости, распространяя въ народѣ легенды о разныхъ исцѣленіяхъ и чудесахъ, якобы совершавшихся при гробѣ этого мученика или по мо-

литвамъ, къ нему обращеннымъ: больные оздоровлялись, слѣпые прозрѣвали, паралпчные члены оживлялись, пожары внезапно прекращались и т. п. Самымъ великимъ изъ его чудесъ выставлялось послѣдующее обращеніе въ унію его главнаго соперника Мелетія Смотрицкаго или, какъ выражались латино - уніаты, обращеніе Мелетія изъ Савла въ Павла.

Въ дѣйствительности переходъ въ унію не былъ у Мелетія дѣломъ внезапнымъ. Напротивъ, онъ совершился весьма постепенно. Уже самое образованіе его въ іезуитской коллегіи и заграничныхъ протестантскихъ университетахъ подготовило въ немъ почву къ нѣкоторому религіозному равнодушію, и если онъ потомъ въ своихъ сочиненіяхъ краснорѣчиво защищалъ православіе, то сочиненія эти могли быть скорѣе плодомъ его литературнаго таланта, чѣмъ прочнаго и горячаго убѣжденія. При томъ это былъ человѣкъ честолюбивый, далеко нетвердый и дорожившій внѣшними житейскими благами. Въ Вильнѣ ревнители православія и прежде замѣчали у него склонность къ сношеніямъ съ уніатами, упрекали его за то, но прощали ему ради его несомнѣнной учености и помянутаго таланта. Во время своей архимандріи въ Виленскомъ православномъ монастырѣ Мелетій, носившій притомъ титулъ архіепископа Полоцкаго, не мало оскорблялся тѣми стѣсненіями, которымъ подвергалась власть архимандрита со стороны Святодуховскаго братства; его тяготило это вмѣшательство мірянъ во всѣ хозяйственныя и даже церковныя дѣла, и онъ невольно отдавалъ предпочтеніе порядкамъ Латинской церкви. Между нимъ и братствомъ уже шла глухая борьба, когда убіеніе Кунцевича вызвало терроръ среди православныхъ со стороны латино-уніатскихъ властей, и въ числѣ виновниковъ этого убіенія стало произноситься имя Смотрицкаго.

Избѣгая угрожавшей ему опасности, онъ покинулъ свой постъ, и уѣхалъ сначала въ Кіевъ, а отсюда отправился въ Константинополь и Палестину для свиданія съ восточными патріархами и паломничества по Святой Землѣ. Путешествіе это длилось около двухъ лѣтъ; въ началѣ 1626 года Смотрицкій пріѣхалъ обратно въ Кіевъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, его ходатайство у Константинопольскаго, извѣстнаго Кирилла Лукариса, и у другихъ восточныхъ патріарховъ было небезплодно, и онъ привезъ съ собою грамоты, которыми уменьшалась автономія западнорусскихъ братствъ, т.-е. они болѣе подчинялись церковнымъ властямъ; кромѣ того онъ будто бы въ Константинополѣ выхлопоталъ себѣ грамоту, которая назначала его

единственнымъ патріаршимъ экзархомъ въ Россіи. Слухи объ этихъ грамотахъ, соединенные съ возникшимъ ранѣе подозрѣніемъ о склонности Смотрицкаго къ уніи, возбудили православныхъ Западноруссовъ противъ него. Названное подозрѣніе могло усилиться тѣмъ болѣе, что единомышленникъ и пріятель Смотрицкаго, ректоръ Кіевобратской школы Касьянъ Саковичъ, также недовольный вмѣшательствомъ братчиковъ въ церковныя дѣла, незадолго передъ возвращеніемъ Мелетія измѣнилъ православію и ушелъ въ унію. (Этотъ Саковичъ въ бытность свою ректоромъ въ Кіевѣ сочинилъ, славившіеся у современниковъ, вирши на погребеніе Сагайдачнаго). Архимандритъ Кіевопечерской обители Захарій Копыстенскій отказался принять къ себѣ Смотрицкаго. Только благодаря покровительству митрополита Іова Борецкаго, онъ нашелъ временный пріютъ въ Межигорскомъ монастырѣ. Митрополитъ хотя и сочувствовалъ помянутымъ мыслямъ о братствахъ, но, въ виду поднявшихся противъ него самого упрековъ, оставилъ намѣреніе о борьбѣ съ ними. При такихъ обстоятельствахъ Смотрицкій не рѣшался вернуться на свою Виленскую архимандрію. Онъ удалился на Волынь въ богатый Дерманскій монастырь, настоятельство которымъ предоставлено было ему патрономъ сего монастыря княземъ Александромъ Заславскимъ. Сей послѣдній (уже побудившій Саковича измѣнить православію), руководимый совѣтами Рутскаго, постарался уловить въ латино-уніатскія сѣти такого даровитаго дѣятеля: онъ предоставилъ настоятельство Смотрицкому не даромъ, а подъ условіемъ перехода въ унію, и, зная вообще нетвердость его убѣжденій, потребовалъ отъ него письменнаго въ томъ обязательства. Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, колебавшійся доселѣ Смотрицкій не устоялъ и далъ это обязательство, но съ тѣмъ, чтобы оно хранилось пока въ тайнѣ. Заславскій устроилъ ему свиданіе съ Рутскимъ, который формально присоединилъ его къ уніи; но и съ нимъ также условлено было сей актъ до времени хранить въ тайнѣ; причемъ, согласно съ іезуитскими правилами, имѣлось въ виду, что подъ покровомъ этой тайны Смотрицкій тѣмъ успѣшнѣе можетъ дѣйствовать среди православныхъ въ пользу уніи (1627).

Трудно было сохранить подобную тайну; первыми дерманскіе иноки съ ужасомъ узнали о свиданіи своего архимандрита съ Рутскимъ; многіе изъ нихъ, покинувъ обитель, разгласили о томъ по Волыни. Но Смотрицкій съ помощью лжи и лицемѣрія продолжалъ играть роль православнаго архіерея, и на нѣкоторыхъ съѣздахъ съ

западнорусскими іерархами искусно подготовлялъ почву для примиренія ихъ съ уніей, доказывая, что различія съ нею православія отнюдь несущественны, и давая понять, что упадокъ и неустройства Западнорусской церкви могли прекратиться только соединеніемъ или уніей съ церковью Римскою. Съ тѣми же цѣлями онъ въ слѣдующемъ 1628 году рѣшился издать новое свое сочиненіе, озаглавленное „Апологія моего странствованія на Востокъ". Тутъ онъ разсказываетъ, что предпринялъ это странствованіе, чтобы отъ восточныхъ іерарховъ узнать истинные догматы Греческой церкви и провѣрить, насколько чистыми сохранила ихъ Русская церковь. Такая провѣрка, по его словамъ, открыла, что Западноруссы не сохранили ихъ въ чистотѣ и впали въ разныя ереси, заимствованныя отъ лютеранъ и кальвинистовъ. О самихъ восточныхъ христіанахъ или Грекахъ онъ отзывается не благопріятно, какъ о народѣ впавшемъ въ грубое невѣжество. А въ заключеніе, какъ средство исправить зло, указываетъ на тѣсный союзъ съ Римскою церковью; причемъ совѣтуетъ обсудить это дѣло на общемъ соборѣ русскаго духовенства и представителей отъ русской шляхты, и проситъ митрополита и весь клиръ о сочувствіи къ своему предложенію. Сію Апологію Смотрицкій сообщилъ Касьяну Саковичу, который немедля началъ переводить ее на польскій языкъ и печатать. Отпечатанная часть ея появилась въ Кіевѣ передъ открытіемъ новаго помѣстнаго собора, который тамъ, съ разрѣшенія короля, дѣйствительно былъ созванъ митрополитомъ Борецкимъ въ августѣ того же 1628 года (22).

На этомъ соборѣ важнѣйшимъ послѣ митрополита представителемъ Западнорусскаго православнаго духовенства является кіевопечерскій архимандритъ Петръ Могила.

Петръ Могила родился около 1597 года и происходилъ изъ знатной молдавской фамиліи, давшей Молдавіи и Валахіи нѣсколько господарей, а самъ онъ былъ сынъ господаря Симеона (умершаго въ 1608 г.). Фамилія Могиловъ издавна находилась въ связяхъ съ ближнимъ русскимъ городомъ Львовымъ, покровительствовала Львовскому православному братству и много жертвовала на его храмы и на школу. Тогда какъ Молдо-Валахія стояла на низкой степени образованности, Львовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка былъ средоточіемъ просвѣщенія въ Югозападной Руси, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи, что свое первоначальное образо-

ваніе Петръ Могила получилъ если не въ самой Львовской братской школѣ, то подъ руководствомъ ея наставниковъ, и впослѣдствіи онъ сохранялъ къ Львовскому братству самыя теплыя отношенія. А затѣмъ образованіе свое онъ, вѣроятно, закончилъ въ западноевропейскихъ университетахъ, по обычаю знатныхъ Поляковъ и Западноруссовъ. Члены фамиліи Могилъ находились въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Польскому правительству и достигали престола преимущественно при польской поддержкѣ; при посредствѣ браковъ они состояли въ родствѣ съ нѣкоторыми польско-русскими магнатами, каковы Потоцкіе, Вишневецкіе, Корецкіе и другіе. Въ случаяхъ неудачи на родинѣ, Могилы находили убѣжище въ земляхъ Польской короны и пріобрѣтали здѣсь имѣнія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и юный Петръ Могила, когда его фамилія вслѣдствіе собственныхъ междоусобій лишилась господарскаго престола, также нашелъ пріютъ въ Польшѣ; здѣсь онъ имѣлъ своимъ опекуномъ знаменитаго гетмана Станислава Жолкевскаго; при его дворѣ и подъ его руководствомъ обучился рыцарскому искусству и вступилъ въ польскую военную службу. По смерти Жолкевскаго онъ находился подъ покровительствомъ гетмана Ходкевича. Говорятъ, Могила отличился въ Хотинской битвѣ. Но послѣ того онъ недолго оставался въ войскѣ. Вскорѣ мы встрѣчаемъ его въ Кіевѣ: здѣсь молдавскій воеводичъ, по смерти Захарія Копыстенскаго, почти прямо изъ свѣтскаго званія и не смотря на свои молодые годы, былъ возведенъ въ санъ архимандрита Кіевопечерской лавры (1627 г.).

По всей вѣроятности, Петръ Могила, при своемъ усердіи къ православной церкви, былъ увлеченъ происходившимъ тогда въ ней религіознымъ движеніемъ и борьбою съ латино-уніатами, а потому и воспользовался случаемъ стать во главѣ знаменитой Лавры, которая, благодаря народному уваженію и своимъ богатымъ имуществамъ, служила однимъ изъ главныхъ столповъ православія въ Югозападной Руси. Обычай выбирать на высокія іерархическія должности прямо изъ свѣтскаго званія знатныхъ лицъ уже давно практиковался здѣсь, какъ и во всей Рѣчи Посполитой. Какъ бы то ни было, тридцатилѣтній Могила одержалъ верхъ надъ другими кандидатами. Получивъ избирательный листъ отъ лаврской братіи и кіевской шляхты, онъ, при помощи своихъ связей съ нѣкотырыми польско-русскими магнатами, добился королевскаго утвержденія, и затѣмъ былъ посвященъ въ архимандрита лавры митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, его доброжелателемъ, который, повидимому, не ма-

ло помогъ ему въ достиженіи этого сана. Надежды православныхъ Южноруссовъ, возлагавшіяся на талантливаго и прекрасно образованнаго Петра Могилу, не замедлили оправдаться.

Какъ митрополитъ Іовъ Борецкій, такъ и новопоставленный архимандритъ Петръ Могила въ началѣ благосклонно относились къ идеямъ Смотрицкаго о нѣкоторомъ примиреніи и сближеніи, страдающей отъ неустройствъ и притѣсненій, православной Западнорусской церкви съ Латинскою. Но когда они ознакомились съ его Апологіей и ясно увидали, что онъ коварнымъ образомъ ведетъ дѣло къ ненавистной уніи, то измѣнили свое къ нему отношеніе. Смотрицкій, прибывъ на Кіевскій соборъ, хотѣлъ остановиться въ Печерской лаврѣ, гдѣ и происходилъ самый соборъ; но не былъ принятъ ея архимандритомъ, и остановился въ митрополичьемъ Михайловскомъ монастырѣ. Сюда явились къ нему посланные отъ собора четыре священника, съ протопопомъ Андреемъ Мужиловскимъ во главѣ, и спросили: намѣренъ ли онъ держаться своей Апологіи, которую соборъ уже осудилъ какъ противную Св. вѣрѣ? Мелетій далъ уклончивые отвѣты и даже пытался защищать свою Апологію. Межъ тѣмъ народъ и особенно казаки стали собираться около монастыря и выказывать непріязненныя чувства; они не скрывали своего намѣренія не только изгнать Смотрицкаго изъ обители, но и накормить имъ днѣпровскихъ осетровъ. Въ виду такой опасности онъ оробѣлъ и написалъ митрополиту просьбу о допущеніи его на соборъ, изъявляя готовность прекратить дальнѣйшее печатаніе Апологіи. Но у него потребовали торжественнаго отъ нея отреченія и публичнаго покаянія. Послѣ разныхъ увертокъ Смотрицкій явился въ Печерскій монастырь и принужденъ былъ подписать актъ отреченія отъ своей Апологіи, на которомъ въ особенности настаивалъ Петръ Могила. На слѣдующій день въ праздникъ Успенія этотъ актъ во время литургіи былъ торжественно прочитанъ съ амвона, а Мелетій словесно выразилъ свое раскаяніе. Затѣмъ собравшіеся владыки предали Апологію анаѳемѣ, нѣкоторые листы ея разорвали, бросали на полъ, топтали ногами и частію жгли; послѣ чего бывшія въ ихъ рукахъ свѣчи погасили. Только теперь Смотрицкій былъ допущенъ къ соборнымъ совѣщаніямъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, подобное отреченіе и анаѳематствованіе не обратили Мелетія на путь истинный. Послѣ собора Смотрицкій уѣхалъ въ свой Дерманскій монастырь, и тотчасъ сбросилъ съ себя маску. Онъ написалъ „Протестацію противъ Кіевскаго собора“, въ которой за-

явилъ о полномъ согласіи съ своей Апологіей, прибавивъ, что отреченіе отъ нея было вынуждено у него насильственно, а потому и недѣйствительно. Теперь Смотрицкій окончательно порвалъ связи съ православными, и писалъ горячія полемическія брошюры въ защиту латино-уніатовъ до самой своей смерти (послѣдовавшей въ 1633 году).

На Кіевскомъ соборѣ 1628 года между прочимъ былъ установленъ родъ духовной цензуры, т.-е. запретъ православнымъ людямъ издавать сочиненія о церковныхъ вопросахъ безъ разсмотрѣнія и одобренія духовныхъ властей. Вообще этотъ соборъ обманулъ надежды латино-уніатовъ: съ помощью Смотрицкаго привести православныхъ къ примиренію и соглашенію съ уніей. Ту же попытку Веляминъ Рутскій и его партія, съ разрѣшенія и одобренія короля, возобновили въ слѣдующемъ 1629 году на соборахъ, новомъ Кіевскимъ и Львовскимъ, но опять безуспѣшно. Такимъ образомъ Православная и Уніатская іерархіи окончательно раздѣлились въ Западнорусской церкви.

Послѣдующая за симъ эпоха въ исторіи этой церкви отмѣчена просвѣтительной дѣятельностію Петра Могилы.

Стремясь сдѣлать Кіевопечерскую лавру главнымъ опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ православія съ уніей, новый архимандритъ особое вниманіе обратилъ на защиту и сохраненіе ея земельныхъ имуществъ, подвергавшихся многимъ посягательствамъ и наѣздамъ и состоявшихъ изъ деревень, полей, пасѣкъ, рыболовныхъ водъ и т. п. Не ограничиваясь усиленными тяжбами съ хищниками въ судебныхъ учрежденіяхъ, энергичный архимандритъ иногда самъ вооружалъ монастырскихъ слугъ или пользовался помощью казаковъ и силою отнималъ назадъ лаврскія помѣстья, захваченныя наѣздомъ при его предшественникахъ, или за новый набѣгъ немедленно отвѣчалъ такимъ же набѣгомъ на маетность противника. Подобный образъ дѣйствій оправдывался какъ духомъ времени, такъ и бездѣйствіемъ властей, отъ которыхъ невозможно было добиться правосудія и наказанія сильнымъ обидчикамъ. Благодаря связямъ Петра Могилы съ польскорусскими магнатами и королевскимъ дворомъ, жалобы и протесты, вызванные его дѣйствіями, оставались безъ послѣдствій. Ему удалось не только отстоять имущества Лавры, но и многое расхищенное воротить въ ея владѣніе, и такимъ образомъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительныя средства на исполненіе своихъ обновительныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ плановъ. Кромѣ собственныхъ средствъ онъ употреблялъ для того и многія

вызванныя имъ пожертвованія. Онъ усердно занялся обновленіемъ и украшеніемъ лаврскихъ храмовъ и святынь, особенно благоустройствомъ святыхъ пещеръ, пришедшихъ въ большой безпорядокъ; соорудилъ новыя гробницы для почивающихъ тамъ мощей, исправилъ странноприимный домъ, пріобрѣталъ дорогіе сосуды и прочую церковную утварь. Въ то же время Петръ Могила старательно поддерживалъ въ своемъ монастырѣ общежитіе, возобновленное Плетенецкимъ, и заботился о водвореніи иноческой дисциплины, сильно упавшей въ предыдущую смутную эпоху; для чего не только дѣйствовалъ убѣжденіемъ и назиданіемъ, но также и мѣрами строгости, т.-е. смирялъ суровыми тѣлесными наказаніями или заключеніемъ строптивыхъ и неисполнявшихъ монашескіе обѣты иноковъ. Съ этой стороны энергичный архимандритъ старался возвести Лавру на подобающую ей нравственную высоту. Онъ также неупустительно принималъ мѣры, чтобы поддержать и усилить славу ея святости, которая, безъ сомнѣнія, уже тогда вызывала значительный притокъ богомольцевъ. Для сего онъ лично и чрезъ своихъ сотрудниковъ писалъ и издавалъ сказанія объ исцѣленіяхъ и чудесахъ, исходившихъ отъ лаврскихъ святынь; чѣмъ еще болѣе укрѣплялась вѣра въ православіе и его превосходство надъ латинствомъ и уніей. Разумѣется, онъ много заботился о Печерской друкарнѣ или типографіи и значительно расширилъ ея средства; а затѣмъ выпускалъ изъ нея болѣе исправленныя изданія священныхъ и богослужебныхъ книгъ (напримѣръ, „Тріодь Цвѣтная" и „Литургіарій или Служебникъ", исправленные по греческимъ источникамъ). Въ виду богатой обстановки, торжественности служенія и постоянной проповѣди въ величественныхъ католическихъ костелахъ, соблазнявшихъ тѣмъ южнорусское населеніе, Петръ Могила много хлопоталъ о церковномъ благолѣпіи, объ устроеніи торжественныхъ служеній въ большіе праздники, о привлеченіи искусныхъ проповѣдниковъ; причемъ самъ иногда говорилъ поученія съ церковной каѳедры.

Наиболѣе важная сторона его дѣятельности относится къ заботамъ о поднятіи и распространеніи школьнаго образованія. Такъ, заведенное Плетенецкимъ, лаврское училище онъ старался преобразовать въ высшую школу или коллегію и, чтобы приготовить достойныхъ преподавателей, посылалъ учиться за границу молодыхъ монаховъ. Кромѣ того онъ привлекалъ опытныхъ наставниковъ изъ другихъ городовъ; напримѣръ, изъ Львова вызвалъ ученыхъ монаховъ Исаію Трофимовича и Сильвестра Косова. Въ коллегіи своей

онъ далъ преобладаніе латинскому языку, во-первыхъ, какъ орудію европейской науки того времени, а во-вторыхъ, необходимому для Западноруссовъ и на сеймѣ, и въ трибуналахъ, и въ судахъ земскихъ и гродскихъ (bez łaciny płaci winy—составилась у нихъ поговорка). Это преобладаніе латинскаго языка въ началѣ произвело неудовольствіе среди Кіевлянъ и казаковъ, опасавшихся проникновенія вмѣстѣ съ нимъ латинскихъ ересей. Вообще Кіевляне несочувственно относились къ заботамъ о Лаврской или Могилянской коллегіи еще и потому, что она вступала въ соперничество съ излюбленною школою ихъ Богоявленскаго братства. Но обстоятельства вскорѣ помогли устранить это соперничество и объединить оба просвѣтительныя учрежденія.

Въ мартѣ 1631 года скончался кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій, много потрудившійся въ борьбѣ съ уніей и въ упорядоченіи Западнорусской православной іерархіи. Радѣя о Русскомъ народѣ и православіи, онъ не разъ обращался за вспоможеніемъ къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ. Въ 1624 году онъ рѣшился даже на смѣлый, хотя и негласный шагъ: отправленный имъ ради вспоможенія, номинальный полоцкій епископъ Исаакій Борисковичъ отъ его имени предложилъ царю Михаилу и патріарху Филарету принять Малую Россію и Запорожское войско подъ ихъ покровительство. Но въ Москвѣ пока отклонили это предложеніе, какъ еще несвоевременное. Въ томъ же 1624 году Іовъ прислалъ въ Москву извѣстнаго филолога Памву Берынду на помощь при исправленіи церковныхъ книгъ. Борецкій оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, убѣждаетъ своего друга Петра Могилу взять подъ свою опеку школу кіевскаго Богоявленскаго братства. Могила поспѣшилъ исполнить его желаніе, и вписался старшимъ братомъ, обѣщая быть опекуномъ и фундаторомъ братскихъ школъ. Однако сіе обѣщаніе не тотчасъ было исполнено; ибо Кіевляне не его выбрали преемникомъ Борецкаго, а Исаію Копинскаго, носившаго тогда титулъ архіепископа Смоленскаго и Черниговскаго. Послѣдній дотолѣ пребывалъ не въ каѳедральномъ городѣ епархіи (занятомъ уніатскимъ архіереемъ), а вѣроятно въ ея заднѣпровскихъ монастыряхъ (Густынскомъ и др.). По его престарѣлому возрасту и болѣзненному состоянію, это избраніе не соотвѣтствовало потребностямъ времени, которое нуждалось въ смѣлыхъ и энергичныхъ дѣятеляхъ.

Большое вліяніе на судьбы Западнорусской церкви оказала смерть Сигизмунда III, приключившаяся, какъ извѣстно, въ апрѣлѣ 1632 г.

Во-первыхъ, эта церковь избавилась отъ своего главнаго врага и гонителя; а во-вторыхъ, предстоявшіе междуцарствіе и выборъ новаго короля давали возможность православнымъ обывателямъ Рѣчи Посполитой на сеймикахъ и сеймахъ свободно и громко заявлять о нарушенныхъ своихъ правахъ и требовать ихъ возстановленія. Особенно оживились западнорусскія братства, которыя именно въ такомъ смыслѣ и составляли инструкціи для мѣстныхъ пословъ, отправлявшихся на Варшавскій сеймъ. А Запорожское войско прямо потребовало полнаго уничтоженія уніи. Изъ среды же русскаго духовенства въ этотъ знаменательный моментъ выступилъ впередъ все тотъ же умный, энергичный архимандритъ Петръ Могила, который постарался объединить всѣ сіи православные элементы для рѣшительныхъ дѣйствій противъ уніи. Мало того, благодаря своимъ связямъ, онъ вошелъ въ сношенія съ вельможными представителями протестантизма (наприм., Христофоромъ Радивиломъ) и приглашалъ ихъ къ соединеннымъ усиліямъ для возстановленія религіозной свободы.

Встревоженное этимъ движеніемъ латино-уніатское духовенство, съ Велямиеомъ Рутскимъ во главѣ, напрягало съ своей стороны всѣ силы для противодѣйствія, и увѣщевало сеймовыхъ пословъ своего исповѣданія дать дружный отпоръ диссидентамъ. На сеймахъ Конвокаційномъ и Избирательномъ (Элекційномъ), куда явился и самъ Могила, происходили горячія пренія по церковнымъ вопросамъ и учреждались для нихъ смѣшанныя комиссіи. Къ счастію, королевичъ Владиславъ былъ чуждъ отцовскаго фанатизма; поэтому католическая партія не очень ему благопріятствовала, и онъ при своемъ избраніи опирался болѣе на православныхъ и протестантовъ; а въ особенности благосклонно относился къ Запорожскому войску, въ услугахъ котораго весьма нуждался по причинѣ начавшейся тогда войны съ Москвою. Въ числѣ представленныхъ ему условій (pacta conventa) онъ присягнулъ и на тѣхъ статьяхъ, которыя были выработаны смѣшанной комиссіей на Избирательномъ сеймѣ по вопросу о правахъ „людей Греческой вѣры“. Имъ предоставлено право имѣть своего митрополита и четырехъ епископовъ; кромѣ того, отмѣнены разныя постановленія, стѣснительныя для Западнорусской церкви. Православные депутаты воспользовались обстоятельствами, и, прежде чѣмъ разъѣхаться изъ Варшавы, выбрали себѣ новыхъ іерарховъ, а главнымъ образомъ новаго митрополита, въ лицѣ Петра Могилы (3 декабря 1632 года). На слѣдующемъ сеймѣ, Коронаційномъ, въ Краковѣ, Владиславъ утвердилъ этотъ выборъ и выдалъ Петру „привилей“.

Новый митрополитъ обратился за благословеніемъ къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису, которое вскорѣ и получилъ вмѣстѣ съ титуломъ патріаршаго экзарха. Свое церковное посвященіе на митрополію Петръ Могила пожелалъ совершить въ дружественномъ ему Львовѣ, а не въ Кіевѣ, гдѣ часть гражданъ держала сторону его соперника Исаіи Копинскаго. Это посвященіе происходило въ концѣ апрѣля 1633 г. и было совершено четырьмя православными епископами: львовскимъ, луцкимъ, пинскимъ и холмскимъ. Когда же новопосвященный митрополитъ прибылъ въ Кіевъ, приверженцы его устроили торжественную встрѣчу съ поднесеніемъ панегириковъ въ прозѣ и виршахъ. Но тутъ на первыхъ же порахъ ему пришлось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для водворенія своего авторитета. На основаніи королевской грамоты, посланные имъ протоіереи съ толпою мѣщанъ, казаковъ и слугъ, въ сопровожденіи двухъ возныхъ, потребовали отъ уніатскаго митрополичьяго намѣстника ключи Кіевософійскаго собора; получивъ отказъ, они отбили замки и силою завладѣли каѳедральнымъ храмомъ. Отъ уніатовъ были отобраны и три городскія церкви. Могила имѣлъ еще королевскую грамоту на владѣніе кіевскимъ Николо-Пустынскимъ монастыремъ; а когда игуменъ съ иноками здѣсь воспротивились, то онъ пошелъ на этотъ монастырь съ цѣлымъ вооруженнымъ отрядомъ и съ пушками, взялъ его силою и суровыми тѣлесными наказаніями смирилъ строптивыхъ иноковъ. Престарѣлый Исаія Копинскій также не захотѣлъ добровольно уступить свое мѣсто новому митрополиту. Могила велѣлъ однажды ночью взять старика и выпроводить изъ Михайловской обители, хотя король и оставилъ эту обитель за Копинскимъ. Послѣдній снова удалился въ свои заднѣпровскіе монастыри. Король призналъ за нимъ санъ архіепископа Сѣверскаго; но онъ до самой своей смерти (1640 г.) тщетно пытался судомъ и другими средствами бороться со своимъ счастливымъ соперникомъ.

Межъ тѣмъ Владиславъ IV усердно хлопоталъ объ исполненіи своихъ обѣщаній, данныхъ православнымъ при его избраніи и коронаціи, и вообще объ умиреніи горячихъ церковныхъ распрей, возникшихъ при его отцѣ и грозившихъ Рѣчи Посполитой большими бѣдствіями. Чтобы ослабить противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны сильной латино-уніатской партіи, онъ постарался заручиться соизволеніемъ на нихъ Римской куріи, откуда эта партія ожидала громовыхъ ударовъ противъ всякихъ примирительныхъ сдѣлокъ съ православными. Владиславъ въ 1634 году отправилъ для сего въ

Римъ посломъ Георгія Оссолинскаго, человѣка умнаго, образованнаго и владѣвшаго даромъ слова. Тотъ объяснилъ папѣ Урбану VIII необходимость хотя бы временнаго умиротворенія православныхъ въ виду борьбы Польши со Швеціей и Москвою: впослѣдствіи, когда эта борьба счастливо окончится, не только де православные Западноруссы, но и самые Москвитяне будутъ приведены къ послушанію папскому престолу, а Шведы будутъ возвращены въ лоно католической церкви. Папа былъ настолько убѣжденъ краснорѣчивыми доводами Оссолинскаго, что обѣщалъ не издавать никакой грозной грамоты противъ дѣйствій короля, т.-е. пока давалъ свое *молчаливое согласіе* на его примирительные планы. Это обстоятельство не мало помогло королю на сеймѣ 1635 года добиться постановленій, если не вполнѣ, то въ значительной степени исполнявшихъ, внесенныя въ pacta conventa, „статьи успокоенія" православныхъ.

На этомъ сеймѣ, какъ и на предыдущихъ, православная партія въ своей борьбѣ съ латино-уніатской нашла себѣ поддержку у протестантовъ. Для подготовленія ея успѣховъ особенно много потрудился новопоставленный Кіевскій митрополитъ. Онъ старался вдохнуть въ свою паству единодушіе и мужественную рѣшимость постоять за вѣру отцовъ; устраивалъ молебствія объ одержаніи побѣды надъ ея противниками; причемъ самъ сочинилъ и напечаталъ въ Печерской типографіи молитвословіе объ умиреніи православной церкви или такъ-наз. *Параѳимію*; писалъ письма разнымъ вліятельнымъ лицамъ, убѣждая ихъ содѣйствовать умиротворенію пагубныхъ для Рѣчи Посполитой церковныхъ распрей; помогалъ православной шляхтѣ сочинять на сеймикахъ инструкціи для сеймовыхъ пословъ; приглашалъ православныхъ къ денежному участію въ тѣхъ большихъ расходахъ, которые ему предстояли; такъ какъ онъ отправился въ Варшаву, чтобы и на этотъ разъ лично руководить православной партіей на сеймѣ, гдѣ съ помощью золота надобно было ослаблять рвеніе ея многочисленныхъ и сильныхъ противниковъ.

Сеймъ 1635 г. продолжался шесть недѣль и закончился 14 марта. Въ этотъ день, на основаніи состоявшейся сеймовой конституціи, выданы отъ имени короля двѣ привилегіи: одна уніатамъ, другая православнымъ. Важнѣйшія ихъ статьи были слѣдующія.

За уніатами навсегда оставались архіепископство Полоцкое, епископства Владимірское, Пинское, Холмское и Смоленское съ ихъ монастырями и церквами, въ томъ числѣ и виленскій монастырь Св. Троицы. Въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогродкѣ неуниты не должны

имѣть ни одной церкви (тогда какъ по прежнимъ примирительнымъ статьямъ обѣщано церкви раздѣлить между уніатами и православными сообразно съ ихъ числомъ). Луцкое епископство оставалось въ вѣдѣніи ксендза Почаповскаго до его смерти, послѣ которой оно переходило къ Аѳанасію Пузынѣ, избранному на эту епископію православными волынскими обывателями. Перемышльская епархія по смерти уніата Крупецкаго также переходитъ къ тому православному епископу, котораго изберутъ обыватели. Митрополиту Петру Могилѣ предоставлено вѣдѣніе Печерской архимандріей, Николаевскимъ монастыремъ и храмомъ Св. Софіи. Въ православныхъ школахъ, кіевскихъ и волынскихъ, дозволено учить по-гречески и по-латыни и свободнымъ наукамъ, но не далѣе діалектики и логики. Для раздѣла церквей между унитами и неунитами должны быть назначены особые комиссары.

На привилегію, выданную православнымъ, со стороны латино-уніатской партіи послѣдовала протестація, подписанная всѣми присутствовавшими въ Варшавѣ бискупами, а также нѣкоторыми сановниками и послами (въ числѣ 51 подписи). Подобная же протестація явилась потомъ и со стороны папскаго нунція. Эти протестаціи не имѣли юридическаго значенія, т.-е. не могли уничтожить законную силу сеймовой конституціи; но онѣ вновь возбуждали религіозную вражду и, ослабляя уваженіе къ новоизданному закону, подготовляли или заранѣе оправдывали неповиновеніе, могущее встрѣтиться при его исполненіи. И дѣйствительно, когда королевскіе комиссары начали свой объѣздъ для распредѣленія церквей между уніатами и православными, то они встрѣтили немалыя затрудненія своему дѣлу, а иногда и открытое сопротивленіе. Нерѣдко случалось, что жители, уже считавшіеся въ уніи, бывъ привлечены къ ней угрозами и насиліемъ, теперь при опросѣ ихъ комиссіей объявляли себя православными. Такимъ образомъ въ иныхъ мѣстахъ происходило массовое отпаденіе народа отъ уніи и возвращеніе въ православіе. Разумѣется, латино-уніатскія власти были тѣмъ крайне недовольны, обвиняли комиссаровъ въ пристрастіи и неправильномъ веденіи дѣла, заносили свои протесты въ судебныя книги и даже прямо сопротивлялись отдачѣ церквей православнымъ. Особеннымъ фанатизмомъ отличился уніатскій холмскій епископъ Меѳодій Терлецкій. Въ самомъ Холмѣ онъ не соглашался уступить ни одной церкви; а когда комиссары велѣли сломать замки у храма Успенія Пресв. Богородицы и передали его православнымъ, Терлецкій отправился

съ толпою католиковъ и уніатовъ и въ свою очередь отнялъ храмъ обратно. Православные тогда хотѣли соорудить себѣ новую церковь; но едва началась постройка, какъ Меѳодій силою захватилъ приготовленный матеріалъ и самое мѣсто, назначенное для церкви. Своими притѣсненіями онъ довелъ жителей Холма до того, что они почти всѣ перешли въ унію. Такими же средствами онъ дѣйствовалъ во всей своей епархіи. Съ другой стороны и среди православнаго духовенства также встрѣчаются лица, дѣйствовавшія съ неменьшею энергіей и ревностью. Напримѣръ, таковъ былъ луцкій писарь Семенъ Гулевичъ, избранный на каѳедру Перемышльской епископіи. По вышеприведенной сеймовой конституціи, эта каѳедра могла перейти къ нему только послѣ смерти уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго; а до того времени въ его распоряженіе назначены монастырь Св. Спаса и еще двѣ обители съ ихъ имуществами. Не надѣясь, чтобы Крупецкій добровольно уступилъ ему Спасскій монастырь, Гулевичъ особыми призывными грамотами къ извѣстному дню собралъ изъ своей епархіи нѣсколько тысячъ православныхъ. Толпа эта внезапно напала на монастырь, разрушила его ограду, завладѣла келіями и всѣмъ монастырскимъ имуществомъ, разбила церковныя двери и ввела въ храмъ Гулевича, а запершагося тамъ Крупецкаго едва не убила.

Вообще постановленный сеймомъ раздѣлъ церквей между уніатами и православными, вмѣсто успокоенія, вызвалъ жестокія столкновенія и еще болѣе обострилъ ихъ отношенія. Подъ давленіемъ жалобъ и криковъ, поднятыхъ латино-уніатской партіей, самъ король вынужденъ былъ изъявить свое неодобреніе дѣйствіямъ коммиссаровъ, и нѣкоторыя отобранныя въ пользу православныхъ церкви приказалъ возвратить уніатамъ. Но онъ все еще не покидалъ мысли о примиреніи враждующихъ сторонъ, и съ этою цѣлью въ томъ же 1636 году возобновилъ проектъ, явившійся при Сигизмундѣ III: взаимными уступками привести уніатовъ и православныхъ къ соглашенію и соединить ихъ въ одну церковь подъ главенствомъ собственнаго *Западнорусскаго патріарха*. Кандидатомъ на эту патріаршую каѳедру, очевидно, намѣченъ былъ ни кто другой, какъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила, который, какъ извѣстно, въ бытность свою Печерскимъ архимандритомъ благосклонно относился къ идеѣ примиренія православія съ уніей. Но теперь, въ санѣ митрополита, онъ убѣдился, что при такомъ внѣшнемъ примиреніи православная церковь въ дѣйствительности будетъ порабощена пап-

скому престолу. Поэтому, хотя онъ и не возражалъ открыто на проектъ короля, но принялъ всѣ мѣры, чтобы изъ его паствы были выбраны самые ревностные православные въ депутаты на предстоявшій сеймъ (1637 г.), на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ учрежденіи Западнорусскаго патріархата. Въ свою очередь сеймъ этого вопроса не рѣшилъ, и затѣя короля окончилась ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе она дала поводъ нѣкоторымъ врагамъ Петра Могилы, въ особенности Исаіи Копинскому, распустить клевету, будто Кіевскій митрополитъ отпалъ отъ православія и подчинился Римскому папѣ.

Еще до избранія Могилы на митрополію началось сліяніе его Лаврскаго училища съ Богоявленскою братскою школою. Теперь сліяніе это совершилось: новый митрополитъ окончательно перевелъ свой фундушъ или записанныя за училищемъ имѣнія на Братскую школу; причемъ испросилъ ей отъ короля разныя привилегіи и наименованіе ея коллегіей. Наставники, получившіе образованіе за границей, и преобладаніе латинскаго языка среди учебныхъ предметовъ продолжали по временамъ волновать Кіевлянъ, опасавшихся за чистоту православія и подстрекаемыхъ злонамѣренными людьми. Но митрополитъ и его сотрудники своими рѣчами и сочиненіями умѣли разсѣивать эти опасенія. Кіево-Могилянская коллегія скоро дала хорошіе плоды; изъ нея вышелъ цѣлый рядъ ученыхъ и писателей, получившихъ значеніе въ исторіи не только южно-русскаго, но и всего русскаго просвѣщенія. Она надолго послужила образцомъ для среднихъ и высшихъ русскихъ училищъ.

Петръ Могила согласился занять митрополичью каѳедру съ тѣмъ условіемъ, чтобы за нимъ оставлена была Кіевопечерская архимандрія. Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ вѣдѣніе ея имуществами съ доходами митрополіи, онъ широкою рукою употреблялъ эти средства на нужды Южнорусской церкви, на свои просвѣтительныя учрежденія и благолѣпіе храмовъ. Каѳедральный Кіевософійскій соборъ былъ возвращенъ отъ уніатовъ въ совершенно запущенномъ состояніи. Въ одной жалобѣ православныхъ говорится, что намѣстникъ уніатскаго митрополита (Садковскій) ободралъ оловянную кровлю и продалъ ее, а храмъ покрылъ тресками (жердями), даже не соломою, которая не допускала бы течи и происходящаго отсюда разрушенія. Митрополитъ обновилъ соборъ, украсилъ живописью и вновь освятилъ. Онъ обновилъ и Выдубецкій монастырь, возвращенный православнымъ въ обмѣнъ на Гродненскій

(по сеймовой конституціи 1635 года); очистилъ отъ земли развалины Десятинной церкви и т. д. Вообще въ митрополичьемъ санѣ Петръ Могила продолжалъ всѣ начинанія, предпринятыя имъ въ качествѣ Кіевопечерскаго архимандрита. Между прочимъ онъ много заботился о болѣе исправномъ изданіи богослужебныхъ книгъ, и требовалъ, чтобы таковыя прежде своего печатанія представлялись на его разсмотрѣніе и разрѣшеніе. Кромѣ неисправностей въ рукописяхъ и прежнихъ изданіяхъ, къ этой мѣрѣ побудило его также коварство іезуитовъ и уніатовъ, которые стали издавать на польскомъ и русскомъ языкахъ книги, якобы православныя, но заключавшія въ себѣ католическія, а иногда и протестантскія примѣси, вызывавшія соблазнъ среди православныхъ. Напримѣръ, въ Женевѣ около того времени появилось на латинскомъ и греческомъ языкахъ сочиненіе, озаглавленное „Восточное исповѣданіе православной вѣры" и ложно подписанное именемъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Это сочиненіе, написанное въ духѣ кальвинскаго ученія, произвело большую смуту на Востокѣ и повлекло за собою сверженіе неповиннаго въ ней Лукариса. Подобное обстоятельство побудило Петра Могилу издать для Западнорусской церкви катехизисъ, который былъ составленъ подъ его руководствомъ и озаглавленъ: „Православное исповѣданіе вѣры". Книга эта была разсмотрѣна и одобрена на Кіевскомъ соборѣ 1640 года, а впослѣдствіи подтверждена и восточными патріархами. Въ сокращенномъ видѣ она была издана тѣмъ же митрополитомъ подъ именемъ „Краткій катехизисъ" (принятый какъ руководство и въ Московской Руси).

Кіевскій духовный соборъ 1640 года былъ созванъ Могилою вслѣдствіе вновь усилившихся гоненій на православіе. Латино-уніаты воспользовались для сего рядомъ неудачныхъ казацкихъ возстаній, послѣ которыхъ и самъ король Владиславъ относился къ православнымъ уже не такъ благосклонно. Вновь начались притѣсненія духовенству и насильственное отнятіе церквей со стороны уніатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ новый ихъ митрополитъ Антоній Селява (преемникъ Рафаила Корсака). Въ самомъ Кіевѣ латино-уніатская партія дѣйствовала подъ покровительствомъ кіевскаго воеводы Януша Тышкевича.

Петръ Могила вновь отправился лично въ Варшаву ходатайствовать передъ сеймомъ и королемъ, и его неослабнымъ усиліямъ удалось еще разъ добиться нѣкоторыхъ конституцій, смягчавшихъ

означенныя гоненія. Въ то же время ему приходилось продолжать усердную борьбу и въ сферѣ литературной полемики.

Извѣстный Касьянъ Саковичъ, бывшій уніатскимъ Дубенскимъ архимандритомъ и успѣвшій опять перемѣнить вѣру, т.-е. перейти въ католичество, издалъ въ Краковѣ на польскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Перспектива" или „Обозрѣніе заблужденій, ересей и предразсудковъ церкви Русской". (1642). Тутъ онъ съ ожесточеніемъ напалъ на православную, преимущественно Южнорусскую, церковь. и, какъ самое заглавіе показываетъ, старался изобразить ее преисполненной всякихъ суевѣрій и поврежденій, отъ которыхъ единственнымъ спасеніемъ предлагалъ, конечно, соединеніе съ Римскимъ костеломъ. Православные не могли равнодушно снести его злые нападки, способные соблазнить нетвердыхъ въ вѣрѣ. Спустя два года, въ отвѣтъ ему издана была въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ книга подъ названіемъ: „Λιθος или камень съ пращи истинной св. православной церкви Русской". Полагаютъ, что она была сочинена или самимъ Могилою, или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Здѣсь со строгою послѣдовательностію разбираются и опровергаются обвиненія противника; а затѣмъ авторъ нападаетъ на унію, какъ главную виновницу безпорядковъ, возникшихъ въ Южнорусской церкви, и подвергаетъ критическому разбору два главные догмата, отличающіе Латинскую церковь отъ Греческой, т.-е. объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ папы. Книга эта имѣла большой успѣхъ, и въ литературной борьбѣ съ латино - уніатами замѣтно склонила перевѣсъ въ пользу православныхъ. Наиболѣе же извѣстнымъ и прочнымъ памятникомъ трудовъ Петра Могилы, понесенныхъ на пользу Южнорусской церкви и ради благоустроенія ея обрядовой стороны, служитъ его большой *Требникъ* или молитвословъ (Евхологіонъ). Съ теченіемъ времени въ рукописныхъ и даже печатныхъ требникахъ оказалось много неисправностей; притомъ на многіе случаи частной и общественной жизни въ нихъ недоставало особыхъ молитвъ и обрядовыхъ указаній. Исправленія и дополненія сдѣланы были при сличеніи греческихъ и славянскихъ (въ томъ числѣ московскихъ) изданій съ римскими, а также со старыми харатейными рукописями. Требникъ Могилы снабженъ и объяснительными статьями о значеніи того или другого таинства, того или другого священнодѣйствія и чинопослѣдованія. (Всего въ Требникѣ до 126 чиновъ и статей). Онъ былъ изданъ въ 1646 году, незадолго до кончины его знаменитаго автора.

Любопытны отношенія Петра Могилы къ Москвѣ. Въ началѣ своей церковной дѣятельности онъ, по всѣмъ даннымъ, вѣрно служилъ интересамъ Рѣчи Посполитой; но борьба съ латино-уніатами и возобновлявшіяся гоненія на православіе, особенно жестокости, наступившія за усмиреніемъ казацкаго мятежа 1638 года, заставили его пойти по стопамъ Іова Борецкаго и обращаться въ Москву ради матеріальнаго и духовнаго вспоможенія для своей митрополіи.

Непосредственнымъ его сношеніямъ съ Москвою предшествовало прибытіе сюда южнорусскихъ монаховъ, бѣжавшихъ изъ Сѣверскихъ монастырей въ 1638 году отъ польскихъ гоненій. То были монастыри мужской Густынскій и дѣвичій Ладинскій, оба близъ города Прилукъ, на р. Удаѣ. Они основаны въ 1610 — 1614 гг. въ земляхъ князей Вишневецкихъ, которые, вмѣстѣ съ Конецпольскими и Потоцкими, получили громадныя помѣстья въ лѣвобережной Украйнѣ. Фундаторами сихъ монастырей (надѣлившими ихъ землями и угодьями) были князь Михаилъ-Корибутъ Вишневецкій и супруга его Регина (двоюродная сестра Петра Могилы), оба отличавшіеся усердіемъ къ православію. Спустя лѣтъ десять, уже по смерти князя Михаила и его супруги, на ихъ же земляхъ основался еще мужской монастырь Мгарскій. Юный ихъ сынъ Іеремія, воспитанный подъ надзоромъ густынскаго архимандрита Исаіи Копинскаго, по кончинѣ родителей поступилъ подъ опеку своего дальняго родственника Константина Вишневецкаго, принявшаго католицизмъ (извѣстный зять Юрія Мнишка?), и отданъ былъ на воспитаніе въ Львовское іезуитское училище. Тамъ его, конечно, совратили. Ставъ ревностнымъ католикомъ, онъ принялся въ своихъ червонорусскихъ, волынскихъ и украинскихъ владѣніяхъ воздвигать костелы и кляшторы и притѣснять православныхъ. Тщетно бывшій его воспитатель, а теперь Кіевскій митрополитъ, обратился къ нему съ посланіемъ, въ которомъ напоминалъ завѣтъ умиравшей его матери и увѣщевалъ воротиться къ вѣрѣ предковъ. Іеремія остался глухъ къ его увѣщаніямъ и продолжалъ фанатически преслѣдовать своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Мало того, когда Копинскій былъ изгнанъ изъ Кіева и удалился въ свою Сѣверскую епархію, Іеремія Вишневецкій отнялъ у него помянутые монастыри (Густынскій и Мгарскій), которые передалъ его счастливому сопернику, а своему родственнику Петру Могилѣ (1635 г.). Во время казацко-польской войны монахи и монахини Густынскіе и Ладинскія, спасаясь отъ гоненій, покинули свои монастыри, забравъ съ собою дорогую церковную

утварь и книги, и бѣжали въ пограничный московскій городъ Путивль; но прежде чѣмъ добрались сюда, все захваченное ими церковное имущество и всякое добро, до 20 возовъ, было ограблено какими-то „ляхами и жидами“. Любопытно, что путивльскій воевода Плещеевъ въ своемъ донесеніи царю пишетъ, будто и самъ митрополитъ Петръ Могила, по словамъ бѣжавшихъ чернецовъ, отпалъ отъ православія. Эта клевета (вѣроятно распущенная его соперникомъ Копинскимъ), впрочемъ, была опровергнута новымъ донесеніемъ Плещеева въ томъ же 1638 году. Мало того, усердіемъ Кіевскаго митрополита тѣ же запустѣвшіе монастыри вскорѣ были обновлены, снабжены новою утварью и книгами, при помощи московско-царскихъ пожертвованій.

Первое извѣстное намъ посольство Петра Могилы къ Михаилу Ѳеодоровичу относится къ концу 1639 и началу 1640 года. Оно было довольно многочисленно, имѣя во главѣ митрополичьяго кіевопечерскаго намѣстника Игнатія. При немъ находились: печерскій „уставникъ“ Иринархъ, архидіаконъ Амвросій Быковскій, игуменъ кіевобратскаго Богоявленскаго монастыря Леонтій, выдубецкій игуменъ Сильвестръ, келарь Николо-Пустыннаго монастыря Митрофанъ и нѣсколько митрополичьихъ чиновниковъ изъ міранъ. Митрополичья грамота къ царю главнымъ образомъ заключала ходатайство о милостынѣ на обновленіе и украшеніе Софійскаго собора, Печерской лавры, а также Выдубецкаго монастыря и другихъ церквей, возвращенныхъ отъ уніатовъ въ самомъ разоренномъ состояніи. Подобныя же челобитныя грамоты привезли упомянутые представители кіевскихъ монастырей. Эти кіевскіе старцы удостоились торжественнаго царскаго пріема 9 апрѣля 1640 года, одновременно съ монахами, прибывшими изъ Царьграда, Волошской земли и съ Аѳона. Отъ Кіевскаго митрополита были поднесены царю часть мощей великаго князя Владиміра въ серебряномъ ковчегѣ и крестъ съ вырѣзанными на немъ Господскими праздниками; по одному подобному же кресту онъ прислалъ для царицы Евдокіи Лукьяновны и царевича Алексѣя Михайловича. Приношенія эти были благосклонно приняты, а члены посольства одарены соболями, камками и рублями. Старецъ Игнатій просилъ еще отъ имени митрополита, чтобы царь приказалъ своимъ „добре художнымъ мастерамъ, которые рѣзъ рѣжутъ“, сдѣлать раку для мощей св. князя Владиміра, открытыхъ въ Десятинной церкви и положенныхъ теперь въ Софійскомъ соборѣ. Кромѣ денежнаго вспоможенія кіевскіе игумены про-

сили о пожертвованіи имъ церковной утвари, сосудовъ, ризъ и богослужебныхъ книгъ московской печати; просили также о дозволеніи пріѣзжать въ Москву за милостынею въ извѣстные сроки. Повидимому, всѣ эти просьбы были удовлетворены; митрополиту и монастырямъ послано щедрое вспоможеніе; первому однихъ соболей дано на 150 рублей, а тремъ монастырямъ каждому по 100 рублей.

То же посольство сдѣлало отъ имени митрополита слѣдующее любопытное челобитье царю: чтобы онъ велѣлъ соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ поселятся старцы изъ Кіевобратской обители и будутъ учить боярскихъ и другихъ дѣтей греческой и славянской грамотѣ. Въ примѣръ оно приводило волошскаго господаря Василія (Лупула), который по своему прошенію получилъ учителей отъ Кіевскаго митрополита. Очевидно, Петръ Могила хлопочетъ о распространеніи школьнаго просвѣщенія, при помощи своей коллегіи, не только на Югозападную, но и на Восточную или Московскую Русь. Но пока это была идея, давшая плоды только впослѣдствіи.

Кромѣ молитвъ за здравіе Московскаго государя и его семейства, кіевскіе митрополитъ, игумны и старцы служили ему и въ политическихъ дѣлахъ. Напримѣръ, при ихъ помощи происходили негласныя сношенія и пересылки между Московскимъ царемъ и молдо-валашскими господарями. Они же доставляли въ Москву вѣсти о политическихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой. Такъ, во время означеннаго посольства митрополичій намѣстникъ сообщилъ о случившемся не задолго внезапномъ набѣгѣ Крымскихъ татаръ на Кіевщину, Волынь и прилукскія имѣнья Вишневецкихъ, изъ-за постройки крѣпости Кодака; причемъ угнали полону будто бы до 100.000 человѣкъ (на самомъ дѣлѣ 30.000); за ними пошелъ гетманъ Конецпольскій, отбилъ немного плѣнныхъ, и пр. Тотъ же старецъ Игнатій сообщилъ слухи о событіяхъ, происходившихъ на войнѣ Цесаря съ Свейскими людьми (т.-е. о войнѣ Тридцатилѣтней). „Свейскіе—говорилъ онъ—Цесаревыхъ одолѣваютъ небольшими людьми, только умѣньемъ и промысломъ"; а наемные у Цесаря Польскіе и Литовскіе люди за недоплату жалованья перешли на сторону Шведовъ. Въ послѣдующіе годы, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, густынскіе старцы, пріѣзжавшіе въ Московское государство за подаяньемъ, въ пограничномъ Путивлѣ прежде всего подвергались воеводскому разспросу и должны были сообщать всякія политическія вѣсти; черезъ нихъ же пересылались царскія грамоты молдавскому господарю Ва-

силію. Имѣемъ еще письмо Петра Могилы царю Михаилу Ѳеодоровичу отъ 1644 года. Митрополитъ благодаритъ за присылку изъ Москвы сусальнаго мастера. (Этотъ мастеръ, по имени Якимка Евтифѣевъ, въ Печерскомъ монастырѣ сдѣлалъ 10.000 листовъ сусальнаго золота и двѣ иконы обложилъ басмою). Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ о женитьбѣ князя Януша Радивила (сынъ Христофора и будущій также гетманъ) на Маріи, дочери того же господаря Василія: Кіевскій митрополитъ ѣздилъ поэтому въ Яссы и, 25 января, самъ обвѣнчалъ князя-протестанта съ Маріей (родственницей Могилы по матери). Съ Радивиломъ была вооруженная свита въ 2.000 человѣкъ.

Спустя два года, видимъ новое посольство отъ Петра Могилы и Кіевскихъ монастырей за милостынею въ Москву уже къ преемнику Михаила, молодому царю Алексѣю Михайловичу. На этотъ разъ во главѣ посольства вмѣсто Игнатія, получившаго Выдубецкое игуменство, стоятъ помянутые прежде старцы Иринархъ, теперь игуменъ Печерскій, и Амвросій Быковскій, теперь уставщикъ Софійскаго собора; а изъ міранъ, участвовавшихъ въ первомъ посольствѣ, встрѣчается Иванъ Андреевичъ Предремирскій, „бояринъ и слуга“ митрополичій. Они представили отъ митрополита Царю въ даръ: муро отъ печерскихъ чудотворцевъ, янтарное распятіе, верхового арабскаго коня, нѣсколько упряжныхъ лошадей, ковры, хрустальные сосуды и пр. Игуменъ Иринархъ отъ себя поднесъ Тріодь Цвѣтную въ лицахъ и Акаѳистъ, также въ лицахъ. Подарки были приняты; причемъ, по обычаю Московскаго двора, кони подверглись подробной оцѣнкѣ со стороны Конюшеннаго приказа. Почти одновременно съ симъ посольствомъ прибыли за милостынею въ Москву старцы изъ прилуцкаго Густынскаго и лубенскаго Мгарскаго монастырей, съ разными вѣстями о дѣлахъ Польскихъ, Турецкихъ и Запорожскихъ. Ихъ челобитья были также щедро удовлетворены новымъ царемъ, какъ и его покойнымъ родителемъ.

Всѣ сіи обращенія и челобитья Іова Борецкаго, Петра Могилы и южнорусскихъ монаховъ къ Москвѣ въ значительной степени подготовили почву для послѣдующихъ важныхъ событій, т.-е. для присоединенія Малой Россіи къ Московской державѣ.

Названное сейчасъ посольство Петра Могилы къ царю было послѣднимъ. Въ началѣ слѣдующаго 1647 года онъ скончался. Ему было только 50 лѣтъ; но чрезвычайные труды и умственное напряженіе надломили его силы. Стоитъ только обозрѣть все сдѣланное

имъ въ теченіе 20 лѣтъ, протекшихъ отъ его посвященія въ архимандриты, чтобы оцѣнить его великія заслуги дѣлу православія и просвѣщенія въ Южной Руси, и притомъ совершенныя въ такую трудную для нея эпоху. Хотя преемникомъ ему на Кіевской митрополичьей каѳедрѣ избранъ одинъ изъ достойныхъ его сотрудниковъ и преподавателей Кіевобратской коллегіи, Сильвестръ Коссовъ, посвященный имъ въ санъ Могилевскаго епископа, однако потеря Петра Могилы для Южнорусской церкви была незамѣнима. ([23]).

Борьба между православными и латино-уніатами въ эту эпоху происходила почти во всѣхъ углахъ Западной и Южной Руси, вошедшей въ составъ Рѣчи Посполитой. Межъ тѣмъ какъ въ Кіевской области перевѣсъ былъ на сторонѣ православныхъ, въ Сѣверозападной Руси брали верхъ латино-уніаты, несмотря на горячее имъ сопротивленіе. Примѣромъ такого сопротивленія могутъ служить Полочане. По сеймовой конституціи 1632 года, рѣшено было раздѣлить Полоцкую епархію между православнымъ и уніатскимъ архіереями: послѣднему назначенъ мѣстопребываніемъ Полоцкъ, а первому Могилевъ. Но въ Полоцкѣ значительная часть жителей еще крѣпко держится православія. Отсюда видимъ настойчивыя жалобы со стороны преемника Кунцевича, Антонія Селявы, на полоцкихъ мѣщанъ, которые поднимали противъ него бунты и даже покушались на его жизнь. Такъ, однажды, когда онъ плылъ въ лодкѣ по Двинѣ изъ Полоцкаго замка въ монастырь Борисоглѣбскій, въ него съ берега сдѣланы были два выстрѣла изъ мушкета; но пули пролетѣли мимо. Далѣе, полоцкое духовенство жалуется, что окрестные мѣщане не ходятъ въ его церкви и не хотятъ совершать требы у поповъ уніатскихъ; не упускаетъ оно обжаловать въ ратушѣ и такой случай, когда уніаты - родители позволяли своей дочери выдти за православнаго и вѣнчаться въ православномъ храмѣ. Нерѣдко встрѣчаемъ со стороны католиковъ и уніатовъ предъявленныя властямъ протестаціи на то, что православные Полочане ругаются надъ образами Казиміра и Іосафата (Кунцевича) и другими латинскими иконами, называютъ уніатскую вѣру „дьявольскою" и т. п. Очевидно, религіозная вражда здѣсь доходила до ожесточенія. Городскія власти, конечно, на сторонѣ латино-уніатовъ, а православныхъ открыто притѣсняютъ и, въ случаяхъ тяжбы, выказываютъ явное пристрастіе. Такъ, они бросаютъ въ тюрьму мѣщанина за то, что онъ назвалъ Кунцевича только „велебнымъ", а не бла-

гословеннымъ. Для распространенія уніи власти не брезгали никакими средствами: напримѣръ, преступники, чтобы избѣжать наказанія или смягчить его, принимали унію; даже убійцы такимъ способомъ избавлялись отъ смертной казни. Въ свою очередь гоненіе на православіе вело и къ такимъ послѣдствіямъ: въ 1633 году, во время войны съ Москвою, Полочане не радѣли обороною города, и при нападеніи московскаго войска онъ былъ сожженъ. Напротивъ, Могилевцы, довольные водвореніемъ у нихъ православной каѳедры, въ этой войнѣ помогали Полякамъ провіантомъ, аммуниціей и т. п.; за что были награждены мостовымъ сборомъ.

Что вѣроисповѣдная борьба, кипѣвшая въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, нерѣдко принимала весьма жестокій и кровавый характеръ, тому, кромѣ фанатизма, способствовали также грубость нравовъ и господство суевѣрій, которыми отличалась данная эпоха. Эти черты ярко отражаются въ судебныхъ процессахъ того времени. Мы встрѣчаемъ подаваемыя въ судъ жалобы на порчу здоровья или другой какой вредъ, который будто бы насылали люди, занимавшіеся колдовствомъ. Судьи серьезно разбираютъ такія жалобы и приговариваютъ обвиненныхъ къ жестокимъ наказаніямъ. Напримѣръ, въ 1631 году видимъ долгій процессъ, возбужденный по обвиненію одной попадьи (Раины Громыкиной) въ чародѣйствѣ. Начатый въ Новогродскомъ судѣ, этотъ процессъ окончился въ Минскомъ трибуналѣ, который приговорилъ обвиняемую къ пыткамъ и затѣмъ къ казни. А въ 1643 году Полоцкій магистратъ приговорилъ къ сожженію одного мѣщанина (Василія Брыкуна), также обвиненнаго въ чародѣйствѣ. Слѣдовательно, не только простолюдины, но и члены городского самоуправленія и сами высшіе суды, состоявшіе изъ людей, казалось бы, наиболѣе образованныхъ, были одинаково исполнены невѣжественныхъ и грубыхъ суевѣрій.

Въ ту же эпоху борьбы съ уніей изъ ревнителей и мучениковъ православія особенно выдвигается брестъ - литовскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ.

Дѣятельность его, между прочимъ, связана съ исторіей самозванца Лубы. Когда послѣдній мальчикомъ былъ отданъ на воспитаніе Льву Сапѣгѣ, то канцлеръ обученіе его ввѣрилъ именно Филипповичу, какъ человѣку очень образованному, и тотъ семь лѣтъ занимался этимъ обученіемъ, вѣроятно не вполнѣ сознавая, къ чему готовили мальчика. Потомъ онъ постригся въ виленскомъ

Святодуховомъ монастырѣ и отдался подвижнической жизни, а вмѣстѣ съ нею усердной борьбѣ противъ уніи. Въ бытность его намѣстникомъ Дубойскаго монастыря подъ Пинскомъ, канцлеръ литовскій Станиславъ Радивилъ отобралъ отъ православныхъ эту обитель, и отдалъ ее іезуитамъ. Филипповичъ отсюда удалился въ ближайшій Купятицкій монастырь, извѣстный своей типографіей, въ которой печатались церковныя книги. Въ 1637 году онъ отправился для сбора подаяній въ Бѣлую Русь; а отсюда пробрался въ Москву, былъ принятъ тамъ радушно, и подалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу описаніе бѣдственнаго положенія православной Западнорусской церкви. По возвращеніи своемъ, митрополитомъ Могилою онъ былъ поставленъ на игуменство брестскаго Симеоновскаго монастыря, при луцкомъ епископѣ Аѳанасіи Пузынѣ, къ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ. (Этотъ монастырь Св. Симеона, по рѣшенію короля, былъ оставленъ за православными, и находился подъ покровительствомъ знатной фамиліи Дорогостайскихъ). Въ качествѣ игумна онъ не разъ ѣздилъ въ Краковъ и Варшаву, гдѣ подавалъ королю и сенаторамъ горькія жалобы на притѣсненія, чинимыя православію; причемъ пророческимъ голосомъ грозилъ Рѣчи Посполитой страшными бѣдствіями, если унія не будетъ уничтожена.

Въ 1644 г. во время пріѣзда московскихъ пословъ по дѣлу самозванца Лубы, по ихъ желанію, игуменъ сообщилъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія о своемъ бывшемъ ученикѣ, съ которымъ онъ вновь познакомился въ Брестѣ. Когда король Владиславъ отправилъ Лубу съ посломъ своимъ Стемпковскимъ въ Москву, то Филипповичъ былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ оковы въ качествѣ заложника, т.-е. онъ долженъ былъ своею головою отвѣчать за безопасность самозванца. По возвращеніи сего послѣдняго игуменъ получилъ свободу. Во время своего заключенія онъ написалъ нѣсколько полемическихъ сочиненій противъ латино-уніатовъ и, между прочимъ, наиболѣе извѣстное изъ нихъ, озаглавленное „Діаріушъ“, гдѣ горячо и живо изображаетъ гоненія, воздвигаемыя на православіе, а также разсказываетъ бывшія ему чудесныя видѣнія и таинственные голоса. Въ 1648 году, при началѣ возстанія Хмѣльницкаго, Поляки схватили Филипповича подъ предлогомъ, будто онъ тайно посылалъ казакамъ порохъ и возмутительные листы. Когда же на требованіе іезуитовъ, чтобы онъ принялъ унію, игуменъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и проклятіемъ уніи, Поляки подвергли его мучительной смерти.

Итакъ, хотя король Владиславъ IV не слѣдовалъ католическому фанатизму своего отца, много смягчалъ или отмѣнялъ правительственныя мѣры, направленныя въ пользу уніи и противъ православія, однако толчекъ, данный латино-уніатскому движенію, продолжалъ дѣйствовать и въ царствованіе сего вѣротерпимаго короля. Латино-уніатская партія, опираясь на сильную католическую іерархію, особенно на Іезуитскій орденъ, а также на польско-русскую католическую аристократію, послѣ недолгаго перемирія, вызваннаго смертію Сигизмунда III, возобновила свой наступательный образъ дѣйствія; опять всѣми возможными средствами стала тѣснить православіе и постепенно отнимать у него почву, несмотря на его успѣшную оборону въ эпоху Петра Могилы. Почти во всѣхъ областяхъ Югозападной Руси кипѣла то открытая, то глухая вѣроисповѣдная борьба; причемъ обиды и насилія, чинимыя православнымъ, обыкновенно остаются безнаказанными, а ихъ обращенія къ суду тщетными. Постепенная утрата почвы прежде всего обусловливалась отступничествомъ русскихъ дворянскихъ родовъ, которые продолжаютъ переходить въ католичество отчасти подъ вліяніемъ іезуитской пропаганды, а главное изъ-за мірскихъ выгодъ: такъ какъ королевская власть надѣляетъ должностями, сенаторствомъ, староствами и тому подобными благами по преимуществу католиковъ; людей же православныхъ обходитъ, не взирая ни на какія ихъ заслуги. И однако православіе все еще было крѣпко, преимущественно въ южнорусскомъ населеніи, собственно въ мѣщанствѣ и крестьянствѣ, опиравшихся на казачество. Съ католичествомъ въ Польшѣ и Литвѣ продолжала еще бороться сильная протестантская партія, въ особенности Социніанская секта; поэтому возникновеніе раскола, раздвоившаго Южнорусскую церковь на унитовъ и дизунитовъ (православныхъ), и происшедшія отсюда ихъ враждебныя отношенія только увеличили элементы государственнаго разлада и разложенія.

Ближайшею цѣлью уніи было церковное объединеніе, которое тѣснѣе сблизило бы Русскихъ съ Поляками. Потомъ, при усвоеніи первыми родственнаго польскаго языка и польской культуры, могло бы произойти сплоченіе ихъ въ одну народность, конечно Польскую, и сія послѣдняя чрезъ то сдѣлалась бы самою сильною среди славянскихъ племенъ. Таковъ обычный процессъ усвоенія (ассимиляціи) какого-либо народа, лишеннаго политической самобытности, другимъ народомъ, поставленнымъ въ господствующее положеніе или

вообще въ болѣе благопріятныя условія. Но въ данномъ случаѣ этотъ историческій законъ вошелъ въ столкновеніе съ другими историческими законами, а именно: во-первыхъ, Западнорусская народность численностію своею далеко превосходила народность Польскую, а ея старая греко-славянская культура, несмотря на свой упадокъ, не легко могла уступить мѣсто культурѣ латино-польской. Во-вторыхъ, хотя Западные и Южные Руссы и были тогда лишены политической самобытности, но и Поляки, при внѣшнемъ величіи Рѣчи Посполитой (опиравшемся преимущественно на ея русскія силы), внутри уже страдали недостаткомъ крѣпкой центральной власти, т.-е. недостаткомъ прочной политической организаціи. А потому религіозныя распри и смуты неизбѣжно должны были еще болѣе расшатать эту непрочную организацію и подготовить ея паденіе къ тому времени, когда на помощь Западной Руси выступитъ ея могучая соплеменница, Русь Восточная.

Вотъ что, между прочимъ, говорится въ жалобѣ, поданной сейму 1623 года отъ православной шляхты: „Нашъ Русскій народъ соединился съ Польскимъ (на Люблинской уніи) какъ равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ. Но въ чемъ же наша вольность, если мы не имѣемъ ея въ дѣлѣ вѣры?“ „Наши отступники хотятъ, чтобы Русскихъ не было на Руси, чтобы Русская святая вѣра, Божіимъ произволеніемъ принятая съ Востока, не была въ Русской церкви; но она можетъ быть истреблена только вмѣстѣ съ истребленіемъ Русскаго народа. А такое дѣло было бы безумнымъ уничтоженіемъ значительной части цѣлаго отечества“. Эти слова вскорѣ оказались пророческими для Рѣчи Посполитой. (24).

Толчекъ къ грознымъ для Польши событіямъ вышелъ изъ среды именно сей, раздираемой вѣроисповѣдными распрями, Югозападной Руси, въ лицѣ ея Малороссійскаго казачества.

XIII.

УКРАЙНА, КАЗАЧЕСТВО И ЕВРЕЙСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Движенiе Малорусскаго народа на Украйну.—Причины сего движенiя.—Слободы, инвентари и заставы.—Выкотцы.—Украинское можновладство.—Украинскiе замки.—Льготные сроки и мирный перiодъ колонизацiи.—Ростъ казачества.—Реестровые и сѣчевики.—Сагайдачный.—Морскiе набѣги.—Ольшанскiй договоръ.—Посольство въ Москву.—Цецорское пораженiе.—Хотинскiй походъ и смерть Сагайдачнаго.—Янушъ и Алоиза Острожскiе.—Начало казацкихъ возстанiй.—Жмайло.—Куруковскiй договоръ.—Выписчики.—Петржицкiй, Тарасъ, Сулима, Павлюкъ.—Пораженiе подъ Кумейками.—Остранинъ и Гуня.—Погромъ на Усть-Старцѣ.—Условiя па Масловомъ Ставу.—Поселенiе Черкасъ въ Чугуевѣ.—Возобновленiе Кодака.—Запорожцы въ изображенiи Ляссоты и Боплана.—Черты украинскаго быта и природы.—Размноженiе еврейства.—Еврей-арендаторъ.—Жалобы польскихъ и русскихъ патрiотовъ на еврейскiй гнетъ.—Тщетная борьба горожанъ съ евреями.—Украинское еврейство.—Его изобрѣтательность въ сочиненiи налоговъ и даней.

Въ исторiи Югозападной Россiи послѣдняя четверть XVI и первая XVII вѣковъ ознаменовались сильнымъ движенiемъ Малорусскаго народа на югъ и на востокъ для заселенiя обширной земельной полосы, давно запустѣвшей отъ сосѣдства хищныхъ татарскихъ ордъ. По правую сторону Днѣпра эту полосу составляли южная половина Кiевщины и прилегающая часть Подолiи, а по лѣвую прежняя Переяславская земля и южная часть Черниговской—однимъ словомъ, все, что съ тѣхъ поръ стало извѣстно подъ общимъ именемъ *Украйны*. Движенiю сему способствовала совокупность разныхъ причинъ. Во-первыхъ, усилившееся казачество, выдвинувшее свои передовые посты за Днѣпровскiе пороги и всегда готовое дать отпоръ степнымъ ордынскимъ наѣздамъ, до извѣстной степени обезпечивало водворенiе промышленныхъ и земледѣльческихъ колонiй въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно ихъ существованiе было почти невозможно. Разумѣется, это движенiе сопровождалось построенiемъ замковъ и вообще

укрѣпленій, вокругъ которыхъ возникали мирные поселки и хутора. Во-вторыхъ, совершившееся на Люблинскомъ сеймѣ соединеніе Югозападной Руси непосредственно съ Польской короной естественно повлекло за собою водвореніе здѣсь польскихъ шляхетскихъ порядковъ и постепенное ополяченіе русскаго землевладѣльческаго класса; вмѣстѣ съ тѣмъ усилился гнетъ крѣпостного права на русское крестьянство, выражавшійся и все большимъ стѣсненіемъ личной свободы, и все умножавшимися данями и повинностями. Русское населеніе городовъ чувствовало свое униженное положеніе передъ шляхетскими привилегіями, все возроставшее бремя еврейства и наконецъ оскорбленіе своего религіознаго чувства вслѣдствіе насильно водворяемой церковной уніи. Естественно, отъ этихъ невзгодъ многіе крестьяне и горожане покидали свои насиженныя мѣста и стремились на новыя земли, гдѣ ихъ ожидали разныя льготныя условія, при благодатной черноземной почвѣ и богатствѣ разныхъ угодій. Въ-третьихъ, сами польскіе или, точнѣе, ополячившіеся паны поощряли народное движеніе на Украйну своими захватами пограничныхъ староствъ и пустыхъ земель. Полученіе отъ короля доходныхъ староствъ въ пожизненное владѣніе составляло обычный предметъ вожделеній польско-русской знати, а подстароства были мечтою менѣе знатной шляхты. Староста пользовался всѣми данями и повинностями жителей; но изъ нихъ кварту, т.-е. четвертую часть, долженъ былъ платить въ государственную казну на содержаніе наемныхъ жолнѣровъ или такъ наз. „кварцянаго“ войска.

Пограничныя со степью староства, обильныя пустыми пространствами конечно вызывали въ своихъ обладателяхъ стремленіе укрѣпить эти пустыни построеніемъ замковъ и заполнить ихъ новыми осадами, съ которыхъ можно было бы потомъ получать большіе доходы. Помимо староствъ, нѣкоторыя знатныя фамиліи выхлопатывали себѣ у короля и Рѣчи Посполитой пожалованіе въ полную собственность свободныхъ земель на юговостокѣ, которыхъ размѣры въ точности не были извѣстны правительству и которыя въ дѣйствительности оказывались иногда обнимавшими огромныя пространства и притомъ далеко не пустыми. Всѣ таковые владѣтели свободныхъ земель, какъ пожизненные, такъ и потомственные, старались заселить ихъ всѣми возможными способами; они переводили сюда людей изъ старыхъ своихъ имѣній, лежавшихъ въ болѣе центральныхъ областяхъ, а главнымъ образомъ переманивали крестьянъ отъ сосѣдей и привлекали всякихъ бѣглецовъ льготными условіями. Новымъ по-

селкамъ давалась полная или неполная свобода отъ поборовъ и повинностей на извѣстное число лѣтъ, обыкновенно отъ 20 до 30, и только по истеченіи этихъ льготныхъ лѣтъ начиналось бремя податного и крѣпостного состоянія. Посему и селенія таковыя назывались вообше *слободами*.

Польскіе писатели, касавшіеся колонизаціи Украйны, обыкновенно придаютъ этой колонизаціи польскій характеръ. Но такое толкованіе невѣрно. Украйна заселялась не Польскимъ собственно народомъ, а Малорусскимъ, который шелъ туда изъ ближнихъ русскихъ областей, преимущественно изъ Волыни и Кіевскаго Полѣсья; только ополяченные землевладѣльцы и земскіе чины, т.-е. паны и шляхта, нѣсколько нарушали чисто-русскій характеръ этого движенія на югъ и на востокъ.

Въ отношеніи крестьянскаго люда толчкомъ къ такому движенію не мало послужили съ одной стороны введеніе болѣе опредѣленныхъ инвентарей, обозначавшихъ крестьянскія повинности, а съ другой—водворившаяся въ русскихъ областяхъ система аренды, называвшаяся *заставой*. Инвентари первой четверти XVII вѣка показываютъ, что крестьянскія повинности и количество рабочихъ дней сильно возрасли сравнительно съ XVI вѣкомъ. Особенно участились толоки, которыхъ помѣщики стали требовать еженедѣльно, отнимая у крестьянъ единственный свободный день (праздничный) и притомъ вызывая его на работу со всей семьей. Что касается заставы, то это былъ особый видъ залога недвижимости, при чемъ залогодатель вмѣсто процентовъ за данную имъ сумму пользовался доходами съ имѣнія. Обыкновенно такая аренда давалась на три года; но по истеченіи ихъ этотъ срокъ повторялся. Собственникъ имѣнія при семъ сохранялъ за собой права землевладѣльца на занятіе должностей по мѣстному управленію и другія шляхетскія привилегіи, которыми безземельный шляхтичъ не пользовался (напримѣръ, таковой въ исковыхъ тяжбахъ могъ подвергаться предварительному заключенію). Вотъ почему заставу юридически предпочитали продажѣ имѣнія; хотя фактически это и была собственно продажа. Но такая система аренды или продажи тяжело отзывалась на крестьянахъ. При отдачѣ въ заставу выдавался залогодателю инвентарь имѣнія, т.-е. исчисленіе и оцѣнка прямыхъ крестьянскихъ повинностей и даней, къ которымъ присоединялся и косвенный доходъ съ монополій, каковы, напримѣръ, корчмы и мельницы: такъ какъ землевладѣлецъ имѣлъ право помола и право *пропинаціи* или исключительной торговли напитками.

Естественно, собственникъ, чтобы получать бо̀льшую сумму, старался обозначить какъ можно болѣе доходу, преувеличивалъ размѣръ повинностей и даже писалъ въ инвентарѣ повинности не существовавшія на дѣлѣ; заставной же владѣлецъ на основаніи инвентаря требовалъ отъ крестьянъ много лишняго, а подъ часъ и невозможнаго. Особенно эти арендаторы свирѣпствовали при концѣ заставного срока, если не надѣялись удержать за собою дальнѣйшую аренду; тогда они выжимали изъ крестьянъ послѣдніе соки: напримѣръ, принуждали ихъ работать по праздникамъ, не исключая и Пасхи, (будучи сами уніатами или католиками) даже православныхъ сельскихъ священниковъ принуждали отбывать крестьянскія повинности, и т. д. Отсюда конечно возникали иногда бунты, грабежи и убійства владѣльцевъ, а чаще всего крестьянскіе побѣги, совершавшіеся не только цѣлыми семьями, но и цѣлыми селами. Бѣжали болѣе всего на Украйну, особенно Заднѣпровскую, куда манилъ и большій просторъ, и болѣе льготныя условія для поселенцевъ. Иногда это бѣгство и переселеніе совершались со всѣмъ скарбомъ и скотомъ, при пособничествѣ сосѣднихъ жителей, которые сопровождали переселенцевъ на извѣстномъ разстояніи и даже помогали имъ вооруженною рукою защищаться отъ преслѣдователей, при чемъ переселенцы устраивали таборъ или подвижное укрѣпленіе изъ возовъ. Такое пособничество не рѣдко обращалось въ своего рода промыселъ, и занимавшіеся имъ назывались „выкотцы". А въ роли выкотцевъ выступали иногда сами помѣщики, которые сманивали сосѣднихъ крестьянъ въ свои дальнія имѣнія.

Вслѣдствіе такого движенія, на Волыни и въ другихъ сосѣднихъ съ нею старыхъ русскихъ областяхъ многія мѣстности надолго обезлюдѣли и запустѣли. За то Украйна стала наполняться мѣстечками, селами и хуторами.

Староства и такъ наз. яловыя или пустыя земли на Украйнѣ сдѣлались предметомъ захвата со стороны нѣкоторыхъ знатныхъ польско-русскихъ фамилій, каковы: Острожскіе, Вишневецкіе, Конецпольскіе, Потоцкіе, Замойскіе, Рожинскіе, Калиновскіе, Заславскіе, Збаражскіе, Любомірскіе, Даниловичи. Такъ, Янушъ Острожскій, каштелянъ Краковскій, по благосклонности къ нему короля, владѣлъ староствами Бѣлоцерковскимъ, Богуславскимъ, Корсунскимъ, Каневскимъ и Черкасскимъ. Калиновскій, староста Брацлавскій, воспользовался неопредѣленнымъ выраженіемъ сеймовой конституціи на пожалованіе ему Уманской пустыни, и захватилъ пространство въ цѣ-

лыя тридцать миль; одинъ изъ князей Вишневецкихъ на такомъ же основаніи завладѣлъ всѣмъ Посульемъ въ Заднѣпровской Украйнѣ, а одинъ изъ князей Рожинскихъ обширными землями на рр. Сквири, Раставицѣ, Ольшанкѣ и т. д. Подобныя владѣнія естественно способствовали развитію и процвѣтанію на Украйнѣ крупнаго вельможества или такъ наз. можновладства. Важнѣйшіе украинскіе старосты и паны представляютъ родъ магнатовъ-феодаловъ; народъ иронически называлъ ихъ „королятами". Каждый изъ нихъ старался возможно скорѣе заселить и вмѣстѣ закрѣпить свои огромныя, но пустынныя владѣнія. Колонизаторская дѣятельность на Украйнѣ особенно энергично проявила себя въ первую четверть XVII вѣка. При семъ по неопредѣленности границъ между панами нерѣдко происходили столкновенія, рѣшавшіяся или судебнымъ порядкомъ, или вооруженною рукою. Напримѣръ, гетманъ Конецпольскій, староста Переяславскій, позвалъ къ суду трибунальному князя Еремію Вишневецкаго за то, что онъ безъ всякой сеймовой конституціи заложилъ до 40 мѣстечекъ на грунтахъ, причитавшихся къ Переяславскому староству. Межъ тѣмъ состоявшій въ польской службѣ французскій инженеръ Бопланъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что онъ, по порученію этого гетмана Конецпольскаго, заложилъ на его земляхъ до 50 мѣстечекъ, изъ которыхъ потомъ размножилось до 1000 селеній. А своими наѣздами на чужія имѣнія, разбоемъ и всякими насиліями въ данную эпоху особенно отличался нѣкій Самуилъ Лащъ Тучанскій, стражникъ коронный и староста Овруцкій, окруженный толпою подобныхъ себѣ головорѣзовъ. Суды были завалены жалобами сосѣдей на этого разбойника; на немъ тяготѣло нѣсколько трибунальныхъ банницій; но онъ оставался безнаказаннымъ, благодаря заступничеству короннаго гетмана Конецпольскаго; а послѣдній покровительствовалъ Лащу потому, что никто не выступалъ въ походъ съ такими богато одѣтыми и отлично вооруженными гусарскими хоругвями и никто на войнѣ не былъ храбрѣе Лаща.

Сельскохозяйственная культура быстро процвѣла на плодородныхъ черноземныхъ поляхъ Украйны; благодаря тучнымъ травянымъ лугамъ, обилію рыбныхъ водъ и лѣсныхъ зарослей, здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ въ широкихъ размѣрахъ развивались скотоводство, пчеловодство и рыболовство. Населеніе однако не могло спокойно предаваться мирной хозяйственной дѣятельности и наслаждаться богатыми дарами природы, по недостатку самой простой безопасности. Такъ, люстрація или статистическая опись Кіев-

скаго воеводства 1616 года при ревизіи его староствъ, особенно Бѣлоцерковскаго, Каневскаго и Черкасскаго (пограничныхъ со степью), замѣчаетъ, что они опустошены отъ татарскихъ набѣговъ, отъ своевольныхъ казаковъ, а также отъ кварцяныхъ жолнѣровъ. Послѣ татарскаго набѣга, сопровождавшагося сожженіемъ селенія и угономъ скота, поселенцы для своей поправки обыкновенно вновь получали свободу отъ податей и повинностей на извѣстное число лѣтъ.

При сравненіи Польской (собственно Западнорусской) колонизаціи южныхъ степей съ Московскою, мы должны отдать предпочтеніе послѣдней въ смыслѣ безопасности или огражденія со стороны татарскихъ ордъ. Наше движеніе на юговостокъ въ степи совершалось по болѣе опредѣленному правительственному плану и имѣло болѣе военный характеръ; тутъ каждый шагъ закрѣплялся цѣлою системою крѣпостей и засѣчныхъ линій; земледѣльческое населеніе слѣдовало за ними также подъ надзоромъ и руководствомъ правительства. Колонизація польско-русской Украйны совершалась болѣе частными средствами; за то она была оживленнѣе и многолюднѣе. Замки или укрѣпленныя поселенія воздвигались старостами и землевладѣльцами безъ строго опредѣленнаго плана, по мѣрѣ нужды, на удобныхъ мѣстахъ. А на высокихъ курганахъ, которыми вообще изобиловали южнорусскія степи, располагалась стража, особенно по тѣмъ шляхамъ, которыми вторгались Татары. Пограничныя польско-русскія укрѣпленія большею частію были деревянныя и прочностью не отличались.

Для примѣра возьмемъ опись Остерскаго замка, по люстраціи 1628 года. Остерскій замокъ построенъ при Сигизмундѣ Августѣ во время его войны съ Иваномъ Грознымъ. Такъ какъ прежній замокъ лежалъ на р. Острѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Десны, то онъ не мѣшалъ Москвитянамъ пробираться Десною въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Поэтому старый замокъ покинули и построили новый на самомъ устьѣ р. Остра на берегу Десны. Онъ представляетъ четырехугольникъ, котораго стороны имѣютъ по 80 саженъ длины, укрѣпленъ двойнымъ частоколомъ и пятью деревянными башнями; артиллерія его состоитъ изъ 3 пушекъ бронзовыхъ и 42 гаковницъ или тяжелыхъ, крѣпостныхъ ружей. Шляхты, пользующейся принадлежащими замку землями, 20 человѣкъ; бояръ путныхъ въ немъ живетъ 35, а мѣщанъ (обязанныхъ военною службою) 236. Таковы были укрѣпленныя мѣста и ихъ гарнизоны вообще на польско-рус-

ской Украйнѣ, съ тѣмъ различіемъ, что тутъ почему-то не видимъ городовыхъ казаковъ, которые въ другихъ мѣстахъ большею частію встрѣчаются; да и въ томъ же Остерскомъ городкѣ люстрація 1616 года (т.-е. на 12 лѣтъ ранѣе) упоминаетъ 40 казаковъ, а бояръ насчитываютъ 98; что указываетъ, конечно, на происходившія тогда политическія событія и смуты, при которыхъ нерѣдко мѣнялся и самый составъ населенія. По этой предыдущей люстраціи весь старостинскій доходъ съ Остерскаго замка отъ чинша, подымной подати и отъ аренды съ земель, мельницъ и угодій, которыми пользовались и мѣщане, простирался до 700 злотыхъ. Но изъ этой суммы старостѣ приходилось менѣе половины; такъ какъ, кромѣ кварты, часть ея шла на содержаніе подстаростинскаго уряда и на другіе расходы, каковы замковая музыка, потребная для стражи, порохъ, свинецъ, шпеги и пр. Любопытно, что расходъ на этихъ шпеговъ или лазутчиковъ упоминается также въ ревизіи староствъ Переяславскаго, Каневскаго, Черкасскаго съ непремѣннымъ добавленіемъ, что безъ нихъ „на Украйнѣ быть нельзя".

Крупные украинскіе землевладѣльцы рѣдко сами жили въ тѣхъ мѣстахъ; они управляли своими обширными имѣніями посредствомъ состоявшихъ у нихъ на службѣ шляхтичей, или отдавали ихъ въ аренду, особенно въ упомянутую выше заставу (временную посессію). Знатные старосты также держали свои староства посредствомъ подстаростъ и другихъ урядниковъ, а иногда тоже отдавали ихъ въ аренду, съ согласія короля. Это отсутствіе непосредственнаго хозяйскаго управленія и надзора имѣло важныя послѣдствія для Украйны. Подстаросты, управляющіе, арендаторы и прочіе урядники, доставляя опредѣленный контрактами доходъ владѣльцу или старостѣ, естественно хлопотали о томъ, чтобы какъ можно болѣе выжимать изъ населенія доходовъ въ свою пользу, а потому повышали обычные поборы и повинности или изобрѣтали новые съ мѣщанъ и крестьянъ. Въ старыхъ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой такое угнетеніе породило среди русскихъ мѣщанъ поговорку: „отъ Кракова до Чакова всюду бида однакова". Многіе изъ нихъ бѣжали на Украйну, и колонизовали здѣсь пустоши конечно не для того, чтобы снова подпасть тому же гнету отъ подстаростъ, панскихъ урядниковъ и вообще отъ ополяченной шляхты.

Въ 20-хъ годахъ XVII вѣка большею частію оканчивались льготные сроки для новозаложенныхъ украинскихъ мѣстечекъ и слободъ; поборы и повинности постепенно вступали въ свои права. Происхо-

дившій отъ нихъ гнетъ далеко не былъ такъ тяжелъ для населенія, какъ въ старыхъ областяхъ; но здѣсь успѣло народиться поколѣніе съ другимъ характеромъ. На Волыни и Полѣсьѣ мы не видимъ крестьянскихъ возстаній противъ шляхетскаго гнета; тамъ свой протестъ крестьяне заявляли только бѣгствомъ; но, разумѣется, бѣжали на Украйну преимущественно тѣ, которые отличались сравнительно бо̀льшимъ стремленіемъ къ свободѣ и бо̀льшею предпріимчивостью; а здѣсь на Украйнѣ, при военной организаціи и постоянныхъ военныхъ тревогахъ, естественно вырабатывался еще болѣе свободолюбивый и отважный духъ. Трудно было этому православному малорусскому люду мириться съ тѣмъ, что ненавистная польская или ополяченная шляхта, отъ которой онъ думалъ уйти какъ можно далѣе, шла за нимъ по пятамъ, и здѣсь принималась водворять такіе же соціальные и экономическіе порядки и такое же крѣпостное право, какъ и въ старыхъ областяхъ. За панами и шляхтою шелъ сюда же и другой бичъ Западнорусскаго народа—жидовство съ его безпощадной экономической эксплуатаціей. За нею же слѣдовала латино-уніатская пропаганда. Тогда возобновились вооруженныя противушляхетскія движенія Малорусскаго народа, нашедшія себѣ опору въ казачествѣ ([25]).

Сравнительно мирный періодъ, наступившій для Украйны послѣ мятежа Наливайка и продолжавшійся безъ малаго тридцать лѣтъ (1596—1624), отмѣченъ не только усиленной колонизаціей этого благодатнаго искони русскаго края вообще, но также умноженіемъ и укрѣпленіемъ Малорусскаго казачества въ частности. Тщетно панское или шляхетское правительство Рѣчи Посполитой, чувствуя въ немъ безпокойную и опасную для себя силу, пытается если не совсѣмъ уничтожить казачество, то по крайней мѣрѣ ограничить его возможно меньшими размѣрами, при помощи реестра, и стѣснить его самоуправленіе. Обстоятельства, наоборотъ, благопріятствовали его дальнѣйшему развитію и шли въ разрѣзъ съ намѣреніями пановъ и шляхты. Главнымъ препятствіемъ для ихъ намѣреній служила постоянная нужда въ войскѣ: при своихъ частыхъ войнахъ съ сосѣдями въ эту эпоху, а именно со Шведами, Москвитянами, Татарами и Турками, Рѣчь Посполитая не могла довольствоваться своею туго выставляемою въ поле, а потому немногочисленною земскою ратью или наемными (кварцяными) жолнѣрами. Днѣпровское же казачество представляло всегда готовый и притомъ сравнительно де-

шевый запасъ, изъ котораго государство могло черпать значительное пополненіе своимъ военнымъ силамъ. На югѣ, со стороны Татаръ и Турокъ, это была постоянная, естественная и незамѣнимая оборона польско-русскихъ предѣловъ. Но особенно ростъ и, такъ сказать, разцвѣтъ казачества наступили въ первомъ десятилѣтіи XVII вѣка, когда Рѣчь Посполитая приняла дѣятельное, хотя и неоффиціальное, участіе въ Московской Самозванческой смутѣ и выставила двухъ первыхъ Лжедимитріевъ. Заинтересованное въ успѣхахъ этой смуты, но не выступая пока открыто въ ея пользу, Польское правительство мирволило образованію многихъ вольныхъ отрядовъ, набиравшихся изъ разныхъ слоевъ западнорусскаго населенія, подъ общимъ именемъ казаковъ, и стремившихся въ Московскую Русь ради грабежа и добычи. Съ одной стороны оно тѣмъ усилило, конечно, самый ростъ казачества; а съ другой способствовало еще большему развитію въ немъ своеволія и хищныхъ привычекъ, которыя становились бичемъ не только для сосѣдей, но и для собственныхъ областей.

Разумѣется, въ казачество стремились люди изъ тѣхъ слоевъ населенія, которые подвергались наибольшему гнету со стороны господствующихъ классовъ. Въ XVI вѣкѣ въ немъ преобладалъ элементъ мѣщанскій или городской, къ которому надобно отнести также военнослужилое сословіе бояръ, панцырныхъ и путныхъ; все болѣе и болѣе теряя свои прежнія права, западнорусское боярство, чтобы не попасть въ разрядъ посполъства (крестьянства), переходило въ городовое или осѣдлое казачество. А въ XVII вѣкѣ ряды казаковъ, особенно Запорожцевъ, въ значительной степени пополняли отважнѣйшіе изъ крестьянства, угнетаемаго все болѣе входившимъ въ силу крѣпостнымъ правомъ.

Относительно разныхъ правъ и общественнаго положенія городового малороссійскаго казачества любопытныя данныя находимъ въ помянутой выше люстраціи Кіевскаго воеводства, производимой въ 1616 году, т.-е. въ эпоху, послѣдовавшую за Смутнымъ временемъ Московскаго государства. Наибольшее его количество естественно проживаетъ въ приднѣпровскихъ городахъ, особенно въ старомъ его средоточіи, т.-е. въ Каневскомъ и Черкасскомъ староствахъ. Такъ въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ *послушныхъ* 160, а казацкихъ, которые не хотятъ быть подъ послушенствомъ, 1346; въ Черкасахъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 150, а казацкихъ непослушныхъ 800. Любопытно это различіе: обыкновенно мѣ-

щане, обязанные кромѣ нѣкоторыхъ податей и повинностей также и военною службою, называются „послушными“; тогда какъ казаки—„непослушными“, потому что, какъ объясняетъ люстрація, они „не хотятъ быть подъ послушенствомъ замковымъ“, т.-е. не признаютъ надъ собою власти королевскаго старосты, а хотятъ быть зависимы прямо отъ короля и управляться собственною выборною старшиною, не платить никакихъ податей и быть обязанными только военной службой. Далѣе, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя новопоселенныя слободы Черкасскаго староства: мѣстечко Боровица имѣетъ послушныхъ 500 домовъ, а казацкихъ 100; мѣстечко Ирклей послушныхъ 20, а казацкихъ 300; мѣстечко Голтва послушныхъ 30, а казацкихъ 700, и т. д. Въ другихъ украинскихъ староствахъ число казаковъ сравнительно съ мѣщанскимъ не такъ велико, но въ совокупности все-таки получается довольно большое количество.

Въ это время мы еще не видимъ того законченнаго казацкаго строя и самоуправленія, т.-е. вполнѣ сложившейся войсковой старшины, съ собственнымъ гетманомъ во главѣ, которыхъ встрѣчаемъ въ слѣдующую эпоху. Войсковой выборъ перемѣшивается съ правительственнымъ назначеніемъ. Для казацкаго гетмана почти нѣтъ опредѣленнаго, постояннаго мѣстопребыванія; хотя, повидимому, оно тяготѣетъ пока къ Трахтемирову. Иногда одновременно является нѣсколько гетмановъ въ разныхъ частяхъ Украйны; самый титулъ гетмана еще не установился и нерѣдко замѣняется словомъ *старшой*. Общимъ начальникомъ реестроваго казачества считается польскій коронный гетманъ, отъ котораго зависитъ назначеніе или по крайней мѣрѣ утвержденіе какъ самого старшого, такъ и полковниковъ. Число сихъ послѣднихъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, пока не превышаетъ шести, а именно: Переяславскій, Черкасскій, Каневскій, Чигиринскій, Корсунскій и Бѣлоцерковскій. Слѣдовательно они расположены въ шести староствахъ Кіевскаго воеводства, изъ которыхъ одно Переяславское вполнѣ находится въ лѣвобережной Украйнѣ, а остальныя лежатъ на правой сторонѣ Днѣпра, и только частію на лѣвой, именно Каневское и Черкасское. Количество реестровыхъ казаковъ въ этихъ полкахъ было неравное и нерѣдко мѣнявшееся; однако, по всѣмъ признакамъ, оно обыкновенно опредѣлялось въ тысячу человѣкъ; вотъ почему правительство въ данный періодъ, неблагосклонно относясь къ росту казачества, старается удержать въ реестрѣ не болѣе 6.000. Вообще оно время отъ времени пытается положить предѣлъ стремленію сего городового

казачества къ своему расширенію и размноженію, а также къ собственному выбору своей старшины и полному освобожденію себя отъ старостинскаго уряда.

Хотя все Украинское казачество уже носитъ названіе Войска Запорожскаго, но отношенія городовыхъ или реестровыхъ къ сѣчевикамъ еще не вполнѣ опредѣлились и подвержены всякимъ неладамъ. Запорожье еще не выработало своего отдѣльнаго хозяйства и своего кошевого атамана, и управляется часто смѣняющеюся старшиною или, точнѣе, радою съ ея случайными рѣшеніями. Тогда какъ Запорожье пополнялось неимущими, безземельными и своевольными людьми, голотою или гультяями, по преимуществу бѣглыми крестьянами или хлопами, реестровые владѣли земельными имуществами и разными угодьями, и занимались промыслами; нѣкоторые изъ нихъ отличались особою зажиточностью; простые казаки называли ихъ „дуками“. Само собой разумѣется, что такіе зажиточные казаки и вообще реестровые, занимая въ общественномъ отношеніи ступень между мѣщанами и шляхтою, были болѣе наклонны къ охраненію существующаго порядка (консерваторы) и болѣе привержены къ Рѣчи Посполитой, нежели Запорожцы или вообще казацкая голота и гультяйство. А потому въ казацкихъ движеніяхъ противъ польскаго шляхетства и панства мы пока видимъ частое раздвоеніе и отсутствіе единодушія среди казачества, какъ и вообще среди украинскаго населенія; что и было главною причиною ихъ неудачнаго исхода.

Въ этотъ, такъ сказать, переходный періодъ самымъ виднымъ дѣятелемъ въ развитіи Украинскаго казачества, въ расширеніи и укрѣпленіи его самоуправленія является Петръ Конашевичъ Сагайдачный, едва ли не впервые давшій примѣръ настоящаго казацкаго гетмана, общаго войскового начальника и городовыхъ, и Запорожцевъ.

Сагайдачный—по словамъ его младшаго современника, русскаго шляхтича Ерлича—былъ шляхетскаго происхожденія, родомъ изъ Самбора. Она обучался въ Острожской школѣ, и по тому времени былъ человѣкомъ образованнымъ. Вступивъ въ Запорожское войско, Сагайдачный рано прославился своими военными подвигами противъ Татаръ и Турокъ; за что войско не разъ выбирало его своимъ старшимъ. Особенно онъ прославился и какъ участникъ, и какъ предводитель въ удачныхъ морскихъ походахъ на мусульманскіе города Варну, Кафу, Синопъ и Трапезундъ, въ 1614—1616 гг.; причемъ казаки освободили множество христіанскихъ невольниковъ и

взяли большую добычу. Походы эти навлекли на казаковъ неудовольствіе и даже гоненіе отъ правительства Рѣчи Посполитой, такъ какъ морскіе набѣги Запорожцевъ вызвали сильное раздраженіе въ Константинополѣ. По повелѣнію султана, Крымскіе и Буджацкіе Татары спѣшили въ свою очередь внезапно вторгаться въ предѣлы Югозападной Руси, жечь ее, разорять и уводить множество плѣнныхъ; кромѣ того султанъ не разъ грозилъ жестокою войною, если не прекратятся казацкіе набѣги на его владѣнія. Поэтому Сигизмундъ III и вообще Польское правительсто пытается укротить казаковъ, приказываетъ имъ сидѣть смирно, не ходить на море и быть послушными коронному гетману; въ то же время оно отправляетъ особыхъ комиссаровъ для ихъ переписи и водворенія между ними порядка, а въ случаѣ ихъ непослушанія предписываетъ украинскимъ воеводамъ не посылать на Низъ никакихъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ.

Въ 1617 году на урочищѣ Старая Ольшанка на берегу р. Роси королевскіе комиссары, съ гетманомъ Жолкевскимъ во главѣ и подъ прикрытіемъ кварцянаго войска, заключили съ казаками договоръ; причемъ взяли съ нихъ письменное обязательство на слѣдующихъ условіяхъ: не ходить войною на Турецкія владѣнія, исключить изъ своихъ списковъ всѣхъ людей простого званія, получать своего старшого изъ рукъ короннаго гетмана, безъ позволенія сего послѣдняго не уходить съ своихъ мѣстъ, и на нихъ отбывать свою службу; за это именемъ короля комиссары назначили реестровымъ казакамъ 10.000 злотыхъ жалованья и 700 поставовъ каразеи, т.-е. простого сукна. По сему договору казаки оставили только за собой право просить короля и сеймъ объ увеличеніи ихъ числа, слишкомъ ограниченнаго комиссарами и недостаточнаго для охраны границъ.

Но подобные договоры и обязательства скоро уничтожались самою силою вещей. Уже въ слѣдующемъ 1618 году Полякамъ понадобилась казацкая помощь. Извѣстно, что королевичъ Владиславъ, предпринявшій походъ на Москву, въ качествѣ претендента на ея корону, но встрѣтившій довольно дружное сопротивленіе, очень нуждался въ подкрѣпленіи. Его выручилъ гетманъ Сагайдачный, который привелъ 20.000 казаковъ, помогъ ему съ честію окончить войну и заключить выгодное для Поляковъ Деулинское перемиріе. Разумѣется, эти 20.000 казаковъ, набранные изъ всякихъ людей и преимущественно изъ бѣглыхъ крестьянъ, послѣ того нелегко было бы вновь возвратить въ ихъ прежнее состояніе, и тѣмъ

болѣе, что Сагайдачный пріобрѣлъ теперь большое значеніе и уваженіе не только среди Украинскаго народа, но и въ глазахъ самого Польскаго правительства. Благодаря чему, онъ могъ заняться болѣе прочнымъ устройствомъ украинскаго казачества. Въ грамотахъ онъ именуетъ себя „гетманомъ войска королевской милости Запорожскаго". А подъ Запорожскимъ войскомъ въ это время разумѣется все казачество—реестровые и сѣчевики.

Мѣстопребываніемъ его, кажется, служилъ Трахтемировъ; по крайней мѣрѣ симъ мѣстомъ обозначены нѣкоторые его грамоты и приказы. Но коронный гетманъ Жолкевскій косо смотрѣлъ на усиливающееся значеніе казацкаго гетмана и умноженіе казачества. Въ слѣдующемъ 1619 году, находясь на р. Раставицѣ, пониже мѣстечка Паволочи, Жолкевскій, опять во главѣ королевской комиссіи, заключилъ съ казаками новый договоръ, которымъ въ главныхъ чертахъ подтверждены были обязательства предыдущаго или Ольшанскаго. Этотъ новый договоръ былъ собственноручно подписанъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ съ титуломъ не гетмана, а просто „старшого".

Сагайдачный былъ очень преданъ православной церкви; онъ съ горечью смотрѣлъ на чинимыя ей притѣсненія и на успѣхи уніи, и первый изъ казацкихъ гетмановъ открыто, энергично старался вдохнуть украинскому казачеству ревность къ вѣрѣ отцовъ и сдѣлать его главною опорою въ борьбѣ съ уніей. Такъ какъ ходатайства передъ королемъ о нарушенныхъ правахъ Русской церкви оставались пока безъ удовлетворенія, а стремленія Поляковъ сократить и ослабить казачество возобновились, то знаменитый гетманъ невольно обратилъ свои взоры въ другую сторону: на православную Москву. По крайней мѣрѣ къ этому времени относится его посольство къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, противъ котораго онъ только что сражался подъ польскимъ знаменемъ. Поводомъ къ сему посольству послужилъ удачный походъ пяти тысячъ Запорожцевъ на Крымскихъ татаръ въ 1619 году: Запорожцы доходили до Перекопа, разбили здѣсь Крымцевъ и освободили многихъ плѣнныхъ христіанъ. Сагайдачный отправилъ въ Москву атамана Одинца съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ, съ двумя плѣнными Татарами, съ предложеніемъ служить Москвѣ противъ Крымцевъ и съ просьбою о царскомъ жалованьѣ.

Посольство прибыло въ Москву въ февралѣ 1620 года передъ наступленіемъ Великаго поста. Московское правительство, ко-

нечно, было послѣдовательнѣе и тактичнѣе казацкой старшины: руководимое въ то время патріархомъ Филаретомъ, оно отнеслось къ посольству осторожно, не желая нарушить только что происшедшаго замиренія съ Польшею. Казаковъ принималъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а „свѣтлыхъ царскихъ очей они не видали“: имъ объяснили, что въ постъ Его царское величество ѣздитъ молиться по святымъ мѣстамъ, и пріема иноземныхъ пословъ въ это время не бываетъ. Одинца и его товарищей одарили деньгами, камками, тафтами и сукнами; а Запорожскому войску посланы отъ царя „легкое жалованье триста рублевъ“ и похвальная грамота на имя гетмана; при чемъ его предложеніе воевать опять Крымцевъ отклонено на томъ основаніи, что Москва находилась тогда съ ними въ мирѣ. Казацкіе послы съ своей стороны на сей разъ вели себя сдержанно. На вопросъ думнаго дьяка Граматина, нѣтъ ли какого посяганья на ихъ вѣру отъ Поляковъ, они отвѣчали, что „посяганья отъ короля никакого не бывало“. Очевидно, Сагайдачный завязывалъ сношенія съ Москвою на всякій случай; но еще не думалъ разрывать съ Поляками, не хотѣлъ пока жаловаться на унію, и продолжалъ показывать себя преданнымъ слугою короля, несмотря на то, что послѣ Раставицкаго договора отношенія его съ Поляками и особенно съ гетманомъ Жолкевскимъ были въ то время натянутыя. Мы видѣли, что въ томъ же 1620 году Сагайдачный воспользовался прибытіемъ въ Кіевъ возвращавшагося изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Өеофана, чтобы возобновить русскую православную іерархію. Обстоятельства вскорѣ помогли ему добиться для этой іерархіи терпимости отъ Польскаго правительства.

Жолкевскій отнюдь не желалъ еще болѣе поднимать военную славу Сагайдачнаго; а потому, отправляясь въ свой послѣдній походъ противъ Турокъ, на помощь Волохамъ, онъ не пригласилъ его съ собою, и, пренебрегая Запорожскимъ войскомъ, ограничился двухтысячнымъ отрядомъ реестровыхъ. Знаменитый польско-русскій гетманъ жестоко поплатился за такое пренебреженіе. Имѣя менѣе 10.000 человѣкъ и неосторожно углубившись въ Молдавскія степи, Жолкевскій встрѣтился съ непріятельскимъ полчищемъ, въ шесть или семь разъ болѣе многочисленнымъ. Оно состояло изъ Турокъ, предводимыхъ Скиндеръ-башею, Буджацкихъ татаръ съ Кантемиръ-мурзою и Крымскихъ татаръ съ калгой-султаномъ. Жолкевскій началъ отступленіе, двигаясь таборомъ, т.-е. въ подвижномъ укрѣп-

леніи изъ возовъ, связаныхъ желѣзными цѣпями. Но на берегахъ Днѣстра, на поляхъ Цецорскихъ польское войско потерпѣло совершенное пораженіе (въ концѣ сентября 1620 года). Жолкевскій нашелъ свой конецъ въ этой битвѣ. Его товарищъ или польный гетманъ, Конецпольскій, оба сына и много другихъ знатныхъ людей взяты въ плѣнъ. Въ этой же битвѣ участвовалъ будущій освободитель Украйны Богданъ Хмѣльницкій со своимъ отцомъ Михаиломъ, чигиринскимъ сотникомъ; послѣдній былъ убитъ, а Богданъ попалъ въ татарскій плѣнъ. Послѣ такого погрома, естественно, Польское правительство вновь почувствовало нужду въ казацкомъ войскѣ, и, чтобы приготовить силы для отпора ожидавшемуся турецко-татарскому нашествію, вновь обратилось за совѣтомъ и помощью къ Сагайдачному. Онъ ревностно принялся собирать и вооружать казацкіе полки; а между тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, охранилъ отъ преслѣдованій Кіевскаго митрополита и русскихъ епископовъ, поставленныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ.

Сагайдачный былъ тогда въ такомъ почетѣ у короля, что, по словамъ русскаго лѣтописца, тотъ поручилъ его охранѣ и попеченію своего сына Владислава, котораго назначилъ общимъ начальникомъ ополченія, отправлявшагося противъ Турокъ. Подъ нимъ польско-литовскимъ войскомъ начальствовалъ извѣстный намъ по Смутному времени великій литовскій гетманъ Янъ Кароль Ходкевичъ. Это кварцяное войско заключало въ себѣ съ небольшимъ 30.000 человѣкъ. Оно стало укрѣпленнымъ лагеремъ на Днѣстрѣ подъ стѣнами Хотина. Сагайдачный привелъ ему на помощь, если вѣрить лѣтописцамъ, до 40.000 Запорожскихъ и вообще Украинскихъ казаковъ. Онъ расположился тоже укрѣпленнымъ лагеремъ, т.-е. окопался, не подалеку, но отдѣльно отъ польско-литовскаго войска. Старшимъ собственно реестровыхъ казаковъ былъ нѣкто Бородавка, котораго Жолкевскій, кажется, хотѣлъ противопоставить Сагайдачному. Когда этотъ Бородавка явился подъ Хотинымъ съ трехтысячнымъ отрядомъ, его предали военному суду за то, что онъ опоздалъ своимъ прибытіемъ, занимаясь въ походѣ пріобрѣтеніемъ добычи. По приговору суда, сами казаки отрубили ему голову. Возможно, что казнь сія имѣла связь съ желаніемъ устранить непріятнаго Сагайдачному соперника.

Молодой султанъ Османъ двинулъ подъ Хотинъ огромное войско (до 300.000) подъ личнымъ своимъ предводительствомъ. Его сопровождали татарскія орды съ Джанибекъ-Гиреемъ Крымскимъ

и Кантемиръ-мурзою Буджацкимъ. Турки попытались сначала разгромить казаковъ и напали на ихъ лагерь, но встрѣтили жестокій отпоръ. Послѣ того они обложили христіанъ и стали добывать ихъ и осадой, и штурмами. Межъ тѣмъ нѣсколько тысячъ казаковъ спустились въ Черное море, погромили турецкій галерный флотъ, и такимъ образомъ прервали морскія сообщенія Османа съ Царьградомъ. Борьба подъ Хотинымъ продолжалась пять недѣль, съ начала сентября по 6 октября 1621 года. Потерявъ множество народу и не добившись побѣды, Османъ, наконецъ, предложилъ миръ, который и былъ немедленно заключенъ на почетныхъ для Польши условіяхъ. Польско-казацкое войско въ этой отчаянной борьбѣ также понесло большія потери. Владиславъ и Ходкевичъ занемогли лихорадкой; молодой королевичъ оправился, а престарѣлый гетманъ умеръ до конца осады; послѣ него предводительство вручено князю Станиславу Любомірскому.

Конашевичъ Сагайдачный, развернувшій тутъ вполнѣ свои военные таланты и, можно сказать, спасшій Польшу отъ жестокаго разгрома, получилъ тяжелыя раны. Послѣ этого похода онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ и пребывалъ въ собственномъ домѣ на попеченіи своей жены. Сигизмундъ III за Хотинскій походъ прислалъ ему и всему войску Запорожскому въ награду деньги, хоругвь, булаву и пр., вмѣстѣ съ похвальною грамотой, которою подтверждалъ старыя войсковыя права и вольности; обѣщалъ даровать еще большія. Сагайдачный въ отвѣтѣ своемъ и въ предсмертномъ письмѣ вмѣстѣ съ благодарностью не упустилъ случая излить свою скорбь на притѣсненія Украинскому народу отъ пановъ и старостъ, а также и отъ уніи. Передъ смертью гетманъ сдѣлалъ большіе вклады въ разные монастыри, особенно въ Кіево-Богоявленское братство, котораго онъ былъ братчикомъ; кромѣ того отказалъ полторы тысячи червонцевъ на школу Львовскаго братства. Душеприкащиками онъ назначилъ митрополита Іова Борецкаго и своего преемника по гетманству Олифера Голуба. Сагайдачный скончался 10 апрѣля 1622 года и былъ погребенъ въ Кіевобратскомъ монастырѣ при училищной церкви. Ректоръ этого училища Касьянъ Саковичъ, по обычаю того времени, сочинилъ пространныя вирши, восхвалявшія его подвиги. Эти вирши и были читаны студентами при обрядѣ погребенія.

Въ Сагайдачномъ Украйна потеряла человѣка, который умѣлъ до нѣкоторой степени объединять разные слои населенія, поднимая

знамя православія и Русской народности, а въ тоже время ладилъ съ польскимъ правительствомъ и панами. Послѣ его смерти отношенія опять стали обостряться, особенно вслѣдствіе неудержимаго стремленія пановъ и шляхты къ закрѣпощенію не только простого народа, но даже и людей служилаго сословія. Какъ примѣръ этого стремленія похолопить всѣхъ, кого можно, укажемъ на жалобу нѣсколькихъ служилыхъ литовскихъ Татаръ, съ поручникомъ Барашомъ во главѣ, занисанную въ Луцкомъ гродскомъ судѣ, въ 1619 г. Барашъ съ товарищами заявилъ, что князь Янушъ Острожскій нанялъ ихъ на время въ свою службу, а теперь не отпускаетъ отъ себя и „хочетъ ихъ, людей вольныхъ, себѣ заневолить". Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшилась эта жалоба; но въ слѣдующемъ 1620 г. окатоличенный и ополяченный сынъ знаменитаго князя Василія-Константина скончался; съ нимъ прекратилось мужское нотомство князей Острожскихъ; его обширныя имѣнія на Волыни и Украйнѣ нерешли къ родственной фамиліи князей Заславскихъ.

Другая часть огромныхъ Острожскихъ владѣній досталась его племянницѣ Аннѣ-Алоизѣ Александровнѣ. Эта внучка знаменитаго ревнителя православія, оставшись молодой вдовой послѣ своего мужа, умершаго подъ Хотинымъ литовскаго гетмана Яна Карла Ходкевича, подпала полному вліянію іезуитовъ и свои богатства употребила на служеніе католичеству и уніи, а православіе подвергла гоненію. На мѣсто извѣстнаго дѣдовскаго училища, она основала въ Острогѣ іезуитскій коллегіумъ и начала строить для него громадное зданіе. Ея ханжество простиралось до того, что кости своего православнаго отца, князя Александра, покоившіяся въ замковомъ Богоявленскомъ храмѣ, она велѣла вынуть изъ склепа, освятить посредствомъ іезуитовъ и отвезти въ католическій костелъ.

Выше мы замѣтили, что къ данному времени начали оканчиваться льготные сроки для украинскихъ новопоселенныхъ слободъ, и землевладѣльцы вступали во всѣ свои права; что на Украйнѣ хотя гнетъ отъ владѣльцевъ и арендаторовъ и не былъ такъ тяжелъ, какъ въ старыхъ областяхъ, но тутъ сложился другой характеръ населенія. А потому попытки закрѣпощенія не замедлили вызвать новое движеніе среди сельскаго населенія: свободолюбивые люди уходили и селились далѣе въ степяхъ или бѣжали за Пороги и перечислялись такимъ образомъ въ казаки, т.-е. въ вольный военно-служилый классъ. Паны конечно не признавали этой воли, и на-

чали тѣснить казаковъ, стараясь силою воротить ихъ въ крѣпостное состояніе. Отсюда возникъ цѣлый рядъ казацкихъ возстаній, отъ Жмайла до Хмѣльницкаго включительно (1624—1648 гг.).

Въ 1623 году, когда послѣ убіенія Іосафата Кунцевича возобновилось усиленное гоненіе на православіе, было рѣшено принять мѣры для обузданія и сокращенія казачества, а также для недопущенія ихъ пиратскихъ походовъ въ Черное море. Съ этою цѣлью назначена была на Украйну новая военносудная коммиссія. Но казаки вооруженною рукою воспротивились ея дѣйствіямъ. Во главѣ возстанія сталъ атаманъ Жмайло, около котораго собралось значительное войско Запорожскихъ и отчасти реестровыхъ казаковъ. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ Крымцами и звалъ ихъ на помощь. Онъ расположился обозомъ подъ Крыловымъ (на р. Тясминѣ). Противъ Жмайла съ кварцянымъ войскомъ и панскими вспомогательными отрядами выступилъ самъ коронный гетманъ Конецпольскій, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего вѣка, достойный преемникъ и зять гетмана Жолкевскаго. Въ его войскѣ находилось и большинство реестровыхъ казаковъ.

Тѣснимый гетманомъ, Жмайло отступилъ въ лѣсистую, болотистую мѣстность, называвшуюся Медвѣжьими Лозами. Тутъ у озера Курукова гетманъ догналъ его и принудилъ къ рѣшительной битвѣ. Казаки дрались отчаянно; но перевѣсъ военнаго искусства и особенно артиллеріи былъ на сторонѣ Поляковъ. Казаки вступили въ переговоры. Они предъявили разныя требованія, въ томъ числѣ: чтобы имъ не запрещали ходить на море за добычей, такъ какъ королевское жалованье имъ слишкомъ скудно или совсѣмъ до нихъ не достигаетъ; чтобы Греческая вѣра не терпѣла никакихъ притѣсненій, чтобы они сами выбирали себѣ гетмана и пр. Послѣ многихъ переговоровъ, польскіе коммиссары, съ Конецпольскимъ во главѣ, заключили съ казаками такъ наз. Куруковскій договоръ, въ ноябрѣ 1625 года. Казацкая старшина присягнула на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: реестровое войско опредѣляется въ 6.000 человѣкъ съ жалованьемъ по 60.000 злотыхъ въ годъ, кромѣ особаго жалованья старшому, обозному, писарю, двумъ эсауламъ, полковникамъ и пр. Остальные казаки должны быть выписаны изъ войска и возвращены въ прежнее состояніе, т.-е. подъ власть или королевскихъ старостъ, или своихъ пановъ-землевладѣльцевъ. Старшой назначается и во всякомъ случаѣ утверждается коронымъ гетманомъ; за Порогами должна стоять сторожа въ 1.000 человѣкъ для охраны границы отъ Татаръ и недопущенія ихъ переправляться черезъ

Днѣпръ. Для этой стражи чередуются извѣстные шесть полковъ: Переяславскій, Черкасскій, Чигиринскій, Каневскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій. Всѣ морскія чайки должны быть сожжены и казаки не должны безъ позволенія королевскаго ходить въ море ни Днѣпромъ, ни другими рѣками и мира съ Турками не нарушать. Старшимъ на мѣсто Жмайла Канецпольскій назначилъ Михаила Дорошенка.

Въ слѣдующемъ году тяжелый для Украйны Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ покинулъ южные предѣлы Рѣчи Посполитой, и направился на сѣверъ въ польскую часть Пруссіи, куда шведскій король Густавъ Адольфъ изъ Лифляндіи перенесъ войну съ Поляками. Намѣстникомъ своимъ на Украйнѣ гетманъ оставилъ шляхтича Стефана Хмелецкого. Этотъ храбрый и талантливый военачальникъ умѣлъ поладить съ реестровымъ казачествомъ и, опираясь на него, въ теченіе трехъ лѣтъ удачно оберегалъ южныя границы отъ нападенія Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ, которые не разъ терпѣли отъ него сильныя пораженія. Въ награду за свои подвиги незнатный шляхтичъ былъ назначенъ Кіевскимъ воеводою; но онъ умеръ, не успѣвъ вступить въ эту должность (1630 г.). Около того времени, по замиреніи со Шведскимъ королемъ, воротился на югъ съ кварцянымъ войскомъ суровый гетманъ Конецпольскій. Не имѣя чѣмъ уплатить жалованье войску и опасаясь обычнаго въ подобныхъ случаяхъ бунта, онъ расположилъ своихъ жолнѣровъ на Украйнѣ такимъ образомъ, чтобы хоругви были отдѣлены одна отъ другой большимъ разстояніемъ; слѣдовательно, онѣ не могли бы легко сговориться и поднять бунтъ. Это обстоятельство послужило въ свою очередь тоже къ бунту, но только не польскихъ наемниковъ, а казаковъ.

Постой буйныхъ и хищныхъ жолнѣровъ легъ тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе. Особенно волновался тотъ классъ обывателей, который назывался „выписчиками": они временно успѣли побывать въ казакахъ, но были выписаны изъ реестра. Изъ этой среды выступили агитаторы, которые начали возбуждать народъ и смущать его разными слухами, въ родѣ того, что Поляки задумали истребить сначала всѣхъ казаковъ, а потомъ и весь Русскій народъ. Духовенство охотно поддерживало подобные слухи и указывало на продолжавшіяся утѣсненія православной церкви отъ латинянъ и уніатовъ. Говорятъ, будто бы кромѣ того въ народѣ дѣйствовали агенты московскіе и шведскіе. Какъ бы то ни было въ краѣ появились отряды казацкой вольницы, которые стали врасплохъ

нападать на Поляковъ, и нѣсколько ихъ хоругвей перебили. Мятежники воспользовались захваченнымъ у нихъ оружіемъ. Тогда Конецпольскій поспѣшилъ сосредоточить войско, и изъ города Бара, своей гетманской резиденціи, разослалъ универсалъ, приглашавшій шляхту спѣшить на соединеніе съ кварцянымъ войскомъ противъ казаковъ, а напередъ себя отправилъ на Украйну короннаго стражника Самуила Лаща. Преувеличенные слухи о неистовствахъ сего послѣдняго надъ жителями подлили только масла въ огонь. Тысячи украинской голоты собрались на Запорожьѣ, и тамъ выбрали себѣ гетманомъ нѣкоего Тараса Ѳедоро́вича. Запорожцы обманомъ захватили преемника Дорошенки, т.-е. старшого реестровыхъ казаковъ, по имени Григорія Чернаго, и казнили его за то, что онъ держалъ сторону Ляховъ и уговаривалъ казаковъ къ покорности. Реестровые раздѣлились: одна часть ихъ осталась вѣрна Рѣчи Посполитой, а другая пристала къ возстанію. Тарасъ съ своимъ войскомъ укрѣпился на правой сторонѣ Днѣпра подъ Переяславомъ. Сюда же явился и Конецпольскій. Произошли ожесточенныя битвы, въ которыхъ, по словамъ польскаго хрониста, польской шляхты пало болѣе чѣмъ за всю Прусскую войну. Борьба окончилась побѣдою Поляковъ. Казаки изъявили покорность, присягнули на условіяхъ Куруковскаго договора и выдали зачинщиковъ. На мѣсто Григорія Чернаго Конецпольскій поставилъ Тимоша, прозваніемъ Арандаренка (1630 г.).

Во время междуцарствія, наступившаго по смерти Сигизмунда III, когда на Конвокаційномъ сеймѣ поднялись со стороны диссидентовъ и православныхъ жалобы на притѣсненія, казаки также чрезъ своихъ пословъ выступили съ разными требованіями. Гетманъ казацкій Иванъ Петржицкій въ іюнѣ 1632 года двинулся съ войскомъ, чтобы поддержать эти требованія. Но на Волыни, на границѣ имѣній князя Острожско-Заславскаго, агентъ его остановилъ казаковъ и упросилъ ихъ не идти далѣе. Въ ожиданіи возвращенія своихъ пословъ, они расположились между Уманью и Овручемъ. Агентъ Заславскаго доложилъ своему князю, что, хотя гетманъ показываетъ число реестровыхъ казаковъ у себя въ 16.000, но въ дѣйствительности оно по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, и что между ними онъ видѣлъ много хлоповъ. Очевидно, помянутые выше договоры не исполнялись, и войско Запорожское продолжало принимать въ свою среду бывшихъ крестьянъ. Казацкимъ посламъ поручено было на сеймѣ указать на заслуги Запорожскаго войска при оборонѣ границъ, и за-

тѣмъ требовать: участія въ избраніи короля, обезпеченія православной вѣры отъ уніатскихъ притѣсненій, расширенія своихъ вольностей, увеличенія реестра, прибавки жалованья и пр. Сеймъ отклонилъ ихъ требованія. Относительно участія въ избраніи короля, котораго казаки домогались какъ члены Рѣчи Посполитой, сеймъ отвѣчалъ, что короля выбираютъ только люди шляхетскаго званія, а что казаки если и члены Рѣчи Посполитой, то въ родѣ волосъ и ногтей, которые обрѣзаютъ, когда они слишкомъ отростутъ. Но такъ какъ въ короли былъ выбранъ именно тотъ, кого казаки сами предлагали, т.-е. Владиславъ, пользовавшійся ихъ расположеніемъ, то Запорожское войско было довольно, и тѣмъ болѣе что новый король, какъ мы знаемъ, обнаружилъ вѣротерпимость и прекратилъ было гоненіе на православную церковь. Первые годы его царствованія прошли въ мирѣ съ Запорожцами, и сіи послѣдніе, какъ мы видѣли, оказали ему большія услуги при освобожденіи Смоленска отъ осады Шеина. Но такъ какъ казаки не хотѣли отстать отъ своихъ морскихъ набѣговъ на турецкіе берега, то Польское правительство рѣшило при началѣ Пороговъ построить крѣпость Кодакъ, которая должна была запереть казацкимъ чайкамъ дорогу по Днѣпру въ море.

Не успѣли еще докончить Кодакскія укрѣпленія, какъ атаманъ Сулима, прославившійся своими удачными морскими походами, поспѣшилъ уничтожить эту преграду. Предводительствуя нѣсколькими тысячами Запорожцевъ, онъ внезапно ночью ворвался въ крѣпость, истребилъ малочисленный ея гарнизонъ, начальника его француза Морьона велѣлъ казнить, а укрѣпленія разрушить (1635 г.). Этимъ событіемъ возобновилась ожесточенная борьба казачества съ Поляками. Гетманъ Конецпольскій угрозами заставилъ реестровыхъ схватить и выдать Сулиму съ главными его товарищами въ руки правительства. Они были казнены въ Варшавѣ. Передъ казнію Сулима, Богъ вѣсть зачѣмъ, принялъ католичество. Одному изъ осужденныхъ его товарищей, по имени Павлюку, канцлеръ Ѳома Замойскій (сынъ знаменитаго Яна Замойскаго) выпросилъ у короля пощаду. И этотъ-то Павлюкъ явился во главѣ слѣдующаго казацкаго возстанія.

Причиною новаго возстанія былъ все тотъ же усиливающійся гнетъ отъ подстаростъ и другихъ старостинскихъ урядниковъ въ королевскихъ земляхъ, отъ управителей и арендаторовъ-жидовъ въ панскихъ имѣніяхъ; поборы и повинности все увеличивались, и продолжалось стремленіе шляхты къ закрѣпощенію простого народа, со включе-

ніемъ такъ наз. выписчиковъ или тѣхъ людей, за которыми она не признавала казацкаго званія. Недовольные по обычаю уходили на Запорожье. Когда они вновь скопились тамъ въ большомъ числѣ, то выбрали своимъ гетманомъ Павлюка и подняли знамя бунта. (1637 г.). Реестровые со своимъ старшимъ Саввою Кононовичемъ хотѣли остаться покорными Рѣчи Посполитой. Новоизбранный гетманъ послалъ на него нѣсколько тысячъ Запорожцевъ съ полковникомъ Скиданомъ, который захватилъ Кононовича въ Переяславѣ. Павлюкъ велѣлъ его разстрѣлять. Украйна закипѣла шайками поднявшихся хлоповъ, которые бросились грабить и жечь панскіе дворы и фольварки, причемъ тщательно забирали всякое оружіе.

Съ особою силою мятежъ разлился въ обширной Заднѣпровской Вишневечинѣ. Шляхта спасалась бѣгствомъ въ укрѣпленные города и замки. Коронный гетманъ Конецпольскій съ кварцянымъ войскомъ сторожилъ тогда южную границу отъ угрожавшихъ ей Турокъ, и потому двинулъ противъ мятежниковъ своего товарища или польнаго гетмана Николая Потоцкаго съ небольшимъ отдѣломъ кварцяныхъ жолнѣровъ. Эти жолнѣры также готовы были взбунтоваться отъ неуплаты жалованья. Но Потоцкій ихъ успокоилъ. Сынъ одного изъ самыхъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ, онъ возбудилъ къ дѣятельной оборонѣ своихъ товарищей, украинскихъ пановъ, которые явились къ нему на помощь съ вооруженными отрядами; въ ихъ средѣ главное мѣсто занималъ Еремія Вишневецкій.

Въ лагерѣ возставшихъ казаковъ не было единодушія: большая часть реестровыхъ осталась вѣрна Полякамъ и соединилась съ Потоцкимъ; а другая часть хотя и пристала къ Запорожцамъ, но дѣйствовала осторожно и неохотно. Самъ Павлюкъ оказался ниже своей задачи. Онъ звалъ на помощь себѣ Крымскаго хана; но тотъ его обманулъ; такимъ образомъ пропущено было лѣто, т.-е. самое удобное для казаковъ время, и только въ декабрѣ казацкій гетманъ двинулся изъ Запорожья на Украйну, гдѣ дѣйствовалъ полковникъ Скиданъ. Подъ Кумейками (къ югу отъ Канева) онъ неожиданно столкнулся съ Потоцкимъ, у котораго передовымъ отрядомъ начальствовалъ извѣстный разбойникъ и лихой наѣздникъ Самуилъ Лащъ. Произошла жестокая битва. Несмотря на превосходство въ числѣ и отчаянную храбрость Запорожской голоты, польское военное искусство, болѣе крѣпкая дисциплина, лучшее вооруженіе и артиллерія начали брать верхъ. Тогда конница реестровыхъ и самъ Павлюкъ съ главными помощниками покинули поле бит-

вы. Поляки ворвались въ казацкій таборъ, и битва обратилась въ безпощадное избіеніе голоты. Но тутъ выдвинулся своимъ мужествомъ и распорядительностію нѣкто Димитрій Томашевичъ Гуня: онъ сумѣлъ устроить новый таборъ, въ которомъ до ночи оборонялся со своимъ отрядомъ, а ночью ускользнулъ съ нимъ изъ рукъ побѣдителей. Павлюкъ съ остатками разбитаго войска окопался въ мѣстечкѣ Боровицѣ. Здѣсь православный украинскій панъ Адамъ Кисель выступилъ посредникомъ между Поляками и казаками. Онъ поклялся на томъ, что жизнь Павлюка и его товарищей будетъ пощажена, и уговорилъ казаковъ выдать ихъ въ знакъ своей покорности. (Скиданъ и Гуня скрылись). Уполномоченные Запорожскаго войска присягнули вновь на исполненіе Куруковскаго договора: казакамъ окончательно предоставлено было право выбирать только старшину полковую; а войсковую, т.-е. старшого и эсауловъ, назначалъ коронный гетманъ; всѣ лодки на Запорожьѣ они должны были сжечь, а приставшую къ нимъ чернь выдать. При войскѣ долженъ былъ состоять правительственный комиссаръ, который собственно и вѣдалъ его дѣлами и резиденціей котораго назначенъ казацкій городъ Трахтемировъ. Старшимъ надъ реестровыми теперь поставленъ былъ переяславскій полковникъ Ильяшъ Караимовичъ. Онъ подписалъ присягу вмѣстѣ съ пятью другими полковниками, Черкасскимъ, Каневскимъ, Чигиринскимъ, Корсунскимъ и Бѣлоцерковскимъ. Присяга была скрѣплена войсковою печатью и подписью войскового писаря Богдана Хмѣльницкаго, который въ этой войнѣ вмѣстѣ съ названными полковниками оставался вѣрнымъ Рѣчи Посполитой. Присяжная грамота помѣчена 24-мъ декабря 1637 года.

Сеймъ 1638 года не призналъ для себя обязательной клятву Адама Киселя о пощадѣ Павлюка съ товарищами, и они были казнены въ Варшавѣ. Расказываютъ, что передъ казнію на голову Павлюка хотѣли надѣть раскаленную желѣзную корону и дать ему въ руки такой же скипетръ, потому будто бы, что онъ хвасталъ взять самую Варшаву и тамъ короновать себя королемъ. Но Владиславъ IV избавилъ его отъ такихъ продолжительныхъ мукъ.

Мятежъ былъ подавленъ только на правой сторонѣ Днѣпра. Благодаря случившемуся тогда на немъ ледоходу, сообщенія съ Заднѣпровской Украйной на время прекратились, и тамъ шайка гультяевъ продолжала свирѣпствовать въ панскихъ имѣніяхъ, т.-е. жечь и грабить панскіе дворы, избивать панскую челядь и жидовъ. Но когда Днѣпръ покрылся льдомъ, Потоцкій перевелъ свои хоругви на

лѣвую сторону и успѣлъ до нѣкоторой степени очистить ее отъ казацкихъ шаекъ. Около этого времени до 4.000 Запорожцевъ хотѣли пробраться въ Персію, чтобы наняться къ шаху и служить ему въ войнѣ съ Турками; но дорогою они, по приглашенію Донцовъ, соединились съ ними, и вмѣстѣ взяли у Турокъ Азовъ.

Казачество, особенно въ Заднѣпровской Украйнѣ, притихло только до весны. Зима была самымъ неудобнымъ временемъ для казацкой войны, потому что лишала ихъ обычныхъ прикрытій и убѣжищъ. Только лѣтомъ казаки пріобрѣтали полную свободу для своихъ дѣйствій. Тогда къ ихъ услугамъ являлись болота, камыши, лѣсныя поросли, яры и балки; тутъ они были въ своей стихіи, и, опираясь на эти убѣжища, могли дѣйствовать съ большею увѣренностію и отвагою.

Межъ тѣмъ, разносимые по Украйнѣ, преувеличенные слухи о страшныхъ жестокостяхъ, съ которыми паны и жолнѣры торжествовали свою побѣду, о намѣреніи Ляховъ истребить весь православный Русскій народъ, о всевозможныхъ притѣсненіяхъ и вымогательствахъ жидовъ-арендаторовъ и т. п. распаляли народныя страсти и возбуждали непримиримую ненависть къ господству Ляховъ и Жидовъ. Весною 1638 года въ Заднѣпровьѣ снова поднялись толпы голоты, снова запылали панскіе дворы и хутора и полилась кровь. Во главѣ возстанія теперь стали, уже отличившіеся въ предыдущемъ году и спасшіеся изъ рукъ Ляховъ, Остраница и Гуня, полковники Скиданъ, Путивлецъ, Филоненко и др. Выбранный гетманомъ войска Запорожскаго, Яцко Остраница или Остранинъ (изъ города Остра), расположился таборомъ въ Базавлуцкой Сѣчи, и въ мартѣ 1638 года издалъ универсалъ или посланіе ко всему казачеству обѣихъ сторонъ Днѣпра. Въ этомъ посланіи онъ разсказываетъ, какъ нѣкій Геродовскій, начальствовавшій въ городѣ Острѣ, прошлою зимою мучилъ отца Остранина, семидесятилѣтняго старика, за то, что онъ не могъ доставить наложенное на него количество сыру и масла для собакъ Геродовскаго, а послѣ и за то, что у него не оказалось венгерскаго вина, котораго потребовалъ начальникъ при своемъ посѣщеніи. Отъ мукъ и побоевъ старикъ умеръ. Геродовскій велѣлъ избить до полусмерти также и брата Остранинова, который послѣ того убѣжалъ въ Сѣчь. Затѣмъ универсалъ указывалъ Малорусскому народу вообще на тиранство Ляховъ, на избиваемыхъ отцовъ и братьевъ, на матерей, женъ и сестеръ, подвергаемыхъ безчестью, обливаемыхъ водою въ трескучіе морозы, или запрягае-

мыхъ въ плуги на подобіе воловъ и подгоняемыхъ жидовскими бичами, по приказу Ляховъ; указывалъ на гоненія православныхъ, насильственное обращеніе въ унію и т. д. Остранинъ призывалъ народъ вооружаться противъ Ляховъ и спѣшить къ нему на соединеніе. Онъ совѣтовалъ дѣлать это втайнѣ отъ реестровыхъ казаковъ, называя ихъ „отродками и отщепенцами“, которые ради своихъ выгодъ и корысти помогали Ляхамъ въ предыдущей Кумейской войнѣ. Этотъ универсалъ посредствомъ расторопныхъ казаковъ былъ разосланъ въ округи Черкасскій, Бѣлоцерковскій и Уманскій на правой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславскій, Нѣжинскій и Лубенскій на лѣвой. Начальники возстанія кромѣ того звали на помощь и Крымцевъ, и Донцовъ; но Крымцы отказались, а Донцы были тогда заняты Азовомъ. Реестровые казаки не пристали къ Запорожцамъ и сражались противъ нихъ въ рядахъ польскаго войска.

Предводимые Остраниномъ и Скиданомъ, Запорожцы съ Днѣпра двинулись на его лѣвую сторону въ лѣсистое и болотистое пространство между Псломъ и Ворсклою, во владѣнія Вишневецкаго, и взяли его городокъ Голтву на Пслѣ. Польный гетманъ Николай Потоцкій отрядилъ сюда своего родственника Станислава Потоцкаго съ наемною нѣмецкою пѣхотой, польскими жолнѣрами и реестровыми казаками. Послѣ тщетныхъ усилій выбить Запорожцевъ изъ Голтвы, Станиславъ Потоцкій отступилъ къ городу Лубнамъ на Сулѣ. Остранинъ и Скиданъ, увлеченные первымъ успѣхомъ, перешли въ наступленіе и ударили на Потоцкаго; но отъ польской артиллеріи и нѣмецкой пѣхоты понесли такія потери, что ночью ушли вверхъ по Сулѣ. Это отступленіе случилось очень некстати: на помощь имъ полковникъ Путивлецъ велъ болѣе 2.000 казацкой голоты, въ томъ числѣ 500 Донцовъ. Потоцкій, пользуясь уходомъ Остранина, напалъ на Путивльца. Послѣ, длившейся цѣлый день, упорной обороны гультяи, по своему обычаю, отъ великой самонадѣянности быстро перешли къ унынію и вѣроломству: они выдали Путивльца съ товарищами и изъявили покорность. Но разсвирѣпѣвшіе жолнѣры, не обращая вниманія на переговоры, бросились на казаковъ и всѣхъ перебили. Потоцкій послѣ того отступилъ къ Кіеву, которымъ тщетно пытались овладѣть казаки. Остранинъ межъ тѣмъ, подкрѣпивъ себя новыми толпами голоты, двинулся опять внизъ по Сулѣ. Противъ него выступилъ князь Еремія Вишневецкій во главѣ войска, собраннаго изъ панскихъ отрядовъ; съ нимъ соединился и Станиславъ Потоцкій. Столкновеніе произошло у мѣстечка Жолнина, гдѣ

казаки заняли позицію, защищенную болотами и лѣсистыми порослями, и начали отабориваться, т.-е. укрѣплять вокругъ себя таборъ изъ возовъ. Но Вишневецкій не далъ имъ времени докончить укрѣпленіе, и стремительнымъ ударомъ разорвалъ ихъ таборъ.

Считая все потерянннымъ, Остранинъ съ частью своей конницы спасся бѣгствомъ и ушелъ за Московскій рубежъ. Но среди казацкой старшины нашлись люди, которые удержали большую часть войска на мѣстѣ, устроили новый таборъ и возобновили отчаянную битву, во время которой Поляки понесли большія потери. Тутъ своимъ геройствомъ и расторопностію снова выдвинулся на первый планъ Димитрій Гуня, который собственно и признанъ былъ теперь казацкимъ гетманомъ. Руководимые имъ, казаки передвинули свой таборъ изъ-подъ Жолнина къ самому устью Сулы, гдѣ и окопались на островѣ, который образуется этимъ устьемъ и затономъ Днѣпра или такъ наз. Старцемъ. Сюда подходили къ нимъ подкрѣпленія съ разныхъ сторонъ Украйны. А къ Полякамъ подоспѣлъ польный гетманъ Николай Потоцкій съ нѣсколькими хоругвями; за нимъ изъ Кіева пришла артиллерія; къ нему же спѣшили вспомогательные отряды, снаряженные панами, въ томъ числѣ и православными (князья Четвертинскіе, Проскуры, Аксаки и др.), которые заодно съ католиками отстаивали свои владѣльческія права и равно стремились къ закрѣпощенію простого народа. Полковникъ Скиданъ, будучи раненъ, хотѣлъ пробраться въ Чигиринъ, но былъ схваченъ Поляками и потомъ казненъ вмѣстѣ съ Путивльцемъ и другими товарищами.

Съ половины іюня до конца іюля на Усть-Старцѣ кипѣла отчаянная борьба, ознаменованная многими подвигами съ той и другой стороны. Гуня такъ укрѣпилъ свой лагерь высокими валами, что никакое бомбардированіе, никакіе приступы Поляковъ не могли имъ овладѣть. Но скоро противъ казаковъ всталъ другой болѣе неумолимый непріятель: съѣстные припасы у нихъ истощились, и грозилъ страшный голодъ. Поляки тоже страдали отъ недостатка кормовъ и продовольствія; но они все-таки могли посылать фуражировъ, хотя и въ дальнія мѣста, такъ какъ ближнія были уже совершенно опустошены.

Казаки прибѣгли къ переговорамъ, при чемъ стояли на томъ, что положатъ оружіе только тогда, когда имъ возвратятъ всѣ прежнія права. Этими переговорами они хотѣли выиграть время; такъ какъ ожидали къ себѣ на помощь корсунскаго полковника

Филоненка, который дѣйствительно приближался частью на лодкахъ Днѣпромъ, частью берегомъ съ новымъ отрядомъ, а главное съ большимъ запасомъ продовольствія. Польскіе начальники провѣдали о немъ и устроили ему засаду на правомъ берегу Днѣпра. Онъ отбился отъ этой засады, и ночью приплылъ къ пристани, которая отдѣлялась небольшимъ пространствомъ отъ казацкихъ окоповъ. Потоцкій и Вишневецкій вывели почти все свое войско на это пространство и стали между Филоненкомъ и казацкимъ таборомъ. Изъ этого табора казаки ударили на Поляковъ. Тутъ произошла послѣдняя и самая отчаянная битва, длившаяся всю ночь. Она окончилась тѣмъ, что Филоненко пробился въ окопы, но съ потерею большей половины своего отряда и почти всего съѣстного запаса. Буйная, невѣжественная казацкая чернь до того была разсержена такою неудачею, что, забывъ геройское поведеніе Филоненка, на своей черной радѣ приговорила его къ позорному наказанію кіями. Теперь казаки совсѣмъ упали духомъ, и заключили предварительный договоръ съ Поляками; а окончательный отложенъ былъ до возвращенія казацкихъ пословъ, которыхъ коронный гетманъ позволилъ выбрать на будущей радѣ въ Каневѣ и отправить къ королю. Послѣ того казаки покинули свой лагерь и разошлись въ разныя стороны. Гуня и Филоненко во время переговоровъ успѣли ночной порой сѣсть въ лодку и уплыть внизъ по Днѣпру, чѣмъ и спасли себя отъ польской казни.

Отправленное къ королю казацкое посольство, среди котораго оказался и Богданъ Хмѣльницкій (въ этой войнѣ бывшій на сторонѣ шляхты, какъ реестровый), не добилось никакихъ уступокъ. Въ декабрѣ того же 1638 года королевскіе комиссары собрали казаковъ на Масловомъ Ставу (между Каневымъ и Богуславлемъ), и тутъ объявили имъ окончательныя условія. Эти условія были еще горше Куруковскихъ. Теперь коронный гетманъ назначалъ казацкими полковниками даже не казаковъ, а польскихъ шляхтичей; вмѣсто старшого надъ войскомъ поставленъ польскій комиссаръ (нѣкто Петръ Комаровскій), который свою резиденцію имѣлъ въ Корсунѣ, такъ какъ Трахтемировъ во время этой войны былъ сожженъ. Самимъ казакамъ предоставлено было право выбирать только сотенныхъ атамановъ. (Въ числѣ ихъ является и Богданъ Хмѣльницкій, выбранный чигиринскимъ сотникомъ). О возвращеніи казакамъ привилеевъ, земель и угодій не было и помину. Такимъ образомъ и самое реестровое казачество, вмѣсто награды за вѣрность, было ума-

лено въ своихъ правахъ и въ своемъ числѣ (которое снова низведено къ 6.000). А между тѣмъ оно-то именно и помогло побѣдѣ Поляковъ; какъ и вообще отсутствіе единодушія и какой-либо правильной организаціи препятствовало Малороссійскому казачеству и всему Украинскому народу оказать Ляхамъ такое сопротивленіе, которое бы заставило уважать его права на нѣкоторую политическую самобытность.

Украинскіе лѣтописцы упоминаютъ еще о какой-то попыткѣ казаковъ вслѣдъ за разгромомъ ихъ на Усть-Старцѣ. Предводителемъ своимъ они выбрали нѣкоего Полторакожуха (вѣроятно, по его размѣрамъ ему мало было одного кожуха), и собрались на р. Мерлѣ. Но при одномъ слухѣ о приближеніи Вишневецкаго эта толпа разсѣялась. Вслѣдствіе большихъ морозовъ, на походѣ противъ нихъ погибло много и самихъ Поляковъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда неудавшихся возстаній было переселеніе многихъ Малороссіянъ изъ Польскорусской украйны за рубежъ въ Московское государство. Такъ Яцко Остранинъ пришелъ во главѣ нѣсколькихъ сотъ казаковъ, получилъ отъ Московскаго царя обширныя земли на рѣкѣ Донцѣ, гдѣ и основалъ поселеніе на Чугуевомъ Городищѣ. Ускользнувшіе изъ табора на Усть-Старцѣ, Гуня и Филоненко ушли за тотъ же рубежъ, первый въ сопровожденіи трехъ сотъ казаковъ. Надобно замѣтить, что имущество городовыхъ казаковъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, обыкновенно отбиралось и отдавалось въ награду людямъ, отличившимся при его подавленіи. Такъ движимость и недвижимость Яцка Остраницы была отдана одному изъ жолнѣровъ Самуила Лаща (шляхтичу Мацѣю Доманскому). Въ Чугуевѣ собралось до 1.000 Черкасъ или Малороссійскихъ казаковъ, и они составили цѣлый полкъ, имѣвшій свое обычное военное устройство, подъ начальствомъ Остранина, который сохранялъ званіе гетмана; а подъ нимъ начальствовали сотники. Но рядомъ съ гетманомъ здѣсь былъ московскій воевода съ своимъ гарнизономъ. Надѣленные землями и всякими угодьями, казаки обязаны были нести пограничную или сторожевую службу. Эта, строго наблюдавшаяся Москвою, сторожевая служба вскорѣ показалась непостояннымъ и наклоннымъ къ лѣни казакамъ обременительною. А между тѣмъ изъ Польши присылались люди, подстрекавшіе ихъ воротиться на родину. Среди нихъ возникли несогласія и распри. Остранинъ своимъ любостяжаніемъ и властолюбіемъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе. Начались распри и обратный уходъ въ Польскія владѣнія. Дѣло окончилось тѣмъ, что Черкасы,

съ обычною своею строптивостію и непослѣдовательностію, возмутились, убили Остранина и ушли изъ Чугуева (1641 г.).

Въ числѣ польскихъ мѣропріятій противъ повторенія казацкихъ мятежей не малое значеніе имѣло возобновленіе крѣпости Кодака. Въ 1639 году коронный гетманъ Конецпольскій, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ жолнѣровъ, лично наблюдалъ за построеніемъ валовъ и укрѣпленій, возводимыхъ подъ руководствомъ французскаго инженера Боплана. Когда крѣпость была окончена, гетманъ занялъ ее сильнымъ гарнизономъ, надъ которымъ начальство ввѣрилъ пану Жолтовскому, и предписалъ самыя строгія мѣры предосторожности отъ нечаяннаго нападенія. Главное назначеніе этой крѣпости состояло не въ оборонѣ государства со стороны степныхъ ордъ, а въ разобщеніи Украйны съ Запорожьемъ и въ преграждeніи украинскимъ чайкамъ выхода въ Черное море. Теперь ни одинъ реестровый казакъ не могъ пройти туда мимо Кодака безъ особаго письменнаго разрѣшенія отъ польскаго комиссара, сидѣвшаго въ Корсуни.

По поводу той же крѣпости казацкое преданіе разсказываетъ слѣдующее о Богданѣ Хмѣльницкомъ, будущемъ освободителѣ Украйны.

Однажды гетманъ Конецпольскій обходилъ укрѣпленія Кодака въ сопровожденіи свиты и нѣсколькихъ реестровыхъ казаковъ, въ числѣ которыхъ находился чигиринскій сотникъ.

— Угоденъ ли вамъ, казакамъ, сей Кодакъ?—спросилъ вдругъ гетманъ хвастливымъ тономъ.

Казаки промолчали, только Хмѣльницкій отвѣтилъ по-латыни:

— Что человѣческою рукою сдѣлано, тою же рукою можетъ быть и разрушено.

Гетманъ подозрительно посмотрѣлъ на сотника, но не рѣшился причинить ему какое-либо зло въ виду его заслугъ передъ Рѣчью Посполитою.

Самъ польскій хронистъ (Пясецкій), сообщая о построеніи Кодака, указываетъ, сколько бѣдъ накликали на себя Поляки, стараясь уничтожить Запорожское войско. Уже въ февралѣ слѣдующаго 1640 года Татары сдѣлали большой набѣгъ, опустошили области Корсунскую, Переяславскую и Вишневечину, и ушли назадъ съ 30.000 плѣнныхъ, не встрѣтивъ сопротивленія въ городахъ, не имѣвшихъ казацкаго гарнизона. Гетманъ Конецпольскій погнался за ними, но не догналъ. Такимъ образомъ Поляки сами лишили свои южные предѣлы той казацкой обороны, которая имъ ничего не стоила. А польскіе жолнѣры, вновь расквартированные на

Украйнѣ, вмѣсто ея охраны, только угнетали ее своими поборами и всякаго рода насиліями.

Для Украйны наступилъ самый тяжелый періодъ—періодъ крайняго гнета, религіознаго, политическаго и экономическаго. Наряду съ Ляхами, какъ ихъ усердный помощникъ въ этомъ гнетѣ, дѣятельное участіе принимало жидовство ([26]).

Прежде, нежели перейдемъ къ жидовству, посмотримъ, что такое въ ту эпоху была Сѣчь Запорожская и бросимъ общій взглядъ на Украйну.

Довольно наглядное представленіе о Запорожской Сѣчи дастъ намъ одинъ иноземецъ въ концѣ XVI вѣка, именно Эрихъ Ляссота, который въ 1594 году ѣздилъ сюда посломъ отъ императора Рудольфа II съ порученіемъ нанять Запорожцевъ въ имперскую службу для войны съ Турками.

Отъ Кіева посольство на лодкахъ поплыло внизъ по Днѣпру. На устьѣ Псла оно соединилось съ московскимъ посольствомъ, которое также отправилось къ Запорожцамъ съ подарками отъ царя. Прошедши пороги, оба посольства достигли острова Хортицы, на которомъ Запорожцы въ ту пору держали своихъ коней зимою. Здѣсь къ посламъ присоединилось 400 казаковъ, которые около Будиловскаго порога скрывались въ кустахъ и заросляхъ, находясь на стражѣ противъ Татаръ: послѣдніе при своихъ набѣгахъ на Украйну совершали иногда въ той сторонѣ переправу, именно противъ острова Таволжанаго. Запорожская Сѣчь въ это время располагалась гораздо ниже Хортицы, именно на островѣ Базавлукѣ, лежащемъ при впаденіи рѣки того же имени въ Днѣпръ. Островъ этотъ именовался иначе Чертомлыкомъ по имени огибавшаго его Днѣпровскаго рукава или такъ наз. Чертомлыцкаго Днѣприща. Посольство прибыло сюда 9 іюня. Запорожцы встрѣтили его съ почетомъ и пушечною пальбою. Его размѣстили въ шалашахъ или въ „кошахъ“, плетеныхъ изъ хворосту и покрытыхъ сверху лошадиными кожами. Атаманъ Запорожскій, которымъ на ту пору былъ Богданъ Микошинскій, находился въ отсутствіи: съ 1.300 казаками онъ на 50 судахъ отправился къ устью Днѣпра, чтобы помѣшать Очаковской переправѣ Крымскихъ Татаръ, шедшихъ въ Венгрію на помощь Туркамъ. Но въ виду большого количества турецкихъ галеръ и другихъ судовъ, стоявшихъ на этой переправѣ, Микошинскій послѣ небольшихъ схватокъ съ ними 18 іюня воротился въ Сѣчь.

19-го казаки собрались въ коло или раду, выслушали московскаго посла и приняли отъ него подарки. На слѣдующій день выслушали императорскаго посла. Пригласивъ его выйти изъ круга, рада начала обсуждать привезенную имъ грамоту, при чемъ раздѣлились на два кола: одно, состоявшее изъ старшинъ, а другое изъ простыхъ казаковъ или черни. Долго шло совѣщаніе; наконецъ чернь закричала, что согласна поступить на службу императорскаго величества, въ знакъ чего стала бросать вверхъ свои шапки. Старшина межъ тѣмъ медлила своимъ рѣшеніемъ. Но толпа пригрозила бросить въ воду всякаго, кто будетъ противнаго съ ней мнѣнія. Не смѣя ей противорѣчить, старшина какъ бы согласилась съ нею и только требовала опредѣлить условія службы. Для сего выбрали 20 депутатовъ, которые, сѣвъ на землю, составили малое коло; послѣ многихъ разговоровъ они пригласили въ свою среду посла. Депутаты объявили ему, что войско готово поступить на императорскую службу и черезъ Молдавію двинуться въ Турцію, но существуютъ важныя затрудненія. Во-первыхъ, у казаковъ нѣтъ достаточнаго количества коней для самихъ себя и подъ орудія, потому что прошлой зимой Татары угнали у нихъ болѣе 2.000 коней, и осталось менѣе 400. Во-вторыхъ, на лицо всего войска теперь только около 3.000 человѣкъ, а на Молдаванъ нельзя полагаться, такъ какъ этотъ народъ извѣстенъ своимъ непостоянствомъ и вѣроломствомъ. Въ-третьихъ, посолъ предлагалъ имъ слишкомъ малое вознагражденіе и вообще слишкомъ неопредѣленныя условія службы. Въ заключеніе они вызывались выдти въ море и напасть на Килію и Бабадагъ, лежащіе въ устьяхъ Дуная.

Посолъ старался устранить эти возраженія и уговорить казаковъ, чтобы они немедля двинулись въ Валахію, гдѣ бы загородили Татарамъ путь въ Венгрію. Когда есаулы сообщили Большой или Черной радѣ о сихъ переговорахъ, она вновь выразила свое согласіе кликами и бросаніемъ шапокъ. Но въ тотъ же вечеръ болѣе зажиточные казаки, напримѣръ челновладѣльцы и ихъ сторонники, ходили изъ хаты въ хату и смущали простой народъ, выставляя походъ слишкомъ далекимъ и опаснымъ, и совѣтовали хорошенько прежде обдумать все предпріятіе, чтобы потомъ не раскаяваться. Особенно налегали они на незначительность присланной имъ суммы (8.000 червонцевъ), тогда какъ много требуется денегъ на покупку хлѣба и лошадей; а между тѣмъ имъ не даютъ никакого письменнаго обезпеченія, скрѣпленнаго императорскою печатью; когда же они

зайдутъ далеко въ глубь чужой страны, а надобность въ нихъ минуетъ, то ихъ могутъ просто оставить не причемъ.

Такія рѣчи подѣйствовали, и на слѣдующее утро, 21 іюня, рада постановила рѣшеніе совсѣмъ противное тому, которое было сдѣлано наканунѣ. Тщетно Ляссота уговаривалъ казаковъ; тщетно поддерживалъ его самъ Микошинскій, который даже отказался было отъ начальства; но его упросили взять свой отказъ назадъ. Нѣсколько разъ собиралась рада; составлялись разные планы и условія; рѣшали ихъ и опять перерѣшали. Между прочимъ хотѣли просить о помощи и Московскаго государя. Наконецъ остановились на томъ, чтобы съ посломъ отправить къ императору двухъ депутатовъ отъ войска, для опредѣленія условій будущей казацкой службы. Выбрали двухъ сотниковъ, Федоровича и Ничипора, какъ уполномоченныхъ отъ всего *товарищества* или отъ „рыцарства вольнаго войска Запорожскаго", которымъ и вручили войсковую грамоту императору. 2 іюля посолъ отплылъ изъ Сѣчи вверхъ по Днѣпру, при звукѣ барабановъ, трубъ и пушечной пальбѣ. Такимъ образомъ успѣха его посольство не имѣло. Но записки его довольно живо рисуютъ передъ нами характеръ Запорожскаго войска съ его шумными, непослѣдовательными радами, съ его малымъ уваженіемъ къ старшинѣ и любовью къ полному равенству, съ его стремленіемъ къ свободѣ и независимости отъ собственнаго, т.-е. Польскаго, правительства. Это стремленіе, какъ извѣстно, и было однимъ изъ главныхъ двигателей послѣдующихъ возстаній и отчаянной борьбы Украинскаго народа съ Ляхами.

Въ первой четверти XVII вѣка, при гетманѣ Сагайдачномъ, Запорожская Сѣчь вновь была перенесена на островъ Хортицу, самый крупный изъ Днѣпровскихъ острововъ, обильный лѣсомъ, лугами, рѣчками и озерами. (Впрочемъ, тутъ она оставалась недолго). Къ нему прилегаетъ небольшой островъ Малая Хортица, на которомъ когда-то укрѣпился князь Дмитрій Вишневецкій и который поэтому можно считать колыбелью Запорожскихъ сѣчей.

Французскій инженеръ Бопланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV въ качествѣ инженера и артиллериста, какъ очевидецъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ морскіе и сухопутные походы Запорожцевъ.

„Почти ежегодно казаки на своихъ челнахъ разгуливаютъ по Эвксинскому Понту. Неоднократно они грабили владѣнія Крымскаго хана, опустошали Анатолію, разорили Требизондъ, доплывали до

Босфора и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу. На родину казаки возвращаются съ богатою добычею и немногими плѣнными, по большей части съ дѣтьми, которыхъ употребляютъ въ услуженіе или дарятъ польскимъ магнатамъ; взрослыхъ же Турокъ въ плѣнъ не берутъ, развѣ надѣются получить за нихъ дорогой выкупъ. Число казаковъ, предпринимающихъ таковые набѣги, не превышаетъ 6 или 10 тысячъ. Нельзя надивиться, съ какою смѣлостью они переплываютъ море на изготовленныхъ ими же утлыхъ челнахъ".

„Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, почти посрединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10.000 (?) острововъ; они разбросаны безпорядочно, почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую; всѣ заросли камышомъ, торчащимъ на подобіе пикъ и закрывающимъ протоки между островами. Сіи-то многочисленные острова служатъ притономъ для казаковъ, которые называютъ ихъ Войсковою Скарбницею, т.-е. казною. Всѣ они, исключая развалинъ, потопляются весеннимъ половодьемъ. Тамъ никакія силы Турокъ не могутъ вредить казакамъ. Однажды преслѣдовавшія ихъ турецкія галеры проникли до самой Скарбницы; но тутъ въ лабиринтѣ острововъ запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули въ нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили многія галеры и такъ напугали, что съ тѣхъ поръ Турки не смѣютъ входить въ Днѣпръ далѣе 4 или 5 миль отъ устья. Каждый казакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ надъ Турками, они дѣлятъ въ скарбницѣ добычу, и все, что ни получаютъ, скрываютъ подъ водою, исключая вещей, повреждаемыхъ оною. Въ Войсковой Скарбницѣ Запорожцы строютъ также свои челны, имѣющіе въ длину 60, въ ширину отъ 10 до 12, а въ глубину 8 футовъ и снабженные двумя рулями. Эти челны, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе турецкой галеры.

Передъ походомъ казаки составляютъ раду, на которой выбираютъ походнаго атамана. Они запасаются сухарями, вареньмъ просомъ и тѣстомъ; его ѣдятъ разведеннымъ въ водѣ, что у нихъ называется *саламатою*. Во время похода они всегда трезвы, и, если кто окажется пьяницей, атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ. Водку брать съ собой не позволяется.

Турецкія галеры стерегутъ казаковъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ,

но всегда безуспѣшно; такъ какъ для выхода въ море выбирается ночь самая темная. Черезъ 36 или 40 часовъ послѣ этого выхода они причаливаютъ къ берегамъ Анатоліи, и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ, нерѣдко на цѣлую милю отъ морского берега; потомъ немедля возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею, и плывутъ далѣе—на новые поиски. Встрѣчаются имъ на морѣ турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на абордажъ. Казаки открываютъ непріятельскіе корабли прежде, чѣмъ Турки успѣютъ ихъ замѣтить; ибо запорожскіе челны возвышаются надъ морскою поверхностью не болѣе двухъ съ половиною футовъ. Усиленная турецкая стража ждетъ на устьѣ Днѣпра возвращенія казаковъ. Но послѣдніе смѣются надъ ней даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили ихъ число или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ. Они причаливаютъ въ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива идетъ къ Днѣпру низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на одну четверть или покрываетъ ее водой на полфута. Черезъ сію лощину казаки перетаскиваютъ свои суда; надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ два или три дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Но если встрѣтятся съ турецкими галерами среди бѣлаго дня въ открытомъ морѣ, тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стаи скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ. Рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; зато привозятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные дорогіе товары. Это ихъ главный промыселъ: они живутъ добычею; воротясь на родину, ничѣмъ не занимаются, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями. Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются не позже первыхъ чиселъ августа мѣсяца“.

Въ другомъ мѣстѣ Бопланъ, впрочемъ, замѣчаетъ, „что въ мирное время охота и рыбная ловля составляютъ главное занятіе казаковъ“.

На сухомъ или собственно степномъ пути Запорожцы совершали походы обыкновенно таборомъ:

„Буджацкіе татары, занимаясь безпрерывною войною, храбрѣе

Крымскихъ и искуснѣе въ наѣздничествѣ. На равнинѣ между Буджакомъ и Украйною обыкновенно разъѣзжаетъ 8 или 10 тысячъ сей вольницы, которыя, раздѣлясь на отряды въ тысячу всадниковъ, удаленные одинъ отъ другого на 10 или 12 миль, гарцуютъ по степямъ и ищутъ добычи. Посему казаки, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ оными въ таборѣ или караванѣ, т.-е. между двумя рядами телегъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники вокругъ онаго. Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на четверть мили высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Въ случаѣ поданнаго сигнала таборъ останавливается". „Случалось и мнѣ нѣсколько разъ, съ 50 или 60 казаками, переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ: ибо Татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая, однако, на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались. Стрѣлы ихъ летятъ дугою, вдвое далѣе ружейной пули".

О характерѣ и свойствахъ казацкихъ Бопланъ отзывается такимъ образомъ:

„Соединяя съ умомъ хитрымъ и острымъ щедрость и безкорыстіе, казаки страстно любятъ свободу; смерть предпочитаютъ рабству и для защиты независимости часто возстаютъ противъ своихъ притѣснителей—Поляковъ; въ Украйнѣ не проходитъ семи или восьми лѣтъ безъ бунта. Впрочемъ, коварны и вѣроломны, а потому осторожность съ ними необходима; тѣлосложенія крѣпкаго, легко переносятъ холодъ и голодъ, зной и жажду; въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры, или, лучше сказать, дерзки, и мало дорожатъ своею жизнью. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обычнаго своего оружія, наиболѣе храбрости и проворства показываютъ они въ таборѣ, огороженные телегами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказать, чтобы были плохи и на морѣ, но не таковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 польскихъ всадниковъ разсѣяли 2.000 отборныхъ казаковъ". „Одаренные отъ природы силою и виднымъ ростомъ, они любятъ пощеголять, но только тогда, когда возвращаются съ добычею, отнятою у враговъ; обыкновенно же носятъ одежду простую".

Воспользуемся тѣмъ же наблюдателемъ-иностранцемъ и приведемъ изъ его записокъ нѣкоторыя черты объ Украйнѣ и ея населеніи того времени.

О Кіевѣ онъ замѣчаетъ, что въ немъ находятся четыре храма католическихъ и десять церквей грекороссійскаго исповѣданія. Вмѣсто свѣчъ Кіевляне жгутъ лучину, которая нарочно для того приготовляется и продается очень дешево. Сказавъ о Печерской Лаврѣ, гдѣ живетъ митрополитъ, онъ продолжаетъ: „Противъ оной находится монастырь женскій; монахини, числомъ до ста, занимаются вышиваніемъ и продаютъ посѣщающимъ обитель свою искусную работу. Онѣ пользуются свободою выходить изъ монастыря, когда имъ угодно; прогуливаются обыкновенно въ Кіевѣ, отстоящимъ не далѣе полмили; носятъ платье черное и подобно католическимъ монахамъ ходятъ попарно. Помнится, я видѣлъ нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ немного подобныхъ красавицъ".

О вліяніи польской культуры или ополяченіи западнорусской шляхты и тяжкомъ положеніи крестьянства Бопланъ свидѣтельствуетъ:

„Русское дворянство, которое, впрочемъ, въ Украйнѣ немногочисленно, походитъ на Польское, и стыдится, повидимому, исповѣдывать иную вѣру кромѣ католической, которая ежедневно обрѣтаетъ въ немъ новыхъ приверженцевъ, не взирая на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ родъ свой отъ Русскихъ.

Крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи: они принуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину и за землю, смотря по величинѣ участка, давать господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей собирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго вола. Однимъ словомъ все, что только ни понравится господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать, а потому и не удивительно, если сіи несчастные не имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола, ни двора. Но это еще не все: помѣщики, отнимая имущество у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнію ихъ. Такъ неограничены вольности Польскаго дворянства! Оно блаженствуетъ какъ будто бы въ раю, а крестьяне мучатся какъ въ чистилищѣ. Если же судьба пошлетъ имъ злого господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи. Многіе отъ рабства спасаются бѣгствомъ; сильнѣйшіе уходятъ въ Запорожье—главный притонъ казаковъ на Днѣп-

рѣ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени и совершивъ одинъ морской походъ, бѣглые крестьяне принимаются въ казацкіе круги, и такимъ образомъ увеличиваютъ легіоны ихъ до безконечности".

„По деревнямъ Украйны всякое воскресенье и всякій праздникъ, крестьяне съ женами и дѣтьми сбираются послѣ обѣда въ кормчу; мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ попойкѣ, а юноши и дѣвицы веселятся на лугу пляскою подъ дудку. Туда приходитъ обыкновенно помѣщикъ съ семействомъ своимъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ поселянъ; иногда же дозволяетъ имъ плясать предъ своими хоромами, гдѣ и самъ съ супругою и съ дѣтьми принимаетъ участіе въ танцахъ. Надобно замѣтить, что въ Украйнѣ и Подоліи деревни обыкновенно окружены лѣсочками съ тайниками, гдѣ лѣтомъ жители укрываются отъ хищныхъ Татаръ. Сіи лѣсочки занимаютъ добрую полумилю въ ширину. Хотя земледѣльцы считаются крѣпостными, однако же изстари пользуются правомъ и свободою похищать во время пляски благородныхъ дѣвицъ, даже дочерей своего помѣщика. Но въ семъ случаѣ проворство и расторопность необходимы: похититель непремѣнно долженъ ускользнуть съ добычею въ сосѣдній лѣсочекъ и скрываться тамъ не менѣе 24 часовъ, иначе пропала его головушка". Но тутъ же авторъ сознается, что въ теченіе 17 лѣтъ, проведенныхъ имъ на Украйнѣ, ему не случалось ни разу слышать о такомъ похищеніи. Да и получить согласіе благородной дѣвицы на похищеніе трудно: „земледѣльцы впали теперь въ презрѣніе, а дворяне сдѣлались властолюбивѣе и надменнѣе". Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ онъ передаетъ воспоминанія о прежнихъ временахъ, когда еще не вывелось изъ обычая древнерусское умыканіе дѣвицъ во время игрищъ, и напрасно пытается объяснить этотъ обычай древнепольскимъ уваженіемъ къ тѣмъ людямъ, которые бѣгали быстрѣе другихъ.

Между прочимъ Бопланъ не совсѣмъ правдоподобно сообщаетъ, будто бы на Украйнѣ „не молодые люди сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы предлагаютъ имъ руку и рѣдко не достигаютъ своей цѣли; имъ помогаетъ особеннаго рода суевѣріе, строго наблюдаемое": по мнѣнію Украинцевъ, родители жениха не могутъ отказать дѣвицѣ, которая приходитъ и настойчиво проситъ ихъ согласиться на бракъ; отказать ей значило бы оскорбить весь ея родъ и навлечь на свою голову гнѣвъ Божій, а на домъ—несчастіе.

„Свадьбу играютъ на Украйнѣ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, созвавъ нѣсколько юношей и дѣвицъ, посылаютъ ихъ къ

своимъ родственникамъ съ приглашеніемъ на *веселье*, т.-е. на свадьбу; а въ знакъ сей обязанности даютъ имъ по цвѣточному вѣнку (который надѣвается на руку), съ росписаніемъ всѣхъ особъ, приглашаемыхъ на праздникъ. Молодежь идетъ попарно, имѣя впереди одного молодца, который держитъ въ рукѣ трость и отъ имени всѣхъ говоритъ привѣтствіе и приглашеніе. Невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу въ предлинное суконное платье кофейнаго цвѣта, съ широкою на груди оторочкою изъ полушелковой матеріи и съ огромными фижмами, отъ коихъ оно раздувается во всѣ стороны. На головѣ не бываетъ никакого убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнка; волосы разсыпаются по плечамъ; грудь и шея закрыты; видно только лицо. Отецъ, братъ или ближній родственникъ ведетъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ идутъ двое музыкантовъ съ дудкою и скрипкою; по совершеніи обряда вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ беретъ молодую за руку и отводитъ домой съ тою же музыкой". Эти обычаи указываютъ на извѣстную степень культурности.

Далѣе находимъ такія черты:

„На брачныхъ пирахъ врожденная страсть къ вину переступаетъ всѣ предѣлы умѣренности. Помѣщики дозволяютъ крестьянамъ къ свадьбѣ и крестинамъ варить пиво; это доставляетъ имъ возможность безъ лишнихъ издержекъ пить сколько душѣ угодно. Въ другое же время крестьяне должны покупать пиво на господскихъ пивоварняхъ". Послѣ свадьбы, „въ знакъ того, что молодая уже принадлежитъ къ числу женщинъ, надѣваютъ ей на голову кичку: ибо однѣ только замужнія могутъ покрывать голову; дѣвицы всегда ходятъ простоволосыя и за стыдъ почли бы надѣть кичку". Къ нравственности дѣвицъ народные обычаи относились очень строго. Если оказывалось, что молодая до свадьбы была нескромнаго поведенія, то со стороны гостей поднимались въ домѣ невообразимый шумъ, битье посуды, всякія оскорбленія ея родителей и родственниковъ и т. п., а молодой могъ вытолкать ее за дверь. „Надобно отдать справедливость украинскимъ дѣвицамъ,—прибавляетъ Бопланъ:—хотя свобода пить водку и медъ могла бы довести до соблазна, но торжественное осмѣяніе и стыдъ, коимъ подвергаются онѣ, потерявъ цѣломудріе, удерживаютъ ихъ отъ искушенія".

„По степямъ украинскимъ разгуливаютъ цѣлыми стадами олени, лани, сайги; попадаются также кабаны величины необыкновенной. Дикія лошади ходятъ табунами отъ 50 до 60 головъ; онѣ неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться руч-

ными, но также ни къ чему не годны, развѣ только для пищи. Дикую лошадь усмирить невозможно. Она обыкновенно разбита на ноги; такъ какъ никто не обрѣзаетъ ея копытъ, то на нихъ наростаютъ такіе толстые слои, которые не позволяютъ ей быстро скакать".

Описывая благодатную, богатую всякими произведеніями почву Украйны, ея чрезвычайное обиліе рыбою, птицею, крупнымъ и мелкимъ скотомъ, Бопланъ касается и оборотной стороны.

Такъ, при всей тѣлесной крѣпости и выносливости населенія, оно нерѣдко страдаетъ отъ страшной болѣзни волосъ, извѣстной подъ именемъ колтуна. „Одержимые сею болѣзнію круглый годъ чувствуютъ сильное разслабленіе въ членахъ, и отъ нестерпимой боли нервъ стонутъ безпрерывно. По прошествіи года, на головѣ больного въ одну ночь выступаетъ сильный потъ, волосы склеиваются, скатываются въ клочки и походятъ на хвостъ трески рыбы. Тогда только больной получаетъ облегченіе и чрезъ нѣсколько дней совершенно оправляется; но видъ его волосъ отвратителенъ: расчесать ихъ невозможно. Если больной острижетъ клочки, прежде истеченія двухъ дней, то соки, которые выходили порами волосъ, приступаютъ къ глазамъ и несчастный теряетъ зрѣніе". Народное суевѣріе, конечно, примѣшалось и къ этой болѣзни: появленіе ея иногда приписывали порчѣ отъ старыхъ бабъ, которыя дѣйствовали съ помощью вредныхъ травъ и окуриванія. Самъ авторъ объясняетъ существованіе колтуна отчасти недостаткомъ хорошей воды. „Главный же недостатокъ Украйны, по его словамъ, заключается въ соли"; она привозится съ границъ Трансильваніи изъ Покутья, гдѣ ее вывариваютъ изъ соляныхъ источниковъ и дѣлаютъ изъ нея родъ небольшихъ лепешекъ и въ такомъ видѣ продаютъ. „Добываютъ соль также изъ еловой и дубовой золы и называютъ *коломеемъ*; съ хлѣбомъ она весьма пріятна".

„Берега Днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе какъ подъ казацкимъ *пологомъ*, т.-е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица".

„Отъ мошекъ перейдемъ къ саранчѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особен-

но въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкесіи и пр. восточнымъ или юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корню и траву на лугахъ; гдѣ тучи ея остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная". Бѣдствіе это особенно увеличивается въ томъ случаѣ, когда саранча не пропадаетъ до осени и успѣваетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ положить въ землѣ до 300 яицъ каждая; тогда на слѣдующую весну выводится страшное ея количество, если во время вывода не пойдутъ дожди. „Полетъ ея лучше всего сравнить со снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками".

Такими же темными красками изображается зимняя украинская стужа:

„Хотя Украйна лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіей, однако стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особеннно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ не въ силахъ переносить холода нестерпимаго". „Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены и мало-по-малу впадаетъ въ забытье или въ дремоту. Если не постараетесь прогнать сонъ и заснете, то никогда уже не пробудитесь". Всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ; послѣ страдаютъ нестерпимыми коликами, „и жалуются, что внутренности ихъ какъ будто раздираются". „Въ 1646 году, когда Польская армія вступила въ Московскіе предѣлы, чтобы загородить обратный путь Татарамъ и освободить плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2.000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли мучительною смертію, другіе воротились калѣками. Лошадей во время похода пало отъ холода болѣе тысячи". „Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто неупотребляетъ горячей пищи и питья и не слѣдуетъ примѣру Украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода" ([27]).

Теперь взглянемъ на дальнѣйшіе успѣхи еврейскаго элемента среди русскаго населенія.

Въ исторіи XVI вѣка мы видѣли, какими путями и какъ неуклонно перебиралось изъ Польши и распространялось по Западной и Югозападной Руси еврейство, какъ оно въ качествѣ откупщиковъ и арендаторовъ постепенно захватывало въ свои цѣпкія руки народныя подати, повинности, промыслы и торговыя статьи. Въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, т.-е. въ первую половину XVII вѣка, размноженіе еврейства и экономическое порабощеніе имъ коренного народа, какъ и слѣдовало ожидать, только преуспѣваютъ и преодолѣваютъ всѣ препятствія. Это, энергичное въ дѣлѣ высасыванія народныхъ соковъ, племя пользуется мягкостію славянской натуры, распущенностію и подкупностію чиновничества, взаимною непріязнію сословій и цѣлыхъ народностей—словомъ, всѣми возможными способами для того, чтобы обходить направленныя противъ него поставленія, острымъ клиномъ врѣзаться въ организмъ Рѣчи Посполитой, засѣсть камнемъ въ его желудкѣ, совершенно подточить средніе торговопромышленные классы и необоримою стѣною встать между высшими и низшими слоями населенія. Тароватые польскіе и ополяченные паны находили у еврейскихъ ростовщиковъ всегда готовый кредитъ для своихъ непроизводительныхъ расходовъ, а потому естественно оказывали всякое покровительство повсемѣстному распространенію еврейства и его стремленію къ захвату арендныхъ статей. Паны и шляхта охотно отдавали еврею свои имѣнія въ аренду; ибо никто болѣе его не вносилъ имъ арендной платы, никто не обезпечивалъ имъ бо́льшихъ доходовъ и не избавлялъ ихъ такъ отъ всякихъ хлопотъ по управленію и хозяйству. Такимъ образомъ еврей въ одно и то же время удовлетворялъ и жадности, и лѣни польскаго пана. Впослѣдствіи привычка пользоваться услугами, ловкаго, смѣтливаго еврея внѣдрилась до такой степени, что польскій панъ безъ еврея-арендатора или безъ еврея-фактора сдѣлался немыслимъ. А панамъ въ этомъ случаѣ стала подражать и вся имущая шляхта.

Разумѣется, давая высокую арендную плату за имѣніе, еврей въ свою очередь старался съ лихвою выжать ее изъ крестьянъ, всѣми способами умножалъ ихъ повинности, увеличивалъ поборы, вообще велъ самое хищническое хозяйство и сильно угнеталъ сельское населеніе. Отсюда сложились извѣстные латинскіе вирши, на-

звавшіе Рѣчь Посполитую шляхетскимъ небомъ, еврейскимъ раемъ и крестьянскимъ адомъ (Clarum regnum Polonorum—Est coelum Nobiliorum—Paradisus Judaeorum—Et infernus rusticorum).

Въ болѣе распространенномъ видѣ содержаніе сихъ виршей встрѣчаемъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка въ сочиненіи одного изъ тѣхъ польскихъ патріотовъ, которые ясно сознавали темныя стороны своего государственнаго и общественнаго быта, но тщетно указывали на нихъ своимъ современникамъ. Подобно вышепомянутому поэту Клёновичу, этотъ (неизвѣстный по имени) патріотъ такими яркими чертами изображаетъ положеніе еврейства въ своемъ отечествѣ:

„Развѣ это не рай (еврейскій), когда у другихъ націй гнушаются симъ дурнымъ народомъ, а въ Польшѣ жиды у многихъ пановъ любимые люди. Кто (у насъ) арендаторъ въ имѣніяхъ? Жидъ. Кто чтимымъ докторомъ? Жидъ. Кто славнѣйшимъ и состоятельнѣйшимъ купцомъ? Жидъ. Кто держитъ мельницы и корчмы? Жидъ. Кто мытникомъ и таможникомъ? Жидъ. Кто наивѣрнѣйшій слуга? Жидъ. Кто имѣетъ легчайшій доступъ къ пану? Жидъ. Кто пользуется наибольшимъ покровительствомъ, частнымъ и общественнымъ? Жидъ. Кто скорѣе добивается и выигрываетъ дѣло, хотя бы и несправедливое? Жидъ. Кто на сеймикахъ и сеймахъ получаетъ наибольшее вниманіе къ своимъ дѣламъ и привилегіямъ? Жидъ. Кто такъ счастливъ, чтобы ему всякія плутовства, увертки, предательства и другія несказанныя беззаконія благополучно сходили съ рукъ? Жидъ. Но какимъ же способомъ этотъ отверженный народъ отворилъ себѣ дверь въ такой рай? Отвѣтъ простой: у него золотой ключъ, посредствомъ котораго онъ всего достигаетъ“. „Горе тѣмъ панамъ, которые къ великой кривдѣ христіанскому люду и въ ущербъ католической религіи дѣлаютъ поблажки сему вредному народу, чѣмъ сильно отягчаютъ свою совѣсть и обездоливаютъ своихъ подданныхъ: отдаютъ въ аренду жидамъ мѣстечки, села, таможни, мыто, мельницы, корчмы. Давно ли все это запрещено сеймовыми конституціями?“ Затѣмъ слѣдуютъ ссылки на Статутъ Сигизмунда Августа или сеймъ Петроковскій 1565 года, конституціи 1567 и 1538 гг. „Теперь все дѣлается наоборотъ. Всѣ помянутыя статьи (для нихъ запрещенныя) жиды арендуютъ въ Польшѣ, Литвѣ, Руси, на Волыни, Подоліи и т. д. Этотъ злой народъ сидитъ на арендахъ въ городахъ и селахъ; жиды мытниками и жупниками (арендаторы соляной регаліи), жиды на постоялыхъ дворахъ; у нихъ монополія: никакихъ

потребныхъ вещей нельзя нигдѣ достать помимо жида". Между прочимъ авторъ жалуется, что жиды-арендаторы заставляютъ крестьянъ работать даже въ праздники и лишаютъ ихъ возможности посѣщать храмы Божіи, что приходящихъ къ нимъ по дѣлу женщинъ склоняютъ къ измѣнѣ ихъ мужьямъ, что отняли торги у мѣщанъ, промыслы и заработки у ремесленниковъ; отъ чего города и мѣстечки обѣдняли, и т. д., и т. д.

Почти тѣми же чертами оттѣняетъ значеніе еврейства для Польско-Русскаго государства Іосифъ Верещинскій, занимавшій католическо-епископскую каѳедру въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка—одинъ изъ лучшихъ польскихъ писателей своего времени, человѣкъ ученый и знакомый съ еврейскимъ Талмудомъ.

„Жиды—говоритъ онъ—очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Они выцѣдили почти всѣ наши имѣнія; они околдовали насъ какъ Цыгане и заразили своимъ дыханіемъ какъ волки; разоряютъ насъ какъ хотятъ и всѣхъ отъ низшаго сословія до высшаго, къ стыду нашему, водятъ за носъ. Развѣ не жиды черезъ руки Армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи Посполитой къ Туркамъ и Волохамъ? Развѣ не жиды черезъ посредство Армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего королевства Польскаго? Вѣдь, на это направляетъ ихъ Талмудъ. (Слѣдуютъ изъ него выдержки). Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли бы раздавать приказанія христіанамъ; а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ жиды, вопреки государственному праву, не держатъ на откупѣ таможенъ, пошлинъ, чоповаго (акцизъ съ напитковъ)? Развѣ они, вопреки тому же праву, не держатъ у себя христіанской прислуги? Развѣ не противорѣчитъ сему праву и то, что жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Даже защитники ихъ сознаются, что не разъ испытывали на себѣ (ихъ мошенничества), и все-таки своими ходатайствами способствуютъ тому, что дѣла жидовскія процвѣтаютъ, а мы прочіе и сами они—даемъ себя обманывать".

Если въ наше время, при всѣхъ наличныхъ средствахъ, государственныхъ и общественныхъ, нельзя назвать успѣшною борьбу съ безпощадной еврейской эксплоатаціей и съ еврейскими обходами

законовъ, то можно себѣ представить, какъ безнадежно въ этомъ отношеніи было положеніе среднихъ и низшихъ классовъ въ земляхъ Рѣчи Посполитой, при слабости исполнительной власти, подкупности лицъ, занимавшихъ земскіе и королевскіе уряды, и своеволіи пановъ. Многіе дошедшіе до насъ судебные и административные акты Западной Руси того времени вполнѣ подтверждаютъ горькія жалобы польскихъ и русскихъ патріотовъ, подобныя вышесказаннымъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1622 году Житомирскіе мѣщане жалуются на своего подстаросту и на еврея-арендатора въ томъ, что, вопреки королевскимъ привилегіямъ, они купеческихъ и торговыхъ людей не допускаютъ къ ярмаркамъ и торгамъ, а съ самихъ мѣщанъ и съ гостей, пріѣзжающихъ въ мѣстечко, взыскиваютъ несправедливое мыто, по три гроша съ воза, безъ всякаго права выгоняютъ ихъ для исправленія моста, на ярмаркѣ также беззаконно не позволяютъ имъ шинковать пиво, медъ и горѣлку; хотя, по своимъ привилеямъ, мѣщане имѣютъ право въ извѣстные сроки устраивать у себя ярмарки, причемъ безданно и безпошлинно торговать и шинковать.

Въ 1633 г. Виленскіе обыватели вносятъ такую протестацію противъ евреевъ. Вопреки всѣмъ правамъ и привилеямъ города, безъ разрѣшенія Виленскаго магистрата жиды, будучи только гостями и живя въ наемныхъ помѣщеніяхъ, занимаются таможнями, мытами, арендами, лихвой, разносной торговлей золотыхъ, серебряныхъ и другихъ вещей; заводятъ лавки и шинки съ медомъ, пивомъ и горѣлкой, чѣмъ у бѣдныхъ мѣщанъ-христіанъ отнимаютъ ихъ отцовскій и дѣдовскій хлѣбъ и приводятъ ихъ къ совершенной нищетѣ; хотя въ старыхъ и новыхъ правахъ и сеймовыхъ конституціяхъ торговля сими статьями имъ запрещена подъ угрозой строгой кары. Наконецъ, опять вопреки всѣмъ законамъ, они стали пріобрѣтать себѣ каменные дома и вытѣснять изъ нихъ христіанъ; причемъ съ этихъ домовъ перестали идти городу какіе-либо доходы и повинности, и т. д., и т. д.

Въ 1646 г. бурмистры, райцы и лавники города Полоцка, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему размноженію у себя еврейства, постановили: впредь жидамъ не занимать болѣе тѣхъ шести плацовъ, которые они уже заняли, и магистратъ Полоцкій не долженъ давать новыхъ утвержденій на ихъ дома. Разумѣется, подобныя постановленія оказывались безполезными, такъ какъ правительственныя лица

являлись на сторонѣ евреевъ. Никакіе протесты, никакія жалобы, ни даже открытые мятежи утѣсненныхъ гражданъ не могли остановить распространеніе и размноженіе евреевъ. Напримѣръ, около того же времени, именно въ 1644 году, жители города Львова думали силою отдѣлаться отъ этой язвы; но встрѣтили отпоръ какъ со стороны многочисленнаго, вооруженнаго еврейства, такъ и со стороны выступившей на его защиту старостинской милиціи. Три дня продолжалась въ городѣ кровопролитная борьба и, окончилась ничѣмъ: евреи остались на своихъ мѣстахъ, и конечно, еще съ большею энергіей возобновили свою разрушительную дѣятельность. На подобныхъ примѣрахъ можно съ достаточною наглядностію слѣдить за историческимъ процессомъ постепеннаго заѣданія западнорусскаго мѣщанства пришлымъ жидовствомъ.

Арендуя старостинскія имѣнія и замки, евреи стали даже засѣдать въ судахъ подвоеводскихъ, въ качествѣ асессоровъ. А какой погромъ производило ихъ хозяйничанье въ этихъ арендованныхъ имѣніяхъ и замкахъ, даетъ понятіе слѣдующая замѣтка люстраторовъ о старостинскомъ мѣстечкѣ Нехорощѣ, въ Кіевскомъ воеводствѣ, въ 1622 году: „Пріѣхавши, мы никого не застали, только жида-арендатора Шмейера; нашли великій безпорядокъ, замокъ пустой, погнившій, обвалившійся, безъ верху“.

На Украйнѣ евреи-арендаторы явились вслѣдъ за первыми же колонистами панами и шляхтою, и конечно подъ ихъ покровомъ. Но особенно еврейскій гнетъ Украинскому народу началъ чувствоваться съ 1625 года, т.-е. съ эпохи Куруковскаго договора или неудачнаго казацкаго возстанія, когда (какъ выше замѣчено) для многихъ поселенныхъ слободъ окончились льготные сроки и началось отбываніе всякаго рода повинностей и поборовъ. Да и какъ могло лѣнивое, легкомысленное панство не соблазняться услугами евреевъ, отъ которыхъ безъ всякихъ съ своей стороны трудовъ и хлопотъ оно разсчитывало получать тысячи и десятки тысячъ злотыхъ за аренды, только подъ условіемъ, чтобы никто кромѣ нихъ не курилъ и не продавалъ горѣлки.

Благодаря этимъ арендамъ, уничтожались для народа прежняя вольная охота въ степяхъ и безмездная рыбная ловля въ рѣкахъ; въ особенности тяжело показалось ему (а главное казачеству) уничтоженіе свободы курить вино, варить пиво и медъ. Внося высокую арендную плату, евреи, ради своей наживы, кромѣ отмѣны этихъ вольностей, изобрѣтали и другія тяжести. Между прочимъ они уси-

лили такъ наз. поволовщину, т.-е. десятину съ приплода скота. Прежде она взималась разъ въ десять лѣтъ; а они, учащая ее постепенно, довели до ежегоднаго взиманія. Точно также, умножая панщину, они достигли того, что стали выгонять на панскія работы каждый день и даже въ праздники. Изобрѣтательность евреевъ въ сочиненіи налоговъ и даней не имѣла предѣловъ. Съ ихъ помощью, польскіе паны придумали, напримѣръ, слѣдующія, по выраженію русскаго лѣтописца „неслыханныя нововымышленныя дани“: такъ наз. *дуды*, т.-е. пошлину за игру на дудкѣ, свирѣли, скрипкѣ, *повивачное*—отъ новорожденныхъ дѣтей за повиваніе, *поемщину*—отъ вступающихъ въ бракъ, *пороговщину*—отъ каждаго рога воловьяго или коровьяго, и т. д. и т. д.

Свой гнетъ евреи не ограничили матеріальною или хозяйственною стороною, а распространили его и на религіозныя потребности населенія. Польскіе и ополяченные паны и старосты въ своемъ легкомысліи и презрѣніи къ народу дошли до того, что, ради гнуснаго прибытка, стали отдавать въ аренду въ своихъ имѣніяхъ и староствахъ самыя православныя церкви, и ключи отъ нихъ вручали жидамъ-арендаторамъ. Такимъ образомъ не только кто хотѣлъ обвѣнчаться или окрестить ребенка, долженъ былъ платить за это жиду, но и въ воскресенье или другіе праздники онъ не давалъ ключей отъ церкви безъ оплаты ихъ пошлиной. Понятно, какъ подобныя неправды и притѣсненія раздражали народное чувство, и казацкія возстанія, конечно, происходили въ непосредственной связи съ этимъ народнымъ чувствомъ. Ненависть къ Ляху и Жиду все росла въ русскомъ Украинскомъ народѣ. Она неизбѣжно должна была вызвать впослѣдствіи еще болѣе рѣшительныя событія и перевороты.

Судебные акты эпохи наглядно свидѣтельствуютъ, что раздраженіе обывателей христіанъ противъ евреевъ часто выражалось въ разныхъ насиліяхъ надъ ними, т.-е. грабежахъ, побояхъ и убійствахъ, а также въ обычныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на евреевъ; таковы обвиненія въ убіеніи христіанскихъ дѣтей, въ колдовствѣ и въ общественныхъ бѣдствіяхъ, которыя посылаются на людей (напр., моровое повѣтріе) за попустительство властей въ отношеніи жидовъ. Но тѣ же акты показываютъ, что и евреи съ своей стороны не оставалась въ долгу, и гдѣ чувствовали себя въ силѣ или большемъ количествѣ, тамъ они сами нападаютъ на христіанъ и даже убиваютъ; по нѣкоторымъ указаніямъ, они, подобно шляхти-

чамъ и казакамъ, носили сабли и вообще не чуждались вооруженія. Много встрѣчаемъ жалобъ на обманы и коварство евреевъ; но и послѣдніе обременяютъ суды или безконечными денежными исками, или дѣлами о насиліи. Въ самихъ судебныхъ приговорахъ, дошедшихъ до насъ, нерѣдко замѣчается явное пристрастіе къ еврейской сторонѣ, заставляющее подозрѣвать подкупность судей и наглядно подтверждающее жалобы вышеприведеннаго патріота. Притомъ въ исковыхъ и тяжебныхъ дѣлахъ еврей обыкновенно находилъ поддержку и заступничество со стороны того пана, у котораго онъ былъ арендаторомъ; разумѣется, чѣмъ сильнѣе былъ панъ, тѣмъ безнаказннѣе могъ дѣйствовать его арендаторъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на разныя насилія и всякія потери, претерпѣваемыя отъ христіанскихъ обывателей, еврейство въ Западной Россіи все множится и растетъ, на горе и разореніе коренному Русскому населенію ([28]).

ПРИМѢЧАНІЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

1. Книги Разрядныя. I. Спб., 1853. Дворцовые Разряды. I. 91 — 95, 123, 158, 199—204. Приложенія. №№ 18, 19, 31, 37, 38, 47, 49. Акты Арх. Эксп. III. №№ 18—29, (въ № 26 слова о Маринѣ), 35, 44, 50, 51, 53—63 (о разбойничавшихъ казакахъ и запорожцахъ), 78 (о Лисовскомъ). Акты Ист. III. №№ 11—39, 54, 63, 64, 248—283. Дополн. къ Акт. Ист. II. №№ 25—29. Соб. Гос. Гр. и Д. III. №№ 19—23, 28, 29. Разрядная книга 7123 и 7124 гг. (Времен. Об. Ист. и Др. 1849 г. Кн. 1 и 2). Акты Моск. Госуд. I. №№ 47, 72, 77, 103. Хронографы Столярова и Погодинскій (Изборникъ Ан. Попова. М. 1869.). Лѣтопись о мног. мятежахъ. Никонов. лѣт. VIII. Въ сихъ послѣднихъ лѣтописяхъ имѣемъ краткое упоминаніе о казни Заруцкаго и судьбѣ Марины съ сыномъ. Кромѣ того, въ сборникѣ лѣтописей Южной и Запад. Руси (Кіевъ. 1888) на стр. 80 говорится слѣдующее: Заруцкаго на косы въ яму живого бросили, мальчика Ивана Дмитріевича на шелковомъ снуркѣ повѣсили, а самое Марину постригли въ Суздалѣ въ монастырѣ Покрова Богородицы.

Неистовства воровскихъ казаковъ надъ жителями лѣтописецъ описываетъ такими словами: «Различными муками мучаще яко въ древнихъ лѣтѣхъ такихъ мукъ не бяше; людей ломающа на древо вѣшаху, и въ ротъ зелье сыпаху и зажигаху, и на огнѣ жгоша безъ милости. Женскому-жъ полу сосцы порѣзоваху и веревки вдерговаху и вѣшаху, и въ тайныя уды зелья сыпаху и зажигаху и многими различными муками мучиша и многія грады разориша и многія мѣста запустошиша» (Лѣт. о мн. мят. 304). Послѣ усмиренія воровскихъ казаковъ, въ Поволжьѣ нѣкоторое время продолжались еще набѣги и грабежи возмутившихся Татаръ и Луговой Черемисы. Въ 1615 г. для розысковъ надъ ними были посланы въ Казань бояринъ князь Григ. Петр. Ромодановскій и думный дворянинъ Кузьма Мининъ, а въ Астрахань кн. Ив. Мих. Барятинскій и дьякъ Иванъ Сукинъ. (Дворц. Разр. I. 208). Послѣ розысковъ въ Казани Ромодановскій и Мининъ въ томъ же году поѣхали обратно въ Москву, и во время этого обратнаго пути скончался знаменитый Кузьма Мининъ (Изборн. Ан. Попова. 363). О разныхъ льготахъ и царскихъ пожалованіяхъ его братьямъ, вдовѣ Татьянѣ и сыну Нефеду въ 1615 и 1616 гг. см. Акты Эксп. III. №№ 71, 83 и 85. Въ 1616 г. въ Суздальскомъ и Вла-

димірскомъ уѣздахъ заворовали боярскіе холопы и бѣглые люди: дворянъ и дѣтей боярскихъ стали убивать, крестьянъ жечь и грабить. Противъ этихъ разбойничьихъ шаекъ были посланы князь Дим. Петр. Лопата Пожарскій и костромской воевода Ушаковъ. (Разряд. кн. 7124 г. 52, 53). Относительно ногайскаго князя Иштерека, его сыновей, племянниковъ и мурзъ см. царскіе имъ подарки камками, соболями, сукнами и пр. въ приходорасходныхъ книгахъ Казеннаго Приказа 1613—1614 годы. (Рус. Ист. Библ. IX. 308—310). Ардашева: «Изъ исторіи XVII вѣка». (Жур. Мин. Н. Пр. 1898, іюнь). Здѣсь обслѣдованъ *Походъ Черкасъ* въ сѣверныя области, именно полковниковъ Барышпольца и Сидорки въ 1613—1614 гг. Этотъ отрядъ Малороссійскихъ казаковъ, отдѣлившійся отъ гетмана Ходкевича, дѣйствовалъ иногда въ связи со Шведами Якова Делягарди и временами какъ бы поступалъ къ нему на службу. О движеніяхъ Черкасъ и русскихъ воровъ см. также «Отписку игумена Кириллова монастыря» въ 1614 г. (Чт. О. И. и Д. 1897. II). О двухъ посольствахъ Михаила Ѳеодоровича къ шаху Аббасу въ 1613—1614 и въ 1615—1616 гг., Тихонова и Брехова, въ Трудахъ Восточ. Отдѣленія Археол. Общества. Т. XXI. Спб. 1892. Взаимные подарки Царя и Шаха см. въ Дополн. къ Дворц. Разр. Чт. О. И. и Д. 1882. I. Временникъ Об. И. и Др. № 4: «Книга Сеунчей 123 года». (Тутъ награды за сеунчъ или извѣстіе воеводскимъ гонцамъ деньгами, шубами, кубками, камками, мѣхомъ и пр.).

2. Акты Эксп. III. №№ 46, 76. Акты Ист. III. №№ 52, 53, 284. (То же въ С. Г. Г. и Д. III. № 34). Дополн. къ Акт. Ист. II, №№ 3—24, 30—32, 42—47. (Въ № 47 замѣчательно судное дѣло о пропускѣ посадскихъ людей изъ Новгорода однимъ боярскимъ сыномъ, стоявшимъ на караулѣ у Славянскихъ воротъ, весною 1616 г. Делягарди осудилъ его на смерть, но по ходатайству митрополита смертную казнь замѣнилъ торговою, т.-е. кнутомъ). Акты Москов. Государства. I. №№ 52—61, 64, 66—69, 71, 73, 76, 78, 80, 82. Дворцов. Разр. I. 171, 172, 283. Полн. Собр. Зак. I. № 19 (Текстъ Столбовскаго договора). П. С. Р. Л. III. 267—273 и въ прибавленіяхъ «Сказаніе» объ осадѣ Тихвинскаго монастыря. Никон. л. Лѣт. о мн. мятежахъ. «Повѣсть о прихожденіи Свейскаго краля съ Нѣмцы подъ городъ Псковъ». Сообщена М. Семевскимъ (Чт. Об. Ист. и Др. 1869. Кн. I.). Лыжина: «Столбовскій договоръ и переговоры, ему предшествовавшіе». Спб. 1857.— Не особенно важно какъ изслѣдованіе, но цѣнно по своимъ приложеніямъ, которыя занимаютъ большую половину книги и представляютъ разные документы, относящіеся къ переговорамъ и событіямъ. Аделунга: «Uebersicht der Reisenden in Russland» (Гутериса описаніе Голландскаго посольства въ Россію и Пальма-донесеніе Шведскаго посольства о пребываніи въ Москвѣ. См. Чт. О. И. и Д. 1863. IV). Гейера: «Geschichte Schwedens». III. Галленберга: «Исторія Швеціи въ правленіе короля Густава Адольфа Великаго» (Svea Rikas Historia under Konung Gustaf Adolf den Stores regering). Якубова: «Россія и Швеція въ первой половинѣ

XVII в.». Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д. и Шведскаго Государст. Архива. 1616—1651 г.г. (Чт. Об. Ист. и Др. 1897 г. Кн. 3). Первый отдѣлъ, относящійся къ царств. Мих. Ѳеод—ча, заключаетъ: 1) Переговоры въ с. Дедеринѣ 1616 г.; 2) Переговоры въ с. Столбовѣ 1617 г.; 3) посольство кн. Барятинскаго въ Швецію въ 1617—1618 гг.; 4) отправленіе туда-же гонцовъ въ 1618 г.; 5) пріѣздъ въ Москву Густава Стенбука съ товарищами въ 1618. Того же К. И. Якубова «Русскія рукописи Стокгольмскаго Государ. Архива». (Ibid. 1890. I. и IV). Въ помянутыхъ выше приходорасход. книгахъ Казен. Приказа на стр. 212 находимъ пожалованіе стольникамъ и воеводамъ кн. Семену Вас. Прозоровскому и Леонтію Андр. Вельяминову за Тихвинское сидѣніе по серебряному кубку и по шубѣ изъ бархата и камки на соболяхъ съ серебряными золочеными пуговицами.

3. С. Г. Г. и Д. III. №№ 7 (Грамота Сигизмунду отъ Земской Думы въ мартѣ 1613 г.), 8 (Роспись пословъ и разныхъ людей, задержанныхъ въ Польшѣ), 9 (письмо Николая Струся къ королю), 13 (отвѣтъ пановъ-рады Земской Думѣ), 15 (изъ наказа Ушакову и Заборовскому, посланныхъ къ императору Матѳію), 24, 25, 26 (грамоты, посланныя съ Ѳед. Желябужскимъ въ декабрѣ 1614 г.). На грамотѣ отъ Боярской Думы къ панамъ-радѣ (№ 24) подписи съ печатями одиннадцати бояръ, съ кн. Ѳ. И. Мстиславскимъ на первомъ мѣстѣ и кн. Д. М. Пожарскимъ на послѣднемъ. Затѣмъ слѣдуютъ подписи пяти окольничихъ, крайчаго, думнаго дворянина (Кузьмы Минина), постельничаго и двухъ дьяковъ. Далѣе №№ 36 (1617 г. октября 18, наказъ Д. М. Пожарскому относительно обороны Калуги), 39 (Грамота Владислава Россіянамъ въ августѣ 1618 г.), 40 (Земскій Соборъ въ Москвѣ, 1618 г. 9 сентября, относительно обороны противъ Владислава, съ расписаніемъ осадныхъ воеводъ и ратныхъ людей), 41 и 42 (о сборѣ рати въ Нижнемъ и во Владимірѣ на помощь Москвѣ), 43 (о встрѣчахъ Филарету Никитичу), 45 и 46 (чинъ поставленія его въ патріархи и утвердительная грамота Ѳеофана). Тотъ же чинъ поставленія въ болѣе обширномъ видѣ и съ «извѣстіемъ о началѣ патріаршества въ Россіи» въ Дополн. къ Акт. Ист. II. № 76. Акты Ист. III. №№ 4, 7 (о ссылкѣ измѣнившихъ литовскихъ людей Хмѣлевскаго и Староховскаго въ Верхотурье), 72 (окружная грамота Владислава о его правахъ на Московскій престолъ, въ декабрѣ 1616 г.), 77 (объ Ададуровѣ въ Верхотурьѣ. Ему съ женою и дѣтьми велѣно давать по 2 гривны въ день на содержаніе, въ іюлѣ 1619 г.). А въ слѣд. 1620 г. этотъ Ададуровъ, по милости къ нему Филарета Никитича, переведенъ изъ Верхотурья къ Казань (ibid. № 89). Вѣроятно въ его поведеніи были какія-либо смягчающія обстоятельства. Акты Запад. Россіи. IV. №№ 208—210. Акты Арх. Эксп. III. №№ 12, 92, 94, 97—99, 227 и 320. (Тутъ увѣщательныя грамоты отъ московскихъ воеводъ къ русскимъ людямъ, служившимъ въ литовскихъ полкахъ). «Подлинныя свид. о взаимныхъ отнош. Россіи и Польши». Изд. Муханова. 1843.

Книги Разрядныя. I. На столб. 606—608 привѣтственныя рѣчи М. Б. Шеину, дьяку Т. Луговскому и прочимъ воротившимся плѣнникамъ, съ спросомъ о здоровьѣ. Разрядныя книги 7123—25 гг. (Времен. Об. И. и Др. Кн. 1, 2 и 3). Дворцовые Разряды. I. Тутъ на 125 столбцѣ извѣстіе о поведеніи второго воеводы подъ Смоленскомъ кн. Троекурова. По донесенію Дм. Мам. Черкасскаго, Троекуровъ перестал заниматься дѣлами по слѣдующему поводу: Михаилъ Пушкинъ, которому было поручено собрать дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ на государеву службу, пришедши подъ Смоленскъ, отдалъ списки собранныхъ имъ людей одному князю Черкасскому, считая, что ему «отводить людей къ Троекурову невмѣстно». Изъ Москвы прислали увѣщаніе Троекурову «въ безчестіе себѣ того не ставить». Столбцы 354—383 (Владиславъ подъ Москвою и Деулинское перемиріе). Акты Моск. Гос. Т. I. Спб. 1890. №№ 62, 63, 65, 77, 79, 81, 83, 84, 93, 109—121. (Любопытны №№ 81 и 83, содержащіе распросныя рѣчи о состояніи русскаго осаднаго войска подъ Смоленскомъ, а также о количествѣ и состояніи польскаго войска, въ апрѣлѣ 1614 года). Сборникъ Муханова. №№ 113 и 114 (Рѣчь архіепископа Гнѣзненскаго и отвѣтъ Владислава). Historica Rus. Mon. II. Append. № XXIV (Грамота Владислава дядѣ своему Римскому императору, 1617 г.). Дѣла Польскія въ Архивѣ Мин. Ин. Д. №№ 29 и 30, по ссылкѣ С. М. Соловьева въ 5 прим. къ Т. IX. См. его же «Острожковскіе и Подмосковные переговоры». Документы, относящіеся къ мирнымъ переговорамъ съ Поляками въ 1618 г., возвращеніе Филарета и поставленіе на патріаршество также у Иванова въ «Описаніи Госуд. Разряд. Архива». М. 1842. 283—301. О тѣхъ же дипломатическихъ актахъ см. Бантышъ-Каменскаго «Переписка между Россіей и Польшей». Чт. О. И. и Др. 1862. Т. IV. Объ участіи іерусалим. патріарха Өеофана въ поставленіи Филарета см. въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ (Вып. 43. Спб. 1895): «Сношенія патріарха Өеофана съ русскимъ правительствомъ» Каптерева. Виленскій Археограф. Сборникъ. IV. № 46 (1614 г. Письмо литовскихъ плѣнниковъ изъ Нижняго-Новгорода гетману Ходкевичу о томъ, что царь никакихъ денегъ за нихъ не возьметъ, а требуетъ освобожденія своего родителя изъ польскаго плѣна). Письма Ив. Ник. Романова изъ Москвы къ Филарету Никитичу, находившемуся въ польскомъ плѣну, съ указаніемъ на письма къ нему же отъ Ив. Бор. Черкасскаго и братьевъ Салтыковыхъ. Извлечено изъ Скуклостерскаго семейнаго архива въ Швеціи Чумиковымъ (Чт. О. И. и Др. 1869. Кн. I). Шуйскіе Акты, изд. Гарелинымъ. М. 1893. №№ 14 и 15, относящіеся къ нашествію Владислава и разоренію отъ Черкасъ. Никонов. лѣт. VIII. Лѣт. о мн. мятежахъ. (Въ нихъ на стр. 220 и 312 неудачу переговоровъ подъ Смоленскомъ лѣтописецъ приписываетъ думному дьяку Петру Третьякову, который будто бы не послалъ своевременно полнаго государева указу московскимъ уполномоченнымъ). Голикова «Дополненіе къ Дѣян. Петра В.». II, стр. 441. Книга объ избраніи на царство Мих. Өеод—ча. М. 1856. Изборникъ Ан. Попова. 363—367. Времен-

никъ. Кн. 4 (Помѣстныя дѣла), кн. 5 (Смѣсь. 1 стр. о наградѣ Ѳ. И. Шереметьеву за Деулинское перемиріе), кн. 16 (Иное сказ. о Самозванцахъ. 143—146. Чудеса св. Сергія, относящіяся къ нашествію королевича Владислава). Авраамій Палицынъ. Маскевичъ. Коберждицкаго Historia Vladislai—usque ad excessum Sigismundi III. Dantisci. 1655. Извлеченіе изъ него въ русскомъ переводѣ «О походахъ польскаго короля Сигизмунда и королевича Владислава въ Россію» (Сынъ Отечества. 1842. № 4). Объ осадѣ г. Михайлова Сагайдачнымъ современное сказаніе. Кіев. Стар. 1885. декабрь. (Извлечено изъ Рязан. Губ. Вѣд.). Для участія въ польско-русскихъ отношеніяхъ 1618—1619 гг. боярина Ѳ. И. Щереметева см. обстоятельный трудъ А. П. Барсукова: «Родъ Шереметьевыхъ». Кн. II. Спб. 1882.

4. Акты Эксп. III №№ 3—5, 31, 36 и 37 (двѣ грамоты, судная и уставная, для Устюжны Желѣзнопольской, обѣ отъ 5 іюня 1614 г.), 43, 48, 55 (ушедшіе изъ Москвы бараши), 64, 68, 70, 78. Акты Истор. III. №№ 2, 3, 56, 62, 67 (Старцу Діонисію Голицыну отдано сельцо Никольское, взятое у царицы старицы Дарьи, бывшей жены Ивана Грознаго, Колтовской, а ей даны другія деревни), 68 (Никита Строгановъ, проживавшій на устьѣ Орла, у какого-то Якова Литвинова отнялъ его животы, въ томъ числѣ 100 рублей, которые Литвиновъ «взялъ на зятѣ своемъ за убитую свою дочерь Усолья Камскаго на жильцѣ на Семейкѣ Серебреницынѣ), 73 и 79. Дополн. къ Акты Ист. II. № 17. Тутъ донесеніе 1614 года бѣлозерскаго воеводы Петра Чихачева и дьяка Шостака Копнина относительно сбора посошныхъ денегъ и хлѣба на жалованье стрѣльцамъ. Со всего Бѣлозерскаго уѣзда «по разводу» приходилось, кромѣ посада Бѣлоозера, 1219 руб. 22 алтына, а хлѣба 1208 четвертей ржи, тоже и овса. Но по случаю разоренія отъ Литвы, Черкасъ и русскихъ воровъ собрали только около половины. Съ посада Бѣлоозера приходилось 80 руб. 11 алтынъ, ржи 79 четвертей съ осьминою и полчетверти и столько же овса. Посадскіе дали 50 руб., а хлѣба совсѣмъ не дали. Когда же воевода съ дьякомъ велѣли тѣ недоимки править съ двухъ земскихъ старостъ и съ посадскихъ, то «они на правежъ не дались, и велѣли звонить въ набатъ и хотѣли (воеводу и дьяка) побить». При томъ изъ 200 стрѣльцовъ, «прибранныхъ» на Бѣлоозерѣ, сорокъ человѣкъ, получивъ денежное и хлѣбное жалованье, сбѣжали къ казакамъ, не смотря на круговую по нихъ поруку. Отвѣтную грамоту на это донесеніе см. Ак. Эксп. III. № 43. Посадскимъ людямъ за сопротивленіе велѣно учинить наказаніе; для сбора четвертныхъ доходовъ посылается на Бѣлоозеро Никита Беклемишевъ. Въ слѣдующемъ 1615 г. воеводою здѣсь встрѣчаемъ Ивана Головина, а дьякомъ Луку Владиславлева. Изъ царской грамоты къ нимъ, вызванной донесеніемъ Беклемишева, видно слѣдующее. Прежнимъ воеводѣ и дьяку (Чихачеву и Копнину) велѣно наблюдать, чтобы дозорщикъ для сошнаго письма дворцовыя и черныя земли, розданныя въ мелкія помѣстья и составлявшія *малыя сохи* (360 четей), соединялъ въ одну *большую соху* въ 800 четей.

20*

А съ патріаршихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ, «по прежнему окладу», велѣно собрать четвертныхъ денежныхъ доходовъ по 175 руб. съ сохи на запасы ратнымъ людямъ. (Бѣлоозеро принадлежало къ Галицкой чети). Но воевода Чихачевъ и дьякъ Копнинъ не разрѣшали переписать дозорныя книги и рукъ своихъ къ нимъ не приложили, но челобитью бѣлозерскихъ помѣщиковъ, которые жаловались, что въ соху кладено только по 360 четей. Посланный сюда сборщикомъ Никита Беклемишевъ утверждаетъ, что это челобитье неправедное, и ссылается на дозорныя книги Ивана Шетнева, по которымъ и въ меньшія сохи кладено по 600 четей пашни, а иногда и болѣе. Царская грамота подтверждаетъ новымъ воеводѣ и дьяку, чтобы по дозорнымъ книгамъ Ивана Шетнева означенныя помѣстныя и вотчинныя земли клались въ живущую соху по 800 четей. (Дополн. къ Ак. Ист. II. № 39). Въ 1614 году видимъ другой случай сопротивленія. Въ Чердынь пріѣхалъ князь Никита Шаховской для сбора даней, кабацкихъ и таможенныхъ денегъ. Когда же онъ хотѣлъ поставить на правежъ «земскихъ людей» за недоимки, то земскій староста Михалко Ванковъ съ товарищи и нѣкоторые посадскіе не только не дались на правежъ, но и прибили самого сборщика князя Шаховского. Царская грамота приказываетъ чердынскому воеводѣ Волкову и дьяку Митусову старосту Ванкова и прочихъ буяновъ «передъ княземъ Никитою бивъ батоги нещадно, вкинути въ тюрьму на мѣсяцъ, чтобы инымъ такъ впередъ не повадно было воровать». (Акты Эксп. III. № 48). Любопытна, посланная тѣмъ же Волкову и Митусову, царская грамота, въ іюлѣ 1615 года, о немедленномъ сборѣ «съ Чердыни, съ посаду и съ уѣзду съ осьми сохъ ратнымъ людемъ за хлѣбные запасы» на тотъ годъ: «для дальняго привозу и крестьянскія легкости», деньгами 1200 руб., и съ сохи по полутора рубли за четь «съ провозомъ». (Акты Эксп. III. № 72). Это первый извѣстный намъ переводъ стрѣлецкой подати хлѣбомъ на денежный налогъ, по 150 руб. съ сохи. См. диссертацію П. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго». Спб. 1892, стр. 55. Здѣсь приводится еще примѣръ 1616 года въ Устюжской чети, гдѣ на соху приходится по 160 руб. (Со ссылкою на «Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ». Главн. Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣлъ). Въ той же диссертаціи см. разсужденіе о чрезвычайномъ сборѣ *пятой деньги*: Разсмотрѣвъ источники и разныя мнѣнія о ней, авторъ склоняется къ тому, что это былъ налогъ подоходный, а не имущественный (стр. 59—63). Олеарій едва ли правъ, говоря, что пятая деньга составляетъ пятую часть имущества (Чт. О. И. и Д. 1868. IV. 261); а вмѣстѣ съ нимъ и проф. Загоскинъ («Ист. права Моск. Госуд.». I. 162). Шуйскіе Акты. №№ 12 и 31. (Жалобы на дозорщиковъ и сыщиковъ). Объ указанныхъ мѣстническихъ спорахъ см. Дворц. Разряды. I. Столбцы 96, 97, 109—111, 120—123, 129. С. Г. Г. и Д. III. № 18 (приговоръ по дѣлу Пожарскаго съ Салтыковымъ).

Относительно созыва Земскаго Собора 1616 года имѣемъ царскую грамоту отъ 12 января въ Пермь Великую воеводѣ Волкову и дьяку Пустошкину.

Эта грамота подтверждаетъ прежде посланную съ приказаніемъ: «прислать къ Москвѣ для нашего великаго и земскаго дѣла на совѣтъ Пермичъ посадскихъ лутчихъ и среднихъ трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ не мѣшкая ни часу; а на Москвѣ тѣмъ («выборнымъ») людемъ велѣно явитись въ Посольскомъ Приказѣ думному дьяку нашему Петру Третьякову» (Акты Эксп. III. № 77). Этому Собору 1616 года принадлежатъ соборные приговоры о взысканіи денегъ со Строгановыхъ на ратныхъ людей (Акты Эксп. №№ 79, 80 и 81. Въ № 79 упоминается финансовая коммиссія съ участіемъ въ ней соборнаго старца Діонисія и кн. Д. М. Пожарскаго). Различныя мнѣнія о Земскихъ Соборахъ того времени профессоровъ Бѣляева, Загоскина, Сергѣевича, Чичерина. О томъ см. Латкина «Земскіе соборы Древней Руси». Спб. 1885. 155—174. Котошихинъ. Прибав. къ Псков. лѣт. (Объ ограниченіи власти Михаила боярами). Псковскій лѣтописецъ во всемъ обвиняетъ бояръ, расхищавшихъ царскія села, «понеже невѣдомо бѣ царю, яко земскія книги преписанія въ разореніе погибоша». О преобладающемъ же вліяніи Мароы на сына, до возвращенія Филарета изъ плѣна, лѣтописецъ прямо говоритъ: «боголюбивая его мати, инока великая старица Мароа, правя подъ нимъ и поддержая царство со своимъ родомъ» (П. С. Р. Л. V. 64).

Какія обширныя земельныя владѣнія захватили себѣ въ Смутное время бояре и вообще сильные люди, видно изъ «Докладной выписки», составленной въ 1613 г. вскорѣ послѣ избранія Михаила. (Отрывокъ этой выписки, сообщенный А. П. Барсуковымъ въ Чт. О. И. и Д. 1895. I.). Докладъ этотъ назывался тогда «Землянымъ спискомъ», какъ это свидѣтельствуетъ «Указная книга Помѣстнаго приказа», изданная Строжевымъ въ «Описаніи докум. и бумагъ, хранящ. въ М. Арх. М. Юст.», Т. VI. См. у него о составѣ этой Указной книги и какъ она слагалась послѣ пожара 1626 г.). О хищеніяхъ боярскихъ также въ Пск. Перв. лѣт. (П. С. Р. Л. IV. 332) подъ 1618 г.: «Былъ во Псковѣ князь Ив. Оед. Троекуровъ, и взялъ четвертой снопъ на государя съ монастырей и съ церквей изо всякаго хлѣба на ратные люди, а села государевы розданы боярамъ въ помѣстья, чѣмъ прежде кормили ратныхъ». «Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг.» Сообщ. Зерцаловымъ. Изд. Археогр. Коммиссіей. Спб. 1894 (Введеніе Лаппо-Данилевскаго). О вымогательствахъ и притѣсненіяхъ населенію, свидѣтельствуютъ, напр., грамоты царскія Бѣжичанамъ, 1615 г., гдѣ говорится, какъ воеводы, приказные люди, посланники и гонцы незаконно взимали «кормы и многіе посулы». (Чт. О. И. и Д. 1881. III.). О дворцовомъ хозяйствѣ въ первые годы Мих. Оеодоровича (1613—1614) любопытныя подробности даютъ приходорасходныя книги Казеннаго приказа, изданныя Археогр. Коммиссіей въ т. IX Русской Истор. Библіотеки. Онѣ даютъ указанія на цѣны всевозможныхъ товаровъ своего времени, на царскихъ мастеровъ, ихъ жалованье, награды разнымъ лицамъ, поднесеніе подарковъ царю отъ торговыхъ людей, иноземныхъ и рус-

скихъ, и пр. Этими книгами, хранящимися въ Архивѣ Моск. Оруж. Палаты, пользовался И. Е. Забѣлинъ для своихъ трудовъ о «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ».

О дѣлѣ Хлоповой: С. Г. Г. и Д. III. № 63. П. С. Р. Л. 65 и 66 (прямо обвиняетъ въ этомъ дѣлѣ Салтыковыхъ и указываетъ на сопротивленіе Мареы возвращенію Хлоповой). Рихтера: «Исторія медицины въ Россіи». М. 1820. II, 121. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царицъ». М. 1869. 226—236. Въ 1616 г. упоминается вологодскій воевода Иванъ Хлоповъ. (Сборникъ Хилкова. № 47). Объ исправленіи книгъ и о дѣлѣ архим. Діонисія: его Житіе. М. 1816. Скворцова: «Діонисій Зобниковскій». Тверь. 1890. Акты Арх. Эксп. III. №№ 166, 228, 329. Статья Казанскаго «Исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ» въ Чт. О. И. и Д. 1848. VIII. Рукописные матеріалы указаны въ «Исторіи Рус. Церкви». Митроп. Макарія. Т. IX. Отдѣлъ Междупатріаршества. Пожалованья по челобитьямъ Троицкаго монастыря: Акты Эксп. III. №№ 1 и 11. Акты Ист. III. №№ 58 и 59. Доп. къ А. Ист. II. № 37. Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь также выхлопоталъ себѣ право вѣдаться въ одномъ Приказѣ Большого Дворца у Б. М. Салтыкова. О томъ грамота 1615 г. въ Чт. О. И. и Д. 1885. II. Въ Извѣстіяхъ Рус. Археолог. Инст. въ Константинополѣ (II. Одесса. 1897) въ отдѣлѣ Хроники «Потребникъ Московской печати», напечатанный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

5. «Всероссійскіе патріархи: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ I, съ изображеніями». Соч. Н. А. А. (Чт. Об. И. и Др. 1847. № 3). О дѣлѣ архим. Діонисія тѣ же источники и пособія, которые указаны въ предыдущемъ примѣчаніи. Любопытна грамота 1633 года новгород. митрополита Кипріана игумену Архангельскаго монастыря: Святѣйшій патріархъ Филаретъ приказалъ отобрать и прислать къ нему уставы, напечатанные при царѣ Шуйскомъ, «для того, что тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ, чернецъ Логинъ, безъ благословенія святѣйшаго брата его Ермогена патріарха и всего священнаго Собору». (Акты Арх. Эксп. III № 228). Отобранный уставъ былъ сожженъ. О томъ въ Рус. Ист. Биб. III. 902. («Опись келейной казны патріарха Филарета»). Митрополитъ Макарій въ своей «Исторій Русской Церкви» (Т. XI, стр. 47) говоритъ, что въ этомъ случаѣ произошло какое-то недоразумѣніе: нѣкоторые экземпляры устава уцѣлѣли, и въ предисловіи къ сей книгѣ сказано, что она благословлена и свидѣтельствована патріархомъ Гермогеномъ. Отпечатанныя богослужебныя книги разсылались по городамъ изъ Печатнаго книжнаго приказа, и за нихъ взыскивались деньги съ населенія. См. относящіеся сюда акты въ Чт. О. И. и Д. (1883. II.), съ обозначеніемъ цѣнъ. Напр., за *Шестодневецъ* 1 руб. 10 алтынъ, *Часовникъ*—8 алт. 2 деньги, *Псалтырь слѣдованная*—2 р. 3 алт. 2 ден., *Евангеліе напрестольное*—2 руб. 2 алт. и т. д. (Любопытна здѣсь челобитная тяглыхъ крестьянъ Чароидской волости, чтобы съ

нихъ денегъ не взыскивали, потому что у нихъ въ церквахъ тѣ книги «наметные» уже есть). Кромѣ оправданія архим. Діонисія, патріархъ Филаретъ также соборнѣ оправдалъ въ 1621 г. вологодскаго архіепископа Нектарія, котораго митрополитъ Іона лишилъ сана и сослалъ въ Кирилловъ монастырь. Тамъ его содержали такъ строго, что не позволили причащаться въ епитрахили; на что Филаретъ обратилъ особое вниманіе. (Чт. О. И. и Д. 1866. III.).

Переводъ дѣвицы Хлоповой изъ Тобольска въ Верхотурье, а потомъ въ Нижній и пересмотръ ея дѣла: Акты Ист. III №№ 80 и 91. С. Г. Г. и Д. III. №№ 63, 64, 65. П. С. Р. Л. V. 66. Новый лѣтоп. 187. Дворц. Разр. I. 622—639. Дѣвица Хлопова умерла въ 1633 году и «выморочный» послѣ нея дворъ, принадлежавшій прежде Кузмѣ Минину, былъ отданъ князьямъ Черкасскимъ, Ив. Бор—чу и Як. Куденетовичу (Ак. Эксп. III. № 218. А въ № 215, подъ 1632 г. говорится о смерти Нефеда Кузмича Минина, послѣ котораго его вотчина село Богородское съ деревнями пожалована тому же князю Якову Куд. Черкасскому). Кстати укажемъ на № 159, гдѣ жалованная грамота кн. Ив. Бор. Черкасскому въ 1624 г. на село Павловъ Острогъ съ деревнями, на берегу р. Оки. Пожалованіе это отъ царя и патріарха состоялось въ награду за разореніе и гоненіе отъ Б. Годунова на кн. Бориса Канбулатовича, княгиню Марѳу Никитичну и ихъ сына Ив. Бор—ча, который сосланъ былъ въ казанскій пригородъ Малмыжъ, сидѣлъ тамъ въ тюрьмѣ и мучился за Романовыхъ «терпѣлъ лѣтъ съ пять». Ивану Борисовичу Царь дѣлалъ подарки, считавшіеся наиболѣе драгоцѣнными, именно мощами, т.-е. частицами мощей. См. Дополн. къ Дворц. Разр. I. 288. О сватовствѣ Мих. Ѳед—ча за границей проф. Цвѣтаева: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884 г. Гл. IV и V. Со ссылками на документы Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Д,. именно Дѣла Датскія 1621 года и Дѣла Шведскія 1622 г. См. также «Памятники дипломат. сношеній съ державами иностранными». II. № 14 и Ю. Н. Щербачова—Обозрѣніе Датскаго Архива по отношенію къ Россіи въ Чт. О. И. и Д. 1893. I. Любопытно, что у нашихъ пословъ въ Данію, князя Львова и дьяка Шипова, были отобраны на государя подарки, данные имъ Христіаномъ IV и состоявшіе изъ серебряныхъ кубковъ, стопъ, рукомойниковъ и пр. (Дополн. къ Дворц. Разр. I. 310—314. Чт. О. И. и Д. 1882. II.).

Древн. Рос. Вивл. XIII. (Обряды первой свадьбы Михаила Ѳеодоровича, съ Марьей Владиміровной Долгорукой). Акты Эксп. III. №№ 156 и 157 (Царская грамота тобольскому архіеп. Кипріану и грамота ростов. митрополита Варлаама своему духовенству о бракосочетаніи царя съ княгиней Долгорукой, о поминовеніи царицы Марьи на эктеніяхъ и моленіи о ея чадородіи. Приведена и самая эктенья, повидимому, приспособленная патріархомъ Филаретомъ). Дворц. Разряды. Письма инокини Дарьи (Колтовской) изъ Тихвин. монастыря Мих. Ѳеодоровичу съ благодарностію за подарки, по случаю брака съ княжной Долгорукой. (Письма Рус. государей. № 181. Духовную этой инокини, 1626

года, см. во Времен О. И. и Д. Кн. 9. Смѣсь). Милорадовича: «Царица Марья Владиміровна» (Русск. Арх. 1897. № 9. Она будто бы была отравлена).

О бракѣ Мих. Ѳеод—ча съ Евдокіей Лук. Стрѣшневой: Изборникъ Ан. Попова. 208. Подробный чинъ бракосочетанія въ Др. Рос. Вивл. XIII и въ С. Г. Г. и Д. III. № 72; также въ Дворц. Разр. I. 763—788. Кромѣ того есть особая лицевая рукопись въ описаніемъ сего бракосочетанія. Хранится въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Издана въ Москвѣ въ 1810 г. Дополн. къ Дворц. Разр. I. 435—444. (Тутъ любопытны царскіе подарки разнымъ лицамъ и приношенія новобрачнымъ. Между прочимъ «веселымъ» или скоморохамъ, а также домрачеямъ и скрыпотникамъ дано по 4 арш. англійскаго сукна «за то, что они были о государской радости вверху, тѣшили его государя»). Церковное распоряженіе о моленіи за царя и царицу см. въ Ак. Эксп., III. № 169, грамоту Новгород. митроп. Макарія игумну Тихвин. монастыря; причемъ разрѣшается прислать старцевъ и слугъ изъ монастырей съ образами и дарами, но самому игумену ради «дальняго пути» не велѣно ѣздить. Лукьянъ Стрѣшневъ тутъ названъ просто «дворяниномъ». И. Е. Забѣлинъ приводитъ слѣдующее извѣстіе. Постельницы Евдокіи Лукьяновны говаривали между собою: «не дорога-де она государыня; знали мы ее коли она хаживала въ жолтикахъ (т.-е. желтыхъ чеботахъ); нынѣ-де государыню Богъ возвеличилъ! («Домашній бытъ рус. царицъ», стр. 233). О томъ, что Евд. Лук. была сѣнною дѣвушкою у Шереметьевыхъ сообщаетъ Страленбергъ: Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. 211). Другое преданіе сообщаетъ, будто она была прислужницей какой-то знатной дѣвицы, привезенной на царскія смотрины. (Рус. Вѣст. 1811. № I, стр. 8). Это преданіе, облеченное въ сантиментальную повѣсть, подъ заглавіемъ «Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ» помѣщено въ Достопамят. повѣств. о велик. госуд. и знаменит. боярахъ XVIII вѣка. П. Львова. М. 1821. См. также А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», III. 55.

О рожденіи Алексѣя Михайловича: Никон. Л. Лѣт. о мн. мят. С. Г. Г. и Д. III. № 79. Акты Эксп. III. №№ 185 и 186 («Богъ простилъ царицу нашу и великую княгиню Евдокѣю, и родила намъ сына». Разрѣшается по сему случаю пріѣхать въ Москву «съ окладными образы» священникамъ и старцамъ изъ тѣхъ монастырей, «изъ которыхъ напредъ сего ѣздили»). Дворц. Разр. II. 40, 50 и 51. Роспись многочисленнымъ подаркамъ, поднесеннымъ новорожденному царевичу послѣ крестинъ его родственниками, начиная съ дѣда и бабки и кончая Анастасіей Никитичной, супругой кн. Бор. Мих. Лыкова, потомъ боярами, боярынями, гостями, иноземными послами и пр. въ Дополн. къ Дворц. Разр. I. 562 и слѣд. О троицкомъ келарѣ Александрѣ Булатниковѣ имѣемъ нѣсколько извѣстій: въ Актахъ Моск. Госуд. II. № 195, въ челобитьѣ Божина Блудова говорится, что, когда онъ отъ бѣдности поступилъ въ троицкіе монастырскіе служки, то келарь Александръ Булатниковъ хотѣлъ его изъ служекъ отдать въ холопы своему внуку князя Ѳадею Шаховскому и за его

отказъ посадилъ его въ тюрьму; тогда онъ вынужденъ былъ дать на себя служилую кабалу князю Шаховскому. Это было въ 1629 году (стало быть въ годъ рожденія Алексѣя Михайловича), и только въ 1641 г. онъ подалъ челобитную царю; послѣ чего былъ освобожденъ отъ холопства. О князѣ Ѳадеѣ Романовичѣ Шаховскомъ, т.-е. о его службѣ, см. Древ. Рос. Вивл. IX. 325. Вѣроятно онъ приходился внукомъ А. Булатникова по своей матери. Въ томъ же 1641 г. въ маѣ встрѣчаемъ въ Дворц. Разр., II. 658, слѣдующее: «послалъ государь въ Троицкій монастырь переписывать послѣ келаря Александра Булатникова» (слѣдуютъ имена посланныхъ лицъ); очевидно онъ въ этомъ году оставилъ сію должность, и послѣ него велѣно провѣрить монастырское имущество. Подобно своему предшественнику Авраамію Палицыну, онъ поступилъ въ Соловецкую обитель, куда удалился по обѣту. Объ этомъ имѣемъ извѣстіе, относящееся къ слѣдующему 1642 году, въ Актахъ Эксп. III. № 309, именно грамоту царицы Евдокіи Лукьяновны Соловецкому игумену Маркелу съ братіей о томъ, чтобы Булатникову «дали келью добрую покоили и чтили во всемъ». «По нашему указу отпущенъ въ Соловецкій монастырь, на обѣщанье, бывшей Троицкой келарь, а нашихъ царскихъ дѣтей воспріемникъ Александръ Булатниковъ». Списокъ дьякамъ и мамкамъ царевича Алексѣя Михайловича, его братьевъ и сестеръ см. Времен. О. И. и Д. (Кн. 9. Смѣсь). У царевича Алексѣя указаны два дядьки, Б. И Морозовъ и Ѳед. Бор. Далматовъ-Карповъ, и двѣ мамы, Ирина Никитична Годунова, а послѣ нея Ульяна Степ. Собакина. Кромѣ того при немъ, какъ наслѣдникѣ престола, состояло до 20 стольниковъ.

6. До насъ дошли двѣ царскихъ окружныхъ грамоты съ изложеніемъ соборныхъ постановленій о новой посылкѣ писцовъ и дозорщиковъ, выборѣ свѣдущихъ людей и пр. Первая грамота отъ 3 іюля 1619 года въ Галичъ на имя губного старосты Перелешина (Акты Эксп. III. 105 и у Иванова «Опис. Разр. Архива» 302—304); вторая отъ 5 іюля того же года въ Новгородъ Великій воеводамъ князю Ив. Хованскому и Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину (С. Г. Г. и Д. III. № 47). Онѣ тождественны по своему содержанію; только въ Новгородѣ велѣно произвести выборы *отъ каждой пятины* по два человѣка отъ духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и посадскихъ людей, слѣдовательно отъ каждаго класса по 10 человѣкъ. Былъ ли Земскій Соборъ 1619 года продолженіемъ собора 1615—16 и слѣдующихъ годовъ или особымъ, о томъ разныя мнѣнія; см. Бѣляева («Земскіе соборы на Руси», 30 стр.), который отвѣчаетъ утвердительно, Загоскина («Исторія Права Моск. Госуд. I. 252) и Латкина («Земскіе Соборы Древней Руси», 167 и «Матер. для ист. Земскихъ Собор. XVII ст.», 168), которые съ нимъ не согласны. Объ отсрочкѣ собора свѣдущихъ людей съ 1 октября до 6 декабря узнаемъ изъ (открытой проф. Дитятинымъ) царской грамоты, помѣченной 9 сентября и написанной на имя устюжскаго воеводы Бутурлина (Рус. Мысль 1883. Кн. 12).

О возвращеніи на прежнія мѣста жительства царская грамота Чердынскому воеводѣ Сарычу Липеву, въ декабрѣ 1629 года (Акты Ист. III. № 160). Воеводѣ предписано разыскать въ Перми и Пермскомъ уѣздѣ вятскихъ людей, которые ушли съ женами и дѣтьми изъ городковъ Слободскаго и Шестакова и живутъ у пермскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, а въ пермскихъ писцовыхъ книгахъ Михаила Кайсарова не записаны и притомъ живутъ не болѣе десяти лѣтъ. Дѣло объ нихъ возникло по жалобѣ вятскаго воеводы Борзецова, который для сыску бѣглыхъ долженъ прислать въ Пермь вятскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Жалован. грамота посадскимъ Погорѣлаго Городища въ Акт. Ист. III. № 102. Двѣ жалов. грамоты Калужанамъ ibid. №№ 83 и 110. О книгахъ писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и др. у Иванова въ *Опытѣ* историч. изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи, М. 1846, «Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣч. въ древнихъ документахъ». Потомъ «Описаніе книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ» и пр. въ *Описаніи* документовъ и бумагъ Архива Мин. Юстиціи. Кн. 1. Спб. 1869. Опись писцовыхъ книгъ и немногихъ дозорныхъ, относящихся ко времени Михаила Θеодоровича и хранящихся въ Архивѣ Мин. Юстиціи, см. также *Описанія* кн. 2. Спб. 1872. О писцахъ и дозорщикахъ прекрасная работа представлена Лаппо-Данилевскимъ въ его «Организаціи прямого обложенія». Гл. 2-я. Со ссылками, кромѣ печатныхъ источниковъ, и на неизданные архивные матеріалы. Далѣе: «Калужская книга 1617 года письма и дозору Бѣгичева и подьячаго Пчелина». Рефератъ П. Симсона въ засѣданіи Калужск. Учен. Архивн. Комиссіи 3 мая 1891 г. (Извѣстія этой коммиссіи. № 1). Его же: «Калужскій уѣздъ во времена Михаила Θеодоровича» (Извѣстія. № 3. Калуга. 1894). «Списокъ съ ростовскихъ писцовыхъ книгъ церковнымъ землямъ». 1629—31 годовъ, сообщенный А. А. Титовымъ въ Чт. О. И. и Д. 1896. Н. Шмелева «Къ вопросу о степени достовѣрности переписныхъ книгъ». (Ж. М. Н. Пр. 1898. Іюль. Рефератъ, читанный въ Моск. Археогр. Коммиссіи 12 марта 1898 года). Факты относятся собственно къ царствованію Алексѣя Михайловича; но тутъ указаны и случаи изъ эпохи предыдущей. Переписчики обыкновенно требовали у населенія *сказки*, въ которыхъ оно само себя описывало; а потомъ эти сказки *досматривали*, т.-е. провѣряли, и тутъ часто оказывалось, что онѣ были неточны. «Книга сошнаго письма 7137 г.» (1629), представляющая наставленіе, какъ производить описи по сохамъ, вытямъ, костямъ, какъ мѣрить поле и пр. (Времен. О. И. и Д. Кн. 17). «Сотная выпись города Дмитрова 7132 года» (1624). Тутъ частыя ссылки на «сказку старосты и выборныхъ людей». (Ibid. Кн. 24). «О большомъ сыскѣ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и пр. 1622 года», у Зерцалова «Акты XVI—XVII вв.». М. 1897. Чтобы провѣрить помѣстные и денежные оклады, часто ложно основанные на пожалованіяхъ В. Шуйскаго и Тушинскаго вора, былъ назначенъ *большой сыскъ*, порученный комиссіи изъ окольничаго Семена Вас. Головина, Юрія Игн. Татищева,

Алексѣя Захар. Шапилова и дьяка Петра Микулина. Это есть составленная для нея инструкція. Сыскивать велѣно «книгами, и помѣстными столпами, и десятнями, а чего сыскъ не имѣетъ и про то сыскивати имъ окольными и всякими людьми по государеву крестному цѣлованью вѣрою». Велѣно провѣрить и тѣхъ, которые были въ Тушинѣ, а говорили, что служили царю Василію и этою лестью справляли себѣ окладъ, «или кому оклады были денежные *съ города*, а нынѣ они тѣ оклады справили себѣ въ четверти». См. также помянутую выше «Указную книгу Помѣстнаго приказа» въ VI т. «Описанія докум. и бумагъ М. Арх. М. Ю.» .О десятняхъ см. Сторожева: въ Словарѣ Брокгауза и Евфрона, XX; въ «Описаніи документовъ и бумагъ» М. Арх. М. Ю. VII и IX; «Тверское дворянство по десятнямъ XVII вѣка». Касательно составленія разборныхъ десятенъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ еще Зерцалова «Къ вопросу о Десятняхъ» въ Чт. О. И. и Д. 1891. I.

О противупожарныхъ мѣрахъ Акты Ист. III. Стр. 91—92, 102—103 (№ 92. Дополнит. статьи къ Судебнику). «Записная книга Московскаго стола». 1626—1627 гг. (Ист. Библ. Т. IX). Тутъ встрѣчаемъ роспись объѣзжихъ головъ на Москвѣ, по частямъ города, для пожаровъ и всякаго воровства. Образцы окружной грамоты областнымъ воеводамъ о новой царской печати въ С. Г. Г. и Д. III. № 70 и Акт. Эксп. III. № 162. Любопытное мѣсто этой грамоты: «а что у прежней нашей печати были промежъ главъ орловыхъ слова, и нынѣ у новыя нашія печати словъ нѣтъ, а надъ главами у орла коруна». Этотъ указъ о печати служитъ подтвержденіемъ тѣхъ извѣстій, которыя говорятъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ при своемъ избраніи подвергся ограничительнымъ условіямъ. Но въ сношеніяхъ съ иностранцами, повидимому, была и ранѣе печать съ словомъ «самодержецъ», именно на грамотѣ 1618 г. въ Любекъ. С. Г. Г. и Д. III. № 38. На эту грамоту обратилъ вниманіе еще Арцыбашевъ (III. 437. Прим. CXXXIX). О трезвонахъ см. въ Русск. Ист. Библ. III. «Уставъ церковныхъ обрядовъ, совершавшихся въ Моск. Успен. соборѣ. Около 1634 г.». (Нѣкоторыя редакціи этого устава были прежде изданы въ Древ. Рос. Библ. VI и X). Тамъ же указъ патріарха Филарета, «на какихъ панихидахъ употреблять золотую кацею». Въ Записной книгѣ Моск. Стола 1626—1627 гг. нерѣдко встрѣчается, что Филаретъ Никитичъ назначаетъ разныхъ лицъ себѣ въ стольники. По «Смѣтному списку» 1631 года видимъ, что у патріарха было 455 стольниковъ, тогда какъ у царя 275 (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4. Смѣсь).

Въ той же Записной книгѣ любопытно слѣдующее извѣстіе: по указу царя и патріарха «посланъ на Алатырь въ государевѣ опалѣ Иванъ Граматинъ» подъ стрѣлецкимъ конвоемъ. (Русск. Истор. Библ. IX. 440). Не одного Граматина постигла опала въ эпоху руководительства патріарха: около того же времени сосланы и нѣкоторыя другія лица, каковы Томило Луговскій, Ефимъ Телепневъ, дьякъ Иванъ Мизиновъ и четверо князей Шаховскихъ. Спустя нѣсколько дней послѣ кончины Филарета, царь Михаилъ

«для блаженной памяти отца своего», велѣлъ воротить въ Москву: Граматина изъ Нижняго, Луговскаго изъ Ростова, Телепнева изъ Пошехонья, Мизинова изъ Казани и князей Шаховскихъ изъ понизовыхъ и сибирскихъ городовъ. (Рус. Ист. Библ. IX. 529). Вина Шаховскихъ состояла въ томъ, что однажды, будучи въ гостяхъ у Илейки Бочкина, они затѣяли игру: Бочкинъ и младшіе Шаховскіе старшаго изъ нихъ князя Матвѣя назвали царемъ, а онъ ихъ своими боярами. По доносу Андрея Голубовскаго, за такое «воровство» они были приговорены Боярской Думою къ смертной казни; но «по прошенію святѣйшаго патріарха» царь эту казнь замѣнилъ ссылкою съ заключеніемъ въ тюрьму. (Ibid. 550). О строгомъ наблюденіи Филарета Никитича за нравами свидѣтельствуютъ между прочимъ и слѣдующіе примѣры: Нижегородскаго церковнаго дьячка Семейка за найденныя у него гадальныя тетради, именуемыя Рафли, онъ велѣлъ отдать скованнымъ въ монастырь на годъ на черныя работы; сына боярскаго Нехорошко Семичева за блудное дѣло съ рабынями своими двумя «дѣвками», которыя были между собою двоюродныя сестры и съ которыми «прижилъ семеро робятъ», послалъ подъ начало и для черной работы въ Корельскій Никольскій монастырь; стольника своего Матвѣя Колычова за блудное дѣло, «что онъ беззаконствомъ съ женкою прижилъ трое робятъ», послалъ на покаянье въ тотъ же Никольскій монастырь и велѣлъ его «держать у себя подъ трапезою въ хлѣбнѣ скована до нашего указу и на братью ему мука сѣять» (Акты Эксп. №№ 176, 177, 226).

Ко времени правительственнаго руководительства Филарета Никитича относятся еще указы: во-первыхъ, «о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу» 1626 года (Времен. Об. Ист. и Др., кн. 4); во-вторыхъ, Ямскому приказу, 1627 года, о томъ, кому сколько подводъ дается, смотря по чину духовному или свѣтскому. Наприм., архіепископу 15 подводъ, епископу 11, боярину 20 (столько же сколько митрополиту), думному дворянину 12 и т. д. («Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ». Спб. 1790). Ямскимъ приказомъ въ это время вѣдалъ князь Димт. Мих. Пожарскій. Въ слѣдующемъ году мы находимъ его воеводою во Псковѣ. Въ концѣ обычнаго трехгодичнаго срока князь Пожарскій и его товарищъ князь Даніилъ Гагаринъ подверглись розыску по доносу о разныхъ злоупотребленіяхъ. Этотъ розыскъ или слѣдствіе производили ихъ преемники кн. Мезецкій и Юшковъ. Главными пунктами обвиненія были: присвоеніе себѣ въ холопы и крестьяне литовскихъ выходцевъ, незаконные поборы и налоги съ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Слѣдствіе продолжалось 8 мѣсяцевъ; къ допросу вызваны были какъ свидѣтели многія лица духовныя, дворяне и дѣти боярскіе, стрѣльцы, губные старосты, городскіе и сельскіе сотскіе и старосты, дворцовые и церковные крестьяне и т. д. На допросахъ свидѣтели на обвинительные пункты большею частью отзывались незнаніемъ, и только частію ихъ подтвердили. См. «Слѣдственное дѣло о кн. Д. М. Пожарскомъ» въ Чт. Об. И. и Др. 1870. Кн. 1. Съ предисловіемъ Иванова, который, разбирая это дѣло, объясняетъ его обычаями кормленія и вообще духомъ времени; при чемъ указываетъ на

то, что кн. Пожарскій «сохранилъ до смерти расположеніе Государя и, переведенный изъ Пскова, немедленно получилъ въ управленіе Помѣстный приказъ». Обвиняетъ онъ въ излишнемъ усердіи и самихъ слѣдователей, т.-е. новыхъ псковскихъ воеводъ. «Дѣла по мѣстничеству», собранныя Ивановымъ въ Русс. Истор. Сборникѣ. Т. II и V. «Замѣчательные случаи по мѣстничеству въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича», извлеченные изъ Разряд. книги Д. П. Голохвастовымъ, напечатаны въ Чт. О. И. и Д. 1848. № 9.

Одинъ русскій хронографъ такими словами очерчиваетъ Филарета Никитича: «Сей же убо Филаретъ патріархъ Московскій и всея Русіи возрасту и сану былъ средняго, божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ опалчивъ и мнителенъ, а владителенъ таковъ были, яко и самому царю боятися его, боляръ и всякаго чина царскаго синклита зѣло томляше заточеньми не обратными и инѣми наказаньми, до духовнаго же чину милостивъ былъ и несребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ, а въ грамотахъ и въ челобитныхъ писали имя его съ вичемъ». (Хроногр. архіеп. Пахомія въ Изборникѣ Ан. Попова. 316). Патріаршество свое Филаретъ ознаменовалъ еще причтеніемъ къ лику святыхъ двухъ русскихъ подвижниковъ: Макарія Унженскаго, жившаго въ XV вѣкѣ, и Авраамія Чухломскаго — въ XIV в. Ихъ обители находились въ родномъ для новой династіи Костромскомъ краю. Въ томъ же 1620 году, когда совершилась канонизація преп. Макарія, былъ возобновленъ и основанный имъ на Волгѣ монастырь Желтоводскій; возобновленъ инокомъ Аврааміемъ. По челобитью сего Авраамія, Филаретъ въ 1628 г. далъ мон. Желтоводскому несудимую грамоту, по которой десятильники и поповскіе старосты не имѣли права сюда въѣзжать, и въ судебныхъ дѣлахъ монастырь вѣдался самимъ патріархомъ или кому онъ поручитъ. (Чт. О. И. и Д. 1866. III.). Духовная «строителя» Авраамія, 1640 г., заключаетъ любопытныя свѣдѣнія объ иконахъ, книгахъ, окладахъ и прочей монастырской и церковной утвари съ обозначеніемъ цѣнъ (Времен. Кн. 2). Самому Филарету въ 1625 г. дана царская жалованная грамота, которою увеличивалась его власть въ патріаршей области или епархіи (болѣе 40 городовъ съ уѣздами): его суду подлежали всѣ дѣла духовныя и гражданскія, исключая уголовныхъ. (А. Экс. III. № 164. С. Г. Г. и Д. III. № 72).

7. О срачицѣ Христовой: Лѣт. о м. мят. Никон. л. С. Г. Г. и Д. III. № 73. Акты Эксп. III. № 168. О пріемѣ пословъ въ Дворц. Разр. I и II. «О ходу въ Персидское царство»: въ 1623 году по указу царя и патріарха московскій гость Ѳедотъ Котовъ съ 8 человѣкъ «ходилъ за море въ Персидскую землю въ купчинахъ съ государевою казною» (Времен. Об. И. и Д. Кн. 15). Любопытны его наблюденія надъ персидскими нравами. Бантышъ-Каменскаго: «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи». Двѣ части. М. 1894—1896. С. Г. Г. и Д. III. № 51. (Похвальная грамота Сагайдачному за его извѣщеніе о побѣдѣ надъ Крымцами съ посылкою ему 300 р.), 57 (Земскій Соборъ 1621 г. о войнѣ съ Поляками), 80 (о торговыхъ пошлинахъ съ иноземцевъ). Книги Разрядныя. I.

773, 785, 805, 824. Дѣла Моск. стола Разряд. приказа, приведенныя у Латкина. 173. По поводу политическихъ и церковныхъ сношеній со Шведами и областями, уступленными Швеціи. Акты Эксп. III. №№ 107, 108, 111, 179—184. Указанный выше сборникъ матеріаловъ Якубова съ его предисловіемъ, которое касается русскихъ перебѣжчиковъ (Чт. О. И. и Д. 1897. Кн. 3). «Сношенія Россіи съ Франціей» (XVI—XVIII вв.). В. С. П—ва. М. 1893. «Обзоръ сношеній между Англіей и Россіей въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Спб. 1854.

О приготовленіяхъ ко второй Польской войнѣ и московскомъ войскѣ: «Письма Рус. государей». М. 1848. №№ 371 и 378. (О заготовкѣ въ Новгородѣ хлѣбныхъ запасовъ для наемныхъ Нѣмцевъ, о безпорядкахъ, дракахъ и убійствахъ между ними и разрѣшеніи ихъ полковникамъ дѣйствовать «по ихъ нѣмецкому праву»). См. въ томъ же изданіи примѣч. 38, касающееся найма 5000 иноземныхъ солдатъ и покупки оружія. Наняты также инженеры, умѣющіе земляные города дѣлать: Монсонъ, Шлиманнейфельдъ, Шхамасаръ, Швартъ и пр. (на основаніи Шведскихъ дѣлъ Моск. Архива Ин. Д.). Судъ полковниковъ однако былъ подчиненъ главнокомандующему воеводѣ, а для докладу ему назначался особый русскій чиновникъ или «судья». Дворц. Разр. II. 272. Зерцалова: «О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 1136 года». Чт. О. И. и Д. 1895 и отдѣльно. Дополн. Ак. Ист. II. № 58 и 59 (о присылкѣ каменщиковъ и пр. для строенія крѣпости въ Вязьмѣ и сборѣ денегъ съ монастыр. вотчинъ за даточ. людей). Акты Эксп. III. №№ 188, 193, 196, 199, 201 (о подобныхъ же предметахъ). С. Г. Г. и Д. III. №№ 81—88 и 93: о посылкѣ полковниковъ Лесли и Фандама за границу для найма ратныхъ людей и покупки оружія. Договоръ съ Фуксомъ. Подробный списокъ жалованья офицерамъ, рядовымъ, лѣкарямъ, священникамъ, даже палачу и тремъ кабатчикамъ. Этотъ списокъ показываетъ намъ составъ полковаго штаба и нестроевой части у иноземцевъ (№ 87). О русскихъ полкахъ иноземнаго строя съ помѣстными и кормовыми офицерами-иностранцами см. Акты Эксп. III. № 161. (1625 г. Упоминаются «иноземцы помѣстные» съ ротмистрами Матвѣемъ Халаимомъ и Петромъ Гамонтовымъ и «кормовые» съ Григоріемъ Врославскимъ), 206 (1632 г. Русскіе люди, «которые написаны къ ратному ученію въ солдаты, пѣшіе люди»), 208 (1632 г. О раздачѣ «денежной казны на жалованье и на кормъ нѣмецкимъ полковникамъ и ихъ полковъ начальнымъ людямъ, и русскимъ, и нѣмецкимъ солдатамъ»), 213, 223, 224 (1633 г. Самойло Шарло Деебертъ, полковникъ рейтарскаго и драгунскаго полка, состоящаго изъ «русскихъ и нѣмецкихъ людей»), 236 и 237 (1632 г. Дѣти боярскіе, новокрещены, атаманы и казаки, «которые написаны въ рейтарскую и въ солдатскую службу»), 239 (1633 г. Перечисляютъ иноземцевъ стараго выѣзду роты: Николая Мустофина, Прокопія Мишевскаго, Юрія Кулаковскаго Григорія Врасловскаго, Михаила Жежборскаго, Лаврентія Красовскаго и Елизара Журавскаго—судя по фамиліямъ, все выходцы изъ Западной Россіи;

изъ нихъ во время войны «Прошка Мишевскій измѣнилъ, отъѣхалъ къ королю». О томъ въ слѣд. №), 246 (1634. Тутъ имена восьми полковниковъ-иноземцевъ; число русскихъ полковъ обозначено 6, а число нѣмецкихъ 4; «урядниками» въ русскихъ полкахъ указаны «нѣмецкіе люди». Тутъ же упоминаются «стараго выѣзду иноземцы Гречане, Сербъяне, Волошане), 287 (1639 г. «которые дѣти боярскіе напередъ сего были въ солдатской и драгунской службѣ»), 195 (1631 г. Грамота псков. воеводамъ о запрещеніи продавать соль за Литовскій рубежъ), 197 (1632 г. Грамота тѣмъ же воеводамъ о запрещеніи покупать у литовскихъ торговцевъ хмѣль, на который какая-то «баба-вѣдунья» наговариваетъ, чтобы «тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навести моровое повѣтрее»).

Акты Моск. Гос. I. №№ 267—392 съ перерывами. Тутъ, во-первыхъ, свѣдѣнія о вызовѣ изъ областей безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ къ полковникамъ иноземцамъ для обученія ратному строю; «чтобы были собою добры и молоды»; о нихъ велѣно въ торговые дни чрезъ биричей «прокликати не по одинъ день»; жалованья этимъ боярскимъ дѣтямъ назначалось по 5 руб., поденнаго корму по алтыну въ день, да пищаль, порохъ и свинецъ изъ казны. Далѣе, о высылкѣ новиковъ въ Москву, о верстаніи дѣтей боярскихъ, о верстаніи денежными и помѣстными окладами казаковъ, которые поэтому называются «бѣломѣстными» или «жилыми», объ отсрочкѣ всякихъ исковыхъ и судныхъ дѣлъ служилымъ людямъ, пока минется ихъ разборъ, о снабженіи украинныхъ городовъ военными припасами, объ отсылкѣ обратно за море Литвиновъ, Поляковъ и Прусаковъ, оказавшихся въ числѣ наемныхъ Нѣмцевъ, и т. д. Особенно бросается въ глаза обиліе московскихъ лазутчиковъ и литовскихъ выходцевъ, съ ихъ распросными рѣчами, которыя сообщали въ Разрядъ всѣ возможныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и главныхъ лицахъ въ Польшѣ и Литвѣ. Напримѣръ, въ декабрѣ 1631 года лазутчики донесли, что въ Смоленскѣ воевода Александръ Гонсѣвскій, а товарищъ его Яковъ Воеводскій, что гарнизону у нихъ съ небольшимъ 1000 человѣкъ, если не считать посадскихъ; что бочка ржи стоитъ 6 золотыхъ, а ячменю 2, но соль дорога, 60 алтынъ пудъ, вслѣдствіе запрещенія отпуска ея изъ московскихъ городовъ; что, по разговорамъ литовскихъ людей, въ Москву ѣдутъ цесарскіе послы, чтобы хлопотать о мирѣ между Московскимъ государствомъ и Литвою. Этотъ слухъ оказался вѣренъ. Дѣйствительно, потомъ царь получилъ извѣстіе о прибытіи австрійскаго посла на границу, и въ мартѣ отправилъ туда князя Гагарина; но вслѣдъ затѣмъ посланъ былъ отказъ принять посла. Конечно въ Москвѣ узнали, что это не столько посолъ, сколько лазутчикъ, что Австрія держитъ сторону Польши и желаетъ развязать ей руки со стороны Москвы, чтобы имѣть отъ нея помощь противъ Шведскаго короля, посолъ котораго именно въ это время прибылъ въ Москву. (Дѣло объ этомъ неудачномъ австрійскомъ послѣ Атанашіи Еоргицевскомъ см. «Памят. Диплом. сношеній». Т. III. 1—84).

Нѣкоторыя вѣсти лазутчиковъ оказывались или невѣрными, или прежде-

временными; такъ въ томъ же донесеніи говорится о смерти Сигизмунда III и уходѣ королевича Владислава на Запорожье (№ 319). Изъ донесеній лазутчиковъ видно, что Поляки, смотря на близкій конецъ перемирія, очень опасались за Смоленскъ, что Гонсѣвскій хлопочетъ о подкрѣпленіи, что въ Москву хотѣли послать Льва Сапѣгу и Христ. Радивила съ большимъ посольствомъ для заключенія мира, что ихъ особенно тревожила вѣсть о прибытіи наемныхъ Нѣмцевъ къ царю, что королевичъ Владиславъ, будто бы, не надѣясь получить Польско-Литовскій престолъ, хочетъ засѣсть въ Смоленскѣ и отсюда «доступаться Московскаго государства» (№№ 324 и 326). Нѣкто разсказываетъ, что при немъ въ Каневъ пришли изъ Москвы два нѣмчина и одинъ русскій человѣкъ съ листами къ Черкасамъ: «мелкіе люди» Черкасы прочли листы на радѣ и говорили, что они должны служить Московскому государю и что отъ Поляковъ есть утѣсненіе христіанской вѣрѣ; но что «лучшіе люди» отговорили и пристали къ Полякамъ, московскихъ же посланцевъ препроводили къ гетману Конецпольскому, который Русскаго велѣлъ убить, а Нѣмцевъ посадить въ тюрьму (№ 328). Далѣе читаемъ, что въ Москву намѣрены послать изъ Польши наемныхъ Нѣмцевъ подговорить своихъ земляковъ, чтобы они не служили царю, что въ Смоленскъ возятъ хлѣбные запасы и ссыпаютъ въ башняхъ (№ 329); что цесарь посылалъ Запорожцамъ деньги, чтобы они шли къ нему на помощь противъ Шведовъ, но польскій король ихъ не пустилъ, говоря: «нынѣ намъ самимъ люди надобны» (№ 330). Одинъ шляхтичъ, Заболоцкій, убившій на поединкѣ своего товарища, бѣжалъ изъ Новгорода Сѣверскаго отъ смертной казни за Московскій рубежъ въ Сѣвскъ, и здѣсь показывалъ между прочимъ слѣдующее: стоя у дверей, онъ слышалъ, какъ читали королевскую грамоту къ новгородъ-сѣверскому коменданту, и въ ней было сказано, что вмѣстѣ съ цесарскимъ посломъ тайно ѣхалъ въ Москву литовскій посланецъ, конечно въ качествѣ лазутчика (№ 332). Не всегда московскіе лазутчики счастливо кончали свое порученіе: такъ Поляки поймали двухъ переодѣтыхъ стрѣльцовъ; въ Смоленскѣ ихъ пытали и потомъ отослали къ королю (№ 339). «Симбирскій Сборникъ». Родословная Кикиныхъ. №№ 6—9. (Военныя приготовленія на южной украйнѣ).

Относительно чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ для войны съ Польшею, см. Берха къ «Царств. Мих. Ѳеод.». Приложенія №№ XVI—XIX. (Грамоты въ Сійскій монастырь). Акты Эксп. III. №№ 193, 211—214, 216. Тутъ двѣ грамоты 1632 года о сборѣ пятинныхъ денегъ и добровольныхъ взносахъ, очевидно установленныхъ Земскимъ Соборомъ, что подтверждается Дворцовыми Разрядами (II. 299): 11 ноября этого года въ воскресенье государь и патріархъ были въ Столовой палатѣ «на соборѣ для денежнаго сбору ратнымъ людямъ на жалованье». Конечно, этотъ вопросъ уже ранѣе обсуждался на Соборѣ, который былъ созванъ въ іюнѣ 1632 г. и на которомъ рѣшено было воевать съ Польшею. См. Бантышъ-Каменскаго: «Переписка между Россіей и Польшей». Чт. О. И. и Д. IV. 47; но вѣроятно здѣсь 1631 годъ оши-

бочно показанъ вмѣсто 1632. (Онъ ссылается на Арх. Мин. Ин. Д. Польскіе столбцы 1625—1632 гг. № 4).

Мѣстническій споръ кн. Б. М. Лыкова съ кн. Д. М. Черкасскимъ во Времен. О. И. и Д. Кн. 7. Князь Лыковъ обвинялъ Черкасскаго кромѣ тяжелаго права еще и въ томъ, «будто имъ, княземъ Дмитріемъ, люди владѣютъ». Назначеніе главныхъ воеводъ, ихъ отпускъ, манифестъ о войнѣ, наказъ воеводамъ: Разрядн. книги. II. Спб., 1855. 371—445 Акты Эксп. III. №№ 205—208, 251, 333, 334. Акты Моск. Гос. I. №№ 367, 389. Чт. Об. Ист. и Д. 1847. № I. Сборъ подводъ и военнаго матеріала, подвозъ и продажа съѣстныхъ припасовъ: Акты Моск. Гос. №№ 349, 355, 360, 361, 365, 366, 375, 376, 380, 391, 455. Дворц. Разр. II. 269—276, 287. Приложеніе на стр. 853: Разметный списокъ количества запасовъ, которое каждый изъ дьяковъ обязанъ отвезти подъ Смоленскъ. Относительно денежной казны, отпущенной 2 сентября изъ Москвы на жалованье войску, есть разногласіе: въ Актахъ Эксп. (№ 208) сказано «восемьдесятъ восемь тысячъ», а въ Актахъ Моск. Гос. (№ 390) стоитъ 78.000. Въ августѣ въ войско Шеина назначено 68.674 р. 16 алтынъ «на кормъ на три мѣсяца русскимъ и нѣмецкимъ солдатамъ и ихъ начальнымъ людямъ (Ibid. № 370).

Эпоха Можайскаго и Дорогобужскаго сидѣнья Шеина, движеніе къ Смоленску: Акты Моск. Госуд. I. №№ 376—477, съ перерывами. Любопытно, что даточные и посошные люди иногда отождествляются и служатъ они по найму (№№ 420 и 421). Роспись, сколько нужно всякаго платья для русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ. Такъ, на полки Лесли, Фукса и Якова Карла требуется по 1.234 кафтановъ шубныхъ, 1.234 пары ступней, 1.234 пары чулокъ, 1.234 пары теплыхъ рукавицъ (№№ 410 и 431); 2.460 чулокъ вязаныхъ «долгихъ, которые бы были за колѣно», заказано въ разныхъ городахъ, и уплата за нихъ распредѣлена между пятью четями: Новогородской, Устюжской, Костромской, Владимірской и Галицкой (№ 412). Посылка Животворящаго Креста съ частицами мощей Шеину, чтобы носилъ на себѣ, а на ночь снималъ (№ 416). Посылка 49 желѣзныхъ цѣпей по 5 саженъ длины, для смыканія наряду, 600 четвертей сухарей и 125 чет. толокна (№ 411). Донесеніе литовскихъ выходцевъ, что значительная часть Смольнянъ радѣетъ государю; многіе крестьяне Дорогоб. и Смоленск. уѣздовъ, съ Балашомъ во главѣ, предлагаютъ быть шишами, т.-е. партизанами; смоленскіе зовутъ Шеина идти скорѣе, говоря, что въ Смоленскѣ мало ратныхъ людей и проч. (№№ 440, 442, 443, 452—456). Отписки Шеина съ жалобами на грязи, скудость запасовъ, побѣги и проч. (№№ 415, 418, 445, 451). Капитанъ Ульфъ, сдавшій Дорогобужъ Русскимъ, выговорилъ своему гарнизону возвращеніе въ Литву, съ условіемъ не служить противъ нихъ, но 200 человѣкъ изъ этого гарнизона насильно поворотили въ Смоленскъ (№ 457). Относительно выступленія Шеина изъ Дорогобужа въ № 458 обозначено 25 или 26 ноября, а въ Дворц. Разр. 5 декабря (II. 305). Повидимому, первое

указаніе относится собственно къ выступленію отрядовъ Измайлова, Фандама и Лесли; но они шли только въ 10 верстахъ впереди Шеина; о чемъ въ № 460. По донесенію Шеинова посланца Кондырева, главный воевода 6 декабря былъ въ 18 верстахъ отъ Смоленска. Изъ смоленскихъ выходцевъ особенно любопытно сообщеніе шляхтича Корнилова, который перебѣжалъ къ Шеину съ перехваченнымъ имъ письмомъ Гонсѣвскаго въ Витебскъ. По словамъ Корнилова въ ноябрѣ 1632 года въ Смоленскѣ было только 1.000 человѣкъ настоящаго гарнизону, т.-е. кромѣ посадскихъ, и городъ былъ еще мало укрѣпленъ, и еслибы Шеинъ вскорѣ пришелъ, то вѣроятно завладѣлъ бы имъ. Но Шеинъ продержалъ Корнилова въ Дорогобужѣ шесть недѣль и перехваченное имъ письмо въ Москву не послалъ. По донесенію выѣзжаго изъ Смоленска нѣмчина Ричарда Стивенса, около половины января 1633 года въ Смоленскѣ, по прибытіи нѣкоторыхъ подкрѣпленій, гарнизону было 2.090 человѣкъ, многія мѣста въ крѣпостной стѣнѣ были еще не задѣланы, и еслибы Шеинъ изъ Дорогобужа поспѣшилъ, то «литовскіе бы люди Смоленскъ государевымъ людямъ сдали» (№ 477).

Относительно количества московскаго войска, поступившаго подъ начальство Шеина въ началѣ войны, см. Брикса «Geschichte der alten russischen Heereseinrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin, 1867. По его исчисленію, составленному на основаніи Разрядныхъ книгъ (II, 385—390), у Шеина въ Смоленскомъ походѣ было 32.970, т.-е. около 33.000 человѣкъ. Зерцаловъ, на томъ же основаніи, вычисляетъ почти то же количество, именно 32.602, не считая нѣкоторыхъ частей, напримѣръ, прибылого полка Плещеева. См. его «Мих. Бор. Шеинъ подъ Смоленскомъ». (Чт. О. И. и Др. 1897. II. Смѣсь). Но всѣ эти вычисленія мы считаемъ далеко неточными. Показанія даже оффиціальныхъ источниковъ не совпадаютъ. Между прочимъ Разряд. книги приводятъ въ данномъ случаѣ шесть полковъ иноземнаго строя (будто бы заключавшихъ болѣе 14.000 человѣкъ). Но ихъ подъ Смоленскимъ было десять. Пришли они сюда не всѣ въ одно время. Странно, что въ этихъ книгахъ, напримѣръ, тутъ неупомянутъ полкъ Фандама, который подошелъ къ Смоленску въ передовомъ отрядѣ. За всю эту войну, по словамъ русскихъ лѣтописей и хронографовъ, было выставлено въ поле Москвою ратныхъ людей до 100.000 и болѣе. (Наприм., Лѣт. о мн. мят., 363. Изборн. Ан. Попова, 316). Мы полагаемъ, у Шеина было менѣе или около 30.000 при его прибытіи подъ Смоленскъ, т.-е. до прихода Прозоровскаго, Нагово, Матисона, Карла Деэберта и другихъ подкрѣпленій.

Что война была начата именно по настояніямъ Филарета Никитича, о томъ имѣемъ два независимыя другъ отъ друга свидѣтельства, русское и польское: 1, Хронографъ архіепископа Пахомія (Ан. Попова *Изборникъ*, 316), также Бант.-Камен. «Переп. м. Рос. и Пол.» со ссылкою на Ростов. лѣт. (Чт. О. И. и Д. 1862. IV. 47); 2, изданный Рембовскимъ, Dyaryusz wojny

Moskiewskiej roku 1633. Warszawa. 1895. Стр. 82. Этотъ діаріушъ есть собственно сборникъ писемъ и актовъ съ театра войны, писанныхъ частію по-польски, частію по-латыни. Главная часть ихъ принадлежитъ Яну Москоровскому, служившему при польномъ Литов. гетманѣ Хр. Радивилѣ.

. Относительно 10 солдатскихъ полковъ иноземнаго строя, въ источникахъ ясно упоминаются 9 полковниковъ: Лесли, Фандамъ, Фуксъ, Як. Карлъ, Росформъ, Унзинъ, Китъ, Матисонъ и Сандерсонъ. Такъ какъ Лесли командовалъ двумя полками, однимъ русскимъ и однимъ нѣмецкимъ, то всѣхъ пѣхотныхъ полковъ иноземнаго строя было десять. Замѣчательно, что имени Сандерсона нѣтъ ни въ Актахъ Моск. Госуд., ни въ Актахъ Археогр. Экспедиціи; но оно встрѣчается въ Разрядныхъ Книгахъ. II, 387. О немъ см. Берха «Царств. Мих. Феодоровича». I, 175. II, 50 и «Царств. Алексѣя Михайловича». I, 172. Тутъ ссылка на слова англійскаго посла Карлейля въ 1663 г.: по этимъ словамъ, король Карлъ I ссудилъ царю Михаилу 40.000 рейхсталеровъ и дозволилъ ему собрать въ Англіи 3.000 войска, которое послалъ подъ начальствомъ Томаса Сандерсона—число войска во всякомъ случаѣ очень преувеличенное. А на требованія польскаго короля не оказывать помощи Москвѣ, Карлъ I отвѣчалъ, что съ нею Англія ведетъ выгодную торговлю (ссылка Берха на Theatrum Europaeum. т. II, стр. 577; этого изданія я не имѣлъ подъ рукою). См. также «Обзоръ сношеній между Англіей и Россіей» (Спб., 1854): тутъ на стр. 61 сказано, что въ 1623 г. 10 іюня заключенъ между Мих. Феод-чемъ и Яковомъ I оборонительный и торговый трактатъ, вслѣдствіе котораго преемникъ Якова, Карлъ I, по просьбѣ Михаила, прислалъ 40.000 рейхсталеровъ ссуды и войско съ генераломъ Сандерсономъ для войны съ Польшей. Александръ Лесли сначала попалъ въ Москву въ качествѣ военноплѣннаго, захваченнаго подъ Смоленскомъ въ первую Польскую войну при Мих. Феод-чѣ Потомъ онъ служилъ въ Швеціи у Густава Адольфа. Въ 1630 г. онъ уже въ чинѣ полковника вступилъ въ московскую службу, снабженный рекомендаціей Швед. короля. За нимъ послѣдовалъ и его тесть капитанъ Товія Виггерсонъ или Унзинъ, который скоро былъ возведенъ въ полковники, благодаря вліянію Лесли. Сей послѣдній, какъ вѣрный агентъ Густава Адольфа, не мало содѣйствовалъ Московской военной партіи къ возбужденію противъ Поляковъ и добился порученія нанять полки за границей. (Изслѣдованіе Д. В. Цвѣтаева «Протестанство и протестанты въ Россіи». М. 1890. 371—375. Со ссылкою на Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. «Выѣзды въ Россію 1630 года, №№ 1—4, 1631 г. №№ 2—11). По «Смѣтному списку» 1631 г., «всего въ Иноземномъ приказѣ иноземцевъ стараго и новаго выѣзду помѣстныхъ и кормовыхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, ротмистровъ, и капитановъ, и поручиковъ, прапорщиковъ, и всякихъ иноземцевъ 1.608 человѣкъ» (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4). Это количество служилыхъ иноземцевъ передъ наймомъ полковъ за границей. По тому же Смѣтному списку въ это время насчитывалось: бояръ, думныхъ людей, стольниковъ, дьяковъ, жильцовъ и московскихъ дворянъ 2.325 человѣкъ; городовыхъ

дворянъ и дѣтей боярскихъ по спискамъ 24.656; стрѣльцовъ 19.540; пушкарей, затинщиковъ и засѣчныхъ сторожей 3.573; бѣломѣстныхъ и кормовыхъ казаковъ 1.694. Ibidem см. формы крестоприводныхъ записей для Донскихъ казаковъ и для иноземцевъ, поступившихъ на вѣчную или на временную службу.

8. Главные источники для подробностей Смоленской эпопеи представляютъ Акты Моск. Госуд. I, и отчасти помянутый выше Dyaryusz wojny Moskiewskiej. Затѣмъ слѣдуютъ Вассенберга «Дѣянія Владислава IV», Разряд. книги, Акты Археогр. Эксп. III и т. д.

Акты Моск. Госуд, №№ 478—544. Тутъ, между прочимъ, шайка Балаша (№№ 478, 484—486, 504, 505 и пр.), расположеніе осадныхъ частей и осадныя работы (№№ 479, 480, 491, 496 и т. д.), Гонсѣвскій и Радивилъ въ Оршѣ и подъ Краснымъ и ихъ посылки подъ Смоленскъ (№№ 481, 488, 495, 498, 501, 510, 511), бомбардированіе и дальнѣйшія осадныя операціи (502, 506, 508, 513—527 и т. д.). О неудачныхъ приступахъ см. Вассенберга и отрывокъ Розыскного дѣла (Ак. Эксп. III. № 251). Сборъ даточныхъ людей, наказы чиновникамъ, провожавшимъ Шарля Деэберта и самому Шарлу, посланному изъ Москвы въ теченіе іюля 1633 г., жалобы Шеина на побѣги, нѣти и недостатокъ посошныхъ. (Ак. Эксп. III. №№ 222—225, Акты Моск. Гос. №№ 542—544). Набѣги Запорожскихъ казаковъ и Крымцевъ и тревога въ Москвѣ (Ак. М. Гос. №№ 534 — 540. Ак. Эксп. № 231, Дворц. Разр. II. 333—340. Тутъ на стр. 333 и 339 хвастливыя донесенія отъ Шеина и Измайлова объ удачной посылкѣ подъ Красное). Акты Ист. III. №№ 174 и 294 (О производствѣ жалованья двумъ лѣкарямъ-иностранцамъ, посланнымъ въ полки къ князю Прозоровскому, и роспись лѣкарствамъ, отпущеннымъ изъ Аптекарскаго Приказа подъ Смоленскъ къ полковнику Якову Карлу). Любопытные матеріалы извлечены А. Н. Зерцаловымъ въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи изъ расходной книги «Денежнаго стола бывшаго Разряда». Они даютъ нѣсколько новыхъ подробностей. Наприм., ратные люди подъ Смоленскомъ приносили непріятельскія пушечныя ядра, за которыя имъ платили отъ 4 денегъ до 3 алтынъ, смотря по калибру; за отбитые мушкеты платили отъ 3 до 25 алтынъ. Тутъ же расходы на покупку рубашекъ, сѣры, воску, мѣди, вару и пр. «нѣмецкимъ людямъ для промыслу, чтобъ подъ Смоленскомъ зажечь мостъ». Далѣе расходы на покупку сальныхъ свѣчъ, дегтю, селитры, мышьяку, холста, масла, сала, нитей и проч.; «свѣчи къ подкопному дѣлу, а масло къ огненному дѣлу». Днѣпровскій мостъ принимались поджигать неоднократно. Вознагражденіе солдатамъ, отвезшимъ на себѣ пушечный нарядъ къ большому острогу, по рублю на человѣка. (Помянутая выше статья «И. Б. Шеинъ» въ Чт. Об. И. и Д. 1897, кн. 2).

Помѣсячную роспись денегъ, посланныхъ изъ Москвы Шеину, и количества съѣстныхъ припасовъ см. у ген. Бранденбурга. Воен. Сборн. 1869, № 9, стр. 20—21. (Составлена на основаніи разрядовъ Смоленскаго похода по руко-

писи Имп. Публ. Библіотеки за № 169). Ту же роспись см. въ Разряд. кн. II. 445—451, гдѣ исчислено сколько четвертей запасу доставили подъ Смоленскъ тѣ или другіе бояре, дворяне и дьяки, а на 506—508 распоряженіе о доставкѣ съ церковныхъ имѣній на ихъ же лошадяхъ, по двѣ четверти ржаной муки съ живущей чети пашни; а которыя имѣнія больше 500 верстъ отъ Москвы, съ тѣхъ брали деньги за муку и подводы. Французскій писатель второй половины XVIII вѣка, Левекъ въ своей, лишенной всякой критики, Histoire de Russie расказываетъ слѣдующую басню: когда Нѣмцы пробили брешь въ Смоленской стѣнѣ и готовились ворваться въ городъ, Шеинъ не позволилъ имъ, говоря, что царь не для того выслалъ такую прекрасную армію, чтобы горсть Нѣмцевъ взяла городъ въ нѣсколько дней, и велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ, чтобы принудить ихъ къ отступленію. (III. 371).

9. Діаріушъ, изд. Рембовскимъ. Вассенбергъ. Акты Эксп. III. №№ 229—231. Книги Разряд. II. Акты Моск. Гос. I. №№ 546—570. Тутъ извѣстія о прибытіи короля подъ Смоленскъ, указы о новыхъ сборахъ даточныхъ и посошныхъ людей и отправленіи ихъ на театръ войны, жалобы Шеина на опаздываніе денегъ цѣлымъ полмѣсяцемъ, челобитья Деэберта, что его конному полку выдаютъ жалованье послѣ пѣшихъ, челобитья Донскихъ казаковъ о прибавкѣ корму, а дворянъ и дѣтей боярскихъ о перемѣнѣ ихъ наполовину братьями и племянниками, потому что обнищали, лошади ихъ подохли, а слуги разбрелись. Кормовые дѣти боярскіе солдатскихъ полковъ Лесли и Фандама просятъ прибавить жалованья и корму, «сверстать со старыми казаки». По сему поводу высчитано, что на четыре солдатскіе полка, Лесли, Фандама, Росформа и Унзина въ 1632 году выдано жалованья 128.834 р. Въ нихъ рядовыхъ русскихъ солдатъ, съ капралами, ротными подъячими и кабатчиками было 6.610 человѣкъ. (А съ шестью другими полками, указанными въ Разрядн. книгахъ, выходитъ болѣе 21.000!). Указано прибавить корму по 2 деньги въ день, въ половинѣ сентября 1633 года (№ 553). Нельзя не обратить вниманія, что въ числѣ этихъ четырехъ русскихъ полковъ иноземнаго строя приводится и полкъ Фандама; хотя, какъ извѣстно, имъ былъ набранъ иноземный полкъ; но очевидно Фандамъ, подобно Лесли, отправленный для сего за границу, имѣлъ уже у себя подъ командою русскій полкъ; а навербованный имъ за границей полкъ, вѣроятно, поступилъ подъ команду Сандерсона. Что у Шеина было 10 полковъ иноземнаго строя, это подтверждаетъ и помянутый польскій Діаріушъ. Далѣе идутъ донесенія Шеина о побѣгахъ и нѣтяхъ, распоряженія объ отобраніи у нихъ части помѣстій или убавкѣ денежнаго оклада, о спѣшной посылкѣ подкрѣпленій, извѣстія о бояхъ 11 сентября на Покровской горѣ и 18 сентября у Архангельскаго монастыря и пр. Деэбертъ въ своемъ челобитьѣ о прибавкѣ кормовыхъ денегъ разсказываетъ о своей побѣдѣ надъ Поляко-Литовцами 18 сентября, хотя нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ (№ 570); однако, онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ разсказъ Dyaryusz'a, приписывающій побѣду Полякамъ (39—42, 45).

О посланцѣ Гонсѣвскаго Спендовскомъ въ Смоленскъ съ извѣстіемъ о прибытіи короля и его плаваніи Днѣпромъ, говорятъ «Отрывки изъ дневника» (Руск. Ист. Библ. т. I, стр. 731) и Dyaryusz w. Mosk. 28 и 48; тогда какъ нѣкоторые другіе источники (наприм., Вассенбергъ) разсказываютъ легенду о томъ, какъ съ этимъ извѣстіемъ отправили въ Смоленскъ воина, наряженнаго кустомъ, и онъ, будто бы пользуясь лѣсистою мѣстностью, пробрался въ городъ сквозь русскія линіи. Эта легенда повторялась обыкновенно русскими писателями, напр., Никитинымъ въ его «Исторіи города Смоленска». М. 1848.

10. Уже вскорѣ по возвращеніи Филарета Никитича изъ польскаго плѣна имѣемъ извѣстія о его частыхъ болѣзняхъ. Такъ, въ октябрѣ 1619 года онъ пишетъ сыну: «А о томъ благодарю Господа Бога моего Іисуса Христа, что насъ обоихъ (съ великой старицей Маѳой) посѣтилъ болѣзнію; а вамъ бы, Великому Государю, объ нашихъ старческихъ болѣзняхъ не кручинится». По поводу той же болѣзни, великая старица пишетъ Филарету: «писалъ еси, государь, ко мнѣ, что тебѣ, государю свѣту моему, отъ немощи вашей отъ лихорадки есть мало полегче, и азъ о томъ сердечно обрадовалася; а что по грѣхамъ ножка больна камчюгомъ, и о томъ зѣльно скорбѣла». Спустя лѣтъ десять въ одномъ письмѣ Филарета Никитича къ сыну читаемъ: «у руки, государь, раны зажили, а опухоль еще не опала». А въ письмѣ его къ царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ о той же болѣзни говорится болѣе подробно. «А генваря въ 15 день, послѣ вечерняго пѣнія, на молебнѣ, впервые въ тоѣ больную руку взялъ служебный сулокъ, а до того времени никако было взять въ тоѣ больную руку сулка невозможно; а нынѣ, государыня, рукѣ моей такожде, яко же въ 15 день и въ 16 день на праздникъ; а опухоль еще не опала». (Письма Рус. государей. 57, 61, 228, 240). Запись о кончинѣ его Дворц. Разр. II. 348. Хронографъ Пахомія эту кончину ставитъ въ прямую связь съ неудачею Смоленскаго похода: «и абіе патріархъ впаде въ великую скорбь, по семъ же и успе». (Избор. А. Попова. 318); только онъ ошибочно заставляетъ его пережить и самую капитуляцію.

Акты Моск. Госуд. I. №№ 571 — 639, съ перерывами. Тутъ отписки Шеина, распоряженія о сборѣ бѣглецовъ и нѣтчиковъ о бѣглыхъ казакахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Отписки Черкасскаго и Пожарскаго изъ Можайска, извѣстія о Казановскомъ и Гонсѣвскомъ, заступившихъ путь къ Смоленску, условія капитуляціи, донесенія Горихвостова и пр. «А кто съ дороги сбѣжитъ и поворотится назадъ на Кострому, и тѣхъ нѣтчиковъ въ Костромѣ велятъ *перевѣшать* (№ 611); это было бы единственное подобное распоряженіе; можетъ быть, слѣдуетъ прочесть: переписать. Князь Прозоровскій предлагалъ не сдаваться королю, а испортить нарядъ, взорвать порохъ и «идти въ отходъ», но Шеинъ его не послушалъ (№ 631). Акты Арх. Эксп. III. №№ 236—248. (Указъ Черкасскому и Пожарскому идти подъ Смоленскъ смѣнить Шеина въ № 239). С. Г. Г. и Д. III. №№ 99 (Соборный приговоръ 29 ян-

варя) и 101 (грамота нижегородскому Печерскому архимандриту, съ упрекомъ, что онъ прислалъ только 200 руб., тогда какъ въ предыдущемъ году прислалъ 1.000). Разряд. Кн. II. 557—636.

Dyaryusz wojny Moskiewskiej: фланговой обходъ короля, бой 9 октября, обложеніе Шеина и состояніе польскаго войска (46—60). Эпизодъ о столкновеніи Лесли съ Сандерсономъ, переданный со словъ одного англичанина, который перебѣжалъ изъ русскаго лагеря въ польскій послѣ убіенія Сандерсона (68 — 69). Считаю этотъ разсказъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ другія версіи, наприм., та, которая приводится въ «Исторіи» Соловьева, т. IX, гл. 3). Эпизодъ о Петрѣ Хенеманѣ (62 и 71). Тутъ же приводится со словъ Хенемана сказка о какомъ-то фокусникѣ англичанинѣ, который въ Москвѣ обѣщалъ царю выставить конный полкъ и будто по его приказу рейтары въ полномъ вооруженіи выскакивали изъ-подъ печки (63). О поимкѣ Огибалова съ грамотами, зашитыми въ сапоги (73). Грамота, привезенная Воронцомъ въ Москву (75—80. Содержаніе ея см. въ «Переп. м. Рос. и Пол.» 53—54). Разсказы Воронца о настроеніи въ Москвѣ (81 и 82). Капитуляція Шеина и унизительныя церемоніи отпуска русской арміи (102—110). Отрывки изъ Польскаго дневника въ Ист. Библ. I (744—758). Вассенбергъ (107—128).

На гравюрѣ Гондіуса особенно любопытна сцена капитуляціи или преклоненія русскихъ знаменъ. (Эта сцена снятая, по моему заказу съ гравюры, собственно для публичнаго чтенія 4 апрѣля 1897 г., прилагается и въ настоящей книгѣ). На переднемъ планѣ группа верхомъ: здѣсь, во-первыхъ, король Владиславъ и позади его королевичъ Янъ Казиміръ; они въ низкихъ и широкихъ шляпахъ съ перьями; съ лѣвой стороны короля оба польные гетмана, Радивилъ и Казановскій, съ открытыми и подбритыми кругомъ головами; у одного изъ нихъ въ рукахъ булава; за ними канцлеръ епископъ Жадикъ съ крестомъ на древкѣ въ рукѣ и въ кругломъ шлемѣ, съ маленькимъ крестикомъ на верхушкѣ; потомъ три сенатора—обычные спутники и соглядатаи при королѣ—въ хламидахъ съ горностаевыми капюшонами. У ногъ королевскаго коня на колѣнахъ четыре русскихъ воеводы въ долгополыхъ кафтанахъ, съ непокрытыми головами и длинными бородами; за ними припалъ на одно колѣно очевидно полковникъ-иноземецъ, съ палашомъ на боку и круглою шляпою въ рукѣ (повидимому Карлъ Деэбертъ); рядомъ съ нимъ знаменоносцы наклоняютъ три свернутыя знамени, а три другія готовы наклониться; далѣе идутъ пѣшіе отряды съ мушкетами на плечѣ и саблями на боку. Вдоль ихъ пути выстроена польская пѣхота съ развернутыми знаменами, съ конными и пѣшими офицерами впереди. Голландецъ Гондіусъ, кажется, не былъ очевидцемъ сихъ событій, а работалъ по разсказамъ и описаніямъ. Во-первыхъ, какъ мы сказали, у него преклоняютъ колѣна четыре воеводы; тогда какъ ихъ было три: Шеинъ, Измайловъ и кн. Прозоровскій, а четвертаго, больного князя Бѣлосельскаго, везли въ саняхъ. Во-вторыхъ тутъ представлены оба гетмана; тогда какъ въ дѣйствительности присутствовалъ одинъ Радивилъ, а Казановскій

находился въ ту пору съ особымъ отрядомъ между Дорогобужемъ и Вязьмою. Впрочемъ, его присутствіе на церемоніи не объясняется ли условною любезностію, желаніемъ не обидѣть его, какъ участника Смоленской эпопеи? Большая гравюра, изображающая сцены этой эпопеи, состоитъ изъ 12 мѣдныхъ досокъ; кромѣ нея есть малая, состоящая изъ четырехъ досокъ, представляющая детальные планы осады, образцы укрѣпленій и инженерныхъ работъ и т. п.

Эти гравюры снабжены указателемъ или объяснительною брошюрою, которая переведена на русскій языкъ: «Изображеніе атаки и обороны Смоленска 1634 года». Спб., 1847. Самыя доски, увезенныя изъ Варшавы Петромъ Великимъ, хранятся въ Петербургскомъ Военнотопографическомъ депо. Я пользовался экземпляромъ той и другой гравюры, принадлежащимъ Петербургскому Артиллерійскому музею и обязательно сообщеннымъ мнѣ генераломъ Н. Е. Бранденбургомъ. Тотъ же генералъ составилъ наиболѣе обстоятельное описаніе Смоленской осады изъ всѣхъ извѣстныхъ дотолѣ описаній сего событія. Первая половина этого труда была помѣщена въ «Военномъ Сборникѣ» за 1869 годъ (апрѣль и сентябрь), а вторая осталась не напечатанною; но, благодаря любезности автора, я имѣлъ подъ рукою и эту рукописную часть описанія. Вышедшимъ въ 1890 г. первымъ томомъ Актовъ Моск. Госуд—ва отчасти успѣлъ воспользоваться покойный профессоръ исторіи Русскаго военнаго искусства въ Николаевской Академіи Генеральнаго штаба Д. Ѳ. Масловскій, въ своей небольшой статьѣ о нашихъ помѣстныхъ войскахъ XVII столѣтія. Она помѣщена въ Военномъ Сборникѣ за 1890 г. сентябрь. Относительно технической стороны Смоленской осады хорошимъ пособіемъ служитъ трудъ ген. Ласковскаго «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Часть I. Спб. 1858, и приложенный къ этой первой части особый атласъ картъ, плановъ и чертежей.

Зерцалова «Акты XVI—XVIII вв.» Тутъ кромѣ «М. Б. Шеинъ подъ Смоленскимъ», есть между прочимъ свѣдѣнія «о Польскихъ лазутчикахъ на Руси въ 1633—34 гг.» Изъ нихъ видно, что во время Смоленской осады Поляки посылали лазутчиковъ въ Можайскъ узнать о войскѣ Черкасскаго и Пожарскаго, а также и въ Москву; лазутчики эти были изъ русскихъ людей. Ibidem еще о Земскомъ Соборѣ 1634 г.; авторъ утверждаетъ, что никакого особаго Земскаго Собора по поводу Крымцевъ не было, вопреки Латкину. Соборное опредѣленіе 28 января 1634 года о пожертвованіи всѣми сословіями денегъ на жалованье ратнымъ людямъ въ Актахъ Эксп. III. № 242 и С. Г. Г. и Д. III. № 99.

Осада Бѣлой между прочимъ описана въ Діаріушѣ, изд. Рембовскимъ, и въ польскомъ же Дневникѣ или его отрывкахъ, помѣщенныхъ въ Т. I Русск. Ист. Библіотеки. Переговоры и миръ Поляновскій: «Переписка между Рос. и Пол.» въ Чт. О. И. и Д. 1862. IV. «Временникъ» 1850. Кн. 5. Смѣсь. «Изборникъ» Попова. 373—375. Діаріушъ. Отрывки изъ Дневника. Дворц. Разр. Условія Поляновскаго договора обстоятельнѣе всего изложены въ «Пе-

Сцена преклоненія Шеина съ товарищами передъ Владиславомъ IV при отступленіи остатковъ Русской рати изъ-подъ Смоленска.

Съ современной гравюры Гондіуса.

ренискѣ м. Рос. и Польшей». Польшѣ уступлены на вѣчныя времена слѣдующіе города: Смоленскъ, Бѣлая, Дорогобужъ, Рославль, Монастырское Городище (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попова Гора, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красное и волость Велижская, со всѣми уѣздами, военнымъ снарядомъ, посадскими и пашенными людьми. Для размежеванія спорныхъ земель условлено выслать съ обѣихъ сторонъ по три человѣка къ 22 сентября въ пять пограничныхъ пунктовъ; а для торжественнаго утвержденія договора къ 10 февраля будущаго года обоюдно выслать пословъ въ обѣ столицы. Посламъ вообще разрѣшено имѣть при себѣ свиту въ 100 человѣкъ со 150 конями, посланникамъ 30 человѣкъ и 50 лошадей, а гонцамъ 6 человѣкъ и 10 лошадей. Въ числѣ особыхъ статей, предложенныхъ Поляками, находилось участіе русскихъ пословъ въ выборѣ новаго короля: причемъ Московскій царь могъ быть выбранъ на Польскій престолъ, съ извѣстными обязательствами. Но таковыя статьи не имѣли серьёзнаго значенія, и русскіе послы отклонили ихъ формальное внесеніе въ договоръ. Награды Московскимъ уполномоченнымъ: Дворц. Разр. II. 373, 380—382. Временникъ. V. Смѣсь. 1—2. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ». III. 171—173. Съ ссылкою на портфели Малиновскаго въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д. Челобитная Волконскаго о пожалованіи его за Бѣлую и награды ему въ Ак. М. Г. I. № 717. О ратификаціи Поляновскаго договора, выдачѣ гробовъ Шуйскихъ, ихъ встрѣчѣ въ Москвѣ и пріемѣ литовскихъ пословъ, Песочинскаго и Сапѣги, тѣ же: «Переписка м. Рос. и Пол.», Дворц. Разр. и Барсукова «Родъ Шерем.» Кромѣ того, Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłł. Poznań. 1839. Діаріушъ пословъ (Александра Песочинскаго и Казиміра Льва Сапѣги) къ ц. Михаилу отъ к. Владислава въ 1635 г., составленный секретаремъ посольства Петромъ Вяжевичемъ, въ Археогр. Сборникѣ, т. IV. Вильна. 1867. № 51. Реляція тѣхъ же пословъ королю объ ихъ Московскомъ посольствѣ. Ibid. № 52. По поводу встрѣчи гробовъ Шуйскихъ въ «смирномъ платьѣ», можемъ указать въ Дворц. Разрядахъ (II. 512), относящееся къ 1636 году, объясненіе, въ чемъ обыкновенно состояло смирное или траурное платье. «Была на Государѣ шапка казанская съ пелепелы, а діадима была меншая, платно бархатъ вишневой двоеморхой, на немъ звѣздки золоты, на платнѣ кружево низано. Бояре и окольничіе и дворяне и стольники были въ смирномъ платьѣ: въ охобняхъ объяринныхъ, и въ зуфныхъ и темновишневыхъ, и въ багровыхъ и въ гвоздишныхъ. Рынды были въ вишневомъ платьѣ. А были Государь и бояре въ смирномъ платьѣ для того, что до приходу (литовскихъ) посланниковъ къ Москвѣ за два дни не стало государыни царицы и великія княжны Софіи Михайловны». Относительно Шуйскихъ см. монографію варшв. проф. Д. В. Цвѣтаева «Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ» (у меня оттискъ монографіи, еще неоконченной). О привозѣ его тѣла изъ Варшавы въ Москву и погребеніе въ Успенскомъ соборѣ въ IV ея главѣ.

Для судьбы Шеина главный источникъ это отрывокъ изъ Розыскного дѣла

или собственно судебный приговоръ надъ нимъ и его товарищами въ Акт. Арх. Эксп. III. № 251. Можно было бы весьма сожалѣть о томъ, что это Розыскное дѣло пока не найдено вполнѣ; ибо любопытно было бы узнать отвѣты самого Шеина и его товарищей. Но вновь обнародованные источники, особенно первый томъ Актовъ Моск. Гос—ва, т.-е. акты Московскаго Разряда того времени, достаточно выясняютъ почти весь ходъ войны и Смоленской осады, и тѣ искаженія фактовъ, которые, по всей вѣроятности, Шеинъ приводилъ въ свое оправданіе, едва ли много прибавили бы этому выясненію. Важнѣе отсутствіе свидѣтельскихъ показаній. По хронографу Столяровскому, комиссія, назначенная для суда надъ Шеинымъ, «сыскивала ратными людьми, которые были съ нимъ подъ Смоленскомъ. И ратные многіе всякіе люди въ сыску боярамъ сказали на боярина на Михаила Шеина и на Артемія и на сына ево Василья Измайловыхъ многія ихъ неправды, а къ государю нерадѣнье, а къ ратнымъ людямъ жесточь и утѣсненіе». (Изборн. А. Попова. 373).

Олеарій (кн. III, гл. 6) разсказываетъ слѣдующее. Въ Москвѣ неудачу Смоленской осады приписали измѣнѣ Шеина. Когда войско воротилось, то оно прямо жаловалось на измѣну своего предводителя. Сначала жалобщиковъ не уважили и поступили съ ними строго; тогда вспыхнуло возстаніе, и, чтобы утишить его, народу обѣщали казнить Шеина. А послѣдняго обманули: сказали ему, что онъ только для виду будетъ выведенъ на казнь, но что въ послѣднюю минуту его помилуютъ. Довѣряясь сему обѣщанію и особенно слову патріарха, Шеинъ спокойно легъ на землю; но ему тотчасъ отрубили голову. Сынъ Шеина въ тотъ же день, по требованію народа, былъ до смерти засѣченъ кнутомъ, а пріятели его сосланы въ Сибирь. Очевидно или Олеарію кто-то сообщилъ неточныя свѣдѣнія, или онъ ихъ потомъ спуталъ. Мы знаемъ, что сынъ Шеина былъ сосланъ и умеръ на дорогѣ. (Впрочемъ возможно, что предварительно онъ былъ сѣченъ). Хотя разсказъ о народномъ бунтѣ мало достовѣренъ, а обманное обѣщаніе помилованія того менѣе; но несомнѣнно, что воротившіеся изъ-подъ Смоленска ратные люди обвиняли Шеина въ измѣнѣ и возбудили противъ него сильное общественное негодованіе, которое успокоилось только послѣ его казни. Олеарій прибылъ въ Москву, спустя три мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ этой казни, и могъ замѣтить общее настроеніе; здѣсь были еще свѣжи впечатлѣнія Смоленской катастрофы, и толки о Шеинѣ какъ измѣнникѣ еще не замолкли. Также смутно и сбивчиво разсуждаетъ объ этомъ дѣлѣ русскій хронографъ. Онъ напираетъ особенно на клятву или крестоцѣлованіе, данное Шеинымъ польскому королю передъ своимъ отпускомъ изъ плѣна. (Объ этой клятвѣ упоминаетъ и помянутый отрывокъ изъ Розыскного дѣла, т.-е. актъ оффиціальный). «Царь и патріархъ,—пишетъ онъ,—впадоша въ кручину и въ недовѣріе о болярине своемъ Михаилѣ предореченнаго крестнаго цѣлованія, такожде и боляре Московскіе уязвляющеся завистію и клеветами на Михайлу, такожде дохождаше слухъ и въ полки къ Михаилу, яко многи царю и патрі-

арху навѣтуютъ на него такожe и въ полкахъ воздвизается на него ропотъ великъ за гордость и нерадѣніе его; онъ же отъ гордости своея на всѣхъ воеводъ и на нѣмецкихъ полковниковъ нача злобитися и ихъ безчестити, ратныхъ же людей оскорбляти, а съ сопостаты битися и для конскихъ кормовъ по селамъ не повелѣ отпущати и къ Москвѣ нача грубо писати, а съ Москвы къ нему грамоты прихождаху токмо со осужденіемъ и опалою». «Прииде подъ Смоленскъ самъ Польскій и Литовскій король Владиславъ со многими гетманы и со всею своею радою, не зѣло же въ тяжцѣ силѣ, но въ промыслѣ усерднѣ, и посылаетъ къ Михаилу Шеину и воспоминаетъ ему крестное цѣлованіе. Михайло же паки увываетъ и паки на ратныхъ своихъ людей гнѣвается и никакого промыслу не чинитъ многое время». (Изъ хрон. Пахомія. Изборн. А. Попова. 317—318). Далѣе у него патріархъ Филаретъ умираетъ отъ скорби уже послѣ капитуляціи Шеина, хотя дата его кончины указана вѣрно (только 2 октября вмѣсто 1-го). Явныя невѣрности въ родѣ того, будто изъ Москвы Шеину писали все съ укоризною и опалою, показываютъ, что составитель сего хронографа астраханскій архіепископъ Пахомій, писавшій спустя лѣтъ двадцать послѣ событія, не имѣлъ о немъ точныхъ свѣдѣній и разсуждалъ на основаніи разныхъ противорѣчивыхъ слуховъ (свѣдѣнія объ этомъ хронографѣ см. у Ан. Попова «Обзоръ Хронографовъ рус. редакціи». 236—242). Вообще обвиненіе Шеина въ измѣнѣ проникло почти во всѣ русскіе источники.

По поводу оффиціальнаго выраженія, что троимъ осужденнымъ въ Москвѣ отрубили головы «на пожарѣ», укажу на замѣтку А. П. Бунина о значеніи слова *пожаръ* въ старину (Археологич. Извѣстія. 1898. № 5—6). Онъ объясняетъ это названіе вообще въ смыслѣ торговой площади, а въ Москвѣ такъ называлась Красная площадь и кромѣ нея Лубянская. Къ приведеннымъ имъ свидѣтельствамъ присоединю еще одно: «ко пречистой Богородицѣ Казанской, что на пожарѣ». (Выходы государей. М. 1844, стр. 115, подъ 22 октября 1643 г.).

О ссылкѣ и смерти Ивана Шеина, о ссылкѣ и возвращеніи въ Москву кн. Прозоровскаго, Тимофея Измайлова, его сына Льва и сына Артемьева Семена Измайлова см. Акты Эксп. III. №№ 335—349. О Тимофеѣ Измайловѣ встрѣчается свѣдѣніе въ «Записн. Кн. Моск. стола»: состоявшій у Большой казны Тимофей былъ отставленъ отъ службы уже въ мартѣ 1633 года. (Рус. Ист. Библ. IX. 525). Тамъ же находимъ извѣстіе о подьячемъ Разряднаго Приказа Пятомъ Спиридоновѣ: «за литовскую посылку» онъ переведенъ дьякомъ въ Помѣстный приказъ, получилъ 600 четей помѣстнаго оклада и денегъ 70 рублей (555). А извѣстный Иванъ Грамотинъ въ маѣ 1634 г. назначенъ думнымъ дьякомъ, вѣдавшимъ Посольскій приказъ, и вскорѣ пожалованъ печатникомъ (558 и 559). Любопытва въ той же Записной книгѣ роспись больнымъ ратнымъ людямъ, остававшимся подъ Смоленскомъ, а потомъ отпущеннымъ въ Москву. Имена ихъ въ изданіи пропущены; но, судя по нѣкоторымъ

приведеннымъ изъ числа служившихъ въ полкахъ иноземнаго строя, это все русскіе люди. Между прочимъ «Индрихова полку» (Фандама) пропущено до 90 именъ, а приведены только двое: сынъ боярскій Никита Котовъ и Андрей Левшинъ. (575). Но и отсюда ясно, что Фандамъ командовалъ не иноземнымъ, а русскимъ солдатскимъ полкомъ. Примѣромъ пограничныхъ споровъ и безпорядковъ, наступившихъ тотчасъ за Поляновскимъ миромъ, можетъ служить донесеніе изъ Комарицкой волости воеводы Ѳ. Пушкина о неправильномъ присвоеніи себѣ литовскими людьми села Олешковичъ (Времен. Об. И. и Д. Кн. 4).

11. Примѣръ благодушнаго отношенія къ поведенію Шеина и объясненія нашихъ неудачъ несостоятельностію русскаго войска, ненадежностію и неповиновеніемъ иноземцевъ и интригами бояръ представляетъ «Исторія» Соловьева, т. IX, гл. 3-я. Онъ ссылается и на вышеприведенный хронографъ Пахомія, хотя это довольно мутный источникъ; притомъ же, какъ мы указали, Пахомій главнымъ образомъ приписываетъ неудачу не этимъ причинамъ, а тайной присягѣ, данной Шеинымъ королю. Вслѣдъ за Соловьевымъ, боярской интригѣ противъ Шеина приписалъ неудачный исходъ войны и И. Е. Забѣлинъ въ своей монографіи «召Мининъ и Пожарскій». (См. *Рус. Архивъ* 1872. № 5 и стр. 144 отдѣльнаго изданія). Особенно усерднымъ защитникомъ Шеина явился Зерцаловъ въ указанной выше статьѣ «М. Б. Шеинъ подъ Смоленскомъ». (Чт. О. И. и Др. 1897. Кн. 2. Смѣсь), гдѣ онъ предположеніе Соловьева о боярскихъ интригахъ, помѣшавшихъ успѣхамъ Шеина, довелъ до крайности и почти всѣ его неудачи объясняетъ именно сими предполагаемыми интригами. Главная причина подобныхъ выводовъ заключалась въ недостаточно подробномъ фактическомъ знакомствѣ съ данными событіями; а между тѣмъ писатели, хорошо освѣдомленные съ ходомъ и разными фазисами военныхъ дѣйствій подъ Смоленскомъ, уже и ранѣе неодобрительно относились къ поведенію Шеина и его способу осады; такова, напримѣръ, вышеназванная монографія ген. Н. Е. Бранденбурга. Нынѣ же послѣ изданія новыхъ и обильныхъ источниковъ (см. выше) весь ходъ военныхъ дѣйствій и поведеніе Шеина настолько выяснились, что оправдывать бѣдственный конецъ похода какими-то боярскими интригами нѣтъ никакой возможности. Между прочимъ защитники его ссылаются на причиненное будто бы ими постоянное голоданіе русской арміи и недостатокъ боевыхъ припасовъ. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, наоборотъ, непріятели удивлялись огромнымъ запасамъ всякаго рода, которые они нашли въ острожкахъ и земляныхъ городкахъ, покинутыхъ Русскими. А недостатокъ съѣстныхъ припасовъ произошелъ конечно тогда, когда Шеинъ допустилъ отрѣзать свои сообщенія и очутился въ блокадѣ.

Основанные на детальномъ изученіи фактовъ, свои выводы о Смоленской эпопеѣ я имѣлъ случай изложить на публичномъ чтеніи 4 апрѣля 1897 года. Въ заключеніе сего чтенія я позволилъ себѣ привести аналогію между Шеинымъ и французскимъ маршаломъ Базеномъ, который также своимъ бездѣйствіемъ и безцѣльнымъ сидѣніемъ въ Мецѣ довелъ французскую армію до по-

зорной сдачи. Любопытно, что и польскіе источники относятся къ Шеину какъ къ серьезному противнику, не выставляя на видъ его позорнаго поведенія; разумѣется, для того, чтобы не умалить славу польскихъ побѣдъ. Точно также относятся къ Базену нѣмецкія извѣстія и по той же причинѣ. По поводу означеннаго моего чтенія въ печати высказаны нѣкоторыя возраженія. Особенно рѣзко отнесся къ нему новый и крайній поборникъ догадки С. М. Соловьева, г. Оглоблинъ въ статьѣ «Правда о бояринѣ М. Б. Шеинѣ» (*Историч. Вѣстникъ*, 1898, іюнь). Во всѣхъ и всюду онъ видитъ только одно: боярскую интригу противъ Шеина. Мой отвѣтъ на эту статью въ *Рус. Старинѣ* (ноябрь того же года).

О вооруженіи русской конницы той эпохи, т.-е. дворянъ и дѣтей боярскихъ, любопытныя подробности находимъ у Голландца Гутерпса. Всадники «имѣли лукъ, который во время ѣзды висѣлъ у нихъ на ремнѣ около шеи, слѣва колчанъ со стрѣлами, а подлѣ него широкая сабля; справа подъ сѣдломъ виднѣлись длинное ружье, слѣва палашъ, который такъ великъ, что его можно было поднять только обѣими руками; потомъ еще у сѣдла укрѣплена пара пистолетовъ и къ правой рукѣ обыкновенно привѣшена короткая, толстая плеть». (Такое полное вооруженіе, конечно, имѣли наиболѣе состоятельные люди). Вообще знатные люди, по его словамъ, отличались великолѣпнымъ убранствомъ своихъ коней и имѣли у сѣдла небольшой барабанъ (набатъ), «въ который они во время ѣзды прилежно ударяли». (Чт. О. И. и Д. 1863 V).

12. О поставленіи патріарха Іосафа въ Изборникѣ Ан. Попова. 318 и 428. С. Р. Л. IV. 334. Дворц. Разр. II. 362, 363. С. Г. Г. и Д. III. № 105. Рус. Ист. Библ. IX. 551—552. Архим. Досифея «Лѣтоп. Соловецкій». М. 1833, стр. 62. При семъ патріархѣ дѣло Суздальскаго архіепископа Іосифа Курцевича, прибывшаго изъ югозапад. Россіи, потомъ низложеннаго: Лѣтоп. Густын. м. въ Чт. О. И. и Д. 1848. VIII, и 1863. I. Рус. Ист. Библ. II. № 166. Акты Эксп. III. № 249. См., между прочимъ, жалобу суздальскихъ кожевниковъ на грабительства и насильства сего архіепископа Іосифа въ 1620 г. Чт. О. И. и Д. 1863. I. Патріарху Іоасафу принадлежатъ: «Память» или наставленіе поповскимъ старостамъ о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ, 1636 г. (Ак. Эксп. III, № 264); «Лѣствица властемъ» или роспись, въ какомъ порядкѣ, какіе архіереи и настоятели монастырей должны присутствовать на соборахъ, соборныхъ богослуженіяхъ и при патріаршей трапезѣ (Досифея «Опис. Соловец. монастыря». III); смиренное посланіе къ царю на вопросъ его, что предпринять противъ Крымскаго хана, позволявшаго грабить и притѣснять Московскихъ пословъ (Соловьева «Ист. Рос.» XI. Приложеніе, взятое изъ столбцовъ Приказа Тайн. Дѣлъ. Также въ Зап. Рус. и Слав. Археол. II). По сему поводу, см. сообщеніе Зерцалова «Объ оскорбленіяхъ царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII в.». Чт. О. И. и Д. 1893. III.

С. Г. Г. и Д. III. № 98 (отъ 4 октября 1633 года, черезъ три дня по кончинѣ Филарета посланъ въ Чебоксары приказъ о возвращеніи изъ ссылки М. М. Салтыкова). О кончинѣ Ивана Никитича Юрьева или Романова въ Др. Рос. Вивл. XX. 99 и въ Нов. Лѣт., изданномъ кн. Оболенскимъ въ 1553 г. Первое приложеніе. (Онъ былъ погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ). См. также таблицу членовъ семьи Романовыхъ и ихъ родства Н. Н. Селифонтова — тщательно составленная «Родословная» въ Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ Михаила Өеодоровича. (Ч. II. СПб. 1898. Изданіе Костром. Ученой Архивн. Комиссіи). Дворц. Разр. II. 354, 366, 487, 650 (пожалованья въ бояре). Указываемъ на производство въ бояре помимо окольничества потому, что Морозовы и Шереметевы, кажется, не были въ числѣ фамилій, имѣвшихъ эту привилегію; исключеніе можетъ относиться развѣ къ князю Рѣпнину. (См. Ключевскаго: «Боярская Дума». Гл. X). Акты Эксп. III. № 287. Акты Моск. Гос. II. №№ 98 и 99. Дворц. Разр. II. 571. Акты Эксп. №№ 273 (Государевъ приказъ взять изъ Тихвинскаго монастыря «на время» ратную сбрую), 274, 275, 284 (о даточныхъ людяхъ съ монастырей. Упоминается Приказъ сбору ратныхъ людей), 291, 319.

О построеніи новыхъ городовъ, засѣкъ и прочихъ укрѣпленій: Акты Эксп. №№ 260, 261 268, 270, 303—305. Акты Моск. Гос. III. II. №№ 8, 40, 57—224. Пособія: Бѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства». М. 1846. Е. Щепкиной: «Тульскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ». Чт. О. И. и Д. 1892. IV. (Тутъ о засѣчныхъ линіяхъ и Завитаѣ). Багалѣя: «Матеріалы для исторіи колонизаціи». Харьковъ. 1886. «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. Госуд—ва». М. 1887. «Переселеніе Черкасъ изъ Польши въ Моск. Госуд. до Алексѣя Михайловича». (Черкасы были поселены въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ Курскѣ, Корочи, Кромахъ, Бѣлгородѣ и т. д.). См. также «Царскія грамоты на Корочу воеводамъ». Тутъ о Черкасахъ, поселенныхъ въ Корочѣ, въ числѣ 400 человѣкъ. (Чт. О. И. и Д. 1859. II). О живущей чети, между прочимъ, у Милюкова: «Государств. хозяйство Россіи». 17—22. Со ссылкою на указы 1630 и 1631. (Указная книга Помѣст. приказа. Изд. Сторожевымъ). Его же «Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. Госуд—ва». Спб. 1892. 115—128. Это собственно рецензія на сочиненіе Лаппо-Данилевскаго объ «Организаціи прямого обложенія», въ которомъ впервые указаны, помимо *сохи* и *двора*, еще на третью единицу обложенія, именно *живущую четверть*, состоявшую изъ извѣстнаго числа дворовъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ. По толкованію г. Милюкова, живущая или платежная четверть означаетъ распаханное поле и соотвѣтственное ему количество дворовъ, и подати брались только съ распаханной пашни «оставляя въ сторонѣ перелогъ и дикое поле».

Въ Актахъ Моск. Гос., II, № 192, находимъ любопытный приказъ царя Ѳ. И. Шереметеву, чтобы прислалъ въ село Покровское на Покровское поле «московскихъ сотниковъ и стрѣльцовъ Иванова приказу Головленкова, а для

ученья съ ними быть на Покровскомъ полѣ нѣмчину Ивану Ермису». Стало быть, тогда и стрѣльцовъ учили нѣмецкіе инструкторы. Для характера междубоярскихъ отношеній и мѣстническихъ счетовъ заслуживаетъ вниманія случай въ 1634 г.: бояринъ Борисъ Салтыковъ не хотѣлъ сидѣть за царскимъ столомъ ниже князя Юрія Сулешова, потому что онъ «иноземецъ». (Дворц. Разр. II. 363. О пожалованіи Сулешовымъ имѣній въ 1629 г., въ томъ числѣ муромскаго села Карачарова, см. въ Актахъ Эксп. III. № 332). Въ параллель сему случаю укажемъ на углицкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые «всѣмъ городомъ» бьютъ челомъ царю, въ 1639 г., чтобы велѣлъ выписать изъ двороваго списка Ив. Шубинскаго, котораго роду никто въ этомъ спискѣ не бывалъ, а бывали они въ деньщикахъ и въ нарядчикахъ; «версталъ» же его помянутый князь Юрій Яншеевичъ Сулешовъ; «пущенъ» онъ въ дворовый списокъ «не по отечеству своему и не по службѣ»; что они считаютъ себѣ за безчестье. Тѣ же Угличане бьютъ челомъ на Маракушева и Третьякова, которые неправильно «написались по выбору». (Времен. О. И. и Д. Кн. 11. Смѣсь). Князь Юрій Сулешовъ встрѣчается и въ «Сыскномъ дѣлѣ о ссорѣ межевыхъ судей стольника князя Вас. Ромодановскаго и дворянина Ларіона Сумина». Межевыми судьями тутъ называются лица, посланныя на разные пункты для совмѣстнаго съ польскими комиссарами размежеванія границъ послѣ Поляновскаго договора. Ромодановскій и Суминъ дѣйствовали на Псковскомъ пограничьѣ. Здѣсь однажды они поссорились. Ромодановскій «учалъ бранить (Сумина) матерны, называлъ его страдникомъ» и хотѣлъ бить; а Суминъ схватился за рукоять ножа, и укорялъ князя въ томъ, что онъ одинъ безъ товарища сносится съ литовскими людьми. Въ пылу раздраженія Суминъ закричалъ Ромодановскому, чтобы онъ не воцарялся подобно родственнику своему Д. М. Пожарскому, который, будучи подъ Москвою, докупался государства и потратилъ на то 20.000. Отсюда возникло судебное дѣло; розыскъ о немъ порученъ былъ государемъ князю Юрію Сулешову. Привлечено было много свидѣтелей. Особое вниманіе розыска обратилось на слова Сумина о Пожарскомъ. Но обѣ стороны путали и отказывались отъ своихъ словъ. Дѣло это началось въ 1635 году, а въ 1640 оно все еще не было кончено, т.-е. Царь не полагалъ своего рѣшенія. (Чт. О. И. и Д. 1848. № 7).

13. О Сибирской колонизаціи, управленіи, ясакѣ и пр. Акты Истор. III. №№ 85—234, съ перерывами. С. Г. Г. и Д. III. №№ 37, 53, 60, 67, 68. Въ № 60 грамота Филарета Кипріану 1622 г. съ указаніемъ безпорядковъ. Въ томъ же году царская грамота верхотурскимъ воеводамъ съ указаніемъ на тѣ же безпорядки и съ приказомъ не вступаться въ духовныя дѣла, а служилымъ людямъ подчиняться суду архіепископскому (Акты Ист. № 113). Расходы на поставленіе Кипріана и царское ему жалованье см. въ Дополн. къ Дворц. Разр. I. 224—239. Для характеристики его см. «О неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ Новгор. митр. Кипріана». Сообщ. Зерцаловымъ въ Чт. О.

И. и Д. 1896. I. Акты Эксп. III. №№ 184 и 265. Въ № 184 царская грамота верхотурскому воеводѣ Данiилу Милославскому и дьяку Селетцыну о томъ, чтобы оказывать содѣйствіе таможенному и заставному головѣ при досмотрѣ сибирскихъ воеводъ и дьяковъ съ ихъ братьями, дѣтьми и племянниками; чтобы они, ѣдучи изъ Сибири въ Москву, не могли провозить тайкомъ дорогихъ мѣховъ и чтобы торговые люди также этихъ мѣховъ не провозили, записывая ихъ на свое имя. Сію «мягкую рухлядь» семьи и родственники воеводъ, отправляясь въ Москву, провозили въ саняхъ, каптанахъ, сумахъ, коробьяхъ, чемоданахъ, въ платьѣ, постеляхъ, подушкахъ, винныхъ бочкахъ и даже въ печеныхъ хлѣбахъ, именно: соболей, лисицъ, бобровъ и пр. Велѣно ихъ выводить изъ саней и каптановъ и накрѣпко осматривать даже въ пазухахъ, штанахъ и въ платьѣ, куда зашивали мѣха. У торговыхъ людей вещи и даже деньги заранѣе должны быть расписаны въ такъ наз. проѣзжихъ грамотахъ, и что окажется на Верхотурской заставѣ лишняго, то отбирать на государя. Точно также воеводамъ и дьякамъ запрещается привозить съ собою въ Сибирь какіе-либо товары и торговать ими; особенно преслѣдовалась тайная торговля виномъ и табакомъ. Кромѣ соблюденія царскихъ таможенныхъ доходовъ, при запрещеніи вывозить воеводамъ и дьякамъ мягкую рухлядь изъ Сибири, имѣлось въ виду обуздать ихъ ненасытное корыстолюбіе и выжиманіе лишняго ясака отъ инородцевъ въ свою пользу. Но подобныя мѣры, очевидно, мало достигали своей цѣли. Относительно сбора ясака характеристичны слова, служившаго въ Тобольскѣ, дьяка Третьяка Васильева въ челобитной царю: «а до насъ и послѣ насъ николи съ Тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку сполна не сбирывали; славенъ былъ Сибирскою службою (на воеводствѣ) бояринъ князь Юрья Яншеевичъ Сулешовъ, а и при томъ ясаку сполна не сбирывали». (Времен. Об. и И. Д. Кн. 9. Смѣсь. стр. 4). Ко времени тобольскаго воеводства Сулешова, къ 1622—23 гг., относятся любопытныя книги, приходная и расходная Туринскаго острога, помѣщенныя въ Актахъ относ. до юрид. быта. Т. II. №№ 142 и 143. Дополн. къ Актамъ Ист. Т. II. №№ 67—101 (Разныя сибирскія дѣла). См. также Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа». Ч. I. (Чт. О. И. и Д. 1895. II.).

Пособія: Фишера: «Сибирская исторія». Спб. 1774. Буцинскаго: «Заселеніе Сибири». Харьковъ. 1889. «Записки къ Сибирской исторіи служащія». Др. Рос. Вивл. III. «Лѣтопись Великоустюжская», изданная Трапезниковымъ подъ редакціей А. А. Титова. М. 1889. Здѣсь подъ 1630 г. говорится объ отсылкѣ изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска въ Тобольскъ поселенцами 500 мужчинъ и 150 женщинъ. Въ 1639 г. вновь нѣсколько семействъ послано въ Тобольскъ, а въ 1644 г. тоже нѣсколько семей отправлено въ Туринскъ; но, неизвѣстно почему, онѣ поселились въ Пермскомъ краю на мѣстѣ Екатеринбурга. Для Верхотурья см. изслѣдованіе А. Дмитріева: «Верхотурскій кремль и подчиненныя ему крѣпости въ XVII—XVIII вв.». Пермь. 1885. Грамоты XVI и XVII вв., относящіяся къ городу Верхотурью.

(Времен. О. И. и Д. Кн. 25). Наказная грамота Соликамскому воеводѣ о владѣніяхъ Ортемки Бабинова, проведшаго и расчистившаго Сибирскую дорогу, 1617 г. (Ibid. Кн. 20).

14. С. Г. Г. и Д. III. №№ 108, 112, 113 (Земскій соборъ по вопросу объ Азовѣ), 114, 115. Акты Моск. Гос. II. №№ 188 и 190. Тутъ донесеніе изъ Валуекъ воеводы Голенищева о вѣстяхъ, которыя приносили ему разсыльные станичники-казаки изъ-подъ Азова, осажденнаго Турками, въ іюлѣ и сентябрѣ 1641 года. Число осаждавшаго войска, преувеличенное до 250 и до 300 тысячъ по «Сказанію», здѣсь показано такимъ образомъ: «стоитъ подъ Азовымъ Крымскихъ людей 40,000, да Турскихъ людей 40 каторгъ, акромѣ мелкихъ судовъ. Да идутъ подъ городъ подъ Азовъ Крымскіе мурзы съ Крымскими людьми 20.000, да Турскихъ людей идутъ подъ Азовъ моремъ 20 каторгъ» (№ 188). Войсковымъ атаманомъ при оборонѣ Азова былъ Наумъ Васильевъ; во время приступа онъ смертельно раненъ; на его мѣсто казаки выбрали Тимофея Лебяжью шею (№ 190). А въ ближайшемъ къ Азову Черкасскомъ городкѣ атаманствовалъ въ то время Степанъ Ивановъ; изъ этого городка посылались въ Азовъ подкрѣпленія и партіи лазутчиковъ для добыванія языковъ, т.-е. плѣнныхъ непріятелей, которыхъ разспрашивали подъ пытками; эти языки и были главнымъ источникомъ, получавшихся въ Москвѣ, свѣдѣній о турецко-татарскихъ войскахъ, стоявшихъ подъ Азовомъ. Акты Ист. III. № 296 (Грамоты 1643 г. Донскихъ казаковъ, хотѣвшихъ уйти на Яикъ. Тутъ упоминается Раздорный городокъ на Дону). Взятіе Азова и оборона его казаками послужили предметомъ особаго сказанія, которое вошло и въ Лѣтопись о мн. мятежахъ, и въ хронографы (Третья редакція. Изборникъ А. Попова. 392—394). См. также «сказаніе объ Азовскомъ сидѣньи, какъ Донскіе казаки сидѣли въ осадѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, пять тысячъ человѣкъ противъ триста тысячъ человѣкъ». (Рус. Архивъ. 1898, № 8. Сообщено А. А. Карасевымъ). Разсказъ ведется нѣсколько былиннымъ тономъ; написанъ, повидимому, какимъ то московскимъ книжникомъ, который реторично прославляетъ Михаила Ѳеодоровича и Московское государство. Распросныя рѣчи Донскихъ казаковъ, Азовскихъ сидѣльцевъ см. въ Неоффиц. части Донскихъ войск. Вѣд. 1861 г. № 10. «О посольствѣ Ильи Даниловича Милославскаго и дьяка Леонтія Лазаревскаго въ Турцію въ 1643 г.». «Наказъ» ему и «Статейный списокъ» сего посольства—С. Смирнова: Временникъ Об. И. и Д. Кн. 6, 8 и 9. Посольство было отправлено послѣ очищенія Азова казаками для возстановленія мирныхъ сношеній съ Турціей.

Объ атаманѣ Ивашкѣ Каторжномъ упоминаютъ въ 1643 году указанныя выше грамоты воеводамъ на Корочу. По его словамъ, онъ былъ казакъ бѣлгородской; взятый въ плѣнъ Татарами, проданъ въ Царьградъ на каторгу, и былъ на ней 12 лѣтъ; но вмѣстѣ съ товарищами побилъ сторожей и ушелъ изъ полону. Однако далѣе одинъ короченскій обыватель оспариваетъ его по-

казаніе. (№№ грамотъ 4 и 9. Чт. О. И. и Д. 1859. II.). Повидимому, это одно и то же лицо съ Ивашкою Семеновымъ Мошкинымъ, который въ челобитной царю, въ 1643 г., называетъ себя калужскимъ стрѣльцомъ и разсказываетъ о томъ, какъ во время Азовскаго сидѣнья подъ его предводительствомъ 280 русскихъ плѣнниковъ на турецкой каторгѣ возмутились и побили 240 Турокъ, а 40 взяли живыми, и на этой каторгѣ ушли въ Сицилію. Вмѣстѣ съ Ивашкою и нѣкоторые другіе освободившіеся плѣнники бьютъ челомъ о вспоможеніи и призрѣніи. Одинъ изъ нихъ, Якимка Быковъ, терпѣвшій 40 лѣтъ то въ литовскомъ плѣну, то въ татарской и турецкой неволѣ, проситъ постричь его въ Новоспасскомъ монастырѣ «безъ вкладу», т.-е. безъ взноса какой-либо суммы или имущества. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн. 2). Происшествіе съ русскими плѣнниками на каторгѣ подтверждается разсказомъ одного очевидца, итальянца. (Кіев. Стар. 1883. Іюнь. И тотъ, и другой разсказъ перепечатанъ въ «Мемуар. относ. къ Ист. Южной Руси». Вып. 2. К. 1896). Въ указанной книгѣ «Чтеній О. И. и Д.» напечатанъ сообщенный Зерцаловымъ, любопытный «сыскъ» про грамотку одного изъ дѣтей боярскихъ къ его отцу въ то время, когда въ Москвѣ шелъ Азовскій вопросъ. Изъ нея видно, что здѣсь было какое-то недовольство служилыхъ людей боярами и пущена какая-то молва о намѣреніи землею побить бояръ. Грамотка эта, случайно попавшая въ руки правительства, повела къ большому розыску.

15. Акты Эксп. III. №№ 226. (О фальшивыхъ монетчикахъ тотъ же актъ въ С. Г. Г. и Д. III. № 106), 278, 282 (о московской волокитѣ). Акты Ист. III. № 204 (по дѣлу бывшаго чердынскаго воеводы Христофора Рыльскаго. Подъ № 194 см. грамоту ему, какъ чердынскому воеводѣ, о содѣйствіи двумъ московскимъ чиновникамъ, посланнымъ для поимки татей и разбойниковъ; о разбойникахъ еще Акты Эксп. № 325 и Акты Юрид. № 52). Къ московской волокитѣ: въ 1639 г. подтверждено, что воеводамъ украинныхъ городовъ разрѣшено судить иски до десяти рублей, а сверхъ того «судить на Москвѣ въ приказѣхъ». (Акты Моск. Гос. II. № 173. А въ № 157 объ отмѣнѣ откуповъ разныхъ мелкихъ промысловъ). Относительно кабаковъ и продажи питей вообще: Акты Ист. III. №№ 122, 153, 184, 185. Акты Эксп. III. № 146. Акты Юрид. № 28 (тутъ судное дѣло о корчемствѣ, 1615 г. Въ немъ кабацкая цѣна ведра водки опредѣлена въ 2 руб. 10 алтынъ), 60, 302. (Кстати: Ibid. № 227, цѣна пуда соли показана въ 2 алтына 4 деньги). Прыжова: «Исторія кабаковъ въ Россіи». 1868. Дитятина: «Царскій кабакъ Московскаго Государства». (Статьи по исторіи рус. права. Спб. 1896). Какъ примѣръ, до чего доводило пьянство въ кабакѣ даже знатныхъ людей, укажемъ на челобитную князей Дм. Мих. и Дм. Петр. Пожарскихъ (и тотъ, и другой при семъ именуютъ себя «Митькою»): они жалуются царю на своего племянника Ѳедьку Пожарскаго, который «по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума». (Времен. О. И. и Д. Кн. 4). А какъ пили и безобразничали въ кабакахъ иногда сами чиновники, видно изъ донесенія

устюжскаго воеводы Петра Волынскаго, который посадилъ зато Офоньку Котельникова, но кнутомъ бить его не посмѣлъ, потому что онъ «на Устюгѣ Великомъ въ судейкахъ». (Чт. О. И. и Д. 1883. I. Ibid. донесеніе того же воеводы, что два крестьянина вынули изъ гроба мертвеца и били его на правежѣ за ростовщичество). Какія творились безчинства около церквей и монастырей въ храмовые праздники отъ пьянства, показываетъ челобитная новгородскаго хутынскаго архимандрита съ братіей, въ 1632 г. На память чуд. Варлаама, пріѣзжаютъ кабацкіе головы и откупщики и ставятъ подъ монастыремъ кабакъ, «и отъ того кабака ставится воровство, и душегубство, и крова, и драки, и продажи, и убытки великіе, и въ церковь ходятъ люди пьяные, и пакости чинятъ въ монастырѣ и въ церкви многіе». (Чт. О. И. и Д. 1866. III.). См. также г. Оглоблина «Елецкая Явочная книга 1615—16 г.г.» въ Чт. О. И. и Д. 1890. II. Въ этой книгѣ заключаются разрѣшенія на домашнюю варку вина, по случаю поминокъ, свадьбы, крестинъ, именинъ, какихъ то «бабьихъ кашъ» и т. д. Кромѣ того были явки по случаю общихъ праздниковъ. Авторъ дѣлаетъ такой выводъ, что въ началѣ XVII вѣка у Ельчанъ было мало праздниковъ и что они не особенно были склонны къ пьянству. Какъ кабацкіе головы и цѣловальники завлекали слабыхъ людей въ пьянство, отпуская имъ въ долгъ, см. Шуйскіе акты, изд. Гарелинымъ. № 57. Какъ дьяки пользовались обстоятельствами пріобрѣтать у военнослужилыхъ людей вотчины за ничтожную плату или просто за судебную услугу, доказываетъ примѣръ дьяка А. Дурова, завладѣвшаго вотчиною рязанца Гвоздева во время Смоленскаго походу. Царь велѣлъ ему возратить вотчину, а впредь запретилъ воеводамъ и дьякамъ покупать вотчины «на службахъ» т.-е. въ военное время. «Многіе, будучи на службахъ, воруютъ, бражничаютъ и для воровства вотчины на малые деньги отдаютъ; проворовавъ вотчину, и впредь государю не слуга будетъ» (Акты до Юридич. быта древ. Россіи. III. № 365). (Ibid. № 275. Соборный приговоръ 1620 г. о дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ, находящихся въ завладѣніи у разныхъ лицъ. Этотъ актъ относится къ примѣч. 6). Какъ игумны съ братіей обижали сосѣдніе небольшіе женскіе монастыри, напримѣръ, отнимая у нихъ сѣнные покосы, и какъ чиновники, посылаемые межевать помѣстныя и вотчинныя угодья, обижали мелкихъ помѣщиковъ, поступая вопреки наказамъ, о томъ см. «Костромская старина». Вып. 4. 83—88.

Любопытны челобитныя Дмитровцевъ, въ 1638 г. чтобы у нихъ вмѣсто воеводы былъ по прежнему губной староста. Государь исполнилъ просьбу. А спустя шесть лѣтъ тѣ же Дмитровцы просятъ, чтобы вмѣсто губного старосты былъ у нихъ опять воевода. Та же исторія повторяется въ Кашинѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. («Дѣла о губныхъ старостахъ и воеводахъ». Времен. Кн. 4). «Со 121 году (1613) при государѣ царѣ и в. кн. Мих. Ѳеод-ча всея Руссіи въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при бояряхъ и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городѣхъ воеводы былижъ; а при ц. Ѳед. Ив-чѣ

и при ц. Борисѣ по 113 годъ по Ростригинъ приходъ въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было; а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые прикащики». Далѣе идетъ роспись этимъ городамъ (Ibid. Книга 3). На это мѣсто см. замѣчаніе Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія». 288—290.

О крестьянахъ и холопахъ: Акты Моск. Гос. I. № 550. II. №№ 13, 41, 143, 160, 184, 241. Акты Ист. III. № 213. Акты Экс. III. №№ 279 и 350. Назначеніе десятилѣтняго срока для выдачи бѣглыхъ крестьянъ и бобылей въ Акт. Эксп. (№ 360) отнесено къ 1634 году. Но тутъ какое-либо недоразумѣніе; такъ какъ указанная въ текстѣ челобитная дворянъ и дѣтей боярскихъ, по которой назначенъ имъ девятилѣтній срокъ, относится къ 1637 году (Акты Моск. Г. II. № 143). Какъ мелкіе помѣщики стремились къ закрѣпощенію крестьянъ и какъ они негодовали на продолжавшіеся случаи вывода, а нѣкоторые горько жаловались по сему поводу на насилія отъ прикащиковъ и крестьянъ такого сильнаго лица какъ Ив. Ник. Романовъ, о томъ см. архивное свидѣтельство въ «Ист. Россіи» Соловьева, въ дополненіяхъ къ IX т. Эти жалобщики биты нещадно батогами и посажены въ тюрьму, такъ какъ на повальномъ обыскѣ ихъ жалобу не подтвердили. Негодованіе же на выводъ крестьянъ было такъ велико, что нашлись такіе помѣщики, которые грозили выжечь вотчины у выводчиковъ и побить ихъ крестьянъ, а себѣ искать «иного государя». Для отношеній на монастырскихъ земляхъ см. порядныя въ бобыли и въ крестьяне. Акты Юрид. №№ 193—196. Для отдачи селъ и деревень монастырямъ на поминъ души любопытна данная кн. Д. М. Пожарскаго Троицкому монастырю и духовная Юрія Токмакова въ пользу обители Діонисія Глушицкаго. Ibid. №№ 119 и 425. А какъ царское правительство помогало монастырямъ закрѣплять за собою села и починки, появлявшіеся на ихъ земляхъ, для образца см. Акты относ. до Юрид. быта. Т. I. № 28. Для покупки вотчинъ у помѣщиковъ въ патріаршее владѣніе. Ibid. Т. II. № 147. А № 127 представляетъ нѣсколько образцовъ служилыхъ кабалъ, данныхъ по займу за проценты. Какъ пособіе Бѣляева «Крестьяне на Руси». Подчиненіе крестьянъ помѣщикамъ въ эту эпоху выражается въ жалованныхъ грамотахъ слѣдующею формулою: чтобы крестьяне «помѣщика своего слушали, пашни на него пахали и доходъ помѣщиковъ ему платили». (Истор. замѣтка о Бѣжецкомъ верхѣ въ Чт. О. И. и Д. 1881. III.). Для примѣра, какъ крестьяне бѣгали отъ помѣщиковъ въ украинныя мѣста, записывались тамъ въ служилые люди и по требованію помѣщиковъ возращались имъ, см. помянутыя выше грамоты воеводамъ на Корочу. О правахъ наслѣдованія супруговъ см. Алексѣева въ Чт. О. И. и Д. 1868. Кн. 2. Владимірскаго-Буданова «Обзоръ русскаго права». Вып. II. 170—172. Сторожева—выше названная «Указная книга Помѣстнаго приказа.

Противупожарныя мѣры постройки и книгопечатное дѣло: Акты М. Гос. II. № 139. Акты Эксп. III. №№ 290, 296, 302, 310, 317; въ послѣдней грамотѣ, 1642 года, предписывающей прислать изъ Пскова иконописцевъ для

расписанія Успенскаго собора, приведены имена или «роспись» четырехъ псковскихъ иконописцевъ: «Богданъ Никифоровъ, Абрамко Ждановъ, Савка Ждановъ, Терешка посадской человѣкъ». Къ тому же времени относятся свѣдѣнія объ иконникахъ и другихъ мастерахъ, работавшихъ надъ обновленіемъ Успенскаго Собора, у Ив. Е. Забѣлина «Матеріалы для исторіи иконописи». (Временникъ Об. Ист. и Д. Кн. 7). Въ 1627 г. при Успенскомъ соборѣ упоминаются иконные мастера Ѳедоръ Савинъ и Третьякъ Гавриловъ «съ товарищи». См. «Матеріалы для исторіи г. Москвы», собранные тѣмъ же И. Е. Забѣлинымъ, изданные Моск. Город. Думою. Ч. I. 1884 г. Въ этихъ матеріалахъ находимъ много подробностей о расходахъ на исправленіе и украшеніе Успенскаго собора и другихъ храмовъ столицы. Между прочимъ, напримѣръ, такія свѣдѣнія: въ 1629 г. 30 октября «указалъ Вел. Гос. св. патр. Филаретъ Никитичъ сдѣлати въ соборную церковь Успенія Пресв. Богородицы 300 антиминсовъ, и дано Холщевого ряду Лукѣ Ларіонову за 51 арш. холстиные рубль 18 алтынъ съ деньгою». Или въ 1634 г. марта 27 «ключарю Ивану Насѣдкѣ Ризы Господни къ ковчегу на гойтанъ, на чемъ привѣшиваютъ печать, 6 денегъ». (стр. 15 и 23). Иконные мастера иногда давали на себя «служивую запись» архимандритамъ и архіереямъ. Наприм. въ Новгородѣ иконникъ Иванъ Дранишниковъ извѣстному Киприіану, впослѣдствіи митрополиту. (Времен. Об. И. и Д. Кн. 25). Дворц. Разр. II. 328, 370, 522, 552, 583, 584, 643, 677, 734, 821—822. С. Г. Г. и Д. III. № 77 (о сожженіи «на пожарѣ» Учительнаго Евангелія Ставровецкаго и другихъ подобныхъ книгъ). Лѣтоп. Рус. Лит. и Древн., изд. Тихонравовымъ. 1859. IV. Отд. 2. (Преніе о катихизисѣ Лаврентія Зизанія. Особо издано Общ. Люб. Др. Письм. Спб., 1898). О лѣтописцахъ и запискахъ, касающихся Смутнаго времени, см. у меня къ Первой части IV тома, прим. I-е. Объ Ив. Хворостининѣ: Акты Эксп. III. №№ 147 и 149. С. Г. Г. и Д. III. № 90. (Здѣсь исчислены тяжкія вины и заблужденія Хворостинина. Но 1632 годъ поставленъ на грамотѣ вмѣсто 1623, какъ это указалъ еще митр. Макарій въ XI т. Исторіи Рус. Цар., стр. 61). Для князя С. И. Шаховскаго-Харп см. еще переписку съ нимъ дьяка Третьяка Васильева. (Времен. О. И. и Д. Кн. 9. Смѣсь). «Іерусалимское хожденіе» Василія Гагары, напечатанное въ извѣстномъ сборникѣ Сахарова, въ иной редакціи см. Ibid. (т.-е. Времен. Кн. 10. Смѣсь). Образцы переводной Космографіи въ Изборникѣ Ан. Попова. „Книга, глаголемая Большой Чертежъ“, изд. по порученію Общества Ист. и Др. Г. И. Спасскимъ. (М. 1846). См. его предисловіе. Для нагляднаго знакомства съ книжною словесностію данной эпохи, преимущественно духовною, см. «Роспись книгамъ св. патр. Филарета Никитича». 1632 г. (Времен. О. И. и Д. Кн. 12). См. также архіеп. Филарета «Обзоръ Русс. Духов. Литературы».

Иностранные мастера: С. Г. Г. и Д. III. №№ 76, 89, 94, 100, 102, 103, 109, 118. Акты Ист. 244 (о часовыхъ мастерахъ). Времен. Об. Ист. и Др. Кн. 16. Смѣсь. (Двѣ жалованныя грамоты 1638 г. органнаго дѣла мастеру

Мельхеру Луневу). Акты Юридич. № 40 (челобитная городового мастера и подмастерья, родомъ Голландцевъ, посланныхъ на Терекъ для постройки земляныхъ укрѣпленій. Дворц. Разр. II. 319. (Посылка Стрѣшнева и Свѣтешникова въ 1639 г.). Акты Ист. III. № 245. Здѣсь грамота верхотурскому воеводѣ Максиму Стрѣшневу о мѣдной рудѣ. Этотъ Стрѣшневъ посылалъ въ Невьянскую и Ирбитскую волости своихъ сыновей, Григорія и Петра, для сыска мѣдной руды, которую они и нашли въ разныхъ мѣстахъ «по сказкамъ крестьянъ», и выплавили изъ образцовъ нѣсколько золотниковъ мѣди. Затѣмъ присланы были куски руды и разные камни съ зеленью и желтизною въ Сибирскій приказъ, а отсюда въ Приказъ Большой Казны (которымъ вѣдалъ Ѳ. И. Шереметевъ); здѣсь ихъ осматривалъ иноземецъ «водовзводный мастеръ» Христофоръ Головай и плавильщикъ англичанинъ Рыцарь (Ричардъ) Штиль. Они нашли въ нѣкоторыхъ кускахъ колчеданъ, а въ камняхъ съ зеленью и желтизною мѣди не нашли. Царь приказалъ послать въ Верхотурье образцы мѣдной руды изъ другихъ мѣстъ, и присланные камни велѣлъ отдать для новаго изслѣдованія серебрянику Куземкѣ Сафьянову. Это распоряженіе сдѣлано была въ 1645 г., незадолго до кончины Михаила Ѳеодоровича. Акты—до-юридич. быта. Т. II. № 230 (о посылкѣ въ 1635 году на Сысолу рѣку для сыску оловянной, мѣдной и серебряной руды). Акты М. Г. II. № 236. (Андрей Виніусъ и Тульскій заводъ). Двѣ грамоты: тульскимъ кузнецамъ, въ іюлѣ 1619, и тульскимъ кирпичникамъ, въ августѣ 1622 г., у Берха. II. 81—86. Ibid. 207—208. См. также Гамеля «Описаніе Тульскаго оруж. завода». М. 1826. О томъ, какъ иногда вели себя иноземные гости или торговцы, см. дѣло вологодскихъ Англичанъ, которые силою оружія не допустили царскихъ досмотрщиковъ въ свои амбары, гдѣ у нихъ хранились табакъ и другіе запретные товары. Акты Юрид. № 344.

Вопросъ объ иновѣрныхъ храмахъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: Акты Ист. III. №№ 92 (стр. 114) и 225. С. Г. Г. и Д. № 116. Олеарій въ переводѣ Барсова. 369—370. Проф. Д. В. Цвѣтаева: «Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М. 1886. (Со многими ссылками на неизданные архивные источники). Переписная книга города Москвы. 1638 года. Изданіе Моск. Город. Думы. М. 1881. Наказъ назначеннымъ для сего писцамъ найденъ В. О. Эйнгарномъ и сообщенъ въ Чт. О. И. и Д. 1890. III. Въ параллель ему см. указъ 1621 года объ измѣреніи и описаніи дворовъ и дворовыхъ мѣстъ въ Москвѣ; причемъ велѣно «иноземцамъ быти всѣмъ безъ мѣстъ». Акты—до-Юрид. быта. III. № 365.

Чинъ погребенія патріарха Іоасафа и избранія Іосифа въ Древ. Рос. Вивл. VI. № 8. Ibid. № 9: «Чинъ патріарша кругъ города на осляти шествія, бываемаго въ день постановленія Россійскихъ патріарховъ, и слѣдующіе потомъ обряды, 1642 г.». Новопоставленный патріархъ поднесъ дары царицѣ, царевичу Алексѣю и всѣмъ тремъ царевнамъ кубками, атласами, камками и пр. «А вносили всѣ тѣ дары изъ Государевы казны съ Казеннаго двора и

отнесены опять на Казенный же дворъ». Царица и дѣти ея отдарили патріарха подобными же предметами. «А назадъ тѣ дары у патріарха не взяты». О поставленіи патріарха Іосифа см. также А. Попова «Изборникъ». 319 и 429. Дворц. Разр. II. 675—677. Выходы. 101, 102.

16. О самозванцѣ Лубѣ и другихъ: С. Г. Г. и Д. III. №№ 119—121. Акты Юж. и Зап. Рос. III. №№ 306—311 и 318—319. Дополн. къ Ак. Ист. VI. №№ 438, IV—IX. Соловьева IX. Прим. 10. (Ссылка на дѣла Польскія №№ 66—68 и на рукопись Синодальной Библ. № 69). О ложномъ Шуйскомъ и Тимошкѣ Анкудиновѣ у Олеарія. Кн. III. Гл. 12. Дворц. Разр. II. 391, 392, 406, 504, 505, 748, 751. (О пріемѣ Голштинскаго посольства и Стемповскаго). Акты Ист. III. № 181. (Договоръ съ Голштинцами о десятилѣтней привилегіи ихъ торговой компаніи на торговлю съ Персіей). Путешествіе Олеарія въ переводѣ Барсова въ Чт. О. И. и Д. 1868 г. См. въ предисловіи переводчика извѣстія какъ о самомъ Олеаріи, такъ и о разныхъ изданіяхъ его путешествія. О построеніи Голштинцами корабля въ Нижнемъ у Д. В. Цвѣтаева «Протестантство и протестанты въ Россіи». Стр. 722. Его же «Основаніе Русскаго флота». Спб. 1896. О новгородскихъ «вѣстовыхъ письмахъ» упоминаетъ г. Якубовъ въ предисловіи къ своимъ извлеченіямъ изъ статейныхъ списковъ, относящихся къ Столбовскому договору. (Чт. О. И. и Д. 1897. III). Къ сожалѣнію, онъ упоминаетъ о нихъ только въ примѣчаніи и не представляетъ образцовъ. Въ другомъ примѣчаніи къ тому же предисловію, на стр. IX, г. Якубовъ сообщаетъ о шведскомъ резидентѣ Крузебіорнѣ, и поправляетъ статью г. Форстена: «Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины» (Ж. М. Нар. Пр. 1891, іюнь), по смыслу которой Крузебіорнъ «въ 1634 г. лишь хлопоталъ о допущеніи резидента и уѣхалъ въ Швецію» и воротился только по истеченіи 10 лѣтъ. Между тѣмъ въ Московскомъ архивѣ хранятся записи о пребываніи Крузебіорна за все это время въ Москвѣ въ качествѣ резидента и никакого прекращенія сношеній незамѣтно. Къ той же эпохѣ относится «Посольство дьяка Елчина и свящ. Захарова въ Дадіанскую землю (часть Грузіи), 1639—1640 гг.» С. А. Бѣлокурова. Чт. О. И. и Д. 1887. II.

17. Датское сватовство и пренія о вѣрѣ:

Источники. Nachricht von Waldemar Christian Güldenlöwe Grafen von Schleswig-Holstein etc. въ Magazin für die neue Historie Бюшинга. X. Русскій переводъ Шемякина въ Чт. О. И. и Д. 1867. IV. («Поѣздка въ Россію Вальдемара Христіана Гильденлеве»). Олеарій. Дворцовые Разряды. II. 667, 714—728. Голикова; «Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В.». Т. II. Акты Ист. III. № 302. С. Г. Г. и Д. III. № 117. Указанное выше, Обозрѣніе Датскаго Архива Щербачевымъ. (Чт. О. И. и Д. 1893. I.).

Пособія. Православ. Собесѣдникъ. 1861. II. (Матеріалы для исторіи полемики противъ лютеранъ). Изслѣдованіе II. Соколова: «Отношеніе протестантизма

къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ». М. 1880. А. П. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ». III. Спб. 1883. Два обстоятельныя изслѣдованія проф. Д. В. Цвѣтаева: «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ Царской семьѣ Московскаго періода». М. 1884. «Литературная борьба съ протестанствомъ въ Моск. государствѣ». М. 1887. Гл. III и IV. Онъ указываетъ на оффиціальные документы о сватовствѣ Вальдемара и его пребываніи въ Россіи, находящіеся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, гдѣ они разсѣяны среди дѣлъ Датскихъ, Греческихъ и Приказныхъ, въ библіотекѣ Архива и въ Моск. Синод. Библіотекѣ. Далѣе, основанное также на архивныхъ документахъ и другихъ рукописныхъ источникахъ, обширное и детальное изслѣдованіе А. Голубцова: «Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны». М. 1891. Въ приложеніяхъ у него помѣщены брачныя условія царя съ Вальдемаромъ (стр. 377 и слѣд.). Кромѣ того, г. Голубцовымъ относящіеся сюда матеріалы изданы въ Чт. О. И. и Д. (1892. II.) подъ заглавіемъ «Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны».

Пренебрежительное отношеніе Датчанъ къ Москвичамъ и глумленіе надъ ихъ невѣжествомъ между прочимъ отразились въ названной выше книгѣ «Поѣздка въ Россію Вальдемара». Напримѣръ, вотъ какъ авторъ-датчанинъ описываетъ патріарха Іосифа, пришедшаго навѣстить королевича: «Патріархъ былъ въ бѣлой шапкѣ съ длинными и широкими наушниками, которые съ ушей спускались по щекамъ на грудь къ нему и придавали ему нѣкоторое сходство съ охотничьей собакой съ большими отвислыми ушами». Нашихъ богослововъ-полемистовъ онъ сравниваетъ съ свинопасами и называетъ ихъ круглыми невѣждами, отъ которыхъ ничего нельзя было добиться, кромѣ ребяческихъ словъ и грубыхъ мужицкихъ отвѣтовъ. Съ другой стороны неудовольствіе Москвичей на Датчанъ и на излишнее ухаживаніе царя за Вальдемаромъ ясно отразилось въ неизданной доселѣ книгѣ, озаглавленной «Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Вальдемаромъ королевичемъ». Эта книга или точнѣе сборникъ извѣстенъ по тремъ рукописямъ: Царскаго, Ундольскаго и Е. В. Барсова. О немъ см. у Цвѣтаева (Изъ ист. брач. д., 68—69) и Голубцова: («Пренія о вѣрѣ», 334—342). Въ этой книгѣ прямо выражается радость о томъ, что бракъ Ирины съ принцемъ не состоялся: если бы принцъ даже крестился по принужденію, онъ все-таки не сталъ бы питать добрыя чувства къ Россіи, и отъ него была бы смута въ государствѣ, если бы онъ захватилъ болѣе власти «со своими погаными Нѣмцами», ибо «не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы внутри себя». Возбужденіе московскихъ бояръ и духовенства во время преній о вѣрѣ между прочимъ сказалось по отношенію къ извѣстному тогда книжнику князю С. Ив. Шаховскому. Сей послѣдній написалъ къ царю письмо, въ которомъ крайне осторожно и даже робко пытался изъ Писанія вывести ту мысль, что можно

королевича присоединить къ православію не перекрещивая его. Узнавъ о такомъ письмѣ, бояре обвинили кн. Шаховскаго въ томъ, что онъ «присталъ къ королевичу» (т.-е. чуть ли не въ измѣнѣ) и настояли на его ссылкѣ въ въ Усть-Колу на воеводство. (Голубцовъ, 180 — 183, и его же Памятники преній о вѣрѣ, №№ 8 и 9). Значеніе преній о вѣрѣ и вытекавшее изъ нихъ побужденіе нашего правительства къ «устройству въ Москвѣ правильной школы съ помощію Грековъ и ученыхъ Кіевлянъ» обстоятельно развиты въ послѣдней VIII главѣ названнаго изслѣдованія г. Голубцова. Относительно «Кирилловой книги» указанія на заимствованія изъ сочиненій южнорусскихъ ученыхъ см. Макарія: «Исторія Рус. Церкви». XI. 122—123. А на стр. 71—73 преосв. Макарій указываетъ на неудавшуюся попытку патріарха Филарета завести въ Москвѣ греко-славянскую школу, съ помощью пріѣзжаго изъ Александріи греческаго архимандрита Іосифа. Это было незадолго до кончины Филарета. Выше названное изслѣдованіе Соколова «Отнош. протест. къ Россіи» въ данныхъ преніяхъ видитъ не попытку московскую обратить королевича въ православіе, а наоборотъ попытку протестантской пропаганды въ Москвѣ, заранѣе подготовленную—что, конечно, натяжка.

Относительно Шлякова-Чешскаго архивные документы нѣсколько разногласятъ со свидѣтельствомъ Олеарія; они относятъ раскрытіе его самозванства къ 1647 году; послѣ чего онъ былъ сосланъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Соловки, откуда возвращенъ въ слѣдующемъ году. См. изслѣдованіе Д. В. Цвѣтаева: «Протестантство и протестанты въ Россіи». М. 1890. 355—370. О перекрещеніи его и царскихъ ему подаркахъ и жалованьи см. «Акты о выѣздахъ въ Россію иноземцевъ» въ Рус. Ист. Библ. VIII. 212 — 215. Въ Москву являлись и самозванцы духовнаго сана, именно приходившіе съ православнаго востока за подаяніемъ. О нихъ см. въ «Ист. Рус. Церкви» Макарія. XI. 234—237. О сватовствѣ Касимовскаго царевича за Ирину Михайловну, относящемся уже къ царствованію Алексѣя Михайловича, любопытное сообщеніе находимъ у Павла Алепискаго въ его «Путешествіи Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію». Прекрасный переводъ этого въ высшей степени важнаго для насъ арабскаго памятника совершенъ недавно проф. Муркосомъ. См. Вып. 3-й. М. 1898 г. Стр. 89—90. Потомъ царевичъ все-таки крестился. Павелъ Алеп. называетъ его Сеидъ Махомедъ. Переводчикъ ссылается при семъ на итальянскаго путешественника Альберта Вимена да Ченеда, который подтверждаетъ извѣстіе Павла (Отеч. Зап. 1892 г., Апрѣль). По русскимъ источникамъ этотъ царевичъ назывался Сеитъ Бурханъ. «Смѣтн. списокъ 139 году» (Времен. О. И. и Д. Кн. 4. Смѣсь. Стр. 30. См. также Шишкина: «Исторія Касимова». 82).

18. Уѣзжая на богомолье даже въ ближніе или подмосковные монастыри, царь обыкновенно поручалъ оберегать столицу или собственно дворецъ и царское семейство особымъ боярамъ, напримѣръ: «мая въ 10 день (1634 г.) государь царь и великій князь Михайла Федоровичъ всея Русіи ходилъ молитца въ Новой дѣвичъ монастырь. А на Москвѣ указалъ государь быти

бояре: князь Иванъ Ондреевичъ Голицынъ, Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ. Мая въ 13 день гос. царь и в. кн. Мих. Ѳед. всея Рус. ходилъ молитца къ Спасу на Новое и въ Симоновъ и въ Ондроньевъ монастыри. А на Москвѣ указалъ государь быти бояре» (тѣ же двое, что выше). Если царь отправлялся нѣсколько подальше и былъ въ отсутствіи не одинъ день, то конечно свита увеличивалась и расиорядки усложнялись. «Іюля въ 16 день государь царь и в. князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи поволилъ итти молитца къ Николѣ чюдотворцу въ Угрешскій монастырь; а съ нимъ государемъ бояря и окольничіе и думные люди и стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жилцы по спискомъ. А въ окольничихъ (т.-е. устроителяхъ становъ или остановокъ) указалъ государь быти князю Микитѣ княжъ Михайлову сыну Мезецкому, да Богдану Приклонскому. А на Москвѣ указалъ государь быть бояромъ князю Ивану Ивановичю Шуйскому, Ѳедору Ивановичю Шереметеву, Борису Михайловичю Салтыкову. Окольничей (остающійся при дворцѣ) Михайло Михайловичъ Салтыковъ. И товожъ дни на государевѣ царевѣ и в. князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи дворѣ дневать и ночевать: съ бояриномъ со княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ—стольники (такіе то), стряпчіе (такіе-то), дворяне (болѣе 20 именъ), дьяки (такіе-то). На слѣдующее 17 іюля дежурнымъ начальникомъ во дворцѣ предстоитъ быть боярину Ѳ. И. Шереметеву; причемъ слѣдуетъ подобная же росиись стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и дьяковъ, которые должны съ нимъ дневать и ночевать. Потомъ идетъ роспись дворянъ и дьяковъ, назначенныхъ быть съ окольничимъ М. М. Салтыковымъ. (Рус. Ист. Библ. 557—558, 565—566). О царскихъ богомольныхъ поѣздкахъ прекрасная статья И. Е. Забѣлина: «Троицкіе походы». (Чт. О. И. и Д. 1847. Кн. 5). По поводу сихъ походовъ укажу въ Актахъ Моск. Гос., II, № 180, царскій наказъ 1640 г. Ѳ. И. Шереметеву о присылкѣ чертежника «на поле» изъ Оружейнаго приказа. «Писано въ нашемъ походѣ у Живоначальныя Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ. Лѣта 7148 сентября въ 25 день».

Для образца замѣны государя царевичемъ на церковныхъ торжествахъ: 6 января 1644 г. «Государь за кресты на ердани не былъ, а ходилъ за кресты государь царевичъ князь Алексѣй Михайловичъ. А на государѣ царевичѣ было платья: платно золотное по бархату, зашивана земля золотомъ пряденымъ, на горностаехъ, кафтанъ становой атласъ по серебряной землѣ» и т. д. Или: «апрѣля въ 14 день государь царевичъ Алексѣй Михайловичъ ходилъ за кресты къ Покрову Пресвятѣй Богородицы, что на Рву». «А Государь за кресты не ходилъ и стола у Государя не было». («Выходы государей царей и великихъ князей». М. 1844. 117 и 119). Переписку Михаила Ѳеодоровича съ патр. Филаретомъ во время путешествій на богомолье см. «Письма Русскихъ государей». Т. I. М. 1848. Извѣстія о царскихъ докторахъ, Аптекарскомъ приказѣ и двукратномъ лѣченіи царя въ 1643 и 1645 гг. см. Акты Ист. III. №№ 173, 225 —246, 291—305. Письма Сибилисты

изъ-за границы къ Ѳ. И. Шереметеву у Рихтера: «Исторія медицины въ Россіи». II. Прибавленіе №№ IX—XI. «Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи». Спб. 1881. Изданіе Медицинскаго департамента. См. № 325: о предсмертной болѣзни Михаила и ея лѣченіи, по сказкѣ докторовъ. (Акты, сюда относящіеся, большею частію извлечены изъ указанныхъ выше Актовъ Историческихъ). Змѣева—«Чтенія по врачебной исторіи Россіи». Спб. 1896. Въ 1641 году доктору Венделину Сибилисту и лѣкарю Вилиму Крамору царскіе подарки за то, что «отворяли жилную», т.-е. пускали кровь царю и царицѣ. (Чт. О. И. и Д. 1892. III.). Въ 1642—43 гг. производилось «Сыскное дѣло о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну». (Сообщено Зерцаловымъ въ Чт. О. И. и Д. 1895. III.). Дѣло любопытное по части ворожбы и суевѣрій. Обвиненный Афонька Науменокъ, человѣкъ Ивана Стрѣшнева, подвергся страшнымъ пыткамъ, и сосланъ въ Сибирь, а не казненъ, очевидно по недостатку уликъ. Тутъ же Зерцаловъ, на основаніи одного архивнаго документа, сообщаетъ слѣдующее: въ 1649 году одинъ тюремный сидѣлецъ крестьянинъ увѣрялъ, будто онъ подслушалъ разговоръ, о томъ, «что де князь Семенъ Сатыевъ Урусовъ блаженной памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, въ третьей ѣствѣ окормилъ». Это только показываетъ, какъ легко возникаютъ подобные слухи въ случаяхъ какой-либо несовсѣмъ ожиданной для народа кончины.

О кончинѣ Михаила Ѳеодоровича: Лѣтопись о мн. мятежахъ. 373—374. Хронографы. Изборн. А. Попова. 319, 395 и 429. Древн. Рос. Вивл. XVI. 107—111. Тутъ сказано, что Михаилъ скончался ровно 50 лѣтъ, такъ какъ день кончины пришелся въ день его рожденія. Помянутая выше «Повѣсть о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича». О Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ при сей кончинѣ говоритъ Берхъ: «Царств. Алексѣя Михайловича», I, 23, со ссылкою на Theatrum Europaeum. II. Прим. 11. Подробности о погребеніи Михаила въ лубяныхъ саняхъ и причитаніи царицы въ названной выше «Поѣздкѣ Вальдемара въ Россію». Бюшингъ. X. 267. Рус. переводъ Шемякина. 61. Характерная черта—плачъ царицы на груди или на персяхъ у другой женщины заставляетъ предполагать, что это была ея *наперсница*.

Прилагаемый при сей книгѣ, портретъ Михаила Ѳеодоровича заимствованъ изъ собранія Московскаго Главнаго Архива Иностр. Дѣлъ. Онъ представляетъ царя въ его молодые годы.

19. Обстоятельность Олеаріева описанія въѣзда въ столицу и царскаго пріема Голштинскаго посольства мы можемъ провѣрить оффиціальными московскими записями. Вотъ что читаемъ въ «Записной книгѣ Московскаго стола 1633—1634 гг.».

«Августа въ 14 день государь царь и в. князь Михайло Оедоровичъ всея Русіи указалъ голстенсково князя пословъ встрѣтить за городомъ по Тверской дорогѣ, гдѣ бывалъ деревянный городъ. А на встрѣчѣ указалъ государь быти стольникомъ и стряпчимъ и дворяномъ московскимъ и діакомъ и жил-

цомъ и подьячимъ и гостемъ и всякимъ сотепнымъ торговымъ людемъ и иноземцемъ московскимъ». «А смотрити и уряживати ихъ по спискамъ указалъ государь разряднымъ дьякомъ, думному Ивану Гавреневу, да Михаилу Данилову, да Григорію Ларіонову. А въ приставѣхъ указалъ государь быти у голстенскихъ псcловъ Ондрею Васильевичу сыну Усову, да подьячему Богдану Обобурову. И по государеву цареву и в. князя Мих. Ѳед—ча всеа Русіи указу для встрѣчи голстенскаго посла были стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и діаки и жилцы и приказные люди и всякихъ чиновъ люди, по сему государеву указу, въ приволокѣхъ и въ чюгахъ и въ кафтонѣхъ и въ шапкахъ въ горлатныхъ и во всякомъ цвѣтномъ платьѣ, на оргамацѣхъ и на конехъ на добрыхъ, съ полами и съ саблями съ оправными; а на оргамацѣхъ и на лошадехъ конскіе наряды были большіе чѣпи гремячіе и чѣпи поводные и кутазы и чепраки и всякіе конскіе наряды». Далѣе царскій пріемъ пословъ 19 августа здѣсь описанъ также согласно съ Олеаріемъ. Рындами были при семъ князья Телятевскій и Волконскій, Бутурлинъ и Телепневъ. При входѣ въ Золотую меньшую палату посла (названъ одинъ Филиппъ Сукрузіусъ, т.-е. Крузе) объявлялъ государю окольничій кн. Ѳед. Ѳед. Волконскій. Небольшее разногласіе съ Олеаріемъ заключается въ томъ, что, по его словамъ, въ сводчатой палатѣ находились гости или именитые купцы, а по Записной книгѣ: «въ сѣнехъ передъ Золотою полатою сидѣли дьяки въ золотѣ». Но несомнѣнно, были и гости, которые вообще участвовали въ придворныхъ торжествахъ и при пріемѣ пословъ: въ спискахъ чиновъ на этихъ пріемахъ гости слѣдуютъ тотчасъ за дьяками. См. списки шести пріемовъ различныхъ пословъ въ 1632—1642 гг. (Акты до-Юрид. быта. Т. III. № 351). Потомъ еще разногласіе относится къ чиновнику, который послѣ пріема ѣздилъ къ посламъ съ царскимъ столовымъ приборомъ, напитками и кушаньями. По Олеарію, онъ былъ княжескаго рода. По Записной книгѣ князь Вас. Петр. Львовъ исполнялъ эту обязанность 16 декабря, т.-е. послѣ торжественнаго отпуска пословъ; а 19 августа то былъ стольникъ Никифоръ Сергѣевъ Собакинъ. Вообще же эта Запись передаетъ пріемы гораздо короче Олеарія (Рус. Ист. Библ. IX. 571—572). Тотъ же царскій переводчикъ Гансъ Гельмесъ упоминается у Пальма при пріемѣ Швед. посольства въ 1617 году. А недостатокъ Олеарія въ описаніи В. Новгорода нѣсколько восполняется подробностями о немъ у помянутаго выше голландца Гутериса, бывшаго здѣсь почти 20-ю годами раньше. Впрочемъ, у Олеарія приложенъ характерный видъ Новгорода.

Извѣстіе Олеарія о боярышняхъ и служанкахъ, ѣхавшихъ верхомъ за царицыной каретой, разъясняетъ намъ V примѣчаніе къ названной выше статьѣ И. Е. Забѣлина: «Троицкіе походы». Отсюда узнаемъ, что въ октябрѣ 1632 г. съ царицей Евдокіей Лукьяновной ѣхали, кромѣ дворовыхъ боярынь, постельницы, мастерицы, портомои, карлы и карлицы, въ количествѣ 88 человѣкъ. Для этой свиты наряжено 40 колымагъ, запряженныхъ 80-ю лошадьми, и 40 «верховыхъ иноходцевъ для постельницъ и мастерицъ». Всего для Троиц-

каго «осенняго» похода царицы понадобилось 171 лошадь, считая свиту, мастеровыхъ, сторожей и кладь, но не считая конвойныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. На сихъ походахъ царь и царица раздавали бѣднымъ людямъ милостыню и, кромѣ того, деньги за разныя подношенія. Такъ, во время Троицкаго осенняго похода царицы въ сентябрѣ 1636 года, дорогою еще по Москвѣ роздано было милостыни 1 рубль 12 алтынъ, да рубль торговому человѣку Микиткѣ Павлову за «потѣшный возокъ съ деревянными коньми» (дѣтскую игрушку); всякихъ «потѣхъ» куплено на 6 алтынъ 4 деньги; въ селѣ Танинскомъ деревни Андреевой крестьянкѣ Овдотьицѣ Григорьевой полтина за поднесенные «блинки», въ селѣ Здвиженскомъ нищимъ 16 алтынъ, въ селѣ Рохманцовѣ попу за молебенъ полтина, а проскурницѣ гривна, въ селѣ Пушкинѣ куплено калачиковъ на 6 алтынъ 4 деньги, въ селѣ Братошинѣ крестьянину Васькѣ Матвѣеву полтину за поднесенный «прѣсной медъ сотовой да рѣпу» и т. д. Эти любопытныя свѣдѣнія извлечены И. Е. Забѣлинымъ изъ архива Оружейной палаты. Еще болѣе подробностей о сихъ выѣздахъ въ изданныхъ имъ же «Дополненіяхъ къ Дворц. Разр.» въ Чт. О. И. и Д. за 1882—83 гг. Особенно любопытно описаніе царицыной поѣздки въ Николо-Угрѣшскій монастырь въ іюлѣ 1634 года. Здѣсь, между прочимъ, расписано, какія боярыни «пріѣзжія» и какія «дворовыя» должны сидѣть въ какихъ колымагахъ царевичей и царевенъ. (Въ числѣ первыхъ упоминается жена Ив. Б. Черкасскаго, красавица Авдотья Васильевна). Тутъ было постельницъ замужнихъ 22 и мастерицъ замужнихъ 15, да вдовыхъ 5; верхами ѣхало 37 (слѣдовательно всѣ, исключая вдовыхъ). Далѣе подробно исчисляются всѣ взятыя съ собою платья и наряды царицы и царевенъ. (903—910). Тѣмъ же И. Е. Забѣлинымъ сообщено, подтверждающее набожность ея, письмо царицы Евдокіи Лукьяновны, 1634 г., къ новгородскому протопопу Максиму: посылая ему въ подарокъ матерію зуфь, она поручаетъ ему сдѣлать для нея описаніе новгородскихъ святынь, собственно мощей. Что онъ и исполнилъ. (Чт. О. И. и Д. 1862. IV.). Однажды царица посѣтила Кириллово подворье въ Москвѣ, молилась тамъ и пожаловала кормъ на братію. Но дворовые дьяки на просьбу братіи отвѣчали, что имъ о томъ приказу не было. Братія просила напомнить царицѣ (Акты Юрид. № 366). О распространенномъ обычаѣ бѣлиться свидѣтельствуетъ письмо царицы Евдокіи Лукьяновны къ ея сестрѣ Ѳедосьѣ Лук. Стрѣшневой: перечисляя посылаемые ей куски тафты, камки, полотна, шелку, волосникъ золотной, шубку на соболяхъ, серьги золотыя съ жемчугомъ и пр., она упоминаетъ и «два фунта бѣлилъ». (Времен. О. И. и Д. Кн. 1).

Олеаріево описаніе процессіи Вербнаго Воскресенья интересно сравнить съ описаніемъ той же процессіи у Павла Алеппскаго, относящемся къ слѣдующему царствованію. У послѣдняго оно еще подробнѣе и обстоятельнѣе. («Путеш. Антіох. патр. Макарія». Вып. 3, стр. 173—180). См. также И. Е. Забѣлина: «Домашній бытъ русскихъ царей». М. 1872. стр. 351. Его же статья «Вербное воскресенье въ старину». Любопытное изображеніе сей процес-

сіи съ патріархомъ, сидящимъ бокомъ на конѣ, и съ царемъ держащимъ за поводъ, см. у Олеарія; а также изображеніе крестнаго хода 1 октября, именно сцену передъ храмомъ Василія Блаженнаго на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ патріархъ дотрогивается крестомъ царскаго чела. Есть у него и портретъ Михаила Ѳеодоровича въ царскомъ нарядѣ; но трудно поручиться за его сходство: бритыя щеки и бородка клиномъ возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе. (У меня подъ рукой подлинникъ въ двухъ изданіяхъ: 1656 и 1696 гг.).

Относительно князя Муцала имѣемъ цѣлое судное дѣло, относящееся къ 1642 году. Въ этомъ году видимъ снова въ Москвѣ «мурзу черкасскаго Муцала», который бьетъ челомъ на стольника князя Ивана Хилкова и дьяка Углева, по «заводу» которыхъ Терскіе казаки погромили его торговыхъ людей и узденей, ѣхавшихъ изъ Дербента въ Терскій городъ; онъ искалъ на нихъ 500 рублей. Царь назначилъ ему судъ передъ княземъ Бор. Ал. Рѣпнинымъ и дьякомъ Ларіоновымъ. Но князь Хилковъ до суда не допустилъ и помирился, заплативъ ему половину, 250 руб.; другую половину мурза искалъ съ дьяка Углева, который еще не воротился въ Москву. Тутъ Муцалъ называетъ своимъ дядею князя Димитрія Мамстрюковича, а послѣдній именуетъ его своимъ племянникомъ. (Чт. О. И. и Д. 1894. Кн. III). Это дѣло извлечено Зерцаловымъ изъ Архива Мин. Юстиціи. Тутъ же сообщенъ документъ о жалованной грамотѣ Ѳ. И. Шереметеву на одну вотчину; изъ сего документа видно, что Дим. Мамстр. Черкасскій служилъ въ Москвѣ еще при Б. Годуновѣ, въ 1601 году. Ѳ. И. Шереметевъ приходился шуриномъ кн. И. Б. Черкасскому; такъ какъ былъ женатъ на его сестрѣ Иринѣ Борисовнѣ. Родъ и разныя вѣтви князей Черкасскихъ см. у кн. П. Долгорукаго «Рос. Родосл. книга». II. Кстати: списокъ всѣхъ бывшихъ при Мих. Ѳед-чѣ бояръ, окольничихъ и другихъ думныхъ чиновъ, сообщенный Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ, см. въ Архивѣ Ист. Юрид. свѣд. Калачова. Кн. II. Полов. I.

О сосѣдней съ Усой рѣчкѣ Усолкѣ и ея соляныхъ ключахъ, см. у Олеарія карту р. Волги съ изображеніями городовъ Саратова и Астрахани; кромѣ того отдѣльные виды Тетюшъ, Самары, Козмодемьянска, Царицына, Чернаго яра, Дѣвичьей горы на Самарской лукѣ и пр. О поселеніяхъ на Самарской лукѣ, городѣ Самарѣ и купцѣ Надѣи Свѣтешниковѣ, который завелъ соляныя варницы на Усолкѣ, см. диссертацію проф. Перетятковича: «Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.». Одесса. 1882, стр. 220—232. На стр. 222 говорится о томъ, что Саратовъ въ началѣ XVII вѣка перенесенъ съ лѣвой стороны Волги на правую. А для Самары въ 1645 г., по приказу Михаила Ѳеодоровича, былъ вылитъ особый «вѣстовой колоколъ». Какъ города переносились тогда съ одного мѣста на другое, см. царскую грамоту о перенесеніи города Еренска въ 1639 году. (Времен. О. И. и Д. Кн. 25).

По поводу того умиленія, съ которымъ смотрѣлъ Московскій народъ на царя и все его семейство при царскомъ выѣздѣ и о кото-

ромъ сообщаетъ Олеарій, выше, въ текстѣ, я замѣтилъ, что это умиленіе лучше всего объясняетъ намъ, почему самодержавіе легко было возстановлено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Къ сему замѣчанію или указанію на народную преданность царской власти надобно прибавить, что такому возстановленію помогло и другое важное обстоятельство: единственное сословіе, которое могло дѣлать оппозицію самодержавію и дѣйствительно пыталось его ограничить, т.-е. боярское, было лишено какого-либо единодушія или сплоченности. Оно распадалось на группы, обусловленныя преимущественно родствомъ и свойствомъ; а эти группы почти постоянно находились между собою въ соперничествѣ и вели безконечные мѣстническіе счеты. Такимъ образомъ мѣстничество сослужило большую службу самодержавію какъ при его развитіи, такъ и при его возстановленіи. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича особенно обильно дѣлами по мѣстничеству: забывъ всякіе общіе интересы, бояре съ какимъ-то ожесточеніемъ спорили о мѣстахъ другъ съ другомъ по каждому поводу. Отчасти это объясняется тѣмъ, что въ предыдущее Смутное время ихъ счеты въ значительной степени перепутались, такъ какъ одни роды въ это время выдвинулись на передній планъ, а другіе отодвинулись или захудали.

---

20. Источники: Акты Западной Россіи IV. №№ 142—160, 169—176, 185, 186. Акты Южной и Западной Россіи. II. №№ 1—22, 25—48. Въ № 8 жалоба 1601 г. православныхъ пановъ Загоровскихъ на Ипатія Потѣя въ томъ, что онъ послалъ вооруженныхъ людей на церковь Св. Василія во Владимірѣ и силою отторгъ ее на унію, а схваченнаго въ ней при богослуженіи священника Мартына собственноручно ударилъ въ зубы и «раскровянилъ»; мало того, взявъ ножницы, простригъ ему голову на четыре стороны; послѣ чего велѣлъ ее совсѣмъ оголить, т.-е. его разстригъ. Въ приложеніяхъ къ этому II тому помѣщено сочиненіе 1608 г. печерскаго іеродіакона Леонтія о ересяхъ по поводу явленія уніи. Въ нихъ числѣ приведена «Ересь, еже въ одеждахъ по обычаю мниховъ и езуитовъ строитися и по воли ихъ носитися, капу назадъ закинувши повлоску ея убравши, и такъ ходити позволяти». Тейнера: Vetera Monum. Pol. et Lith. III. Гарасевича Annales eccles. Ruthenae. Львовъ, 1867. Витебская старина. Изд. Сапукова. Т. I. №№ 118 — 120. V. Ч. I. №№ 90, 93, 97, 99. Чт. Об. И. и Др. 1859. III. (Въ 1605 г. Виленскимъ братствомъ привлеченъ къ Виленскому трибунальному суду іеродіаконъ Антоній Грековичъ, который уличенъ на мѣстѣ преступленія въ связи съ черницею Лычанкою; онъ успѣлъ бѣжать, перешелъ въ унію и заочно осужденъ на смерть). Акты Вилен. Археогр. Коммиссіи. VIII. №№ 10 — 48, съ перерывами. (Борьба Святодухов. братства съ уніей). Виленскій Археогр. Сборникъ. I. №№ 73, 76 (завѣщаніе Кирилла Терлецкаго въ пользу брата

своего Ароша и дочери Ганны Велятицкой). II. №№ 19 — 24 (преимущественно Могилевское братство). VI. 58—79 (архим. Сенчило). X. №№ 5, 7 (Духовное завѣщаніе Ипатія Потѣя). Архивъ Югозападной Россіи. Ч. II. Т. I. №№ 5, 6, 8, 9, 10. Ч. I. Т. VI. №№ CXXXII—CLXII, съ перерывами. (Въ № CXXXII по апелляціи Загоровскихъ на Ипатія Потѣя по вышеприведенному случаю Люблинскій трибуналъ своимъ декретомъ, въ 1603 г., Ипатія Потѣя отъ отвѣтственности освободилъ). Того же Архива т. VI. № CXXXI. Здѣсь приговоръ Люблинскаго трибунала по грязному дѣлу: объ изнасилованіи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ дѣвки Палашки, проѣздомъ остановившейся вблизи его резиденціи; за нее вступился ея патронъ. Дѣло это тянулось цѣлыя девять лѣтъ. Гродскій Владимірскій судъ оправдалъ Терлецкаго. Въ 1603 году Люблинскій трибуналъ подтвердилъ рѣшеніе Владимірскаго суда.

Литература: Бантышъ-Каменскаго: «Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи». М. 1795. «Описаніе Кіевософ. собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ. 1825. «Описаніе Кіевопечерской лавры». К. 1826. Кояловича: «Литовская церковная унія». Т. II. Зубрицкаго: «Лѣтопись Львовскаго братства». Петрушевича: «Сводная Галицко-Русская лѣтопись». Костомарова: «Историч. монографіи». III. Свящ. Трипольскаго: «Уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй». К. 1878. Говорскаго: «Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій». Вѣстникъ Югозапад. Россіи. 1864. «Памятники Русск. Старины въ запад. гг.». V. (Васильевскаго—Очерки исторіи города Вильны). Митр. Макарія—«Исторія Рус. церкви». Т. X. Чистовича—«Очерки исторіи Западнорус. церкви». II. Крачковскаго—«Очерки уніатской церкви». Чт. Об. И. и Др. 1871. I. Левицкаго—«Къ исторіи водворенія уніи въ Кіевѣ». Чт. Об. Нестора Лѣтоп. V. С. Т. Голубева—«Матеріалы для исторіи Западнорусск. церкви». Вып. I. К. 1891. (Онъ, между прочимъ, документально доказываетъ, что Кіевософійскій соборъ съ самаго начала уніи былъ отобранъ отъ православныхъ).

Въ Чт. О. И. и Д, 1862. Т. IV, издано въ разныхъ редакціяхъ Бодянскимъ «Наставленіе іезуита для истребленія православія въ Польшѣ». Проектъ сей относятъ къ XVI вѣку; но по всѣмъ признакамъ онъ составленъ послѣ введенія уніи, т.-е. въ XVII вѣкѣ.

21 и 22. Русск. Историч. Библіотека. VII. («Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ». 1603 г. и «Гармонія Восточной церкви съ костеломъ Римскимъ». 1608 г.—уніатское сочиненіе). Акты Запад. Россіи. IV. № 149. («Перестрога»). Θρῆνος to iest Lament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodnieej Cerkwie etc. przez Theophila Ortologa (Смотрицкаго). W Wilnie. 1610. Отвѣтъ Скарги: Na treny y Lament Theophila Ortologa do Rusi etc. 1610. Отвѣтъ Мороховскаго: Παρηγορεῖα albo utolenie uszczypliwego lamentu. Wilno. 1612. Стебельскаго—Żywot ss. Ewfrozyny y Paraskewy. Уніатскаго священника XVII вѣка Якова Суши: Saulus et Paulus Ruthenae

unionis Meletius Smotriscius; Cursus vitae B. Iosaphat Kuncevicii. То и другое въ новомъ изданіи іезуита Мартынова. Bruxellis 1864 и Parisiis 1865. Его же изданія: «Апологія моему странствованію на востокъ» (М. Смотрицкаго). Leipzig-Paris. 1863. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ (нѣкоторыя сочиненія Смотрицкаго). Парижъ и Лейпцигъ. 1867. Saint Iosaphat et ses détracteurs. Lyon. 1875. Елеонскаго—«Мелетій Смотрицкій» (Правосл. Обозрѣніе. 1861). Кульчинскаго—«Жизнеописаніе Іосафата Кунцевича». Львовъ. 1868. Говорскаго—«Іосафатъ Кунцевичъ». (Вѣст. Югозапад. Рос. 1862). Бенедиктинца Альфонса Гепэна—Saint Josaphat, archevêque de Polock. Два тома. Poitiers. 1874. Петровскаго—«Очеркъ исторіи Базильянскаго ордена». (Труды Кiев. Акад. 1870. II.). Въ Русской Ист. Библ. Т. IV. (Спб. 1878), подъ редакціей П. А. Гильдебрандта, съ хорошими примѣчаніями и указателемъ, изданы: «Оборона уніи» — сочиненіе виленскаго архимандрита Льва Кревзы. 1617 г. и впервые напечатанный полный текстъ знаменитой «Палинодіи»— сочиненіе кіевскаго іеромонаха Захаріи Копыстенскаго 1621—1622 гг. Этому сочиненію посвящена особая диссертація проф. Завитневича. См. также его рѣчь, произнесенную передъ ея публичной защитой: «О значеніи западнорусской богословско-полемической литературы конца XVI и начала XVII в. и мѣсто занимаемое въ ней Палинодіей». (Христіанское Чтеніе 1884. 1—2). Чт. Об. И. и Д. 1878. Кн. I. («Два казаня» виленскаго архимандрита Леона Карповича). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VII. К. 1887. (Verificatia niewinnosci. Obrona Verificacii. Iustificatia niewinnosci). Рѣчь Древинскаго у Бантышъ-Каменскаго. 69. Письмо Сапѣги Кунцевичу, ibid. 75. (Еще прежде въ Рус. магаз. Туманскаго. 1793. Ч. III). Акты Южной и Запад. Рос. II. №№ 44—62 и 167.

Вилен. Археогр. Сборникъ Учебнаго Округа. I. №№ 86—92 (въ № 88 споръ полоцкаго мѣщанина съ Кунцевичемъ о погребеніи сына, а въ № 90 письмо Кіевлянъ къ гетману Сагайдачному о притѣсненіи вѣры). II. №№ 29—32 (въ № 29 письмо Сапѣги Рутскому объ излишкѣ усердія). Въ приложеніи къ этому тому «Записки игумена Ореста» о Могилевѣ. Здѣсь подъ 1618 г. извѣстіе о бунтѣ Могилевцевъ противъ Кунцевича и насильственномъ затѣмъ водвореніи уніи. VII. №№ 49—52, 55—59. (Въ № 49 отъ 1615 г. митрополитъ Вельяминъ Рутскій проситъ Слонимскій съѣздъ настаивать, чтобы высшее уніатское духовенство засѣдало въ сенатѣ, какъ это было постановлено на Берестейскомъ съѣздѣ 1596 года). «Архивъ Югозапад. Рос.». VI. CLXIV и слѣд. CCXV—CCXXVIII, CCXLIV (Тутъ письма Іова Борецкаго къ Мих. Ѳеод-чу и Смотрицкаго къ Виленскому братству), CLXXX—CLXXXIII (Жалобы Кіевскаго магистрата на архимандрита Плетенецкаго и его капитулу, а также на игумена и братію Кириллова монастыря, по поводу противузаконнаго заведенія ими корчемъ, шинковъ и ярмарокъ при ихъ монастыряхъ, и жалоба на уніатскаго митроп. В. Рутскаго за то, что онъ велѣлъ своему намѣстнику Садковскому открыть въ Кіевѣ четыре шинка),

CLXXXVI (князь Четвертинскій даетъ фундушъ Преображенскому монастырю съ обязательствомъ, чтобы онъ всегда оставался въ православіи), CLXXXVIII, СХС и ССIX (жалобы уніатовъ на Волыни на обиды и побои отъ православныхъ). Витебская Старина. Изд. Сапунова. Т. I. №№ 47, 49, 52, 53, 153—155. Приложенія. № 175. Т. V. №№ 61 — 85. «Памятники», изд. Временной Кіев. Комиссіей. Т. I. №№ I—XIII. (Акты, относящіеся къ Луцкому Крестовоздвиженскому братству). II. №№ 1—10. (Дарственная запись Гулевичевны 1615 г. Упись Кіевскаго братства и другіе акты, относящіеся къ первой эпохѣ этого Богоявленскаго братства). Пространная жалоба православной русской шляхты на Варшавскомъ вольномъ сеймѣ 1623 года, въ томъ же году напечатанная особой книжкой на польскомъ языкѣ («Документы, объясняющіе исторію Западнорусскаго края». Спб. 1865. № XIX). Supplem. ad. Hist. Rus. Mon. CXCIII—CXCVI. (Письмо папы Урбана VIII къ Сигизмунду III, по поводу уніи и убіенія Кунцевича)

Макарія Булгакова—«Исторія Кіевской Академіи». Спб. 1843. Это сочиненіе впослѣдствіи самимъ авторомъ признано неудовлетворительнымъ. По сему предмету есть превосходный трудъ С. Т. Голубева: «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Вып. I. Періодъ Домогилянскій. Кіевъ. 1886. Авторъ ея обстоятельно доказываетъ, что основаніе Кіевобратской Богоявленской школы произошло не ранѣе 1615 года, и что настоящее имя фундаторши было не Анна, а Гальшка (Елизавета) Гулевичевна. Въ своемъ другомъ трудѣ, посвященномъ Петру Могилѣ, онъ также говоритъ много о Кіевскихъ школахъ, религіозномъ движеніи въ Кіевѣ, предшественникахъ Могилы въ Печерской Лаврѣ и о Мелетіи Смотрицкомъ. Общія пособія для данной эпохи тѣ же вышеназванные труды Бантышъ-Каменскаго, Кояловича, Крачковскаго, митр. Макарія, Чистовича; кромѣ того, Лукашевича—Dzieje wyzn. Helweck. Островскаго—Dzieje y prawa Kosciola Polskiego; Зубрицкаго—«Лѣтопись Львов. Ставроп. братства»; преосв. Филарета—«Обзоръ русской духовной литературы»; Пекарскаго—«Представители кіевской учености въ XVII вѣкѣ». (Отеч. Зап. 1862. Т. I). «Сочиненія» Максимовича. Т. I. (О епископѣ Исаакіи Борисковичѣ); Ф. Терновскаго—«Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв. (по латино-польскимъ образцамъ). К. 1869; тенденціозная «Исторія возсоединенія Руси»—Кулиша. Т. III. М. 1877 (Религіозное, соціальное и національное движеніе въ эпоху Іова Борецкаго). В. В. Антоновича—«Очеркъ отношеній Польскаго государства къ православію и православной церкви». (Монографіи по исторіи Западной и Югозапад. Россіи. Т. I. К. 1885) и «Кіевскіе войты Ходыки». (Ibid.).

23. С. Т. Голубева превосходное изслѣдованіе «Петръ Могила и его сподвижники». Т. I. Кіевъ. 1883. Т. II. К. 1898. Снабжено массою приложенныхъ «Матеріаловъ для исторіи Западнорусской церкви». Его же вышеуказанная «Исторія Кіевской Духовной Академіи». Максимовича—«Актъ избранія Петра Могилы въ митрополиты Кіевскіе» (Собр. соч. Т. I). «Петръ

Могила митрополитъ Кіевскій». Соч. С. Р. (Чт. О. И. и Д. 1877. Кн. I). Ф. Терновскаго—«Кіевскій митрополитъ Петръ Могила» (біографич. очеркъ Кіев. Стар. 1882. Апрѣль). Bibliographie Hellénique par Emile Legrand. IV. Paris. 1896. (Тутъ: Pierre Movila-notices biographiques par Èmile Picot съ подробною Bibliographie des ouvrâges publiés par Pierre Movila ou qui lui sont dédiés). Петръ Могила, будучи архимандритомъ, сдѣлалъ третье Кіевское изданіе Номоканона съ своимъ предисловіемъ, въ 1629 г. Первое изданіе его напечатано въ типографіи Кіевопечерской Лавры монахомъ Памвою Берындою въ 1620 г., а второе въ 1624 г., съ предисловіемъ Захарія Копыстенскаго. Съ Кіевскихъ изданій было напечатано въ 1639 г. и первое Московское изданіе. (Проф. Павлова: «Номоканонъ при большомъ Требникѣ». Учен. Записки Моск. Унив-та. Вып. 14. 1897 г. О Памвѣ Берындѣ см. Филологическія Записки. 1869. Вып. 2 и 3).

«Описаніе Кіевопечерской Лавры». К. 1826. Прибавленія. №№ 4 — 8. (Записи П. Могилы на основаніе Лаврскаго училища и его завѣщаніе). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VII. Тутъ: «Собственноручныя записки Петра Могилы», т.-е. его благочестивыя сказанія, разсужденія и замѣтки о разныхъ предметахъ. Каталогъ книгъ, купленныхъ Могилою въ Варшавѣ и Краковѣ въ 1632—1633 гг., т.-е. во время Элекційнаго и Коронаційнаго сеймовъ—почти исключительно латинскія. Далѣе, Synopsis и Supplementum Synopsis — сочиненія, изданныя Виленскимъ братствомъ въ защиту православія и относящіяся къ тому же времени, а также отвѣтъ на нихъ со стороны уніатовъ: Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow schismatica z unitem— соч. Скупинскаго. Сильвестра Коссова—Πατερικόν albo Żywoty ss. oycow Pieczarskich. W drukarni S. Lawry Pieczarskiey. Roku 1635. Аѳанасія Кальнофойскаго—Τερατούργημα lubo cuda które byɫy и пр. Въ той же друкарни. 1638.

Археографич. Сборникъ. Изд. Виленскаго Учеб. Округа. Т. I. № 90. (Садковскій тресками покрылъ Св. Софію); Т. II. № 36 (Королевская грамота Петру Могилѣ на Кіевскую митрополію неунитскую); Т. VII. № 64 (Письмо архимандрита Петра Могилы Христ. Радивилу съ просьбою соединиться съ православными для общей борьбы противъ насилій отъ латинянъ и уніатовъ). Архивъ Югозапад. Россіи. Т. VI. № CCXXXVII (1627 г. Житомирскій староста Тышкевичъ хотѣлъ силою воспротивиться избранію П. Могилы въ санъ Кіевопечерскаго архимандрита), CCL (1630 года П. Могила вооруженною рукою съ монастырскими крестьянами и Запорожцами нападаетъ на митрополичье имѣнье село Зазимово, на что жалуется Рутскій). Акты Южной и Западной Россіи. Т. II. №№ 56, 59. Т. III. №№ 1—94. Тутъ: О бѣгствѣ монаховъ Густынскаго и монахинь Ладинскаго монастырей въ Московское государство; о пріѣздѣ въ Москву монаховъ отъ П. Могилы и Кіевскихъ игумновъ; продолженіе сношеній П. Могилы и южнорусскихъ монастырей съ Москвою. См. также докладъ А. А. Руссова: «Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей», въ

Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. (Т. IV. Харьк. 1892). С. Ступишина—«О князьяхъ Корыбутахъ-Вишневецкихъ» (Вѣст. Югозапад. Рос. 1861. Іюль и августъ). «Лѣтопись Густынскаго монастыря» (Чт. О. И. и Д. 1848. № 8. Съ приложеніемъ разныхъ документовъ, относящихся къ Густынскому, Мгарскому и Ладинскому монастырямъ. Тутъ и посланіе Исаіи Копинскаго Ереміи Вишневецкому). Supplementum ad Hist. Rus. Mon. №№ LXVII—LXXII. (Сеймовые споры о вѣроисповѣдномъ вопросѣ и королевскія грамоты 1632 — 33 гг., обезпечивающія православнымъ свободу вѣроисповѣданія и трактующія о раздѣлѣ церквей въ г. Бельзѣ. А № LXIX—объ утвержденіи Петра Могилы въ санѣ митрополита). Памятники, изд. Временной Комиссіей. К. 1846. Т. II. №№ 11 и 12. (Грамота королевская Кіевобратскому игумну на двѣ церкви съ угодьями и духовное завѣщаніе П. Могилы 1646 г.).

Pamiętniki Albrechta Stan. Radziwilla. Poznań. 1839. Latopisiec Ioachima Jerlicza (православнаго шляхтича). Warszawa. 1853. Подъ 1647 г. по поводу кончины П. Могилы, Ерличъ даетъ его характеристику, налегая по преимуществу на его жестокіе поступки съ Исаіей Копинскимъ, нѣкоторыми игумнами и старцами, на его денежныя вымоганія и т. п. У С. Т. Голубева, во II томѣ его «Петръ Могила», стр. 231, изъ слова С. Коссова на погребеніи епископа Іосифа Бобрпковича приведено извѣстіе, что креховскій инокъ Герасимъ, спустя семь лѣтъ послѣ своей смерти, исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни П. Могилу, бывшаго тогда еще въ свѣтскомъ званіи, чѣмъ и можно объяснить его ревность къ православію и духовному званію. Ibid. стр. 232—239, любопытныя соображенія о знатномъ русскомъ вельможѣ Адамѣ Киселѣ: увлекшись единеніемъ церквей въ смыслѣ равноправности православія съ латинствомъ и ненарушимости православнаго ученія и обряда подъ папскимъ верховенствомъ, онъ перешелъ было въ унію; но, узнавъ истинное ея значеніе, воротился въ православіе и былъ однимъ изъ его столповъ. В. О. Эйнгорнъ во введеніи къ своему изслѣдованію «О сношеніяхъ Малорос. духовенства съ Москов. правительствомъ въ царств. Алексѣя Михайловича», обращаетъ вниманіе на различіе этихъ и другихъ отношеній при Іовѣ Борецкомъ и Петрѣ Могилѣ. Іовъ, какъ и православные епископы его времени, были люди незначительные и бѣдные, которые въ борьбѣ съ уніей возлагали главную надежду на единовѣрную Москву; тогда какъ П. Могила и его епископы были изъ знатныхъ, богатыхъ фамилій; поэтому они болѣе ладили съ польскими панами и неодобрительно относились къ казацкимъ возстаніямъ. (Чт. О. И. и Д. 1893. III).

24. Археографич. Сборникъ. Изд. Виленскаго Учебнаго Округа. Т. I. №№ 94 — 154, съ перерывами. Въ №№ 115 и 117 королевскій декретъ 1640 г., чтобы мѣщане Полоцкіе ходили въ уніатскую церковь; они же противятся и не хотятъ совершать требы у поповъ уніатскихъ; 105, 125 и 130 заключаютъ судебныя дѣла, свидѣтельствующія о грубыхъ суевѣріяхъ,

а 118 и 151—объ изнасилованіи, кончившіяся ничѣмъ (въ первомъ случаѣ уніатъ и православная дѣвушка). Т. II: №№ 38, 44, 103 и 104 (1633 г. уніаты съ католиками нападаютъ на церковь Богоявленія въ Бѣльскѣ и отнимаютъ ее насильно у православныхъ, вопреки грамотѣ Владислава IV); 38, 44 (1635. Грамота короля о томъ, какіе монастыри, церкви и имущества принадлежатъ уніатской іерархіи); 105 и 106 (о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православныхъ въ Бѣльскѣ и Дрогичинѣ); 107 и 108 (притѣсненія православнымъ отъ уніатовъ въ Бѣльскѣ). Т. III. №№ 47 (о чародѣйствѣ Анны Павлюковой Короткой); 49 — 62 (Тутъ длинное дѣло 1631 года о колдовствѣ попадьи Раины Громычиной). Т. IV. № 54. (1642 г. Королевское предписаніе уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ о нечиненіи притѣсненій православнымъ Дисненскимъ мѣщаниномъ). Т. XI. №№ 7 — 10 (Акты 1633 г. о возвращеніи православнымъ нѣкоторыхъ церквей отъ уніатовъ въ силу королевскаго универсала); 12—14 (О православномъ братскомъ монастырѣ Св. Симеона). Письма Папы Урбана VIII въ Польшу къ разнымъ лицамъ объ уніи, 1643 г. Hist. Russiae Monum. II. № CXIII. Витеб. Старина. Сапунова. Т. I. №№ 57—68. Т. V. №№ 86—117. (№ 91 о покушеніи полоцкихъ мѣщанъ на жизнь уніат. архіеп. Антонія Селявы).

Архивъ Югозападной Россіи. Т. VI. №№ CCLIII—CCLXXI (постановленія сеймовъ Конвокаційнаго и Элекційнаго, королевскія грамоты и прочіе акты относительно споровъ уніатовъ съ протестантами); CCLXXV (1634 г. Луцкіе ксендзы жалуются на монаховъ Луцкаго братства и мѣщанъ, которые напали и избили студентовъ іезуитскаго коллегіума); CCLXXXV (1635 года. Еремія Вишневецкій отнимаетъ заднѣпровскіе монастыри у Исаіи Копинскаго); CCXCVIII (1638 г. Православные обыватели Русскаго воеводства жалуются на маршала, что онъ на сеймикѣ не дозволилъ внести въ инструкцію посламъ требованіе въ пользу православной церкви и, наоборотъ, включилъ параграфъ, ей неблагопріятный). Далѣе встрѣчаются нѣсколько актовъ, указывающихъ на распространеніе и крѣпость аріанства или социніанства на Волыни и въ Кіевщинѣ. Эти аріане также угнетаютъ православныхъ. Наприм., въ № CCCXXIV, въ 1647 г., жалоба православнаго священника на аріанина дворянина Бѣневскаго (арендаторъ имѣнія пана Андрея Лещинскаго на Волыни), который принуждаетъ его православныхъ прихожанъ покупать мясо у евреевъ и за отказъ на то запечаталъ церковь, напалъ на домъ священника и произвелъ разныя безчинства. Но въ тяжбахъ съ католиками протестанты часто терпятъ неудачу. Наприм., въ Виленскомъ Археогр. Сборникѣ, Т. VIII, любопытное и длинное дѣло о Кейданской плебаніи, которую владѣлецъ Степанъ Кишка, протестантъ, отнялъ у ксендза Кобылинскаго. Дѣло проходило всѣ инстанціи, было и въ гродскомъ судѣ, и въ трибуналѣ, и у короля; рѣшалось то въ пользу Кобылинскаго, то Кишки. Сего послѣдняго смѣнилъ польный литовскій гетманъ Христофоръ Радивилъ, женатый на Аннѣ, дочери Кишки, и тоже протестантъ. Дѣло тянулось съ 1600 до 1628 г., и окон-

чилось мировой сдѣлкой Радивила съ виленскимъ католическимъ епископомъ Евстафіемъ Воловичемъ и его капитулой. Католики себя отстояли.

Относительно Аѳанасія Филипповича, преосв. Филарета Черниговскаго «Русскіе Святые». Т. III. О. И. Левицкаго—«Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій». (Кіев. Университ. Извѣстія 1878). Костомарова—«Историч. монографіи». Т. XIV. Арс. Маркевича—«Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій». Варшава. 1880. «Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича, 1646 г.», изданъ въ Рус. Ист. Библіотекѣ. Т. IV. Спб. 1888. Е. Е. Голубинскаго—«Исторія канонизаціи святыхъ въ Рус. церкви». Серг. пос. 1894. Наконецъ, о Филипповичѣ см. въ книгѣ проф. Голубева «Петръ Могила». II. 183—195.

25. Архивъ Югозапад. Россіи. Ч. VI. Т. I. «Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVI—XVIII вв.» Имъ предпослана обширная вступительная статья И. Новицкаго, объясняющая крестьянскія повинности, сельскохозяйственные инвентари, аренды, заставы, переходы крестьянъ. Архивъ Югозап. Росс. Ч. VII. Т. I. «Акты о заселеніи Югозападной Россіи». Вступительная статья проф. Владимірскаго-Буданова. Особенно заслуживаютъ вниманія №№ XLIII (Люстрація староствъ Кіевскаго воеводства 1616 г.), XLIV (Жалованная грамота Сигизмунда III Кіевопечерскому монастырю на разныя имѣнія въ Вел. Кн. Литовскомъ, 1616 г.), XLV (люстрація Житомирскаго староства 1622 г. Староста его Александръ Заславскій, воевода Брацлавскій, съ согласія короля, отдалъ это староство въ аренду двумъ лицамъ: одну часть пану Андрею Пересѣцкому, а другую еврею Шлёмѣ Фабисѣвичу), XLVI (люстрація Остерскаго староства 1628 г.), LV (Заставная запись гетмана Март. Калиновскаго Михаилу и Екатеринѣ Аксакамъ на имѣнія въ Брацлавскомъ воеводствѣ, 1647 г.), LXII (Арендный контрактъ, которымъ кн. Еремія Вишневецкій предоставляетъ коронному стражнику Александру Замойскому городъ Лубны въ трехлѣтнее владѣніе, 1647 г.), XLVII (Тарифа подымной подати Кіевскаго воеводства, 1631 г.), XLIX (Указаніе на множество крестьянскихъ повинностей), CXXI (Жалоба поручика Бараша на кн. Януша Острожскаго). Арх. Югозап. Рос. Ч. IV. Т. I. «Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Югозапад. Россіи». (Тутъ мало для данной эпохи). «Лѣтопись Густынскаго монастыря». (Чт. О. И. и Д. 1848. № 8). Тутъ свѣдѣнія объ основаніи монастырей Межигорскаго, Густынскаго, Мгарскаго и Ладинскаго; а въ приложеніяхъ извѣстное письмо Исаіи Копинскаго Ереміи Вишневецкому и его же уставъ о панщинѣ для монастыря Ладинскаго 1628 года. Lustracye Królewszczyzn Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej polowy XVII wieku. Wydał Aleksander Jablonowski. Warszawa. 1877. Съ обширнымъ введеніемъ издателя, озаглавленнымъ Starostwa Ukrainne w pierwszej połowie XVII w. Боплана «Описаніе Украйны». К. Шайнохи Skice Historyczne T. III. Lwów. 1861 (Zdobycze pługa polskie-

go) и Dwa lata dziejów naszych. T. I. Polska w roku 1646. W Lwowie 1865. (О колонизаціи Украйны въ первой главѣ: Kresy, pogańskie). Пшездзецкаго Podole, Wołyn', Ukraina. W. 1841. Проф. Багалѣя «Займанщина въ Лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.» (Кіевск. Старина 1883, декабрь).

Любопытный проектъ заселенія Украйны былъ составленъ еще въ 1590 году кіевскимъ католическимъ бискупомъ Іосифомъ Верещинскимъ. (О семъ лицѣ см. III томъ «Исторіи Россіи». Прим. 97). Русскій переводъ этого проекта въ Кіев. Старинѣ. 1895, мартъ. Онъ совѣтуетъ Рѣчи Посполитой скорѣе заселить по преимуществу обѣднѣвшею или малоземельною шляхтою, укрѣпить замками и войскомъ пустую Украйну, о которой отзывается восторженно, какъ о землѣ Обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ, но которую безнаказанно грабятъ и опустошаютъ сосѣднія Татарскія орды. На содержаніе войска онъ предлагаетъ употребить не только установленную кварту съ королевскихъ имѣній, но и назначить десятую долю съ сельскихъ произведеній русскихъ областей, а расходованіе этой десятины или роль казначея при войскѣ поручить именно Кіевскому бискупу съ его капелланами, на остатки же отъ нея основать въ Кіевѣ Іезуитскій коллегіумъ для образованія русской молодежи. Сеймъ 1590 года, повидимому, мало обратилъ вниманія на этотъ проектъ. Впрочемъ, въ послѣдующее за тѣмъ время и произошла усиленная колонизація Украйны.

Что касается до народной поговорки «отъ Кракова до Чакова» и пр., то Чаковъ тутъ, очевидно, есть Очаковъ. Это объясненіе (словесное) принадлежитъ М. К. Любавскому, автору извѣстнаго труда «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства». М. 1892.

26. Тѣ же книги Архива Югозап. Рос., что и въ предыдущемъ примѣчаніи. Кромѣ того сего Архива часть третья. Т. I. (Акты о казакахъ). Обширное введеніе проф. Антоновича. Въ особенности №№ XLV—LXXIV (въ послѣднемъ завѣщаніе Сагайдачнымъ капитала въ пользу Львовскаго братства), LXXVIII (Куруковскій договоръ), LXXX—LXXXI и LXXXV (къ возстанію Тараса), LXXXIX—XCIII (Къ гетманству Петржицкаго въ 1632 г.), XCVI—XCVIII, CI (Договоръ подъ Боровицею 1637 г.), CII (передача имущества Остраницы Доманскому), CVIII, CIX, CXI (къ Адаму Киселю. Послѣдній № о назначеніи его каштеляномъ Кіевскимъ, въ 1646 г.; причемъ въ числѣ его заслугъ указано, что онъ во время стоянія Владислава IV подъ Смоленскомъ привелъ изъ Запорожья 20.000, потомъ вмѣстѣ съ Лукою Жолкевскимъ и Еремією Вишневецкимъ вторгся въ Московскую землю и препятствовалъ поданію помощи Шеину, помогалъ усмиренію казацкихъ бунтовъ и пр.). Виленскій Археографическій Сборникъ. Т. VII. №№ 39, 46, 60, 63, 66 (1633 г. Краковскій каштелянъ Станиславъ Конецпольскій увѣдомляетъ литов. польнаго гетмана Христ. Радивила, что Запорожцы подъ Смоленскомъ занимаются грабежомъ, а къ войнѣ лѣнивы, потому что ихъ просьбы о правахъ и вольностяхъ православной вѣры оставлены безъ вниманія),

27. (гетманъ Запорожскій Тимофей Михайловичъ Арандаренко оправдывается отъ обвиненій, взводимыхъ на Запорожцевъ, тѣмъ, что они не знаютъ, куда имъ идти и что дѣлать, такъ какъ ихъ «рвутъ на части»: одни велятъ защищать Украйну отъ Москвитянъ, другіе отъ Турокъ, третьи велятъ идти къ Смоленску и т. д.) Т. XI. №№ 57 (Письмо Запорож. гетмана Михаила Дорошенка къ гетману Христ. Радивилу), 60 (Запорож. гетмана Ив. Мих. Сулимы), 63 (Запорожскаго старшого Тимофея Михайловича Арандаренка). Акты Зап. и Южн. Рос. II. № 47 (Предсмертное письмо Сагайдачнаго Сигизмунду III). С. Г. Г. и Д. III. № 51 (Грамота Михаила Ѳеодоровича въ отвѣтъ на посольство Сагайдачнаго).

Volumina legum. S. Prsb. 1859. II. Стр. 465 (Конституція 1609 года, чтобы Запорожскіе казаки подчинялись юрисдикціи старостъ, подстаростъ, пановъ и пр.). III. 187 (1618 г. Объ укрощеніи казацкихъ морскихъ предпріятій), 237 (1626 г. Одобреніе Куруковскаго договора), 440 (1638 г. Ordynacya woyska Zaporowskiego regestowego. За исключеніемъ 6.000 реестровыхъ остальные должны быть обращены въ хлоповъ или посольство; вмѣсто старшого отъ сейма назначается комиссаръ, пребывающій въ Трактемировѣ; полковники по очереди каждый съ своимъ полкомъ держатъ стражу на Запорожьѣ; казаки реестровые освобождаются отъ предварительнаго суда или praejudicium старостъ и подстаростъ; въ случаѣ тяжбы мѣщанина съ казакомъ засѣдаютъ подстароста съ полковникомъ; мѣщане королевскіе не смѣютъ не только сами себя или сыновей своихъ помѣщать въ казаки, но и дочерей своихъ выдавать за казаковъ; казаки не должны имѣть земли въ отдаленныхъ мѣстахъ Украйны и пр.). Latopisiec Joachima Jerlicza. Изъ польскихъ хроникъ наиболѣе важна для казацкихъ возстаній латинская хроника Пясецкаго. Далѣе, извѣстные Pamiętniki Альбрехта Радзивила. Dyaryusz Kazimierza Filipa Obuchowicza. (Pamiętniki historyczne. Wydał Michał Balinski). Wilno. 1859. «Вѣршѣ на жало́сный по́гребъ за́цнаго рыцара Петра̀ Конаше́вича Сагайда́чнаго пре́зъ инока Касіана Саковича». Кіевъ. 1622. Эти вирши переизданы въ приложеніяхъ къ «Исторіи Кіев. Духовн. Академіи» С. Т Голубева. I. 14—46.

Изъ лѣтописей собственно Малороссійскихъ: Лѣтопись *Грабянки*. Кіевъ. 1853. Лѣтопись *Самоила Величкн*. Т. IV. Кіевъ. 1864. Лѣтопись *Самовидца*. К. 1878. Сборникъ лѣтописей, относящихся до исторіи Южной и Западной Руси. К. 1888. Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ, изданныхъ Кіевской Археограф. Комиссіей, заключается очень скудный матеріалъ для эпохи до Хмѣльницкаго. Только въ Сборникѣ Лѣтописей заслуживаетъ вниманія «Дневникъ похода противъ Запорожскихъ казаковъ 1625 года», т.-е. о возстаніи Жмайла и дѣйствіяхъ у Курукова озера. (Кромѣ того въ Кіев. Стар. 1889, октябрь, съ комментаріями г. Николайчика и въ Мем. относ. къ Ист. Южн. Рос. Вып. 2). А въ изданіи Лѣтописи Величкн любопытны приложенія: I. «О войнѣ Остраниновой съ Ляхами» (тутъ и его универсалъ); 2) «Записки

Матвѣя Титловскаго» 1621 г. (Хотинская война съ участіемъ Сагайдачнаго), 3) «Дневникъ Симеона Окольскаго» 1638 г.—довольно подробный діаріушъ о возстаніи Остраницы и Гуни, изданный въ Краковѣ и переведенный съ польскаго невразумительнымъ русскимъ языкомъ и 4) «Дополненіе дневника Окольскаго, составленное Степаномъ Лукашинскимъ. (Этотъ дневникъ и дополненіе, переведенные вновь К. Мельниковымъ, въ «Мем.относ. къ Ист. Южн. Рос.» Вып. 2). Также скудный матеріалъ представляютъ: «Повѣсть о томъ, что случилось на Украйнѣ». Сообщено Срезневскимъ. Чт. О. И. и Д. 1848. № 5. «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи». Ригельмана. (Ibid. 1847. № 5). «Южнорусскія лѣтописи», открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Т. I. К. 1856. О Хотинской войнѣ Якова Собѣскаго латинскіе комментаріи, изданные въ Данцигѣ въ 1646 г. Переводъ К. Мельникова въ «Мемуарахъ, относ. къ Ист. Южн. Руси.» Вып. 2. К. 1896. Ibidem помѣщены «Свѣдѣнія о походѣ на Крымъ Михаила Дорошенка 1628 г.» Кратковременное царствованіе Султана Османа II, его походъ противъ Поляковъ и сверженіе см. Цинкейзена Geschichte des Osmanischen Reiches. III.

Пособія, кромѣ устарѣлыхъ исторій Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, во-первыхъ, Максимовича «Собраніе сочиненій». Т. I. Здѣсь его статьи: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ», «Изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ» и «Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ». Во-вторыхъ, Кулиша «Исторія возсоединенія Руси». Т. II. Спб. 1874., и «Отпаденіе Малороссіи». Т. I. (Чт. О. И. и Д. 1888. В. 2)—не лишенныя интереса, но тенденціозныя сочиненія. Между прочимъ онъ пытается доказывать, что казацкія возстанія не имѣли своимъ мотивомъ защиту православія, а происходили изъ причинъ чисто политическихъ и экономическихъ, т.-е. направлены были противъ закрѣпощенія и повинностей. Но вѣроисповѣдная ревность несомнѣнно присоединялась къ этимъ причинамъ, особенно со времени гетманства Сагайдачнаго, бывшаго усерднымъ ревнителемъ православія. Въ третьихъ, указанное выше соч. Шайнохи Dwa lata и проч. Сюда относятся 2 и 3 главы, т.-е. Kozaczyzna и Z rycerzów w chłopów. Далѣе, Каманина «Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмѣльницкаго». К. 1894. (Рецензія на него М. К. Любавскаго. Ж. М. Н. Пр. 1896. Іюль). Д. И. Эварницкаго «Исторія Запорожскихъ казаковъ». Т. II. Спб. 1895—вообще обстоятельный трудъ, основанный отчасти на архивныхъ матеріалахъ. Между прочимъ на 613—614 стр. исправляется крупный хронологическій промахъ Максимовича относительно похода Сагайдачнаго на Кафу. Въ примѣръ того, какъ сбивчивы и неточны извѣстія о казацкихъ морскихъ походахъ, укажемъ на статью В. М. Истрина «Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка». (Ж. М. Н. Пр. 1898, іюль). По записи выходитъ, что этотъ походъ былъ въ 1623 году 9 іюля; но приведенныя въ ней имена султана и патріарха не соотвѣтствуютъ тому времени. Популярное иллюстрированное изданіе Антоновича и Беца «Историческіе дѣятели Югозападной Россіи». Вып. I. К. 1883. (Тутъ портретъ Сагайдачнаго).

Объ Остранинѣ въ Чугуевѣ см. Д. И. Багалѣя «Очерки изъ исторіи колонизаціи и пр.» 174—196. Тутъ разобранъ вопросъ о его казни въ Варшавѣ: авторъ склоняется къ мнѣнію Соловьева, что былъ казненъ не самъ Остранинъ, а его отецъ (не братъ ли?). О судьбѣ Остранина см. также «Воронежскіе акты» Второва и Александрова—Дольника I. 100—104. (Тутъ говорится объ измѣнѣ чугуевскихъ Черкасъ и убіеніи ихъ гетмана и похваляется вѣрность поселенныхъ воронежскихъ Черкасъ). II. 180—182 (О выдачѣ денежнаго жалованья поселившимся въ Воронежѣ Черкасамъ). Объ Аннѣ Алоизѣ Острожской: Максимовича. Соч. Т. I. («Письма о князьяхъ Острожскихъ»), Ор. Левицкаго «Анна-Алоиза, княжна Острожская» (Кіев. Старина 1883, ноябрь) и «Нѣсколько словъ о княжествѣ Острожскомъ» во Времен. О. И. и Д. Кн. 14. Тутъ актъ раздѣла имѣній, который учинилъ князь Константинъ—Василій между своими сыновьями Янушемъ и Александромъ.

Что въ данную эпоху существовало только шесть казацкихъ полковъ, такое положеніе выведено мною изъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ актовъ, каковы особенно договоры Поляковъ съ казаками, начиная съ Курукова и кончая Масловымъ Ставомъ. Напримѣръ, см. Куруковскій договоръ въ Чт. Об. И. и Др. 1861. IV. Смѣсь. Тамъ прямо указано 6 полковъ. Отсюда понятно извѣстное и постоянное стараніе Польскаго правительства сохранить цифру реестровыхъ именно въ 6.000. Очевидно, нормальный казацкій полкъ считался въ 1000 человѣкъ. Этотъ вопросъ какъ и вообще организація Малороссійскаго казачества до Хмѣльницкаго не подвергались доселѣ тщательнымъ изслѣдованіямъ, несмотря на довольно обширную литературу о Днѣпровскомъ казачествѣ. Я не имѣлъ подъ руками монографіи В. В. Антоновича «Исторія Малорусскаго казачества». Кіевъ. 1882—1883. (Если не ошибаюсь, это его литографированныя лекціи). Мнѣ доставлена изъ него слѣдующая выписка (стр. 45—46): «Послѣ похода на Москву, Сагайдачный уже не возратился на Запорожье, а фактически завладѣлъ всею заселенной Украйной. Теперь онъ даетъ болѣе широкое устройство казакамъ, раздѣляетъ ихъ на полки и присоединяетъ къ полкамъ такія области, гдѣ давно не было казаковъ, какъ наприм. Сѣверская, Кіевская и др. Учрежденіе *десяти полковъ*, приписываемое Ружинскому, на самомъ дѣлѣ осуществляется только теперь». Но на какихъ данныхъ основаны эти выводы, признаюсь, мнѣ пока неизвѣстно.

Относительно Малороссійскаго казачества подведу итоги моимъ выводамъ, добытымъ изученіемъ данной эпохи:

Во-первыхъ, ни городовое, ни Запорожское казачество еще не получило той полной организаціи, какую обыкновенно ему приписываютъ и каковая выработалась только со времени Хмѣльницкаго, съ гетманскою властью включительно. Во-вторыхъ, до него городовое казачество сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на правобережной Украйнѣ, а на лѣвобережную центръ тяжести сталъ переходить съ его времени. Въ-третьихъ, до Хмѣльницкаго было

шесть реестровыхъ полковъ, изъ которыхъ только одинъ Переяславскій находился вполнѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Въ-четвертыхъ, Запорожье еще не выработало своей политической и хозяйственной обособленности съ предѣлами своихъ владѣній или «вольностей». Въ-пятыхъ, къ причинамъ казацкихъ возстаній кромѣ политическихъ и экономическихъ, особенно со стороны усиливщагося крѣпостного права, присоединилась со времени Сагайдачнаго и вѣроисповѣдная, т.-е. унія. Въ-шестыхъ, стремленіе казачества къ своему умноженію, самоуправленію и хозяйственному преуспѣянію встрѣчало главное противодѣйствіе отъ ближайшихъ представителей старостинскаго уряда, именно отъ подстаростъ. (Столкновеніе Хмѣльницкаго съ подстаростою, какъ извѣстно, послужило началомъ новаго движенія). Въ-седьмыхъ, внѣшнія отношенія Рѣчи Посполитой, особенно нужда въ войскѣ, притомъ дешево ей стоившемъ, постоянно мѣшали попыткамъ ея ограничить реестръ и прекратить переходъ народа въ казачество, и т. д.

Уже послѣ отпечатанія моего текста получилъ я, благодаря любезности М. К. Любовскаго, вышедшій въ 1897 г. трудъ А. Яблоновскаго объ Украйнѣ Polska XVI wieku pod względem geograficznostatystycznym. Tom XI. Ziemie Ruskie. Ukraina). Это обстоятельное и очень почтенное сочиненіе собственно посвящено XVI вѣку; но касается и первой половины XVII, именно по отношенію къ казачеству (стр. 442 — 470). Выводы его въ общихъ чертахъ почти совпадаютъ съ моими, за немногими исключеніями. Прибавлю, между прочимъ, его указаніе на казацкіе надворные отряды у знатныхъ пановъ, составлявшіе легкія конныя хоругви; о нихъ я еще не имѣлъ случая говорить. Главнымъ же образомъ этотъ томъ имѣетъ отношеніе къ моему III тому «Исторіи Россіи». Г. Яблоновскій говоритъ о недостовѣрности или легендарномъ характерѣ той казацкой организаціи или реформы, которая приписывается Стефану Баторію (424—426) и говоритъ какъ бы впервые. Но въ этомъ случаѣ я упредилъ его. См. прим. 98 къ III тому. Польскій авторъ, впрочемъ, идетъ далѣе и совсѣмъ отрицаетъ участіе Баторія въ казацкой организаціи. Полагаю, что такое полное отрицаніе едва ли справедливо. Возможно, что шестиполковой составъ реестроваго казачества беретъ начало именно съ той эпохи. Нужно замѣтить, что у г. Яблоновскаго этого шестиполкового состава мы не встрѣтили, и вообще количество полковъ въ данную эпоху онъ не опредѣляетъ.

27. Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle. 1866. Переводъ его «Дневникъ Эриха Ляссоты изъ Стеблева». Въ извлеченіи изданъ въ 1873. г. проф. Бруномъ съ комментаріями, а вторично въ новомъ переводѣ К. Мельникова въ «Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси». Вып. I. К. 1890. Боплана Déscription d'Ukranie etc. впервые переведено и издано на русскомъ языкѣ съ комментаріями Ѳ. Устряловымъ. Спб. 1832. Вторично «Описаніе Украйны» издано во второмъ вып. сейчасъ названныхъ мемуаровъ. А. Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи». Изд. 3-е. Ч. II. Од. 1886 («Краткое обозрѣніе исторіи коней Запорожскихъ). Д. И. Эварницкаго

«Число и порядокъ Запорожскихъ сѣчей». К. 1884. Относительно, упоминаемаго Бопланомъ, женскаго монастыря, сосѣдняго съ Печерской Лаврой, см. С. Т. Голубева «О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года». К. 1898. стр. 78 и самый планъ, приложенный къ Тератургимѣ Кальнофойскаго.

28. Виленскій Археогр. Сборникъ. Т. I. № 157 (1646 г. Постановленіе Полоцкаго магистрата о шести плацахъ для жидовъ). Т. IV. № 50 (1633. Жалоба Виленскихъ обывателей на притѣсненія отъ жидовъ). Архивъ Юго-запад. Россіи. Ч. VII. Т. I. (1622 г. По поводу люстраціи житомирскіе мѣщане жалуются на то же. Стр. 334. А на стр. 327 отмѣтка люстраторовъ, что житомирскій староста Александръ съ Острога Заславскій, съ согласія короля, отдалъ это староство въ аренду двумъ лицамъ: одну часть пану Андрею Пересѣцкому, а другую жиду Сломѣ Фабисѣвичу, «которые не захотѣли показать условія аренды»). «Сборникъ лѣтописей Южной и Западн. Руси». Во введеніи на стр. XLIV В. В. Антоновичъ сообщаетъ изъ рукописной лѣтописи львовскаго каноника Юзефовича фактъ о трехдневной кровавой борьбѣ на улицахъ Львова мѣщанъ съ евреями, въ 1644 г. Но далѣе въ извлеченіяхъ изъ этой латинской лѣтописи данное мѣсто не приведено. Витеб. Старина. Сапунова. I. №№ 133—135. (Послѣдній актъ, заключающій привилегіи Евреямъ, 1633 г., судя по примѣчанію, подложный).

Польское сочиненіе неизвѣстнаго автора первой половины XVII вѣка Robak złego sumnienia (Червь нечистой совѣсти) перепечатано Юзефомъ Чехомъ въ Краковѣ въ 1853 г. (Wady Staropolskie). Rozdział XI этого сочиненія заключаетъ выше приведенную мною въ текстѣ мрачную картину жидовства. Аналогичный отзывъ о жидахъ епископа Верещинскаго находится въ указанномъ выше его проектѣ заселенія Украйны (Кіев. Стар. 1895, мартъ). Къ первой четверти XVII вѣка относятся и жалобы Мучинскаго или Межинскаго о томъ, что жиды отняли у христіанскихъ купцовъ и ремесленниковъ всѣ средства къ существованію (Zwiercadło Korony Polskiey. Urazy ciężkie utrapienia wielkie od żydôw etc.). Жалобы эти были предъявлены на сеймѣ 1618 г. Коллонтай въ своемъ соч. Rosprawa o Żydach (96 и 97) указываетъ изъ той же эпохи еще слѣдующія изданія, направленныя противъ жидовства: Воглиціуша Swawola wyuzdana żydowska. W Krakowie. 1648. Lament dzieci pomordowanych przez Żydow. 1651. (Извѣстное обвиненіе въ убіеніи христіанскихъ дѣтей). Jasny dowód o doktorach żydowskich, iż nietylko duszę, ale ciało swoie na wieczne zginenie daią, którzy lekarzów żydowskich i Tatarów używaią, etc. 1623. O powietrzu morowem u Kaliszu. 1623. Шайноха въ своемъ Dwa łata dzieyów naszych въ томъ же родѣ говоритъ о дѣятельности евреевъ на Украйнѣ на основаніи польскихъ писателей XVII вѣка Пясецкаго, Старовольскаго, Коховскаго (107—115). Шайноху повторяетъ въ этомъ отношеніи и Яблоновскій во введеніи къ помянутому выше его изданію Lustracye Królewszczyzn. Стр. XXV, LXXIII и XC. См. также жалобу мин-

скаго городничаго Скоруны на евреевъ-арендаторовъ, опустошившихъ его имѣніе, 1627 г. (Вѣст. Югозапад. Россіи. 1866. XI).

Въ приложеніяхъ къ «Лѣтописи Самоила Величка», именно въ «Дополненіяхъ къ дневнику Окольскаго» находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе о «неслыханныхъ и нововымышленныхъ даняхъ», которыя Ляхи вмѣстѣ съ Жидами взимали съ Украинскаго люда (Т. IV, стр. 301): «такъ названіе дуды, повивачное, огородщизну, подымное, поголовщину, очковое, сътовчизну, сухомещизну, пороховщизну, пересуды и аренды, а сверхъ того отъ всякаго скота и отъ пчелъ десятую долю, а отъ рыбныхъ ловлей урочное». Къ этому мѣсту въ рукописи сдѣлано примѣчаніе, объясняющее значеніе названныхъ даней, и со вставкою цифръ, указывающихъ денежную стоимость даней, но безъ опредѣленія монетной единицы (вѣроятно, гроши). А именно «Изъясненіе даней, жидами взимаемыхъ: отъ игранія на дудкѣ, на свирѣли, на скрипицѣ и прочую (4), отъ дѣтей новорожденныхъ за повіячъ (200); отъ всякихъ, садовихъ и огороднихъ плодовъ (200), отъ каждой хаты (5), подушенній окладъ (10), отъ вступающихъ въ бракъ (6), отъ улія пчелъ (2), отъ рыболовнѣ изъ стодолѣ (sic) (10), отъ вѣтраннхъ млиновъ и жерновей (20), судніе посули, то-есть на... позвахъ для судящихъ (20); откупы жидовскіи церквей Божіихъ такъ же и всякихъ питейныхъ вещей; пороговщину отъ каждаго рога воловаго, корового десятую долю, а ежели нѣту десяти, то...».

Въ Volumina legum нашли мы довольно скудный матеріалъ по отношенію къ еврейству, собственно только опредѣленіе поголовной подати. А именно. Т. II. По конституціи 1565 она опредѣляется по 1 злоту съ головы; тоже повторяется и въ слѣдующихъ конституціяхъ XVI вѣка. Т. III, стр. 113. Конституція 1613 года предписываетъ въ Коронѣ вносить по 3 злотыхъ съ каждой головы коронному подскарбію. Отдавъ эту подать, жиды уже свободны отъ поборовъ со своихъ ремеслъ и слугъ. Они могутъ откупить сразу всю сумму, и тогда освобождаются отъ сборщиковъ. Стр. 128. Та же конституція опредѣляетъ въ Литвѣ поголовное жидовское въ 9000 злотыхъ. 194. конституціею 1620 г. съ евреевъ Короны вся сумма опредѣлена въ 70.000 злотыхъ—это чрезвычайный или усиленный сборъ, а съ В. Кн. Литовскаго 9.000, что составляло тройную сумму; обычная это 3.000 въ годъ. 214. конституція 1621 г.: въ Коронѣ 22.000, а въ Литвѣ двойную сумму, т.-е. 6.000, изъ которыхъ вторыя 3.000 за освобожденіе отъ посполитого рушенія. Въ подобномъ же родѣ идутъ еще нѣсколько конституцій. При сравненіи суммъ не надобно забывать, что въ составъ Короны входила и вся Югозападная Русь; слѣдовательно Литва по объему была гораздо ея менѣе. Стр. 281. Конституція 1628 г.: съ Короны 60.000, а съ Литвы треть этой суммы, т.-е. 20.000. Какъ и прежде, упоминается при семъ о жидовскомъ «старшомъ», который даетъ присягу и собираетъ подать въ каждомъ центральномъ пунктѣ съ однимъ изъ высшихъ членовъ магистрата, также обязаннымъ

присягою. Въ 1629 г. въ Коронѣ 80.000; но отъ подымного и новоустановленныхъ пошлинъ не увольняются. А въ Литвѣ въ это время обязаны ежегодно платить по 12.000 и т. д.

Для данной эпохи, если не считать небольшую брошюру проф. Леонтовича о правахъ Литовско-русскихъ евреевъ вообще, мы собственно не имѣемъ никакихъ цѣльныхъ пособій по исторіи еврейства въ Западной Россіи, въ родѣ указанныхъ нами въ предыдущемъ томѣ нѣкоторыхъ сочиненій, особенно книги Бершадскаго, для XVI столѣтія.

Кромѣ приведенныхъ выше напечатанныхъ матеріаловъ для сей эпохи, мы имѣли подъ руками въ спискахъ цѣлое собраніе актовъ (болѣе сотни), извлеченныхъ изъ Виленскаго Центральнаго Архива, благодаря любезности предсѣдателя Виленской Археографической Комиссіи Ю. Ѳ. Крачковскаго. Весьма желательно, чтобы Комиссія приступила къ изданію этихъ актовъ, относящихся къ исторіи еврейства въ Западной Руси во второй половинѣ XVI и первой XVII вѣка. А пока, чтобы дать понятіе о качествѣ и содержаніи сообщенныхъ мнѣ актовъ, укажу нѣкоторые изъ нихъ за періодъ времени отъ 1592 по 1635 годъ. Написаны они частію по-русски, частію по-польски.

1592 годъ. 26 января. Изъ актовой книги Слонимскаго гродскаго суда Еврей Агронъ Гошевичъ вноситъ передъ мозырскимъ подкоморіемъ, подстаростою Слонимскимъ (извѣстнымъ) Иваномъ Мелешкомъ просьбу о недозволеніи другому еврею, Зелику Шмойловичу, собирать чоповое въ такихъ-то мѣстахъ, такъ какъ оно сдано ему, Гошевичу, въ аренду.

18 сентября. Еврей Моисей Шимановичъ заявляетъ тому же судьѣ о покражѣ у него крестьяниномъ изъ скрыни денегъ и разныхъ вещей, каковы: жемчугъ, полотно, золотые и серебряные перстни, сукно, кошули, простыни, воскъ и пр.

1593. Передъ тѣмъ же судьей заявленіе о томъ, что земянинъ напалъ на дорогѣ на еврея, отнялъ у него верхового коня, ружье и кордъ.

1594. Нѣсколько актовъ, заключающихъ хлопоты евреевъ о невзысканіи съ нихъ поворотнаго сбора на основаніи королевскаго листа.

Мая 21. Земянинъ жалуется на евреевъ мѣстечка Дворци, которые избили его кіями и изранили.

Октября 29. О вводѣ во владѣніе дворецкаго еврея Хаима Мошевича Полонкою, имѣніемъ пана Монтовта, которое берется за долги, за 227 копъ грошей. Тутъ перечислено нѣсколько крестьянъ сего имѣнія: «Янъкуть Станолевичъ, подъ нимъ земли волока, подъ нимъ земли полволоки, маетности рабочее не имѣетъ ничого; Степанъ Кузьмичъ, подъ нимъ земли волока, маетность его волъ одинъ; Петруть Вербачъ, подъ нимъ земли волока, маетности его волъ одинъ, кляча одна» и т. д. «Повинность тыхъ людей, яко они сами намъ поведили, ижъ въ каждымъ тыдъню по два дни на роботу ходить повинни, а съ каждое волоки въ рокъ цыншу повинни дать по гро-

шей пятьдесятъ, по ботце жита, по ботце овса, по возу сѣна, по гусяти, по курети».

1598. Января 1. Слонимскій жидъ Еська—скупщикъ покраденныхъ вещей.

Марта 5. Слонимскій жидъ-ростовщикъ Шимонъ не возвращаетъ заложенныхъ вещей, несмотря на уплату денегъ.

1603. Мая 1. Левъ Сапѣга, земскій судья Гродненскаго повѣту, жалуется на еврея Юска Шимановича, арендатора его млыновъ, корчемъ и торговыхъ пошлинъ въ мѣстечкѣ Голынцѣ, что онъ не заплатилъ арендной суммы.

Мая 27. Жалоба еврея Моисея Лазаровича, арендатора имѣнія Жировицъ, о нанесеніи ему крестьянами побоевъ и ранъ.

1605. Марта 7. Еврейка Ханна Есковна Шимановая хочетъ взять у Кристофа Гарабурды Ѳатрево за долгъ въ 540 копъ грошей, вслѣдствіе 100% обратившихся въ 1080. Но Гарабурда возному отказалъ въ выдачѣ имѣнія, и предъявилъ съ своей стороны обвиненіе въ клеветѣ; такъ какъ еврейка хвалилась, будто великій канцлеръ Левъ Сапѣга обѣщалъ у нея это село перекупить.

Апрѣля 6. Панъ Лукашъ Гарабурда даетъ заемное письмо еврейкѣ Ханнѣ Есковнѣ Шимановой съ залогомъ своего имѣнія: за 140 копъ грошей обязуется черезъ годъ уплатить 280 (опять 100%!), да еще неустойку и отвѣтствуетъ своимъ имѣніемъ.

Іюля 18. Нѣкій панъ Годебскій отказывается платить чоповый сборъ двумъ евреямъ, его арендовавшимъ, и ссылается на то, что сеймовыми постановленіями 60-хъ и 90-хъ годовъ XVI столѣтія запрещено жидамъ быть мытниками, сборщиками и арендаторами. (Разумѣется, тщетная ссылка на законы!).

Марта 24. Земянинъ Слонимскаго повѣта Иванъ Солтанъ жалуется на арендатора своего имѣнія Жировицъ, Ицхака Михелевича, что онъ съ своими пріятелями Слонимскими жидами распространилъ моровое повѣтріе въ его имѣніи. Но оказывается, что въ январѣ Солтанъ этого жида уже убилъ и имущество его ограбилъ.

Отсюда возникаетъ большое дѣло.

Апрѣля 5. По жалобѣ вдовы Михелевича Естеры, великій канцлеръ и слонимскій староста Левъ Сапѣга потребовалъ къ суду Солтана и его жену Кристину, обвиняемыхъ въ убійствѣ жида-арендатора. Судьею тотъ же слонимскій подстароста Ив. Мелешко. По апеляціи Солтана дѣло перешло въ Минскій трибуналъ. Солтанъ нашелъ было человѣка, который принялъ убійство на себя; но это ни къ чему не послужило.

1606. Августа 2. Явка баниційнаго листа на Ивана Солтана за убійство Михелевича. Минскій трибуналъ приговорилъ Солтана къ смертной казни; но тотъ бѣжалъ, и на него была объявлена баниція, т.-е. онъ поставленъ внѣ закона. Имѣніе его Жировицы осталось въ залогѣ у Естеры, вдовы Михелевича.

Августа 16. Отъ имени Ивана Мелешка, теперь уже Мстиславскаго каштеляна, и его жены Ганны Фурсовны предъявляется въ Слонимскій гродскій судъ вводный листъ на владѣніе бывшимъ Солтановымъ Жировицкимъ имѣніемъ, которое было въ заставѣ у еврейки вдовы Естеры Михелевичевны. (Очевидно, пресловутый Иванъ Мелешко ловко воспользовался преступленіемъ Солтана, чтобы завладѣть его имѣніемъ).

Апрѣля 24. Заявленіе вознаго о позвѣ шляхтичу Кондеровскому, неуплатившему въ срокъ долга жидовкѣ Хаинѣ Шимановой. Неважный самъ по себѣ актъ, но приводимъ его для наглядиаго представленія о процедурѣ судебныхъ позвовъ. А именно.

Возный Слонимскаго повѣту Григорій Ѳеонасовичъ Мизкгиръ, имѣя при себѣ стороною двухъ шляхтичей, Конопацкаго и Яновича (такіе два ассистента при возномъ вообще назывались «стороною»), явился съ позвомъ, приглашавшимъ на Трибунальный судъ, въ Руды, имѣнье пана Юрья Юрьевича Кондеровскаго, и воткнулъ позывной листъ въ большія ворота, ведущія на дворъ; причемъ объявилъ случившейся тутъ панской челяди, что этотъ позовъ сдѣланъ по жалобѣ жидовки Хаины Юсковны Шимановой о незаплатѣ сорока трехъ копъ грошей литовскихъ; а срокъ къ явкѣ на судъ въ Вильну для обѣихъ сторонъ, «поводовой и позваной», назначается четырехнедѣльный, считая со дня положенія позва въ ворота. Другой такой же позывной квитъ предъявлялся истцу на его дворѣ.

Марта 3. Заявленіе въ Слонимскій гродскій судъ объ убійствѣ жида Ильи Шмойловича крестьяниномъ пани Абрамовой Мелешковой, Гришкою Ждановичемъ, на большой дорогѣ, ради грабежа находившихся при немъ денегъ, 26 копъ грошей. Заявленіе сдѣлано паномъ Корсакомъ, урядникомъ Рожанскаго имѣнія великаго канцлера Льва Сапѣги, у котораго убитый жидъ состоялъ арендаторомъ.

Марта 10. Когда возный, Андрей Васильевичъ Мизкгиръ, и нѣсколько рожанскихъ евреевъ везли убійцу Гришку Ждановича, то дорогою напали на нихъ слуги пана Юрья Зеновича, избили и ограбили евреевъ, а убійцу у нихъ отняли. Зеновичъ виновныхъ слугъ выдалъ суду.

Марта 22. Убійца Шмойловича, выданный своей госпожей суду, пытанный и сознавшійся, осужденъ на смерть и казненъ. Представитель обвиненія, управляющій Сапѣжинскимъ имѣніемъ, Корсакъ, домогался еще головщины за убитаго; но представитель обвиненной стороны, управляющій имѣніемъ Мелешковой, Суходольскій настаивалъ на томъ, что у Гришки Ждановича нѣтъ никакой маетности и платить головщину не изъ чего. Сіе дѣло наглядно показываетъ, что еврей обыкновенно имѣетъ своего пана протектора, у котораго состоитъ кліентомъ, разумѣется, будучи въ то же время у него арендаторомъ. Этотъ, какъ покровитель, въ нужномъ случаѣ вступается за своего кліента; а тутъ, какъ видимъ, добивается кары за его убійство. Разумѣется,

смотря по силѣ и значенію своего протектора, его кліенты — евреи многое позволяли себѣ, разсчитывая на безнаказанность.

1608. Мая 10. Управляющій Полонкою, имѣніемъ пана Тризны, старосты Бобруйскаго, приноситъ жалобу на то, что жиды (кліенты) пана Пакоша напали на возвращавшагося со Свислочской ярмарки подданнаго Тризны, избили его и изранили.

Мая 2. Подобная же жалоба управляющаго имѣніемъ Софьи Завишиной на сосѣднихъ евреевъ - арендаторовъ, которые напали на его дворъ, нанесли ему тяжкіе побои и отняли нѣкоторыя вещи.

1610. Іюля 8. Такая же жалоба одной пани на Слонимскихъ евреевъ, которые дорогою напали на ея слугу и ограбили его.

Октября 10. Такая же жалоба одного шляхтича на жида, который со своими помощниками избилъ кіями его, шляхтича.

Марта 18. Опять жалоба на побои отъ жидовъ.

Марта 1. Евреи жалуются на побои отъ христіанъ.

1615. Октября 8. Жалоба шляхтича на жида, незаконно заключившаго его въ тюрьму.

1617. Февраля 4. Еврей не возвращаетъ заложенныхъ вещей, хотя получилъ долгъ.

1619. Мая 26. Жалоба на побои отъ жида крестьянину.

Іюня 16. Нападеніе евреевъ на шляхтича и грабежъ.

1626. Мая 15. Трибунальный декретъ, отмѣняющій смертный приговоръ Ошмянскаго гродскаго суда двумъ евреямъ за нападеніе на шляхтича, на основаніи присяги шести евреевъ, отрицавшихъ нападеніе.

1629. Іюня 19. Обвиненные въ смерти шляхтича, брестскіе евреи присягаютъ въ своей невинности.

Апрѣля 18. Евреи — сборщики податей присягаютъ въ правильномъ ея взиманіи.

1630. Мартъ. Два пинскіе еврея жалуются на преждевременное отнятіе у нихъ Александромъ Немиричемъ его имѣнія, которое было у нихъ въ арендѣ.

Ноября 14 и 23. Панъ Щигельскій жалуется на убійство своего гайдука евреемъ-арендаторомъ въ корчмѣ изъ пистолета. Но панъ Дольскій, у котораго этотъ еврей арендовалъ корчму, вступился и доказываетъ, что самъ Щигельскій убилъ своего гайдука, когда стрѣлялъ въ еврея и промахнулся.

1630. Декабря 28. Янъ Пясецкій, слуга и шафаръ (приказчикъ) князя Константина Вишневецкаго, старосты Черкасскаго, приноситъ слѣдующую жалобу въ Пинскій гродскій судъ. Съ байдаками, нагруженными поташомъ, онъ плылъ по Припяти до Пинска, откуда предполагалъ потомъ возами доставить его въ Брестъ. Но у Чернобыля самъ Павелъ Сапѣга, чернобыльскій державецъ, съ двумя жидами, своими арендаторами, напалъ на байдаки, стрѣлялъ изъ мушкета и задержалъ ихъ на цѣлую недѣлю, незаконно требуя мыта. Убытку

всего онъ причинилъ на 500 польскихъ злотыхъ, и хотя отпустилъ потомъ, но за зимнимъ временемъ поташъ былъ сваленъ около Пинска.

1634. Марта 24. Виленскіе евреи предъявляютъ въ Виленскій гродскій судъ требованіе объ исполненіи магистратомъ королевскаго листа, дарованнаго имъ Владиславомъ IV на его коронаціи, чтобы имъ не дѣлали помѣхи въ торговлѣ.

4 Апрѣля. Жалоба виленскихъ евреевъ на виленскихъ ремесленниковъ, которые причиняютъ имъ побои на еврейскомъ кладбищѣ.

1635. Рядъ актовъ о денежныхъ взысканіяхъ со стороны евреевъ.

4 Марта. Перечень имущества, награбленнаго въ виленской синагогѣ и у разныхъ евреевъ виленскими мѣщанами. По всѣмъ признакамъ, христіанское виленское мѣщанство вело горячую борьбу за свое существованіе; но въ концѣ концовъ жидовство, съ помощью властей, одолѣло. (См. также указанный выше актъ въ Археогр. Сборникѣ. IV. № 50).

ПОПРАВКИ.

Въ первомъ выпускѣ IV тома, т.-е. въ «Смутномъ времени», важнѣйшіе опечатки и недосмотры:

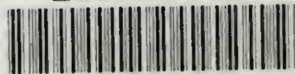
Стр. 46. Два раза сказано: іюня. Читай: іюля.
„ 65. Напечатано: въ Соловецкій. Читай: въ Кириллобѣлозерскій.
„ 69. „ 18 марта. Читай: 18 мая.
„ 150. „ Станиславъ Тышкевичъ. Читай: Станиславъ Стадницкій Скуминъ Тышкевичъ.
„ 258. „ 12 мая. Читай: 12 іюля.

Во второмъ изданіи второго тома «Исторіи Россіи:

Въ 23 примѣчаніи на стр. 17 и 18: Вейтера. Читай: Брейтера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

D02904659Z
Duke University Libraries